63.3(2)
К90

Проф. І. М. Кулишер

ИСТОРИЯ РУССКОГО НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

ТОМ ВТОРОЙ

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„М И Р"
Москва—1925

1103956.

Проф. І. М. Кулишер

ИСТОРИЯ РУССКОГО НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

ТОМ ВТОРОЙ

ГУП ИПК
"Московская правда"
Фонд-2008 г.

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„М И Р"
Москва — 1925

1103956.

ЦУНБ им. Н.А. Некрасова
Кабинет
редкой книги

ТИПОГРАФИЯ
„КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ"
имени Володарского,
Ленинград, Фонтанка, 57.

Ленинградский Гублит № 7437. Напечатано 4.000.—15.
Заказ № 296.

3.3(2)-2 +65.02

ПЕРИОД ТРЕТИЙ.

Московское государство (XVI—XVII ст.)

Источники. [1]).

Писцовые книги Московского государства, под ред. *Калачева*. Ч. I. Отд. I и II. 1877 г. Новгородские писцовые книги. Т. I—VI. 1859 — 1910. Писцовые книги Рязанского края, под ред. *Сторожева*. I. 1898. Углицкие писцовые книги, изд. *Липинским*. 1887. Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему - Новгороду. 1898. (Р. И. Б. XVII). Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Вел. *Грекова*. 1912. (Лет. зан. Арх. ком.). Книга писцовая по Новгороду Вел. *Майкова*. 1912. (Там-же). Псков и его пригороды (писцовая книга — Сб. М.А.М.Ю., т. V). Устюг Вел. Материалы для истории города XVII—XVIII ст. 1883. Вятка (Хлынов). Материалы для истории города XVII—XVIII ст. То-же Материалы по Переяславлю Рязанскому, Туле, Угличу, Ростову, Белеву, Боровску и др. городам (в «Материалах» писцовые, переписные и дозорные книги). Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и под'ячего Богдана Фадеева. 1901. (Изд. Тверской губ. уч Арх. Ком.).

Акты, собранные в библиотеках и архивах Росс. Имп. Археографич. Экспедицией Акад. Наук. Т. I — IV. 1836. Акты исторические. Т. I — V. 1841 — 42. Дополнения к Актам Историческим, Т. I — XII. 1846 — 75. Акты Юридические. 1838. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. I — III. 1857 — 84. Акты Московского государства, изд. Поповым. Т. I — III. 1890 — 1901. Сборник грамот Коллегии Экономии. Т. I. 1922. Собрание государственных грамот и договоров. Т. I—IV. 1813—28. Полное Собрание Законов. Т. I—III. Дела Тайн. Приказа. (Р.И.Б. т. XXI и XXIII). Архив *И. С. Строева*. Т. I—II. 1915—17.

Акты XIII — XV ст., представленные в Разрядный Приказ, собр. *Юшковым*. 1898. Древние грамоты и акты Рязанского края, собр. *Пискаревым*. Пермская летопись *Шишонко*. Т. I—IV. 1881 — 86. *Веселовский*. Семь сборов запросных и пятинных денег. Прил. 1909. Исследования о Двинских грамотах *Шахматова*. Описание актов собрания графа Уварова. 1905. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, *Лихачева*. Акты, относящиеся до гражд. расправы древн. России, собр. *Федотовым-Чеховским*. 1860—1863. Сборник кн. *Хилкова*. 1879. Сборник *Муханова*. 1866. Сотницы, грамоты и записи, изд. *Шумаковым*. Вып. I—VII. Уставная грамота поместного приказа *Сторожева*, 1886 (Оп. Д. М. А. М. Ю., т. VI). Акты о посадских людях-закладчиках, *Н. П. Сильванского*. 1909. (Лет. зан. Арх. Ком. XXII). Арзамасские поместные акты, изд. *Веселовским*. (Чт. Общ. Ист. и Др.). Акты писцового дела, собр. *Веселовским*. Т. I и II, ч. I. 1913 — 1917. Акты, относящ. к истории

[1]) Сокращения источников см. в т. I, стр. 5—8.

тяглого населения в Московск. госуд. *Дьяконова*, I и II. 1895—97. Архивный материал *Самоквасова*. Т. 1—II. 1904—09. Древние разрядные книги, изд. *Милюковым* (Чт. Общ. ист. и Др. 1902, I).

Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря, изд. *Шляпкиным*. 1913. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, изд. *Вихрамеев*. Т. I — III. 1896. Акты Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря, изд. *Титовым*. Грамоты и акты Вятского архиерейского дома *В—на*. 1908. Вкладная книга Антониева-Сийского монастыря 1576—1694 г. *Изюмова* (Чт. О. И. и Др. 1917. III). Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря (Зап. отд. русск. и слав. арх. Имп. Рус. Археол. Общ. I. 1851). Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря *Дебольского*. 1903. Материалы по Кирилло-Белозерскому архиву — *Н. Никольский*. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство. Т. I. Вып. II. 1910. (Прил.). Акты Иверского Святоозерского монастыря. 1582 — 1706 г. (Р. И. Б. Т. V. 1878). Приходо-расходные книги Болдина Дорогобужского монастыря. 1923. (Р. И. Б., т. XXVII). *Греков*. Монастырское хозяйство в XVI—XVII в.в. 1924. (Памятники экономической и социальной истории России, под. ред. Заозерского и Кашина).

Сводный текст крестьянских порядных, состав. слушательницами СПБ. Выс. Женск. курсов. 1910 г. Памятники истории крестьян XIV — XIX в.в. (Памятн. русск. истории. VI, 1910). Новгородские бобыльские порядные *Грекова*. (Чт. О. И. и Др.). Акты, записанные в крепостной книге XVI в. Архив истор.-юрид. свед. *Калачова* II. Новгородские кабальные книги 1597—1600 г.г. (Р.И.Б., т. XV). Записная книга крепостным актам XV — XVII в.в., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву (Р.И.Б., т. XVI). Материалы по Нижегородскому краю XVII века под ред. *Кабанова*, вып. I. Ссудные записи крестьян кн. Одоевского. 1912. *Введенский*. Торговый дом XVI—XVII ст. 1924—матер. по ист. Строгановых (Памятн. экон. и социальн. ист. России).

Якубов. Россия и Швеция в первой половине XVII в. Сборн. матер., извлеченных из Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел и Шведск. Госуд. Арх. (Чт. О. И. и Др. 1897—1898). *Гурлянд*. Иван Гебдон. Комиссариус и резидент. (Материалы). 1903. *Юрий Толстой*. Первые 40 лет сношений между Россиею и Англиею. Грамоты. 1875. Торговая книга. (Зап. Отд. русск. и слав. археологии. Имп. Археология Общ. I. 1851). Статейный список приезда и пребывания в России английск. посла Елизара Флетчера. Врем. Общ. Ист. и Древн. VIII. 1850.

Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. (Памятник XVII). Изд. Археогр. Ком. Изд. 4-е. 1906. *Крижанич*. Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича (Прилож. к «Русской Беседе» за 1859 г.).

Сочинения иностранцев XVI — XVII ст. о России того времени. Герберштейн. Записки о Московии. 1866. (Пер. Анонимова), пов. пер. Малеина. 1908. *Олеарий*. Подробное описание путешествия Гольштинского посольства. 1870. Пов. пер. Ловягина. 1906. Путешествие Корнилия де *Бруина* (Чт. О. И. и Др. 1872). *Флетчер*. О государстве русском. 2 изд. 1905. Дневник Иоанна Георга *Корба*. Пер. Женева и Семевского. 1868, пов. пер. Малеина. 1906. Путешествие в Московию *бар. Майерберга*, описанное самим бар. Майербергом (Чт. О. И. и Др. 1873). Нынешнее состояние России, описанное одним англичанином (Чт. О. И. и Др. 1846. I). Посольство *Кунрада фан Кленка* к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. Изд. Археогр. Ком. 1900. *Бернгард Таннер*. Описание путешествия польского посольства в Москву. Пер. Ивакина (Чт. О. И. и Др. 1891. III). *Курц*. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича (текст соч. Кильбургера и объяснения и дополнения к нему Курца). 1915. *Курц*. Состояние России в 1650 — 55 гг. по донесениям Родеса (Сочин. Родеса с примеч. Курца). 1915. *Павел Алеппский*. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в пол. XVII ст. (Чт. О. И. и Др. 1898). Библиотека иностран-

ных писателей о России (Семенова). Т. I. 1836. Сказания современников о Дмитрии Самозванце. 1859. Сказания Массы и Геркмана. 1874. *Hacluyts* Collection of the early voyages etc. New edit. Vol. I. 1809. Известия англичан о России во второй пол. XVI ст. (изд. *Середонина*. Чт. О. И. и Др. 1884. IV). Описание России при реляциях графа Карлейля (1663 — 64 г.г.). Историч. библ. 1879. V. Сэра Томаса *Смита*. Путешествие и пребывание в России. Пер. Болдакова. 1899. *Рейтенфельс*. Сказания светл. герцогу Тосканскому Козьме VII о Московии. 1580 г. (Чт. О. И. и Др. 1906. 1907). Rerum Rossicarum scriptores exteri, a Collegio Archeographico editi. I. *Коллинс*. Нынешнее состояние России (Чт. Общ. И. и Др. 1894. I). Записки о Московии XVI века сэра Джерома *Горсея*. 1909. Отчет Бурха и фан Фелтдриля о посольстве их в Россию в 1630 и 1631 гг., под ред. *Кордта* (Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 116). Генр. *Штаден*. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Пер. Полосина. 1925.

См. об этих сочинениях. *Adelung*. Kritisch-litterärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700. B. I — II. 1846 (есть русск. пер.). *Ключевский*. Сказания иностранцев о Московском государстве (Моск. Унив. Изв. 1866. № 7 и отдельно) *Середонин*. Сочинение Джилса Флетчера как исторический источник. 1891. *Замысловский*. Герберштейн и его историко-географические известия о России. 1884.

Период XVI—XVII ст. представляет собою эпоху перехода от натурального хозяйства к денежному. Это выражается наиболее резко в двух моментах — в замене натуральных оброков денежными и в переводе натуральных повинностей в денежную форму, в подати. Результатом того и другого явилось и превращение замкнутого самодовлеющего хозяйства в производящее для рынка, появление товарного хозяйства, ибо не только вотчинник вынужден был выбрасывать излишки своего хозяйства на рынок и обращаться к нему для удовлетворения своих потребностей, но и крестьянин для уплаты денежных оброков и податей не мог обойтись без сбыта своих продуктов. Конечно, такое превращение замкнутого хозяйства в хозяйство меновое происходит лишь постепенно, излишки обнаруживаются лишь мало по малу и еще позже сбыт из побочной функции превращается в самую цель хозяйства. Возникающий рынок носит первоначально еще местный характер, ограничивается небольшими районами, выражается в непосредственном обмене между крестьянином и ремесленником, происходящем на местных торжках.

Но вскоре, в этот же период уже обнаруживается и дальнейшее развитие. Наряду с местным рынком образуется и более широкий, хотя и не национальный, но все же охватывающий более значительные районы, устраняющий полную изолированность между различными частями страны, создающий, преимущественно вследствие различия естественных условий, связь между ними, необходимость обмена продуктами, отсутствующими в одних областях и имеющимися в избытке в других. Этот процесс начинается уже весьма скоро после появления местного рынка и имеет только частичный характер, лишь мало по малу вызывая замену его более широким рынком.

В XVII веке в этом направлении делаются лишь первые шаги. А расширение рынка влечет за собой и переход от простого товарного к капиталистическому хозяйству, обнаруживается первоначальное накопление, появляется капитал в его зачаточных формах торгового и кредитного капитала. Однако подобно тому, как отдельные области лишь постепенно сближаются и медленно создается более широкий рынок, так и капитал еще только появляется на свет и делает лишь первые шаги. Значение его в рассматриваемую эпоху преувеличивать отнюдь не следует [1]).

Эти положения подтверждаются приводимыми далее фактическими данными. К однородным выводам приходят и новейшие исследователи.

М. Н. Покровский указывает на то, что в XVI в. происходит «разрушение феодальной вотчины, как самодовлеющего экономического целого и появление землевладельца, прежде гордого в своем экономическом уединении, на рынке, как в качестве покупателя, так и в качестве продавца». Возникают мелкие городские центры, местные рынки, где производители непосредственно встречались с потребителями, обмен играл уже важную экономическую роль. Вместе с тем натуральное хозяйство заменялось денежным. В XVI веке еще деятельность торговцев имела ремесленный характер, обмен производился еще в до-капиталистической форме. Но в XVII веке появляется уже торговый капитал, происходит первоначальное накопление. В конце XVII в. были на-лицо уже все условия, необходимые для развития капитализма — были капиталы, хотя отчасти и иностранные, был внутренний рынок, были свободные рабочие руки [2]). Плеханов постоянно повторяет, что и в Московской Руси господствует натуральное хозяйство. Он упоминает наряду с этим о роли городов и развитии ремесла в XVI ст., но подчеркивает тот факт, что «колонизация вызвала запустение подмосковных городов, а это значит, что она замедлила развитие денежного хозяйства». Промышленная деятельность не сосредотачивалась в городах, а распространялась в деревенском населении, ближайшим следствием этого было замедление технического прогресса. Но и он признает, что торговый капитализм XVII в. имел громадное влияние и на внешнюю, и на внутреннюю политику московского государства [3]). «Хозяйственный переворот, — говорит Н. А. Рожков, — переход к торговому капитализму, образование обширного, национального и международного рынка совершился в России тремя последовательными этапами: первый обнимает собою вторую половину XVI в., второй — первую половину XVII в., третий относится ко второй половине XVII и первой четверти XVIII в.» [4]). Изолированность рынков,—признает он в другом месте— продолжает еще существовать в XVI в., однако, характерным явлением становится все же образование крупного внутреннего рынка, а хозяй-

[1]) См. об этом подробно ниже, гл. XVI.

[2]) М. Н. Покровский. Русск. Пер. I. 283 сл. II. 221 сл., 224 сл., 266. Ист. Культ. I, 88 сл. О капитале и наемном труде, см. ниже гл. X и XVI.

[3]) Плеханов. I. 86 сл. 103, 257.

[4]) Рожков, Арх. Ист. Тр., VIII, 7.

ство первой половины XVII века пошло по тому пути, на который оно вступило с половины предшествующего столетия, т.-е. по пути развития торгового капитализма, расчитанного на обширный национальный, отчасти даже международный, рынок [1]). П. И. Лященко обращает внимание на то, что в Московской Руси хозяйство, вообще, не приняло еще чисто товарного характера, не работало исключительно на рынок, а на него поступали только «излишки», но с другой стороны, список товаров, приводимых таможенными грамотами, «свидетельствует о широком развитии денежного и менового хозяйства», служение рынку становится необходимой данью времени, уже в XVI в. «развитие производительных сил до некоторой степени созрело для служения торговому обороту и торговому капиталу» [2]).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Территория, население, колонизация.

Литература.

Кроме указанных в т. I, стр. 9 общих сочинений (и источников— т. II, 3—5) ***Миклашевский.*** К истории хозяйственного быта Моск. гос. Ч. I. Заселение и сельское хозяйство в XVII в. 1894. Его же. Древнерусские поземельные кадастры. (Зап. Имп. Акад. Наук. 1903. VI. № 4). ***Соколовский.*** Экономический быт земледельческого населения и колонизация юго-восточных степей. 1878. ***Благовещенский.*** Четвертное право. 1899. ***Дубасов.*** Очерки из истории Тамбовского края. ***Багалей.*** Очерки из истории колонизации степной окраины Моск. госуд. 1887. Его-же. Материалы для истории колонизации. 1886—90. ***Беляев.*** О сторожевой, засечной и полевой службе на польской Украине Моск. госуд. Временн. Общ. Ист. и Др. 1846. IV. ***Перетяткович.*** Поволжье в XV и XVI в.в. 1877. Его же. Поволжье в XVII и начале XVIII в. 1882. ***Чекалин.*** Саратовское Поволжье до конца XVII века. ***Яницкий.*** Экономический кризис в Новгородской области XVII в. 1914. ***Андриашев.*** Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 г.г. 1914. ***Ешевский.*** Русская колонизация северо-восточного края. (Вестн. Евр. 1866. I). ***Любавский.*** Историческая география России в связи с колонизацией. 1909. ***Щапов.*** Историко-географическое распределение русских народностей. (Сочин. II), а также ук. ниже (сельск. хоз.) соч. Рожкова, Готье, Смирнова, Никольского; Покровский. «Население». Энц. Слов.

Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. I и II. 1922. (Очерки Чиркина, Платонова, Андреева, Бахрушина). ***Буцинский.*** Мангазея. (Зап. Харьковск. Унив. 1893. I). ***Вернадский.*** Государевы служилые и промышленные люди в Вост. Сибири в XVII в. Ж.М.Н.П. 1915. IV. Его же. Против солнца. Распространение русского госуд. к Востоку. Русск. Мысль. 1914. I. ***Лучинский.*** «Сибирь» Энциклопедич. словарь, т. 60. ***Щеглов.*** Хронологический перечень главнейших событий сибирской истории. 1883. ***Словцов.*** Историческое обозрение Сибири. 2-е изд. 1886. ***Огородников.*** Очерк ист. Сибири. ч. I—II. 1920—24.

---

[1]) Рожков. Русск. ист. IV, 1. Стр. 32, 36, 39. IV, 2. Стр. 30.
[2]) Лященко, 141 сл.

При Иване Калите Московское княжество заключало в себе не более шести городов и менее 30 тыс. кв. верст территориального владения, в начале XVI ст. оно насчитывало уже свыше 1 милл. кв. верст, а в 1689 г. при воцарении Петра Московское государство охватывало пространство в 12 милл. кв. верст, так что за период XVI—XVII ст. успело увеличиться в 11—12 раз [1]). Уже это свидетельствует о том, что экономическая жизнь Московской эпохи протекала при совершенно иных условиях, чем это имело место в предшествующий удельный период, указывает на значительные перемены в хозяйственном развитии, которые в течении этих двух веков должны были иметь место.

В 20-х г.г. XVI ст. пограничная армия стояла еще в Туле и, как видно из «росписи от Поля», устанавливающей местопребывание воевод и сторожей, граница шла еще по Оке—в средней части, далее на Рязань, Муром и Нижний-Новгород, имея авангардом Тулу. В 50-х годах она уже отделяется от Оки и уходит на юг (Карачев, Мценск, Тула, Зарайск, Михайлов, Пронск и Рязань). По Герберштейну (1549 г.), Тула «последний город к степям» и там Василий III построил каменную крепость, а у Калуги князь ежегодно ставит стражу против татарских набегов. Однако, в 50-х годах воеводы уже выходят из украинных городов и стоят в поле—в Ливнах, Ельце и Курске, хотя это пока еще только городища, станицы для выслеживания неприятеля—граница передвигается к югу [2]).

Увеличение территории с 1 до 12 милл. кв. верст об'ясняется не только присоединением обширного Сибирского царства, но и завоеванием Казани и Астрахани и в особ. овладением «диким полем», южными областями, степью. В 1566 г. появляется Орел, к концу XVI ст. уже существует ряд новых городов, созданных на «диком поле»—Курск, Воронеж, Белгород, Оскол, Валуйки, а Волга до Астрахани унизана цепью крепостей. К конце XVII века оседлые поселения доходили на юге уже до северной границы нынешней Екатеринославской губ., в Поволжьи занимали северную часть нынешней Саратовской губернии, а далее к востоку перевалили за Каму [3]).

Есть основания предполагать, что одновременно с расширением территории увеличилось и население, хотя размеры прироста его и определяют весьма различно. В. И. Покровский устанавливает цифру его в 1480 г. в 2,1 милл., сто лет спустя

---

[1]) Платонов. Лекции по русской истории. Изд. 7-е. 144. Огаповский, 106.

[2]) Герберштейн. 102. 105. Некрасов. Очерки по ист. Рязан. края XVI в. Ж. М. Н. П. 1914. IV. 283 сл. Беляев. О сторож., станичн. и полевой службе. Чт. О. И. и Др. 1846. IV. 15 сл. Багалей. Очерки из истории колониз. степной окраины. 1887. 36 сл.

[3]) Древн. разряди. книги, изд. Милюковым. Чт. Общ. Ист. и Др. 1902. I. Готье. Очерк истории землевладения в России. 1915, стр. 47. Платонов. Очерки по истории Смуты в Моск. госуд. 1899. Стр. 77, 79. Смирнов. Орловск. уезд в конце XVI в. 47 сл. См. также ниже, стр. 15.

в 4,3 милл. и еще через сто лет в 12,6 милл., так что за два века оно возросло на 10½ милл., в шесть раз, и в течение одного XVII ст. на 8,3 милл. или почти втрое [1]). По П. Н. Милюкову, оно, напротив, за полтора столетия (с пол. XVI до конца XVII ст.) увеличилось с 10—11½ на 16 милл., т.-е. всего на 5—6 милл., на 45—60%, а за период с конца XVI ст. почти не возросло, напротив, в смутное время сократилось с 15 до 12½ милл. и затем в сущности вернулось лишь к прежнему уровню, превысив его всего на один миллион [2]). Цифры Милюкова принимает и Н. Огановский, но только численность населения в половине XVI ст. он повышает до 13—14½ милл., так что с его точки зрения рост населения за полтора века получается еще меньший, уже совсем минимальный, всего в 1½—3 миллиона или на 10—25% [3]). Однако, все эти столь разноречивые подсчеты чрезвычайно гадательны и свидетельствуют лишь о том, что определить численность населения в XVI и XVII ст. и прирост его за эти два века едва ли представляется возможным [4]).

Но правдоподобным является, повидимому, предположение, вытекающее из цифр П. Н. Милюкова с поправкой Н. Огановского, что население с половины XVI ст. до конца XVII в. почти не возросло и, следовательно, сильное расширение территории Московского государства за этот период привело лишь к перераспределению населения между старыми, уже ранее заселенными областями и вновь вошедшими в состав государства местностями, колонизуемыми югом и северо-востоком. Тогда как опустошительные набеги татар, ливонские войны, голод и мор. казни Грозного, разорение смутного времени,—все это задерживало рост населения, временно, в эпоху Смуты, приводило даже к сокращению его.

XVI и XVII ст., т.-е. эпоха развития поместного землевладения и закрепощения крестьян, являются периодом массового отлива населения как из центрального замосковского района, так и из новгородской области на юг и на восток. Как указывают Ильинский и Н. Д. Чечулин, в половине XVI ст. города новгородско-псковской области были наполнены посадским населением; пустоты и в новгородских и псковских пригородах очень немного; напротив, позже замечается сокращение населения, бегство его. До 80-х годов в псковских пригородах имелось 236 пустых мест, что составляет всего 13½% жилых дворов, в 1585—88 г.г. 1686 дворов черных оказалось пустыми и сверх того еще 108 дворов духовенства и людей, живших на церков-

---

[1]) Покровский. «Население». Энц. Слов., т. 40.
[2]) Милюков. Оч. по ист. культ. I. 26.
[3]) Огановский. II. 109—10.
[4]) Ю. В. Готье определяет цифру населения в центральном районе в 1678 г. в 2 милл.; Н. Огановский увеличивает ее до 5 милл. (Готье. Замосковный край в XVII ст 1906. Стр. 269. Огановский, 111).

ной земле. В Устюжне к концу XVI ст. насчитывалось 210 дворов живущих, а пустых 17 дворов и 286 мест дворовых, в живущем почти 2 сохи, а в пустом несколько более 8 сох; «а бобыльские дворишки в сошное письмо не положены для убожества, скитаются по миру» [1]). Уже из описей 1568—69 г.г. видно, что начинается упадок торговых поселков, расположенных на новгородских путях, но пока он еще незначителен и лишь в 70-х и 80-х г.г. этот процесс совершается с большой быстротой. Поселения по наиболее важному пути, соединявшему Новгород с восточной и средней Россией и шедшему по реке Мсте, представляют картину запустения. Из 11 рядков, расположенных по этой реке и насчитывавших в 1546 г. 502 двора, в 80-х годах осталось не более 7 со 100 дворами, а по всему пути сохранилась из 31 поселка лишь половина и менее четвертой части всех дворов [2]).

В сельских местностях новгородской области, по данным Н. А. Рожкова, подсчитанным Н. Огановским, число заброшенных деревень составляло: в 1500 г. 3,2% всех поселений, в 1539—45 г.г. 10,8%, в 1560-х г.г. 6,2% напротив, в 1570-х г.г. 57,1%, в 1580—96 г.г. 82,2%; относительное число живущих (населенных) деревень к концу века, сравнительно с его началом, убавилось в 5—6 раз [3]). Такие же выводы на основании писцовых книг новгородских пятин получились у Н. Яницкого, А. М. Гневушева, К. Ф. Загорского. По писцовой книге Бежецкой пятины 1545 г. живущие поселения составляют 91%, пустые—всего 9% и таково же соотношение между живущими и пустыми обжами земли. Здесь мы находим «почти полное отсутствие пустоты, помещики энергично расширяют обрабатываемую площадь своего хозяйства за счет пустошей». Между этой переписью и следующей 1551 г. (той же Бежецкой пятины) лежит всего 6-ти летний промежуток, и все же замечается поступательное движение в виде новых распашек; «новоприбылых» поселений 254½, новораспаханной земли 116⅓ обеж, в результате пустых обеж всего 461 или 6½%. Движение в обратную сторону обнаруживается, напротив, в следующей писцовой книге Бежецкой пятины 1564 г. Деревня «пуста, не пахана и не косена, двор пуст, и хоромы развалялись»—такие указания писца часто встречаются с прибавлениями, что деревня запустела за 2, 4, 10, 12 и более лет. Писец об'ясняет и причины запустения. «От царевых податей», от того, что «землею худа, а письмом (т. е. податями) дорога», «от мора и от голода и от царевых

---

[1]) Чечулин. Города московского государства в XVI веке. 1889. Стр. 42. 73. 108. Ильинский. Городское население Новгородской области в XVI веке. Журн. Мин. Нар. Просвещ. 1876. VI, и Истор. Обозр., т. IX.

[2]) Ильинский, 277—78.

[3]) Рожков. Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в. 1899. Стр. 314 сл. Огановский, 110.

податей», «от помещикова воровства», «от помещикова насильства крестьяне разбрелись безвестно», «запустела от помещиков». Иногда крестьянское разорение проистекало от того, что и сам помещик «захудал и сшел без вестей», или крестьяне разбрелись от того, что они «захудали».

«Кризис, очевидно, начал разниваться в промежутке между двумя датами—1551 и 1564 г.г.». Следующий, более резкий фазис кризиса, представляют писцовые книги Шелонской пятины за 1571 и 1576 г.г. Согласно первой из них, пустые поселения превышают половину всех поселений (56%), среди «вопчих» поселений (т. е. принадлежащих сообща нескольким) доходят до двух третей; в 1576 г. пустое вообще равняется двум третям. Пустых обеж в первой книге две трети (64,6%), во второй—даже три четверти (76%). «Писцовые книги Шелонской пятины за 1571 и 1576 г.г. походят на громадные кладбища, среди которых кое-где бродят еще живые люди, не только отдельные деревни и поместья—целые погосты иногда стоят пусты. Земля поросла лесом; хоромы развалились». Крестьяне либо уходили—по общему правилу—либо превращались в захудалых бобылей. «Хоромы развалялись», «хоромы осыпались», «дворов нет», помещик «постригся» или «взят в опричнину». Наконец, по данным 1582—84 г.г., пустые поселения составляют в Вотской пятине 76%, в Бежецкой 88%, в Шелонской 91%, в Деревской даже 97% и только в Обонежской спускаются до 39%; общий итог живущих поселений—19,8%, пустых—80% (0,2% неизвестны). «Пустошь, что была деревня»—читаем на каждом шагу; в Вотской пятине таких 740 случаев, в Шелонской свыше 2200 [1]).

Запустение Новгородской земли во второй половине XVI ст. подтверждается и другими записями. Оно видно из обыска 1571 г. опустевших крестьянских жеребьев Вотской пятины (Кирьяжского погоста), где на каждом шагу читаем: «умер, хоромишка распались» или «немцы убили, двор сожгли, детишки под окны волочатца», «нимце... животы пограбили, дети безвестно збежали от царевых податей», «умер, двор нимце сожгли, дети одолжав безвестно збежали», «збежал, семья его з голода мертва», «опричщные живот пограбели, самого замучили» [2]). Обыкновенно сообщается, что сам владелец двора умер или убит немцами, а детей нет или они «збежали безвестно» от царских податей, иногда оказывается, что и сам хозяин и «з семьею збежал». Большей частью двор «запустил» за 1, 2, 3 года до «обыска», но в некоторых случаях он стоит пустым 15-20 и более лет. Куда бежали

---

[1]) Янишкий, 20 сл., 29, 36 сл., 41, 47, 51, 53 сл. Загорский, Ж. М. Ю. 1909. X. 194. Гнскупцев, Ж. М. П. П. 1912, 140. 143 сл.

[2]) Арх. Мат. II, 2. 59—125.

крестьяне, обычно не указано, но в некоторых случаях читаем: «пал з детьми в Поморье», «збежал в Обонежскую пятину», «запустил, двор згорил, а сам пол с детьми в Поморье», «осиротив, к морю збежал» — один ушел к морю 23 года тому назад, другой за 27 лет, третий за 33 года, в четвертом случае прошло уже 36 лет с тех пор, как он умер там [1]).

Не избег этой участи и сам Великий Новгород, который в это время потерял уже давно свое былое величие, «старел и дряхлел». В промежуток между составлением разметного списка 1545 г. и писцовой книги Леонтия Аксакова 1583-84 г.г. обнаружилась огромная убыль населения—почти на 80%. В период 1552-1583 г.г. на Софийской стороне выбыло из тягла 1.902 чел., на Торговой—476 чел., из них в первом случае $^2/_3$, во втором—80% за последние 14 лет (1570—1583 г.г.)—конец века и здесь составляет эпоху полного упадка. На Софийской стороне из 3.000 чел. осталось всего около 600 чел., на Торговой вместо 923 семей находим только 241. Среди выбывших на Софийской стороне 1902 чел. 77% умерло, а 18% обнищав сошли, из 474 на Торговой стороне 52% умерло и 45% обнищав сошли [2]).

И в другом, давно заселенном районе—центральном, тяготевшим к Москве, наблюдается во второй половине XVI ст. прогрессивное запустение. Это бросается в глаза уже в подмосковных городах. В Серпухове, описание которого относится к середине века (1552 г.), запустения еще не много—пустых дворов и дворовых мест 143 (или 9%), тогда как жилых 623 двора. В Коломне и Можайске, описание которых производилось в конце века (1578 и 1594-96 г.г.), пустота обнаруживается уже весьма сильная: в первом в живущем всего 32½ двора, в пусте же 662, во втором в живущем 205, в пусте 1573, так что пустует 91 и 89% всех дворов и дворовых мест. А для Мурома можно провести и сравнение по двум описям: 1566 и 1574 г.г.; первая дает 587 жилых дворов и 151 пустых, вторая—жилых всего 111, а пустых уже 627, т. е. в первом случае пустых всего 11, во втором—85%. В Можайской книге о 1040 дворовых местах сказано, что уже не запомнят, кто именно на них жил, и когда они запустели. Одни сошли безвестно, другие умерли, причем, как об'ясняет Н. Д. Чечулин, и вымирание свидетельствует о том же бегстве, ибо книга говорит, конечно, только о смерти хозяев этих дворов, и если после их смерти так часто дворы оказывались пустыми, то это указывает на то, что наследники их не желали жить в этих

[1]) Арх. Мат. II. 2. Стр. 60, 91, 117.

[2]) Книга писц. по Новгороду Майкова и Опись торговой стороны Б. Д. Грекова. Гневушев. Экономич. положение Великого Новгорода во второй половине XVI века. Сборн. Новгор. Общ. Любит. Древн., VI. 1912. 4. 8—14, 30—31. Ильинский. Истор. Обозр. IX. 234 сл.

дворах, уходили отсюда, вероятно, еще до смерти прежних хозяев. Запустели и Дмитров и Углич (при Грозном), как сообщает Штаден [1]).

Из писцовых книг видно (на это указывает П. А. Соколовский), что в уездах—Московском, Коломенском, Вяземском, Тульском до половины XVI ст. пустых дворов и деревень встречается относительно не много, напротив, в последние десятилетия они далеко превосходят количество жилых поселков и дворов [2]). По данным Н. А. Рожкова (подсчитанным Н. Огановским во всей центральной области, охватывающей около 20 уездов, в первой половине XVI ст. пустоши составляли всего 5%, в 1550—60-х г.г. они повысились до 14%, а в 1580—90-х г.г. достигали половины всех селений (49%). «Большая часть уездов центра была хорошо населена уже в первой половине XVI века; во всяком случае в это время незаметно отлива населения из этих уездов. Правда, восточная часть центральной области,—нынешние губернии Нижегородская и Костромская,—страдали от татарских и нагайских набегов, на что указывают и иностранцы (Кампензе) и летописи и актовый материал. Однако, в разоряемые хищниками места население довольно быстро снова приливало, так что запустения и здесь не получалось. Напротив, в 50-х—60-х г.г. оно уже начинается, в ряде центральных уездов (Московском, Рузском, Переяславль-Залесском, Суздальском, Владимирском, Тверском, Бежецком, Кашинском) отчасти заметен отлив населения. Но эти слабые зачатки с 70-х годов превращаются в интенсивное, чрезвычайно резко выраженное явление бегства крестьян из Центральной области. И это бегство, за редкими исключениями, не прекращается до самого конца века, как убедительно свидетельствует целый ряд фактов» [3]). Запустение земель замечается и к северу от Москвы, как можно усмотреть из состояния вотчин Кирилло-Белозерского монастыря в Вологодском крае. Поднехонье и южной части Белозерской области в конце XVI ст. [4]). Это совпадает и со словами Флетчера, жившего в Московском государстве в самом конце этого века, что по ту сторону Волги, по дороге между Вологдой и Ярославлем, на пространстве почти 200 верст, встречаются по крайней мере до 50 деревень, иные в пол-мили, другие, в целую милю длины, совершенно оставленные, так что в них нет ни одного жителя [5]).

Напротив, в северную часть Белозерского края, как и в Каргопольский и Двинский уезды, население в это время прибывало, садилось здесь на новь, где были «многи лесы

---

[1]) Чечулин, 173 сл. Штаден. 66—67, 72.
[2]) Соколовский, Экон. быт, 167.
[3]) Рожков. Сельск. хоз., 292 сл. 299 сл. 305 сл.
[4]) Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь, 1, 2, стр. 27 сл.
[5]) Флетчер. О государстве русском. 54.

и дебри непроходимые», росло на счет соседних областей: писцовая книга Обонежской пятины (Спасский погост), отмечая ряд запустевших обеж, прибавляет, что жившие на них крестьяне «вымерли», а иные разошлись в Белозерщину и Каргополь [1]). Как мы видели выше, обыск 1571 г. Вотской пятины также указывает на то, что население отсюда уходило в Поморье, «к морю». Но из состава населения Белозерского и Вологодского края в XVI ст. можно усмотреть, что не только из новгородских пятин, но и с юга и юго-востока туда продолжало двигаться население. Приходя в Вологодский край из Костромского и Ярославского, население, повидимому, не оставалось долго в его пределах. В XVI в. замечается отлив, с одной стороны на север в Каргопольский и Вотский уезды, с другой стороны—на северо-восток, по течению Сухоны, Двины и Вычегды. Но и тут население не остановилось, поток идет и дальше—заселяется Кольский полуостров; переселенцы из Заонежских погостов, перейдя сначала в соседний Каргопольский у., движутся к Белому морю—на Двине во второй половине XVI ст. замечается уже сельских запустение поселений [2])

Из центра население движется и в другом направлении—к югу и юго-востоку. С одной стороны, оно переходит в окраинную в то время Тульскую область (из Москвы, Серпухова, Калуги), где в 1585 г. было «пашни паханой» 8 тыс. четей, а в 1589 г. прибыло «из пуста в живущее» около 10 тыс. четей «доброю землею», т. е. количество ее более, чем удвоилось. Напротив, в то же время в Московском уезде из 100 тыс. четей пахотных пустовало 32 тыс. и сверх того 7½ тыс., за отсутствием владельцев, сдано с оброка, так что 40% земли вышло из нормального хозяйственного оборота; с 1577-78 по 1584-85 г.г. запустело 336 жилых поселений, что составляет 28% пустошей [3]). Как сообщает летопись под 1560 г., «много множество разыдеся людей из Можайска и из Волока на Рязань и в Мещеру и в понизовые городы в Нижней-Новгород». Но и здесь оно, повидимому, не оседало, а двигалось дальше, искало счастья в более далеких краях [4]). Совершается отлив населения на восток; параллельно с казанскими походами он идет в Казанскую область. Писцовые книги Казани и Свияжска 60-х годов отмечают переселенцев из других местностей—из верховых поволжских городов Нижнего-Новгорода, Балахны, Костромы, Ярославля, далее из Вологды, Вятки, Пскова, в особенности же из Москвы и ближайших к Москве областей—твер-

---

[1]) Рожков. 323 сл. 336.

[2]) Андреев. Колонизация Севера в XVI и XVII веках (Очерки по истории колонизации Севера. Вып. 1). Стр. 37 сл. 40 сл. 45 сл.

[3]) Платонов. Истор. смуты. 55. 97. Сташевский. Московск. уезд. по писцовым книгам. 32. Белоцерковский. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII ст. 167.

[4]) Летописец Русский, изд. Лебедевым, 146. (Чт. О. И. и Др. 1895. III).

ской, переяславльской, тульской, владимирской. Псковичей и тульчан явилось, повидимому, много, ибо они заселили целые улицы, названные Псковской и Тульской. Корсаков указывает на то, что в числе казанских домовладельцев встречаются потомки многих удельных князей (10 родов), которые, очевидно, получили поместья в окрестностях города, исстаринные же вотчины их находились в пределах тех областей, где княжили их предки. Вотчины упоминаемых в казанских списках князей Ярославских, Ростовских, Стародубских, Суздальских находились в верховьях Волги и по ее верховым притокам, откуда могло удобно происходить переселение их крестьян по Волге [1]). В Казанской области были поставлены и новые города—Свияжск (1551 г.), Лаишев (1557 г.), Мокшанск (1536 г.), Тетюши (1570 г.). На самой Волге между Нижним-Новгородом и Казанью построены Козьмодемьянск, Чебоксары, Кокшайск—они стерегли устья рек против черемисов. Южнее по Волге в XVI веке была уже пустыня, но в самом конце этого столетия были основаны, чтобы облегчить сообщение с Астраханью, укрепленные сторожевые пункты—Самара (1586 г.), Саратов (1590 г.), Царицын (1589 г.), для наблюдения за башкирами и ногаями был построен городок Уфа (1586 г.).

Но еще более городов было создано на юге, в степи. В половине XVI ст. появляются на границе московского центра Велев, Епифань (1576 г.), Дедилов (1554 г.), Шацк (1553 г.), Орел (1566 г.). Новый летописец (XVII ст.) рассказывает, что царь Федор Иоаннович, в виду разорений от крымских татар, «посла воевод своих со многими ратными людми на Украину, повем им поставляти грады; они же шедше поставиша грады—Белгород, Оскол, Валуйку, инии же грады прежде тех поставлены—Воронеж, Ливны, Курск, Кромы, и населиша их ратными людми казаками и стрельцами и жительными многими людми». Что касается упомянутых семи городов, то указом 1586 г. предписано было построение Ливен и Воронежа—стеречь и «Нагайскую» сторону и «Крымскую», остальные же пять городов, а также Царев-Борисов и Елец возникли в последнее десятилетие XVI века. В первой половине XVII ст. защитная линия выдвигается еще южнее, появляется ряд городов нынешней Тамбовской губернии—около 1613 г. Лебедянь, в 1636 г. Тамбов и Козлов, затем Усмань [2]).

---

[1]) Казанск. писц. кн. 1566—68 г.г., под ред. Невоструева, изд. Казанск Духовн. Акад. Корсаков. Каких городов служилые люди были помещиками и вотчинниками в Казанском крае XVI и XVII в.в.? Труды IV Археолог. С'езда в России. Т. I. 1884. Отд. II. 170 сл. Ср. также Чечулин, 237.

[2]) См. Древн. разрядн. книги, изд. Милюковым. Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1902. 1. Неволин. Общий список русских городов. Полн. собр. соч. VI. 27 сл. Чечулин. 15 сл. Платонов. Очерки по истории смуты. 77. 79. Соколовский. Экон. быт. 232. Беляев. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской

Однако, большинство городов, как мы видим, возникло во второй половине XVI ст.—это период наиболее усердной постройки их, борьбы с «диким полем». Можно удивляться тому, как много было здесь достигнуто в такой короткий срок. Но города необходимы были для защиты. Писцовая книга Орловского уезда конца XVI ст. упоминает 13 случаев полона от татарских орд, из которых 4 случая плена в самой «станице», но эти цифры, вероятно, значительно ниже действительности. Города строились на юге для обороны от врага татарина, степного хищника, подвижного и дерзкого, но «в то же время нестойкого и неуловимого», который «искрадывал» окраинные области, «а не воевал их открытою войною, полонил, грабил и пустошил страну... держал московских людей в постоянном страхе своего набега», «от татарских приходов было страшно». Первоначально население ютилось в степи в землянках и курных избах, ловя рыбу, бортничая и промышляя звериными ловлями, но осенью возвращались обратно к своим очагам, с большой опаской пробираясь по глухим лесным дорогам под угрозой татарских нападений. Для отражения врага сооружали крепости на границе, где жил постоянный гарнизон и куда могло скрываться, в случае нападения врага, окрестное население; для наблюдения же за врагом и для предупреждения его нечаянных набегов выдвигались за линию укреплений наблюдательные посты—«сторожи» и раз'езды—«станицы». Вся эта сеть укреплений и наблюдательных пунктов мало по малу спускалась с севера на юг, следуя тем полевым дорогам, которые служили и отрядам татар, дороги же и броды через реки преграждались засеками и валами [1]). По «росписи», уставу, составленному при Иоанне Грозном об охране юго-восточной окраины государства, сторожевым постам вменялось, в виду опасности нападений, «не сседати с конь», воспрещалось «сварити каша» два раза в одном и том же месте и предписывалось, «в коем месте кто полдневал, и в том месте не ночевати» [2]).

Но наряду с этой правительственной заимкой «дикого поля» производилась и частная. Несмотря на все опасности, население подвигается вперед все южнее, не только без разрешения, но и без ведома власти, оседает на новых землицах, выходит даже за пределы укрепленной границы, где защитой его являлся уже не городской вал, а природная крепость—лесная чаща [3]). Движение колонизации—говорит Ключевский—

украине Моск. госуд. Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1846 IV. 7 сл. Смирнов. Орловский уезд в конце XVI в. по писцовым книгам. 1910. Стр. 46 сл. 53 сл. Чермепский. Город Лебедянь и его уезд в XVII веке. 1913. Стр. 9 сл.

[1]) Платонов. 80 сл. 87 сл.

[2]) Ак. Моск. гос. I. № 2. Миклашевский, 9.

[3]) См. Платонов. 89. 92 сл. 96 сл. Багалей, ук. соч. Соколовский, 27.

на некоторое время было задержано в тесном междуречьи Оки и Волги. Но в XVI ст. совершился издавна подготовлявшийся перелом. «Из центрального междуречья население не только начало спускаться вниз по Волге к юго-востоку, но и пошло прямо на юг, вниз по Дону, перебиралось с верховья Оки на верховья Селги, а оттуда на верховья Донца и Оскола [1]). В 1521 г. Дон был безлюден, спустя 50 лет земли по нем уже заняты казаками. В 1574 г. число казаков возросло уже настолько, что они могли взять изгоном город Азов. К концу XVI ст. во всех станах Орловского уезда идет самая энергичная колонизационная деятельность. Переселяются сюда из Болхова, Ливен, из северских городов, Путивля, Стародуба, из приокских городов, из Калуги, Серпухова, Рязани [2]). «Первыми колонистами новых областей бывали обыкновенно новые выходцы, беглые холопы, ушедшие без расчета с землевладельцем, крестьяне, посадские и мелкие служилые люди, которым плохо жилось. Уход на юг одних заставлял думать о том же и оставшихся, податное бремя которых несоразмерно росло, по мере того, как население убывало. К 80-м годам XVI века, когда экономический кризис старых государственных областей выразился резче всего, население царства, за исключением северного Поморья, эмиграции из которого незаметно, очень значительно сползло, если можно так сказать, к югу. Это конечное явление в истории русского населения XVI века» [3]).

Таким образом, обнаруживается запустение одних областей и колонизация других, отлив населения из старых областей, где оно скучивалось в предшествующую эпоху, и заселение новых, где еще к концу XV ст. венецианец Контарини не видел ничего, кроме неба и земли, а турецкий посол Комал терпел голод, растерял всех своих коней и едва добрался пешком до Казани. Старая точка зрения, согласно которой обезлюдение центра создано Смутой, ее грабежами и пожарами, уже оставлена. Не это временное и охватывающее сравнительно небольшой период разорение, а другие более глубокие причины вызвали запустение, хотя Смута, конечно, еще усилила его. Но оно имело место еще задолго до смутного времени, как и продолжалось и впоследствии, когда поколебленная Смутой жизнь уже успела давно восстановиться.

Избранный в 1613 г. царь Михаил не без основания «с гневом и плачем» отказывался от тяжелой чести быть государем разоренного Московского царства. Опустошения, нанесенные стране смутным временем, были действительно огромны. Ту-

[1]) Ключевский. Боярская Дума. 311.
[2]) Смирнов. Орловский уезд. 58—59. 64.
[3]) Готье. Замосковный край в XVII веке. 270 сл.

шинские шайки, воры-казаки, литовцы, черкасы—все они наперерыв грабили и жгли, так что вотчины «от польских и от литовских людей и от казаков разорены, и крестьяне посечены и перемучены», хлеб «вывозили и притравили» и от него «ничего не оставили».

В сказании «о бедах и скорбях и напастях» читаем: «земля вся русская пуста от востока и до запада, от севера и до юга и не оста места, не токмо град ни веси, но сущии бежащии в горах и в пустынях и в островах не укрышася от поганых и злых человек, словесных зверей, все горко замучимы погублены быша; а кои грады осташеся от пленения неверных и те междуусобою друг друга врагом смущаеми различными смертми погубишася, инии же огнем гради попалишися, инии же голодом и мором изомроша». «Человек в 1000 едва один человек оста» [1]).

Кризис экономический не мог закончиться по прекращении Смуты. Начался он задолго до Смуты, в значительной мере и подготовил ее. Смута лишь усилила его остроту. Да и официальный конец Смуты отнюдь не означал действительного прекращения ее. Не только продолжались и после воцарения Михаила войны с поляками и шведами (только в 1617 г. был заключен мир со Швецией, а в 1618 г. с Польшей) и еще под 1618 г. отмечен «королевичев приход» (т.-е. поход королевича Владислава во главе польских и казацких войск в Москву), но и всевозможные разбойничьи шайки, воровские скопища всякого состава и происхождения попрежнему хозяйничали на протяжении обширных районов Московского государства, не было ни одной области, которая не страдала бы от их опустошений.

В 1614 г. царь говорил на соборе: «пишут к нам из замосковских и из поморских городов, что пришли в уезды воры казаки, многие люди, православных христиан избивают и жгут разными муками, денежных доходов и хлебных запасов собирать не дадут, собранную денежную казну в Москву от их воровства привезти нельзя». Собор приговорил: «послать к ворам из духовных властей, бояр и всяких чинов людей и говорит ворам, чтоб они от воровства отстали». Казакам от воров, которые хотят воровать, отобраться, списки имен своих прислать к государю и итти на службу. А которые государю служить не станут, станут вперед государю изменять, церкви божии разорять, образа обдирать, православных христиан грабить, жечь, ломать, на таких всяким государевым людям, атаманам и казакам стоять за одно и над ними промышлять, потому что они пуще и хуже литвы и немецев, и казаками этих воров не называть, чтоб прямым атаманам, которые служат, бесчестья не было. Но увещания не помогали, воры от воровства не отстают, и унять их никак нельзя, стали воровать пуще прежнего;

[1]) П. С. Р. Л. V. 56.

которые казаки хотят отстать от воровства, тем от воров уйти нельзя, потому что воры умножились [1]).

Из Волоколамского монастыря, в Козельском уезде, в 1616 г. сообщают, что казаки чернецов и монастырских слуг мучили и «что было платья и денжонок, то все вымучили... а крестьян многих переломали и пересекли и пережгли, а что было у них кляченок добрых и худых, то все поимали».

В Костромском уезде долго не забывали «литовское разоренье и русских людей войну» 1616 г. Королевичев приход вызвал усиленное бегство крестьян из Московского уезда. Из Шуйского уезда сообщают о том, что в 1619 г. «шли черкасы и крестьян многих посекли», а после черкас пришли казаки, и крестьяне «сложились с теми казаками» и «Ярополческую волость разорили». Многие поместья «запустели от недругов», «от обид запустели, крестьяне разбрелись розно», «а меня разорили недруги... до конца и выжгли усадище, а крестьянишек разогнали». Обиды «сильных людей» заключались в захвате ими земель, так же поступала и Троице-Сергиева лавра, и «великая старица» Марфа, мать Михаила Федоровича, прославившаяся всякого рода насилиями и присвоением чужого имущества.

Последствия всего этого видны из данных, приводимых Ю. Г. Готье по 30 уездам центрального района. В Можайском уезде, напр., число пустых дворов (478) превышает во много раз количество населенных крестьянских (17), в шести других уездах (Волоколамском, Новоторжском, Боровском, Тверском, Ростовском, Устюжском) первых также больше, чем вторых. Напротив, во многих других (Звенигородском, Костромском, Гороховецком, Коломенском, Романовском, Галицком) число пустых дворов и дворовых мест либо вообще ничтожно, либо, во всяком случае, составляет лишь небольшую часть крестьянских дворов—всего одну пятую, одну двенадцатую часть последних. Точно также и отношение пашни к перелогу не одинаково. Мы находим такие уезды, где количество живущей пашни не превышает 5% и такие, где оно достигает 22—50% всего пригодного и уже подвергавшегося обработке пространства. Первые лежат к западу от столицы, вторые к востоку, «признаки опустошения были тем резче, чем дальше продвигаться на запад». В сказках о землевладении московских дворян, относящихся к 1632—34 г.г., нет ни одного уезда, где не встречалось бы имений запустевших от литовского и казачьего разорения или от «междуусобные брани»: «разорено, крестьяне высечены во многие литовские приходы». От этого не могут оправиться не только вновь «жалованные поместья, но и вотчины родовые», прародительские.

[1]) Соловьев. Т. IX. 1062 сл

Эти опустошенные имения идут от Белоозера и Вологды, все увеличиваясь к центру, и достигают прямо ужасающих размеров на окраинах государства. Сама Москва была опоясана рядом таких запустевших имений [1]). Не избегли опустошения даже южные уезды, напр., местности нынешней Калужской губернии, как это видно из данных о вотчинах Троицко-Сергиева монастыря, находившихся в этой области. В Калужском уезде еще в 1630 г. было всего 11 тыс. дес. пашни паханной, но вчетверо больше десятин перелога и пашни, поросшей лесом [2]). Еще хуже обстояло дело в Орловском уезде, где из 752 крестьянских дворов, построенных в 1595 г., тридцать лет спустя осталось всего 51 и из 816 душ крестьян только 76, а пашня паханная почти совсем исчезла: из 5875 четв. сохранилось только 43 [3]).

Разорение, таким образом, не ограничилось центральными уездами: оно охватило и южные области. Мало того, оно имело место не только в Новгородско-Псковской области, но распространилось и далеко к северу на такие местности, где прежде никогда не обнаруживалось запустения, доходя вплоть до Белого моря. В 1614—15 г.г. литовцы разоряли Вологодский край и Поморье, жгли и убивали; население разбегалось по лесам. «Мы, холопи твои, от тех казаков стали наги и босы и пеши и твое царское жалование, наши поместейца, они вывоевали»[4]).

В вотчинах северных монастырей, напр., Кандалашского, они «соляные промыслы с солью выжгли и игумена, и старцев, и слуг мучили и посекли», в Кожеозерском монастыре — жалуется игумен—«лошадишка и коровенка и весь скот выгнали и побили до копыта, и хлебец весь скормили... и промыслишки соляные разорили, и братию мучили без милости [5]).

Разоренье не прекращалось и впоследствии. Еще в 1618 г. белозерский воевода Образцов и подъячий Вахрамеев сообщали о появлении литовских людей в Пошехонском уезде, на Вологде и в Белоозере и о том, что они «приходили в Корнильев монастырь и старцев и служек посекли, и казну поимали». Неудивительно, что, в виду такого положения, при всем желании выколотить подати из населения невозможно было: «посадских людей для осадного времени, конечно (совершенно) было мало и с тех многи лутчие люди с правежов

---

[1]) Готье, 230 сл. Сташевский. Землевлад. Московск. дворянства в перв. пол. XVII ст. 22 сл.

[2]) Симсон. Калужский уезд во времена Михаила Федоровича. Изв. Калужск. Учен. Архивн. Комисс. № 3, стр. 208. Лаппо-Данилевский. Прям. обл. Прил VI.

[3]) Смирнов. Орловский уезд. 84.

[4]) Арх. Строева. II. №№ 177. 184. 185. 189. А. А. Э. IH: №№ 15, 64, 69. Весловский. Семь сбор. Прил. №№ 24, 25, 29.

[5]) А. А. Э. Ш. №№ 36, 41.

разбеглись безвестно с женами и с детьми, покиня домы свои пусты» [1]).

Более пяти лет «паны» или «Литва» свирепствовали во всем северном районе—в нынешней Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской губерниях, доходя до Ненокси и Холмогор, выжигая разбросанные среди лесов и болот небольшие поселения и избивая население.

Результаты всего этого можно проследить, напр., на землях Кирилло-Белозерского монастыря. В Белозерской вотчине его в течение трех лет 1612—15 г.г. от казацкого разоренья и от черкас запустело «село, а в нем две церкви да два двора монастырских да три деревни церковных да два двора поповых да двор церковного дьячка, да 128 деревень, а в них 629 дворов пусты, да 32 места дворовых крестьянских, а крестьян в них было 824 человек да 18 дворов бобыльских пусты, а людей в них было тож, крестьян и бобылей побили черкасы и казаки» [2]). Из 1231 двора в 1617—18 г.г. осталось 145 (в 1615 г. было еще 486) и из 1450 крестьян в них 145 (в 1615 г. 486), т.-е. ровно одна десятая, тогда как число бобыльских дворов, которых было вообще очень мало (36 и 22) сократилось гораздо меньше. Крестьянской пашни было в 1618 г. вместо 6083 четвертей—253 (1615 г. еще 2236), копен сена вместо 18,8 тыс. всего—8,4 тыс. [3]).

В Кирилло-Белозерском монастыре вместо ожидавшихся в 1603 году 300 р. с вытчиков поступило всего 212 р., а после «литовского разоренья» эта сумма понизилась еще более; в 1621 г. она не превышала 180 руб. А кроме того, как сообщает монастырь в 1619 г., «монастырские казны погибло в Поморских соляных промыслах и на Москве и по городам и на дорогах и в монастыре, окроме судов серебряных, что в государеву казну взято, 14.875 руб.» [4]).

Затем идет постепенное восстановление хозяйства. По писцовым книгам Кирилло-Белозерского монастыря 1626—27 г.г. уже имелось снова дворов крестьянских живущих 812, т.-е. не только в 5—6 раз больше, чем в 1617—18 г.г., но и на две трети больше, чем в 1615 г., тогда как цифры 1612—13 г.г. еще не достигнуты (на $^1/_3$ меньше). Точно также число крестьян составляло 842—на 70% больше, чем в 1617 г., но значительно ниже 1612 г. (было 1231). В то же время число бобыльских дворов увеличилось во много раз, повысившись до 511 вместо 36 (1612 г.), 18 (1615 г.) и 32 (1617 г.), так что, соединив вместе все дворы, крестьянские и бобыльские, получим даже не-

---

[1]) А. А. Э. III. №№ 97, 98, 99, 100.
[2]) Никольский. 1. 2. Стр. 266.
[3]) Лаппо-Данилевский. Орг. прям. обложения. Прил. VI.
[4]) Никольский. 91, 261, 266.

сколько больше дворов, чем в 1612 г. (1323 вместо 1231), а населения в них почти столько же (1361 вместо 1450). Дворы и население, следовательно, восстановились, но только значительная часть крестьян превратилась в бобылей.

Описные и дозорные книги другого монастыря, Троицкого, богатейшего в России, распространяющиеся на 20 уездов и охватывающие до 200 тысяч десятин, дают однородную картину. Сначала выступает созданное Смутой запустение. Вместо 4 тыс. крестьянских дворов насчитывавшихся в 1592—94 г.г., в 1614—16 г.г. осталось всего 623 двора, т.-е. каких-нибудь 15%, тогда как бобыльские дворы почти не уменьшились (из 502 имелось 426, т.-е. 85%), так что бобыльские дворы, составлявшие до Смуты всего 11% дворов, теперь равнялись 40%. Однако, в 1624—40 г.г. количество крестьянских дворов уже снова увеличивается до 1536, т.-е. составляет в 2½ раза более, чем в 1614—16 г.г., хотя оно еще и достигает всего половины числа дворов предшествующего Смуте времени [1]).

В Тульском уезде число жилых селений с 1588 г. по 1620 г. сократилось в полтора раза (с 445 до 263), только в 1646 число селений достигает 324, а в 1678—337. При этом размеры поселений первоначально сокращаются (в 1588 г. приходится на село в среднем 15 дворов, в 1627—29 г.г. всего 12,5), но затем растут (в 1646 г. 21 двор, в 1678 г.—26), превышая цифру, существовавшую до Смуты. «В этом резком увеличении размера поселений надо искать причину медленного увеличения количества поселений. В результате в 1678 г. число дворов вполне возвращается к числу их в 1588 г., после временного уменьшения на половину в 1628 г. (1646 г. достигает уже 87%) [2]).

Не менее велико было и разорение городов. В Ростове, согласно дозорной книге 1619 г., оказалось после дозора 1614 г. «охудалых и обнищалых, которые по миру ходят, кормятся Христовым именем и побиты и посечены и которые разошлись безвестно и пожарных новых мест и дворишков 47». А кроме того, имелись пустые дворишки, которые запустели с 1609 г.: а «в иных дворишки бедные сироты и вдовины скитаютца по миру». В дозорной книге на каждом шагу встречаем отметки: «ссечен», «убит», «сошел безвесно», «ходит по миру», «скуден», «обнищал», «скитаетца по миру», «а его без вести нет» [3]). Такими же записями пестрит Рязанская писцовая книга 1626 г.: много дворов запустело «от черкасского разоренья или приходу» [4]). Точно также из выписи, хотя и сделанной в половине XVII ст., но относящейся к 1626 г., можно усмотреть

---

[1]) Никольский. 30 сл. Готье. 213 сл.
[2]) Белоцерковский. 178 сл. 186 сл.
[3]) Дозорн. кн. 1619 г. Матер. 1 сл.
[4]) Писц. кн. Переяславля-Рязанск. 1626 г. Матер. 6 сл.

в Твери в рядах на посаде большое количество пустых лавок и лавочных мест и дворовых мест. Многократно читаем: «место лавочное, а чье бывало и того люди выборные не помнят», «место пусто... крестьянина (такого-то) умер лет с пять», «место пусто... умер лет с семь», «место дворовое пусто... бродит меж двор, скитается по миру», «сшел безвестно», «выборные люди сказали, что бродит меж двор», «сшел к Москве после Литовского разоренья» [1]). Даже в Нижнем-Новгороде, имевшем важное торговое значение и не видавшем неприятеля в своих стенах, но посылавшем своих людей в войска и несшем расходы во время ополчения 1611—12 г.г., еще в 1621 г. замечается, как видно из писцовой книги, «охудение». Из 862 посадских тяглых дворов (976 чел.) насчитывалось 382 (415 чел.) «худых». Кроме того, имелось 204 двора и избы, относительно которых сказано, что «за худобою и за бедностью в тягле в сошном писме и в государевых податех с посадскими людми быть им не мочно, а для их бедности и худобы положен на них оброк, покамест хто из них оправитца» [2]).

Однородные сведения относительно «охудания» и пустующих дворов мы имеем относительно Суздаля (в 1617 г. жилых дворов было вдвое меньше, чем пустующих), Калуги (в 1626 г. оставались все «людишка молотчие сапожники да портные мастеришки» и они скитаются «без дворишков»), Кашина («остались посадцкие люди немногие»), Торжка, Мещовска, Ржева, Вязьмы и других городов [3]). Когда речь идет о «сошлых» людях, покинувших эти и другие города, то всегда оказывается, что это совершилось после «Московского разоренья» [4]).

Лишь медленно и постепенно города снова наполняются народом. В Галиче еще в 1620 г. при 263 тяглых дворах имелось 258 пустых дворов, т.-е. пустоты было 50 процентов, на торгу же на 34 лавки приходилось сотня пустых лавочных мест. Спустя 8 лет число жилых дворов (361) уже превышало пустующие дворы и места (258), но в число первых входило 172 двора «бобыльских» и «худых», которые «в сошное письмо» с тяглыми людьми не погодятся, «а имать с них оброк», остальные же были нищие, кормились «по наймам и меж двор». Лишь к середине XVII ст. Галич успел оправиться от разгрома, постигшего его в Смуту [5]).

---

[1]) Выпись из Тверск. писц. кн. Потапа Нарбекова и под'яч. Богдана Фадеева. Изд. Тверск. уч. Арх. Ком. 1901. Стр. 14 сл., 24 сл., 29 сл., 37 сл., 42 сл.

[2]) Писц. и перен. кн. по Нижн.-Новг. Ст. 190. 195—96.

[3]) Платонов. Ист. смуты, 37. Сташевский. Царств. Мих. Фед. I. 26. Рожков. Русск. Ист. IV ч. 2. Стр. 26.

[4]) А. писц. д. (изд. Веселовским). 1. № 203. А. А. Э. III. № 141.

[5]) Платонов. Ист. смуты, 33.

И Вологда сильно пострадала в Смутное время от набега поляков, которые в конце 1612 г. внезапно появились, овладели городом, людей побили, церкви и дома разорили и до основания выжгли город и посады. Из писцовой книги 1627 г. видно, что к этому времени Вологда уже отчасти поправилась, однако и теперь еще наряду с 591 жилыми дворами на посаде насчитывалось 330 пустых дворовых мест и среди жилых дворов 89, в виду бедности, не несли тягла, а платили только оброк, а 59 дворов настолько обхудали, что вообще к обложению не привлекались. В писцовой книге часто встречаются указания: «двор (или дворовое место) пуст, а его в Вологоцкое разоренье убили Литовские люди», «дворовое место пусто, сшел безвестно с Вологоцкого раззоренья». Убитых показано 82 человека, безвестно ушедших 100 чел., дворы их и места стоят пустые. Только переписная книга 1678 г. свидетельствует уже о благоприятных условиях жизни Вологды [1]).

В Торопце по переписной книге 1646 г. население увеличилось в восемь раз, по сравнению с 20-ми годами XVII ст., но и теперь еще из 339 дворов 118 оказалось обнищалых; 20 хозяев переселилось в уезд, некоторые бежали в Новгород, Псков, Великие Луки, много нищих скиталось меж двор [2]). Улучшение произошло не ранее половины XVII века. В списке имений Московского дворянства 1632 г. «разоренными» или «пустыми» городами именуются: Тверь, Казань, Переяславль-Залесский, Юрьев-Польский, Волок, Вязьма, еще более Торопец, Холм, Боровск, Мещовск, Козельск, Медынь. Так что заявление московского правительства на земском соборе 1634 г., что государство пришло в достоинство и «во всех своих животах люди пополнилися гораздо», было, повидимому, преждевременно. Писал ведь еще в этом году Серпуховский воевода, что «поместишка и вотчинишка разорены без остатку», а сам он от ран изувечен, а сборщики пятинных денег 1634 г. сообщали, что меж Воротынска, Козельска, Мещовска, Масальска, Медыни «стоят многие польские и литовские люди, и черкасы, и казаки, и шиши и всякие воровские люди, и нам, холопам твоим, для своего государева дела проехать не мочно». Но такие нападения литовцев происходили в ряде других местностей— в Карачеве, Брянске, Севске, Рыльске, Путивле, Курске [3]).

Однако,—как указывает Ю. В. Готье—«резкий, но короткий кризис смутного времени не столько уничтожил, сколько распугал население». В описаниях 20-х годов не раз встречается известие о крестьянах, «вымерших в лихолетье», «побитых от

---

[1]) Мерцалов. Вологод. Стар. 1889. Стр. 35, 39, 57—59.

[2]) Богоявленский. Некот. статист. данные по ист. русск. города XVII ст. Труды археограф. ком. Моск.-Археолог. Общ. I. 3. 1899. Стр. 388.

[3]) Сташевский. Землевл. Москов. двор. 23. Его-же. Пятина 142 г. Ж. М. Н. П. 1912. IV. 252. 313.

польских и литовских людей»,и «в полон поиманных», но еще чаще сообщается о том, что они «збрели безвестно» или «ходят по миру», «с страху и с ужасти скитаются по лесу и по болоту». «Как только началось замирение страны, бродившее и скрывавшееся по лесам население начало возвращаться на прежние места, опустевшие деревни стали заселяться вновь, запущенные поля стали распахиваться». Другая же часть покинувшего свои места населения «уходила по тем же излюбленным направлениям, по тем же издавна проторенным дорогам, которые вели на юг и в Поволжье... Смута нарушила весь нормальный ход русской жизни... но не могла изменить направления, по которому неуклонно перемещалось русское население, не могла остановить той тяги на юг, того сползания населения по географической карте, какое впервые обозначилось за пол-века до смутного времени... Колонизация южных областей в XVII ст. происходила в еще более широких рамках и размерах, нежели до смутного времени» [1]).

Из Твери, Ярославля и других «верховых» городов идет движение в Нижний-Новгород, в последнем находим в пол. XVII ст. приходцев из очень разнообразных, иногда отдаленных городов и уездов, «старинные» же нижегородские люди направляются в понизовые города и в Астрахань. В Твери, напр., «чувствуется быстрый темп движения населения, главным образом отлив его на юг вниз по Волге». Таким образом через Нижний-Новгород совершается колонизация по Волге вплоть до устья ее. В то время, как другие города, в том числе верховые, из фискальных соображений, настаивают на возвращении им «схожих» посадских людей, Нижний Новгород готов примириться с переселением своих жителей в другие места с тем лишь, чтобы ему оставили и перешедших из других городов тяглецов. «Тех людей из понизовых городов и из Астрахани вели, государь, отдать в Нижний-Новгород на посад или в тех, государь, людей место, против того числа вели, государь, жить в Нижнем-Новгороде тем схожим людем разных городов, которые живут в Нижнем и в писцове книге написаны». Поощряя колонизацию, приказ Сыскных дел освобождает от возвращения сошедших в низовые города, в еще заселяющиеся Саратов и Астрахань: «а с Астрахани и из Саратова в верховые города посадских людей имать не велено» [2]).

Насколько силен был приток населения на юг, видно из того, что, напр., в Воронежском уезде в промежуток времени между 1615 и 1629 г.г. вместо 51 поселения, обозначенного

---

[1]) Готье. 247. 271 сл.

[2]) Шаховская. Сыск посадских тяглецов и закладчиков в перв. пол. XVII в. Ж. М. Н. П. 1914. X. 297. 301, 311.

в писцовой книге 1615 г., в книге 1629 г. мы находим их 62. Помещики в 1615 г. владели 17.102 четв. полевой земли, и количество это возросло к 1629 г. до 34.606 четв., т.-е. увеличилось более, чем в два раза. В Белгородском уезде (в трех станах) в 1626 г. имелось 23 поселения, в 1646 г. 35, а в 1678 г. 63, т.-е. за полвека число их возросло почти втрое. Число помещиков увеличилось с 279 в 1646 г. до 1312 в 1678 г. В 14 южных городах всего за 9 лет прибавилось 4.380 человек населения (с 9.006 до 13.386), оно повысилось в полтора раза [1]). Одним из первых и главных колонизаторов южного края был родственник царя Михаила, боярин Иван Никитич Романов, крупный землевладелец, вотчины которого распространились на целый ряд уездов. Дикое поле обращало особое внимание его. При царе Михаиле из центра Романова-Городища потянулись выселки по всему Лебедянскому, Елецкому, Ряжскому и, может быть, Воронежскому уездам; рядом с этим шло основание боярских поселений в Мещовском, Масальском и других уездах [2]). Заселение Лебедянского уезда вообще начинается только после смутного времени [3]).

Движение за Урал, за «Камень» началось уже весьма рано. Новгородцы с давних пор ходили в Югру, т.-е. в область нижней Оби, заселенную остяками. В грамотах XIII в. Югра фигурирует в числе новгородских волостей, хотя зависимость остяцких князьков, повидимому, ограничивалась нерегулярной уплатой Новгороду дани соболиными мехами. В XVI ст. в поисках пушнины поморские промышленники идут как сушей «в Мангазею и в Енисею», так и «морем-океаном мимо Пустозерский острог». С Камы Строгановы посылают своих людей «соболей и куниц и бобров и всякого звери ловити» и такой же характер военно-промышленной экспедиции имел и знаменитый поход Ермака, стоявшего во главе наемных казаков и собственных людей Строгановых. Целью его являлось взять ясак, т.-е. дань мехами с туземцев, и лишь случайно из разбойничьего набега экспедиция превратилась в нечто гораздо большее, закончившееся разгромом Сибирского царства. Это, конечно, еще не значит, что Сибирь была уже завоевана, но это был первый и важный шаг в указанном направлении. Обнаруживается усиленное стремление вперед русского элемента, проникшего за Урал, и по мере того, как «испромышляется» соболь в Западной Сибири, промышленные люди, в поисках новых «соболиных мест», проникают все дальше на восток и открывают новые «неясачные землицы». В 1586 г. была зало-

---

[1]) Миклашевский. 117. 201 сл. 209 сл.
[2]) Сташевский. К истории колонизации юга. 1913. Стр. 3 сл.
[3]) Чермепский. Город Лебедянь и его уезд в XVII в. 1913.

жена Тюмень, в 1587 г.—Тобольск, в 1593 т. возник Пелым, в 1604 г.—Томск, в 1618 г.—Енисейск. В Сибирь движется население с Поморья—холмогорцы, мезенцы, кевролцы, как и жители крупных центров торговли пушниной на Печерском пути—Устюга и Соли Вычегодской с их уездами. Поморские воеводы жалуются на то, что, вследствие отлива населения в Сибирь, «учинилась в Устюжском и Усольском уезде великая пустота» [1]). Действительно, из записанных в 1678 г. 9,1 тыс. податного населения Соли Вычегодской исчезло почти 8 тысяч или 87 проц. и заменилось вновь прибывшими. При этом более одной трети бежало от своего тягла, главным образом, в Сибирь. В «приписных Сибирской губернии» городах Кунгуре, Яренске, Соликамске, Чердыни, Кайгородке, Вятке наблюдается, напротив, прирост населения, как результат иммиграции. Но это был лишь переходный этап колонизационного движения в Сибирь, население отправлялось дальше. Именно в то время, как население Европейской России к концу XVII ст. сокращается, в Сибири замечается значительный рост его. В 1678 г. считалось в «Сибирских городах» 10,2 тыс. дворов посадских и крестьян, тогда как, согласно «ведению» 1706 г., уже 18,6 тыс. дворов, т.-е. на 85 проц. больше [2]).

Из приведенных данных можно уже сделать некоторые выводы относительно влияния перемен в хозяйственной жизни рассматриваемого периода на положение крестьян. Крестьяне либо вымирали, либо «брели розно», и в том и в другом случае землевладельцы, в особенности, наиболее мелкие и слабые, должны были страдать, вследствие отсутствия их, от запустения земель. Их стремление должно было направляться к удержанию крестьян и на этой же точке зрения стояло и правительство, которое было заинтересовано в сохранении служилого поместного землевладения. Интересы крупных вотчинников были противоположны. И они, конечно, старались удержать у себя крестьян, но они пострадали меньше от опустошений и для них нередко гораздо выгоднее было привлекать к себе крестьян, ушедших из других земель. Так что они во многих случаях, были заинтересованы в передвижении населения. Получалось противоречие интересов мелкого, вновь народившегося, дворянства и старых бояр-вотчинников (См. об этом ниже, гл. 3 и 4).

---

[1]) Бахрушин. Историч. очерк заселения Сибири. (Очерк по истории колонизации Севера и Сибири). П. 1922. Буцинский. Мангазея. Зап. Харьк. Унив. 1873. Вернадский. Государ. служилые и промышленные люди в Вост. Сибири XVII в. Журн. М. Н. П. 1915. IV. Его-же. Против солнца. Распространение русск. госуд. к востоку. «Русск. Мысль». 1914. 1. Словцов Истор. Сибири. 2 изд. 1886. Щеглов. Хронол. перечень главн. событ. Сибир. истории. 1883. Щапов. Истор.-географ. распред. русск. народн (Соч. II). Лучинский. «Сибирь» в Энц. слов. т. 60. Огородников. Очерк истории Сибири. I. 1920.

[2]) Милюков. Госуд. хозяйство в конце XVII ст. и реформа Петра. 198 сл.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сельское хозяйство.

Литература.

Кроме ук. в т. I, стр. 9 сочинений общего характера (и источников т. II, 3 сл). *Рожков.* Сельское хозяйство Московской Руси XVI века. 1899. *Забелин.* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве. Вестн. Европы 1871. Кн. I и II. Его же. Книги посевные, ужинные и умолотные в имении Морозова (Врем. Общ. Ист. и Др. VII). *Заозерский.* Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. 1917. *Готье.* Замосковный край в XVII в. 1906. *Никольский.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство. Т. I., ч. 2. 1910. *Сторожев.* Из истории сельскохозяйственного быта Костромского Ипатьевского и Богоявленского монастырей. (Чтен. Общ. Ист. и Др. 1894. I). *Тхоржевский.* Государств. земледелие на южной окраине Московск. госуд. в XVII в. Арх. Ист. Тр. 1923. VIII. *Пономарев.* Истор. обзор правительств. мероприятий к развитию сельского хозяйства в России. 1888. *Миклашевский.* К истории хозяйственного быта Московского государства. I. 1894.

Относительно системы земледелия, господствовавшей до XVI ст., у нас нет почти никаких сведений. Но и данные, касающиеся XVI и XVII ст., отнюдь не отличаются ясностью и определенностью. Наряду с пашней пахапой или «живущей», регулярно обрабатываемой, и с перелогом, т. е. запущенной на отдых пашней (иногда поросшей лесом), источники упоминают постоянно и о пашне наезжей, которая иногда достигает значительных размеров. Эти наезды обрабатываются случайно, урывками, не подлежат налогам. Н. А. Рожков считает их явлением регрессивным с хозяйственной точки зрения: это земли, прежде обрабатываемые, ныне брошенные; он ссылается на такие выражения, как: «а в пусте сошного письма и с наезжею пашнею», «и те приказные люди те монастырские деревни многие пахали наездом, и оттого те их села и деревни позапустели» [1]).

Наезжая пашня, следовательно, причисляется к лежащей впусте, запустение образуется, вследствие нерасчетливой, хищнической эксплоатации земли при наезде. В противоположность этому, Ключевский не усматривает в ней ухудшения хлебопашества, считает ее признаком не упадка, а зачатков земледелия там, где его не было, или средством поддержания его, где оно падало. «Наездом или разрабатывались пустоши, или обрабатывались доли, покинутые прежними работниками. Увеличивался рабочий состав двора, а вместе с ним рабочий инвентарь, распахивалась по близости пустошь, на которой потом садился на льготе отделившийся сын от отца, либо брат от брата и т. п. Тогда пустая пашня, пахалия наездом, превращалась в жилой починок или деревню» [2]). Эту точку зрения развивает дальше Ю. В. Готье, указывая

---

[1]) Рожков. Сельское хозяйство в XVI в., 64.

[2]) Ключевский. Отчет о 44-м присуждении наград графа Уварова. 3-й сборник статей, стр. 470.

на то, что, как видно из самого названия, речь идет об участке пашни, который обрабатывают «наезжая», но не живя при нем; как видно из писцовых книг, «это почти всегда участок земли на пустоши, состоящий в оброчном владении за лицом, его запахавшим»; в некоторых случаях вместо наезжей она именуется «пустотной», т. е. находящейся на пустошах, на пустом незаселенном участке. В пользу этого взгляда и против предположения Н. А. Рожкова, что наезжая пашня означает упадок хозяйства, говорит, по мнению Ю. В. Готье, и то обстоятельство, что ни в конце XVI века, ни в эпоху смуты, ни следующего за ней периода, незаметно увеличения доли наезжей пашни [1]).

С. Б. Веселовский также полагает, что пахать наездом означало лишь обрабатывать землю, от'езжая более или менее далеко от своего усадбища, но не живя при ней. Но из этого он делает вывод, что наезжая пашня не обозначает ни упадка, ни успехов земледелия. Наезд мог обусловливаться и желанием расширить свои пахоти, захватывая новые земли и расчищая леса, он мог вызываться и тем, что землевладелец не жил в поместье, а лишь временно наезжал, или отдавал ее в оброк другим лицам, которые лишь по временам обрабатывали ее, наезжая из своих деревень. На севере наезжая или отхожая пашня, как ее там называли, была явлением нормальным и неизбежным, потому что скудная почва быстро истощалась и требовала отдыха, почему приходилось пахать уезжая более или менее далеко от своего двора. Во всяком случае наезд свидетельствовал о том, что земля не поростала лесом и потому не становилась трудно доступной для обработки [2]) [3]).

Наконец, некоторые авторы (В. Н. Седашев, В. Ф. Загорский, Е. Д. Сташевский) обращают главное внимание на то обстоятельство, что наезжая пашня не шла в оклад, что и побуждало население развивать ее, в целях уменьшения податного бремени [4]). В интересах «оживления» земель, перевода их из «пуста» в живущее, государство готово было итти на эти жертвы. Однако ему приходилось бороться со злоупотреблениями, почему Судебник 1589 г. допускает обработку пашни наездом лишь в течении 3-х лет: «а кто наездом деревню пашет, и ему больше трех годов не пахать наездом, любо скупать, любо спродавати с суда и с жеребья» [5]).

Действительно, в наказах писцам упоминается «про отхожие пашни и про припашни», говорится, что крестьяне «пашут пашню на сторонах, наймуя у монастырей и у всяких людей мимо государевых земель, а свои будет у них в государевых в черных землях пашни лежат в пусте». Но возможны и такие случаи, когда они «пашни свои пашут сполна, а на сторонах пашут же сверх своих пашень для прибыли»;

---

[1]) Готье. Замосковный край. 145 сл.

[2]) Веселовский. Сошное письмо. Т. II. 1916. Стр. 205—15.

[3]) С. Б. Веселовский указывает на то, что и угодьями пользуются наездом: «отошли будет которые далече и ведают будет которые бортники ухожии свои бортные леса и бобровые и рыбные ловли и иные всякие угодья из тех сел и деревень наездом». (1627 г.).

[4]) Седашев. Очерки и мат. по ист. землевлад. в Моск. Руси XVII ст. 63. Сташевский. Ист. царств. Мих. Федор. Загорский, ук. соч. Ж. М. Ю.

[5]) Судебн. Царя Федора Иоанновича, ст. 161.

тогда им следует давать «в наем, в тягло или из выдельного снопа государевы пустые земли», чтобы они «в пусте не были» [1]).

Итак, речь идет о пустошах, отдаленных от жилья, еще не вполне разработанных и потому часто не входящих в тягло; впрочем в северных областях они обычно были в тягле. Оба момента—свойства незаселенного пустого, отдаленного от деревни участка и свобода от обложения совпадают. О наличности этих пашен мы узнаем лишь потому, что они не попадают в оклад. Но уже в первой половине XVII ст. обложение по сохам (сошное письмо) было заменено подворным («живущей четвертью») и поэтому характер пашен потерял свое значение—пашня паханая и пашня наездом постепенно перестают различаться, сливаются вместе [2]).

Наряду с вопросом о наезжей пашне возникает еще и другой. Обычное выражение писцовых книг «пашни столько то в поле, а в дву потому ж» толкуют обыкновенно в смысле существования трехпольного севооборота. Но в тех же писцовых книгах—как указывает И. Н. Миклашевский — упоминается о сенных покосах во всех трех полях в пашне, которая поросла лесом, так что в этих случаях ни о трехпольной системе полеводства, ни вообще о каком-либо возделывании земли говорить невозможно. Так напр., читаем «а четвертями того лесу пашни добрые земли 736 чети в поле, а в дву потому ж», лесу пашенного две десятины во все три поля», «и в поляне пашни паханой и на пашню дикого поля 10 чети да логу на сено жать три чети: обоего 13 чети в поле, а в одну потомуж» [3]). Ю. В. Готье и полагает, что указанный «способ исчисления, подразумевающий всегда существование как бы трех полей, есть только обычный технический прием писца, выражавшего размеры описанных им земель наиболее простыми и всем доступными понятиями» [4]).

При таких условиях, очевидно, уверенности в том, что речь идет о трехпольной системе, не может быть, указания же относительно пашни наездом, размеры которой, даже в одновременных описаниях, в виду различного понятия о наезде, резко колеблются (от 3 до 33%) [5]), необходимо вовсе исключить, ограничиваясь сопоставлением количества живущей пашни с перелогом, и на основании этого различать, с одной стороны, паровую зерновую систему, если залежь составляет менее половины всей пахотной земли, а с другой, переложную систему, раз залежь превышает эту норму.

Относительно характера земледелия мы получаем для XVI века довольно пеструю картину. Рядом с местностями, где преобладает паровая зерновая система, находим и такие, где господствует переложная или даже подсечная (или лядинная)

---

[1]) Ак. писц. д. Весловского. II, 1. № 28, стр. 67. № 183 ,стр. 454. 456. Ср. Гневушев. Крестьяне на землях дворцовых Новг. области. Ж. М. Н. П. 1915. IX. 37.

[2]) Готье, 149 сл.

[3]) Миклашевский, 39 сл.

[4]) Готье, 433.

[5]) Весловский. Сошное письмо II. 409.

на росчистях и изобилующих лесом местах. На севере, напр., имелись, повидимому, все эти три системы земледелия одновременно, хотя и в различных местностях, а наряду с ними и области, где хлебопашества вовсе не существовало, а население занималось лишь рыбной и звериной ловлей, добыванием соли, иногда и скотоводством [1]). Но и в отношении южных степей нельзя говорить об одной какой-либо преобладающей системе. В таких уездах, как напр., Веневский, господствовала зерновая система, в других, как Тульском, Каширском, Епифанском, распахивались участки еще нетронутого «дикого поля», но вскоре забрасывались и обращались в перелог [2]), или даже поростали лесом. В Орловском и некоторых других уездах это была, повидимому, и залежная, и лесопольная форма, причем (разумеется) «система эта нерегулированная, т.-е. в ней нет правильного, постоянного срока обращения залежи вновь под пашню». Кроме того, на юге существует большой запас не использованной, не взятой под культуру земли—дикого поля (в Орловском уезде в конце XVI ст. 82 проц.), этой пашни в будущем. А в таких уездах, как Темниковский или Шацкий, имелся в XVI стол. только лес и дикое поле, и жили бортники да рыболовы и ходили «многие разные люди без наших (т.-е. царских) грамот и безоброчно». В общем перелог составлял в степной области 62 проц., в Поволжьи даже 75 проц. пахотной земли [3]).

Что касается центральной области и Новгородско-Псковской, то в первой половине XVI ст. господствовала и тут и там паровая зерновая, повидимому, трехпольная система—пашня пахотная живущая равнялась 96 проц. всей пахотной земли, перелог же и наезды, вместе взятые, составляли не более 5 проц. Но к концу века, в связи с запустением земель, паровая зерновая система исчезла и сменилась переложной или, вернее, по выражению Ю. В. Готье, полным отсутствием всякой системы—обработка участка и оставление его зависели от случайных обстоятельств. В центральной области все же пашня паханная составляла еще третью часть земли, в Новгородской же упала до нескольких процентов [4]). Согласно писцовой книге Бежецкой пятины 1495 г., живущая пашня достигала 92 проц. всей пашни, по книге 1564 г. той же пятины—80 проц.

---

[1]) Ефименко. Исслед. народн. жизни. 201 сл. Соколовский. Экон. быт, 19. Рожков, 84 сл. 87.

[2]) Перелог писцовых книг, как указывает Н. А. Благовещенский (Четвертное право. 1899. стр. 2), отнюдь нельзя смешивать с переложной системой; это то, что когда то пахалось, но в момент регистрации уже не пашется. См. Сташевский. Моск. уезд. 28.

[3]) Смирнов. 158 сл. Милюков. Очерки I. 78. Рожков, 97 сл. Огановский, 182.

[4]) Рожков, 64 сл., 66 сл. Огановский, 116.

Напротив, в писцовой книге Шелонской пятины 1567 г. распределение пашни уже совершенно иное: пашня живущая—всего 23 проц., переложная—39 проц., лесом поросшая—15 проц., кустарником поросшая—1 проц., пустая—21 проц. Наконец, в 1582—84 г.г. во всех пятинах живущая пашня не превышала 7 проц., тогда как 71 проц. приходился на долю перелога, а 21 проц. представляла собой поросшая лесом пахоть [1]).

Смутное время и последующие десятилетия, характеризуемые продолжением и обострением того же экономического кризиса, должны были и в центральной области привести к такому же полному запустению пашни. Наряду с сокращением числа дворов и людей, в них живущих, кризис выразился именно в сокращении размеров пахоти до крайних пределов. Так, по описаниям Троицких вотчин 1592—94 г.г., пашня составляла 24 тысячи четей в поле, а перелог—40 тысяч, получалось соотношение как 37:63, т.-е. перелог уже охватывал две трети. В 1614—16 г.г. пашня сократилась до 1 тысячи четей, т.-е. почти совсем исчезла, перелог же вырос до 54 тыс. четей, соотношение было, как 2 : 98. Еще позже в 1612—40 г.г. пашня снова расширилась до 10 тысяч, а перелог упал до 35 тысяч и соотношение оказалось 23:77. Замечается вновь улучшение, но даже положение конца XVI ст. не было еще достигнуто. В 40-х годах постепенно вновь устанавливается паровая зерновая система, но оставалось все еще много запущенных земель, «старая пустота», следы разорения смутного времени, и этим, повидимому, об'ясняется значительное количество перелога, насчитываемого писцами. Наконец, к концу XVII века паровая зерновая система опять завоевала себе первенствующее место в центральных областях. Пашня пахатная уже доходила до 60 проц. всего поля, хотя еще не достигала и теперь той цифры, которую мы наблюдаем в середине XVI века, перелог всюду сохраняется [2]). Почти полное исчезновение его в первой половине XVI стол. следует, быть может, рассматривать, как явление временное и случайное.

Удобрение полей навозом уже известно в рассматриваемую эпоху. Крестьяне обязаны «гной», «назем» или «навоз» на «землю возити», «навоз» возити на великого князя пашню и (из) своих дворов по тридцати колышек на десятину», «навоз на пашню возити с монастырских и с конюшенных и с животных дворов», «навоз по вся годы на поля вывозить» [3]). В по-

---

[1]) Яницкий, 21—32, 47, 88.

[2]) Готье, 213, 443 сл. 448. См. также Заозерский, Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, 1917, стр. 111 сл.

[3]) А. Ю. № 184. А. А. Э. IV, 217. Опис. акт. гр. Уварова № 154. Ефименко, 201 сл. Рожков. 110 сл. Никольский, Кирилло-Белоз. монаст. II, 59. Готье. 455 сл. Доброклонский. Солотчинский монаст. 75. Островская. Земельный быт русск. севера. 219.

рядных конца XVI ст. постоянно упоминается обязанность крестьянина «гной на землю возити», «навозы на землю возити» [1]). «А у кого которые пустоши подняти под рош и навозом навожены»,—читаем в новгородских ямских книгах 1600 г. [2]). Ради удобрения заводились скотные дворы: «а буде на Похорской мельнице скотного двора не построить, то на тех вышеписанных полях впредь хлеба сеять будет не для чего, потому что земля худа гораздо». В государевых вотчинах плату за «возку» навоза расчитывали с 1000 возов в размере «60 рублев да 5 ведер вина»—очевидно удобрение производилось здесь в широких размерах [3]).

Флетчер перечисляет целый ряд хлебов, возделываемых в Московском государстве, пшеницу, рожь, ячмень, овес, горох, гречу, просо, и утверждает, что они произрастают даже в избытке [4]). Олеарий главным образом подчеркивает, что земля родит рожь и пшеницу [5]). Однако из оброков, доставляемых крестьянами, видно, что основными посевными злаками были рожь и яровой овес, сеяли также гречиху и ячмень, иногда полбу, просо; на севере нередко сеялся из всех хлебов один только ячмень. Гораздо реже и в меньших количествах разводилась пшеница: в оброках на 12 четвертей ржи приходилось не более 2 четвертей пшеницы [6]). Если возьмем Новгородские писцовые книги, напр., книги Бежецкой пятины XVI ст., то увидим, что поскольку там вообще указан доход и поскольку последний не выражен в деньгах или при натуральном доходе не сказано просто: «а хлеба всякого посном», он уплачивается в ржи и в овсе—«а доходу дают 2 (одну, три) коробьи или четверти овса, да за мелкой доход деньгами». Или же если указана и пшеница, то ее доля несравненно меньше, чем прочих хлебов: напр., 10⅝ коробей ржи, 10⅝ овса, 8½ солоду, но всего 2⅛ пшеницы [7]).

В жаловалной грамоте архимандриту, попам, дьяконам, старцам Похвало-Богородицкого и Рождественского монастырей в Переславле в 1540 г. царь жалует ежегодную ругу в виде ржи, овса и соли в определенном количестве на каждого, а сверх того им всем вместе 10 четей пшеницы, но только на «проскуры» (просфоры) [8]).

---

[1]) Своди. текст крест. подрядных 1910 Отд. VI.

[2]) Новгор. ямск. кн. Гурлянда, 103, 105—06.

[3]) Заозерский, 112 сл. По Штадену (стр. 76), впрочем навоз спускается в реки.

[4]) Флетчер. О государстве русск. 11.

[5]) Олеарий. Подробн. описан. путешеств. Гольштинск. посольства. Пер. 1870, стр. 117.

[6]) Рожков, 118 сл., Готье, 456 сл. Костомаров. Очерк ист. торг. Моск. гос. 232.

[7]) Новгор. писц. кн. VI. См. напр. ст. 588, 726, 823 сл., 831, 890 сл. 947 сл. 952 и др.

[8]) А. А. Э., I, № 291.

По списи Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. вотчины его, в количестве 880 деревень, обязаны были до сих пор доставлять хлебный оброк в 2154 четверти ржи, 3076 четв. овса, 525 четв. ячменя и всего 271 четв. пшеницы. По новой устанавливаемой описью раскладке оброк определяется в 1229 четв. ржи, 1170 четв. овса, 175 четв. ячменя и 46 четв. пшеницы [1]). Здесь резко выступает важное значение ржи и овса и незначительность посевов ячменя и особенно пшеницы. Даже на государевой десятинной пашне находим, напр., 39 десятин ржи и 25 десятин овса и всего 10 десятин пшеницы, а в 1667 г. велено выслать к Москве из Домоделовской волости свыше 10 тыс. четв. зерна, из них всего 300 четв. пшеницы [2]). В Костромском Ипатьевском монастыре в 1657 г. было посеяно 860 четв. овса, 662 ржи и 180 ячменя, но всего 41 четв. пшеницы, в костромском Богоявленском монастыре в том же году 689 четв. овса, 318 ржи, 39 ячменя и только 3 четв. пшеницы [3]). Впрочем боярин Морозов (в 1659 г.) приказывает прислать из своих нижегородских вотчин «50 четвертей муки пшеничной, самой доброй, да 30 четей пшеницы самой же доброй: в которой моей вотчине самая добрая есть пшеница, оттуды и взяв прислать, чтоб годилась на крупчатую муку» [4]).

Разводились также лен и конопля. По Флетчеру, лен сеялся только в Псковской области, около Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы [5]). Кунрад фан-Кленк во время своего путешествия из Архангельска в Москву видел поля, засеянные коноплей [6]). По Кильбургеру, последняя сеялась повсюду в Московском государстве, тогда как лен главным образом в Псковской области [7]). О разведении льна и пеньки в Новгородской и Псковской области упоминают и другие иностранцы: на полях около Новгорода «множество пеньки и льну и вообще в Московском государстве пенька и лен возделываются в огромном количестве, почему и полотно в России чрезвычайно дешево» [8]). «Около Новгороду растет прекрасный лен и конопля», в окрестностях Пскова «множество пеньки и льну» [9]). В Новгородских писцовых книгах часть оброка («мелкого дохода») уплачивалась горстями льну (напр., «а мелкого доходу пол—10 сыра, пол—10 горсти льну, да 3 овчины») [10]). Из записных книг пе-

---

[1]) Никольский, 75 сл. Прим. 3.

[2]) Дела Тайн. Прик. I. Ст. 1219. Заозерский, 112, 114.

[3]) Сторожев. Из ист. сельско-хозяйств. быта Костромск. и Богоявленск. монаст. Прил. II (Чтен. Общ. Ист. и Древ. 189. I).

[4]) Забелин. Большой боярин в своем вотчин. хозяйстве. «Вестн. Европы». 1871, 1, 33.

[5]) Флетчер, 14.

[6]) Посольство Куирада фан-Кленка. 1900, 316.

[7]) Кильбургер, изд. Курца, 258 сл.

[8]) Олеарий, 76, 121.

[9]) Чанслер и Изв. англичан о России во втор. пол. XVI в. Чт. Общ. Ист. и Др. 1884. IV. Стр. 2.

[10]) См. напр. писц. книги Бежецкой пятины за 1501, 1545, 1551 г.г. (Новг. писц. кн. т. VI. 1910). Пол—10 означает 9½.

мецкого двора в Пскове 1631 г. видно, что иностранцы вывозили лен оттуда заграницу [1]). В Пскове находим и специальный льняной гостиный двор [2]). Насколько Псков славился своим льноводством, можно усмотреть из того, что царь Алексей Михайлович, желая завести культуру льна в своих имениях, расположенных в центральной области, приказывает Псковскому воеводе прислать к великому государю к Москве из Псковских мест семени льняного оттуда же «из дворцовых или из чьех нибудь поместей и вотчин ис пашенных крестьян самых добрых и умеющих людей, которые б подлинно знали, на кой земле сеять лен и как ево обряжать» [3]). Одновременно поручается А. Л. Ордину-Нащокину найти в Пскове мастеровых людей по два человека, «которые лен сеют и которые лен мочат и стелют и которые лен строят на торговую руку и которые коленские полотна делают» (на полях приписано: «присланы и отосланы в Измаилово»—дворцовое село) [4]). И впоследствии не раз вызывали псковских «ольпеников» умеющих «лен трепать и вязать» [5]) (псковитин Гараска должен «осмотреть землю, которая годитца под лен») [6]), а из Калуги брались посадские люди, «масленики добрые, которые бы умели бить конопляное масло» [7]).

В вотчинах Морозова сеялся и хмель, и мак, и лен, отдавалось распоряжение «избить из семени конопляного масла 20 ведер», женщины обязаны были доставлять в виде оброка и «ляную пряжу». Флетчер называет и множество видов фруктов и ягод, растущих в лесу и огородах.

Герберштейн рассказывает о Московской области, что «она изобилует хлебом и обыкновенными овощами, однако, во всей области нет сладких вишен и орехов, кроме лесных». Зато сеются дыни с особенной заботливостью и искусством: складывают в высокие грядки землю, смешанную с навозом, и в нее зарывают семена; этим способом они предохраняются одинаково от излишков тепла и холода. В Москве почти при каждом доме имеются большие сады и огороды. В Рязанской области, по его словам, деревенские плоды гораздо нежнее московских, в особенности же ему понравились берега Дона, представляющиеся тщательно возделанным садом, в таком изобилии растут на них различные травы, сладкие овощи и самые разнообразные плодовые деревья. Подробно останавливается на разведении овощей и фруктов и Олеарий, отчасти возражая Герберштейну. Он видел яблоки, груши, вишни,

---

[1]) Сб. Моск. Арх. Мин. Юст. т. VI. № 5. II. IV.
[2]) Там-же. Т. V. Стр. 15.
[3]) Дела Тайн. Прик. I. Ст. 1037—38.
[4]) Там-же. I. Ст. 1036.
[5]) Там-же. I. Ст. 1199.
[6]) Там-же. I. Ст. 1183—1185.
[7]) Там-же. I. Ст. 1095.

сливы и смородину, между прочим один сорт яблок столь нежный и белый, что если держать его против солнца, то можно видеть находящееся внутри его зерно. Разводятся далее огурцы, лук и чеснок в большом количестве; спаржу толщиной в большой палец он сам ел в Москве у одного голландского купца, салата же русские не разводят и смеются над немцами, потребляющими его, говоря, что они едят траву. В особенности же он приходит в восторг по поводу умения русских выращивать дыни, присоединяясь в этом отношении к Герберштейну, и повествует о том, что русские мочат сперва семена в сладком молоке, затем берут конский помет, смешивают его с соломой и кладут в землю, вырытую локтя на два глубиной, прикрывают все это землей, в которой проводят ровные борозды и кладут в них семена. На ночь они для защиты от мороза нередко прикрывают грядки рамками, в которых вместо стекла пользуются слюдой, затем обрезывают боковые ростки и вообще «помогают росту дынь своим прилежанием и терпением». Олеарий видел редкий вид дыни или тыквы, растущей за Самарой, которая по качеству похожа на обыкновенную дыню, но по наружности сходна с ягненком, имея весьма ясно очерченные члены его, почему русские ее именуют «баранец». Когда плод ее созреет, он покрывается курчавой шерстью, как у ягненка, и ему говорили, что ее можно обрабатывать и показывали кусок такой шерсти, вырванной из одеяла черной и курчавой, как у вырезанного из брюха матки ягненка (мерлушка) [1]). Об этом овцевидном растении «баранце», наряду с виноградом, дынями, арбузами, яблоками и иными плодами упоминает и Рейтенфельс, говоря, что знатные люди подбивают им себе платье и рукавицы, чтобы было теплее. Оно высушивает всю траву вокруг себя, «почему некоторые плохо осведомленные предполагали, что оно обладает разумом и питается близ находящейся травой» [2]).

В Тверском уезде сады вел. князя Симеона Бекбулатовича упоминаются уже в писцовых книгах конца XVI ст. «Да в селе же в Щербинине великого князя сад, а в нем яблоки и вишенья, а оброку с него крестьянам платити на год по 3 бочки яблок да по ведру вишенья» [3]). Обилием фруктовых садов известен был и Новгород [4]).

У царя Алексея были здесь, как и в промышленной сфере, широкие замыслы создать под Москвой образцовый питомник, где об'единялась бы флора всего мира, вплоть до винограда, дынь бухарских, арбузов шемахинских, маслины, миндаля, финикового дерева, кизиля кавказского, дулей венгерских, перца астраханского, даже тутового дерева и хлопчатника. Планы были совершенно фантастические, напоминавшие поручение того же царя добыть в заморских странах камень,

---

[1]) Забелин, 26, 32. Флетчер, 11. Герберштейн. 95 сл. 101 сл. Олеарий, 119 сл.

[2]) Рейтенфельс. Сказания Светлейшему Герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии 1680 г. (Чтен. общ. Ист. и Древн. 1907, III). 183, 155.

[3]) Писц. кн. Моск. госуд. II. Стр. 297.

[4]) Писцов. кн. по Вел. Новгороду, изд. Грековым. Лет. Зан. Археограф. Ком. Т. 24.

который «такую б мочь имел, что человека с тем камнем на рати не убьют» или другой камень такого рода, «что рожеиицы без истомы и болезни младенцев рожают». Приказывалось привозить дерев немецких мерою полсажени, без всяких дальнейших определений, «семян всяких, которые, чаят, на Москве взойдут из земли», посылались для этой цели специально люди в Киев, в Симбирск, в Астрахань, которые должны были привозить «деревье самое доброе», «с кореньем» («притом так, чтобы уже нынешним летом от них плод был»), в том числе привозить и семена тутового дерева и хлопка («семени бумажного») [1]. Но, конечно, такого рода попытки были бесплодны—эти растения под Москвой произрастать не могли.

Поручалось «сыскивать садовников, самых добрых, смирных и не гордых людей», чтобы им те сады завести «на Москве против астраханских садов; выписали «для строенья садового» из Киева «старца Филарета», а затем двух стрнцев, славившегося в Малороссии своим садоводством (черкаского города Лубны) Мгарского монастыря. Но русским садовникам предпочитали иностранцев, которые, как люди ученые, должны были понимать тайны аптечного дела и эти «немцы» «строили всякие травы». Уход за привозными растениями производился с особой тщательностью, земля на грядки предварительно просеивалась через решето или доставлялась «специальная виноградная и арбузная земля» из Астрахани. В приходо-расходных книгах под 25 апр. 1668 г. записано: «из работников, которые в Виноградном саду виноград раскрывали и под виноградное семя гряды готовили... да на покупку заступов и заступных дерев и решот, в чем сеять в гряды земля, всего 50 руб. 20 алт.», в 1673 г. «а присланы те садовники и земля к Москве из Астрахани» [2]. Впрочем и на государевой пашне семена подбирали только лучшего качества, «самые добрые», доставляли из других местностей, которые славились своими растениями, пытались брать их в обмен у служилых людей, хотя последние нередко «отказывали», ссылаясь на то, что они «бедны и бесхлебны» [3]. Во всяком случае в имениях царя, повидимому, сельско-хозяйственная культура стояла для того времени весьма высоко, и делалось все возможное для усовершенствования хозяйства, хотя задачи, которые здесь ставились, и были частью фантастичны и невыполнимы.

В вотчинах Морозова, нижегородских, звенигородских также имелись сады плодовые и хмельники, и сады каждый год увеличивались посадкой новых деревьев, при чем боярин внимательно следил за всем и давал подробные указания относительно разведения фруктов.

И в ином направлении действовал боярин Морозов, который узнав, что у его соседа немца, «заморское семя посеяно на своей земле», пригласил его к себе и писал своим приказчикам: «поехал к вам в вотчины мои полковник Еган Александров Графорт земли обыскивать, которая-

---

[1]) Дела Тайн. Прик. I. Ст. 1168 сл. 1206 сл. 1279 сл. Заозерский, 152—33.
[2]) Дела Тайн. Прик. I. Ст. 1183. III. Ст. 1334. I. Ст. 1407. III. Ст. 1140.
[3]) Там-же. III. Ст. 953. I. Ст. 1626. Ср. I., ст. 1223, 1405, 1658, 1675.

бы земля годилась посеять для меня заморским семенем — рензатом. И как он приедет и где обыщет место и вы-б землю велели готовить сколько десятин ему надобно и поскольку раз велит перепахивать землю—так все по его и делать. А как землю станут перепахивать, полковник станет сам смотреть... А как он учнет то семя на своей земле жать и вам бы велеть в то число быть и смотреть Артомошке Мишевскому, да крестьянам—человекам двум или трем, которым смышленным, чтоб они видели, как станут то семя жать и молотить и прятать». [1]). Едва-ли здесь речь идет о посеве кормовых трав—это была бы слишком ранняя попытка; кроме Италии и Нидерландов они в то время еще нигде известны не были [2]). Из другого источника мы, действительно, узнаем, что в 1651 г. иностранец полковник Граффорт (Брафорт) получил жалованную грамоту на исключительное право в течение 8 лет сеять особые заморские семена («имя ему ренн залт») и выделывать из них масло [3]).

Овощи, повидимому, сажали не только в огородах, но и на поле. Куирад фан-Кленк видел на полях северных не только хлеба и конопло, но и репу и редьку [4]). Больше всего разводили, можно думать, огурцы и капусту, которые потреблялись в пищу солеными, в особенности же лук и чеснок. Иностранцы подчеркивают, что все кушанья в России обильно приправлены чесноком или луком, «которые у Москвитян самые изысканные, возбуждающие вкус средства» [5]). «Пальма первенства среди излюбленных русскими плодов принадлежит луку и чесноку», из прочих овощей они употребляют в пищу только огурцы и капусту [6]). «При своих похлебках и жарких едят они лук и чеснок; эта еда им очень нравится, хотя непривычных она отталкивает ужасающею вонью» [7]).

На злоупотребление русскими луком и чесноком много указывают иностранцы. Так нидерландские послы Бурх и Фельтдриль в своем отчете о посещении Москвы в 1630 г. рассказывают о том, как их угощали, по повелению царя прибавляя, что блюда, состоявшие по случаю поста, все из рыбы, были приготовлены, по русскому обычаю, большею частию с чесноком и луком [8]). По Майербергу во время обеда они разражаются самой звонкой рыготней с отвратительным «запахом непереваренной смеси чеснока, лука, редьки и водки» и эти звуки сливаются с «громозвучными испарениями из желудков», обдавая окружающих смрадом [9]). А неизвестный данцигский купец в своем сочинении, вышедшем в 1630 г. в Амстердаме, находит, что «вывоз нидерландских товаров должен скорее направляться в Польшу,

---

[1]) Забелин. Ук. соч.
[2]) См. мою Истор. экон. быта Зап. Европы. 6-е изд. т. II. 1923. Стр. 29 сл.
[3]) Бантыш-Каменский. Обзор внешн. снош. России с держ. иностр. I. 112.
[4]) Посольство Куирада фан-Кленка, 316.
[5]) Путешествие в Московию бар. Майерберга, 36.
[6]) Рейтенфельс, 155.
[8]) Посольства Куирада фан-Кленка, 528.
[7]) Посольство Бурха и Фелтдриля, 51.
[9]) Майерберг, 36—37.

чем к московичам, варварской нации, состоящей из бедных рабов и крестьян и немногих лишь дворян, вовсе не привыкших к перцу, сахару, вину и т. под. дорогим вещам, а чувствующих себя лучше со своим чесноком, водкою и медом [1]). Лук и чеснок, очевидно, заменяли перец и другие, употребляемые в Западной Европе пряности [2]).

В приходо-расходных книгах Костромского Ипатьевского монастыря (пол. XVI в.) записано: «купил на монастырь семяни росадного и редковного, и свекольного, и огуренного и всяких семян огородных [3]).

Точно также Болдин-Дорогобужский монастырь приобретает для братии не только дыни и арбузы, яблоки, вишни в патоке (последние, повидимому, очень любили в то время), но и «росады врозценные с тряд на капусту, да луку, да чесноку на домашний обиход их» [4]). Солотчинский монастырь ростил в своих огородах капусту, огурцы, а также горох и коноплю. Но и крестьяне монастыря имели свои огороды и везли ему вытную капусту, вытный хмель и т. д. [5]).

Широко было распространено, повидимому, огородничество в г. Боровске: в писцовой книге 1685 г. на каждом шагу читаем: «продает лук да чеснок, что учинет в огороде своими трудами», «а промысла у него—торгует луком и чесноком, отъезжая по деревням, что учинет в огороде», «а промысла у него никакого нет, только что учинет в огороде луку да чесноку, да продаст, тем и кормится». И так идет один двор за другим почти сплошь, только в некоторых случаях к разведению лука и чесноку присоединяются и другие промыслы, в большинстве же случаев живут одной продажей их в городе и по деревням, очевидно, снабжая целую округу [6]).

В качестве земледельческого орудия повсюду применялась соха, сохи были с палицами и без палиц; «соха с лемехи да коса». На ряду с ними встречается и борона («еже боронити», «бороноволоки»), иногда и плуг, хотя последний нередко отсутствовал или заменялся более упрощенной косулей. Все эти орудия были, повидимому, обыкновенно деревянные, но встречаются и железные сошники (фальшники) «плужные железа» [7]). Из грамоты Василия Шуйского 1607 г. в Пермь Великую видно, что верхотурским пашенным крестьянам были отправлены сошники, железо («уклад») на косы, серпы и топоры, а пермскому воеводе велено было из находившегося в Перми белозерского железа изготовить косы, серпы, топоры и сошники «как

---

[1]) Посольство Куприда фан-Клепка, введ. XX.

[2]) См. мои Лекции по ист. экон. быта Зап. Евр. II, стр. 165 сл.

[3]) Отрывок из расходн. книг Костромского Ипатьевского монастыря, изд. Лихачевым (Сборн. Археолог. Института, т. VI, 9).

[4]) Прих-расх. кн. Болдино-Дорогобужск монаст. (Русск. Ист. Библ. XXXVII). Столб. 26, 36, 38, 81, 116 и др.

[5]) Доброклонский. Солотчинский монастырь, 90. (Чтен. Общ. Ист. и Др.). Ср. Никольский, 108. Забелин. I. 45. Заозерский. Р. Ист. Ж. 105.

[6]) Писц. кн. по Боровску 1685 г. Матер. Стр. 39—46.

[7]) А. И. II. № 81.

в сибирских городах сошники делают»[1]). При Алексее Михайловиче грамотой 1663 года приказано было разослать в дворцовые села приготовленные на железных заводах плуги и косули. В этих селах, повидимому, старались заменить обычный серп косою—отдавались распоряжения прислать «лутчих крестьян с косами и з граблями, которые умеют овес косить»[2]).

В государевых имениях и в этой области обнаруживалось стремление к усовершенствованиям—возникала мысль о применении механических приспособлений, в особ. в области молотьбы. Появляется часовой мастер немчин Андрей Крик со своим «образцом, как хлеб водою молотить», другой «часовник»—характерно, что все это часовых дел мастера (они были впоследствии первыми изобретателями машин в Англии)[3]) — делал тоже какой-то «молотильный образец», стрелец Ивашка Вязьма с товарищи пробовали построить даже настоящую машину «станок, чем хлеб молотить»[4]). Едва ли из всего этого что либо вышло, но важно замечавшиеся при Алексее Михайловиче попытки сдвинуться с места, воспользоваться опытом Запада—предвозвестники Петровской эпохи.

Земля обрабатывалась как волами (устраивались «воловьи дворы»), так и лошадьми. «Неции человецы зли покрадена волы монастырстии, на них же братиа службу творяхоу», татие, «пришедшие в поли вземше работные три волы в окольние лесе обители, от дневных трудов тем почевающим», «имяше убо отец наш супруг волов, на них же сам и брат, монастырскую работу творяху и в летнее время пометаху их вне обители в частие леса». Все это, как мы видим—относится к монастырям, которые летом, по окончании работ, пускали скот в лес и он там кормился на свободе[5]). В вотчине Кирилло-Белозерского монастыря находим, по описи 1601 г., и 619 кобыл «больших и пашенных»[6]). В государевых имениях волы отбирались «для работы», но там пахали, повидимому, главным образом лошадьми: в 1667 году, напр., куплено было для села Измайлова 500 лошадей за 2100 руб. и сверх того велено было приобрести «про сво великого государя обиход по 700 меринов пашенных и купя прислать к Москве»[7]).

Насколько распространено было вообще скотоводство и какую роль оно играло в хозяйстве, трудно сказать с достаточной определенностью. П. А. Рожков пользуется для выяснения значения скотоводства в различных районах отношением

---

[1]) А. А. Э. II. № 138.
[2]) Дела Тайн. Прик. I. Ст. 1343.
[3]) См. мою Истор. экон. быта. II. 504.
[4]) Дела Тайн. Прик. III. Ст. 691, 787. I. Ст. 1443.
[5]) Рожков, 123 сл.
[6]) Никольский, 107.
[7]) Дела Тайн. Прик. I. Ст. 1358. 1420

между пашней и сенокосами, определяемым на основании писцовых книг. При этом он исходит из указа 1550 года об испомещении (снабжении поместьями) тысячи бояр и детей боярских: «а сена им давати по толку ж копен, на колке кому дано четвертные пашни, опричь крестьянского сена; а крестьянам дати сена на выть по тридцати копен». Отсюда он заключает, что нормальными для земледельческого хозяйства (а не скотоводческого) признавались размеры пахатной земли в десять раз большие, чем количество луговой, так что в тех случаях, когда отношение было более благоприятно для сенокосов, можно предполагать перевес скотоводства над земледелием. На основании этого и получается тот вывод, что как в центре, так и на юге скотоводство по общему правилу играло совершенно подчиненную роль—пожни, по сравнению с пашней, были там крайне незначительны и скот держался только в необходимом для обработки земли количестве. Следовательно, указанный выше упадок земледелия, имевший место в центральной области во второй половине XVI ст., не компенсировался и развитием скотоводства, получалось действительно запустение. Напротив, в другой области, где также в конце XVI в. обнаружилось сокращение населения и понижение уровня земледелия, одновременно с этим замечается сильное расширение сенокосных угодий. Вместо указанного выше соотношения пашни к лугам как 10 : 1 мы наблюдаем здесь по отдельным новгородским пятинам, в Пскове с пригородами, в Великолуцком уезде соотношение, как 1,3 — 0, 3 : 1, т.-е. пахоти не превышают сенокосных угодий и даже значительно меньше их: совершается переход от земледелия к скотоводству, которое в этой области раньше имело известное значение. Наконец, на севере земледелие в большей части местностей было весьма слабо развито и на первом плане стояло разведение скота—приходили «татие, хотящем стадо монастырское покрасти», в котором нередко заключалось главное богатство монастыря [1]).

Разорение смутного времени и последующих десятилетий не могло способствовать и развитию скотоводства в стране. По описи Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года, в монастыре на конюшне, по селам и по службам было 1086 лошадей. Опись, произведенная, вероятно, при Самозванце, насчитывает в монастыре и по селам «стадных всяких лошадей и прикащиковых и довотчиковых и нарядчиковых и з жеребцами» 1153 лошади. После осады монастыря и разорения вотчин, в 1621 году осталось только 310 лошадей, т.-е. всего $^1/_3$—$^1/_4$ прежнего количества. В 1601 году «в монастыре же и по селам было всякие животины: 516 коров и быков и телят, до 319 овец и баранов

[1]) Рожков, 12 сл. 82 сл. 87 сл. 101 сл. 105 сл.

и 68 свиней». Но к 1621 году против описи 1601 г. убыло 265 коров и быков и телят, 169 овец и 38 свиней.

Однако к концу XVII ст. скотоводство восстановляется и, повидимому, находится в более благоприятном положении. В дворцовых волостях Бежецкого уезда, напр., в 79 селах и деревнях, заключавших в себе 514 дворов и 1427 душ мужского населения, находим в 1669 году 942 лошади и 130 жеребят, 1465 коров, 800 телят, 1347 овец, 1343 свиньи, так что на двор приходится 2 лошади, 3 коровы, около трех овец и почти 3 свиньи [1]). На роль скотоводства в XVI веке указывает и взимание на ряду с денежными оброками и так-наз. столовых обиходов или столовых запасов, которые в значительной мере состояли в продуктах скотоводства. «А мелкого доходу по овчине да з дву обеж сыр, куря, горсть лиу», «с обжи полоть мяса, да боран», «по сыру, по лопатки бораньих мяса» [2]).

В пользу развития скотоводства говорит и факт значительного вывоза кож и сала за границу, хотя Кильбургер и утверждает, что Московское государство не отличается богатством скота, почему кожи наибольших размеров и лучшего качества приходится разыскивать на протяжении всей страны. Но и он указывает на то, что русские не потребляют в пищу телятины, а откармливают телок на сало [3]).

Обилием домашних животных и птиц отличались государевы имения, где находим обширные скотные дворы и конюшенные дворы. Коров, быков, баранов и овец частью покупали у крестьян, частью по-просту собирали с них; свиней и кур живых было сравнительно мало, получались же они в качестве оброка в битом виде [4]). «Собрать с (каждых) 4-х дворов по корове для заводу самых добрых»,—читаем в записных книгах. «Завесть племянные овцы и нарочитым крестьянам роздать по полуполтине на двор на овцу, а на них имать на год по барану и присылать к Москве» [5]).

Царские конюшенные дворы пополнялись путем приобретения лошадей у татар в Астрахани, конозаводство же едва ли существовало. Кроме того, еще в это время, повидимому, сохранялся обычай ставить царских коней у крестьян на прокормление, о чем свидетельствуют льготы, встречающиеся в жаловалных грамотах: «коня моего не кормят». На ряду с ногайскими конями, ордынскими баранами, получаемыми от калмыков, черкасскими коровами, на государевых дворах появляется и голландский рогатый скот, неоднократно приобретаются «немецкие племянные куры в разные сво государевы села» [6]). Ищут и в этом случае специалистов «животинников»,

---

[1]) Готье. 450 сл.

[2]) Новгор. писц. кн. VI, столб. 635, 637, 737 и др. Ср. Розыскн. дела о Шакловитом. IV. 634 сл. См. также ниже, стр. 87 сл.

[3]) Кильбургер, 258, 261.

[4]) Дела Тайн. Прик. I. Ст. 1040. 1042, 1072, 1083, 1220. III. Ст. 1241.

[5]) Там-же, I. Ст. 1039 сл. 1088.

[6]) Там-же, I. Ст. 1291, 1294 сл.

«добрых и правдивых и радетельных людей, которые всякую животину дворовые всякие птицы водить умели-б», для «строенья овец и свиней» [1]). Но голландские («немецкие») коровы имелись также в Архангельске и в Холмогорах у «иноземцев и у посадцких людей и тех городов и уездех у крестьян» и у них они приобретались для царя, причем за этих коров платили до 15 руб. за голову, вместо двух рублей, которые стоили обыкновенные «животины» [2]). Так что влияние сношений с Западом обнаруживалось и в области скотоводства.

Если верить иностранцам, то Московское государство в XVI ст. отличалось баснословным плодородием. По словам Герберштейна, во Владимирской области из одной меры пшеницы родится 20, а иногда и 30 мер и ей не уступает в смысле плодородия и обилия произведений Нижегородская область. Еще плодороднее Рязанская область: в ней, как говорят, одно зерно пшеницы приносит по два колоса и больше, стебли их растут так густо, что ни лошади не могут свободно переходить через поле, ни перепелы свободно вылетать оттуда. Очень плодородны и местности по обеим сторонам Оки. Напротив, плодородию Московской области препятствует песчаная почва, губящая посевы то излишней сухостью, то слишком большой влажностью, а к этому присоединяется крайняя суровость климата, вследствие которой посевы часто не могут созревать [3]).

То же говорит, сто лет спустя, Олеарий. «Хотя обширная страна русская там и сям покрыта кустарником, обильна лесом, большею частью еловым, березовым и орешником, хотя она довольно пустынна и болотиста, тем не менее по причине доброго качества почвы, земля в ней, при небольшой обработке, чрезвычайно плодородна и родит рожь и пшеницу в громадном изобилии [4]).

По Рейтенфельсу почти везде получается обильная жатва. Владимирская область так плодородна, что пять мер пшеницы дают жатву во сто крат. В Рязани,—повторяет он слова Герберштейна, — на одном стебле вырастают два-три колоса. Тверь, знаменитая кузнечным производством, известна и изобилием хлеба; Псковская область, хотя не менее других богата лесами, все-же весьма плодородна; много родит хлеба и Смоленская. Только около Астрахани жители почти не засевают полей, довольствуясь скотоводством. Отсутствует хлеб и в Перми, где жители питаются одной сушеной рыбой [5]).

Исходя из сообщений иностранцев, Соколовский утверждает, что почва в те времена отличалась производительностью, которая может показаться теперь почти невероятной [6]). И. А. Рожков, правда, находит эти известия преувеличенными и не заслуживающими доверия, но и он готов допустить, что

[1]) Дела Тайн. Прик. I. Ст. 1034, 1055, 1088.
[2]) Заозерский, 125 сл.
[3]) Герберштейн, 94, 99 сл. 104. О плодородии Рязанск. обл. у Штадена, 76.
[4]) Олеарий. 117 сл.
[5]) Рейтенфельс. 185. 200—05.
[6]) Соколовский. Эконом. быт, 1.

«почва в XVI веке была несколько более плодородна, чем теперь, по крайней мере, в некоторых местах», и на этом основании, берет более высокую из существующих в настоящее время норм урожайности [1]). Напротив, П. Н. Милюков полагает, что «вообще предания о высоких урожаях старого времени не подтверждаются собранными до сих пор, правда, весьма немногочисленными данными. В XVII в. может быть, вследствие дурной обработки, урожаи были значительно ниже теперешних» [2]). К взгляду П. Н. Милюкова примыкают и другие авторы [3]).

Взявши казенные запашки в Елецком уезде за 16 лет подряд (1676—1691), Миклашевский получил средний урожай ржи сам—2,2, а овса сам—1,5; самый высокий урожай ржи, имевший притом место только один раз, составлял сам—3,9, а овса (два раза) сам—2. Но кроме того один год для ржи и семь лет для овса оказались вовсе неурожайными, не вернули даже семян [4]). Присоединив к данным Миклашевского о Ельце и материалы относительно государевой пашни, имеющиеся у Н. Новомбергского по Курску, Осколу, Белгороду и Змиеву, С. Тхоржевский (на основании 28 наблюдений) получил средний урожай ржи сам—2,5, а овса сам—1,9, причем годы, когда хлеб совсем не родился, им отброшены [5]). По данным сводной книги за 1675 г., в государевых подмосковных имениях рожь уродилась в среднем ниже 3, а овес в среднем около 2,5, в других же селах рожь и овес дали в среднем сам—5 [6]). В имениях Морозова, где хозяйство было поставлено образцово, за 1656—1662 гг. урожай ржи был сам—3,8, овса сам—4 [7]). В вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря урожай ржи равнялся за 6 лет (1606, 1607, 1610, 1617, 1619, 1620) в среднем сам—4,3 [8]).

Таким образом, мы имеем все основания считать урожай сам-5 наивысшим, более же обычным сам-3 и даже сам-2,5—3, т.-е. урожай более низкий, по сравнению с тем, что получалось в конце XIX ст. Более примитивная техника и культура, более простые сельскохозяйственные орудия, меньшее унавоживание земли и т. д. должно было привести к этому [9]).

---

[1]) Рожков. 56 сл. 259.

[2]) Милюков. 77 прим.

[3]) См. Огановский. 126. Сташевский. Очерки по ист. царств. Мих. Фед 38. Яницкий. Эконом. кризис. 128.

[4]) Миклашевский. 230 сл.

[5]) Тхоржевский. Госуд. земледелие на южн. окраине Моск. гос. в XVII в. Арх. Ист. Тр. 1923. VIII. 72 сл. См. Новомбергский. Очерки внутр. управл. в Моск. Руси. Продовольств. строен. Матер. 1914.

[6]) Заозерский. 120.

[7]) Забелин. Книги посевные, жилые и умолотные в имениях бояр. Морозова. Времени. О-ва Ист. и Др. VII. 1870 г.

[8]) Никольский. 103.

[9]) Ничтожную урожайность находим и в костромских Ипатьевском и Богоявленском монастырях нач. XVII ст. (Сторожев в Чт. Общ. Ист. и Др. 1894. I. 53).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Землевладение.

Литература.

Кроме ук. в т. I., (стр. 9) соч. общего характера [1]) (источн. см. II, 3..). *Платонов.* Очерки по истории Смуты. 1900 и позже. *Ключевский.* История сословий в России. 1913. *Дьяконов.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI и XVII в.в.) 1898. *Рожков.* Сельское хозяйство Московской Руси XVI в. 1899. *Готье.* Замосковный край в XVII ст. 1906. *Рождественский.* Служилое землевладение в Моск. государстве XVI века. 1898. *Седашев.* Очерки и материалы по истории землевладения Моск. Руси в XVII в. 1912. *Беляев.* О поземельном владении в Московском государстве. 1851. *Павлов-Сильванский.* Государевы служилые люди. 1898. *Сухотин.* Земельные пожалования при царе Владиславе. 1911. *Богословский.* Земское самоуправление на севере России в XVII в. Т. I—II, 1909—12. *Ефименко.* Крестьянское землевладение на севере. (Исслед. народ. жизни. 1884). *Иванов.* К истории землевладения на севере России в XVII в. (Древности. Труды Археограф. Ком. Моск. Археол. Общ. Т. I. 1898). *Его же.* Поземельные союзы и переделы в России в XVII в. (Там же. Т. 2. 1902 г.). *Островская.* Земельный быт сельского населения русского севера в XVI—XVШ ст. 1913. *Сташевский.* Очерки из истории царствования Михаила Федоровича. Ч. I. 1913. *Его же.* Землевладение Московского дворянства в перв. пол. XVII ст. *Его же.* Опыт изучения писцовых книг Московского государства. Вып. I. Московский уезд. 1907. *Лаппо.* Тверской уезд в XVI в. Его население и виды земельного владения. (Чтен. Общ. Ист. и Др. 1894, IV). *Смирнов.* Орловский уезд в конце XVI в. по писц. книгам. 1910. *Некрасов.* Очерки по истории Рязанского края. Ж.М.Н.П. 1914. IV. *Белоцерковский.* Тула и Тульский уезд в XVI и XVII в.в. 1914. *Щепкина.* Тульский уезд. 1892. *Симсон.* Калужский уезд во врем. Михаила Федоровича. Изв. Калужск. Уч. Арх. Ком. III. *Помяловский.* Очерки из истории Новгорода в первый век Московского владычества. Ж.М.Н.П. 1904. VII. *Вулих.* К вопросу о земцах в составе новгородского общества. Ж.М.Н.П. 1914. VII. *Загорский.* Землевладение Шелонской пятины. Ж.М.Ю. 1909. VIII—X. *Гневушев.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Т. I. Ч. I. 1915. *Его же.* К истории поместного землевладения в новгородской области 1917. *Яницкий.* Экономический кризис в Новгородской области XVI века. 1914. *Кауфман.* Отзыв о сочинении Нордмана «Статистика в русской истории. Опыт статистической обработки писцовых новгородских оброчных книг около 1498 г.» 1912. (Отчет о 53 присужд. наград. графа Уварова). *Милютин.* О недвижимых имуществах духовенства в России. 1861. *Павлов.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. 1871. *Горчаков.* О земельных владениях российских митрополитов, патриархов и св. Синода. 1871. *Рождественский.* Из истории секуляризации монастырских вотчин. Ж.М.Н.П. 1895. V. *В. Петров.* Соборное уложение 1584 г. об отмене тарханов (Сб. стат. посв. Платонову. 1922). Архим. *Досифей.* Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. 1853. *Ключевский.* Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. (Опыты и исслед.). Арх. *Макарий.* Исто-

[1]) Из них см. в особ. общие курсы *Ключевского, М. Н. Покровского, П. А. Рожкова*, а также соч. *Огановского* и *Готье* (Истор. землевлад.).

рические сведения об Антониево-Сийском монастыре (Чт. Общ. Ист. и Др. 1878. III). *Его же.* Историческое описание Красногорского монастыря. (Там же. 1880, III). *Его же.* Описание Новгородского Юрьева монастыря. (Там же. 1858. II). *Горский.* Историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы Лавры. (Чт. Общ. Ист. и Др. 1878. IV). *Голубинский.* Преп. Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. *И. Покровский.* Казанский архиерейский дом. 1906. *Его же.* К истории поместного и экономического быта в Казанском крае пол. XVII ст. 1909. *Сторожев.* Монастырское землевладение на Вологде по данным 1627—30 г.г. (Сб. стат. в честь Ключевского, 1909). *Суворов.* Псковское церковное землевладение в XVI — XVII в.в. Ж.М.Н.П. 1905 — 07. *Доброклонский.* Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII веке. (Чт. Общ. Ист. и Др.). *Греков.* Новгородский дом св. Софии. 1914. *Никольский.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. I. Вып. 2. 1910. *Арсеньев.* Ближний боярин кн. Никита Иванович Одоевский и его переписка с Галицкою вотчиной. (Чт. Общ. Ист. и Др. 1903. II).

В предыдущую эпоху мы могли различать четыре группы земельного владения—земли черные, княжеские (дворцовые), принадлежащие монастырям, митрополиту или иным духовным учреждениям и, наконец, земли частно-владельческие (боярские). Уже в этот период замечалось уменьшение черных земель (обоярение), тогда как прочие виды землевладения расширялись. В XVI-XVII ст. происходит крупная перемена в судьбах землевладения. Черные земли исчезают, дворцовые сокращаются, рост монастырских земель первоначально быстрый, затем замедляется и даже приостанавливается. Напротив, усиленно расширяются земли частновладельческие в форме как наследственных вотчин, так и поместий, получаемых в личное пользование. И те и другие земли, однако, даются под условием службы и постепенно сливаются, создается широко разветвленное служилое землепользование, которое поглощает как тот фонд земель, который приобретен вновь с завоеванием и колонизацией окраин, так и прежние черные земли и часть дворцовых земель и останавливает рост земель монастырей и духовенства. Рассмотрим ближе каждый из этих видов землевладения.

П. А. Соколовский утверждал, что «в XVI в. черные волости уже совершенно исчезли во многих центральных уездах, напр., московском, коломенском и звенигородском и в большей части новгородской области составляли незначительную часть в Тверском уезде и сосредоточивались главным образом на северных окраинах России в уездах поморских и на северо-восточных краях новгородской земли (Обонежская пятина)[1]). Действительно, как мы видели выше, уже в предыдущую эпоху в силу правительственного пожалования, черные земли часто переходили в собственность монастырей или бояр. Это продол-

[1]) Соколовский. Эконом. быт, 5.

жалось и в XVI ст. Постепенно устанавливался взгляд на черные земли, как на земли государевы, и раздача последних в поместье рассматривалась в качестве одного из способов эксплоатации государевых земель. Черные земли сначала принимают название земель «великого князя», теряя прилагательное «черный», а затем уже обращаются в поместные. «Деревня великого князя, а бывала черная», «царя и великого князя, а ныне в поместье»; но затем уже прямо говорится: «черная, а ныне в поместье». В волости Суземье, Тверского уезда в писцовой книге 1540 г. описаны 40 черных деревень, во время же составления второй книги несколько лет спустя (1548 г.) эти деревни уже отдаются в поместье за князя Ивана Шуйского «по наказу царскому». Иногда они передаются и в вотчину: пожаловал «деревнями черными... со всем тем, что к тем деревням потянло... в вотчину и с судом... впрок ему и его детям» [1]). Такое отчуждение черных земель в руки частных лиц обыкновенно соединено с обеленьем, следовательно, с обременением оставшейся в руках общины земли, которая должна была нести тягло и за отчужденные земли. Община борется с беломестцами, но оказывается в этой борьбе слабой, хозяйственное положение ее ухудшается.

Несмотря на раздачу черных земель в значительных размерах, П. А. Рожков все-же считает мнение о полном их исчезновении в центральных уездах в XVI в. ошибочным: кое-где они сохранились, особенно на востоке и севере центральной области. Гораздо более, однако, распространены были черные земли в Прикамском крае и в особенности на севере, по берегам Белого моря, в Двинском уезде, в Обонежской пятине. Здесь они играли еще важную роль, хотя не следует упускать из виду, что монастыри: Печенгский, Соловецкий, Кирилло-Белозерский, Троицко-Сергиев, Сийский и в этих местностях приобретали участки этих земель путем покупки или залога, часто и в качестве дара или царского пожалования. Вследствие этого, в различных местностях севера, напр., в Обонежской пятине, по мере приближения к концу века, черные земли быстро шли на убыль, тогда как поместные и монастырские земли неудержимо росли [2]).

Во многих местностях, где к концу XVI ст. еще замечались остатки черного землевладения, Смутное время смело последние признаки его; этот наиболее слабый вид земель должен был особенно пострадать от разорений этой эпохи. Писцовые книги 20-х годов XVII ст. не раз упоминают среди «порожих» земель о таких, которые ранее входили в состав черных волостей, затем запустели и перешли в ведение правительства для раздачи служилым людям.

[1]) Лаппо. Тверской уезд в XVI веке. 64 сл.
[2]) Рожков. Сельск. хоз. 375, 377, 381, 385, 388, 431.

Из Белозерской грамоты 1567 г. узнаем о ходатайстве Благовещенского монастыря, чтобы три его деревни и один починок, которые от монастыря «отошли далече», царь велел «взяти на себя», «а противу тех деревень пожаловати бы (нам) их к Благовещенскому монастырю, Ворбозовские ж черные волости деревнями, деревнею Фетининым, деревнею Онуфриевым». Просьба монастыря была исполнена [1]). Много данных имеется относительно превращения черных волостей в дворцовые волости, вотчины и поместья в пределах новгородских пятин. Каждый раз читаем (список писцовых книг 1585 г.): «да в том же погосте государя, царя и великого князя деревни и починки и пустоши и селища и займища дворцовые новоприписные, а преж того были в черной волости»—следует перечисление деревень с указанием размеров пашни пахотной, отхожей, перелога, поросшей лесом, числа копен сена и числа вытей [2]). В отводной и отмерной книге 1602 г. говорится: «по той выписи с писцовых книг, в Никольском погосте в Шуе, в Кондопоской волости, Спасского монастыря Вашеозерского строителю Иосифу с братиею отмирил и вервью отвервил деревеньские земли на пашню к старому их отводу... со всеми угодьи и с рыбными ловли и с сеными покосы и с лесом и сряду... И всего строителю Иосифу с братьей отдилено в дву деревнях вновь 7 дворов крестьянских, а крестьян в них 12, да двор бобыльской, а в нем бобылица да внук ей Данилко» [3]).

Пустоши черных деревень «черный лес царя и великого князя»—читаем в писцовых книгах; встречаются 22 пустоши «черных волостей», 68 пустошей, «что были деревни черные» с поросшей лесом пашней в 2300 десятин. Все это воспоминания о черном землевладении. Во время Смуты эти порожжие земли усиленно раздавались в поместья. Известный деятель смутной эпохи Михаил Салтыков оправдывался в письме к канцлеру Сапеге: «а дворцовых сел и черных волостей никак никому не давывал» [4]). Наряду с этими следами и воспоминаниями о черных землях в начале XVII ст. они и в центральной области еще продолжали существовать в отдельных случаях, напр. в Галицком уезде, но и здесь дни их были сочтены, ибо около 1620 г. они были розданы большим боярам и придворным людям [5]). Сохранились они только в северных областях, где и в XVII ст. преобладало черное землевладение над другими видами; в 11 уездах Поморья оно составляло, по переписям 20-х годов XVI ст., от 100 до 75 проц. всех земель, в Заонеж-

[1]) Арх. Матер. Т. II. Ч. 1-я. Стр. 132.
[2]) Там-же. II, 1. Стр 397—98, 402, 404—05.
[3]) Там-же. II, 1. Стр. 407—09.
[4]) А. И. II. № 306. IV.
[5]) Готье. 51 сл. 339 сл. 342 сл. Рождественский. Служил. землевладен. в Московск. госуд. XVI в. 1897. Стр. 269 сл.

ских погостах—$^2/_3$, в Соликамском уезде всего 25 проц., хотя в 70-х годах, с притоком колонистов, черные земли достигали и здесь уже половины всех земель; более низкий уровень их в этом уезде, по сравнению с другими, об'ясняется тем, что здесь имели обширные вотчины Строгановы. Однако, только в этом уезде замечается расширение черных земель в течение XVII ст., в других обнаруживается к 70-м годам XVII ст., напротив, сокращение процента дворов на черных землях в пользу земель других видов, хотя убывание черной земли пока еще незначительное. Постепенно, однако, они превращаются в монастырские. Указанный выше и начавшийся уже в XVI ст. процесс втягивания мелких крестьянских участков в состав монастырских владений продолжался и в XVII веке. «Вкладами, куплями и залогами монастырь с какой-то силой магнита, тянет к себе мелкими частицами черные земли». «И ныне беспрестанно—жалуются крестьяне Устюжского уезда в 1627 г.—в черных волостях у тяглых крестьян деревни и пожни и пашни, всякие угодья покупают и за вклады емлют, и что, государь, было в тех волостях лучших деревень и крестьян, то они, старцы, все побрали к себе на монастырь» [1]).

Обладая значительными денежными и личными средствами, имея в своей среде опытных «стряпчих», специалистов юридического дела, располагая при том связями и в местных воеводских канцеляриях, и в московских приказах, монастыри, повидимому, не боялись процессов с черными волостями. Тяжбы этих монастырей и сидящих на их земле крестьян с крестьянами черных земель в XVII в. весьма многочисленны. Так, Пудожский погост подает жалобу на соседний Муромский монастырь, старцы и крестьяне которого изгоняют пудожских крестьян из большого черного леса, находившегося между погостом и монастырем, которым прежде они пользовались полюбовно (1644). Вяжицкий монастырь ведет тяжбу с крестьянами одной волости в Заонежьи по поводу земельного захвата, совершенного крестьянами монастыря (1646). Сийская волость спорит с Сийским монастырем, прежние игумены которого завладели землями и покосами волости (1649). На тот же монастырь жалуется другая волость по поводу насильственного завладения крестьянами монастыря рыбными ловлями и угодьями (1649). Сурокина пустынь завладела крестьянскими покосами и посошинами (1653 г.). Климецкий монастырь в течение всего XVII века судится с крестьянами. Пыскорский монастырь даже ведет процессы против своих же создателей и благотворителей—Строгановых [2]).

Другим источником, из которого пополняется постоянно расходуемый фонд поместных земель, являются дворцовые

[1]) Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. I. 1909. Стр. 49—50. 87. См. Сторожев. Монастырск. землевлад. на Вологде (Сб. в честь Ключевского). Стр. 403.

[2]) Чт. О. И. и Др. 1878. III. 42. Барсов. Олонецкий монастырь Клименцы. Чт. О. И. и Др. 1870. IV. Богословский. I. 89 сл.

земли; последние жаловались в значительном количестве и монастырям. Когда в 1550 г. была выделена избранная тысяча лучших детей боярских и наделена поместными землями в окрестностях Москвы, то на это пошли земли, составлявшие исконную родовую собственность царского дома[1]). После завоевания Казани было испомещено в этой области большое количество служилых людей (в 1566-67 г.г.). Но и после этого на земли царя, не розданные в поместья, приходилось 22% всей площади земли, в Свияжском уезде они превышали даже третью часть. Значительную долю дворцовые земли составляли в некоторых степных уездах, как напр., Веневском (22%), тогда как к Епифанском государевы земли, не розданные в поместья, к концу XVI века равнялись не более чем 5% [2]). Много земель, первоначально поступивших во дворец, было распределено между служилыми людьми в Новгородской области. После третьего своего похода в Новгород в 1478 г. Иван III производил беспрерывные конфискации вотчин, принадлежавших боярам, владыке и монастырям, «понеже нам, великим князем, господарьство свое держати на своей отчине Великом Новгороде без того нельзе».

В 1478 г. было взято на великого князя 10 владычных волостей, половина земель у 6 монастырей, Новоторжские волости и земли новгородского служилого князя Василия Шуйского, а также владения сосланных в Москву новгородцев, а «животы их всех велел на себя описати». Это был первый вывод новгородцев и первая конфискация, за которыми вскоре последовали дальнейшие. В 1481 г. был снова арестован ряд новгородских бояр и земли их конфискованы; то же произошло в 1484 г., как результат новгородского «братоненавидения» и «обговора» самих же новгородцев. «Тоя же зимы поимал князь великий больших бояр новгородских и боярынь, а казны их и села все велел описати на себя, а им подавал поместья на Москве по городом; а иных бояр, которые коромолу держали от него, тех велел заточити по городом в тюрьмы». «Того же лета князь великий перевел из великого Новагорода в Володимирь лучших гостей Новгородских 50 семей»,—продолжает Никоновская летопись под 1487 г. Наконец, за покушение на убийство великокняжеского наместника в 1489 г. перевели из Новгорода, по словам летописи, более 7.000 житьих людей на Москву, а на их место были переведены москвичи, которых великий князь «жаловал» в Новгороде Великом землями новгородцев [3])

Конфискованные земли поступали «во дворец», а оттуда переходили к вновь переселяемым под Москву служилым людям. В 1478, 1484 и 1489 т.г. конфисковано было около 80% всех земель, но только третья часть их осталась в руках великого князя. По писцовой книге Бежецкой пятины 1564 г. вели-

[1]) Рождественский, 267.
[2]) Рожков, 371, 373.
[3]) П. С. Р. Л. XII. 182, 185, 213—215—16, 217—20.

княжеские земли охватывали пятую часть всех поселений, оброчные земли в это время были уже розданы. Вообще, несмотря на усиленную раздачу дворцовых земель в поместья, запас последних все же был всегда в XVI веке значителен, так как каждый раз пополнялся вследствие опал и казней Грозного, учреждения опричнины, в особ. же присоединения и колонизации новых земель — новгородских, приволжских, южных. Положение изменилось, однако, в следующем столетии, когда отписка частных вотчин на государя составляла уже явление исключительное, происходила лишь в отношении выморочных земель и ни в коем случае не могла возместить постоянного расхода дворцовых земель, который составил не менее 1½—2 милл. десятин. Приходилось, очевидно, пускать в оборот и старые исконные дворцовые земли [1]). Периодом щедрой траты дворцовых земель была в особенности эпоха 1612—25 г.г. Во время «Московской разрухи» грамоты на вотчины и поместья усердно раздавались и Василием Шуйским и Тушинским и польско-русским правительством в Москве и правительством всей земли под Москвой и в польском лагере под Смоленском и в шведском лагере в Новгороде [2]). Согласно докладной выписке о вотчинах и поместьях» 1613 г., в 14 уездах было роздано в смутное время около 60 тыс. десят. дворцовых земель ближайшим участникам борьбы за национальную независимость, из них почти $^2/_3$ на поместном праве. Это обусловливалось необходимостью снабдить служилых людей, земли которых запустели, поместьями и невозможностью пользоваться для этого одними, поросшими пустыми землями. «Нетокмо на Москве, и в Новгороде Великом и в Казани, бояре и воеводы поместья дают и для того, чтоб тем на Москве людей удержать и без помещиков поместных земель не запустошить» [3]). Однако, наряду с таким снабжением служилых людей населенными дворцовыми селами, имело место и расхищение последних дворянами и детьми боярскими, у которых впоследствии были «поиманы» «воровские дачи» и самовольные захваты—приходилось «сыскивать лишки». Некоторые дворяне успели собрать значительные пространства земли и усердной службой Тушинскому вору [4]). По одному только Арзамасскому уезду находим за один лишь 1610 г. (при Тушинском воре) 35 грамот об отказе поместий, а за менее, чем трехлетнее, правление ополчений имеется по тому же уезду 75 грамот о пожа-

[1]) Готье, 338.
[2]) Сторожев. Уст. кн. пом. прик. 153.
[3]) А. И. II. № 306. IV.
[4]) Докладная выписка о поместьях и вотчинах. Чт. Общ. Ист. и Др. 1901. Веселовский. Семь соборов, 126. Седашев. Очерки и матер. по истории землевлад. в XVII в., стр. 5 сл.

лованных поместьях[1]). В дальнейшем различные «осадные сидения» и другие заслуги во время войн с Польшей и Швецией, как и вообще стремление к испомещению служилых людей приводило к расходованию дворцовых земель. В одном лишь замосковном крае оно в 20-х годах распространилось на 22 уезда, причем большая часть этих земель попала к провинциальным служилым людям мелкими участками. Результатом столь сильной убыли дворцовых земель явился указ 1627 г., согласно которому, «вперед с нынешнего числа государевых дворцовых сел и деревень в вотчины и в поместья боярам и окольничим и дворянам, и стольником, и стряпчим и из городов детям боярским и атаманом, и казаком отнюдь никому не давать для того, что на государев обиход и на всякие дворцовые расходы и государевым дворцовым людем всех чинов и ружником и оброчником на жалование денег и хлеба не достает много, а исполнить неоткуды». Но так как царь сам может забыть о своем указе, то прибавлено: «и хотя будет их государской приказ будет по чьему челобитью велят выписать кому дворцовое село или деревню к отдаче и сей их государской приказ памятовать и докладывать... и велети сей государской указ в поместном приказе записать и государевых дворцовых сел и деревень и пустошей в поместье и в вотчину никому не давать»[2]). Но несмотря и на эту прибавку, царь сам же нарушал свой указ, когда дело шло о передаче дворцовых земель сильным людям, а Соборное Уложение и вовсе отменило закон 1627 г. Все же раздача их практиковалась в сравнительно невысоких размерах и только с 1680 г. она снова усилилась, но уже не по мелким участкам служилым людям, а в крупных размерах боярам, придворным чинам и любимцам, напоминая эпоху бесцеремонной траты дворцовых и государственных имуществ в пользу фаворитов XVIII века. В 1682—1711 г.г. пожаловано было дворцовых земель ½ милл. десят. пахотей, 51 тыс. дес. покоса и 33 тыс. дес. леса, не считая обширных неизмеренных лесных пространств. Все это были уже не поместья, а вотчины[3]).

Вотчины получали и монастыри. И тут рука царей не оскудевала, хотя их приобретения из дворцовых земель далеко не могут сравниться с тем, что получали светские землевладельцы. Потому то развитие духовного и светского землевладения в рассматриваемую эпоху не обнаруживает одинаковых черт.

Эти пожалования вместе с вкладами и завещаниями по душе составляют попрежнему главный способ приобретения

[1]) Арзамасские поместн. акты 1578—1618, изд. Веселовским. 1916.
[2]) Указн. кн. поместн. прик., № 40.
[3]) Семевский. Крест. в царств. Екатерины II, 11.

монастырских земель, которые продолжают расти и множиться и втечение XVI века. Лишь за ними следует и теперь по своему значению покупка недвижимостей. Так Троицко-Сергиев монастырь владел к концу XVI века свыше 2½ тыс. поселений, из коих не менее двух третей перешло к нему в течение XVI в. Среди этих вновь поступивших земель около ¾ составляют вклады, есть и пожалования и завещания, куплено же монастырем сравнительно очень немного земель. Подобным же образом увеличивали свои владения и северные монастыри в течение XVI ст., как напр., Николаевский-Корельский, Михаило-Архангельский, Антониев Сийский. Все они богатеют от щедрот царских и от вкладов вотчинников [1]). Кириллo-Белозерский монастырь, повидимому, чаще других прибегал к покупке земель, но и в этом случае не следует упускать из виду, что «без всяких убытков и расходов монастырь стал владельцем почти половины своих земель» [2]).

Только новгородские монастыри и владыка сильно пострадали от конфискации земель, произведенной Иоанном III в конце XV ст. До конфискации монастырские владения по количеству дворов, людей и обж равнялись 19 проц., архиерейские 10-11%, после отнятия земель первые упали до 9-10%, т.-е. вдвое, вторые уменьшились еще более—в 5—6 раз, составляя менее 2% всего количества земель. Впоследствии монастырское землевладение в этой области еще более сократилось: по писцовой книге 1576 г. оно равнялось всего 2%, т. е. почти совсем исчезло [3]).

Однако, новгородская область составляет исключение. Во всех других местностях мы замечаем, напротив, прирост монастырских земель на счет дворцовых и черных земель, в особ. же вотчин служилых людей, отдававших свои земли, «вечного ради спасения», в монастыри, эти «привилегированные мастерские наемной молитвы», как их называет Ключевский. По словам Флетчера, монахи владеют весьма значительными поместьями и некоторые из монастырей имеют огромные доходы от своих земель, больше всех Троицкий монастырь [4]). В результате вотчины уходили «из служилых рук в монастыри», вынуждая правительство «для поддержания военно-служебной годности своих слуг возмещать их вотчинное оскудение усиленными поместными и денежными окладами» [5]).

В Московском уезде, в 13 станах, по книгам 1585—86 г.г., 40% пахотной земли в поместьях и вотчинах пустовало, а из остальных 60% было за помещиками 6%, за вотчинниками

[1]) Рожков, 377 сл. 402 сл. 407 сл.
[2]) Никольский, 6 сл.
[3]) Яницкий, 13. 49.
[4]) Флетчер, 100.
[5]) Ключевский. Курс. II. 360.

16%, за монастырями 37%, так что из всей обрабатываемой пашни 60% находилось в руках монастырей. По счету 1623—24 г.г. порожих земель было 19%, за помещиками 20%, за вотчинниками 17%, монастырям же принадлежало 44%, т.-е. свыше половины «живых» земель и больше, чем у вотчинников и помещиков, вместе взятых. Так что в центре государства процветало не боярское землевладение, а монастырское. Служилые люди «пустошили свои поместья и вотчины, монашество же продолжало копить земли». «Широкое развитие монастырского землевладения — прибавляет С. Ф. Платонов — во всем Замосковье не требует доказательств» [1]).

Характерную черту этого землевладения составляло то, что однажды попавши в руки монастырей, земли уже не могли уходить от них, в виду принципа неотчуждаемости или «неподвижности» монастырских земель. Раз земля давалась монастырю «вечного ради спасения и небесных благ наслаждения», которое должно было обеспечиваться вечным поминовением души вкладчика, «доколе святая обитель стоит» и даже «доколе мир стоит», то и самые вклады, конечно, должны были быть вечными и выкуп их родичами становился невозможным. Церковь усердно проводила это учение, тем более, что монахи—по ее словам—являлись лишь хранителями и распорядителями чужой собственности, отданной богу, и, конечно, ни родичи, ни кто-либо другой не могут ее уже взять назад. Церковь и заставляла вкладчиков в их данные и вкладные вносить запрещение выкупа переданных монастырю вотчин, причем дарители должны были заявлять, что «всему роду до той вотчины дела нет», угрожая родичам, которые пытались бы произвести такой выкуп, судом в будущем мире. «А роду моему ни ближнему ни дальнему того села у Живоначальные Троицы не выкупити, а кто насильством выкупит то село, и мне с ним суд будет пред Богом». Что же касается наследников, то завещатель, отдавая свой двор, нередко просил лишь игумена с братией, чтобы они «пожаловали, жены его не выкинули вон из того двора до ее смерти», или предоставлял их милосердию «жену его наделити, как им, государям, Бог известит». Для того, чтобы выкуп сделать невозможным, завещатели в своих «душевных грамотах» нередко устанавливали и несоразмерно высокие цены за выкуп («цена написана велика от вотчичев ухитряючи») вплоть до 300 рублей за одну пустошь (почему позже наследникам было предоставлено право требовать переоценки, если духовная не была еще запечатана и утверждена) или предоставляли монастырю за распашку

[1]) Уставн. кн. местн. прик. изд. Сторожевым. VI. 60—63, стр. 188 сл. Опис. докум. и бум., хран. в М. А. М. Ю. VI. 1889. Платонов. Истор. смуты. 52 сл.

и лесную расчистку взять деньги «по их властелинской сказке», а крестьян вывезти. А сверх того монастырь брал особую отпись от тех родичей, которые могли бы воспользоваться своим правом выкупа в том, что им до тех земель дела нет, вел с родичами процессы о выкупе, даже прямо обращался к царю с челобитьем запретить выкуп и обычно добивался своей цели [1]).

Были впрочем и среди духовенства люди, которые находили такое любостяжание со стороны монастырей «мерзостным», возмущались бесстыдством «прошаков» и требовали, чтобы черпецы жили по пустыням и кормились бы своим рукоделием, а не владели вотчинами. Выразителем их являлся Нил Сорский. Но на церковном соборе 1503 г., где этот вопрос был поставлен, огромное большинство было на стороне не его, а его противника, Иосифа Волоцкого, который отвечал Нилу: «если у монастырей сел не будет, то как честному и благородному человеку постричься, а если не будет доброродных старцев, откуда взять людей на митрополию, в архиепископы, епископы и на другие властные места?» Этим вопрос был решен. Под требованиями Нила не оказалось «реальной почвы», жизнь была против него. Не лучше была судьба и других «нестяжателей», последователей Нила—Вассиана Патрикеева и Максима Грека. И они за отрицание права монастырей владеть селами были приговорены к заточению. Их проповедь была признана дерзким посягательством на вековые права церкви, хулою на св. отцов, «еретическим мудрованием» [2]).

И государственная власть пыталась бороться с накоплением земель в руках духовенства. Еще Василий III (ок. 1523 г.) постановил в отношении ряда городов (Твери, Торжка, Белоозера, Рязани, Оболенска, Микулина) и князей (Суздальских, Ярославских, Стародубских), чтобы вотчин «по душам в монастыри без докладу (без царева великого князя ведома) не давали». Речь шла вообще о сохранении вотчин в роду, либо тем же указом людям тех же городов и тем же князьям запрещено продавать свои вотчины сторонним людям мимо вотчичей без доклада государю. Но едва ли указ имел какое-либо практическое значение. Собором 1551 г. он был подтвержден и расширен: «вперед архиепископом и епископом и монастырем вотчин, без царева и великого князя ведома и без докладу, не покупати ни у кого, а князем и детем боярским и всяким людем вотчин без докладу не продавати ж». В противном случае «у тех, кто купит, деньги пропали, а у продавца вотчина;

---

[1]) А. Ю. №№ 420, 421. А. И. I. № 154. VI. Горчаков, 156 сл. 167 сл. Рождественский, 107 сл. Павлов, 17. Сташевский. Моск. уезд по писц. кн., 85 сл.

[2]) Павлов, стр. 41—66 сл. 79 сл. 88 сл.

а взяти вотчина на государя, царя и великого князя безденежно». Запрещение купли-продажи распространяется, следовательно, не только на монастыри, но и на архиереев, касается всяких вотчинных земель и возлагает ответственность в равной мере как на продавца вотчинника, так и на покупателя—монастырь: первый лишается денег, второй вотчины. Точно также вотчины, которые «без государева ведома даны по душе», «безденежно имати на государя».

Было бы, однако, ошибочно заключать из этого, что речь идет о секуляризации монастырских земель. Напротив, они этим приговором закреплены и признаны за монастырями. «А которые вотчины свои в монастыри по душам до сего государева приговору давали: и тем вотчинам вперед за монастыри и быти, потому что те вотчины даваны в монастырь до сего государева приговору» [1]). Только впредь продажа вотчин и вклады их не допускаются без особого разрешения царя. О других же способах приобретения недвижимостей вообще не упоминается, как и не говорится о других видах земель. На соборе 1551 г. вопрос о церковных и монастырских вотчинах затронут был со всех сторон, но ни с одной не разрешен окончательно [2]).

Вскоре после этого, в 1562 г. был и указан способ замены отдачи земель по душе иным средством обеспечения вечного поминовения—денежными вкладами. Если бездетный служилый князь в духовной грамоте «душу свою напишет с тое вотчины строити», то исполнение этого желания его производится из движимого имущества («из животов») или, за неимением последнего, из царской казны («государь, разсудя по вотчине, что кому дати пригоже, велит дати из своея казны, а те вотчины велит государь имати на себя») или, наконец, это составляет обязанность родственников, которых жалует государь тою вотчиной («тому с тое вотчины душу брата своего или дяди своего устроити и в монастыри по нем давати») [3]). Собор же 1573 г. распространил эту меру на все родовые княжеские и боярские вотчины, запрещая в поместной избе записывать их за «большими» монастырями, «где вотчины много», чтоб «в службе убытка не было и земля бы из службы не выходила». Исключение делается для бедных, малоземельных монастырей: им дозволено принимать вотчины, хотя и только с доклада царю. «А кто которым монастырем малым даст вотчину, у которых монастырей земель мало: и те вотчины, доложа государя, записывати» [4]). И теми же указами 1562 и 1572 г. за-

---

[1]) А. А. Э. I. № 227.
[2]) Павлов, 126.
[3]) А. И. I. № 154. XVIII.
[4]) А. И. I. № 154. XIX.

прещено было вообще отчуждать княжеские вотчины (продавать, менять, в приданое давать) мимо вотчичей.

В этой борьбе с духовным землевладением обнаруживается, таким образом, большая нерешительность, все сводится к полумерам. Постановления касаются только родовых вотчин и только высшего служилого класса и затрагивают одни лишь крупные и богатые монастыри, обычай же земельных вкладов вовсе не уничтожается. Более решительный характер имеет соборный приговор 1580 г., устанавливающий в качестве общего правила для всех вотчинников замену земельных вкладов денежными пожертвованиями в пользу монастыря—«давати за них в монастыри деньги, которое село чего судит». Кроме того, «митрополиту и владыком или манастырем земель не покупати и закладней не держати». Так что остается один лишь способ приобретения земель—посредством царского пожалования. Мотивируется этот приговор разорением земли, происходящим от врагов — «от Турского, и от Крымского, и от Нагай и от Литовского короля, с ним же совокупившася Польша, Угры, Немцы Лифлянские и другие Свейские». Все они «образом дивияго зверя распылахуся, гордостию дмящеся, хотяху потребити православие». Между тем «села и ложни или иная угодия земляная, яже по священным епископиям и по святым монастырем в пустош изнуряютца, ради пьянственного и непотребного слабого жития многообразне». Так что накопление богатств в монастырях производилось «с ухищрением и тяжею», «прибытка» никакого не давало и вызывало лишь пьянство и обжорство «мнихов», «ественные» и «иные проторы». А в то же время «воинство», которое должно отражать всех этих многочисленных врагов, «велие прииде в оскудение». Отсюда то упомянутые постановления—«да церкви Божие и священные места без мятежа будут, а воинский чин на брань, против врагов креста Христова ополчается крепцы». Но в то же время при всех стеснениях дальнейшего приобретения земель духовными учреждениями вновь провозглашается неприкосновенность наличных владений церкви: «да ничто же претваряеца и из митропольи и из епископии и из манастырей не изходит и вотчины никоторым судом ни тяжею у митрополита и у владык и у манастыря не емлют и не выкупают»[1]).

Каковы же были результаты этого законодательства? Это можно проследить на основании данных об одном из наиболее крупных монастырей—Кирилло-Белозерском. Этот монастырь и после соборного приговора 1551 г. нисколько не сократил числа своих вотчинных приобретений. В течение 14 лет 1551—64 г. было заключено до 19 крепостей на вотчины, следующее

[1]) С. Г. Г. и Д. I. №№ 200 и 202. А. А. Э. I. № 308.

же восьмилетие 1564—72 г.г. было эпохой, когда Кириллов монастырь развил особенно кипучую деятельность в этом направлении, скупая земли и на крайнем севере и в центральной Руси, когда он спешил закреплять за собой не только вотчины, но и черные участки, прибегая иногда к фиктивным сделкам. Н. К. Никольский полагает даже, что «не без генетической связи с историей Кирилловской вотчины было самое появление запретительных указов 1572 и 1580 годов»[1]). Любопытно и следующее. Как мы видели, первым ограничением приобретения земель монастырями являлось постановление Василия III (или Ивана III), запрещавшее вклады по душе в некоторых определенных местностях, в том числе в Белоозере. Но Кирилловского монастыря это правило, повидимому, совершенно не касалось. Он не только продолжал и здесь усиленно приобретать вотчины, но и царской грамотой 1556 г. получил право купить вотчины на 2.000 руб. «опричь Новгородские и Псковские и Рязанские и Тферьские и Смоленские земли». Белоозеро здесь не оговорено, царь сам нарушает царский указ[2]). При этом вообще и после 1551 года ни о каком докладе государю, как этого требовал соборный приговор, и речи нет: монастырь и теперь приобретает вотчинные земли без ведома царя, записывая их только в Поместной избе. Не остановился рост землевладения Кирилло-Белозерского монастыря и в последующую эпоху. После указа 1572 г., в течение 9 лет, игумен Козьма успел сосредоточить во владении монастыря столько новых участков, сколько не удавалось ни одному из его предшественников. Правда, отчасти монастырь с законом 1572 г., запрещавшим монастырям получать вклады от высшего служилого сословия, считался, принимая дарения, главным образом, в виде мелких владений, преимущественно городских или черных земель, причем он обращал теперь особенное внимание на расширение своих промысловых предприятий, покупая много «росолов» (рассолов) и варниц. Когда же соборный приговор 1580 г. решительно запретил приобретение монастырям новых вотчин, какими бы то ни было способами, Кириллов монастырь путем получения специальных царских жаловальных грамот имел возможность игнорировать это постановление; бывали даже такие случаи, что ему передавались и такие земли, о которых данная вотчинника не упоминала[3]).

Вообще, как мы видели выше, в течение XVI ст. монастыри усиленно обогащаются и, повидимому, вторая половина XVI ст., когда последовали эти указы, не отличается от первой. В частности Троицким-Сергиевым монастырем было ку-

---

[1]) Никольский. 20 сл. Матер. XLII.
[2]) А. А. Э. I. № 246.
[3]) Никольский. Матер LVI сл. LXXV сл. LXXVIII сл.

плено вотчин с 1515 по 1551 г. на 6.563 руб., с 1551 г. по 1573 г. на 7.395 руб., с 1575 по 1588 г. на 1.550 руб. Это уменьшение покупок в последний период, однако, еще не доказывает сокращения земельных приобретений, ибо—как мы указывали—большую роль играли безвозмездные способы расширения земель, в особ. вклады, а они продолжались и впоследствии. Путем пожалования земельные владения Троицкого монастыря множились и при царе Федоре и при Борисе Годунове, в междуцарствие заменяли царя бояре[1]). По одному только Дмитровскому уезду находим (в грамотах Коллегии Экономии) 92 данные Троице-Сергиеву монастырю (за 1500—1630 г.г.) [2]).

Не иначе поступали и другие монастыри. Так, среди тверских актов, изданных Шумаковым (XVI и XVII ст.) о докладе прямо говорит лишь одна 1559 г. («доложя царя и государя великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и по его царской жалованной грамоте») [3]), еще в другом случае (1557 г.) доклад мог иметь место, ибо жертвовательница заявляет, что дает землю в дом Пречистые Богородицы «по духовной грамоте мужа своего и по государеву жалованью» [4]). Наконец, в одной меновной 1585—1588 г.г. имеется выражение «доложа государя царя и великого князя» [5]). Но это и все. Остальные 68 актов, данных, духовных, купчих, меновных совершены без доклада, монастыри приобретают земли попрежнему, не считаясь ни с какими постановлениями. «Значит, законодательство шло своим чередом, а жизнь тоже своим» [6]). Подтверждением этого могут служить и угличские акты, касающиеся приобретения недвижимостей монастырями (данные, купчие, меновые) и относящиеся, главным образом, к XVII веку. Лишь в некоторых из них, преимущественно меновных, упоминается о государевом жаловании, но едва ли это можно понимать здесь в смысле доклада. Речь идет, повидимому, просто об отчуждении пожалованного собственнику поместья или вотчины («дал вкладу.... великих государей жалования поместную пустошь», «променил... государево жалованье, а свою выслуженную вотчинную землю») [7] [8]).

Наименее допустимыми считались, повидимому, безвозмездные приобретения земель, вклады по душе, почему монастыри старались при-

[1]) Горский. 192. 195 сл.

[2]) Обз. Гр. Колл. Эк. III. №№ 19—110.

[3]) Тверские акты, изд. Шумаковым. Вып. I. Акты 1506—1647 г.г. (Изд. Тверск. учен. архивн. ком.), 1896. № XX.

[4]) Там-же, № XIX.

[5]) Там-же, № LXXV.

[6]) Там-же, стр. 38.

[7]) Угличские акты (1400—1749 г.) изд. Шумаковым. 1899. №№ XLVI—XLVIII, LXX—LXXIII, LXXV.

[8]) В одной данной (1613 г.) прямо сказано: «а тою вотчиною после моего живота владети Троице-Сергиева монастыря архимандриту с братиею и жалованная грамота, почему я, Федор, тою вотчиною владею, после моего живота в монастырь отдати».

дать им форму купчих. Такой характер имеет, напр., купчая 1571 г. на село Перветино с деревнями, приобретенное Тверским Новодевичьим монастырем. Его продала монастырю старица Епраксея по приказу и по духовной грамоте старицы княгини Евдокеи за 175 руб., причем из них 75 руб. взяла Евдокея, что же касается остальных 100 руб., то Епраксея хотя и получила их, но затем «дала те деньги по ней, по приказу княгини Евдокеи, вклад в дом Пречистые» [1]). И в другом случае трудно сказать, имеем ли мы дело с купчей или с данной. Казарин Херов покупает у Троице-Сергиева монастыря в 1598—99 г.г. в Тверском уезде сельцо Пирогово с деревнями и с пустошами, причем однако уплаченные им 300 руб. названы вкладом («а за ту вотчину взяли у меня в монастырь вкладу 300 руб. денег»). Но собственником купленной вотчины Казарин не становится, ибо он обязуется «тое вотчины не продати и не заложити и в иной монастырь по душе не отказати, и на свое имя в книги не записати, и тое вотчины не запустошити». В противном случае он платит неустойку в 500 руб., хотя сам заплатил за землю всего 300 руб. После смерти его возвращается «та вотчина опять в монастырь к Троицы Живоначальной» [2]). Таким образом, уплаченные Казариным 300 руб. за сельцо с деревнями, действительно правильно названы вкладом. За них он земли никакой не приобрел, а получил их только временно, причем обязался вернуть ее в улучшенном виде, заселенной и обработанной, так что для монастыря получалась одна выгода.

Пожалования, поскольку они не касались вотчин, а производились на счет дворцовых или черных земель, конечно, не противоречили указам. Но цари шли и дальше—Иван Грозный, напр., дал монастырям громадные вотчины князя Бельского по душе его и его рода, хотя указы 1562 и 1573 г.г. предусматривали в таких случаях денежные вклады, но отнюдь не земельные. Царь Федор также давал монастырям большие вотчины на поминок [3]).

Нет ничего удивительного в том, что после Смуты, когда правил Михаил, отец которого занимал 15 лет патриарший престол, на исполнение указа 1580 г. обращалось весьма мало внимания и действие последнего даже было ограничено указом 1622 г.: «которые вотчины даваны в монастырь по душам, а иные продаваны с 89 (1581) году, а вотчинники из монастырей в те годы по Московское разоренье и по та места, как государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руссии учинился на государстве, о тех вотчинах государю и прежним государем не били челом и тех вотчин не выкупали, и тем вотчинам быть за монастыри попрежнему потому, что те вотчины

---

[1]) Тверск. ак. I. № LXXI.
[2]) Там-же. № LXII.
[3]) Рождественский. 115 сл.

застарели в монастырех многими леты» [1] [2]). Соборное Уложение 1649 г. вновь подтвердило указ 1580 г. [3]), причем любопытно, что эти статьи Уложения были составлены по единодушному челобитию, поданному царю «всеми выборными людьми от всея земли». Но собор пошел в этом направлении еще дальше, настаивая на том, чтобы все земли, которые перешли в руки духовенства после 1580 г., были отобраны и розданы «по разбору служилым людем безпоместным и пустопоместным и малопоместным дворянам и детем боярским» [4]).

Это последнее требование, конечно, осуществить не удалось, но все же дальнейшее обогащение духовенства теперь было сильно затруднено. Не то, чтобы духовные учреждения перестали выпрашивать себе вклады. Нет, эти «прошаки» по-прежнему бесстыдно толкались у дверей бояр и служилых людей, как выразился когда-то Нил Сорский. Законы нарушались и теперь и прямо и косвенным путем посредством обходов. В особенности нередко вклады принимали форму мены, но, конечно, мены фиктивной, при которой монастырь, получая значительные владения, взамен их давал какую-нибудь небольшую деревеньку, или пустошь. Иногда и последняя должна быть продана лицом, вступающим в мену, и вырученные деньги переданы тому же монастырю, так что имеет место едва замаскированное пожертвование имения [5]).

Примеры такого рода мен мы находим в большом количестве в истории казанского архиерейского дома. Здесь уже из самого сопоставления размеров отдаваемой митрополиту и получаемой от него земли видно, что речь идет либо о вкладе, лишь прикрывающемся формой промена, либо, если архиерейский дом в дополнение к незначительному количеству земли присоединяет крупную денежную сумму, о замаскированной покупке. Так, под'ячий Павила Миткеев променял свою поместную землю по 20 четвертей в поле с лесом, покосами и угодьями на 3 четверти в поле, иначе говоря, отдал ее в дар. Такой же характер имела мена между князем Болховским и митрополитом—25 четвертей на 10. Игнатий Останков променял в 1692 г. 75 четв. в поле («а в дву потому ж») «с лесом и с сенными покосы и с усадебною землею и со всеми угодьи» на 5 четв., «а до лесу и до сенных покосов и до усадебные земли мне, Игнатью, дела нет». Но за «перехожие четверти», т. е. лишние, он получил деньгами 75 р., т. е. в сущности продал землю. То же имело место и в том случае, когда Тютчев уступил все свое государево жалование в 100 четв с лесом и покосами всего за 5 четв., притом без покосов, угодий и усадеб, но получил плату в 100 руб. А Артемий Кудрицкий променял «в дом Пречи-

[1]) Ук. кн. Пом. Прик. III. № 6.
[2]) См. Сташевский. Царств. Мих. Федор. 217. Готье, 347. Седашев, ук. соч.
[3]) Улож. XVII. Ст. 30 и 42.
[4]) А. А. Э. IV. № 33.
[5]) Готье. 358 сл. 364 сл.

стые Богородицы и чудотворца Гурия целых 173 четв. поля, покосы на 800 копен, поверстный лес, усадьбу, постройки и заводы взамен 5 четв. без леса, покосов и угодий. Однако, и ему приплачено было 570 руб., сумма по тому времени очень большая. Еще более ярко запрещенная покупка, но в скрытой форме, выступает в сделке митрополита с вдовой Феклой Львовой в 1697 г., которая отдает 27 четей всего за одну и в придачу берет 100 руб. Но и этой одной четью она «поступилась в дом Пречистые Богородицы бесповоротно», так что на самом деле за 27 четв. получила 100 руб., т. е. попросту продала их. Едва ли при таких условиях можно утверждать, что «промена с прикупками была обычным способом не столько увеличения, сколько упорядочения» владений архиерейского дома. Митрополиты казанские и сами сознавали, что такого рода фиктивная мена, в сущности купля-продажа, противоречит Уложению и может быть оспорена. Поэтому в меновых записях обычно прибавлено, что отдавший землю обязуется «о повороте той променной земли... великим царем и святейшему патриарху не бити челом» и «против сей записи и заручной челобитной ничем не спорить», если же другие «учнут по каким крепостям вступатца... в той променной земли, митрополита очищать». В противном случае променявший землю подлежит крупной неустойке (напр. 100 р.): «протори и убытки сказке домовых стряпчих все сполна» [1]). Но помимо таких «мен», казанский архиерей продолжает захватывать и в XVII ст. новые земли и судится из-за земель и покосов, как и из-за рыбных ловель с соседними крестьянами и татарами, не переставая подавать челобитни, пока спор не решается в его пользу; и это несмотря на то, что для крестьян получается «разоренье и скитанье», тогда как архиерейский дом и без того владел обширными пахотями и покосами, был самым крупным владельцем рыбных ловель в среднем Поволжьи, а сверх того получал из царской казны много хлеба, рыбы, меду на прокормление «богобоязливых старцев»; свои же рыбные ловли он при таких условиях мог сдавать в оброк [2])

Другим средством обхода запрещений покупки земель являлись залоговые сделки духовных учреждений, при помощи которых земли, не будучи выкуплены, превращались в собственность монастыря. Так Архангельский монастырь на Устюге в течение 1624—1648 г.г. совершил 50 земельных приобретений, из которых 47 было залогов, и перешедшие к нему этим путем земли имели ценность в 7 тыс. руб., а Троицкий Гледенский монастырь при помощи 42 сделок, также преимущественно залогов, в течение того же периода приобрел земель более, чем на 4 тыс. руб. [3]).

Однако, эти и другие северные монастыри могут послужить — как мы видели — и примером той склонности к сутяжничеству по земельным делам, которую мы уже наблюдали у казан-

[1]) Покровский. 63—64. Прил. стр. XXIV сл.
[2]) Там же. 49 сл. 55, 69, 71 сл. 86 сл. 188 сл.
[3]) Богословский. I. 86 сл.

ского архиерейского дома и которая обнаруживалась и у других монастырей, напр., Кирилло-Белозерского уже в XV ст. [1]).

Недаром Вассиан Патрикеев говорил по поводу «законоотступных мнихов, что они молят царей и князей о льготе для себя и об обиде для окрестных поселян, ведут со своими соседями тяжбы о границах земель и сел и выдают себя притом за чудотворцев» [2]).

Уже из одного сборника грамот Коллегии Экономии по Двинскому уезду, охватывающего период до пол. XVII ст., можно усмотреть, что во всяком случае до этого времени монастырское землевладение продолжало возрастать. Не только северные монастыри, как Николаевский Корельский, Спасский Прилуцкий, Антониев Сийский, Кozьмоучьевская пустынь и другие, увеличивают один в большей, другие в меньшей степени свои владения, но и Троице-Сергиев монастырь, расположенный в центральной области, и здесь, на севере, приобретает земли в Варзужской волости, на острове Солоткове, в слободе Курейской и других местах, так же, как он становится собственником земель, лавок и дворов в северных городах и посадах [3]). В начале XVII ст. владения этого монастыря находились в пределах 31 уезда [4]) [5]).

Таким образом, приобретение земель духовенством и в XVII ст. не прекращается. Но все же, повидимому, во второй половине его оно совершается в значительно меньших размерах, чем раньше. Свободные земли сокращались, жаловать уже было нечем, старые княжеские роды, обладавшие обширными владениями, вымирали, приходившее им на смену служилое сословие не располагало достаточным количеством земли, чтобы отдавать ее церкви. Последняя, в связи с изменившимися хозяйственными условиями, с расширением рынка и развитием торговли стала обращать большее внимание на

[1]) См. т. I, стр. 71 сл., а также ряд актов, приведенных в сборн. Федотова-Чеховского, т. I.

[2]) Слово об иноческом житии и устроении церковном. 67—68.

[3]) За 1607—1622 г.г. см. Сборн. Грам. Колл. Экон. I. №№ 412, 421, 432—33, 435, 441, 457, 463, 465, 470—72, 474, 476, 479—82, 484—85, 515, 532, 566.

[4]) В грам. 1625 г. перечисляются владения Троице-Сергиева монастыря в след. уезд.: Московском, Коломенском, Боровском, Ярославецком-Малом, Оболенском, Верейском, Волоцком, Мещевском, Старицком, Новоторжском, Тверском, Клинском, Бежецком, Угличском, Каширском, Белозерском, Пошехонском, Ярославском, Костромском, Плесском, Гороховском, Балахонском, Нижегородском, Муромском, Владимирском, Суздальском, Юрьевском, Переславском, Ростовском, Радонежском, Дмитровском (Сб. Гр. Колл. Экон. I. № 530, см. также №№ 402 и 483).

[5]) Владения казанского архиерейского дома за 20-летие с 1603 по 1623 г. увеличились на 1000 четей пахоти и 2000 копен сена, число крестьянских дворов возросло всего на 14, тогда как бобыльских с 35 до 233, т. е. в 7 раз. В 1672 г. оказалось вместо 23 тыс. копен сена (1623 г.) целых 118 тыс. или в 5 раз больше (И. Покровский. 52, 55).

иные способы извлечения доходов, при помощи обращения накопляемых ею денежных сумм в капиталы и помещения их в соляной промышленности, в рыбных и звериных промыслах, в торговле и кредитных операциях.

Но своих прежних земель церковь пока еще во всяком случае не теряла. Если и бывали отдельные случаи отписки церковных земель на царя, то они имели место редко и лишь условно, так что, коль скоро права монастыря подтверждались, земля возвращалась обратно. Однако, все это постепенно подготовляло тот коренной переворот в отношении церковных имений, который совершился в XVIII веке.

Ведется борьба и с духовными иммунитетами, с из'ятиями монастырских и владычных земель от суда и дани. В XVI ст., в особ. во второй половине его, в новых жаловалных грамотах и еще более в возобновляемых податные льготы суживаются. Содержатся оговорки: монастыри свободны от податей и повинностей «опричь ямских денег и посошные службы и тамги», «опричь яму и городового дела и посошные службы», а «городовое им острожное и засечное дело делати с иными сохами вместе» [1]). На духовные учреждения возлагаются, главным образом, повинности военного характера и значения, как «татарский ям», посошная служба, засечное дело. Однако, это были лишь частичные и незначительные ограничения, в общем и целом льготное положение духовных владений сохраняется. Судебник 1550 г. в этом отношении пошел дальше, постановив; «а тарханных впредь не давати никому, а старые тарханные грамоты поимати у всех» [2]). Однако, та же статья дальше допускает выдачу льготных грамот («а велит государь кому какову грамоту дати льготную»), которые могли содержать те же из'ятия от суда и дани. Мало того, одновременно с этим Иван Грозный (в 1549 г.), извещая своих Дмитровских и Кимерских таможников об отмене тарханных грамот в отношении таможенных пошлин («ныне те все свои грамоты жаловалные тархалные в одних своих в таможенных пошлинах и в померных порудил»), тут же делает ряд исключений: «опричь Троицких Сергиева монастыря и Соловецкого монастыря и Новодевича монастыря, что на Москве, и Кириллова и Воробьевские слободы» [3]). При таких оговорках, когда именно монастыря, которые вели—как мы увидим ниже—обширную торговлю, сохраняли свои привилегии, самая отмена этих льгот теряла всякое значение. Обилие иммунитетных грамот и во второй половине XVI ст. является лучшим доказательством того, что постановление Судебника осталось мертвой буквой.

---

[1]) А. И. I. № 143. А. А. Э. I. № 179, 200. Рождественский: 138 сл.
[2]) Судебн. 1550 г., ст. 43.
[3]) А. А. Э. I. № 223.

Столь же мало значения имело и уничтожение Стоглавом (в 1551 г.) несудимых грамот, выдаваемых духовенству [1]). Об этом свидетельствует и приговор собора 1580 (и 1584 г.) [2]). Последний мотивируется тем, что духовные владельцы с их земель «никакие царские дани и земских розметов не платят, а воинство служилые люди те их земли оплачивают и сего ради многое запустение за воинскими людми в вотчинах их и в поместьях, платячи за тарханы, а крестьяне вышед из за служилых людей живут за тарханы во льготе и от того великая тощета воинским людем приде». Собор сознавал, следовательно, что не только рост самого монастырского землевладения, но и привилегированное положение его наносит ущерб служилым людям, крестьяне которых предпочитают уходить на льготное положение в духовные вотчины. Собор принял вновь решение уничтожить тарханные грамоты: «платить всякие царские подати и земские розметы всяким тарханом... со всеми людми ровно всей земле... и тамга тарханом и всяким людем... хто ни почнет торговать, чтоб воинство конечно во оскудение от того не было... и государеве казне в том убытка не было». Впрочем прибавлено, быть может, лишь для успокоения духовенства, «до государеву указу... покаместа земля поустроитца и помочь во всем учинитца царским осмотрением». Однако было бы ошибочно предполагать, что и после этого выдача тарханных грамот монастырям прекратилась. «Вплоть до конца всего XVII ст. правительство не переставало выдавать владельцам духовного звания несудимых грамот, на основании которых они продолжали пользоваться прежнему правом суда и расправы над поселенными на их землях людьми. [3]). Таковы, напр., грамоты 1615, 1618, 1662, 1675, 1685 г.г. и многие другие [4]). Иначе обстояло дело с податными льготами; с последними правительство вынуждено было усиленно бороться. «Из грамот и актов XVII столетия видно, что при трех первых государях из дома Романовых и особенно при последнем из них большая часть монастырских вотчин уже вовсе перестала пользоваться льготой от платежа податей, а те из монастырей, которые сохранили за собой эту привилегию, пользовались ею далеко не в той мере, как прежде, и освобождались только от платежа некоторых, весьма немногих налогов» [5]). Однако,

---

[1]) Стоглав, гл. 67.

[2]) С. Г. Г. и Д. I. № 202.

[3]) Милютин. 246. См. Платонов. Ист. Смуты, 593. Его же. Борис Годунов, 92. Шпаков. Госуд. и церковь в их взаимных отношениях в Моск. гос. 1912, стр. 85. В. А. Петров. Соборн. улож. 1584 г. об отмене тарханов (Сб. ст. посв. Платонову. 1922). Рождественский. Ж. М. Н. П. 1895. V.

[4]) См. А. И. III. №№ 60, 76, IV. №№ 16, 254. Угличские акты Шумакова. XVII, XVIII.

[5]) Милютин. 232.

в первой половине XVII ст. такие льготы еще сохранялись и только к концу его стали исчезать.

Нечего говорить, что такие привилегированные монастыри, как Кирилло-Белозерский или Соловецкий (см., напр., грам. 1638 г.) могли продавать свою соль беспошлинно (или взимаемая с них пошлина им возвращалась затем в Москве), и когда они жаловались на то, что им «продажи и убытки чинят великие», то прежние тарханные грамоты им подтверждались [1]). Но и другие монастыри добиваются сохранения им или восстановления прежних податных льгот. Так, в грамоте 1619 г. Спасо-Прилуцкому монастырю указывается на то, что, хотя в предыдущем году «тарханные грамоты велено порудити и с товаров всякие пошлины велено имати с торговыми людьми вряд», тем не менее монастырю подтверждены прежние жалованные грамоты 1606 и 1608 г.г. на беспошлинную торговлю, и эти грамоты «и у них рудити ли в чем не велели» [2]).

Многие грамоты вообще ничем не отличаются от тарханных грамот XV века. Так, в грамоте 1622 г. Ярославскому Спасскому монастырю читаем по-прежнему: «воеводы наши и приказные наши люди тех их монастырских слуг и прикащиков и крестьян не судят ни в чем, опричь душегубства и разбою и татьбы с поличным, и кормов своих на них не емлют и не высылают к ним ни по что, а праведчики и доводчики поборов своих не берут и не в'езжают к ним ни по что, а ведает и судит тех своих монастырских слуг и прикащиков и крестьян архимандрит Никандр, да строитель старец Антоний з братиею сами во всем». «А случится суд смесной... с городскими или с становыми и с волостными людьми и воеводы наши и приказные люди судят, а архимандрит и строитель с братиею с ними-же судит». «А прав ли будет или виноват монастырский человек и он в правде и в вине архимандриту и строителю з братиею». И «всякие пошлинники не вступают ни по что и поборов своих не берут, и явки, и пашенного, и подымного, и городового». Наконец, «никаких податей с сошными людьми и денежных всяких поборов и казачьих хлебных запасов и кормов не давать, опричь ямских денег и стрелецких хлебных запасов и городового и острожного дела» [3]). Таким образом, сохраняются все вольности в отношении суда и приведения в исполнение его решений, всякого рода податей и сборов, за исключением лишь податей и повинностей военного характера. И таких грамот можно было бы привести большое количество [4]).

Уже из предыдущего видно, какую важную роль в рассматриваемую эпоху играло служилое поместное землевладение.

---

[1]) А. А. Э. II. № 204. Арх. Строева. III. № 173.

[2]) А. И. III. № 79.

[3]) Истор. акты Яросл.-Спасского монаст. №№ 78, 79.

[4]) Такой же характер имеют, напр, грамоты: Великоустюжскому Михаило-Архангельскому монастырю (Акты Мих.-Арх. мон. II. 1913. Отд. А. № XV), Иосифо-Волоколамск. мон. 1623 г. (Арх. Строева. II. № 323), того-же года Суздальск.-Покровск. Девич. мон. (А. И. III. № 119), Введенскому-Тихвинскому мон. 1626 г. (А. И. III. № 142) и др.

Оно поглотило черные земли и значительную часть дворцовых земель, его нужды заставили ограничить приобретение земель монастырями и привели к остановке в росте земель духовенства. Прежде всего весьма широко было распространено поместное землевладение в Новгородской области, где еще Иван III совершенно уничтожил вотчинное землевладение, разбросав прежних вотчинников по различным местам, где им даны были земли, и сильно сократил земли монастырские и владычные. Вся земля очутилась в руках царя, помещиков, да своеземцев, мелких владельцев, существование которых не было опасно Москве. Уже в начале XVI века в Шелонской пятине 50 проц. конфискованных земель роздано было московским служилым людям—помещикам; по отношению к землевладению всей пятины поместья составляли 46 проц.

И по другим новгородским книгам 1495 — 1505 г.г. помещикам принадлежала половина дворов, людей, обж (51 проц.), столько-же по книге Бежецкой пятины 1564 г. (54 проц. селений, из «вобчих» селений 58 проц., дворов 57 проц.); по книгам 1571 и 1576 г., поместные земли достигают двух третей всех земель, по описи 1582—84 г.г. для всех пятин, за вычетом порозжих земель, они (дворовые места) равняются двум третям (64 проц.) [1]).

Такую же или еще большую роль играют поместья в степном крае, где вновь колонизуемые земли распределяются между служилыми людьми, которые должны охранять страну от набегов кочевников. И здесь вотчины почти отсутствуют, земли же принадлежат либо дворцу, либо служилым людям—помещикам. Так на поместья приходилось в Рязанском крае 60 проц. всех земель, в Веневском уезде 63 проц., в Епифанском же и Медынском уездах 87—88%, в Тульском и Каширском—свыше 90 проц., а в Дедиловском и Орловском вся земля (99 проц.) сосредоточивалась в руках помещиков [2]). В то время, как в Новгородской области и в степном крае поместное землевладение подавляло все прочие виды владений, в центральной области поместные земли имели меньшее значение, но все же они достигали в Московском уезде одной трети, в Звенигородском 27 проц. В последних двух уездах наибольшее пространство принадлежало духовенству (41—45 проц.), тогда как вотчинное землевладение в Московском уезде было меньше поместного, в Звенигородском на долю того и другого приходился одинаковый процент земли. В Коломенском уезде поместья охватывали 60 проц. всех земель, в Тверском уезде они были наиболее распространенным видом владения [3]).

Поместное землевладение стало, таким образом, господствующим (исключение составляла только северная область,

[1]) Яницкий. 13, 27, 29, 49, 77. Загорский. Ж. М. Ю. 1909. VIII, 271.
[2]) Рожков. 369 сл.
[3]) Рожков. 399 сл. Лаппо. 104 сл. См. писц. кн. Моск. гос. I.

где на первом плане стояли черные земли). Вотчины уступают место поместьям, т. е. владению личному (а не наследственному), связанному с обязанностью службы, землевладению условному, временному. Авторы, изучавшие природу поместного землевладения подчеркивают эти моменты—характер поместных земель как обеспечивающих и вознаграждающих личную службу, наличность пользования и владения временного, обращают внимание и на то, что учреждение поместий «тесно связано с развитием идеи о верховном собственнике и его неотчуждаемой собственности», некоторые из них сближают поместья с кормлениями [1]): в писцовой книге Деревской пятины 1495 г. читаем о погосте великого князя, находящемся «за Гордеем за Семеновым сыном Сарыхозина в поместие и в кормленье» [2]).

Исходной точкой в развитии поместного землевладения—как признают исследователи—является двор великого князя, где имелись дьяки и подъячие, псари, конюхи, ключники, но также рыболовы, сокольники, бобровники, бортники. Одни были люди вольные, другие принадлежали к холопам князя, но и те и другие за их службу получали участки княжеской земли в пользование. Одни несли военную службу, другие применялись в хозяйственных целях, удовлетворяя разнообразные потребности обширного дворцового хозяйства, но все они выполняли определенные службы. Получалась «децентрализация крупной вотчины, устройство сети мелких хозяйств, юридически зависимых, экономически самостоятельных». Если поместье находится в тесной связи с кормлением, то оно сближается и с другими формами владения, связанными с исполнением определенных обязанностей и имеющими пожизненный и даже наследственный характер. С другой стороны, под условием службы давались земли и в вотчину, так что и тут не получалось резкого разграничения между обоими видами землевладения. Грань стиралась еще более, коль скоро—как это нередко имело место—стеснено было право продажи вотчин и распоряжения ими по завещанию. Наконец, характерно и то, что такое же поместное владение мы находим и в пределах духовных вотчин, как и в других крупных вотчинах. Митрополиты и монастыри в особ. дают свои земли в пожизненное владение своим служилым людям, причем нередко даются пустоши с тем, чтобы после смерти помещика они, обработанные и застроенные, вернулись обратно к вотчиннику: «а что на той пустоши примышлю хлеба и денег и жи-

[1]) Неволин. Полн. собр. соч. IV. 195 сл. Лакпер. О вотчинах и поместьях. 175. Градовский. История местного управления, 39 сл. Рождественский. Служил. землевлад. 2 сл. 19 сл. 42 сл.

[2]) Милюков. Отчет о 33 присужд. награ. графа Уварова, 29.

вотины, и то со всем тем по моем животе Пречистой в дом да святому митрополиту».

Павлов-Сильванский справедливо сближает наше поместье с западно-европейским бенефицием, причем, исходя из пожалования села Борису Воркову Иваном Калитой под условием службы, как и из других грамот XIV в., он утверждает, что такого рода пожалования существовали уже в Удельной Руси XIV, а быть может, даже XIII ст. Вследствие же раздачи поместий не только великими князьями, но и митрополитами, боярами и т. д., и у нас образуется феодальная иерархия, знающая не только вассалов, но и подвассалов (аррьер-вассалов, вавассоров)[1]). Уже в XV ст. мы можем установить, что «люди» владыки Новгородского, исполняющие хозяйственные функции в отдельных волостях Софийской вотчины, сидят в особых дворах и имеют свое особое хозяйство, освобождаемое от обычных платежей и повинностей. «В XVI в.—говорит Б. Д. Греков,—Тверской и Новгородский владыка имеют своих помещиков, большая часть которых, служа своим владыкам, служат в то же время и государству»[2]). Из грамоты 1400 г. видно, что митрополичьи бояре должны итти на войну «под стягом Великого Князя», но под митрополичьим воеводою. Много испомещеных детей боярских имелось у митрополита Московского (грам. 1489 г. Некрасу и Дрозду Юрьевым). Вассальный характер боярских слуг виден из Тверской писцовой книги 1540 г. «Иван служит царю и вел. князю, а Богдан служит владыке тверскому». «Отарок служит князю С. П. Макулинскому, а Шестой служит Борисову». Из указанных в Тверской писцовой книге вотчинников всего 230 служили великому князю, тогда как 125 другим вотчинникам[3]).

Преобладающее значение приобретают с конца XV ст. жалуемые царем из дворцовых или черных или иных (конфискованных) земель поместья, в целях создания служилого класса, обеспеченного землей. Этот служилый класс широко разросся в XVI веке. В состав его вошли как потомки князей великих и удельных, сведенных или сошедших со своих княжений и вошедших в состав московского двора, так и их бояре и вольные слуги, и, наконец, вооруженные дворовые слуги и холопы этих бояр, с которыми господа ходили в походы. Но сюда присоединялись и иные элементы. «Завоевывая вольные города—Новгород, Псков, Вятку, Московское правительство находило там горожан, владевших землей, бояр, житых людей, земцев и как землевладельцев верстало их в службу, одних оставляя на месте, а других переводя в центральные уезды

[1]) С. Г. Г. и Д. I. №№ 22 и 23. Павлов-Сильванский. III. 382 сл. См. I: 109.
[2]) Греков. Дом св. София. 460 сл. 464. Его-же. Монаст. хозяйство. 140. 147.
[3]) Писц. кн. Моск. гос. II, 184. А. А. Э. I. № 9. См. Сергеевич. III. Лаппо. Табл., 228. Середонин. Соч. Джильса Флетчера. 89. Павлов-Сильванский. 364 сл.

Московского государства, где их наделяли вотчинами и поместьями взамен покинутых земель». И духовные учреждения, бояре, занятые при дворе, вдовы обязаны были посылать в случае войны, ратных людей. Прибирались ратные люди и из казаков, которые нередко верстались в детей боярских и получали поместные наделы [1]).

Беспрестанные войны заставляли усиливать военно-служилый класс. «На европейском фронте шла борьба со Швецией и Ливонией за восточные берега Балтийского моря, с Литвой—Швецией за Западную Русь. В 1492—1595 г.г. было три войны со Швецией и 7 войн с Литвой—Польшей совместно с Ливонией. Эти войны поглотили не менее пятидесяти лет, следовательно, на западе, в эти 103 года мы круглым счетом год воевали и год отдыхали». А в то же время «на азиатской стороне шла непрерывная борьба. Флетчер пишет, что война с татарами крымскими, ногаями и другими восточными инородцами бывает у Москвы каждый год» [2]). Против них—как мы видели—строились города в степи, посылались туда ратные люди. Они вознаграждались за свою службу как землей, так и денежным жалованием; последнее, впрочем, первоначально выдавалось лишь в качестве особой награды за поход или по каким-либо иным случаям. Основой же являлось испомещение, причем устанавливались определенные оклады, т. е. размеры участка, которые были различны, смотря по чину и происхождению. По указу Ивана Грозного полагалось служить с 100 четв. доброй угожей земли одному человеку «на коне в доспехе в полном, а в дальний поход о дву коней». Оклады в различных местах были неодинаковы. Напр., в Ростове для новиков лучших людей оклад определен по 1-й статье в 350 четв. в поле, по 2-й ст. в 300 четв., по 3-й ст. в 250 четв., в Нижнем Новгороде он установлен на 50 четв. меньше—300, 250 и 200; за детьми боярскими переяславцами; приехавшими служить в Вел. Новгород, велено их учинить в 250, 200 и 150 четв., следовательно, еще меньше на 50 четв..[3]). Но оклад был только высшим пределом, действительно же получаемый участок или «дача» был обыкновенно ниже оклада, причем служилому человеку необходимо было отыскать свободную землю в том уезде, где он нес службу, и подать челобитье, после утверждения которого он становился владельцем земли. При этом принималось в соображение и количество земли, которым служилый человек владел в качестве вотчины и соответственно сокращалась поместная дача.

Когда в 1613 г. была произведена своего рода ревизия поместно-вотчинного производства о раздаче земель в смутное время, то во мно-

---

[1]) Ключевский. II. 258 сл.
[2]) Там-же. II. 268.
[3]) Уставн. кн. Помести. прик. 23. 151 сл.

гих случаях обнаружилось несоответствие земельных дач с окладами и даже прямые обманы в челобитьях. Сплошь и рядом излишек, по сравнению с пожалованной землей, оказывался огромным; утаенное количество земли в два-три и даже в 7-8 раз превышало размер указанный в челобитной. Следствием обнаруженных захватов явилась отписка утаенных земель на государя, начало которой положено было еще грамотой собора 1611 г. «А которые дворцовые села и черные волости, и монастырские села, и боярские, и окольничьих и думских дворян поместья и вотчины розняли бояре по себе без земского приговору и дворянам и детям боярским роздали они же бояре вновь в додачу к старым их окладам или сверх их окладов: и те новые поместья у тех у всех отнять и отписати дворцовые села и черные волости во дворец.; а поместные и вотчинные земли, отписав, роздати беспоместным и разоренным детям боярским, которые поместий своих отбыли от Литовского разоренья». Вместе с тем предписывалось отобрать поместья, данные в смутное время на королевское или на королевичево Владиславово имя, если эти лица имеют «оприче тех дач старые поместья, а относительно тех, кто «бив челом ложно о сте четвертях, а владеют пятью сты, а иные и тысячами»—доправить весь излишний доход, за это время полученный [1]). При царе Михаиле первоначально отношение к таким лишкам, оказавшимся «по росписи», было более снисходительное: «с таких земель владенье не имывано»; только после 1620 г. началась более решительная борьба с этим злом.

В указах 1620 и 1622 г.г. о производстве большого «сыска» говорится, что многие служилые люди про оклады «сказывали не подлинно и многим поместные и денежные оклады прибавливали не по делу, а против тех своих больших выпганных окладов поимали поместья и вотчины» [1]). При этом, однако, обнаружилось, что во многих случаях утайка имела чисто формальный характер—утаивались запустелые поместья, разоренные в предыдущие годы, которые скрывали в надежде получить что-нибудь из населенных, возделанных дворцовых имений и черных волостей. Такое утаивание пустых земель вполне понятно, если иметь в виду, что они ложились мертвым балластом на плечи служилых людей, препятствуя им в то же время получать от правительства жилую землю, ибо эти имения официально числились за ними и служили показателем их служилой обеспеченности. Многие владели этими землями «с Тушинского разорения», в течение 20—25 лет. Они просят поэтому пустые земли с них снять и жалуются на то, что они не пожалованы, при новой династии не дано им жилых поместий и вотчин на одной четверти. Так что наряду с добывшими себе излишки имелись и пустоместные дворяне, обиженные и обойденные. И таких было, повидимому, большинство. Как мы увидим ниже, обычно дворяне получали лишь небольшую

[1]) Уставн. кн. Пом. прик. 157. Седашев. 8 сл.

часть причитавшегося им оклада—дача была всегда значительно меньше оклада, притом вместо пахатей им давали леса или пустоши. Один писал, что он «человек скудной... разорен и беспоместен», имеет только пустую землю, другой— что имеет в пусте 164 чети, а сам «скитается между двор». Есть такие пустоместные, которые кормятся «по христолюбцам с царя Василия осады» или живут у родителей или клиентами на богатых дворах бояр, которые их поят и кормят. До таких пределов доходило обнищание московских дворян [1]).

В источниках этой эпохи уже не проводится строгого различия между поместьем и вотчиной. И те и другие упоминаются вместе, как явления однородные. Действительно, расстояние между ними сокращается. Если первоначально владелец поместных земель не обладал правом распоряжения ими, продавать их не мог, а в крайнем случае, вправе был их только менять, с тем однако же, чтобы государевой службе от того убытку не было, то с течением времени поместное владение приобретает черты, первоначально ему чуждые. «Служилый класс обнаруживает настойчивое стремление ослабить прекарность поместного владения. В конце XVI в. появляются выражения: «родовое поместье», «отца и деда выслуга», которые «столетием раньше показались бы и приказным и помещикам ересью» [2]). Это выражается в установлении наследования поместий, совершается фактический переход поместий приблизительно по тем же основаниям, как и юридическое наследование вотчин. Согласно указам 1550 и 1555 г.г., сыновья наследники после отцов в поместьях: отцовских поместий не отнимать у сыновей, если они пригодны в службу; «а сын его к той службе не пригодится, ино в того место прибрать иного». Из новгородских грамот о поместном владении можно усмотреть, что поместья переходят от отца к сыновьям и к внукам, от братьев к братьям, от дядей к племянникам. Наследование распространялось и на лиц женского пола, поместья получали вдовы после мужей и дочери-девки после отцов, даже матери после сыновей и сестры после братьев. При Михаиле Федоровиче проводится уже тот общий принцип, что, за неимением детей, наследует поместье род и только при отсутствии родичей оно переходит к «городу», т. е. к служилым людям того города, к которому принадлежал умерший [3]). Так постепенно приближается поместное владение к вотчинному, в особ. с половины XVII ст. взгляд на поместья меняется, совершается постепенное слияние их с вотчинами.

---

[1]) Сташевский. Землевлад. Моск. дворянства в перв. пол. XVII в. 1911, стр. 28 сл. О запустевших поместьях упоминает опричник Штаден, 137, 139.

[2]) Веселовский. Арзам. пом. ак., стр. XV.

[3]) А. А. Э. I. № 225. Д. А. И. I. № 52. Указн. кн. пом. прик. 28. 193. 211.

Это обнаруживается и в виде возмездного перехода поместий. «От разрешенной законом сдачи поместья другому служилому человеку было недалеко до продажи, которую легко было маскировать; от безденежной передачи земли или ее замаскированной продажи служилому человеку легко было дойти до дачи или продажи поместной земли в неслужилые руки»[1]). Тот же процесс совершался непосредственно путем пожалования поместий в вотчину, продажи поместных участков в вотчину, раздачи в большом количестве вотчинных земель за заслуги, «за царя Васильево Московское осадное сиденье в королевичев приход».

Так, напр., Путяте Дружинину Садилову в 1610 г. поместье его в Новгородском уезде пожаловано царем Василием в вотчину «за его многие службы, что он... будучи у нас в Московском государстве в нужное и в прискорбное время... против врагов наших, польских и литовских людей и русских воров, которые до конца хотели разорити государство Московское и веру крестьянскую попрати... Путята, будучи на Москве в осаде против тех злодеев наших, стоял крепко, мужественно и многое дородство, и храбрость, и кровопролитие, и службы показал, и голод, и наготу, и во всем оскудение, нужу всякую осадную терпел, и на веровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо, без всякие шатости; и от тое их великие службы и терпенья польские и литовские люди и русские воры от Москвы отошли».[2]).

В Угличском уезде, находим в XVII ст. наряду с 75 тыс. четв. поместных земель (в том числе и порожних) всего 10 тыс. четв. старых (светских) вотчин (живущих и порожних), т. е., существовавших до смутного времени, тогда как за царя Василево Московское сидение дало 2½ тыс. четв. в вотчину и за сидение в королевича приход еще 2 тыс. четв. Пахоти в поместьях (помещичьей и крестьянской) имелось 2.618 четв., в старых вотчинах (барской и крестьянской) 750, а за оба «сиденья» прибыло в вотчинах 1.306 четв., т. е. пахоть в вотчинах составляла уже не 30, а 80 проц. пахоти в поместьях [3]).

Все это обозначало рост вотчинного землевладения. Он проходит красной нитью через все XVII ст. В тех случаях, где имеются данные для одной и той же области за два различных хронологических момента, более поздний период всегда обнаруживает возрастание доли вотчин, по сравнению с поместьями. Мало того, в то время, как те имения, которые были в начале столетия вотчинами, не меняют своего характера, поместья, напротив, обнаруживают постоянную тенденцию превратиться в вотчины и некоторые из них в конце века действительно состоят уже в числе вотчин. По Ю. В. Готье (и Н. Огановскому) в центральной области в 20-х годах XVII ст. поместья соста-

[1]) Лаппо. 80 сл. Неволин. ук. соч. IV. Рождественский. 339 сл. Готье. 390 сл.
[2]) А. А. Э. II. № 159.
[3]) Угличские писц. кн., изд. Липинского. 615 сл.

вляли еще свыше 70 проц. земель, находившихся в руках светских землевладельцев, тогда как вотчины менее одной трети (28,5 проц.), в 1624—40 г.г. на долю поместьев приходится уже немногим более половины всех земель (54 проц., по Д. Е. Сташевскому, для Московского уезда 60 проц.) и, наконец, в 1678 г. поместья упали до 41 проц., вотчины уже заняли первое место (59 проц.). В Боровском уезде процент вотчин с 20-х до 70-х г.г. возрос с 60 до 75, в Коломенском с 53 до 72, в Гороховецком (с 1646 до 1678 г.) с 36 до 50 [1]). Таким образом условная форма землевладения уступает место полной собственности на землю, временный владелец превращается в собственника, закрепляет за собой землю. Условное землевладение едва ли соответствовало характеру рассматриваемого периода, когда служба царю являлась уже обязательной для всех, а вовсе не зависела от воли данного лица.

Но для XVI века необходимо разграничивать эти два вида землевладения—вотчинное и поместное. Н. А. Рожков придает этому различию существенное значение, указывая на то обстоятельство, что установленный выше отлив населения из Центра и Западного Полесья (Новгородско-Псковской области) обусловливается хищническим хозяйством помещиков, более низким техническим уровнем сельскохозяйственного производства в поместьях, по сравнению с вотчинами. На основании приводимых им данных для Новгородского края, получается, что на поместных землях перелог составляет 89 проц. всей пашни, тогда как в светских вотчинах всего 71 проц., в дворцовых и черных 62, только в духовных имениях он достигает 82, так что в поместных землях, а равно в монастырских и архиерейских, производство стояло на наиболее низком уровне. Чем же это обусловливалось? Н. А. Рожков усматривает причину того, что помещики «запустошили» свои земли, прежде всего в факте подвижности поместного землевладения, в необеспеченности его за потомством владельца, в том, что московское правительство и удельные князья отдавали поместья в монастыри, жаловали в вотчины, менялись поместными землями. Необеспеченность поместья приводила к тому, что помещики запускали свои земли, нередко совсем не жили в поместьях, не заботились даже о привлечении туда крестьян. Процент пустошей обычно был выше в тех имениях, которые переходили к дальним родственникам или к чужеродцам, чем там, где они наследовались детьми или женой. В тесной связи с развитием поместной системы и монастырского землевладения на счет земель вотчинных и черных находятся, по его мнению, и такие явления, как рост среднего землевладения на счет крупного, дробление крупных имений; между тем, в крупных владениях

---

[1]) Готье, ук. соч. Огаповский. 14. Сташевский. Землев. Моск. двор. 17.

хозяйство по общему правилу было лучше, чем в средних. Все эти обстоятельства повели к упадку парового зернового хозяйства во второй половине XVI ст., вызвали тот экономический кризис, который мы наблюдаем в эту эпоху и то сползание населения с севера на юг, которое в это время происходит [1]).

Эти взгляды Н. А. Рожкова вызвали возражения с разных сторон (Н. Огановского, Е. Д. Сташевского, Н. Яницкого). Указывалось прежде всего на то, что монастырские земли, которые автор ставит в отношении состояния их хозяйства на один уровень с поместными, составляли владения независимые и неподвижные, ибо все, что в монастырь притекало, уже не уходило из его рук и владения монастыря не делились на части, не дробились. А с другой стороны, вотчинное землевладение светских лиц отнюдь не отличалось ни неподвижностью ни обезпеченностью. Н. А. Рожков и сам признает, что и мобилизация вотчинных владений была в XVI ст. весьма значительна, вотчины переходили часто к дальним родственникам и к чужеродцам, хотя и совершалось это не распоряжениями государственной власти, а по собственному желанию вотчинника, на основании купчих [2]). А в XVII ст., по данным Ю. В. Готье, вотчины оказываются даже подвижнее поместий: к чужеродцам переходит больший процент вотчин, чем поместий. «Мобилизация служилых земель... будучи в целом несколько ниже, чем в XVI ст., все-таки оставалась очень значительной, одинаково охватывая как поместные, так и вотчинные земли, причем как это на первый взгляд ни странно, подмосковные вотчины переходили из рук в руки еще быстрее, чем поместья»; были случаи, когда вотчина успевала в течение 15 лет перейти в третьи руки [3]). Уверенности в сохранении своих земель в роде у вотчинников было не больше, чем у помещиков. При помощи опричнины Грозный перетасовал вотчинников, захватил их наследственные земли [4]). Но и впоследствии положение немногим изменилось: из 94 тысяч четвертей земли, принадлежавших московским дворянам в первой половине XVII ст., только 14 проц. составляли родовые общины, тогда как 43 проц. создалось выслугой, а 31 проц. приобретен был посредством купли, заклада, завещания или приданого. Так что, «экономическая мощь московского дворянина питалась государевой милостью, а не была завещана изреле», это вотчинное землевладение было недавнего происхождения. А в то же время «мы можем отметить целый ряд случаев перехода поместий от отца и матери к сыну, от брата к брату» [5]).

[1]) Рожков. 447 сл. 451 сл. 455 сл. 462 сл. 465 сл. 475 сл.
[2]) Огановский. 130 сл.
[3]) Готье. 415 сл. Сташевский. Моск. уезд, стр. 85.
[4]) Платонов. Ист. Смуты. 142 сл. 146 сл.
[5]) Сташевский. Землевл. Моск. двор., 18 сл. Си. его-же. Очерки ист. царствов. Мих. Фед., 33 сл. Прим.

Но если в смысле степени устойчивости и зависимости поместное землевладение не отличалось от вотчинного, то чем же об'яснялось значительно большее запустение земель первого рода, по сравнению со вторыми, во второй половине XVI ст.? И почему в монастырских имениях, где земли не уходили из рук собственника, мы находим почти столь же низкий уровень хозяйства, как и в поместьях, и гораздо больше запустения, чем в светских вотчинах? Быть может, причиной является большее дробление поместных земель? Н. А. Рожков—как мы видели выше—придает значение и этому факту в качестве одного из моментов, вызвавших упадок сельского хозяйства во второй половине XVI ст., но рассматривает это обстоятельство, как общее явление, свойственное землевладению этого периода, а не как характерное специально для поместных земель. Действительно, распыленность владений, разбросанность их по различным, нередко весьма отдаленным друг от друга, местностям, наблюдается в течение всего рассматриваемого периода и обнаруживается как в духовных, так и в светских землях, как в вотчинах, так и в поместьях. Были крупные владения, но они состояли из большого количества мелких хозяйств, почему прогресс в культуре и технике хозяйства сильно тормозился,—явление, которое мы наблюдали и в предшествующие столетия, можем установить и на западе в средине века, в период феодализма. С. В. Рождественский усматривает в этом главную причину возникновения поместной системы. «При больших размерах вотчины, разбросанности поселений и их незначительной величине, при редкости населения трудно было организовать вотчинное хозяйство на началах централизации; трудно было связать в одну хозяйственную систему гнезда сел и деревень, разбросанные на больших пространствах» [1]). При таких условиях наиболее целесообразной мерой являлась раздача отдельных частей вотчины в пожизненное владение, образование ряда мелких самостоятельных хозяйств. Такой образ действия со стороны крупных монастырей становится вполне понятным, если вспомним, что вотчины Кирилло-Белозерского монастыря в начале XVII ст. раскинулись на огромном пространстве от Холмогор до Москвы, а Троице-Сергиев монастырь имел земли более, чем в 30 уездах, начиная от крайнего севера, продолжая Новгородской областью и доходя до Московского, Нижегородского, Серпейского и проч. уездов центрального района [2]). Но такая же распыленность владений обнаруживается и в жалуемых царем поместьях; полученные земли расположены в различных обла-

---

[1]) Рождественский. 17 сл.

[2]) Никольский. 22. прим. Сб. Грам. Колл. Эк. I. № 530. Рожков. 402 сл. 406 сл.

стях и уездах мелкими клочками[1]). Это обусловливалось самим способом создания и развития землевладения дворянства, тем указанным выше фактом, что земли давались не там, где дворянин или сын боярский хотел их получить, а там, где представлялся случай, т. е. возможность получить в оклад свободный участок земли. Поэтому и в первой половине XVII ст. земли Московского дворянина были разбросаны зачастую чуть ли не по лицу всего Московского государства, обычно в 3—5, а иногда в 7 и более отдаленных друг от друга уездах, что лишало его возможности с одинаковым рвением заниматься сельским хозяйством во всех его многочисленных, но мелких имениях, а нередко приводило к тому, что он производил сельско-хозяйственную эксплоатацию лишь в некоторых из них, даже только в одном месте, где селил своих крестьян, тогда как остальные земли лежали пустыми. При этом в среднем размер поместного имения составлял 144 четверти, а вотчинного 127 четв., т. е. последние находились не в лучшем, а напротив, в еще менее благоприятном положении, чем поместья[2]).

И. Огановский полагает, что «крупное по преимуществу, вотчинное землевладение было лучше поставлено в хозяйственном отношении потому, что оно было гуще населено рабочей силой крестьянина, а населено оно было гуще по той причине, что во 1-х, владельцы являлись более сильным политически элементом и могли давать льготы крестьянам или удерживать их у себя, во 2-х, вследствие того, что количество самих владельцев, кормящихся крестьянским трудом, относительно числа крестьян было меньше». И он, следовательно, придает существенное значение более крупным размерам вотчин, как и подвижности и необеспеченности поместного землевладения («крупные землевладельцы»—говорит он—имели гораздо больше экономической устойчивости»)[3]), хотя обращает внимание и на другой момент—на недостаток рабочей силы в поместьях,—обстоятельство чрезвычайно важное.

Рассматривая поставленный И. А. Рожковым вопрос, следует иметь прежде всего в виду, что сравнения, проводимые между поместным хозяйством и прочими видами землевладения, в особенности вотчинным, для XVI ст. не имеют достаточной почвы под собой, ибо в Новгородских пятинах почти вся

[1]) Рождественский. 308, 361.

[2]) Сташевский. Землевл., 21 сл.

[3]) Но, как мы видели (и это признает и И. Огановский), в смысле подвижности и необеспеченности между поместьем и вотчиной разницы не было, а размеры вотчины или поместья при распыленности его в хозяйственном отношении не могли иметь значения. Впрочем и он прибавляет: «при подвижности и необеспеченности землевладения, помещик относился хищнически не к земле, которую он сам обрабатывал, а к крестьянам, которые непосредственно служили об'ектом помещичьей эксплоатации».

земля сосредоточивалась в руках поместных владельцев и великого князя, вотчины же сохранились лишь в крайне ограниченном количестве в руках своеземцев, а для центрального района приводимое Н. А. Рожковым число случаев столь незначительно, что из них трудно сделать какой-либо вывод; тем более, что только по Московскому и по Тульскому уезду получается значительная разница в отношении пашни к перелогу между монастырями и вотчинами, монастырские же земли стоят ниже вотчинных в этом отношении только в Коломенском уезде, в Тульском же и Московском, напротив, выше.

Если таким образом сопоставление производить весьма трудно, и в частности едва ли возможно сделать какой-либо вывод относительно монастырских владений, то нам все же думается, что Н. А. Рожков правильно указал на упадок в сельско-хозяйственном отношении, вызванный развитием поместной системы. Распространение поместий действительно обозначало быстрый рост мелкого землевладения. Недостаток в запасе поместных земель приводил к тому, что дача всегда была ниже оклада. В Белевском уезде она составляла, напр., всего 23 проц. оклада [1]). В 1577 г. из 168 детей боярских путивльцев и рылян 99 человек совсем не получили поместий, а остальные «испомещены по окладам не сполна, иные вполы, а иные в третей и в четвертой жеребей, а иным дано на усадища непомногу» [2]). Так что недостаток в земле заставлял не только сокращать поместные дачи вдвое, втрое или вчетверо против окладов, но и ограничиваться выделом небольших участков «на усадища», а некоторым служилым людям и совсем отказывать. Мало того, даже при испомещении лишь в половину оклада и эта половина не состояла из культурной земли, а пополнялась частью суррогатами в виде перелога, дикого поля, заросли и леса, хотя даваемого и в увеличенном количестве [3]). Из Новгородских писцовых книг можно усмотреть, что, напр., в Шелонской пятине (по книге 1571 г.) помещики получали нередко лишь небольшую часть оклада; только о двух лицах писцовая книга заявляет, что они испомещены сполна. В других случаях даны пустые обжи и все же «не дошло в окладе» [4]). По Арзамасскому уезду находим, напр., такие дачи: оклад 300, а получил 130; оклад 250, а имеет 120; оклад 400, дано 136; оклад 250, есть 50; оклад 120, ничего не дано; оклад 250, ничего нет; оклад 350, ничего не получено и т. д. [5]).

Помещики могли, правда, впоследствии пополнять свой оклад, разыскивая порожние земли, освободившиеся поместья

[1]) Ключевский. II. 282.
[2]) Акты Моск. гос. I. № 21.
[3]) Рождественский, 282, 302 сл.
[4]) Новгор. писц. кн. V. 1905. Отд. IV. Столб. 427 сл. Загорский. Ж. М. Ю. 1909. X. 197 сл.
[5]) Арз. Пом. Ак. №№ 45, 155, 158, 187, 192, 238, 394, 416 и др.

«и где досталь окладу своего приберет и ему та досталь поместья доделити». Они и высматривали вымороченные поместья, излишки против поместного оклада, били челом и добивались отводов, получая их по частям то в одном, то в другом месте, нередко в виде дикого поля [1]). Так, напр., в 1589 г. бьют челом трое служилых людей Деревской пятины, из коих двое верстаны каждый в 50 четв., а третий в 250 четв., причем первые двое не получили ничего («за мной нет ни одной четверти»), а третьему дано 25 четв., из них 15 пустых. Они указывают на то, что Микита Оклячеев «верстан на 400 четв., а поместья за ним Микитою на полшеста четв. по старым книгам» и просят пожаловать их тем лишком из его поместья, чтобы они «в конец не загибли» и от службы не отстали [2]). В результате получалась еще большая дробность поместного землевладения, разбросанность его в разных областях и уездах. Дробность должна была усиливаться и вследствие раздела отцовских поместьев, выдела на прожиток вдовам, малолетним сыновьям и дочерям и т. д. [3]).

Но к незначительности поместных дач и рассеянности поместных владений присоединялось еще одно обстоятельство, вредно влиявшее на хозяйство, тот факт, что помещики сплошь и рядом получали в качестве дачи пустоши, земли покинутые, поросшие лесом, лишенные рабочих рук. Так как помещики нередко отказывались брать запустошенные земли, поместья «за пустом», то правительство освобождало такие поместья на 4—7 лет от податей, иногда давало еще и другие льготы, напр., «на хоромную ставку» [4]). В результате помещикам приходилось нести службу с пустой земли. Постоянное же отсутствие их из поместьев и невозможность следить за хозяйством приводили к запустению и ранее возделанные земли. Хотя они испомещались под условием «поместья не опустошати», но последние часто пустели независимо от их воли—от мору и голоду, от худобы, от государевых податей, наконец, от ухода крестьян. Пустота и заключалась в отсутствии крестьян, что влекло за собой разрушение хором и дворов. Между тем—как мы увидим ниже—мелким помещикам нелегко было удержать крестьян за собой, крупные землевладельцы могли им предоставить гораздо более выгодные условия, в частности, столь важную ссуду на обзаведение, они переманивали крестьян в отсутствие помещиков или насильно вывозили их к себе (см. ниже). Есть основания предполагать, что то запустение земель в Новгородско-Псковской области и в центре, которое имело

[1]) См. напр. Писц. кн. I. Отд. 2. VII. Полоцк и Полоцкий повет. Писц. кн. Переденские, Озерищьские, Усвяцкие (1571 г.).

[2]) Ак. Иверск. мон. № 2.

[3]) См. А. Арз. П. Ак. и Дьяконов: Поместье и крестьян: крепость: 14:

[4]) Рождественский. 270, 284. См. Писц. кн. Москов. гос. I. Отд. I и II.

место во второй половине XVI ст., находится в тесной связи с распространением мелкого поместного служилого землевладения, которое становится в эту эпоху господствующим.

Е. Д. Сташевский вычислил, на основании сказок, поданных московскими дворянами в 1632 г., что средний размер землевладения московского дворянства равняется 494 четв. (ок. 250 дес.), что могло бы составлять достаточное земельное обеспечение, но, вследствие плачевного состояния имений, им не являлось. Сплошь и рядом числившиеся за дворянами имения лежали в «пустоте» или в действительности не находились в их владении. По тем же данным, в среднем на каждого владельца приходилось 24 крестьянина и бобыля; оброк, получаемый с них равнялся 30—35 руб. в год и это во всех тех случаях, где не было барщины, составляло доход дворянина с земли. При таком доходе положение землевладельца в лучшем случае являлось сносным, но от благоприятного было весьма далеко, в худшем-же случае «служит государевы службы с того поместья не мочно, теми оброчными деньгами и на Москве прокормитца нечем»; «и с того поместья и с вотчин (в общей сложности в этом случае 17 крестьян и 21 бобыль) не токмо служит и сыту быт не с чева». Владелец 583 четв., из них 9 десят. своей запашки и 21 крестьян, писал: «проживаю в скудном статке с великим долгом, а на государеву службу людишек и лошадишек долгом держу» [1]).

В других областях положение мелкопоместных дворян было не лучше. Если возьмем напр., Нижегородский уезд, то увидим, что земли его принадлежали в начале XVII ст. около 400 владельцам почти исключительно того-же уезда; все это было мелкопоместное дворянство, причем, очевидно, по недостатку рабочих рук, обрабатывалась лишь небольшая часть поместья. Даже у самого крупного помещика в живущем считалось не более четверти его поместья, из 545 четв. пашни всего 142 четв., обычно-же поместье состояло из 100 четв. (нередко это было лишь четвертая часть оклада), из коих лишь 12 пашни паханой, а в меньших поместьях последняя понижалась до 6 и даже 3 четв. [2]. В описи Бежецкой пятины 1564 г. нередко встречаются указания на то, что деревни запустели «от помещиковы худобы», того, что. помещик «захудал и спел (сбежал) без вестей», «с'ехал безвестно» [3]). В Рязанском уезде к концу XVI в. характерным является отсутствие крестьянского элемента. Помещик являлся в то-же время и работником. Пользование крестьянским трудом было почти недоступно для помещиков просто по недостатку крестьян-

[1]) Сташевский. Земл. 31 сл.

[2]) Сборник нижегор. губ. уч. архив. Ком. Т. VI. Отд. III. Любомиров. Очерки истории нижегород. ополчения 1612—1613 г.г. 1917. Стр. 23 сл.

[3]) Новгород. писц. кн. VI. 876, 901, 903.

ских рук [1]). Точно также на Орловской окраине находим по преимуществу помещиков-однодворцев, которые сами в поте лица своего обрабатывают землю [2]). На таких помещиков указывает Ключевский, говоря, что многие из них не имели ни одного крестьянского двора, жили одними своими дворами «однодворками»; о помещиках говорится часто: «худ, обнищал, волочится меж двор», а в связи с этим: «не служит, службы отбыл и вперед служить нечем» [3]).

Но опустение земель в рассматриваемую эпоху могло иметь еще и другую причину: совершавшийся в эту эпоху переход к денежному и товарному хозяйству не мог не вызвать длительного кризиса, который должен был отразиться в первую очередь на сельском хозяйстве.

Своеобразную группу землевладельцев представляли собою новгородские своеземцы, появляющиеся в новгородских писцовых книгах со времени московского владычества (ранее этот термин не встречается) и, повидимому, равнозначущие «земцам» предшествующей эпохи; в описях Вотской и Шелонской пятины (1498 и 1500 г.г.) оба названия—и старое, еще не исчезнувшее, и новое употребляются безразлично.

Одним из первых исследователей, остановившихся на вопросе о своеземцах, был И. Д. Беляев, который противопоставлял земцев дружинно-княжескому элементу и считал их коренными жителями данной области. В то же время он указывал на то, что своеземцы владели землей не на общинном, а на личном праве, и что они не были многочисленным и сильным классом в Новгороде [4]). На эти последние два момента было обращено внимание последующими авторами, которые и подчеркивали, что своеземцы были вотчинниками, а не помещиками, а, с другой стороны, их противополагали владельцам крупных боярщин, рассматривая в качестве мелких сельских собственников (Лешков, Костомаров, Никитский, Павлов-Сильванский) [5]). «Они сами пахали землю, потому что у них не было ни людей, ни холопов, ни ключников» [6]).

Обращено было внимание и на то, что своеземцы являются мелкими служилыми людьми (Бестужев-Рюмин, Ильинский, Гневушев, Самоквасов) [7]), тогда как другие авторы указывали на то, что на-

[1]) Приправочн. кн. 1596—98 г.г. (Писц. кн. Рязанск. края, под ред. Сторожева. I). Некрасов. Очерки по ист. Рязанск. края XVI в. Ж. М. Н. П. 1914. IV. 298 сл. 303, 308 сл.

[2]) Смирнов. Орловский уезд, 153.

[3]) Ключевский Курс. II, 309 сл.

[4]) Беляев. Истор. русск. законодат. Изд. 2-е. 35. 40 сл. 129.

[5]) Лешков. Русск. народ и госуд. 227. Костомаров. Северно-русск. народоправ. II. 73. 81. Никитский. Ист. эконом. быта Вел. Новгорода, 40 сл., 50 сл. 191. Павлов-Сильванский. Госуд. служил. люди. 97 сл.

[6]) Загорский. Ж. М. Ю. 1909. VIII. 282.

[7]) Бестужев-Рюмин. Русск. ист. I. 347. 371. Ильинский. Город. насел. Новгор. обл. Истор. Обозр. IX. 127, 147. Гневушев. Ж. М. Н. П. 1912. V. 146. Самоквасов. Арх. Мат. I. Ч. I. Стр. 166.

ряду с земцами, поверстанными в московскую службу после потери Новгородом самостоятельности и подходившими близко к типу детей боярских, имелись и такие, которые тянули тягло (Чечулин и особ. Павлов-Сильванский) [1]. К тому выводу, что своеземцы были мелкими землевладельцами, очень похожими на своих крестьян-половников, и часто сами пахали свои земли, приходят и С. Ф. Платонов и Ключевский, причем и они признают, что под влиянием московских порядков они превратились в земские чины, поскольку же не были повёрстаны в службу, являлись тяглыми людьми. При этом, однако, Ключевский, в противоположность предыдущим исследователям, утверждает, что это были не сельские жители, а горожане, приобретавшие земли в уезде [2].

Почти все указанные исследователи исходят из того предположения, что эти мелкие служилые или тяглые землевладельцы, городские и сельские мелкие собственники составляли особый класс или особую группу новгородского населения, хотя впоследствии и перестали существовать, слившись с другими классами населения. Напротив, Сергеевич не считает их особым классом населения, а полагает, что своеземцами назывались все те новгородцы, земли которых после московского завоевания не были подвергнуты конфискации; размеры их земель были весьма различны, как и они сами принадлежали к самым различным группам новгородского общества. Они являются порождением московских порядков, водворившихся в новгородских областях уже после введения нового режима [3]. На эту точку зрения стали и другие авторы—Самоквасов, Помяловский, Вулих, согласно которым своеземцы представляют собою преимущественно собственников мелких участков и отличаются от прочих новгородцев лишь тем, что они сохранили свои земли или часть их во время конфискации [4]. Действительно, на основании анализа данных новгородских писцовых книг получается такое представление о своеземцах.

Своеземцы в огромном большинстве случаев владельцы совсем мелких земельных участков, частью эксплоатируемых силами самих владельцев или их холопов, частью сдаваемых в аренду крестьянам; иногда, впрочем, в виду недостатка в собственной земле, они берут на оброк чужую. Это—полноправные собственники своих владений, находящихся обыкновенно в уездах, тогда как городских владений мы находим очень немного, да и в этих случаях они, по общему правилу, обладают одновременно и недвижимостями в деревнях [5].

---

[1]) Чечулин. Города Моск. гос. 42 сл. 125. Павлов-Сильванский, ук. соч.

[2]) Платонов. Статьи по русск. ист. 118 сл. Ключевский. Отч. о 33 присужд. награ. графа Уварова. 301 сл.

[3]) Сергеевич. Древн. III. 90 сл.

[4]) Самоквасов. Арх. Мат. I. 165. Помяловский. Очерки из истории Новгорода в первый век моск. владычества. Ж. М. Н. П. 1904. VII. 135. Вулих. К вопросу о своеземцах в составе Новгор. общества. Ж. М. Н. П. 1914. VII. Стр. 128, 164.

[5]) Впрочем в Орешке и Кореле имелись дворы тяглые «лучших своеземцев» (12 дворов), которые отличаются от дворов «городских людей лучших» и

Встречается и коллективная собственность своземцев—«вопчие» деревни. Однако, наряду с таким преобладающим типом рядового своземца, владеющего небольшим клочком земли и им питающегося, к своземцам причисляются и владельцы, земли которых могли бы составить, по выражению Ключевского, «порядочное поместье городового дворянина XVI в., любой центральной области государства» [1]). Последнее обстоятельство, как и факт наличности городских своземцев заставляет думать, что никакого внутреннего признака, характерного для этой группы не существовало, а только какой-то внешний фактор создавал ее, вводил в нее лиц различного общественного положения и имения разной величины. Он и заключается, повидимому, в том, что сюда были включены все старые новгородские землевладельцы, за которыми были сохранены их прежние владения, во многих случаях, впрочем, лишь осколки этих владений. Только в виде редкого исключения мы находим владения, избегшие конфискации и не включенные в своземческую группу. Соответственно существующим в Московском государстве порядкам, и своземцы, сохранив за собой землю, обязаны были служить, хотя в виду преобладания среди них мелких землевладельцев, эта служба и носила для них своеобразный характер, являясь лишь для некоторых личной, для остальных же выражаясь в форме «подмоги» этим служащим своземцам [2]). «А цареву и великого князя службу служит дальнюю»; «и будет те земцы государевы службы не служат», «земцом... с тех 5 обеж по книгам давати подмога служилым земцом»; «а службы Вотчина не служит и писец... Вочшину выть поместья... отписал на царя великого князя». Такие случаи отнятия у земцев поместий за то, что они «государевы службы не служат», встречаются довольно часто [3]).

Своземчество, однако, как особая группа новгородского населения, являлось, повидимому, недолговечным. В Шелонской пятине в 1501 г. земли своземцев не превышали 5 проц. всех земель [4]). В писцовой книге Бежецкой пятины 1564 г. остатки их еще встречаются [5]). Служба сближала их с детьми боярскими, появляется даже термин «дети боярские земцы». Являясь пережитком новгородской вольницы, они должны были слиться с другими группами населения, стать обыкно-

«молодых людей городчан», «дворы своземцев корельских», «места пустые своземцев корельских». Врем. Общ. Ист. и Др. XI. 111 сл. XII. 1 сл. Вулих. 142—3.

[1]) Ключевский. Отчет о присужд. 301.

[2]) Арх. Мат. 1. ч. 1, стр. 165 сл. Ч. 2, стр. 2, 39.

[3]) Там-же. 1, ч. 2, стр. 39, 42, 45, 47.

[4]) Загорский, VIII, 271.

[5]) Писц. кн. Бежецк. пят. 1551 г., гл. («села и деревни своземцевы») и 1564 г. столб. 963 и др. (Писц. кн. VI).

венными вотчинниками и в особ. помещиками. «Чем далее подвигалось дело внутреннего об'единения Новгорода с остальной Русью, тем менее места оставалось им в жизни» [1]).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Крестьяне и их прикрепление, бобыли, холопы.

Литература.

Кроме указанных в т. I (стр. 9—10) сочинений общего характера [2]) (и источник., см. т. II (стр. 3—5). *Чичерин.* Холопы и крестьяне в России до XVI века (Опыты по истории русск. права. 1858). *Engelmann.* Die Leibeigenschaft in Russland. 1884. (Русск. перев. под ред. Кизеветтера. 1900). *Ключевский.* Происхождение крепостного права. (Опыты и исслед.). Его-же. Подушная подать и отмена холопства в России. (Там-же). *Победоносцев.* Исторические исследования и статьи. 1876. *Костомаров.* Должно ли считать Бориса основателем крепостного права? Архив историч. и практ. свед. Калачова. 1859. *Погодин.* Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права? Историко-критич. отрывки, т. II. *Аксаков.* О крестьянстве в древней России (Собр. сочин., т. I). *Сперанский.* Историческое обозрение изменений в праве поземельной собственности и в состоянии крестьян. Арх. истор. и практ. свед. 1859. *Кн. Черкасский.* Очерк истории крестьянского сословия до отмены Юрьева дня и Юрьев день. Русск. Архив. 1880. III. 1882. I. *Сергеевич.* Вольные и невольные слуги московских государей. Наблюдатель. 1887. I. *Лаппо-Данилевский.* Организация прямого обложения от Смутного времени до эпохи преобразований. 1890. Его-же. Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском госуд. 1900. Его же. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения 1905. *Милюков.* Крестьяне (Энцикл. Слов., т. 32). *Дьяконов.* „Заповедные лета“ и „старина“ (Сборн. ст., посвящ. Владимирскому-Буданову, 1904). Его-же. К вопросу о крестьянской порядной записи и служилой кабале (Сбор., посвящ. Ключевскому. 1909). Его-же. Заповедные и выходные лета. (Изв. Петрогр. Политехнич. Институт. 1915. XXIV). Его-же. Поместье и крестьянская крепость. (Оттиск из сборн. ст., посвящ. Посникову — сборник не вышел. 1919 г.). *Платонов.* Очерки по истории смуты. 1899. Его же. Борис Годунов. 1922. Его-же. О времени и мерах прикрепления крестьян (Архивист. труда в России. 1922. III). *Дебольский.* К вопросу о прикреплении владельческих крестьян. Ж. М. Н. П. 1895. XI. *Адрианов.* К вопросу о прикреплении крестьян. Ж. М. Н. П. 1895. I. *Рождественский.* Из истории отмены „урочных лет“ для сыска беглых крестьян в Моск. госуд. (Сборник, посвящ. Ключевскому. 1909). *Одинец.* К истории прикрепления владельческих крестьян. Ж. М. Ю. 1908. I. *Михайлов.* Происхождение земельного старожильства. Ж. М. Н. П. 1910. VI. Его-же. Новооткрытые документы и заповедные лета. Там-же. 1911. II. Его-же. Институт старожильства и крепостное право. Там-же. 1912. I. *Самоквасов.* Архивный материал. Т. II. ч. I (Крепостное право древней России по новооткрытым документам 1909). *Гейман.* Несколько новых документов, касающихся истории сельского населения Моск. гос. XVI ст. Сборн. Публ. Библ. Т. II, вып. I. 1924. *Тхоржевский.* Поместье и крестьянская крепость. (Арх. Ист. Тр. Кн. XI — XII. 1924).

---

[1]) См. Вулих, ук. соч., Помяловский, ук. соч.

[2]) Из них см. в особ. общие курсы *Ключевского, М. Н. Покровского, Н. А. Рожкова,* курсы истории права *Сергеевича, Дьяконова, Владимирского-Буданова,* а также соч. *Огановского, Павлова-Ольванского* и *Дебольского.* (Ист. землевлад.).

См. также ук. выше (гл. III) соч. *Ключевского, Дьяконова, Рождественского, Беляева, Ефименко, Островской, Лаппо, Арсеньева* и (гл. I) *Забелина, Заозерского.*

Павлов-Сильванский. Люди кабальные и докладные. Ж. М. Н. П. 1895. I. *Лаппо-Данилевский.* Служилые кабалы позднейшего типа (Сборн., посв. Ключевскому. 1909). *Егоров.* Кабальные деньги в конце XVI в. Ж. М. Н. П. 1910. VII. Его-же. Записные холопьи книги дьяка Алябьева (Сборн. ст. в честь Платонова. 1911). *Оберучева-Анциферова.* Жилая запись. Ж. М. Н. П. 1917. II. *Валк.* Грамоты полные. (Сборн. ст., посвящ. Платонову. 1922). *Гейман.* Несколько новых данных, касающихся „задворных людей" (Там-же). См. также ук. выше соч. *Дьяконова.* Очерки из истор. сельск. насел. *Рожкова.* Сельское хозяйство в XVI в. *Лаппо-Данилевского.* Разыскан. о прикр. влад. крестьян. *Ключевского.* Опыты. *Чичерина.* Опыты.

I.

Поселяясь на земле вотчинников или помещиков, крестьяне заключали особые соглашения—порядные или рядные. Заключались они первоначально устно. Такой обычай сохранился отчасти еще в XVII ст., хотя в это время и предписывалось вносить крестьянские порядные записи в приказных избах в особые книги. Словесным их характером об'ясняется, повидимому, то обстоятельство, что до нас дошло так мало порядных от XVI ст. «А порядная у нас запись промеж нами не была, верились с ним Божиею правдою» (1616 г.), «а порядной мне не дал и я, господа, поверил ево слову» (1627 г.) [1]). Иногда порядная заключалась впоследствии, «а до записки жили по старине в Троецкой же вотчине». Срок этот мог быть и продолжительный: «жил за ним во крестьянех по ся места шестой год без записи» [2]).

Поскольку сохранились порядные, в них указываются разнообразные обязанности, которые принимает на себя порядчик [3]). Прежде всего в отношении ведения хозяйства: «та мне деревни орати и сеяти, и пары парити, и сено косити, и отороды у поль и пожень ставити, и гной на землю возити», «и та нам деревня пахати со всяким береженьем, не запустошити никоторого места, ни меж не спустити», «жити и пашни пахати и владети всеми угодьи по старым межам». К этому присоединялись специальные условия относительно усадебных построек, в особ. «старые хоромы починивати и хором не розвести и не згноити», а сверх того новые хоромы ставить: «поставити изба трех сажен, да сенник трех сажен, да баню,

---

[1]) Р. И. Б. XIV. №№ 275. 302.

[2]) Акты тягл. нас. 1. № 34. Дьяконов. Сельское нас. 105.

[3]) См. Сводный текст крестьянских порядных XVI века. Сост. слушат. СПБ. Высш. Женск. Курс. 1910, а также Гейман. Несколько новых документов, касающихся ист. сельск. нас. Моск. гос. XVI ст. Сбор. Публ. Библ. т. II, вып. 1. 1924

и двор заметом огородити, и на пашне у двора поставити анин», поставить «изба новая да клеть с подклетом, да хлев и покрыть те новые хоромы соломою». За пользование землей и строениями крестьяне обязаны были уплачивать землевладельцу оброк или празгу и отбывать повинности, именуемые «изделием» или «боярским делом», откуда получалось название барщины, далее платить приказчику (старосте) «пошлины постарине», наконец, вносить государственные подати и волостные сборы: «царя и великого князя дань и оброк и всякие земские разрубы платити»; «всякие государьские подати давати»; «платити... с спаскими с ста новыми крестьяны вместе». Иногда им даются на известный срок льготы в платеже государственных повинностей, в оброках и изделии: «а тягла два года не тянути»; «а в те нам льготные годы... и оброку монастырского не платити и издилья монастырского не делати». Срок окончания договора во многих порядных не указан, в других, напротив, определен, составляя от 1 до 10 лет, по истечении срока крестьяне могут свободно уйти с тем только, чтобы были выполнены все обязательства и имущество сохранено в целости. «А доживем мы... те урочные лета и нам, пошед из деревни государевы подати, дань и оброк и служба и становые разметы, и спаской оброк заплатити сполна и та пашня и двор, хоромы и огороды около пашень горний и луговые отвести и отдати спаскому прикатчику Рюмы сполна». «И как мы отживем... и пойдем из деревни вон и нам жердье охитити и хором во дворе не опустошити». На случай же неисполнения обязательств или преждевременного ухода, установлена неустойка: «а не станем мы пахати тое земли до строчных годов не доживем... и на нас три рубла московская»; «а пойдем мы вон из-за монастыря, а избы не поставим или землю запереложим, ино на нас по сей записи два рубля денег». Иногда, впрочем, неустойка определяется взаимно; ей подлежит и староста или приказчик, если он не даст крестьянину дожить «тех урочных лет», «вырядит» его из деревни вон; а вышлю яз Дмитрий не додержа тех урочных лет, и на мне на Дмитрев рубль денег».

Обращаясь к более подробному рассмотрению главных крестьянских повинностей, отбываемых в пользу землевладельца, оброков и изделья, мы должны прежде всего отметить, что в порядных XVI века оброки выражены почти всегда в деньгах, к которым иногда присоединяется «да по мере жита чорного доброго»; лишь в немногих случаях установлено «давати нам в монастырь пятой сноп». Приказчику полагается баран, но последний либо уже заменен деньгами («за баран по гривне»), либо взамен его может быть, по желанию крестьянина (или приказчика), уплачено деньгами: «старосте по барану, а не люб баран, и мне за баран давати по 2 алтына».

По подсчетам Н. А. Рожкова, в Вотской пятине оброк уплачивали деньгами: в 1500 г. 1,2 проц. всех обеж, по книге 1539 г.—6,4 проц., по данным 1568 г.—15,9 проц. В Шелонской пятине в конце XV ст. оброк взимался в денежной форме с 10,9 проц. обеж, в 1539 г. с 10,1 проц. При этом и в Вотской и в Шелонской пятине мелкий доход, первоначально уплачиваемый льном, бараньими лопатками, сыром, яйцами, постепенно заменяется всецело денежными платежами. В писцовой книге Вотской пятины в 1581 г. натурального мелкого дохода совсем не встречаем, а в Шелонской уже в 1539 г. он был исключительно денежный. В Деровской пятине уже в конце XV ст. почти треть всей земли вносила денежный оброк [1]).

Уже в писцовых книгах 1500—05 г.г. указано, как должны переводиться продукты, доставляемые в виде оброка, на деньги: крестьянам либо предоставляется такой перевод, либо он допускается с согласия помещика или великого князя (на великокняжеских землях). Так в переписной оброчной книге Вотской пятины читаем напр.: «а в котором году не взяти хлеба хлебом, и за хлеб положено деньгами: за коробью ржи десять денег, за коробью овса пять денег, за коробью ячмени семь денег и всего положено за хлеб два рубля 3 денгою». В конце писцовой книги 1505 г. (Шелонской пятины) прибавлено: а которого году князь великий не велит имати с своих волостей хлеба и мелкого доходу, а велит имати за хлеб и за мелкой доход деньгами, ино и имати за коробью пшеницы гривна поугородская, за коробью семяни конопляного гривна, за коробью гороху, за коробью хмелю гривна, за коробью ржи 10 денег поугородская, за коробью ячмени 7 денег, за коробью гречи 7 денег, за коробью овса 5 денег. А за мелкой доход имати деньгами за яловицу 3 гривны поугор., за боров 1½ гривны, за баран 4 денги, за лебедя гривна, за гусь 2 денги, за куря денга, за сыр денга, за 100 яиц 3 денги, за пуд масла 1½ гривны» [2]).

В Новгородских писцовых книгах различается прежний оброк и вновь установленный. Первый носит смешанный характер, второй иногда заменяется полностью деньгами. «А дохода с деревень ило монастырю денег полтина... а хлеба 91 коробья ржи, 27 коробей овса... а мелкого доходу: 26 лопаток бараньих, 26 сыров, 13 пятков без горсти лну, 36 хлобов. И Олешка Лодыгин (новый помещик) тот доход емлет весь по старине» [3]). «А старого дохода с тех деревень ило Фоме из хлеба четверть, а за четвертью 5 баранов, 5 сыров, 5 пятков лну... А по новому писму... оброку на те деревни положено денгами и за хлеб полтретьинатцаты гривны Новоторопкие [4]). В особ., т. наз., «мелкий доход» в виде баранов, кур, масла,

[1]) Рожков. Сельское хозяйство XVI ст. 235 сл.
[2]) Новгор. писц. кн. т. III. 5, т. V. 423. Ср. т. IV. 227.
[3]) Новгор. писц. кн., т. V. Столб. 95.
[4]) Там-же, 104.

сыра, яиц, овчин, льна обычно сохраняет свой натуральный характер.

Впрочем, иногда по «новому письму» и мелкий доход заменяется деньгами. «И всего оброка в тое волости денгами и за хлеб и за мясо, и за мелкой доход и за обежную дань 30 рублев»[1]). Только доход ключнику попрежнему взимается отчасти в натуре—в виде ржи, овса, овчин. Но есть случаи, когда и он уплачивается деньгами. «А оброка на ту волость положено и за обежную дань, и за хлеб и за мелкой доход 100 пуд. меду Московская. А коли у них будет (вероятно: не будет) меду и им давати за пуд меду две гривны Нугородские... А дворецкого пошлины дьячие и ключничи 10 гривен Новугородская [2]). Получается во всяком случае такое впечатление, что натуральные оброки, существовавшие по старому письму, впоследствии заменены во многих случаях деньгами.

Если обратимся к писцовым книгам конца XVI в. по уездам центрального района, то увидим, что и здесь оброк часто устанавливается в денежной форме, причем нередко указано, что оброк взимается взамен барщины («за монастырскую пашню», «за московские дрова», т.-е. за доставку дров в Москву), что он заменяет т. наз. столовый или мелкий доход («за масла и за сыры»); или же к денежному оброку в качестве дополнения присоединяются еще натуральные платежи в виде посопного хлеба, овчин, льна. «А монастырских доходов с села Федоровского—читаем в писцовой книге по Костромскому уезду—да с села Поемечья, да с села Кувакина, да с села Дмитрейцова с деревнями с 45 вытей с полувытью... за сыры и за масла и за московские дрова с 35 вытей дают по 4 алтына с выти, да 10 вытей с полувытью дают по 15 алтын, да с 300 дымов по денге с дыма, да с 45-ж вытей с полувытью по овчине с выти, да по 2 чети ржи с выти, да по десятку лну, да с дву вытей по 12 аршин холстов, да с приселка с Жарова с деревнями с 10 вытей дают годового оброку по 2 рубли с выти... да с селца с Солтонова, да селца с Козлищева с 3-х вытей оброку с выти по рублю... да за сенные покосы в пустоши идет в монастырь на год по 10 рублев» [3]). Здесь, по сравнению с денежными оброками, натуральные отступают совершенно на задний план, мало того, с приселка Жарова, с одного сельца и с другого и с сенных покосов взимаются исключительно денежные платежи.

По Московскому уезду находим: «а доходов с волости с Вохны платят (в) монастырь за волостелин доход и за пудовой мед и за дьячий доход и за рыбную ловлю денгами по 80 руб. на год... да монастырь-

---

[1]) Новгор. Писц. кн. 295.
[2]) Там-же, 421—22.
[3]) Писц. кн. Моск. гос. I. Костромск. у., волость Нерехта, 896.

скому прикащику дают на год со всей волости по 10 руб. на год, до 20 чет. ржи да по 40 чет. овса да 20 чет. хмелю, да по 80 куров, да по 8 боранов в год» [1]). Во многих случаях о платежах в натуре вовсе не упоминается. Так напр., в писцовой книге по Коломенскому уезду говорится: «деньгами дают в монастырь за масло и за сыры и за овчины с выти по 2 алт. по 9 ден. на год... да монастырьскому прикащику дают на год с выти по 9 денег» [2]). По Дмитровскому уезду «оброку дают на год за всякие денежные доходы и за монастырскую пашню по 4 гривны» [3]). «А монастырьских доходов имали с них в монастырь с живущих с 35 вытей оброку за всякие доходы по 2 руб. с выти, да за прикащиков посопной хлеб по 2 руб. в год» [4]). В этом случае и посопной хлеб, доставляемый прикащику, заменен деньгами. В Угличском уезде: «а доходов давали в монастырь масленого, да овчинного и за московские дрова с выти по 5 алт. по 2 ден., да за холсты с выти по гривне» [5]). В некоторых случаях вотчинник в праве заменить мелкий доход в натуре денежным, причем расценка тут же устанавливается; очевидно, такая замена действительно производилась. Так в писцовой книге по Тверскому уезду на каждом шагу содержится следующая запись: а оброку крестьяном платити в великого князя казну в Дворцовой Приказ 6 руб. и 7 алтын с денго(ю), с выти по полтине, да во льготе 4 алт. с денгою, да посопного хлеба 55 четьи и 1½ осм... да мелкого доходу платити крестьяном на дворец с 30 вытей яловиц(а), с 15 вытей боров живой, с выти по барану, по полтю мяса свиного, по 2 сыра кислых, по 2 гривенки масла коровья, по 2 куров, по 40 яиц, с дву вытей гусь живой, гусь битый, с дву ж вытей порося живое, порося битое, да с выти по сажени дров по копне по мерной сена, по 3 возы соломы ржаные, да 2 поярка шерсти белой и серой. А коли князь велики не велит у них мелким доходом имати, и крестьяном платити с великого князя в казну в Дворцовой Приказ деньгами: за яловицу с выти по 7 ден., за боров с выти по 3 ден. с полуден., за баран с выти по гривне, за полоть мяса свиного, за сыры с выти по 4 ден., за масло с выти коровья по 2 ден., за куря с выти по 4 ден.» и т. д. [6]).

С одной стороны, крестьяне снабжают вотчинника всевозможными продуктами—рожью и овсом, сеном и соломой, дровами, коровами, свиньями, баранами, гусями, сыром и маслом, шерстью. А с другой стороны, землевладелец, повидимому, предпочитает всему этому денежные суммы, что вынуждает крестьян вывозить эти продукты на рынок.

Тот же процесс перехода к денежным оброкам и всяким иным платежам в денежной форме виден и из приходо-рас-

---

[1]) Писц. кн. Моск. гос. I. Московск. у., вол. Вохна. 95.
[2]) Там-же. Коломенск. у., вол. Хотунская. 611.
[3]) Там-же. Дмитровск. у., ст. Козмодемьянск. 770.
[4]) Там-же. Костромск. у., ст. Чорной. 906.
[5]) Там-же. II. Угличск. у. 34.
[6]) Там-же. II. Тверск. у., 293. То-же самое почти буквально повторено на стр.: 297, 313, 317, 320, 325, 327, 334, 339, 348, 351, 353, 355, 358, 393, 400. См. также другие примеры взимания оброка I. 609, 756, 903 908, 914. II. 14, 22, 39, 420.

ходных книг Болдина Дорогобужского монастыря, относящихся к концу XVI ст. и к первым годам XVII ст. Хотя и неизвестно, какую роль играли натуральные и какую денежные оброки в его хозяйстве, однако, те же записи во всяком случае свидетельствуют о том, что денежные платежи всякого рода поступали с монастырских крестьян в значительном количестве, составляли существенную часть его доходов и имели важное значение для них. Так, под 27 ноября 1594 г. значится: «взято со всей вотчины с вытей 52 руб. и 2 алтына з деньгою» [1]). Мед, доставляемый в качестве оброка, заменяется деньгами: «взято за оброчный мед 5 руб.» [2]). То же происходит с льном: принес платенный казначей Епифан чеботовских денег (с села Чеботова) за лен 4 руб... Да Епифан же принес, что збирал за лен 8 руб.» [3]). И вместо грибов взимался с вытей денежный оброк: «взял с 4 вытей за грузди». Крупные поступления давали соленые деньги»: принес келарь старец Иван соленых денег 176 руб.: «взято с волости на крестьянех соляных денег за сто за шесть пуд и за две четверти 17 руб. и 8 ден.» [4]). Деньгами заменялись и оброки в промышленных изделиях, заключавшиеся в санях, хомутах и попонах: «принес конюшей старец Далила 6 руб. 18 алт. 4 ден., что он под монастырем с вытей имал денги за сани, и за хомуты, и за попоны» [5]).

В пользу монастыря поступают и денежные оброки с сдаваемых крестьянам пустошей, мельниц (прудов), сетей, перевесов. «Деревни Полянки на Якове Иванове, да деревни Синековай на Лукьяне Васильеве, да деревни Глупой Горы на Иване Екимове, да деревни Щепливай Горы на Федоре Долбне с товарищи взято оброку с пустоши Булгаковой на 113 ч. 2 руб.» [6]). «С Котского пруда оброку за 3 года 3 руб.», «с пруда с Великие мливных (мельничных) деняг 10 алт.» [7]); «с озера с Овлеста оброчных денег с сетей и с криг (сети для больших рыб) 2 руб.» [8]); «взято оброку с перевесей (сети для ловли птиц) 7 алтын з денгою» [9]). Крестьянам приходилось уплачивать в пользу монастыря и при вступлении в брак, причем «выводной убрус» и «новоженая куница» также были заменены деньгами: «принес убрусново алтын», «взято куницы

---

[1]) Прих.-расх. книги Болдина Дорогобужского монаст. (Р. И. Б. XXXVII). Столб. 192.
[2]) Там-же, 198, 228.
[3]) Там-же, 203.
[4]) Там-же, 191, 193, 202, 204, 210, 218.
[5]) Там-же, 190—91, 206, 213, 232—33, 242.
[6]) Там-же, 192, 205, 250, 259.
[7]) Там-же, 191, 199, 201, 205, 215, 218, 226, 244, 252, 256, 262.
[8]) Там-же, 237, 257.
[9]) Там-же, 205, 222.

3 алтына»—повторяется многократно [1]). Деньгами взимались и разного рода пени («пенные деньги») за совершенные крестьянами нарушения, в особ. за убытки, нанесенные монастырскому бортничеству, за то, что «пчелы выдрали», «посекли (подожгли) монастырский дуб со пчелами» [2]). Сюда же относятся, повидимому, и «боранные деньги», взимаемые за потраву и упоминаемые в записях вместе с пошлинами («пошлинные и боранные деньги») [3]).

В XVII ст. процесс замены натуральных платежей денежными продолжается. Часто находим сочетание оброка денежного и оброка вносимого натурой, но нередко денежный оброк положен за прежние натуральные сборы; обнаруживается «неуклонное вытеснение» первым последних [4]). Основной оброк (как и другие платежи) имеет денежную форму, только дополнительный в виде т. наз. столового обихода или столовых припасов взимается в виде с'естных припасов, промышленного сырья, в особ. шерсти и разного рода промышленных изделий—овчин, рогож, предметов из дерева.

В вотчине Солотчинского монастыря (в Рязанской и Тамбовской губ.) в XVII столетии собирались с крестьян всевозможные припасы на нужды монастыря, одни постоянно, другие лишь в качестве чрезвычайных оброков, одни во всех деревнях, другие лишь в некоторых. Доставлялся и хлеб и живность (куры, утки, гуси, бараны) и продукты животноводства (мясо, масло, сало, яйца) и овощи, мед и воск, грибы, ягоды, хмель, орехи. Но крестьяне обязаны были снабжать монастырь и сырьем для обработки (шерстью, мочалом, лыком) и промышленными изделиями (овчинами, веревками, вожжами, рогожами, пряжей, иногда собирались деревянные изделия—кадки, корыта, лопаты). Кто не набирал своевременно грибов, платил за это деньгами по определенной таксе, точно также за дубовые доски и дубовые кирпичи на «огурцах» правили штраф, притом весьма высокий. Обычно, однако, натуральные оброки, повидимому, заменялись невысокими денежными платежами, почему крестьяне предлагали прикащику взамен их деньги. Тот не решался правда принимать их без согласия архимандрита; но последний обыкновенно дозволял. В особ. хмель, мед и рогожи часто заменялись к концу XVII ст. денежными оброками [5]).

Однако, все эти сборы, т. наз. столовый обиход, составляли лишь часть доходов монастыря. Если они главным образом доставлялись в натуре, то основной оброк с вытей и другие платежи носили денежный характер. «Вытные указные деньги» составляли в конце XVII ст. 6—8 руб. с выти, больше в том случае, когда та или другая деревня не отбывала барщины и не платила столового обихода. Далее взимались «сторожевые деньги» и «приказчичий доход» в деньгах, к чему при-

[1]) Прих.-Расх. кн. 191, 194, 195, 197, 201.
[2]) Там-же, 197, 228, 250.
[3]) Там-же, 191, 193, 201, 225.
[4]) Готье, 516 сл.
[5]) Доброклонский, 73 сл.

соединились хлеб и окороки с вытей к большим праздникам. В деньгах определялись пошлины свадебные (выводные и куничные деньги) и судебные, хотя и тут сверх денег платили хлебами и окороками; за самовольство, за потраву, за брань были установлены денежные штрафы [1]) [2]).

В государевых именьях царя Алексея Михайловича установлены были разнообразные денежные оброки—с пустошей, сенных покосов, рыбных ловель, мельниц, кузниц, лавок. Иногда и посошный хлеб и столовые запасы переводились на деньги, но большею частью они брались натурой, причем сборы нередко специализировались, в зависимости от местных особенностей. Так одни выти сверх денежных доходов дают только оброчный мед, другие масло конопляное, просо толченое и пеньку, почему велено было с них «за столовые запасы и денег ныне и впредь не имать». Некоторые села «за триста четей ржи и овса тож и за столовые за все запасы» должны были платить лесом, дранью, лубьями и другими деревянными изделиями [3]). Такую специализацию оброков мы можем подметить и в других случаях (напр., в вотчинах Солотчинского монастыря, в именьях Морозова), она свидетельствует о том, что и в области производства имело место соответствующее разделение труда, что отдельные местности занимались добыванием и выделкой определеных произведний и имели избытки в них, которые они естественно не только отдавали вотчиннику в виде оброка, но и сбывали на рынок. Такая специализация должна была способствовать расширению обмена, производству крестьянских хозяйств для рынка.

Мы можем наблюдать и другое любопытное явление. В одних имениях царя Алексея Михайловича преобладают денежные и натуральные оброки, тогда как другие села, главным образом, отбывают барщину, почему прочие платежи для них ограничены; они уплачивают лишь по одному молодому барану с выти и по известному количеству кур с осмака: «с выти по молодому барану», «поскольку крестьяном с осмака велено платить кур по окладу», «указанные куры и бараны». Некоторые даже вовсе освобождены от всяких платежей, «для того, что они против иных дворцовых сел государеву пашню пашут и сено косят и всякие работы и изделья чинят излишние» [4]).

---

[1]) Доброклонский, 69 сл.

[2]) Об оброках ср. Розыскн. дела о Шакловитом, т. IV. Ст. 539 сл. Заозерский. Р. И. Ж. 103 сл. Забелин. I. 25 сл. Арсеньев. Ближний боярин князь Никита Иванович Одоевской и его переписка с Галицкою вотчиной (1650—1684 г.г.). Чт. Общ. Ист. и Др. 1903. II. Стр. 32. Прил. IV. №№ 5, 11, 14, 15. V. №№ 32, 35, 37, 40, 42 и др. На первом плане везде денежный оброк.

[3]) Дела Тайн. Прик. Кн. I. (Р. И. Б. XXI). Столб. 1021, 1151, 1159, 1265 сл. 1381. См. Заозерский. 175 сл.

[4]) Дела Тайн. Прик. Т. I. Столб. 1181, 1370. Заозерский, 177.

Этот альтернативный характер оброка и барщины обнаруживается и в писцовых книгах XVI века. Так нередко встречаются записи: «оброку дают за всякие денежные доходы и за монастырьскую пашню», оброку «за пашню», «за изделье», «за московские дрова» [1]). В других случаях, напротив, находим одну лишь барщину, которая заменяет и оброки: «крестьяне сказали, что денежных доходов в монастырь не дают никаких, опричь того, что пашут на монастырь пашню и сено косят, да тот хлеб и сено отвозят в монастырь и к Москве на троицкое подворье». «А на монастырь пашут пашни по три десятины на выть и сено всеми вытми укашивают на монастырь по 40 коп... а подвод к Москве сходит со всяким запасом в год с выти по 10 и болши» [2]).

Из сел Угличского уезда крестьяне возят хлеб в Троице-Сергиев монастырь, тес в Дмитровский уезд и рыбу в Поречье «для государевых приездов» [3]). Крестьяне Белозерского уезда, села Таниц «проводят рыбу в Пошехонской уезд... на монастырской обиход, дважды в год... а ставят на те оба рыбные отпуски суды и кормщики и гребцы по 7 руб», «а иногды болши»—прибавлено в заключение [4]). И в других случаях работы на пашне заменены рубкой и возкой дров, в особ. же перевозкой рыбы и неводов, причем крестьяне обязаны давать и подводы и людей [5]); все эти повинности их оценены на деньги—новое доказательство развивающегося денежного хозяйства.

В порядных конца XVI века монастырское изделие обычно указано в весьма неопределенных выражениях, что дает землевладельцу возможность эксплоатировать труд крестьянина по своему усмотрению: «а на дело на монастырское ходити, как и прочии крестьяне ходят», «сделье монастырское делати» [6]). Столь же неопределенным оно остается и в XVII веке: «сделье делати без ослушания», «монастырское сделье работать с суседьми в ряд», «страда монастырская всякая со крестьяны страдати, что игумен прикажет», хотя иногда и установлено: «всякое дело делати в недели по 2 дни и с лошадью» (1650 г.) [7]). Среди свыше 1500 порядных половников Гледенского и Коряжемского монастырей хождение на «сделье», «дело», «службы» упоминается почти в 1100 случаях, при чем и здесь обычной является формула: «ходить на всякое мона-

---

[1]) Писц. кн. Моск. гос. I. 609, 770, 906, 914.
[2]) Там-же. Писц. кн. Коломенск. у. I. 610—11. Ср. Дмитровск. у. I. 756. Костромской у. I. 896—903, 908. Ярославский и Тверской у. Писц. кн. II. 7, 14, 21.
[3]) Писц. кн. Угличск. у. II. 35.
[4]) Белозерск. у. Там-же. II. 420.
[5]) См. напр. писц. кн. Пошехонск. у. II. 39.
[6]) Сводный текст. порядн. 35.
[7]) Акты тятл. нас. I. № 47. А. Ю. №№ 290. IV. 196. I. II и др. Дьяконов. Сельск. нас., 238. Островская, 220.

стырское сделье, где старцы повелят»; из них в 107 случаях к этому прибавлено требованье в страду на монастырском сенокосе два дня косить, да 2 дня сено грести. Лишь в виде редкого исключения указано число годовых дней изделья. Напротив, иногда имеется прибавка: «когда позовут на монастырское дело и нам давать с лошади по человеку», «а на зделье мне Ивану ходить, как позовут, самому, парня не посылать». За невыполнение повинности иногда установлена пеня. Поскольку изделье нормировано, наряду с постановлением: «ходить 10 дней» встречаем и другое: «на зделье ходить на монастырское по 2 дни сряду, а третей на себя робить», т.-е. весьма тяжелую барщину, хотя половники и являлись вольными людьми [1]).

О барщине (зделье, заделье, изделье) производимой в монастырских вотчинах, упоминается уже в источниках XIV в. Мы приводили уже выше грамоту митр. Киприана, в которой перечисляются обязанности крестьян (двор тынить, хоромы ставить, сеять и жать, ез бить, сады оплетать, пруд прудить, на бобров ходить), при чем речь идет о старой пошлине, т.-е. о давно установившихся повинностях [2]).

Такую же многочисленность и многообразие барщинных работ находим и в памятниках рассматриваемой эпохи. Дело не ограничивается полевой страдой—обязанностью пахать, сеять, убирать и молотить хлеб, сено косить, иногда также лен сажать, огороды распахивать и сеять огурцы, капусту, коноплю. К этому присоединяются в особ. «повозы всякие» в виде возки хлеба и дров в Москву на помещичий двор или леса для поделок в монастыре. Даровым крестьянским трудом пользовались и для ловли рыбы (езы бить) и для рубки и выжиганья леса под пашню, для размалывания муки, для варки кваса. Наконец, барщина выражалась в постройке мельниц и житниц, в починке монастырских зданий, в поставке людей и лошадей для повозов, или же лодок, кормщиков и гребцов для той же цели.

Перечисление различных видов барщины находим напр. в уставной грамоте Соловецкого монастыря, касающейся крестьян Бежецкого Верха 1561 г. Оброк здесь установлен в натуре—«хлебной» (рожь и овес), да с выти «по сыро по сухому» или вместо сыра («а не люб сыр») 2 денги, да в осень на Покров по 50 яиц, да по хлебу, да по калачу. Барщина состоит в различных работах—и на господском дворе, и в виде полевой страды, и в форме «повоза». К первой группе относится «двор монастырской и гумно крестьянам поделовати и которые хоромины пристареют и в тех хором место новые хоромы ставити». Полевая страда выражалась в обязанности «пашню пахати на монастырь... сеяти се-

---

[1]) Островская, 272 сл.
[2]) А. А. Э. I. № 11.

мяны монастырскими» рожь и овес, но «похощет прикащик сеяти пшеницу, или жито, или горох, или гречу, или лен, и крестьяном то пахати, на которых десятинах прикащик излюбит». Наконец крестьяне обязаны «повоз везти к Вологде с выти по лошади, а на лошади везти по 4 четверти ржи, а овса по пяти четвертей». «А лучится повоз везти к Москве, или на Белоозеро, или ближе Вологды, или дале Вологды», то производится соответствующий расчет «против Вологды». Если же в каком-либо году повоза везти не придется, то взамен его берется оброк деньгами с каждой подводы. При отбывании барщины крестьянам предписывается «прикащика слушати во всем, и на монастырское дело ходити на солнечном всходе, как десяцкий весть подаст». Прикащику предоставляется право и сверх этого урочного дела привлекать крестьян к работам, звать их «в честь», но не даром: «кто придет, и прикащику тех людей кормити монастырским хлебом» [1]).

Согласно «книгам вытным» Кирилло-Белозерского монастыря от 60-х годов XVI ст., монастырь получал оброку 157 руб и 10½ тыс. четв. хлеба. Позже денежный оброк возрос на счет оброчного хлеба, поступления которого сократились; зато расширился район сбора столовыми запасами. В 60-х годах установлены и размеры и характер барщинных работ, но они существовали и раньше, ибо имеется ссылка на прежний обычай («по прежнему», «по старому»). «Крестьянам по вся лета монастырское дело делати: пашня им пахати, на выть сеяти по 2 четверти ржи, а яровое жите по тому же... и повоз возити... а взойдется в котором поле, им и то Бога ради спахати изгопом, и ножми косити по прежнему... а дрова хлебные и угольные и овинные сечи и возити», хлеб «замолотити и свозити» и «изгорода сам городити» [2]). Здесь упоминается об одних лишь земледельческих работах, унавоживании полей, пахоти, посеве, косьбе, уборке и молотьбе хлеба, да кроме того об обязанности ставить изгороди и рубить и возить лес. Из прочих работ названо лишь «лодьи подымати» (волочить лодки). Но впоследствии существовали и другие виды барщины—езы били, ловили «погонную» и поледенную ловлю, возили «монастырские повозы всякие», в частности, хлеб и сено возили в Москву. При этом крестьяне распадаются на несколько групп. Одни платят оброк и выполняют повинности одновременно. Другие, напротив, либо только платят оброк, либо свободны от него, но отбывают барщину. [3]).

В большом Тихвинском монастыре в XVII ст.—как указывает Б. Д. Греков—в отношении крестьянских платежей и повинностей обнаруживается одна общая тенденция—переложить их на деньги. Но в то же время натуральные повинности исчезли далеко не все, в частности барщина существует, при чем характерно, что даже население Тихвинского посада, принадлежавшего монастырю, обязано было в страдное летнее время выходить в поле «с серпом в руках» — об этом свиде-

---

[1]) А. А. Э. I, № 258.
[2]) Никольский, 65, 59, 82 сл.
[3]) Там-же, 57 сл. и прим.

тельствуют «книги жнитвенные посадским людем, кому сколько жать по окладу» [1]).

В вотчинах князя Голицина крестьяне «пашни пахали и сеяли боярским хлебом по 70 по 9 десятин в поле, а в дву потому ж». Другие работы нередко заменялись деньгами: в описных книгах значится «за работников 5 руб.», «за косцов». При отнятии вотчин барщина заменена деньгами: «за десятинную пашню в которых вотчинах на князь Василья Голицина десятинная пашня пахана по 2 руб с двора»; «впредь пахать тех вотчин крестьяном на себя потому, что на те вотчины перед прежним оброку и за столовые запасы прибавлено» [2]).

На боярскую пашню в вотчинах Морозова обращалось много внимания. Десятину в поле обрабатывали средним числом от 6—8 дворов, но в наиболее хлебородных вотчинах барщина была тяжелее—десятина возделывалась 5 и даже 4 дворами. Иногда пашню пахали и лес расчищали под новую пашню вольнонаемные работники, деловые люди, как их именовали, к которым «приставляли приставов добрых, чтоб гулять не давали и чтоб пахали хорошо». Но приказчики были ими очень не довольны, ибо с этими свободными людьми нельзя было распоряжаться как с крепостными, которые находились в полной власти приказчика. Они не желали допускать нарушений «ряды» (договора). Их нанимали на пашню, а заставляли лес сечь в воде, которая была выше колена и по пояс («как куст станут сечь, так и вода забрызжет»). Условлено было «на дело посылать, как станет солнышко всходить, спускать, как солнышко сядет», пристава же посылают их на работу «до света за два часа, а с работы спущают час ночи». Не удивительно, если при таких условиях «деловые приставов бранят матерны и обухами бить хотят». Пристава называли их «азорщиками лютыми», каких никто не запомнит: «мы беспристанно бьемся с ними, что с собаками». Это был—говорит Забелин—в сущности вопль прикащичьего самовластия, которое изумлялось отпору людей не совсем от него зависимых. Но сила была все же на стороне приказчика и приставов, ибо боярин не стеснялся и с наемными поденщиками, приказывал их «бить батоги, сыскав вину предо всеми деловыми». И все сошло бы тихо, если бы один из приставов не переусердствовал: он не только «всех перебил», но и бил плетью, «а плеть у него была тяжела добре и вышиб было у делового глаз»; последний пошел жаловаться в Москву к самому боярину, заявляя, что пристав Горюн «нас сирот бьет и мучает не про дело». Но этот Горюн и самому приказчику грозил кнутом. Боярин его унял, велел

---

[1]) Лет. зап. Археогр. Ком. Т. XXVI, стр. 21. Ср. Доброклонский. 18 сл. Ист. ак. Яросл. Спасск. мон. I. №№ XXIX и XXXI.

[2]) Розыски. дела о Фед. Шакловитом. Т. IV, отд. XVI, № 32, столб. 541 сл. Ср. о барщине. Арсеньев. 31 37. Прик. III. №№ 1, 7, 15. Времени. Общ. Ист. и Др. Смесь 17. сл. Заозерский. Р. И. Ж. 104 сл.

за то, что бьет и увечит и приказчика не слушает, бить самого перед всеми батогами, чтобы впредь так «не дуровал». Что касается деловых, то будет они «огуряютца, ино сыскав вина, и за вину бить батоги слегка, а не увечить». Бить, следовательно, хозяин мог и свободного человека,—этот принцип применялся еще и на фабриках XIX ст.—только увечье могло иметь и для хозяина неприятности [1]).

Общей повинностью для государевых крестьян была десятинная пашня и сенокос, при чем царь хотел, чтобы крестьяне не просто выходили на работу, но делали ее с удовольствием. Он поручал посылаемым им на места людям «крестьянам сказать наше великое государя милостивое слово и чтоб они на нас, великого государя, пашню пахали с радостью, а не о чем бы не оскорблялися». «Как пашенное время придет», крестьяне обязаны приезжать «с сохами и с боронами» по 3 человека с выти. Но пашут и крестьяне пришлые, «работные люди»—Каргопольцы, Вятчане и Тамбовцы, поставляемые соответствующими уездами; они заносились в «выборные и высыльные списки и «по наряду» отправлялись, за что отвечал местный воевода»; на местные же общества падала ответственность за бежавших «работных людей». За работу им платили деньгами и кроме того давали «кэрм», иногда «на кафтаны сукон серых», упоминается и о лекаре Симоне, получившем 5 ведер вина «за лекарство (лечение) тамбовцев» («работных людей») [2]).

Наконец, в случае необходимости, прибегали и к свободному наемному труду: «будет Киреевскими крестьяне покосить будет невозможно и для той козьбы и козцов нанять». В других случаях раздаются жалобы на крестьян, что они «дуростью» приходят на работы слишком поздно и «до сроку сходят, не дожив, по своей воле», и «на работе чинятся непослушные» и «работу всякую работают с великою ленью и огурством», почему вместо них «наимутца наемные работники» и отсюда получается «мешкота и поруха и убытки большие». Во многих случаях и приходилось «вспахать и посеять наймом», к крестьянам «в прибавку наймованы недельные работники и бабы». Это были крестьяне из самых различных мест и разнообразных категорий — мирские (черные), дворцовые, монастырские, помещичьи, иногда и посадские люди. Одни приходили в Москву, ища заработка, других ставили подрядчики, или для найма их командировались особые лица в сопровождении стрельцов и с грамотами к местным воеводам «о вспоможении». Они обязуются «всякую работу что не на-

[1]) Забелин, I. 27, 47 сл.
[2]) Дела Тайн. Прик. I. Столб. 1049. 1053, 1075, 1150, 1160, 1174, 1334, 1725. Заозерский. Царь Алексей. 110 сл. 179 сл. 193 сл.

рядят, работать без лености и без прогулов и дурна никакого не учинить, не красть и не воровать и не дожив до сроку и не заработав задатку, что взяли наперед, не збежать». Если же кто-либо збежит — этого больше всего боялись — то за него отвечают все прочие. Они получают определенную плату деньгами, а сверх того «едят государев хлеб».

Плата была поденная, понедельная, косцы расчитывались сдельно, часто плата определялась за весь срок наряда—с первых чисел апреля по 14 ноября, 3 руб. 10 алт. За их работой приказ следил очень внимательно, но расплачивался весьма своеобразным способом: работали в течение 6 дней, но так как в течение одного из этих дней «треть дня шел дождь», то плата им выдана «за шесть дней без трети». Но и по отношению к подрядчикам приказ усиленно блюдет свои интересы: подрядчик вместо 50 человек представил к каменным работам всего 10 и за это «в достальных» был поставлен «на правеж». За работами следили солдаты и стрельцы для надзора, «для смотрения поль» устраивались «смотрильницы», деревянные сооружения, на которых помещались «нарядчики» [1]).

Из приведенных примеров нельзя не усмотреть, что изделье или барщина в разнообразных формах составляла в крупных вотчинах, государевых, светских и духовных обычное явление, ложившееся, повидимому, тяжелым бременем на крестьян. Это, конечно, не значит, что она применялась везде и повсюду, в особенности в мелких имениях; возможно также, что распространяется она в значительных размерах только с конца XVI ст., как утверждают Н. А. Рожков и А. С. Лаппо-Данилевский. Последний, указывая на то, что развитие барщины в одних местностях не исключало существования денежного оброка в других, прибавляет, однако, что «в конце XVI века уже встречаются случаи поглощения всех остальных обязанностей крестьян в пользу землевладельца одною барщиной» [2]). Ю. В. Готье констатирует для XVII ст. преобладание оброчного хозяйства на севере и северо-востоке центрального района, что имело место еще и в XIX в., тогда как в подмосковных и особ. южных, за Окой расположенных, областях перевес был на стороне барщины [3]).

Одновременно с расширением барской запашки наблюдаем сокращение крестьянской запашки, которое свидетельствует о том, что крестьянский двор ослабел, стал более маломочным чем раньше. В центральной области и в новгородском крае крестьянская запашка в XVI ст. на двор уменьшается в 2—2½ раза. В первой половине XVII ст. происходит дальнейшее падение и только во второй половине века некоторое увеличение, по сравнению как с первой половиной, так и с концом

---

[1]) Заозерский, 118 сл., 196 сл.
[2]) Рожков. 155, 174. Лаппо-Данилевский. Ист. образ. 38, 43, 45.
[3]) Готье, 515.

XVI века. Но крестьянская запашка и теперь значительно ниже, чем до середины XVI ст. В то время однако, как сокращение запашки до середины XVII ст. находится в связи с убылью в рабочем составе крестьянского двора, с этого времени наблюдается обратный процесс — увеличение семейного состава двора, находящееся в связи с введением «живущей четверти» в качестве единицы обложения. Этот переход к подворному обложению и вызвал скучение населения по дворам, и рост подворной запашки, наблюдаемый во второй половине XVII ст., он может быть об'яснен именно этим искусственным увеличением населения двора. Поэтому для XVII ст. надо сравнивать размеры не подворной запашки, а запашки, приходящейся на душу населения. Согласно Ю. В. Готье, в течение XVII ст. замечается определенно выраженное сокращение последней, достигающее в среднем 20—25%. Таким образом не только во второй половине XVI и в первой половине XVII ст. имеет место понижение уровня крестьянского хозяйства, но этот процесс продолжается и в дальнейшем: еле оправившись после смутного времени, крестьянское хозяйство снова обнаруживает склонность к упадку [1]).

II.

Наряду с крестьянами находим бобылей. И о них упоминают писцовые книги, и они заключают порядные с землевладельцами. С конца XVI ст. их значение возрастает—если взять число дворов крестьянских и бобыльских до и после Смуты, то окажется, что доля последних сильно увеличилась, напр., в таких уездах, как Белевский, Веневский, Орловский, как и в вотчинах Казанского митрополита и на землях Троице-Сергиева монастыря (в Дмитровском и Углицком уездах) и Кирилло-Белозерского с 1—9% до 40—55%, так что бобыли стали численностью превышать крестьян и только на севере в Кеврольском уезде процент их и в 1587 г. и в 1623 г. почти тот же—4,7 и 6,7 [2]).

Что же такое представляют собою бобыли и чем они отличаются от крестьян? Это вопрос весьма спорный и неясный, многие авторы касаются его, но почти всегда вскользь и мимо-

---

[1]) Готье, 271, 502 сл., 509 сл., 513 сл., 542. Рожков, 146 сл., 194 сл. Огановский, 119 сл. Сташевский. Ист. царств. Мих. Фед., 44 сл.

[2]) Дьяконов. Сельск. нас., 224 сл. Покровский. Казанский арх. дом, 46 сл. 52. 55 и прил. 1. Смирнов. Орловск. у., 84. Иванов. Ист. крест землевлад. на сев., 24 сл. Сташевский. Ист. царств. Мих. Фед. 31. Его-же. Землевлад. Моск. двор. 31 сл. Никольский. 32, прим. 3. 96 прим. Лаппо-Данилевский. Прям. облож. Прил. VI. См. также примеры выше, стр. 21—23, 63, 80.

ходом [1]). Одни исследователи утверждают, что бобыли как правило непашенные и нетяглые люди, имеющие лишь усадебную оседлость, или не имеющие собственной запашки и несущие особое тягло, называемое бобыльским оброком [2]). Другие, напротив, указывают на то, что пашня у бобыля не есть вовсе уклонение от типа, а явление нормального порядка и приводят целый ряд случаев пашенных бобылей [3]). По мнению некоторых, характерный признак бобыля бедность или во всяком случае меньшая состоятельность, по сравнению с крестьянином [4]), тогда как другие не могут не отметить случаев зажиточных бобылей [5]). Указывают на одинокость и малосемейность бобыля, на то, что он занимается преимущественно промышленным, а не земледельческим трудом, что он находится в каком-то особом отношении к церкви, приравнивают бобылей к изгоям, к подсуседникам и казакам, полагают, что из них образовались впоследствии дворовые люди [6]).

Однако при всем этом разномыслии нельзя не отметить, что в последнее время большинство авторов склоняется к тому мнению, что бобыль не входит в волостное тяглое общество, а подлежит особому тяглу (он не в миру и в этом смысле одинок), что он сидит за землевладельцем, порядчается к нему.

Как указывает Ю. В. Готье, в источниках бобыли часто именуются бродящими, приходцами [7]). Возникает вопрос, не являются ли они действительно таким пришлым, не имеющим постоянной оседлости населением? Некоторое подтверждение этому представляет собою то обстоятельство, что они селятся во вновь возникающих пригородных слободах, которые образуются из пришлого населения. Так, имеются подмосковные бобыльские слободы, образовавшиеся на частновладельческих и монастырских землях—поселения пришлых людей. «Слободка боярская... а в ней бобыли (65 дворов) ...у кн. Черкасского на оброке, а пашни им в поле не дано». «Крутицкого митрополита слободка Дубровка непашенная, а в ней живут непашенные бобыли, а кормятся в саранах кирпичною работою». Оброчные бобыли слободские из Спасской вотчины Ростовского Богоявленского монастыря живут однако на Москве.

---

[1]) Подробно рассматривают этот вопрос М. А. Дьяконов (Очерки из истор. сельск. нас., очерк 4-й) и Б. Д. Греков. Новгородские бобыли в XVI и XVII ст. в Ж. М. Н. П. 1912. VII. Литер. о бобылях см. у Грекова и в особ. у Сташевского. Царств. Мих. Фед., 47 сл.

[2]) Дьяконов, 221. Богословский. I. 137. Соколовский, 14. Никольский, 25. Горчаков, 207.

[3]) Сергеевич, 467 Лаппо-Данилевский. Разыскания. 95. Греков, 50 сл.

[4]) Соловьев. III. 727. Ключевский. Курс. III. 109. Сташевский. Моск. у., 100.

[5]) Лаппо-Данилевский. Разыскания. 95. Греков. 50 след.

[6]) Лаппо-Данилевский. 92, 96. Владимирский-Буданов. Обзор. 4 изд., 136 Сторожев. «Бобыли» в Нов. Энц. Слов. VII.

[7]) Готье, 134 сл.

В города уходят и бобыли Горовского уезда. Оброчные бобыли князя Буйносова-Ростовского «наймуются на суда» [1]). Все это пришлый, подвижной элемент. В Нижнем Новгороде встречаем слободку Благовещенского монастыря, где «ставятца ново... крестьянских и бобыльских дворов новоприхожих людей» [2]). На Романе Городище слободка боярина Никиты Ивановича служилых казаков: устроены «для береженья вотчины от татарских приходов», всего 60 дворов казачьих, людей в них 139 человек, да 23 двора бобыльских, людей в них 30 человек [3]). Во вновь возникшем поселении имеются таким образом только казаки для охраны его и затем пришлые, вновь поселенные бобыли. В Воронеже 45 дворов бобылей, людей 70 человек, причем прямо указано, что «живут на время для промыслу» [4]). Отсюда, конечно, бобыли являются большею частью ремесленниками или наемными работниками, работными людьми, не имеющими ни земли ни скота; самые переходы их с места на место находятся в связи с таким отсутствием у них имущества, с несостоятельностью их. «Безместные бобыли... кормятся работой своей, дворов у них своих нет, живут по чужим людям» [5]). В челобитной одной вдовы-крестьянки вотчины боярина Одоевского (1672 г.) читаем следующее: «оскудала, государь, и с робятишки кормлюся, государь, миром, а живота нет, ни лошади, ни коровы, и куряты нет, и тяглой мой жеребей стоит в пусте, не сиян ни рожью, ни ярью... умилосердися... вели, государь, с меня землю спять и борины, а меня бедную выпустить в бобылки покаместа детишка подрастут, а меня, государь, пожалуй для подворьишка не вели из избы выжить, побродя в мире, в свое посилишко прибегать» [6]). Получается такое впечатление, что эта «оскудавшая» вдова намерена, «покаместа детишки подрастут», вести бродячий образ жизни, уйти в другие места, почему она и просит сохранить на это время за ней избу, но в то же время для нее, конечно, важно освобождение от земли и тем самым от тягла. В других челобитных, обращенных к тому же боярину, об этом образе жизни ничего не говорится, а имеется лишь просьба: «вели, государь, с меня землю снять, а мне, государь, вели жить в бобылках» [7]). Очевидно, и тут вся суть заключается в освобождении от земли, т. е. в сущности от тягла, это просителя только и интересует. Но из этого могло и даже должно было вытекать и изменение условий жизни, необходимость искать работы на стороне и т. д.

[1]) Готье, 135, 533.
[2]) Писц. кн. по Нижн.-Новг. 1621 г., 349.
[3]) Смирнов. Города Моск. госуд. I. 125.
[4]) Там-же. I. 133.
[5]) Готье, там-же. Ср. Дьяконов. Сельск. нас., 218.
[6]) Арсеньев. Прил. № 54.
[7]) Там-же, №№ 47, 49.

Любопытны в этом отношении новгородские порядные бобылей, сообщенные Б. Д. Грековым (1623—1685 г.г.). Характерно прежде всего то обстоятельство, что в этих порядных бобыль обыкновенно называет себя «волной человек», иногда «волной работной человек», иногда «волной гулящей человек» или «волной гулящей работной человек». Речь идет, очевидно, о вольных гулящих людях, не имеющих постоянной оседлости. В некоторых случаях прямо видно, что поряжается в бобыли пришлый человек: «зарубежский выходец»; «вышел я сирота из-за Свейского рубежа с выходцы», лишь в двух—трех случаях бобыль именует себя портным мастером, кузнецом или серебренником, но в то же время он вольный человек [1]). Далее, согласно этим порядным, бобыль обязан сидеть безвыходно. В случае ухода, он плотит неустойку: «а будет я, Захар, в государев круг, или в княженецкие или в боярские или в монастырьские вотчины или в ыные в которые задачи из Софейские вотчины из-за митрополита куды выду вон».

Что касается прочих условий, то трудно согласиться с утверждением [2]), что бобыльство менее ответственная, более льготная экономически форма жизни, чем крестьянство. По крайней мере, из упомянутых порядных это не вытекает. Там упоминается правда два раза «землю пахать, где приищу, где мне любо» и «жити ему... где похочет», но в двух других случаях, наоборот, сказано жить, «где святитель укажет» и «по митрополичю указу жить... где мне укажут». Обычно же названа просто волость, в которой бобыль обязан жить, так что местожительство заранее известно. Размер оброка во многих случаях фиксируется раз навсегда (одна треть случаев), однако в других порядных (другая треть) он не определен индивидуально, а сказано лишь «бобылское тягло платить нам в монастырь з бобылями вместе», «всякое тягло тянути... против своей братии иных бобылей», и наконец, нередко (остальная треть) бобыль обязан платить, «почему он, святитель, укажет»; «а оброком меня чим великий святитель пожалует, укажет, на год платити». В последнем случае получается полная зависимость от воли вотчинника. Это относится и к барщине. Если в некоторых порядных говорится: «зделья никакого не делать» и «за зделье и за всякие приказщицкие доходы» уплачивается оброк, то в других порядных оговаривается обязанность бобыля «дело всякое делати с суседеми вместе», «манастырское зделье делати», причем иногда прибавлено, «что митрополит укажет».

Если бобыль по общему правилу человек маломочный, то он, конечно, осев прочно на данном месте, «за кем-нибудь»,

[1]) Греков. Новгородские бобыльские порядные. Чт. О. И. и Др. 1912. II.
[2]) Сташевский. Ист. Мих. Фед. 50. Греков. Новг. бобыли. Ж. М. Н. П. 1912. VII. 61. См. поряд. Ак. о посад. 127, 129. А. Ю. № 193, 201. А. Ю. Быта. III. № 335.

распахав землю и поставив двор (бобыли часто—как указывает Б. Д. Греков—расчищали леса и ставили новые починки и деревни) [1]), может обзавестись хозяйством, скотом и стать заяиточным человеком, тогда как в других случаях, поселяясь в слободах и занимаясь наемной работой, бобыли легко могли снова покинуть данное место и налегке уйти в другие места. В приводимом Б. Д. Грековым в другом месте списке бобылей в количестве 25 человек почти все они владеют скотом, многие имеют и лошадей и коров одновременно [2]). В этом случае экономическое различие между бобылем и крестьянином стирается, остается только юридическое, то, что бобыли не входят в тяглый волостной мир и платят особый более легкий оброк и что они остаются все же людьми вольными: живет «в бобылях волею, а крепости никому не давывал».

Но как человек нетяглый в сошное письмо не положенный, бобыль, с точки зрения государства, мало пользы приносит и потому обнаруживается стремление поставить бобылей в равное с крестьянами положение, на чем должны были настаивать и последние, в видах уравнения платежей [3]). Это стало необходимостью, в виду того, что—по утверждению дозорщиков 1620 г.—многие «дворяне и дети боярские и монастыри крестьян своих у дозорников утаили, а которых не утаили, и они крестьян своих писали для тягла бобылями» [4]). Этим и об'ясняется в значительной мере приведенное выше возростание количества бобылей на счет крестьян, совершившееся после смутного времени. Свести крестьян в бобыли было равносильно утайке их от податей. При обыске Ивангородцкого окологородья (1573 г.) ставится вопрос относительно такого свода и волостные люди отвечают, что «лутших людей и середних с обеж из больших участков в бобыли людей не выводит нихто» [5]). Единственный исход заключался в включении и бобылей в тягло и с переходом к обложению живущей четверти (подворному) это стало возможным—бобыли ведь в весьма многих случаях имели только дворы, но не пашню. Велено было, «где крестьянских дворов не достанет, и тут положить за один двор крестьянский по два двора бобыльских». Полное же приравнение бобылей к крестьянам в окладном отношении произошло лишь указами 1649 и 1679 г.г. о введении подворной подати [6]).

[1]) Греков. Дом св. Софии, 521 сл.

[2]) Греков. Новгородские бобыли в XVI и XVII в.в. Ж. М. Н. П. 1912. VII. 76 сл.

[3]) Там-же, 74 сл. 79.

[4]) Неволин. О пятинах и погостах новгородских. Зап. Геогр. Общ. VIII. Прил.

[5]) Арх. Матер. II, 2. стр. 337, 339.

[6]) Ак. писц. д. II, 1. № 70. Указн. кн. пом. прик. Прил. № 14. Ист.-Юрид. матер., над. Моск. Арх. М. Ю. I, стр. 101, Дьяконов Сельск нас 228 сл. Его-же. Живущая четь. Русск. Ист. Ж., т. V.

III.

В оброке и в барщине, обычно не ограниченной никакими пределами, выражается уже зависимость крестьян от вотчинников и помещиков. Но к этому присоединяются и другие моменты. Иммунитетными грамотами, как мы видели выше [1]), уже в XIV и XV ст. ст. крестьяне как духовных, так и светских вотчин освобождались от суда наместников и волостелей и от исполнения приговора ими и их тиунами. Но тем самым право суда и расправы передавалось вотчиннику, он судил, ему же вверялось исполнение приговора, последнее даже при «смесном» суде, т. е. когда тяжущиеся принадлежали к различным сословиям и когда судили совместно вотчинник и волостель. Устанавливалась, таким образом, сильная власть вотчинника над сидевшими на его земле крестьянами. И такие несудимые грамоты выдаются—как мы уже указывали—попрежнему не только в XVI, но и в XVII ст. [2]).

От жалованных льготных грамот ведет свое начало и податная ответственность землевладельцев за исправное отбывание тягла проживающими за ними крестьянами [3]). Следовательно, и в податном отношении создавалась зависимость крестьян от вотчинника, ответственность перед последним, возможность для него воздействовать на крестьян принудительными мерами, для побуждения их к уплате податей: «монастырь старался без поноровки собрать с крестьян государевы подати, чтобы самому не пришлось платить их из своей казны» [3]). Ибо «юридически обязанными суб'ектами обложения являются не отдельные тяглецы, записанные в писцовых книгах... а землевладельцы-помещики, вотчинники, монастыри и церкви. Правительство интересуется тяглецами только во время описаний и дозоров; в промежутке между ними землевладелец платит по одному и тому же окладу сошного письма и его дело оброчить крестьян и входить с ними в те или иные сделки» [4]).

Наконец, уже в XVI в. крестьяне рассматриваются, как составная часть имения и подлежат разделу так же, как и участки земли. «Помещики XVI в.—как указывает Д. Я. Самоквасов—не имели права передавать своих крестьян другим владельцам посредством купчих, духовных, данных, отступных, вкладных, но имели право делить и менять своих крестьян вместе с поместной землею по полюбовным соглаше-

---

[1]) См. т. I, стр. 98—102.

[2]) См. выше, гл. III, стр. 65 сл.

[3]) Доброклонский, 85. Ср. Платонов. Русск. ист. изд., 7, 196. Дьяконов. Сельск. нас., 56.

[4]) Веселовский. Сошное письмо. I. 1915. Стр. 342.

ниям, с разрешения правительства» [1]). Так, напр., в Росписной книге 1571 г. говорится, что губной староста росписал «Петру да Сергию Олександровым за тем Чертова по ехъ челобитнымъ... помистье в Никольском погосте Ижерском», при чем «ис Сергиева помистья Чертова брату его Петру Чертову... на Петрове жеребью крестьян (перечисляются имена крестьян)... и всего Сергиева помистья за братом за его Петром... сельцо да две деревне... а людей в них 8 человек... И всего Петрова помистья за братом его за Сергием... сельцо да 4 деревни, а людей в них 12» [2]). В 1584 г. по царскому приказу произведен был, на основании челобитных Григория Кренева и Григория Боркова, раздел с другими помещиками: «живущего и пустого и дворы и во дворех крестьяне и бобыли делити». И «розделили дворы и крестьяне и бобыли... Досталося Григорию Неелову Игнатко Павлов, а Офанасью Неелову Арефа Васильев, а Юрью Пушкину Филатка Иванов... а Поснику Неелову досталось пол двора, а в нем крестьянин Неудачка Петров... А Григорью Креневу да Григорью Боркову досталося в той же Белой пол двора с Неудачкою на одном двори... а в нем крестьянин Шестачко Ондреев, бобыли Истомка» и т. д.[3]).

В арзамасских поместных актах за 1578—1618 г.г. находим большое количество отделов, отводов и отказов — наделения землею, во многих случаях путем выделения частей из других поместьев, раздела отцовских поместий, выделов вдовам и т. д., при чем разделяются земли и крестьянские дворы, последние, как и угодья, по пашне: «а дворы хрестьянские живущие и пустые велено розделити повытно по четвертям», «а дворов и во дворех людей и сена и лесу и всяких угодий по пашне». При такого рода операциях с крестьянами вовсе не считаются. Ими наделяют того или другого помещика, независимо от их желания; мало того, их дворы сносятся и переносятся на другие поместья, их заставляют, следовательно, покидать насиженные места и переходить на другие, или же их выселяют из собственного двора и переводят на другой двор. В 1578 г. приказчик или выборный голова «Василью Григорьеву, сыну Мерлину, отделил по государьской грамоте и по наказу в той же деревне Тоторшове дворов и крестиян от Кужендей за врагом (оврагом), который враг впал в Леметь в речку, а во дворех хрестиян (следуют имена)... Да на мордовской стороне за врагом досталось крестиян (перечисляются)... и те ему дворы крестианские сносить с мордовские стороны на свою сторону. А на Васильеве стороне стоят 4 дворы мордовские, и им свои дворы сносити на свою сторону» [4]).

---

[1]) Арх. Матер., изд. Самоквасовым, II, ч. I, стр. 139.
[2]) Там-же, II, ч. 2. № 30, стр. 127 сл.
[3]) Там-же, II, ч. 2, № 60, стр. 509.
[4]) Арзам. пом. акты, изд. Веселовским, № 2.

В грамоте 1585 г. читаем: «а которые были дворы крестьянские Васильевы написаны по писцовым книгам за Васильем, и те дворы стали в мере на усадища Ивану Дмитриееву, сыну Болтину в его земле до реки до Теши сряду, с одново с Иваном с Михайловым сыном, и те дворы снести Василью на свой усад, что был Иванов усад Дмитреева сына Болтина, и то места в осень очистить под Ивановы дворы» [1]). В другом случае (1585 г.) «половину Федоровского поместья... отделил в поместье... жене Макарова Офросинье», в том числе ей передан «двор крестьянской Якушков Осеева, а Якушка из того двора взят Федоровской жене Дарье в пустой двор» [2]).

Наряду с официальными действиями, распоряжающимися по своему усмотрению личностью и имуществом крестьян и снабжающими ими тех или других помещиков, мы находим и частные акты того же рода, свидетельствующие о том, как далеко простиралась власть помещиков над крестьянами уже во второй половине XVI ст. Так, слуга Троице-Сергиева монастыря обязуется отдать треть вотчины некоему Шишилову, «а в ней крестьян отдати... з женами и с детьми и со всеми их животы» [3]). К 1593 г. относится запись о взятии у Троице-Сергиева монастыря сельца Говшино «с пустошьми и со крестьяны, шесть крестьянинов на оброк» [4]). Сделки на крестьян принимают и форму мировых, при чем крестьяне отчуждаются и без земли, как видно, напр., из мировой записи старца Голутвина монастыря с Пятым Григорьевым 1598 г. по поводу иска о возвращении монастырских крестьян. «И яз старец Гурей в тех крестьянех, не дожидаясь сказки по судному списку, с Пятым помирился полюбовно: взял... в вотчину крестьян (таких то)... с женами и с детьми и со всеми животы и статки... а Пятому Григорьеву поступился крестьян» (таких то) [5]). Наконец, уже в 1586 г. помещики не только переводят к себе во двор крестьян, но и отпускают их на волю: крестьянин Логинко с женой утонули тому 10 лет,—показывают на обыске волостные люди (в 1600 г.)—а осталася у них дочь Марфица девка, и ту его дочь Семейка Калитин со всем отца ей животом взял к себе во двор до немецкие войны» [6]). Суслову жену Окулинку тот же помещик «вывез за собя же в нашу Васильевскую волость в деревню в Холомца, и жила за Семейкою с сыном в Холомцах год, и Суслову жену отпустил на волю из деревни из Холомца, а сына он Степанка взял к себе в двор со всем животом, и тому четырнадцеть лет» [7]).

---

[1]) Арз. пом. ак. № 28.
[2]) Там-же, № 17.
[3]) Акты тягл. насел., изд. Дьяконовым. Вып. 2, № 32.
[4]) Там-же, № 31.
[5]) Там-же, № 33.
[6]) Арх. Мат. II. 2. Стр. 460, № 26.
[7]) Там-же, 459, № 25.

Правда, одновременно с этим крестьяне еще и по Соборному Уложению могут искать и отвечать на суде, заключать всякого рода сделки (покупать, давать деньги в рост, занимать), могут торговать, наниматься и т. д., но в то же время и оно дает возможность отрывать от земли крестьян переводить их из одних вотчин в другие, сводить их на иные земли. Но этим узаконялись лишь существовавшие уже ранее обычаи. Приведенные выше записи уже свидетельствуют об их несвободном состоянии, и хотя эти акты относятся ко второй половине и к концу XVI ст., но есть основания предполагать, что практика такого рода установилась уже гораздо раньше, и крестьяне, во всяком случае, уже в течение XVI ст. были «подданными» своих государей (как именовались землевладельцы). На последнее указывает и постоянно повторяющееся в поместных и вотчинных вводных и послушных грамотах прибавление, обращенное к крестьянам: «и вы б тогды все крестьяне, которые в тех деревнях живут, Ондрюши Рясницына (помещика) слушали, пашню на него пахали и доход ему помещиков платили», «и выб все крестьяне, которые в тех пустошах живут, архимандрита Ионы с братьею слушали и пашню на них пахали и доходы им всякие платили, по их монастырскому уложению» (1582 г.) [1]). Такое обращение ко «всем крестьянам, которые в тех деревнях живут», находим уже в середине XVI ст., в послушной грамоте 1553 г.: «пожаловал государь тем Нечаевским поместьем брата его Бориска Третьякова ж сына Коведина, и выб к Борису приходили и слушали его во всем, и доходы бы естя ему денежной и хлебной и мелкой доход давали, потому ж как естя давали брату его Нечало».[2]). Что же касается помещиков, то на них возлагалась лишь обязанность «поместья не опустошити и дворов не развозити», эксплоатируя своих крестьян, не доводить их до полного разорения.

Все эти данные свидетельствуют уже о потере крестьянами свободы. Последняя усугублялась невозможностью покидать помещика. Если прикрепление в сущности создавалось уже как результат наделения помещика крестьянами, приобретением их путем мены, раздела, уступки, обязанностью слушать помещика, то оно еще более усиливалось прямыми ограничениями крестьянского перехода. Это обстоятельство приобретало особенное значение во второй половине XVI ст., в эпоху запустения земель в центре и в Новгородской области, в эпоху усиленного передвижения народных масс, в эпоху расширения барской запашки и борьбы за необходимые для этого рабочие руки.

Как мы видели, жалованные грамоты уже рано свидетельствуют о том, что в вотчинах каждый раз появлялись новые

[1]) См. Арх. Мат. I. 2. стр 1—105. Т. II, 1, стр. 103 сл., 113 сл:
[2]) Там-же, I, 2, стр. 18.

крестьяне «из-за рубежа», «из иных княжений». Переселялись и из княжеской отчины, «из великого княжения», что, однако, не разрешалось. Но мы находим и запрещение перезывать «тутошных людей волостных или становых», «тяглых, письменных и вытных людей» [1]). Имеются в XV ст. и полные запрещения выхода. «И яз князь велики тех крестьян из Присек и из деревень не велел не выпущати ни к кому» (1455—1462 г.г.) [2]). «А которые люди живут в их селах и нынече, и яз князь великий тех людей не велел пущати прочь» (1460 г.). И даже «велел есмь те люди вывести опять назад» [3]).

Весьма рано появляется и другое ограничение крестьянского перехода—установление определенного срока крестьянского отказа. Мы уже видели, что псковская Судная грамота 1397—1467 г.г. допускает прекращение договора между землевладельцем и изорником лишь один раз в году—в Филиппово заговенье (14 ноября) [4]). Но подобные же постановления содержатся и в грамотах 1450—1471 г.г. великих и удельных князей на имя как должностных лиц, так и монастырей. О том, чтобы крестьяне (серебренники) не принимались «межень лета и всегды», а только в Юрьев день, говорится в грамотах Белозерского князя Михаила Андреевича и великого князя Василия Васильевича Федору Константиновичу, Белозерским наместникам, боярам, детям боярским, «околичником и поселским... ко всем без оменки» и Кирилло-Белозерскому монастырю. «И ты монастырьских людей серебренников от Юрьева дни до Юрьева дни не принимал, а принимал бы еси серебренники о Юрьеве дни о осеннем». «Велел есми им серебреников отпускать за две недели до Юрьева дни и неделю по Юрьеве дни»—эти три недели и являются, следовательно, единственно допускаемым временем крестьянского перехода, тогда как переход в другое время, в частности на Рождество или в Петров день, возбраняется. «Отказываете людей монастырьских серебренников, и половников, и рядовых людей... а отказываете не о Юрьеве дни, иных о Рождестве Христове, а иных о Петрове дни». «А отказати серебреника и половника о Юрьеве дни, а после Юрьева дни отказа нет» [5]).

Игумен Троице-Сергиева монастыря бьет челом великому князю Ивану III по поводу того, что «из их сел из монастырских из Шухобальских, вышли крестьяне сей земли о Сборе», т. е. в великий пост. В виду такого несвоевременного выхода, великий князь дает им пристава, «велел есми их вывести: и где пристав мой их ни наедет в моих селех или в слободах, или

[1]) См. выше, т. I, стр. 104—05.
[2]) А. И. I. № 59.
[3]) А. А. Э. I. № 64. А. Ю. быта. I, № 37.
[4]) См. выше, т. I. стр. 108.
[5]) А. А. Э. I, № 48.

в боярских селех и в слободках и пристав мой тех крестьян монастырских опять выведет в их села в Шухобальские, да посадити их по старым местом, где кто жил, до Юрьева дни до осеннего» [1]). Возможно, что Троицкий монастырь жалуется великому князю в силу того, что и ему была выдана такая же грамота, как приведенная выше, относящаяся к Кирилло-Белозерскому монастырю, или как сохранившаяся еще одна грамота Ферапонтову монастырю, и в силу этого он требует возвращения обратно при помощи пристава удалившихся в другие сроки крестьян. А может быть, такой грамоты у Троице-Сергиева монастыря не имелось, и он, в силу установившейся уже практики, которая видна из приведенных грамот, выданных другим монастырям, как и обращенным к должностным лицам, считает себя в праве придерживаться того же правила: «а кто откажет до Юрьева дни или после Юрьева дни, и тот отказ не в отказ» (1462—71 г.г.) [2]).

Последнее предположение, повидимому, подтверждается тем, что уже Судебник 1497 г. устанавливает единый срок выхода в качестве общей меры. «А христианам отказыватися из волости, из села в село один срок в году, за неделю до Юрьева дня осеннего и неделя после Юрьева дня осеннего» [3]). И это постановление повторяется в Судебнике 1550 г. [4]). Есть основания предполагать, что оно вошло фактически в жизнь задолго до закрепления его в первом Судебнике и в XV веке во всяком случае действовало. Этим мы не хотим вовсе сказать, что переходы, действительно, ограничивались одним сроком в течение года, а имеем в виду лишь подчеркнуть тот факт, что власти уже задолго до внесения этого правила в Судебник исходили из него и старались применить его на практике, считали свободный переход чем-то недопустимым и нецелесообразным и всячески ограничивали его, поскольку—как мы видели выше—не запрещали вовсе. Но из этого еще не следует, что население фактически подчинялось всем этим стеснениям, что оно не покидало вотчинников, несмотря на запрещение, не выходило и в другие сроки, кроме установленных, как это видно из приведенных грамот, где говорится о выходах в Петров день, на Рождество и в иное время. Однако, борьба с уходом крестьян велась и позже, и едва ли и в XVII ст. можно говорить о полном прикреплении крестьян. Переселения отнюдь не остановились, напротив, «бои», «грабежи», сопровождавшие «свозы» крестьян, происходили и впоследствии.

Во всяком случае после всего приведенного вряд ли можно согласиться с высказываемым нередко взглядом, резко разгра-

[1]) Л. Л. Э. I, № 83.
[2]) Д. А. И. I, № 198.
[3]) Судебник 1497 г., ст. 57.
[4]) Судебник 1550 г., ст. 83.

ничивающим две эпохи в истории крестьян—период свободного перехода крестьян и период прикрепления [1]).

Но фактически в каких пределах крестьянин был связан с землей, какие моменты вызывали невозможность для него покинуть землю? Из истории западно-европейского серважа, как и в особенности из закрепощения (glebae adscriptio) римских колонов можно усмотреть, что два момента имели преобладающее значение: с одной стороны,—давность, факт продолжительного пребывания крестьян на данной территории, а с другой стороны—связанность с землевладельцем в силу получения у него семян и инвентаря на обработку земли или пользования ссудой, почему крестьянин не в состоянии расчитаться с ним, покинуть землю. Отсюда получается фактическое прикрепление к земле, связанность с ней, и эти фактические условия легко превращаются в юридические, дают законодателю повод запрещать уход крестьянам при наличности этих обстоятельств.

И у нас можно наблюдать явления и того и другого рода. Прикрепление в силу давности выражается на Руси в институте старожильства. Он встречается уже в Псковской судной грамоте: «А старому изорнику возы вести на государя» [2]). В грамотах уже начала XV ст. неоднократно упоминается о старожильцах, которые отличаются от пришлых людей. «И кого к себе в то село и на те пустоши перезовут людей и тутошних старожильцев и тем людям не надобе моа дань... на три годы, а кого к себе в то село и на те пустоши перезовут людей... и тем людем пришлым ненадобе моа дань» (1410—1417 г.г.) [3]). В другом случае также противополагаются «тутошним старожильцам» люди пришлые (1423 г.); первым даются податные льготы на три года, вторым, правда, не бессрочные, как в только что цитированной грамоте, но все же на более продолжительный срок—на десят лет [4]); в иных случаях (1425—1449 г.г.) льгота для старожильцев устанавливается на пять лет, для вновь перезванных людей—на пятнадцать или на десять лет [5]). Таким образом, переселение новых крестьян поощряется более значительными льготами, по сравнению с теми, которыми пользуются застарелые, уже давно живущие на данной земле крестьяне, которых привлекать особыми выгодами к рубке леса и поднятию нови не приходится. В некоторых грамотах даже говорится: «тем людем пришлым не надобе моа дань на десять

---

[1]) См. Чичерин. Опыты, 174. Беляев, 9.49. Владимирский-Буданов. Хрест. II, 102. Прим. 91. Сергеевич. I, 193 сл. Дьяконов. Оч. 104. Против этого Самоквасов. Арх. Мат. II, 1. Стр. 8—9.

[2]) Псковск. Суд. Грам., ст. 75.

[3]) А. А. Э. I, № 18.

[4]) Там-же, I, № 21.

[5]) Там-же, I, №№ 23, 44.

лет... а уживут десят лет (отсидят свои урочные лета) и они потянут с старожилцы по силе» [1]). Старожильцы здесь не пользуются никакими льготами, новоприходцам они даются также лишь в течение десяти лет, по истечении которых они уже как бы становятся старожильцами. Из этого как будто напрашивается вывод, что десятилетний срок давности достаточен для превращения крестьянина в старожильца. Но такое решение было бы здесь слишком поспешным [2]). Помимо того, что встречаются и иные сроки (от 3 до 20 лет), или даже переселенцы освобождены навсегда [3]), едва ли можно себе представить для того времени наличность какого-либо одного определенного срока, с которого начиналось старожильство. Это было весьма растяжимое понятие, вроде понятия старожильцев-послухов, «добрых людей», фигурировавших в качестве свидетелей в поземельных процессах, которые с иконой шли от сосны к дубу виловатому, а от дуба через поженку болотом и указывали границы земельных участков [4]). Выставляя таких послухов, стороны старались доказать преимущество своих перед свидетелями противной стороны тем, что первые помнят местные условия за большее число лет назад, чем вторые. Одни старожильцы заявляют, что им известны границы за 40 лет, а другие стараются их побить тем, что знают, кому принадлежала земля за 60 лет. «Есть у нас старожильцы еще старее тех». Но и те и другие являются старожильцами; для ношения этого звания никакого определенного минимума лет не установлено.

Но в источниках встречаются и старожильцы, которые именуются пришлыми—получается, казалось бы, внутреннее противоречие. Речь идет, повидимому, о таких крестьянах, которые уже раньше сидели на данной земле в течение известного времени, но затем снова переехали на другие земли, а потом уже раньше сидели на данной земле в течение известного времени, но затем снова переехали на другие земли, а потом уже вторично, нельзя смешивать с новоприходцами, которые впервые перезваны в эту вотчину. Так, напр., в грамоте Спасо-Евфимиеву монастырю 1418 г. читаем: «а кто будет старожильцев моих людей из тех деревень разошлися, а придут опять на свои места, ино что давали мой оброк в дань 10 алтын, ино им нена-

---

[1]) А. А. Э. I, №№ 17, 20, 31. А. И. I. № 88. Есть, впрочем, и жаловакные грамоты, где старожильцы и новики поставлены в равные условия. «И тем людям старожилцам и пришлым не надобе моя дань... на десять лет» или на двадцать лет (А. А. Э. I. № 374) или на 7 лет (А. И. № 87); иногда те и другие в равной мере освобождены от всяких даней, податей и сборов навсегда (А. А. Э. I, №№ 34, 35, 46, 56. А. И. I. №№ 15, 49, 83. А. Ю. Быта I, № 31).

[2]) Дьяконов, Сельск. нас., 19.

[3]) См. А. А. Э. I. №№ 36, 38. 41. 47. А. И. I. №№ 15. 81.

[4]) См. Арх. Строева. I. № 112, 113, 116, 131 и др. Горчаков. О земельн. влад. всеросс. митрополит. и т. д. Прил. Сборник Лихачева, 222. Дьяконов. Ист. сельск. нас. 17 сл.

добе тот оброк на два года; а уйдут два года, и они дадут по старому тот же оброк, вешнюю дань 10 алтын, а осенью дань 10 же» [1]). В другом случае: «кого к себе призовут людей жити на те земли старожилцов, которые будут и преж того на них живали, ино им на десять лет ненадобе, и кого к себе призовут людей жити на те пустоши из иных княженей... и тем людям ненадобе моя дань на пятнадцать лет» [2]). Такие старожильцы, которые «переж сево живали на тех землях, а придут к ним опять на свое места», «разошлись жити по иным местом, а придут... опять жити на свои места» или «в дворы под монастыри», встречаются и в других источниках [3]). Особенно же любопытна следующая грамота Троице-Сергиеву монастырю 1447 г.: «которые люди у них в тех селцех и в деревнях нынеча живут старожилцы, или кого к собе в то селцо и в деревни призовут жити людей старожилцев, которые преж сего тута живали, или призовут кого к собе людей из иных княженей, а не из моей вотчины великого княжения, ино тутошним их людем старожилцем, которые нынеча у них живут, и тем их людем ненадобе моя дань на пять лет, а пришлым людям старожилцом, а тем не надобе моя дань на семь лет, а призваным людем из ыных княжений и тем не надобе моя дань на 10 лет» [4]). Здесь различаются уже три группы—«тутошние» старожильцы, которые и в данный момент («нынеча») сидят на земле монастыря; «пришлые» старожильцы, которые «преж сего тута живали», но ушли и теперь возвращаются обратно, и вновь призванные, пришлые люди. Наиболее велика льгота для последних, меньше для прежних старожильцев и еще меньше для ныне сидящих на земле монастыря старожильцев.

Старожильцы в первую очередь лишаются свободы перехода.

В. И. Сергеевич называет «обычный институт старожильства» «удивительным», «суть которого никому неизвестна» и советует лишь признаться, что «мы не имеем ни малейшего понятия» о нем [5]), а Н. Н. Дебольский утверждает, что старина сама по себе никакого значения иметь не могла и могла играть роль лишь как ссылка на уже существующее крепостное состояние [6]). Другие авторы, напротив, придают существенное значение институту старожильчества. Ф. И. Леонтович и М. К. Любавский остановились на этом явлении в применении его к литовско-русскому праву, при чем первый находит, что старожильцы возникли из крестьян серебренников, получавших ссуду и «под влиянием

---

[1]) А. И. I, № 25.

[2]) А. А. Э. I, № 51

[3]) А. Ю. быта I, № 31. XIX. Горчаков. Прпл. 15. Сборн. акт. Лихачева, 163. А. А. Э. I, № 39. Дьяконов, 19 сл.

[4]) Акты ист. тчгл. нас. II, № 1.

[5]) Сергеевич, III, 457 сл.

[6]) Дебольский. Гражд. дееспособн. 163 сл. См. также Одинец. К истор. прикрепления влад. крестьян (Журн. Мин. Юст. 1908, I. 108).

долговой зависимости они незаметно подчинялись действию давности»[1]). Напротив, М. К. Любавский полагает, что «крестьяне, прочно усевшись в известном участке или получившие его по наследству, не должны были покидать его, потому, что с уходом их могла прекратиться и служба с этого участка. Такое укрепление... не производило, однако, особенно на первых порах резкой перемены в положении крестьян и потому легко должно было утвердиться de jure» [2]). Решительно выдвигает роль старожильства в процессе прикрепления крестьян М. Ф. Владимирский-Буданов, притом уже применительно к Московскому государству. «Прикрепление—говорит он—возникает лишь в силу давности или старожильства крестьян на землях известного владельца». «Крестьянин, не могший фактически воспользоваться правом перехода долгое время, становился исстарипным и терял это право навсегда» [3]). Это положение подробно развито М. А. Дьяконовым, который указал на то обстоятельство, что в первую очередь «право перехода стало ограничиваться для старожильцев ранее, чем для других разрядов крестьян» [4]) [5])

Действительно, уже в грамоте 1455—62 г.г. читаем: «которого их хрестьянина из села и из деревень кто к собе откажот, а их старожилца, и яз князь велики, тех хрестьян из Присек и из деревень не велел выпущати ни к кому» [6]). И в XVI веке одно из первых указаний на полное запрещение крестьянского выхода относится к «старым тяглецам», к тем дворам, которые ставлены «истари», «стали у них лет с сорок», или касается «старых рыболовей», которых велено «сыскав свозити в свободу в Рыболовскую»; крестьянин именуется «истари троетцкой». Требуя ушедших крестьян обратно, вотчинники ссылаются на то, что они «их Никольские вотчины искони вечные» [7]). Возникает спор из-за того, кому принадлежат крестьяне. Одна сторона ссылается на то, что «те крестьяне села Давыдкова старожилцы». Другая утверждает, что «те крестьяне в монастырских селех и в деревнях старожилцы, и за монастырь достались те села и деревни с теми крестьяны». Спор этот, однако, характерен тем, что он «предполагает согласное мнение борющихся сторон, что старожильцев вывозить нельзя, а вышедших можно вернуть на старые места», не считаясь со сроками, установленными в Судебниках [8]).

---

[1]) Леонтович. Крестьяне юго-западной России, 21.

[2]) Любавский. Областн. земское и местное управл. Литовско-русск. гос., 39 сл.

[3]) Владимирский-Буданов. Обзор, 154.

[4]) Дьяконов. Сельск. насел. 22.

[5]) На этой точке врения стоят и другие авторы. См. Лаппо-Данилевский. Разыск. по истор. прикр. владельч. крестьян, 1900, стр. 60. Милюков, «Крестьяне». Энц. Слов. Михайлов. Происх. земельн. старожительства. Ж. М. Н. П. 1910. VI. Его-же. Институт старожительства. Там-же. 1912. I.

[6]) А. И. I, № 59.

[7]) Ак. тягл. насел. II, №№ 23, 27, 29.

[8]) Дьяконов, 25.

В 1576 г. бьет челом боярский сын Яков Семенов Меленин, отец которого послан на службу на Терку. В отсутствие его прислан в Арзамас Парфен Нефимонов, которому велено «сыскивати государевых арзамаских дворцовых сел беглых крестьян» и вывозить их обратно. Он вывез из-за отца его крестьянина Петрушку Толстова, который «жил за отцом его 21 год... а пришел де тот крестьянин за отца его жить в выходные лета». Послан наказ городовому приказчику «обыскати всякими людьми накрепко... крестьянин Петрушка Толстов в государевых... в дворцовых селах живал, и будет жил, и сколько лет жил за Семеном за Меленим, и в писцовых книгах тот Петрушка за Семеном за Меленим написан ли, и почему его Парфен Нефимонов вывез в государеву в дворцовую деревню... или тот Петрушка государев старинной... и женился на государевой на дворцовой крестьянке» [1]). Меленин ссылается на старину (21 год), но и наказ исходит из нее,—не «старинный» ли он государев (признаком этого является, очевидно, и женитьба на дворцовой крестьянке) и не застарел ли (сколько лет жил) за Меленим. Но при этом обращено внимание на то, записан ли крестьянин за этим помещиком в писцовые книги—занесение в них является важным доводом в пользу старожильства.

Действительно, в подтверждение последнего ссылаются теперь не на крестьянские порядные и не на правила о крестьянском выходе, а на писцовые книги. Занесенные в писцовые книги крестьяне считаются старожильцами и правом выхода не пользуются. Появляется понятие «старинных крестьян по писцовым книгам». Такая старина остается вне сомнения. Указ 1607 г. официально подтвердил такое значение писцовых книг: «которые крестьяне от сего числа перед сим за 15 лет в книгах 101 году (1592 г.) положены, и тем быть за теми, за кем писаны» [2]).

Другой вопрос — на какой почве совершилось это застарение крестьян, чем обуславливалась неподвижность этой группы крестьян, которая превратила их в старожильцев и тем окончательно закрепила за той землей, с которой они уже ранее фактически срослись. По мнению П. Е. Михайлова, старожильцы являются наиболее счастливыми в хозяйственном отношении, «домовитыми хлебопашцами». Получив хороший участок, да еще вдобавок льготу от всяких пошлин и даней, эти крестьяне сумели при своей работоспособности и усидчивости «обстроиться и обжиться» на своих «насиженных гнездах» и, естественно, не имели охоты бросать это столькими трудами приобретенное хозяйственное благополучие и снова итти навстречу неизвестному будущему. До-

---

[1]) Арзам. пом. ак. № 112.
[2]) Дьяконов. 28 сл.

вольны были ими и землевладельцы, имевшие основание ими дорожить [1]).

Однако, в источниках мы не находим никаких данных относительно того, что «хорошая жизнь была причиной застарения». Мало того, из приведенных выше случаев видно, что имелись и «пришлые» старожильцы, которые, «разошлись жити по иным местам» и возвращаются обратно, следовательно, и им не чужда известная склонность к странствованию, и они покинули временно насиженные места и только по зову землевладельца приходят к нему опять «жити на свои места». Возможно, конечно, что благоприятные условия заставляли крестьянина оставаться на насиженном месте. Но можно себе представить и иного рода случаи, когда, напротив, тяжелое материальное положение, невозможность расчитаться с землевладельцем, наконец, присущая человеку инертность, привязанность к месту, где жили, быть может, отцы и деды, приводила к тому, что они оставались годами сидеть на одном и том же участке. Возможно, что это была наименее подвижная часть населения, проявлявшая менее всего инициативы и желания искать счастия на стороне, довольствовавшаяся тем положением, нередко весьма печальным, с которым она уже успела свыкнуться. Такие инертные массы мы находим во все эпохи. И в стремлении обеспечить служилых людей рабочей силой, правительство легче всего могло закрепить именно их, ибо с их стороны менее всего приходилось опасаться противодействия, тем более, что такой образ действия соответствовал и представлениям самого населения, в глазах которого старина, пошлина, давность являлась достаточным оправданием притязаний со стороны землевладельцев.

Другим моментом, фактически прикрепившим крестьян к месту и создавшим почву для отнятия у них свободы передвижения, являлась их задолженность, долги землевладельцам, сделанные на обзаведение. Значение его было выдвинуто В. О. Ключевским, и в настоящее время может считаться общепризнанным [3]). Уже в Псковской судной грамоте упоминается—как мы видели—о покруте (ссуде), при чем она играет весьма существенную роль в крестьянской жизни; предусматриваются раз-

---

[1]) Михайлов. Институт старожильства и крепостное право. (Ж. М. Н. П. 1912, I. 88—89). См. его-же: Происхождение земельного старожительства. Там-же, 1910. VI и Новооткрытые документы и заповедные лета. Там-же, 1911. II. Стр. 390 сл.

[2]) Лаппо-Данилевский. Разыскания, 68; там-же, 58, 65 и др. Михайлов. Ж. М. Н. П. 1912, I, 92 сл.

[3]) Платонов. Ист. Смуты, 162 сл. Его-же. Статьи по русск. ист., изд. 2-е, стр. 100. Его-же. О времени и мерах прикр. крест. Арх. Ист. Тр. 1922, III. Дьяконов. Ист. сельск. насел., 76 сл., 111 сл. Его-же. Очерки общ. и гос. строя, 320 сл., 345 сл. Его-же. К вопросу о крест. порядн. записи и служилой кабале. Сб. стат., посвящ. Ключевскому, 317 сл. Покровский. Русск. ист. I, 1920. Стр. 352 сл. Рожков. Русск. ист. IV, ч. I, 104. Любавский. Лекции по древн. и русск. ист., 276. Филиппов. Учебн. ист. русск. права, 466. Огановский. Закономерн. аграрн. эвол. II, 155 сл. Лаппо-Данилевский. Разыскания, 16 сл., 30. Островская. Земельн. быт сельск. насел., 360 сл.

ного рода случаи взыскания ее с изорника, если он убежит за рубеж, если он умрет, если не окажется наследников, и т. д. В XV ст. находим частые упоминания о крестьянском «серебре», на которое идет рост, или же крестьяне обязуются «дело доделывать на то серебро». В упомянутых уже выше первых грамотах, допускающих выход только в Юрьев день, речь идет именно о серебрениках. «Велел есми им серебренников отпускать за две недели до Юрьева дни» и «они бы дело доделывали на то серебро» (1450 г.). «А после Юрьевы дни от серебреника отказа нет, а коли серебро заплатит, тогды ему и отказ» [1]). «Отказывают деи у них монастырьских людей и серебряников до Юрьева дня» (1471 г.) [2]). Не менее часто делаются распоряжения о серебрениках в духовных завещаниях.

На основании их крестьянам прощается часть серебра (долга), иногда даже весь долг полностью, или же прощали не весь долг, а только рост, достигавший в некоторых случаях 33 проц.[3]).

Как велика была задолженность крестьян, можно усмотреть из вотчинной книги Кирилло-Белозерского монастыря, составленной во второй половине XVI в. Из нее видно, что крестьяне, имевшие свои семена, пахали 464 выти, тогда как бравшие их у монастыря 1.075 вытей, так что 70% снятой у монастыря пашни находилось в пользовании людей, без помощи вотчинника не имевших чем засеять свои участки [4]). В грамоте 1582 г. читаем: «а что будет игумен Игнатий с братиею... прибавит дворов и на дворех хором и посажает крестьян и их ссудят ссудою хлебною и денежною» [5]), а в 1598 г. Благовещенский монастырь в Нижнем Новгороде жалуется на то, что «монастырь де их скуден и впредь им монастыря и монастырских сел и деревень строити нечем, и ссуды крестьяном новоприходцом и служкам и деловым людем жалованыя давати нечем» [6]). Стоглавый собор в половине XVI ст. уже исходит из того, что без ссуды крестьянам владычные и монастырские села запустеют, и только требует, чтобы при этом роста не взималось; «отныне по священным правилом святителем и всем монастырем деньги давати по своим селам своим хрестьяном без росту и хлеб без наспу того для, чтобы за ними христиане жили и села бы их были не пусты» [7]). И другие данные свидетельствуют о том, что крестьянин не в силах был приняться за собственное хозяйство и поэтому не мог обойтись без ссуды.

[1]) А. А. Э. I. № 48.
[2]) Д. А. И. I. № 198.
[3]) А. Ю. I. № 413. С. Г. Г. и Д. I. № 83, 96, 112, 122, 130. Рождественский. Служил. землевлад. 85.
[4]) Ключевский Опыты и исслед., 228
[5]) А. Ю. № 106.
[6]) Дьяконов, 123.
[7]) Стоглав. Изд. Казанск. Духовн. Акад., 345.

В источниках XVI ст. встречается подмога или подможные деньги, которые также являются ссудой, подлежавшей возврату с истечением срока или при выходе, как признают многие исследователи (Ключевский, Владимирский-Буданов, Дьяконов) [1]. Возражая против этого и утверждая, что подмога являлась лишь пособием крестьянину за приведение участка земли в пригодный для обработки вид, Лаппо-Данилевский признает, однако, что крестьянин обязан был возвратить подмогу не только в случае нарушения специальных условий порядной о постройке двора, но и в случае выхода из имения, иначе говоря, подмога не менее, чем ссуда, затрудняла выход крестьянина [2]. Что одной распашкой земли и починкой хором подмога вовсе не погашалась, можно усмотреть из новгородских писцовых книг 1498—1501 г.г., из которых видно, что после присоединения Новгорода к Московскому государству, целый ряд деревень и волостей перешел в московское владение уже с долгами старым новгородским боярам. Из записей видно, что при переходе земель к великому князю или к помещикам долг крестьянский по-прежнему сохранялся. При этом указан и рост (обыкновенно 7½ проц.), который обязаны были уплачивать крестьяне, так что получалась та же ссуда под наименованием подможных денег или подможного хлеба [3].

Подмога и ссуда встречаются и в крестьянских порядных XVI ст., причем подмога подлежит возврату наравне с ссудой [4].

Мы находим и такие порядные, в которых крестьяне обязуются за «казенное серебро» жить в селе и выполнять крестьянскую работу. «А на те деньги (полтину) за рост жити мне... пашня пахати и двор ставити и земля не запереложити и дань и оброки государевы по книгам платити и изделье монастырское делати» (1583 г.). И прибавлено «а не учну яз, Григорей жити и пойду вон... ино взяти на мне... по сей записи три рубли денег». В другом случае (1584 г.) порядчик, получив серебро, обязуется «из тое деревни не вытти ни где до государеву указу» [5]. Эти порядные по своему характеру весьма приближаются к тем служилым кабалам [6], где кабала соединена со службой не во дворе господина, как это устанавливается в большинстве кабал XVI ст., а с обязанностью пахать землю. В духовной Пушкина упоминается о «кабальных во дворе и в деревнях», а в актах половины XVI в. говорится о «людях страдных кабальных». Мало того, в настоящее время известны и кабалы Спассо-Прилуцкого монастыря, относящиеся уже к 50-м г.г. XVI ст., где установлена обязанность «за те деньги жить,

---

[1]) Ключевский. Опыты, 227. Владимирский-Буданов. Обзор, 137 (изд. 2). Дьяконов. Сельск. насел., 81 сл. Очерки госуд. и общ. строя, 321. Против этого—Чичерин. Опыты, 200 сл. Сергеевич. I, 201 сл.

[2]) Лаппо-Данилевский. Разыскания, 20 сл. 23.

[3]) Новгородск. писцов. кн. IV и V. Загорский. Ж. М. Ю. IX. 315 сл.

[4]) Сводный текст, 14—15.

[5]) Гейман. Сборн. Публ. Библ. т. 11, ч. I, №№ 23, 24.

[6]) См. ниже, стр. 141 сл.

огород разградить и всякое дело пашеное пахать». «А за те нам денги (рубль) пахать в их деревни на Левашеве на трети, да поставить мне изба. А не стану жить на Левашеве на треги, ино на нас по сей кабале два рубли. Да и оброк мне дать по книгам» (1552—53 т.г.). В других кабалах сказано: «за рост оброк давати» (1555—56 г.г.) «и монастырское дело всякое делати» (1557—58 г.), «всякое дело черное делати, что нарядник укажет» [1]).

Таким образом, уже рано различными способами и в различных формах создавалась и распространялась крестьянская задолженность. Указывают, правда, на то, что из существования задолженности еще вовсе не следует, что она препятствовала крестьянскому выходу. Ни в делах о бетлых крестьянах ничего не говорится о задолженности, ни правительство, распределяя их между помещиками, не справляется о том, должны ли они кому-либо [2]). Но если с юридической точки зрения задерживать серебренников и было недопустимо, то фактически землевладельцы все же могли прибегать к этому, ссылаясь на то, что подмога или ссуда не возвращена и это злоупотребление могло с течением времени быть признано, в силу обычая, правомерным [3]). К тому же уход в этих случаях грозил крестьянину взысканием долга, нередко сверх того и неустойкой, и поэтому задолженность связывала его по рукам и ногам.

Характерно, что еще в конце XVII ст. землевладельцы стараются закрепить за собой добровольно поселившихся у них людей выдачей им заемных денег. Эти поселенцы же, отстаивая свою свободу, ссылаются на то, что они никаких сумм у землевладельцев не получали: «а крепостей никаких у меня Мартишка на себя и на жену и на детей своих ему Тарасью не дано и подмоги у него ничего не имал» [4]).

Другой вопрос, конечно, насколько помещики располагали необходимыми средствами для снабжения крестьян ссудой. Как мы видели выше, большинство помещиков находилось в весьма неблагоприятном материальном положении, владея ничтожными участками земли и проживая на царской службе свое состояние. При таких условиях, конечно, их крестьяне рассчитывать на помощь в виде денег или продуктов не могли, и это должно было служить побудительным мотивом к тому, чтобы покидать—как мы увидим далее—мелкопоместных владельцев и уходить на земли крупных вотчинников или помещиков и богатых монастырей, где ссуда была им обеспечена.

[1]) Гейман, № 1 и след.
[2]) Михайлов 1910. VI. 322 сл. Тхоржевский, 78 сл., 81.
[3]) Ср. Островская, 361.
[4]) Дьяконов. Сельск. нас. 109.

Но во всяком случае, при прикреплении крестьян на землях более сильных и более состоятельных землевладельцев задолженность крестьян сыграла крупную роль.

На вопрос о крестьянской задолженности обратил внимание еще Чичерин, указав на то, что «крестьяне при отказе должны были возвратить ссуду, которую получали от помещика, да сверх того заплатить ему пожилое и за вывоз»... вероятно они редко могли уйти без чужой помощи» [1]). Эту мысль дальше развил и привел связь с закрепощением крестьян Ключевский, находя, что «крепостное право на крестьянский труд развивалось из принципа долгового холопства». С половины XVI в. ссуда стала почти общим условием крестьянских договоров, и она имела роковое, по своим последствиям, значение для крестьянства. Заем мог заключаться на разных условиях—или под проценты (серебро ростовое) или под будущую работу вместо процентов (серебро изделье); последнее и была арендная ссуда в собственном смысле, даваемая своим крестьянам, и как скоро сложилась мысль, что работа за беспроцентный долг ставит должника в личную зависимость от заимодавца, эта мысль повлекла изделыного крестьянина в сторону кабального холопа [2]).

Против этого возражал Сергеевич, утверждая, что ни первый, ни второй Судебник ничего не говорят о крестьянах-должниках и не повторяют прежде появлявшихся от времени до времени запрещений ухода должников до уплаты долга. Надо полагать, что такие запрещения так и остались частными мерами. Серебренники могли уходить и после Судебников не платя долга. Тем не менее и он не отрицает, что крестьянин-должник с земли уходил «в действительности только в том случае, если мог уплатить долг; в противном случае ему угрожал иск с его весьма тяжелыми результатами: в древнейшее время — рабством, а позднее—правежом, принудительной работой и пр.» [3]). Впрочем, значение этого обстоятельства у Сергеевича значительно умаляется, вследствие того, что указания памятников на изделье серебро он истолковывает не в смысле отработки процентов (изделье — барщина) за ссуду, а в качестве несвоевременно уплаченного денежного оброка, так что в такого рода случаях ссуда не имела места [4]).

Однако другие авторы, в особенности Дьяконов, выяснили, что обязанность «за рост пахати», на которую указал еще Чичерин, несомненно встречается в источниках: «на серебро, господине, монастырское тех селиц крестьяне Милятинские пожни косили», в другом случае крестьянин за занятую полтину серебра обязуется жить в вотчине в дворниках и в то-же время пашню пахать, так что изделье серебро есть именно отработка процентов в виде барщины [5]).

Но были другие моменты, которые задерживали крестьян и на землях мелких помещиков.

---

[1]) Чичерин. Опыты, 195.
[2]) Ключевский. Опыты и исслед., 227 сл.
[3]) Сергеевич. I. 1-е изд. 237, 208—09.
[4]) Там-же, 203 сл.
[5]) Дьяконов. 80. Чичерин. 201.

Покидая участок, крестьянин вынужден был не только вернуть долг с процентами, которые нормально считались равными 20 («как идет в людех на пять шестой»), хотя нередко были значительно выше, но сверх того по договору обязан был заплатить неустойку, да еще пожилое за пользование двором. В Судебнике 1497 г. оно установлено следующим образом: «а которой христианин поживет за кем год, да пойдет прочь, и он платит четверть двора; а два года поживет да пойдет прочь, и он полдвора платит; а три года поживет и он пойдет прочь, а платит три четверти двора; а четыре года поживет, и он весь двор платит» [1]). Так что и пожилое, уплачиваемое по уходе крестьянина, составляло постоянно нарастающий долг.

Это огромное бремя, лежавшее на уходившем крестьянине и делавшее для него расчет с землевладельцем совершенно немыслимым, приводило к тому, что «крестьянское право выхода замирает само собою без всякой законодательной отмены его, прямой или косвенной». «Еще не встречая в законодательстве ни малейших следов крепостного состояния крестьян—говорит Ключевский—можно почувствовать, что судьба крестьянской вольности уже решена помимо государственного законодательного учреждения, которому оставалось в надлежащее время оформить и регистрировать это решение, повелительно продиктованное историческим законом» [2]).

Единственный возможный для крестьянина в большинстве случаев способ покинуть землевладельца был уже не переход, а перевоз, притом нередко насильственный не только по отношению к помещику, но и, поскольку дело касалось воли самого крестьянина, с которым совершенно не считались—лишнее доказательство его несвободы. В этом случае он менял только господина, «мертвая петля долговой зависимости не исчезала», долг переходил лишь на нового землевладельца, уплатившего и ссуду, и неустойку, и пожилое предыдущему. Это предусматривается уже в грамоте Ивана III на Белоозеро по поводу отказа крестьян (около 1462 г.): и «которой христианин скажется в их серебре виноват, и вы бы их серебро заплатили монастырское да их христианина вывезите вон» [3]).

Борьба землевладельцев за крестьян вылилась в форму перевоза или своза их: «кого к себе перезовут или кого окупив посадят». В писцовой книге Тверских земель князя Симеона Бекбулатовича 1580 г. на каждом шагу читаем: «двор пуст—вывезли за тверского владыку... сего году в великой пост... изба завалилась»; «деревня Тимошкино пусто, а хором на ней пять

[1]) Судебн. 1497 г., ст. 57. То-же в судебн. 1550 г., ст. 88.
[2]) Ключевский. Опыты и исслед., 229. 231.
[3]) А. А. Э. I. № 73.

изб... а жили в ней: 2 человека вывезли за Кузму за Воеводина, да 3 человека вывезли за Ивана Заборовского сего году в великой пост»; «деревня Баскакова пуста... крестьян вывезли: 1 челов. за Василия Заборовского, 4 чел. за Угрима за Погонина, 2 чел. за Филимона за Кознакова, 2 чел. за Звягу за Рожнова, всех сего году в великой пост». Таких примеров можно было бы привести множество. Как мы видим, деревни пустеют от того, что другие землевладельцы увозят крестьян, при чем делают это вовсе не в установленный срок на Юрьев день, а на великий пост [1]). По подсчетам Лаппо и Дьяконова, в этой писцовой книге указано 305 случаев, когда крестьяне покидают землю, что составляет 14% населения (на 2.217 человек), при чем 188 человек или свыше 60% всего числа случаев вывезено было «без отказу и беспошлинно»; только 53 чел. или 18% вышли сами законно («вышли по отказу»), а кроме того 32 выбежали, т.-е. ушли незаконно (с указанием за кого) и 27 сбегли или сошли безвестно [2]). Бегство являлось последним исходом, но оно угрожало должнику тяжкими последствиями. Он отдавался кредитору «головой на продажу», т.-е. в холопство, а по второму Судебнику «головою до искупа», т.-е. до отработки долга. Действительно, в источниках встречаются случаи такого рода: «тот Ермачка до искупа отдан головою».

В источниках XVI в. строго различается выход «с отказом» от выхода «побегом», т.-е. способ законный и незаконный. «С трех обеж,—читаем в «обыске» и «отписке» 1571 г.,— крестьяне вышли за детей боярских: Ондрейко Ривачик да сын его Михалка... вышли... о сроце о Юрьеве дни, с отказом... а отказ и выход платили Григорьеву приказчику Конягина... да Васко Алюев з братьею... вышли... сееж осени, о сроце, с отказом и выход платили... да Кондратко Сорокин з братом жили на обже, вышли за Ивана и за Ильина сына Скобельцина сее осени, о сроце ж, а того не ведаем отказ они и выход приказчику платили или не платили» [3]). В последнем случае их вывозили обратно: «выходили вон за детей боярских без отказу», и под'ячий Петр Григорьев, как видно из «отписки» 1571 г., «по наказу и по обыску... и за тех детей боярских тех выхотцов крестьян вывез опять назад в Юрьевская деревни в ех дворы, с женами и с детми и с животы» [4]).

Однако, и вывоз крестьян далеко не всегда совершался законно: «хто имяны дети боярские с того Юрьевского помистья... из деревень крестьян за собя в свои помистные деревни вывез,

[1]) Писцов, кн. XVI в. II. 306—07.
[2]) Писц. кн., 291 сл. Дьяконов, 22. Лаппо. Тверской уезд в XVI в. 47. 204. Прил. В.
[3]) Арх. Матер. II. ч. 2, № 12. Стр. 31—2.
[4]) Там-же, 54. № 27.

и о кою пору, и о сроце ли о Юрьеви дни, с отказом ли или без отказу, после сроку, силно». Выяснилось, что когда под'ячий хотел одного крестьянина вывезти обратно, то приехало из опричнины несколько крестьян «и ными со многии людьми» и их у него «и у старосты и у половалников выбили, и вывезли их в опришнюю... за пол третье недели до масново заговилна силно, без отказу и без пошлин» [1]). И в других случаях находим такие насильственные «вывозы»: «а крестьян ево поместья вывез за себя Федор Ребров о Петрове дни (1576 г.) и тово, господине, Иванька Панова, да Демеха Тарасова князь Михаило вывез за собя в сельцо в Велье, а Иванька, господине, Грегорьева Жюка отдал князю Петру, а князь Петр, господине, ево посадил в деревне в Липском, а вывез 93-м году (1585 г.) посли Покрова пречистыи на третьи недили в субботу; и явка, господине, у нас есть, што ево в поместье не пустил и рожь его пожал князь Михайло» (показание крестьян) [2]).

Из приведенной выше Тверской писцовой книги также видно, что вывоз производился нередко «без отказа и беспошлинно», вывозили «сильно», нарушая интересы землевладельца. Вообще, опустение целых деревень, из которых были вывезены крестьяне, должно было рано вызвать неудовольствие со стороны лишившихся их землевладельцев, и результатом этого явились—как мы видели выше—те льготы, которыми уже в середине XV ст. были снабжены такие особо привилегированные вотчинники, как Троице-Сергиев монастырь, в смысле возможности, если «которого их хрестьянина... кто к себе откажот», не «выпущати ни к кому». Однако, столь решительную меру правительство, повидимому, еще долго не решалось применять—отдельные вотчинники попрежнему оставались в исключительном положении. Только в 80-х годах XVI ст., в связи с усиленной и ожесточенной «крестьянской возкой», разорявшей мелких и слабых землевладельцев в интересах сильных, появляются «заповедные лета», в течение которых запрещен вывоз и выход крестьян.

Уже давно были известны две грамоты, в которых встречались «заповедные лета»: Торопецкая уставная грамота 1590—91 г. и грамота Двинскому земскому судейке 1592 г. Первая гласит: «и на пустые им места старинных своих тяглецов из за князей и из за детей боярских, из за монастырей и из волостей, которые у них с посаду разошлись, в заповедные лета вывозить назад в старинные их места где кто жил наперед того безоброчно и беспошлинно» [3]). Вторая грамота последовала в ответ на жалобу Никольско-Корельского монастыря по поводу «выбежавших» крестьян его «без отказу» (притом не «около Юрьева дня»,

---

[1]) Арх. Мат., II, ч. 2, № 22, стр. 48—49.
[2]) Там-же, II, ч. 2, стр. 444—45, №№ 11, 12.
[3]) Побойнин. Торопецкая старина. Прил. I. (Чт. О. И. и Др. 1902 II).

а один «в Филиппов пост», а другой «в великий пост»), хотя «те деи крестьяне их Николские вотчины искони вечные», и определяет: «вы б про тех крестьян сыскали всякими сыски накрепко... что те крестьяне на перед того Корелским монастырем живали ли и в нынешаем 100 году из за Николского монастыря без отпуску выбежали ли», в последнем случае их снова вернуть в старые их деревни и дворы. «Да и вперед бы есть—добавляет грамота — из Николские вотчины крестьян в заповедные лета до нашего указу в наши в черные в деревни не волозили, тем их Николские вотчины не пустошати» [1]).

Уже из этих двух грамот видно было, что речь идет о временном запрещении крестьянского выхода и в связи с этим о возвращении крестьян обратно, если, конечно, не последовало согласия («отпуска») со стороны землевладельца, и уход не имел места в Юрьев день. При этом речь идет о старожильцах, которых возвращают на «старинные» их места, которые монастыря «искони вечные». Любопытно, конечно, что старожильство, значение которого в прикреплении крестьян, как мы видели, весьма велико, здесь снова выдвигается на первый план. Но получается впечатление, что заповедные лета вообще применяются лишь к старожильцам [2]).

Однако, после опубликования Д. Я. Самоквасовым новых документов в 1909 г., вывод получился несколько иной.

Из напечатанных в «Архивном Материале» обысков о крестьянах, вышедших или вывезенных в «заповедные годы», относящихся к различным погостам Деревской пятины (1583—1589 г.г.), видно, что в эти годы запрещен выход и вывоз не только старожильцев, но и крестьян других категорий [3]). Губные старосты «спрашивают и обыскивают: из-за князя Богдана княж Иванова сына Кропоткина крестьяне его в заповедные годы за детей боярских вышли ли и будет вышли, и в котором году кто именем вышел, и из которые деревни и за кого, который крестьянин вышел». На это обыскные люди сказали: «а все, господине, те крестьяне из-за князя Богдана вышли в государевы заповедные годы с тяглые пашни; а у тех детей боярских, которые в сем обыску писаны, живут в пустых деревнях, а не на тяглых землях». И в других случаях предлагается вопрос: «в заповедные годы вывез ли, и сколь давно, и в котором году?» И ответ: «Слух, государь, наш то, что ти крестьяне... нынеча живут в селцы на Велье... а не ведаем хто их возил и в которых годех» [4]). «Иза Ивана иза Непицина, з деревни с Крутна

[1]) Русск. Ист. Библ. XIV. № 72.

[2]) По поводу этих грамот см. Адрианов. К вопр. о прикрепл. крестьян. Ж. М. Н. П. 1895. I. Дьяконов. «Заповедн. лета и старина». (Сборн. стат. посвящ. Владимирскому-Буданову). Михайлов. Новооткрытые докум. и «Заповед. лета» Ж. М. Н. П. 1911. II. Одинец. К ист. прикреплен. владел. крест. Ж. М. Ю. 1908. I. 132 сл.

[3]) Дьяконов. Заповедные и выходные лета. 1915. (Отд. оттиск. из Извест. Петр. Полит. Инст. т. XXIV), стр. 1 сл.

[4]) Архивн. Матер. II, ч. 2. № 20. Стр. 453.

Васка да Трешка Гаврилова дети, в заповедныи годи, 90-м году (1582 г.), збежали и ныне живут... в Никольском монастыри» [1]). Или: «слух, господине, наш есть: в 92-м году, да в 93 году, да в 94 году, да в 95 году... а вси тии крестьяне вышли в заповедные годы» [2]).

Таким образом, заповедными признаются уже 80-ые годы XVI ст., именно 1581—1587 г.г. Это правило применяется и позже, в 1592 г., в отношении упомянутого выше Корельского монастыря. «Значит, это правило—говорит М. А. Дьяконов—не было общим законом, если для применения его требуется особое распоряжение; общим законом остается правило Судебника о Юрьеве дне еще в 1592 году... Как некогда по челобитьям заинтересованных вотчинников вводился частными мерами Юрьев день, так и теперь в интересах господ-землевладельцев по их ходатайствам и теми же частными мерами стали вводиться заповедные лета». «В результате—заключает он—крестьянский выход и правила о нем Судебника так и умерли без законодательной их отмены». Иными словами, никакого указа о прикреплении крестьян никогда не было. Мало того—подчеркивает тот же автор в другом месте—применение правила о заповедных летах имело следствием лишь срочную приостановку в данном месте постановлений Судебника о крестьянском отказе, и ничего больше» [3]). Во всяком случае дело себе надо представить так, что путем отдельных частных и местных запрещений на почве определенных экономических условий, как результат постепенно сложившегося обычая, создалось прикрепление крестьян. Правительство поощряло его, исходя как из необходимости снабжения служилых людей рабочей силой, при отсутствии которой земли их пустели, так и из соображений фискальных—тягла. Запустение огромного количества земель именно во второй пол. XVI ст., переход их из «живущего» в «пусто» должно было отразиться на государственных доходах, ибо запустение было не только фактическое, но и прежде всего фискальное, привело к уменьшению посошных окладов, к измельчанию сошного письма, даже к переходу к новым формам обложения. Вопросы тягла, стоявшие у правительства на первом плане, не могли не вызвать мер по удержанию крестьян на помещичьих землях. «К концу XVI века среди споров, драк и насилий—говорит В. О. Ключевский—ежегодно повторявшихся в ноябре и наполнявших суды кляузными тяжбами, повидимому, восторжествовал тот взгляд, что вла-

---

[1]) Арх. Мат., № 16, стр. 450.

[2]) Дьяконов. Заповедные и выходные лета. 10—11, 19.

[3]) Дьяконов. Поместье и крестьянская крепость. 1918. Оттиск из сборн. стат., посвящ. А. С. Посникову (не вышел).

дельческих крестьян нельзя вывозить без согласия их владельцев» [1]).

В 1597 г. явился знаменательный указ: «Которые крестьяне из-за бояр и из-за дворян, и из-за приказных людей, и из-за детей боярских и из-за всяких людей, из поместий, и из вотчин, и из патриарховых, и из митрополичьих, и из владычних, и из монастырьских вотчин выбежали до нынешнего 106 году за 5 лет, и на тех беглых крестьян в их побеге, и на тех помещиков и вотчинников, за кем они выбежав живут, тем помещиком, из-за кого они выбежали, и патриаршьим и митрополичьим и владычним детем боярским и монастырских сел прикащиком и служком давати суд и сыскивати накрепко всякими сыски, и по суду и по сыску тех беглых крестьян с женами и с детми и со всеми животы возити назад, где кто жил» [2]). Из этого сделан был вывод, что в 1592 г. вышел указ, запретивший выход крестьян.

Но что означает этот указ? Историк XVIII в. В. Н. Татищев, напедший впервые царский судебник 1550 г., в котором крестьянам было предоставлено право отказываться один раз в году, в Юрьев день, и затем увидавший в дополнениях к Судебнику этот указ 1597 г., трактующий о выдаче крестьян, выбежавших за 5 лет, решил, что, очевидно, за этот полувековой промежуток произошла какая-то перемена в судьбе крестьян, и полагал, что она заключалась в издании в 1592 г., т.-е. за пять лет до выхода указа, закона о прикреплении крестьян к земле, текст которого, однако, не сохранился [3]). Этим об'ясняется то обстоятельство, что беглыми признавались крестьяне, покинувшие землю за пять лет до появления этого указа, т.-е. в течение всего промежутка, проистекшего после выхода закона о прикреплении их; отсюда и самое появление понятий «беглого крестьянина», которого ранее, при свободе перехода, быть не могло.

Высказанный Татищевым взгляд признал правильным Карамзин, а за ним последовали и другие историки. «Мы знаем—говорит Карамзин—что крестьяне искони имели в России гражданскую свободу,—свободу в назначенный законом срок переходить с места на место, от владельца к владельцу... в 1592 или 1593 году закон уничтожил свободный переход крестьян из волости в волость, из села в село» [4]). «В 1592 г.—читаем у Костомарова—должно было последовать относительно крестьян важное распоряжение, сделавшееся вилой указа 1597 г. и вслед за ним прочих указов, ему подобных» [5]). Как указывает С. Ф. Платонов, обстоятельства того времени (вопрос об отмене крепостного состояния) поставили на

---

[1]) Ключевский. Опыты, 236.

[2]) А. И. I. № 221. III.

[3]) Судебник государя, царя и великого князя Иоанна Васильевича, изд. 2-е. 1786. Стр. 221.

[4]) Карамзин. Ист. Гос. Росс. X. 120. 349.

[5]) Костомаров. Должно ли считать Бориса основателем крепостного права? Архив истор. и практ. свед. Калачова. 1859. № 2.

очередь вопрос о том, можно ли считать прикрепление крестьян актом государственным или же, напротив, созданным общественными условиями, при чем необходимо было доказывать именно первое; раз правительство отдало землю и закрепостило в свое время крестьян, то оно же имеет право на том же основании и освободить крестьян с землею, тогда как если это произошло в то время независимо от участия правительства, то представлялось гораздо труднее обосновать вмешательство его с целью нарушения вековых имущественных прав дворянства [1]). Поддерживая мысль о государственном характере крестьянской крепости, историки настаивали на существовании недошедшего до нас закона о крестьянском переходе.

Однако, относительно времени издания этого закона они несколько расходились. Так, Чичерин утверждал, что в 1590 или 1592 г. последовало прикрепление крестьян, но во всяком случае в 1584 г. они еще пользовались полным правом перехода [2]). «Когда именно, в котором году состоялась эта новая мера—говорит Беляев—совершенно изменившая жизнь русских крестьян,—мы не знаем; ибо первоначальный указ о прикреплении до нас не сохранился или пока еще не отыскан. Равным образом неизвестно и то, в какой форме первоначально была введена эта новая мера, способствовавшая впоследствии грустному развитию рабства в России». Но и он полагает, что «прикрепление последовало не раньше 1590 г.: ибо в одной уставной грамоте этого года признается еще вольный переход крестьян на прежних основаниях» [3]).

В самом деле, говорить о том, что указ, запретивший переход крестьян и об'являвший их беглыми, последовал именно в 1592 (или 1593) г., нельзя было уже потому, что во второй части приведенного выше указа 1597 г. прибавлено: «а которые крестьяне выбежали до нынешнего 106 году лет за 6 и за 7 и за 10 и болше, а те помещики и вотчинники, за кого они выбежали», царю «не бивали челом», и царь указал: «на тех беглых крестьян в их побеге и на тех помещиков и на вотчинников, за кем они выбежав живут, суда не давати и назад их, где кто жил, не вывозити». Следовательно, речь идет о беглых крестьянах, которые бежали в 1587—1591 г.; если исходить из того, что понятие беглого может иметь место лишь при наличности прикрепления—как это делали историки—то приходится признать, что последнее должно было произойти не позже 1587 года.

Несмотря на это, в исторической науке установилось положение, что не только такой указ существовал, но что он относится именно к 1592 г., и это мнение вошло во все учебники истории. Поговорку «вот тебе, бабушка, и Юрьев день» приводили в качестве лишнего подкрепления устами народной мудрости факта отмены свободы перехода.

Новейшие авторы, правда, уже считаются со второй частью указа 1597 г. и вообще признают, что этот указ не позволяет еще никаких выводов делать относительно времени прикрепления, но все же многие

---

[1]) Платонов. О времени и мерах прикрепл. крестьян. («Арх. Ист. Тр. III. 1922).

[2]) Чичерин. Опыты, 223.

[3]) Беляев. Крестьяне на Руси. 105.

попрежнему не сомневаются в том, что такой указ об отмене Юрьева дня был издан, но только не сохранился. Они лишь расходятся и теперь относительно того, когда мог последовать такой законодательный акт. Так, Сергеевич полагает, что его надо относить к 1584—85 г.г., т. е. к самому началу царствования Федора Иоанновича [1]). Дебольский утверждает, что прикрепление произошло между 1589 и 1595 г., ибо Судебник Федора Иоанновича еще не знает беглых, а в 1595 г. мы имеем первое дело о беглом крестьянине [2]), при чем указ 1597 г., по его мнению, есть завершение ряда судебных и административных мероприятий, установивших крепостное право. Д. М. Одинец связывает эту меру с соборным приговором 1584 г., который отменил тарханные грамоты, в целях поднятия благосостояния воинства; но одним из наиболее действительных средств в этом направлении являлось укрепление за ним необходимого количества рабочих рук. При этом и Одинец ссылается на то, что эпитет беглый встречается уже в 1584 году [3]).

Между тем упоминание о беглых вообще решительно ничего не доказывает и ни в какой степени с прикреплением не связано; беглыми именовались попросту те крестьяне, которые вышли без отказу, не в срок и беспошлинно (без уплаты пожилого), т. е. с нарушением правил, установленных Судебником. Уже в судном деле 1554—57 г.г. читаем: «выбежал вон без отказу и беспошлинно в Петрово говенье», а в писцовых книгах Тверского уезда 1580 г. встречаем целый ряд случаев: «сбег безвестно», «выбежал» [4]). В Пажеревинском погосте Шелонской пятины упоминается, согласно писцовой книге 1576 г., «Мосейко Ильин беглой» и «беглой охотник Гришка Патрушин» [5]). Так что указ 1597 г. в этом отношении не создает ничего нового.

В чем же смысл указа 1597 г.? Это об'яснил еще Сперанский. «Истинный смысл сего указа—утверждал он—состоял в том, чтобы возвратить беглых, т.-е тех, кои оставили прежнее их жительство или не в положенный срок или не разделавшись с владельцами земли установленным в Судебнике порядком... Иски о сем возврате были бессрочные или сорокалетние. Легко себе представить, сколь они были многочисленны и сколь разбор их был многосложен и затруднителен. Дабы положить предел сим беспорядкам и уменьшить количество дел сего рода, указ 1597 г. отсек все иски, возникшие за пять лет перед тем, и дал ход тем только из них, кои были не старее сего срока. К постановлению сего срока принято было то основанием, что в 1593 г. учреждены были переписные книги» [6]).

---

[1]) Сергеевич. I, 243 сл.
[2]) Дебольский. 147, 152.
[3]) Одинец. К ист. прикрепл. влад. крест. Ж. М. Ю. 1908, I, 138 сл.
[4]) Дьяконов. Сельск. насел., 28. Писц. кн. Моск. гос. II, см. выше, 121.
[5]) Новг. писп. кн. V. Столб. 619.
[6]) Сперанский, Историч. обозрение изменений в праве неземельной собственности и в состоянии крестьян. Арх. ист. и практ. свед. Калачова, 1859, № 2.

Таким образом, дело об'ясняется весьма просто: все нововведение, создаваемое указом, сводится к определению исковой давности, срока, в течение которого можно незаконно ушедшего крестьянина требовать обратно, к установлению «урочных» лет,—притом на почве права перехода, предусматриваемого Судебниками. Принятый же в 1597 г. пятилетний срок давности обусловливается не каким-либо последовавшим за 5 лет до того указом, а тем фактом, что в 1593 г. крестьяне были внесены в писцовые книги и, следовательно, представлялось возможным исходить из известного твердого базиса относительно принадлежности их той или другой вотчине или поместью.

Еще Погодин в 1858 г. не считал возможным из указа 1597 г. делать вывод о существовании акта прикрепления крестьян и высказывал предположение, что последнего никогда не было, а крепостное состояние сложилось под влиянием обстоятельств, как результат жизненного процесса [1]). Это мнение, в то время не имевшее успеха, вновь было высказано лишь в 1884 г. Энгельманом, который, однако, формулировал его несколько иначе, утверждая, что исковая давность, установленная в 1597 г., имела основанием писцовые книги, при чем крестьянин, записанный за помещиком в писцовой книге, тем самым признавался ему крепким. На точку зрения Погодина (не соглашаясь с Энгельманом) стали и Владимирский-Буданов, В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов, С. Ф. Платонов, и к ним примкнул целый ряд других исследователей [2]). При различных отклонениях в частностях, общим положением стало то, что никакой законодательной отмены права крестьянского выхода не было, а прикрепление создалось на почве определенных экономических и социальных условий, как результат ряда мер, принимаемых в течение свыше столетия вплоть до Соборного Уложения 1649 г.

С. Ф. Платонов, правда, исходя из упомянутых выше запрещений выхода в «заповедные лета», полагает, что имелась такая общая «государева заповедь», не допускавшая вывоза и выхода крестьян в определенные годы. Он ссылается на челобитную рязанского землевладельца Шиловского 1584 г., что дьяк Шерефединов «крестьян насильством... возит, мимо отца твоего, а нашего государя уложения» и усматривает в «уложении» упоминание о тех же «заповедных летах», полагая, что существовало какое-то «уложение» Грозного, запрещавшее впредь вывозить крестьян в течение заповедных лет «до нашего

[1]) Погодин, Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостн. права. Русск. Беседа. 1858. № 4.

[2]) См. Рожков, Русск. ист. IV, ч. 1. Стр. 98. Милюков, «Крестьяне». Энц. Слов. Филиппов, 469 сл. Любавский, Лекц. по древн. русск. ист. 1915. Стр. 274 сл. Готье, Очерк истор. землевл. 73 сл. Огановский, II, 157. Лаппо-Данилевский, Очерк образ. главн. разр. 62 сл.

указу» и предписывавшее возвращать тех тяглецов, которые «с посаду разошлись в заповедные лета». «Как Татищев и его продолжатели искали закона об общем прикреплении крестьян к земле—говорит С. Ф. Платонов—так мы теперь должны искать государеву заповедь о невыходе и невывозе крестьян в урочные заповедные годы» [1]).

Однако, в цитируемой им челобитной рязанского землевладельца [2]) о заповедных летах не упоминается, и совпадает ли встречающееся там «уложение» с заповедными летами, неизвестно [3]). Быть может, под «уложением» понимается Судебник, правила которого были нарушены при вывозе крестьян. Во всяком случае, и надежда найти такую «государеву заповедь» может оказаться столь же тщетной, как поиски закона об общем прикреплении, так как правила о заповедных летах не имели обще-гражданского характера, а применялись специальными распоряжениями в отдельных местностях.

Исходную точку в прикреплении составляют, несомненно, заповедные годы, которые рассматривались в качестве временной меры, но приобрели, повидимому, постоянный характер. Как указывает С. Ф. Платонов, указ 1597 г., дозволяя «давать суд» и «по суду и по сыску возить беглых крестьян назад, где кто жил», только в том случае, если они «выбежали за пять лет», тем самым не только не усиливал прикрепления, а, напротив, смягчал применение меры, установившей заповедные лета. «Нарушивший заповедь и убежавший в неуказные лета крестьянин получал возможность остаться на новом месте, если со времени его ухода истекло пятилетие». Так же он смотрит и на указы царя Бориса 1601 и 1602 г.г.—и они являются ограничением тех же заповедных лет [4]).

Этими указами царь Борис в тот самый срок, в ноябре, когда совершались обычно вывозы и выходы, «во всем своем государстве от налога и от продаж велели крестьяном давати выход». Однако, крестьян не дозволено возить ни в дворцовые или черные волости, ни в вотчины и поместья духовенства, бояр, больших дворян или приказных людей. Разрешение дается только мелким землевладельцам дворянам, которые служат по выборам, детям боярским, городовым, иноземцам, в особенности же мелким служилым людям—ключникам и подключникам, конюхам, охотникам, псарям, кречетникам, сокольникам и т. д. Но им дозволено «возити крестьян» только «промеж себя», и притом «одному человеку из-за одного же человека, крестьянина одного или двух, а трех или четырех одному из-за одного никому не возити». Правило это не распространено на

[1]) Платонов, Борис Годунов, 1921. Стр. 76. Его же. О времени и мерах прикр. крестьян. (Арх. Ист. Тр., III, 22).

[2]) Сборн. акт. Лихачева, 249.

[3]) См. Гейман, Новое освещение вопроса о прикреплении крестьян. Русск. Истор. Журн. 1922, № 8. Стр. 291 сл. Ср. Платонов, Лекц., 7 изд. 201 сл.

[4]) Платонов, Борис Годунов, 77.

Московский уезд («а в Московском уезде всем людем промеж себя, да из иных городов в Московский уезд потому же крестьян не отказывати и не возити») [1]). Заповедные лета, следовательно смягчены в интересах самых мелких служилых людей, которые имеют мало земли и поэтому нуждаются лишь в незначительном количестве крестьян, так что им достаточно у кого-либо другого, имевшего больше, чем ему нужно, взять 1—2 крестьян, и тем самым они обеспечены рабочей силой. Напротив, сильные вотчинники, бояре и монастыри не могут у них отнимать крестьян, ибо для последних заповедные лета действуют в полной мере. Но в то же время это означало и большое ограничение для крестьян, ибо крестьяне всех крупных землевладельцев и в эти годы были лишены права выхода, точнее землевладельцы возможности «отказывати и возити крестьян»; крестьянский выход—как мы видели уже в Тверской писцовой книге 1580 г.—составлял исключение, крестьянин является лишь об'ектом действий различных вотчинников; им распоряжаются, как вещью, его вывозят вместе с имуществом. В том же указе Бориса Годунова о вывозе крестьян служилыми людьми «промеж себя», повторенном в следующем 1602 г., прибавлено: «а из за которых людей учнут крестьян отказывати, и тех люди крестьян из за себя выпускали со всеми их животы, безо всякие заделки и во крестьянской бы возке промеж всех людей боев и грабежей не было и сильно б дети боярские крестьян за собою не держали и продаж им никоторых не делали; а кто учнет крестьян грабити и из за себя не выпускати, и тем от него царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии быти в великой опале» [2]).

Это об'явление, которое велено было в Великом Новгороде «вычитати всем людем вслух и бирючу велети кликати по всем торгом не по одни день», вводит нас в самую гущу жизненных условий того времени, напоминает о тех страстях, которые разыгрывались в борьбе из-за крестьян—без «боев и грабежей» редко обходился вывоз крестьян. В самом деле, если процесс развития вел к постепенному фактическому прикреплению крестьян к земле, то, с другой стороны, было бы ошибочно полагать, что такова была общая судьба крестьянского населения, что последнее обнаруживает неподвижность и усидчивость, не покидает насиженных мест, сидит за своим «государем»—землевладельцем. Нет, это относится лишь к одной группе крестьян, наряду с которой существовала другая, отличавшаяся весьма значительной подвижностью, легко бросавшая дом и двор, не взирая на те препятствия, которые ста-

---

[1]) А. А. Э. II, № 20.
[2]) А. А. Э. II, № 21.

вили и Судебники и землевладельцы, и искавшая счастья на стороне. Откуда, в противном случае, мог бы взяться тот обильный человеческий материал, который давал пищу колонизации новых областей во второй половине XVI и в первые десятилетия XVII ст., откуда и те массы, которые были приведены в движение в эпоху Смутного времени? Последняя ведь вообще всколыхнула население, сбросила его с места, и не скоро после официального прекращения Смуты и восстановления порядка это бурливнее море пришло в успокоение, и население вновь расселось по местам. При этом естественно крестьяне в весьма многих случаях покидали своих господ и оказывались после успокоения, найдя себе новую пристань, уже за совершенно иными землевладельцами, во многих случаях оставшись там, где их кормили в голодные годы, и где они нашли себе приют во время ливонского и казацкого разорения.

Яркую картину вызванных Смутой перемен рисует царская грамота Волоколамскому монастырю, последовавшая непосредственно за избранием нового царя (в 1614 г.) и желавшая вернуть монастырю его старых крестьян, разбежавшихся во время Смуты. Монастырь жалуется на разорение от литовских людей, которые его «голодом выстояли» и вотчину «всее выжгли без остатка и крестьян и их жон и детей высекли». Поскольку те крестьяне «от литовских и от немецких людей и от русских воров остались, и те ден крестьяне разбрелися розно за бояр, и за дворян и за детей боярских». Далее перечисляются те землевладельцы, которые «розвезли за себя крестьян», и указывается, где они живут за ними «во крестьянех». Опасаясь, как бы эти крестьяне не вернулись обратно в монастырские вотчины, некоторые землевладельцы стараются закрепить их за собой и «пропают» на них «порук с записми, что им вперед жити за ними во крестьянех, а за монастырь не выходить», а один из них «держит ныне у себя крестьянина их Карпика скована». К такому насилию прибегали землевладельцы, воспользовавшиеся Смутой для получения новых крестьян. Грамота приказывает вернуть их «во старых их жеребьях во крестьянех», попрежнему, предварительно, однако, велев «сыскати всякими людми накрепка: старинные ли те Иосифовы вотчины крестяне» [1]).

Из другого акта, боярского приговора 1606 г., мы видим, как крестьяне в голодные 1602 и 1603 г.г. в большом количестве «бегали с животы в дальние места из за Московских городов на Украины, а с Украины в Московские городы, или из города в город верст за двести и за триста и болши». Они «пошли от старых своих помещиков с животы и ростеряв животы, при-

[1]) А. А. Э. III. № 41.

шли к иным помещиком в бедности». Теперь прежний землевладелец требует их обратно. Но получает в ответ: «не умел (он) крестьянина своего кормити в те голодные годы, а ныне его не пытай». «Тому крестьянину жити за тем, кто его голодные лета прокормил» [1]).

Однако, движение крестьян по лицу земли Русской совершалось в широких размерах и до Смутного времени, когда население спускалось вниз, к югу, когда одни области пустели, другие впервые заселялись. Уже тогда должна была происходить ожесточенная борьба из-за крестьян, из-за сохранения своих и приобретения чужих; всякий землевладелец препятствовал выходу первых, не признавал свободу вывоза, а в то же время старался «силно» вывезти крестьян из других имений. Так, уже из грамоты Грозного новгородским дьякам 1555 г. оказывается, что «дети боярские Ржевские, и Псковские, и Лутцкие, и из иных присудов, вывозят за себя во хрестьяне жити... крестьян из Ржевских из черных деревень», при чем делают это, не считаясь ни с какими правилами—«не по сроку, по вся дни, беспошлинно». А в то же время они сами у себя никаких отказов не признают. «Когда приедут к ним отказщики, с отказом», при том «в срок», т.-е. в Юрьев день, а не в любое время, как они сами делают, «и те деи дети боярские тех отказщиков бьют и в железо куют а хрестьян деи из за себя не выпущают, да поимав деи их мучат и грабят и в железо куют». Поскольку же они не прибегают к насилию, они требуют от вывозимых крестьян пожилого в таком огромном размере («емлют не по Судебнику, рублев по пяти и по десяти»), что в результате «отказати (де) им крестьянина из за тех детей боярских немочно» [2]). Такого рода случаи не были исключением. Когда один землевладелец из Шелонской пятины послал своих людей в Тверской уезд, то владелец их отказ принял и пошлины пожилые взял, но крестьян не выпустил и «держит их за собою сильно». В другом случае также помещик принял отказ и пошлины взял, а после «животы их пограбил» [3]).

В результате чинились «великие крамолы, ябеды и насилия немощным от сильных». К таким «сильным» принадлежал Троице-Сергиев монастырь, добившийся разрешения своих крестьян, «которые выбежав из Троецких вотчин живут за бояры и за околничими и за дворяны и за детми боярскими и за всякими людми, по 122 год (1614 г), за девять лет, вывозить по сыску назад в Троецкие вотчины». Повидимому, в предшествующие годы из вотчин Троицкого монастыря бе-

[1]) А. А. Э. II, № 40.
[2]) Д. А. И. I, № 56.
[3]) Лашо. Тверской уезд. 48.

жало много крестьян, и он теперь возвращал их себе обратно, всех, кто выбежал в течение целых 9 лет. «Свощики во все городы для того посланы». Мало того, «к воеводам и к приказным людем» были отправлены царские грамоты и велено «сыскивать» и «Троецких вотчин крестьян свозити», при том уже за 11 лет. Но всесильный монастырь и этим сроком не ограничивался. «Дворяне и дети боярские многие (нам) били челом, что возят в Троицкие вотчины их старинных крестьян, которые жили за ними лет двадцать и болши» [1]).

Но, и впоследствии передвижение крестьян отнюдь не прекращается, несмотря на установление штрафа для землевладельца, у которого беглые окажутся («не принимай чужого»), и не взирая на постановление, согласно которому, если «побежит женка или вдова или девка в чужую отчину и выдет замуж, и того мужика, который женился на чужой женке, отдати тому, чья женка» [2]).

Так, оказывается, что «посадские люди и уездные крестьяне, с женами и с детми выбежав, живут ныне в Перми на посаде и в Пермском уезде, и на то (де) смотря и последние посадские люди и уездные крестьяне (из Вятского уезда) бежать врозь» [3]). Иноземцы жалуются на то, что из-за бегства крестьян их поместья пустеют «и им бы государевы службы не отстать» [4]). При вывозе крестьян попрежнему происходят «всякие задоры и бои», учиняются «разпри и насилия и многим разорения и убивства смертные». В 1642 г. возбуждено было большое дело о возвращении сошлых крестьян Заонежских погостов, причем велено было «сыскивать допряма, кто сколько лет за кем жил, чтоб неповадно было вперед государевых крестьян за собой принимать и за собой держать», а в 1648 г. в Соли Камской в вотчинах Строгановых и других лиц и на землях Вознесенского и Пискорского монастырей обнаружено было 143 беглых крестьянских семьи, а «людей в них из их братьев и детей и племянников» 441 человек [5]).

В памяти земского приказа 1642 г. упоминается о таких случаях, когда «кто у кого насилством крестьян вывез, а про то сыщется подлинно», или: «которые люди к кому приезжали и людей и крестьян вывезли за себя или в тое время от кого учинится смертное убийство и грабеж или иное какое дурно». Наконец, бывало и так, что кто-либо заявлял о своих прежних крестьянах, что их вывезли, «а про то сыщется, что те крестьяне не вывозные, беглые: и тот истец лишен крестьянина своего и крестьянских животов и своего иску» по следующей причине: «ищи правдою и не называй беглого крестьянина вывозным» [6]).

[1]) А. И. III, № 53. А. А. Э. III, № 66.
[2]) Судебник, изд. Татищева, 240 сл.
[3]) А. И. III, № 160.
[4]) Акты Моск. Госуд., изд. Поповым, II, № 160.
[5]) Дьякопов, Ист. сельск нас., 61—62.
[6]) А. И. III, № 92. XXXIII.

Из челобитья дворян и детей боярских всех городов 1646 г. мы узнаем об обидах, которые им чинятся сильными людьми. «Бегают из за них старинные их люди и крестьяне в государевы дворцовые и в черные волости и села, и в боярские поместья и вотчины, и в патриарши и в митрополичьи... и в Троицкие и иных разных монастырей. И те многие помещики и вотчинники и монастыри тем их беглых людем и крестьянам на пустых местех слободы строят, а их поместья и вотчины от того ставятся пусты». Этими беглыми крестьянами заселяются, следовательно, новые местности, колонизуются еще не занятые пространства. Поселившись затем в новом месте и надеясь на «сильных людей», их бывшие крестьяне остальных крестьян «подговаривают и дюмы их (помещиков) поимают и разоряют всяким разорением». Эти крупные землевладельцы действуют «насилством» и завладевают таким путем не только их, челобитчиков, крестьянами, но даже нередко их «поместными и вотчинными землями и всякими угодьи».

Примером такого образа действий сильных людей может послужить колонизаторская деятельность одного из самых крупных землевладельцев первой половины XVII ст., боярина И. Н. Романова. Устройство им новых слобод на юге, в Елецком уезде, сопровождалось такими приемами и способами, которые приводили к разорению чуть ли не всех остальных землевладельцев уезда. Из поданной последними челобитной 1628 г. видно, что новые слободы основывались не только на диком поле, на свободных землях, но и на таких, которые были уже заняты другими, на чужих поместьях и вотчинах монастырей, детей боярских, поместных атаманов. Но и заселялись новые слободы чужими крестьянами. Образовывались шайки человек в 30, 40 и более, налетали на намеченное поместье, грабили и жгли и уводили крестьян вместе с их семьями и «животы». «Приезжают, государи, из с тое его вотчины села Романова Городища и из деревень в Елецкой уезд люди его и крестьяня человек по сороку и по пятидесят и больши в наши поместицы днем и ночью, нас, холопей ваших, бьют и грабят, жон и дочерей позорят, и из денег, и из платья пытают, и из-за нас, холопей ваших, и из-за монастырей крестьян и бобылей вывозят насильством» [1]).

Впрочем, на ряду с этим переселение крестьян на земли боярина Романова совершалось и мирным путем, посредством отказа, так что вполне это право и теперь еще не было отменено и в известных случаях практиковалось. Так, крестьяне Свиридовы ему, Свириду, отказали, заявив: «прожить де за тобою не мочно» и вышли за боярина Романова. Это обусловливалось тем, что слишком близко подошли новые слободы боярина, верстах в двух, что приводило к тому, что его люди «села и деревни жгут, и хмель в гумнах стоячей зажигают, и по полем хлеб проезжаючи, насильством жнут, а лошади и коровы по

[1]) Сташевский. К истории колонизации Юга. 1913. Стр. 4—5.

волем и по деревням отнимают насильством же... и жен от живых мужей отдают в его боярской вотчине замуж за иных мужей... а воеводы... против их мудрости молчат, никакова наказанья над ними учинить не смеют... и поймав на воровстве, и оне в тюрьму посадить не смеют». Но не только крестьяне, в виду этого, вынуждены были переходить за боярина, за которым жить было безопасно, но так же поступали и дети боярские, которые либо «от разоренья и насильства пошли розно», либо «пошли жить в его боярскую вотчину» и, в свою очередь, начинали грабить и разорять других помещиков.

Социальные условия, таким образом, слагались к выгоде сильных людей, мелкий же служилый люд во всяком случае страдал. Меры, принимаемые правительством в виде возврата беглых крестьян и недопущения вывоза без согласия землевладельца, ему мало помогали—крупные вотчинники все же вывозили крестьян и принимали беглых.

Как мы видели, указом 1597 г. предоставлено было возвращать обратно лишь крестьян, бежавших за 5 лет до того, и эта пятилетняя исковая давность сохранялась и впоследствии. Однако, как можно усмотреть из приведенной выше грамоты 1614 г., Троице-Сергиев монастырь добился для себя расширения этих «урочных лет» или «указных лет» до 9, а затем (правда, лишь временно в течение одного года) и до 11 лет, так что его шансы в борьбе за крестьян, и без того гораздо большие, чем у большинства других землевладельцев, еще более усилились [1]). Он мог «сыскивать» своих крестьян, которые за 9 (11) лет ушли, и сводить их из других земель, тогда как захваченных им другие могли требовать лишь в течение 5 лет, если они вообще могли иметь надежду получить их обратно у всесильного, снабженного особыми податными и иными льготами монастыря.

Однако, служилые люди добивались, по крайней мере, формального равенства с Троицким монастырем, но лишь спустя 20 слишком лет, в 1637 г., они были сравнены. Впрочем, и теперь еще далеко не все, а лишь служилые люди украинных и замосковских городов. В это время посланы были в эти города грамоты о выборе «лутчих и в уме нескудных людей» из дворян и детей боярских «для государева и земскова дела». Повидимому, в связи с этим созывом земского собора в Москве и находятся их совместные действия относительно распространения на них права сыскивать крестьян в течение 9 лет [2]). Их коллективное челобитье увенчалось успехом. Урочные годы были продлены для них до 9, в 1639 г. это правило было распространено и на иноземцев [3]). Однако, общим для всех оно стало лишь в 1642 г., когда служилыми людьми «всех городов» подано было новое, приведенное выше, челобитье царю Михаилу Федоровичу, в котором они жаловались, что сильные люди собирают на свои земли беглых

[1]) А. И. III, № 53.

[2]) Рождественский, Из истории отмены «урочных лет» для сыска беглых крестьян в Моск. Гос. (Сб., посв. Ключевскому, 155—56).

[3]) А. А. Э. IV, № 14. Акты Моск. Гос. II. № 160.

крестьян, берут на них ссудные записи и, пользуясь урочными годами, закрепляют их за собой. Указом 1642 г. урочные годы были установлены для всех на 10 лет.

Казалось бы, служилые люди достигли своей цели. Однако, они этим не довольствовались. Уже в 1642 г. они добивались большего— полной отмены урочных лет, т. е. возможности отыскивать своих крестьян в любое время.

Спустя 4 года, когда вступил на престол в 1646 г. Алексей Михайлович, дворяне и дети боярские всех городов, которые «были на его государеве службе на Туле», вновь били челом царю, указывая на свои великие бедствия: «от служеб обедняли и одолжали великими долги и кони опали, а поместья их и вотчины опустели и домы их оскудели и разорены без остатку от войны и от сильных людей».

По поводу образа действия последних мы получаем теперь новые сведения—главная причина всех зол заключается в урочных годах, ибо крестьяне их «выходят из-за них» за сильных людей, а урочные годы для отыскания их не превышают 10 лет; между тем «они де по вся годы бывают на государевых службах, и в те урочные годы про тех своих беглых крестьян проведати не могут». «Сильные» же люди, пользуясь этим, поступают следующим образом. В течение этих лет они крестьян их «развозят по далным своим вотчинам, и как де тем их беглым крестьянам урочные лета пройдут, и они тех их беглых крестьян привозят в вотчины свои, которые с ними смежно, да и достальных людей их и крестьян их из-за них вывозят в свои в вотчины и поместья и тех их беглых крестьян называют своими старинными крестьяны; а иных де крестьян их беглые их крестьяне, живучи за сильными людми, пишут в писцовые книги и в ссудные записи заочно, дружа тем, за кем они живут, бегая от них». Таким образом, оказывается, что 10-летний срок для них, служилых людей, в силу их службы, недостаточен, а «сильным людям» это дает возможность сначала укрывать беглых крестьян в своих отдаленных вотчинах, а затем, когда давность прошла и им обратного требованы нечего опасаться, при помощи этих беглых смашивать и остальных крестьян. Служилые люди рассчитывали, что с отменой давности, при возможности в любое время отыскивать беглых крестьян, их положение улучшится. Поэтому они опять просят «урочные лета отставить» и при определении принадлежности крестьян тому или другому землевладельцу руководствоваться—как они и ранее добивались—писцовыми книгами [1]).

Это требование было осуществлено Соборным уложением 1649 г. «Будет кто вотчинники и помещики учнут государю бити челом о беглых своих крестьянех и о бобылях... и тех крестьян и бобылей по сыску отдавати по писцовым книгам, которые книги писцы в Поместной приказ отдали после Псковского пожару прошлого 134 г... А отдавати беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов людем без урочных лет» [2]). Однако, отмена урочных лет

[1]) А. И. III. № 92. XXXIII. А. А. Э. IV, см. также № 30.
[2]) Соборн. Улож. Гл. XI (Суд. о крестьянех), ст. 2.

оказалась на практике неосуществимой; невозможно было допустить бессрочно и бесконечно отыскивание беглых крестьян. Это значило бы вернуться к тому состоянию, которое господствовало в конце XVI ст. и которое вызвало пресловутый указ 1597 г., установивший пятилетнюю давность.

Отыскивание беглых крестьян продолжалось попрежнему и при том в широких размерах, ибо уход их (или «бегство») составлял явление обычное.

Насколько значительно были переселения крестьян еще и в середине XVII ст., можно усмотреть на примере книги отдаточной «беглым людем и крестьяном» города Алатора, в которой за один только 1664 г. записано 177 дел о сыске и возвращении беглых, при чем во многих случаях речь идет о побеге целых семей в 4—6—8 человек. А к этому присоединяется за тот же год и опять-таки в одном только Алаторе 77 записей «мировым челобитьям» относительно беглых: в этих случаях дело оканчивалось полюбовным соглашением между прежним и новым владельцем, и челобитчик отказывался от возбужденного им иска, прося «челобитье их и мир записать» [1]).

Борьба за прикрепление крестьян есть борьба за рабочую силу, борьба между крупным вотчинником и мелкопоместным служилым человеком, борьба вновь народившегося дворянства со старым боярством. В основе же всего лежали экономические перемены — расширение площади земледелия, интенсификации хозяйства, увеличение владельческой запашки [2]). Холопских рук уже не хватало, вольнонаемный труд составлял еще исключение, хотя попытки пользоваться им—как мы видели—уже делались; основой хозяйства становился труд крепостного крестьянина. Усиление эксплоатации последнего находило себе и юридическое выражение в закрепощении крестьян. Однако, процесс этот, как можно усмотреть из предыдущего, затянулся надолго—крестьяне долго боролись с этими стремлениями землевладельцев, на стороне которых стояла самая большая сила—экономическая жизнь. Она в конечном счете и должна была решить вопрос в пользу служилого класса.

В последнее время обращают внимание на экономическую подкладку закрепощения крестьян. «С одной стороны—говорит П. И. Лященко—материальная необеспеченность некоторой части земледельческого населения, именно той, которая носила название крестьянства, с другой, развитие производительных сил в земледелии, обусловливали необходимость превращения когда-то независимого землевладельца-собственника в свободного арендатора частновладельческих земель и затем в

---

[1]) Арх. Мат. II. Прил. 620 сл.
[2]) См. выше, гл. II и IV. отд. 1.

барщинного крепостного». «Возникшее на почве развития производительных сил народного хозяйства стремление к некоторого рода предпринимательству стало требовать и такой организации производства», при которой имело бы место «расширение области прибавочного труда за счет области труда необходимого». «Такой цели наиболее соответствовала форма барщинной организации труда», которая постепенно приобретала принудительную форму: «хозяйственная зависимость требовала внехозяйственного принуждения». [1])

Плеханов утверждает, что «дать землю служилому человеку чаще всего значило дать ему известное, более или менее широкое, право распоряжаться трудом сидевших на ней земледельцев... Определение размеров этого права на труд земледельца ... имело огромное практическое значение для обеих заинтересованных сторон... А для князя выгоднее всего было решить спорный вопрос так, чтобы обеспечив себе всю полноту политической власти над служилым человеком, предоставить этому последнему всю широту возможной экономической эксплуатации земледельца... Крепостная зависимость крестьян от помещиков явилась, между прочим, юридическим выражением этого, найденного историей, решения» [2]).

М. Н. Покровский указывает на то, что «в основе двух крупнейших социальных переворотов XVI века, смены боярства дворянством и закрепощения крестьян, лежит прогресс сельскохозяйственной техники— переход к более интенсивной культуре земли. Русского крестьянина закрепостило трехполье, хотя «к концу XVI века трехполье опять явно сдает перед перелогом». А интенсификация сельского хозяйства, в свою очередь, обусловливается разрушением самодовлеющей феодальной вотчины, появлением землевладельца на рынке. Барская запашка и денежный оброк становятся характерными признаками нового типа хозяйства, при чем барская пашня росла все же быстрее, чем количество занятых на ней холопских рук, так что интенсификация культуры вела необходимо к закрепощению крестьян, ибо при отсутствии пролетариата было невозможно построить новую систему хозяйства на чем либо, кроме подневольного труда в той или иной его форме» [3]).

П. А. Рожков исходит из совершающегося во второй половине XVI ст. перехода к торговому капитализму. Эта резкость перехода от натурального хозяйства прямо к торговому капитализму исключила в России возможность сохранения свободы крестьянства: крестьянин массовик не в силах был самостоятельно справиться с переходом на новые хозяйственные условия: чтобы приспособиться к рынку, он нуждался в экономической поддержке со стороны землевладельца, а эту поддержку он получал путем физического закрепощения, при чем это закрепощение было прикреплением не к земле, а к личности землевладельца [4]).

---

[1]) Ляшенко. 125—26.
[2]) Плеханов. I. 63—64.
[3]) М. Н. Покровский. Ист. культ. I. 74, 80. Ист. Росс. I. 283, 292, 343.
[4]) Рожков. Очерк истории труда в Росс. Арх. Ист. Тр. VIII. 9—10. Ист. Рос. Т. IV. Ч. 1 и 2.

Тенденция барской запашки — говорит Б. Д. Греков — необходимость более рациональной системы эксплоатации земли встретилась с вопросом о рабочих руках в острый момент обнищания земледельческой массы, отсюда «переход от старых так называемых свободных форм труда к труду крепостному»; «заповедные годы» создают постоянную власть землевладельца над земледельцем [1]).

IV.

Недостаток в рабочих руках заставлял обратить внимание и на усиленное использование холопов для сельскохозяйственных работ. Та же бедность, во многих случаях потеря земли, вынуждала обращаться к землевладельцу за помощью, брать у него ссуду, а отсюда вытекало холопство в новой его форме. В связи с этим оно должно было изменить свой прежний характер, сблизиться с крепостным крестьянством—основания несвободы были одни и те же. Как указывает Н. А. Рожков, ограничения и смягчения полного холопства вызывались тем же, чем и прикрепление крестьян—стремлением дворянства обеспечить себя рабочей силой, помешать богатой феодальной аристократии, боярству, монополизировать эту рабочую силу, всю ее прибрать к рукам путем полного холопства [2]).

И теперь мы находим те же источники полного холопства, что и прежде, однако, многие из них имеют уже гораздо меньшее значение. Главное основание холопства прежнего времени плен, вследствие объединения Московского государства, влечет за собой холопство лишь в международных столкновениях. Мало того, хотя царский приговор 1556 г., согласно которому из плена возникает лишь временная зависимость («полоняник ему холоп до его живота, а детем его не холоп») [3]), не имел, в сущности, значения, однако, в холопство обращались, повидимому, главным образом, лишь пленные инородцы (восточные). В писцовой книге Боровска встречаются купленные калмыки: быть может, инородцем был и тот купленный человек, которого брал с собой один серпуховский торговец в своих поездках по торговым делам, и который этого торговца впоследствии обокрал. Повидимому, и Соборное Уложение, говоря о купленных холопах, имеет в виду только татар [4]).

---

[1]) Греков. Монастырское хозяйство XVI—XVII в. Введ., стр. 9—10.
[2]) Рожков. Очерк ист. труда. VII. 10—11.
[3]) А. И. I. № 154.
[4]) Писц. кн. Боровска 1675 г. Мат. 42. Улож. XX. 61, 77, 79. Симсон. 217. Введенский. Торговый дом XVI и XVII ст. 95—96.

Вступление в брак с холопом или рабой попрежнему влечет за собой обращение в холопство — «по робе холоп, по холопе — роба», читаем в Судебнике 1497 г. и в Судебнике 1550 г., как и в Соборном Уложении, откуда и поговорка «муж кренок по жене, а жена по мужу». «По его холопи далась ему в роби» [1]). Попрежнему и плод челяди, по Уложению, является несвободным: «а который старинный холоп, от кого сбежав, женится в бегах на вольной девке или на жонке и приживет с тою женою своею дети и того холопа прежнему его боярину отдати в холопство с женою и детьми». [2]) Тиуны и теперь являются нередко холопами, но не всегда — одного привязывания ключа для этого недостаточно — необходима особая сделка («полные» и «докладные»). [3]) Наконец, и самопродажа практикуется попрежнему в широких размерах. Находим грамоты «полные», на основании которых кто-либо продавался в «полницу», «одерень», совершал самопродажу «по своей воле». «Иван Федоров сын Новокшонов купил Ондрейца Мануилова сына в полницу себе и своим детем, а дал на нем 3 рубли» (1495 г.) [4]) Но не только продавали себя, но и своих детей: Пятой Добрынин сын Неклюдов человек . . . окупил государю своему Неклюду и его детем у Ивана у Назарьева сына . . . сына его Дмитрейца кровопуска в полницу (1526 г.) [5]). Судебник 1550 г. не допускает уже продажи сына, родившегося до обращения отца в холопство, прибавляя: «продастся он сам, кому хочет, тому ж ли государю у кого отец его служит или иному, кому хочет» [6]).

Нередко грамоты, касающиеся холопов, именуются «докладными», повидимому, по той причине, что акт самопродажи, совершавшийся в присутствии властей, именовался докладом—«доложа наместника». Отсюда и наименование самих холопов «докладными», подобно тому, как они назывались полными, приданными (данными), духовными (отказными), купленными, грамотными, в зависимости от того, на основании какого акта они приобретены (по полным, по купчим, по рядным, по меновым, по духовным, по грамотам) [7]). Господину принадлежит право распоряжения холопами как полными, так и докладными в равной мере: «а в приданые давати и женам, и детям и внучатам, и правнучатам в надел, в духовных, и в данных, и в рядных писати полных, и докладных, и купленных, и полоненников иных земель» [8]).

---

[1]) Судебн. 1497 г. Ст. 66. Судебн. 1550 г. Ст. 16. Соб. Улож. XX. 59, 60, 97.

[2]) Улож. XX. 87.

[3]) Судебн. 1497 г. ст. 66. Судебн. 1550 г. ст. 76.

[4]) Записная книга крепостным актам XV—XVI в.в., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву (изд. Арх. Комм. 1898 г. Р. И. Б. XVII). №№ 352 и др. (См. о ней ст. Егорова в Сб., посвящ. Платонову. 1911. стр. 462 сл.).

[5]) Там же. № 327.

[6]) Судебн. 1550 г., ст. 76.

[7]) См. А. И. I. № 221. II.

[8]) Улож. X. 61.

Большинство авторов не проводит различия между холопами полными и докладными, признавая и докладных холопов наследственными и потомственными, т. е. переходящими вместе с потомством к наследникам господина (Павлов-Сильванский, Сергеевич, Рожков) [1]. Н. А. Рожков, однако, полагает, что докладное холопство возникло из продажи на ключ (в ключники, приказчики) и в связи с этим усматривает в докладном холопстве ограничение воли господина (он не мог лишать холопа приказчичьей службы), как и улучшение положения холопа (ключник — доверенное лицо). Однако, хотя доклад для превращения ключника в холопы теперь необходим, все же мы находим случаи, когда поступление в ключники в докладной не обозначено [2]), так что докладные холопы могли и не быть ключниками. В противоположность этим авторам, Ключевский усматривает в докладном холопстве смягчение полного холопства, состоящее по общему правилу не наследственное [3]), а Филиппов даже совсем отождествляет его с кабальным холопством (только форма иная — через доклад), находя, что докладные холопы служат лишь до смерти господина [4]). Этому противоречит приведенное выше постановление Соборного Уложения (XX, ст. 61). Наконец, Самоквасов утверждает, что дела о беглых, о спорных холопах восходили на решение высшей инстанции — по докладу, почему и холопы, приобретенные на основании их решений (по правым грамотам) назывались докладными [5]). Между тем доклад имел место не только в этих случаях [6]).

Однако, весьма существенно то обстоятельство, что на ряду с полными и докладными холопами находим в рассматриваемую эпоху еще новую категорию холопства—кабальных холопов. Они названы впервые в духовных великих князей 1481 и 1509 г.г. (с 1525 г. кабальные уже постоянно упоминаются наряду с полными), при чем в названных духовных им дается свобода: «а что моих людей полных и кабалных, и приказных людей... те все на свободу» [7]), «а што мои люди приказные и полные, и кабалные, и князь бы велики пожаловах те люди отпустил на свободу» [8]). Это, следовательно, люди несвободные, не могущие сами покинуть своих господ, они могут быть лишь отпущены на волю. Кабала составлялась следующим образом: «Ондрея Османова сына Секирина денег семь рублев московскую од дни святого апостола Филимона

---

[1]) Павлов-Сильванский. Люди кабальн. и докладные. Ж. М. Н. П. 1897. XI. Сергеевич. I. 134 сл. Рожков. Русск. Ист. IV, ч. I, стр. 95. Арх. Ист. Тр. VIII. 11.

[2]) См. напр. Записн. кн. Алябьева, № 358.

[3]) Ключевский. Опыты. 202 сл.

[4]) Филиппов. 480.

[5]) Самоквасов. Арх. Мат. II, 85.

[6]) См. Лаппо-Данилевский. Введ. к зап. кн. Алябьева, XII, а также Валк. Грамоты полные. 124 сл.

[7]) С. Г. Г. и Д. I. № 112.

[8]) Там же. № 147.

да до того же дни на год, а за рост ему Олексию прозвище Будилку, у Ондрея Секирина служити по вся дни во дворе, а полягут денги по сроце и ему, Олексею, прозвище Будилку, у Вондрея служити за рост по тому же по вся дни во дворе» (1595 г.) [1]). Зависимость выдавшего на себя кабалу, следовательно, являлась последствием полученной им ссуды (займа). Самый термин «кабала»—арабский, заимствованный нами у татар, означает заемную расписку. Формально кабальный, уплатив долг, становится снова свободным, но так как—как мы видим—его «служба по вся дни» считалась лишь уплатой процентов, то фактически он никогда возвратить долга не мог и всю жизнь вынужден был работать у него во дворе; только из милости господин мог отпустить его. Кабала, конечно, могла иметь и характер обыкновенного заемного обязательства с уплатой процентов деньгами, а не трудом, и Судебник 1550 г., где впервые содержатся законодательные постановления о кабалах, даже запрещает службу во дворе кредитора: «а кто займет сколко денег в рост, и тем людем у них не служити ни у кого, жити им о себе, а на денги им рост давати». И к этому прибавляет: «а кто даст денег взаем в рост, да того человека станет держати у себя, и сбежит от него тот человек покрадчи, и что снесет, то у него пропало, а по кабале денег лишен» [2]). Однако, Судебник тем самым провел лишь разграничение между ростовыми и служилыми кабалами: из новгородских кабальных книг 1597—1600 г.г. [3]), как и из других актов [4]), можно усмотреть, что кабалы попрежнему писались под условием «служить по вся дни» и кредиторы и впоследствии держали должников у себя.

Таким образом, холопство меняет свой характер: подобно крепостному состоянию, и оно вытекает теперь из ссуды. Мало того,—как указано выше—уже с половины XVI ст. появляются и деревенские или страдные кабалы, по своему характеру весьма сходные с крестьянскими ссудными записями, где работа во дворе кредитора заменена обязанностью жить за рост на отведенном должнику участке, «пашня пахати, двор ставити и изгороди починивати» [5]). Так что и труд кабальных используется в сельском хозяйстве.

По смыслу кабальных записей XVI ст. зависимость занявшего деньги является бессрочной, и в виду неуплаты их, ка-

[1]) Зап. кн. акт., явл. Алябьеву, № 14.

[2]) Судебн. 1550 г., ст. 82.

[3]) См. Р. И. Б. XV. Новгородские кабальные книги 1597—1600 г. Лет. Имп. Арх. Ком. XXII. (Отрыв. Новг. кабалы, книги 1597 г., изд. Бычковым) и XXIV (Отрывки из Новгор. кабалы. книг. 7108 г., изд. Егоровым), а также Р. И. Б. XVII.

[4]) Лаппо-Данилевский. Служилые кабалы позднейш. типа. Сборн. статей, посвящ. Ключевскому.

[5]) См. выше, стр. 117.

бальные переходят после смерти господина к его наследникам, почему—как мы видели—необходимо было специальное распоряжение в духовной об отпуске их на волю; иногда это делалось лишь по истечении известного срока после смерти господина [1]). Указ 1597 г. произвел перемену, установив в отношении лиц, которые служили и кабалы на себя давали, что «им быти в холопстве, как и по докладным, а от государей им не отходити, и денег по тем служилым кабалам у тех холопей не имати... а выдавать их тем государем, по тем кабалам, в службу до смерти» [2]). Здесь кабальные названы холопами, при чем установлена пожизненность кабального холопства—при жизни своих господ они не могут выйти на волю, ибо денег у них «не имати», после же смерти их они свободны. «А Бог его душу возьмет, и человек я вольной». И первое, и второе уже прежде фактически имело место, ибо выкупиться кабальные не в силах были, а отпуск их на свободу по духовным широко практиковался. Однако, связывать себя этим кредиторы вовсе не желали, поэтому в записи пожизненный характер кабал проникает лишь весьма медленно. Правда, уже в кабальной записи того же 1597 г., когда вышел указ, говорится, что бивший челом в службу Борису Вельяшеву обязался «служити по Борисову смерть», а в челобитной 1600 года установлено, что кабальный нанялся служить с семьею «по живот» своего господина, между тем, последний умер, а жена его «от себя их не отпущает» [3]). Тем не менее и в кабалах XVII ст., даже относящихся ко времени Уложения, условие о службе «по живот» государя встречается редко, напротив, обычно в них содержатся такие выражения, как «служить во дворе завсегды прочна», «служить вечно во дворе» [4]). Еще в 1661 г. находим запись старого типа, практиковавшуюся в XVI веке: «за рост мне, займыщику Тихану служить у государя своего... во дворе по вся дни, а полягут деньги по сроце, и мне... служить... во дворе по тому ж по вся дни» [5]). Только указ 1680 г. установил образцовое письмо: «се аз (имя рек)... бил челом в холопство (имя рек) и служилую кабалу ему на себя даю волею своею, а служити мне у него во дворе по его живот» [6]).

Важный шаг делает Уложение, заменяя полное холопство кабальным: «а будет к кому придут какие люди и учнут бити челом в холопство, а скажутся, что они вольные люди, и тем людем... велети давати на них служилые кабалы» (гл. XX, 7).

[1]) См. напр. А. Ю. № 420.
[2]) А. И. I. № 221. II.
[3]) Р. И. Б. XVII. Зап. кн. Алябьева. № 148. Т. XV. Зап. кн. 7108 г., ст. 53.
[4]) Лашо-Данилевский. Служ. кабала. 755 сл.
[5]) Арх. Мат. II, прил. 591/40.
[6]) П. С. З. II. № 779. Труды Орловск. учен. Арх. Ком. 1891. I. 35.

Таким образом, полное холопство исчезает, господствующим же становится кабальное холопство, которое охватывает людей, поступающих на службу к тому или другому лицу. Оно теряет свой первоначальный характер, вытекающий из займа, и становится наряду с крепостным состоянием крестьян другим видом несвободного (пожизненного) состояния, в котором находились обыкновенно лица, работавшие в господском хозяйстве в городе и деревне; в последнем случае они именовались страдными людьми или страдниками. Иногда по условиям кабалы они поступали на службу во двор, но на самом деле их рассылали по деревням [1]).

Как можно усмотреть из писцовых книг, холопские дворы встречаются нередко. Наряду с крестьянами и холопы должны были обрабатывать барскую землю. Так, напр., в писцовых книгах Тверского уезда неоднократно упоминается «князи человек Иванко», «поселского человек Мосейко», «Ондреевы люди», «Олешины люди» — они все противополагаются крестьянам. В Московском уезде «пашут их люди деловые», «селцо Орлово... а в нем двор монастырской, живут в нем Никитины люди Саратакова деловые, а дали ему из монастыря до его живота» [2]). В некоторых новгородских пятинах, в таких уездах, как Каширский или Тульский, эти дворы составляют значительный процент населения (17—25 проц. дворов) [3]).

Холопы являлись рабочей силой и на боярских дворах в качестве конюхов, псарей, поваров, хлебников, но также плотников, кузнецов, хамовников, скатертниц [4]). Они служили и в качестве приказчиков, раз'езжали по торговым делам своих господ, занимая иногда ответственное положение. Были и такие холопы, которые занимались самостоятельно торговыми операциями, владели лавками и амбарами, покупали и брали в заклад вотчины, выдавая ссуды. Только Соборное Уложение запретило им такого рода деятельность [5]).

У княгини Воротынской находим свыше 100 дворовых людей, которые в большинстве случаев являются старинными или кабальными холопами. Были среди них такие, которые имели своих слуг и обладали достаточными средствами, так что могли даже ссужать свою госпожу деньгами и довольно значительными. Некоторые получили от княгини вотчины

---

[1]) Заозерский. Боярский двор. 96 сл.

[2]) Писц. кн. Моск. гос. I. 194 сл. 220. II. 41 сл. 49. 54. 56. 120. 126. 129. 132.

[3]) Новгородск. писц. кн. III, IV, V, VI. (Отд. II, Кн. 1545 г.). Рожков. 156 сл., 176 сл. Загорский. Ж. М. Ю. IX. 306. Дьяконов. Оч. общ. и гос. строя. 377 сл. Гневушев. Ж. М. Н. П. 1912. 137. Вулих. Ж. М. Н. П. 1914. VIII. 122 сл.

[4]) Дьяконов. Очерки общ. и гос. строя. 377

[5]) Введенский. Служащие и работные люди у Строгановых. Арх. Ист. Тр. Ки. 11—12. Ср. Его-же. Торговый дом XVI—XVII ст. 1924.

и фактически стали помещиками, хотя после ее смерти права за ними не были признаны, так что владение землей оказалось кратковременным. Другие, повидимому, сами приобрели недвижимость, лошадей, коров, овец, имели запасы хлеба и т. д., хотя и тут после смерти самого владельца имущество его лишь частью было передано наследникам, все же остальное было «взято на двор». Положение других было совершенно иное. Княгиня передавала их другим своим же «людям», «жаловала» их, и после ее смерти они просили о сохранении за ними этих слуг. Таким образом, юридическое определение холопства еще весьма мало говорило о действительном состоянии. Последнее могло быть весьма различное, в зависимости от воли господина, но всегда определялось последней, делая положение холопа крайне неопределенным, колеблющимся, изменчивым [1] [2]).

Были и холопы, получавшие поместья. В Переяславском уезде упоминается в 1520 г. деревня, записанная за холопом великой княгини [3]). После завоевания Новгорода московское правительство набирает целыми группами холопов различных сведенных новгородских землевладельцев и испомещает их в окрестных погостах Вотской и Шелонской пятин [4]).

Как мы видели, полное холопство постепенно вытесняется кабальным, а служилая кабала весьма близко подходит к крестьянским ссудным записям и кабальное холопство сближается с крепостным крестьянством. Этот процесс сближения холопов с крестьянами облегчается, вследствие образования новых разрядов сельского населения—задворных, дворовых и деловых людей или холопов. В частности, задворные люди (задворные холопы, задворные бобыли), являвшиеся преимущественно (хотя не исключительно) пашенными холопами (они живут «за двором себе избою») [5]), образовались как из полных (старинных) и кабальных холопов, так и из крестьян и бобылей, и, наконец, из всякого рода людей, служивших без крепостей (добровольно, бескабально, в качестве добровольных холопов); они составляли тем самым связующее звено между холопами и крестьянами, постепенно приближаясь все более к тяглому крестьянству. Это сближение происходило вследствие того, что задворные люди не представляли из себя замкнутой среды: с одной стороны, совершался перевод их

[1]) Заозерский, ук. соч.

[2]) В дополнительных к Судебнику 1550 г. указах о холопах-ходатаях по судам читаем: «многие холопы боярские ходят в доводах за своих государей и наймуются в судех у иных... в жалобницех пишут иски велики». (А. И. I. № 154. XX).

[3]) Милюков. Отчет о 34 присужд. премий графа Уварова. 30.

[4]) Вулих. Ж. М. Н. П. 1914. VIII. 152. Загорский. Ж. М. Ю. 1909. VIII, 276.

[5]) Акты тягл. пас. I. № 55.

в среду крестьянства, а, с другой, задворное население пополнялось оторванными и отбившимися от крестьян элементами. В конце концов всякое различие между ними и крестьянами исчезло.

Еще Победоносцев обратил внимание на новую группу сельского населения в виде задворных и деловых людей, в состав которых входили кабальные и даже полные холопы, проживавшие на особых дворах, но не плативших государственных податей. К концу XVII в. они — как он указывает — стали сближаться с крестьянами и тем оказали влияние на принижение положения последних [1]). Подробно остановился на задворных людях впервые Ключевский, который первоначально утверждал, что появившиеся лишь в XVII ст. задворные люди селились особыми избами за двором господина (откуда название «задворные») и наделялись земельными участками, подобно страдным холопам; они являлись историческими преемниками последних, не отличаясь от них в своем хозяйственном положении; однако, разница заключалась в том, что, в отличие от страдных холопов, вербовавшихся исключительно из среды полного и докладного холопства, они первоначально состояли из кабальных холопов, сажаемых на пашню. Они закреплялись ссудной записью или ссудной жилой записью [2]).

Однако, против этого возражали П. Н. Милюков, М. А. Дьяконов, Н. А. Рожков, А. С. Лаппо-Данилевский [3]), указывая на то, что задворные люди не составляли однородной массы и особого юридического состояния, а в состав их входили не только кабальные, но и полные холопы и даже не-холопы, и правильность этой точки зрения признал впоследствии и Ключевский, допуская, что они происходили из всех разрядов холопства [4]).

При этом Н. А. Рожков обратил внимание на один документ, относящийся к 70-м годам XVI века, где встречаются «задворные люди», из чего видно, что уже в конце XVI ст. они существовали, следовательно, не могли возникнуть из кабальных холопов, в это время лишь появляющихся. Другую грамоту нашел В. Г. Гейман, относящуюся к еще более раннему времени — к 1513 г. (это духовная, так что упоминаемые в ней задворные люди очевидно существовали уже в конце XV в.): «а у которых у моих людей у дворных и у задворных которые лошади и сагайдаки и мои бы приказчики того у них не занимали». Они противополагаются людям страдным, имеющим только лошадей (и коров), но не оружие (сагайдаки), из чего следует, что вооруженные задворные люди составляли дружину вотчинника, явля-

---

[1]) Победоносцев. Истор. исслед. и статьи. 1876. Стр. 46 сл.

[2]) Ключевский. Подушная подать и отмена холопства. (Опыты и исслед.).

[3]) Милюков. Рос. хозяйство. 642 сл. Его же. Спорные вопросы. (Отч. о присужд. прем. графа Уварова, 103 сл.). Его же. Когда задворные люди стали госуд. тяглецами? (Труды Рязан. Уч. Арх. Ком. 1897. XII, вып. I). Дьяконов. Ист. сельск. нас., оч. V. Рожков. Ж. М. Н. П. 1899. I. Лаппо-Данилевский. Разыскания, 85 сл.

[4]) Ключевский. Курс. III. стр. 217 сл.

лись испомещенными им слугами-рабами [1]). Такое первоначальное происхождение задворных и дворных людей, появляющихся еще гораздо раньше, чем думали, все-же—надо добавить — не противоречит выше изложенной теории относительно их характера в XVII веке.

В свою очередь и деловые люди [2]) или холопы, именуемые часто дворовыми, не могут быть отграничены от задворных людей; нередко термин «задворные» заменяется названием «деловые», упоминаются и «деловые задворные люди». Они живут в деревнях, платят оброки и отбывают барщину наравне с крестьянами [3]).

В своем стремлении всячески расширить тяглое население правительство привлекает задворных и деловых людей (поскольку последние имеют свои дворы), наравне с крестьянами и бобылями, к несению тягла, и тем самым все входившие в состав их полные и кабальные холопы несут подати. Это совершается, в особенности, со времени переписей 1677—78 г.г. и указа 1679 г., означающего окончательный переход к дворовому числу, ко взиманию тягла с двора, независимо от того, кто проживает в этих дворах. Только дворовые люди составляли еще исключение вплоть до Петра, когда и их было велено писать в сказках, и они были включены в оклад. Тем самым холопство (с введением подушной подати) исчезло, образовался единый институт крепостного крестьянства—подданных помещиков, включивший и поглотивший все прежние многообразные элементы [4]).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Крестьянская община.

Литература.

Чичерин. Обзор исторического развития сельской общины. (Опыты по ист. русск. права. 1858). Его-же. Еще о сельской общине. (Там-же). *Беляев.* Разбор сочин. Чичерина „Обзор истории развития сельской общины" (Русская Беседа. 1856. Кн. I и II). Его-же. Еще о сельской об-

---

[1]) Гейман. Несколько новых данных, касающ. задворных людей. (Сб. в честь Платонова. 1922).

[2]) Деловыми людьми впрочем именовались и свободные батраки—их не следует смешивать с рассматриваемыми здесь деловыми (холопами). См. стр. 96.

[3]) Дьяконов. Стр. 289. Против этого возражают Лаппо-Данилевский (стр. 85 сл.) и Н. А. Рожков (Ж. М. Н. П. 1899. I). Они находят, что известное различие между деловыми и задворными людьми существовало—первые жили на дворах господ (а не на собственных) и заменяли рабочих (Лаппо-Данилевский), в отличие от задворных людей, не платили оброка, а только отбывали барщину и получали месячину (Рожков). Но впоследствии во всяком случае произошло между ними слияние.

[4]) См. также Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 206 сл. Дебольский. Гражд. дееспособн. 115 сл. Лященский. К вопросу о несвоб. земледельч. насел. в Моск. госуд. (Труды Ярослав. Обл. с'езда. 1902. Стр. 132 сл.)

щине. (Там-же). *Соловьев.* „Спор о сельской общине". (Русский Вестник. 1856. Т. VI). *Куплевасский.* Состояние сельской общины в XVII в. 1877. *Keussler.* Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland. B. I — III. 1876 — 82. *Сергеевич.* Крестьянские права и общинное землевладение в Архангельской губернии. Ж. М. Ю. 1907. II. *Архангельский.* К вопросу о происхождении русской общины. (Сборн. ст. в честь Корсакова. 1913). *Соколовский.* Очерк истории сельской общины на севере России. 1877. Его-же. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей. 1878. *Ефименко.* Исследования народной жизни. 1884. *Богословский.* Земское самоуправление на русском севере в XVII ст. Т. I — II. 1909 — 1912. *Островская.* Земельный быт сельского населения русского севера. 1913. Статьи. *Иванова* в Трудах Археографич. Ком. Моск. Археолог. Общ. Т. I — II. *Ключков.* К вопросу о складниках. Ж. М. Н. П. 1901. XI. *Приклонский.* Народная жизнь на севере. 1884. *Лалош.* Сельская община в Олонецкой губ. Отеч. Зап. 1874. II. *Качоровский.* Русская община. 1906. *Кауфман.* Русская община в процессе ее зарождения и роста. 1908. *В. В.* Крестьянская община. (Итоги экономич. исследования России по данным земской статистики). *Tshuprow.* Die Feldgemeinschaft. 1902. См. также ук. в т. I (стр. 9 сл.) соч. *Павлова Сильванского, Владимирского-Буданова, Сергеевича.*

Как мы видели выше [1]), первоначально было много свободных земель, каждый селился, где ему угодно было, и занимал земли на большом пространстве, «куда топор, соха и коса ходили». Из этого можно усмотреть, что первоначально господствовало то вольное землепользование, тот вольный захват земли, который еще недавно наблюдался в Сибири и который является, повидимому, первой стадией в развитии землевладения, существующей до тех пор, пока имеется обилие свободной, никем не занятой, земли. Среди массы свободных земель всякий желающий выбирает себе приглянувшееся место, «занимает», захватывает его и устраивает на нем свою «заимку», никого не спрашивая и не нарушая ничьих прав. Он строит себе дом, хозяйственные постройки, огораживает «поскотину» — выпуск для скота, и разрабатывает под пашню и покос столько земли, сколько у него «хватает силы». Таким же порядком совершается захват и тогда, когда облюбованное место «занимает» не одна семья, а целая группа семей. Заимка мало-по-малу разрастается в более или менее значительный поселок, село или деревню. Каждый вновь образующийся двор захватывает под свое хозяйство оставшиеся еще свободными земли. Первоначально все эти заимки группируются по-близости от усадеб, по чем больше растет селение, тем больше район захватывается в сферу «занятий», причем небогатые дворы стараются держаться поближе к усадьбам, а более зажиточные, в погоне за целинами и за простором, занимают все более отдаленные урочища. Там ставятся избушки, образуются новые заимки, последние обращаются в более или менее

[1]) См. т. I, стр. 58 сл.

обособленные хутора, из которых в свою очередь разрасталоТся в новые селения. Но и тогда, когда заимка разрастается в селение, продолжают господствовать те же принципы — «расчисти и твое», «кто бере, тот и оре», «кто первый пришел с косой, тот и прав», владей, «куда топор, соха и коса ходят». К чему стеснять заимки, когда земли хватает всем?[1]). Как выяснил К. Р. Качоровский, эта система неограниченного захвата «не только типична для всей восточной и большей части западной Сибири и средней Азии, но встречается до сих пор в заметных размерах и по северной, восточной и южной окраинам Европейской России»[2]).

Еще Чичерин указывал, однако, на то, что из источников можно усмотреть право распоряжения землей, принадлежавшее крестьянам древней Руси—они свободно отчуждали свои участки[3]). В сущности, это признает и Беляев—крестьянин мог отдавать свой участок в заклад и продавать его, хотя он и старается ослабить это положение оговоркой, что «крестьянин продавал собственно не землю, а свое право на нее, которое составляло его собственность, земля же и по передаче другому оставалась общинною землею»[4]). И Павлов-Сильванский обращает внимание на то, что крестьяне древней волости владели своими пашнями и сенокосами как собственностью, продавали их, дарили, передавали по наследству. В этом он не усматривает противоречия с захватным владением, ибо и в Сибири заимка вела к установлению полной собственности[5]). Но действительно ли это так, можно ли говорить при этой захватной форме землепользования о превращении занятых участков в индивидуальную собственность? На первый взгляд право первого «занятия» совершенно совпадает с содержанием права собственности. Раз захватив землю, сибирский крестьянин считает себя и полновластным хозяином; он не допускает никого распахивать или косить входящую в сферу его заимки землю, хотя бы он сам еще вовсе не приступал к обработке ее. Достаточно «очертить» растущий на известном пространстве лес, достаточно распахать несколько полос, и все зачерченное пространство в первом случае, все пусто лежащие между этими полосами земли во втором случае становятся исключительным достоянием данного лица, как и заброшенная пашня остается в исключительном распоряжении первого заимщика. Мало того, крестьянин не только может косить свою землю, застроить ее или оставить без всякого употребления, но, в силу принадлежащего ему права распоряже-

[1]) Кауфман. Русская община. 1908. Стр. 239 сл. 245.
[2]) Качоровский. Русская община. Изд. 2-е, стр. 93 сл.
[3]) Чичерин. 21 сл., 100 сл.
[4]) Беляев. Крестьяне. 37 сл.
[5]) Павлов-Сильванский. 21 сл., 111 сл.

ния землею, продавать и сдавать землю в аренду, дарить ее и передавать по наследству, как по завещанию, так и в обычном порядке законного наследования. Если же на самом деле продажа имеет место лишь по отношению к застроенным или разработанным площадям, то это обусловливается тем, что при беспредельном просторе ни у кого нет желания приобретать не разработанные земли, он сам их может занять [1]).

И все же исследователи, изучавшие «живую историю общины» на примере Сибири и окраин Европейской России, не решаются говорить о господстве частной собственности на землю в эту эпоху. «Нет еще—по словам Качоровского—ни правовой идеализации факта владения, ни реализации правовых его оснований; в этот период семьи владеют не столько на определенных основаниях за это владение, сколько вследствие отсутствия оснований против него, так что, хотя владение протекает беспрепятственно, но именно только протекает, а не кристаллизуется в твердые правовые нормы» [2]). Как указывает Кауфман, «пока земельный простор во много раз превышал трудовую способность населения, последнее не ощущало надобности в регулировании ни землевладения, ни землепользования»; они отличались полною неопределенностью [3]). Что же такое, однако, чистый захват?—спрашивает он далее. Это владение общинное, но в то же время как будто и не общинное; оно носит все видимые признаки подворного владения, но в то же время это и не подворное владение. Как в зародыше в захвате есть признаки свойственные и общинному и подворному владению, как из зародыша, из него с течением времени может развиться и чисто подворное (т.-е. индивидуальное) и чисто общинное владение [4]). Как справедливо указывает Н. Г. Архангельский, только рассматривая захват как фактическое владение, как смешение индивидуалистических и общинных элементов, можно понять переход от него к общинным переделам. «Если бы, — говорит он — как допускает Павлов-Сильванский, захват создал в древней Руси настоящую мелкую крестьянскую земельную собственность, то переход ее в уравнительное землевладение, т. е. торжество общинного начала, было бы невозможно, ибо частная собственность означает победу индивидуального права над общественным» [5]).

На самом деле—как мы увидим ниже—весьма скоро община начинает свободно распоряжаться этими занятыми участками, следовательно, никакого права собственности вла-

---

[1]) Кауфман, 243 сл.
[2]) Качоровский, 99.
[3]) Кауфман, 244.
[4]) Кауфман, 266.
[5]) Архангельский. К вопросу о происхождении русской общины. Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. 1913. Стр. 347.

дельцев на эти земли не признает. Но существовала ли община уже в эту эпоху захватного землепользования? Не признавая наличности частной собственности на землю в эпоху свободных займок, Кауфман подчеркивает, что и о земельной общине еще говорить не приходится. Община как единица, распоряжающаяся землей, как регулирующая взаимные отношения между ее членами на почве пользования землей еще не может существовать—при беспредельном просторе ей нечего делать, она еще ни в чем не проявляет своего существования. Ее землеуравнительные функции начинают вырисовываться лишь с наступлением «утеснения», недостатка в земле, когда возникает потребность в урегулировании землепользования членов [1]). Но и он не отрицает того, что она уже действует в качестве податной единицы и судебной, разрешающей споры между крестьянами. Мало того, если и не в отношении землепользования, где она до поры до времени молчит, то как единица землевладения община уже теперь обнаруживает свою деятельность: «община, освоив известную территорию, резервирует, так сказать, пользование этой территорией исключительно своим членам: их она допускает, посторонних же она не допускает до «занятия» земли в черте освоенной ею территории» [2]). Качоровский обращает внимание на то, что община распоряжается и некоторыми участками земли—выморочными, недоимочными [3]).

В таком смысле мы находим общину и в древней Руси. Общиною—по словам Павлова-Сильванского—являлась древне-русская волость. В качестве административного органа фигурируют «староста» и «все крестьяне». Великий князь обращается к «старостам и всем христианом», которые составляют общину. Он просит их «не вступаться в монастырские земли и в пожни» Кириллова монастыря. Волость-община участвует в суде княжеских властей—наместники и тиуны не могут судить волостных людей иначе, как при участии сотских и «добрых людей». Ей принадлежит право раскладки и сбора податей. Наместнику и его подчиненным, тиунам и доводчикам воспрещено самим собирать в волостях свои «кормы» и «поборы»—они получают эти сборы от сотских в городе. На волости же лежит обязанность производить следствие по уголовным делам; она обязана выдать «душегубца» (убийцу), в противном случае платит «вину» или «виру» [4]). Такой характер имела—как мы видели выше—вервь «Русской Правды». Община-волость (или погост) владеет лесами, водами и всякими иными угодьями. В рядной грамоте XV в. о продаже

[1]) Кауфман. 265 сл.
[2]) Там же, 263.
[3]) Качоровский. 137 сл.
[4]) Павлов-Сильванский. III. 18 сл., 43 сл., 50 сл., 57 сл. 88.

Шенкурского погоста перечисляются владения этого погоста-волости: «а что Шенкурского погоста и земли, и воды, и лесы, и лесы лешние, и реки, и лешние реки, и мхи, и озера и соколья гнезда»[1]). Игумен Кирилловского монастыря, приобретя деревню в волости Угле, жалуется великому князю Михаилу Андреевичу, что эта деревня не имеет своего леса и великий князь разрешает этой деревне пользоваться лесом, принадлежащим волости, к которой она относится (пол. XV ст.): «где будет поблизьку их лес деревни, и яз велел ему сечи дрова, и жердье, и бревенье на хоромы, и вы бы ему за то не стояли»— приказывает он волости[2]).

Община распоряжается и бесхозяйными, выморочными дворами, пашнями, сенокосами, как и запустевшими и покинутыми участками со всеми их угодьями, нередко сажает в покинутые места новых крестьян. «И та, господине, деревня стояла пуста лет с двадцать, и хоромы, господине, развалялись, да и погнили, только с той деревни одно избищо осталось»— читаем в правой грамоте 1529 г., в которой приводится и более ранняя грамота 1498 г. Община отводит эту пустошь одному их своих сочленов: «и мы, господине, ныне на том поле той деревни Дубровки на Деревнищах посадили Данилка Гаврилова, сына Кухмырева, где преже отец его живал»[3]). Община дает свои земли и посторонним лицам, призывает на свои земли и новых поселенцев. «А мне, господине, тот лес дала волость, староста с крестьяны, и я избу поставил»[4]). Участки сдаются с уплатой найма в мирской столец: «тот Гридка наимывал то селище Лаптевское... а клал есми, господине, всей братье на столец, с того селища Лаптевского»[5]). Новым поселенцам дается льгота, с тем, чтобы по истечении известного времени они тянули тягло наравне с прочими. «А дал господине ему ту зимницу об'езд на льготу на десять лет, яз, Васюк Воротилов (сотский), поговоря со своею братьею и со всею волостью Гороховскою»[6]). Тавренская волость Ильинского прихода дает Сидору Демидову сыну пустого жеребия земли в Семеновской деревне двенадцатую долю обежную на льготу на два года; в те ему льготные в два года ни которых государевых податей не давать, ни дани, ни оброку, ни мирских разрубов... А отдали ему с путики и с ловищи и со всем угодием, куды ходил топор и соха и коса и что к тому жеребью изстари потягло. И Сидору на том жеребии двор поставить и землю распахать и огороды огородить и впусте не покинуть»[7]).

[1]) См. выше. А. Ю. № 257.
[2]) Р. И. Б. II. № 27.
[3]) Сборн. Лихачева. 168.
[4]) А. Ю. № 6.
[5]) Акты гражд. распр. Федотова-Чеховского. I. № 30.
[6]) Сборн. Лихачева. 169.
[7]) А. Ю. № 175.

Община меняется землей с соседями, покупает и выкупает землю. Масленской волости староста и целовальники и все крестьяне променили деревню пустую Дудурмехово за деревню пустую Дыляйцово [1]). Князь Михаил Андреевич (в XV ст.) разрешает волости выкупить землю, пожертвованную Кирилло-Белозерскому монастырю: «и яз пожаловал заболотцьких христьан, ослободил есми ту пожню выкупити. И Заболотцькие христиане дадуть в Кирилов монастырь игумену Касьану с братьею полтину новгородскую за сорокоуст. А пожню возмут к волости, да владеют тои пожнею христиане» [2]).

«Наконец—как указывает И. Д. Беляев—община не только раздавала участки своих земель крестьянам, но и защищала свои земли от присвоения их посторонними людьми или ведомствами, подавала челобитные судьям или государю, тягалась за свои земли на суде» [3]). В правой грамоте 1490 г. упоминается, что «тягался Андрейко староста Залесской и все крестьяне». «Так рек Андрейко: те, господине, изволоки тянут к нашей земле, к овсянниковской, к тяглой к черной изстарины». В другом судном списке конца XV ст. говорится, что тягался тот же Ондрейко с тем же Троицко-Сергиевым монастырем, протестуя против захвата земли игуменом этого монастыря: «жалоба нам, господине, на того старца на Касьяна, отнял у нас, господине, ту пустошь Тевликовскую: а та пустошь наша тяглая, черная, волостная» [4]). В конце XV ст. крестьяне волости Волочек-Славинский пред'явили к Кирилло-Белозерскому монастырю требование о возвращении им семи деревень, судьи признали право волости только на две деревни, но за давностью владения—прошло уже семьдесят лет—и они были оставлены за монастырем [5]). И другие грамоты свидетельствуют о поземельных спорах; староста с миром отстаивает интересы волости, участвует в размежевании, ведет ожесточенную борьбу с соседними вотчинниками. И не с одними монастырями [6]), но и с боярами и с иными светскими вотчинниками. Три крестьянина Ликурской волости, выступавшие на суде от имени всей волости («во всех крестьян место Ликурские волости») заявляли, что «волость запустела от великого повetрия, а те, господине, деревни и пустоши волостные разоймали бояре и митрополиты не ведаем, которые, за себя тому лет сорок». И требовали возвращения захваченных у волости земель. Волость-община существовала, следо-

[1]) А. Ю. № 151.
[2]) А. Ю. № 121. Ак. Кирилло-Белоз. мон. Дебольского. А. № 124.
[3]) Беляев. «Русская Беседа». 1856. I. 112.
[4]) А. Ю. № 4. Акты Федотова-Чеховского. №№ 15, 34.
[5]) Ак. Кирилло-Белоз. мон. №№ 16, 21, 23.
[6]) Ср. Угличск. ак. Шумакова. №№ XXIII, LXVI и др.

вательно, уже в середине XV ст. [1]). Точно также от имени всей Лоскомской волости тягался староста ее Оброско Кузмин с приказщиком мелкого вотчинника Злобы, требуя возвращения волости купленных отцом Злобы в 1478 г. у двух крестьян волости пустошей. «Живет, господине, у нас в великого князя деревнях в черных, а называет те деревни государя своего отчиною Ивановою Злобина, а не ведаем почему» [2]) [3]).

Получается полная аналогия с сибирской общиной: податная и судебная деятельность общины, административные функции, распоряжение бесхозяйными и пустопорожними землями, наконец, «резервирование пользования территорией для своих членов». И тут и там община «не допускает посторонних лиц до занятия в черте освоенной ею территории», борется за последнюю, отстаивает свои права на нее.

Но община существовала не на одних лишь черных землях; мы находим ее и у нас и на западе и в частновладельческих поместьях [4]). И здесь, наряду с господским приказчиком, посельским, имеются и выборные представители общины—староста, целовальник, сотник; мир участвует в решении волостных дел. Соловецкий игумен обращается в 1564 г. «в волость нашу в Суму старосте и целовальником и всем волощаном и хрестьяном деревенским». «Как лучится у вас розруб в волости, и вы б выбрали в Суме из больших из лутчих людей два человека, а из середних людей два человека, а из менших людей два человека, а из казаков два человека, да те бы восмь человек сидели у вас в окладе и окладывали земских людей и казаков в Божию правду кого чем пригоже, кто чего достоин, другу бы не дружили и недругу не мстили» [5]). То же говорится в грамоте Троицко-Сергиева монастыря (ок. 1580 г.)—речь идет о старосте и всех крестьянах [6]); от великого князя «старостам и десятским и всем крестьяном» (1534) [7]); в Белозерский уезд, «князем и детем боярским, вотчинником и помесчиком и всем служилым людем, и старостам, сотцким, и десятцким и всем крестьяном» (1539). «Моим великого князя, и митрополичим, и владычним, княжим и боярским и помесчиковым и мона-

---

[1]) А. Ю. № 8.

[2]) Там же. № 9. См. также А. Ю. быта. I. № 35. Сборн. Лихачева. № XV. Акты гражд. распр. № 19.

[3]) Об указанной деятельности волости см. Беляев. Крестьяне на Руси. 45 сл. Чичерин. Опыты. 19, 97, 106. Соколовский. Экономич. быт земледелец. и колониз. 127 сл. Павлов-Сильванский. 23 сл., 59 сл., 64. Лаппо-Данилевский. Разряды крест. насел. 28. Дебольский. Дееспособность, 296 сл. 300. Владимирский-Буданов. 4 изд. 554 сл.

[4]) См. Беляев, 46, 67 сл. Павлов-Сильванский, 228 сл. Лаппо-Данилевский, 149 сл.

[5]) А. А. Э. I. № 268.

[6]) Там же I. № 307.

[7]) Там же. I. № 180.

стырским и черным» [1]). Крестьяне княжеского села Шишина обращаются с иском к крестьянам села Вежского, принадлежавшего Симоновскому монастырю, к 63 крестьянам, в числе которых они на первом месте называют их сотника и старого сотника (1540 г.); тяжбу ведут, следовательно, две волости владельческие [2]). В розъезжей грамоте 1555 г. упоминается староста Кириллова монастыря Сиземские волости [3]), в другой—Павлова монастыря Инякеварского села староста Тонкой Карпов сын [4]). Великий князь жалует 1544 г. дворцового села Андреевского «сельчан и деревенщиков, пашенных и оброчных, старосту и всех крестьян»; «а без старосты ему (посельскому) и без лутчих людей—сказано в уставной грамоте старосте и всем крестьянам—суда не судити» [5]). Церковные деньги хранятся «в волости у человека добра» за тремя печатями—«тиунова, священникова, да волостная» [6]). Наконец, наряду с известиями о старостах и крестьянах существование мира на владельческой земле—как указывает Павлов-Сильванский—подтверждается известиями об угодьях и пашнях, принадлежащих не отдельным деревням, а всей волости («деревня Островит пуста, пашет ее волость наездом», «а пашут их также Смерда всею волостью»)—волость и здесь распоряжается запустевшими участками, поскольку, конечно, господин не присоединял их к своей запашке [7]).

Если—по словам Качоровского—уже в первый период (в Сибири) общинное право в общем скрытое, иногда, однако, уже там и сям более или менее явственно выступает или, по крайней мере, просвечивает сквозь оболочку лично-захватного владения [8]),—то все же—это необходимо подчеркнуть—эта земельная община еще отнюдь не община, построенная на тех уравнительных переделах, которые появляются впоследствии и которые мы можем наблюдать и в Европейской России в XIX веке. Для того, чтобы первоначальная община приняла такой характер, необходим—как показывает история сибирской общины—длительный процесс развития. Он ведет постепенно к различным формам уравнительного пользования землей, среди которых наиболее совершенную представляет собой система периодически производимых переделов.

Исходную точку в этом постепенном переходе к различным способам уравнения прав на землю составляет самая система

---

[1]) А. А. Э. I. № 187.
[2]) Ак. гражд. распр. № 53.
[3]) А. Ю. № 151.
[4]) Там же. № 152.
[5]) А. А. Э. I. № 201.
[6]) Там же. I. № 268.
[7]) Павлов-Сильванский. 239.
[8]) Качоровский. 131.

вольных заимок, при которой распределение земель по общему правилу не может быть равномерным: каждый хозяин захватывает такое количество пахотных и сенокосных земель, с каким он в силах совладать, так что богатый хозяин, имеющий много лошадей и нанимающий рабочих, может занять во много раз больше земли, чем бедняк, который, за отсутствием рабочей силы, почти лишен возможности осуществить свое право на заимку. Но жалобы бедноты на такую неравномерность остаются безрезультатными, ибо на это отвечают, что земли сколько угодно и всякий может приложить свой труд. Однако, таково положение лишь до тех пор, пока не наступает сокращение земельного простора, не обнаруживается то, что именуется «утеснением», нужда в земельных угодьях. Нужда в земле вовсе не вызывается одним лишь сокращением площади свободных для обработки удобных земель; значительный, даже почти безпредельный, простор земель вполне совместим с земельной нуждой. Последнюю—объясняет М. А. Кроль—следует понимать не абсолютно, а относительно, необходимо исходить из соотношения между наличными запасами того или иного угодья и потребностью в нем, обусловливаемою степенью развития земледелия и скотоводства [1]). А это утеснение является основным двигателем в эволюции форм землепользования.

Прежде всего, появляются ограничения захвата, притом первоначально лишь в отношении тех видов угодий, которых начинает уже не хватать для новых заимок. Отрицается захват чисто-символический—в степи постановка знака, в лесу—зарубки на деревьях, занятие угодий, просто только близких к заимке. Захват признается лишь с начала обработки, а в дальнейшем лишь со времени полной распашки земли или расчистки леса. Если «зачертивший» лес не приступает к рубке его, то расчистка таких лесов становится свободной для всех. Сначала ему ставится 10—15-летний срок, который затем сокращается до 5-ти и 3-х лет. И, наконец, исчезает всякий срок, на зачерчивание вообще не обращают внимания—другой смело заезжает в чужой «чертеж». То же происходит постепенно и с залежами. Продолжительное оставление земли без обработки рассматривается как доказательство того, что хозяин отказался от своих прав на нее. И тут устанавливаются сроки, начиная с 20 лет и до 3-х, и в конце концов лишь только крестьянин забросил свою пашню, как она тотчас же становится общим достоянием. Одновременно с этим община постепенно стесняет отдельных лиц в их неограниченном прежде праве на отчуждение земли, допуская продажу ее лишь с согласия общества и игнорируя прочие сделки, как незаконные, так что здесь общинное начало уже выступает с полной ясностью.

---

[1]) М. А. Кроль в Матер. исследов. Забайкальск. обл. X. 245 сл.

Каждый крестьянин имеет одинаковое с другими право на всякий клочок невозделанных в данное время земель. Мир вмешивается, если кто-нибудь вздумает, по старой памяти, продать свою землю, миру жалуются те, кого не пускают распахивать свободные залежи. Вырабатываются впервые принципы общинного землепользования, устанавливается влияние общины и в области владения и распоряжения землей [1]).

Но за этими первыми ограничениями захватного землевладения следуют вскоре дальнейшие шаги, ибо земельное утеснение растет и наступает момент, когда все лучшие земли разобраны и доступны для свободного захвата лишь худшие и истощенные. Тогда землепользование принимает форму отводов. Сначала община распоряжается только выморочными пашнями, отводя их, по своему усмотрению, в пожизненное пользование или на неопределенное время и предупреждая, таким образом, дальнейшее усиление неравномерности. Но раз только обычай признал это право общины, хотя бы в отношении только пустующих земель, он неизбежно с течением времени распространяет это право на все земли без изъятия, как свободные, так и занятые; таким путем создаются отводы-отрезки, носящие уже характер частного поравнения. Первоначально отводы-отрезки происходят только там, где имеется налицо, «с одной стороны, особенно острая нужда в данном участке, за невозможностью найти подходящий свободный участок для того, кому отводят, и с другой, сравнительная ненужность этого участка фактическому его владельцу». Делаются отрезки лишь по просьбе отдельных хозяев, производятся беспорядочно, на глазомер, отнимая излишки у тех, кто захватил слишком много. Но эти единичные и нерешительные попытки постепенно учащаются, люка, наконец, отрезки не приурочиваются к одному моменту, не производятся на основании одного общественного приговора и не распространяются на всех членов общины, ибо приходится уже прибегнуть к равномерным отрезкам от участков всех членов [2]).

Это есть уже общее поравнение, зачаточная форма общинных переделов. Эти поравнения еще представляют собою скорее неопределенное—по выражению Качоровского—перераспределительное брожение, чем правильно функционирующий передельный механизм. Уравнительность преследуется пока лишь грубо-приблизительная, перемерки полей не происходит. В передел поступает нередко лишь часть земель, иногда только ближайшие участки, совершаются переделы часто не целых «миром», а лишь небольшой группой хозяев. Переделы являются результатом ряда частных соглашений, сопровождаются

[1]) Качоровский. 142 сл. Кауфман. 298 сл., 303.
[2]) Качоровский. 153 сл. Кауфман. 308 сл., 320 сл.

ожесточенной борьбой. Не назначается и срока новых переделов, благодаря чему каждому новому переделу предшествует новая борьба, иногда же соглашение не достигается и новый передел не производится. Но именно в этом хаотическом процессе—как подчеркивает Качоровский—«проявляется с особенной яркостью то, что переделы медленно и самопроизвольно вырастают из внутри—общинной борьбы за землю, а отнюдь не приносятся сверху законодательно-административными влияниями». Общие переделы, правильные, периодически производимые всем миром на определенных установленных основаниях, построенные на принципе всеобщего равенства, составляют заключительный фазис этого продолжительного процесса перехода от захватного к общинно-уравнительному землепользованию [1]).

В то время, как наши окраины дают нам такую историю «живой общины», записанную очевидцами, историю постепенного возникновения общинных переделов, для внутренней России проследить этот процесс несравненно труднее, ибо он строится исключительно на документальном материале, почему—как указывает А. А. Кауфман—остаются неизвестными те факты, которые не оставили документального следа. Между тем, «при мирном спокойном течении эволюции форм крестьянского землепользования отдельные моменты этой эволюции не оставляют документальных следов,—и эти последние возникают лишь тогда, когда явились затруднения или недоразумения, требующие вмешательства правительственной власти» [2]).

Впрочем, некоторые указания на то, как происходила эта эволюция форм землепользования, мы все таки имеем, и они свидетельствуют о том, что она могла, во всяком случае, совершиться тем же путем, как это мы наблюдаем в Сибири и на окраинах Европейской России. И здесь свободный захват мог иметь место лишь до тех пор, пока в той или другой местности имелось обилие свободной плодородной земли. Но уже рано при наличности земельного простора в абсолютном смысле все же удобные земли, находящиеся вблизи, оказывались уже занятыми и оставались лишь земли негодные для обработки или требовавшие большой затраты труда на их предварительную расчистку. В этом случае наступали и здесь ограничения захватного землепользования, совершались те самые отводы земли, какие мы наблюдаем в Сибири. Так в белозерских областях уже в XV ст. свободные земли могут быть заняты лишь с разрешения волостной общины: свободные участки леса крестьянам «дает волость, староста со крестьяны» [3]).

---

[1]) Качоровский. 233 сл. Большаков. Община у зырян. 77.
[2]) Кауфман. 435 сл.
[3]) Павлов-Сильванский. 111, 120.

От XVI ст. дошли до нас и сведения о переделах. В 1511 г. митрополит приказывает Юрию Миленицкому: «и ты б в те села с архимандритом Матвеем ехал, да землю б есть во всех трех полях примерил, да дал бы еси христианам во всех трех полях по пять десятин». Он исходит из недостатка земли, последним и вызываются уравнительные разверстки (прибавлено «а будет земли обильно и кому будет земли надобно более того» и т. д.). В платежной книге дворцового села Едимоновского 1588 г. говорится: «а землями и луги и лесом и всякими угодьи верстатися крестьяном меж себя самым полосами или десятинами на каждую выть поровну... а на пустые выти приказчику и старостам и целовальникам и всем крестьянам называти жильцов на льготу». И в других местах сельское общество всем миром производит развытку земель между крестьянами, а вместе с тем и разверстку государственных податей, при чем хозяйственной и податной единицей была выть, заключавшая в себе различное количество земель, шесть, семь или восемь десятин, смотря по качеству почвы [1]). К XVII ст. относится челобитная священника дворцового села Шаморги, Шацкого уезда (нынешней Тамбовской губ.), в которой он сообщает о том, что крестьяне этого села «промеж себя пашню делят почасту» и жалуется, что они ему, «попу Ивану, дают пашню худую на толоках и в мере меньши» [2]).

Но верстание земель производилось не только в дворцовых и монастырских селах, но и в боярских вотчинах. Так, приказчик боярина Морозова жалуется боярину на то, что когда крестьянин Мишка Козел просил «поверстать его в земле против своей братьи в усадьбе и в поле», то выборный Игнашка с товарищами поверстать в земле не дали, отводят ему землю видимо худшую, а сказывают ему: «ты паши там, где навозил, а что нажил, и ты с нами подели, так мы тебя ровно и приверстаем». К этому приказчик прибавляет, что он измерял землю и верстал, но тот же Игнашка с товарищами своровали пустой осмак (одна восьмая выти), поделили его между собою и засеяли, но он открыл это и осмак у них отнял [3]). В актах посада Шуи конца XVII ст. сообщается мирской приговор посадских людей: «приговорили мы на сходке в земской избе разделить по росписи пахотную землю во всех трех полях по своим тяглам впредь на 10 лет»; никто не смеет отдать своего участка постороннему человеку ни на один год, ни на одно лето, если же отдаст, то теряет свой участок, который отбирается в мир [4]).

[1]) Куплевасский. Состояние сельской общины в XVII в. 1877. стр. 10 сл.
[2]) Арх. истор. и практич. сведен. Калачова. 1859, кн. III, стр. 53. (Рецензия Калачова на соч. Чичерина).
[3]) Забелин. II. 473.
[4]) Борисов. Акты о разделах, променах и переделах земли в XVII и XVIII ст. Чт. Общ. Ист. и Др. 1860. III. Соловьев. Истор. Рос. XIII. 702.

Любопытно и сообщение приказчика Верхоруцкой волости, Белевского уезда 1649 г., что «тое землю крестьяне для своего верстания сами меж себя мерили в дву полях, а в третьем поле не мерили... в третьем поле измеряют и владеют они крестьяне теми же старыми розсчистными землями попрежнему, кто чем владели преж того без разделу» [1]). Подобно тому, как на окраинах—как мы видели—далеко не все земли и не сразу поступали в передел, так и здесь вновь расчищенные земли еще не подвергаются разверстанию.

Вопрос о возникновении русской общины и характере ее в различные эпохи принадлежит к числу наиболее спорных в русской исторической науке. Возникла ли та русская община, которую мы находим в XIX веке, как результат естественного роста предшествующих форм землевладения и землепользования, или же, «утративши непосредственную генетическую связь с ними, создалась под влиянием какихнибудь внешних посторонних процессов»? Исходя из той поземельной общины, которая существовала на наших глазах и которая характеризовалась уравнительно-душевым пользованием землею, старались выяснить, является ли она исконной формой нашего быта, а если нет, то что ей предшествовало и каким образом возникла земельная община, построенная на периодических переделах земли.

Беляев, рассматривающий крестьянскую общину как «исконное русское учреждение», исходит из существования первоначальной родовой общины, которая однако, уступила место договорной еще задолго до прибытия варяжских дружин. Эта договорная община не только была административно-судебной и податной единицей, но и имела право распоряжения землей; уже рано «в средневековой России», производились и переделы земли [2]). Родовую общину, превратившуюся в гражданскую, находит и Соловьев, причем он полагает, что уже в древнейшую эпоху существовали общинные переделы, и объясняет их обилием земли, вследствие которого земля теряла свою ценность; образовался взгляд на нее, как на общее достояние, а благодаря этому, всякое изменение в земельных участках было делом весьма легким [3]). Здесь еще гораздо более, чем у Беляева, исчезает всякая эволюция общины, община сохраняется в неизменности и неприкосновенности в течение тысячелетия. И Владимирский-Буданов присоединяется к предположению о происхождении общины из родовых союзов. Однако, утверждая, что почти единогласное мнение господствует о древнейшем доисторическом бытии общины и, что «существование общинного землевладения в Московской Руси XIV — XVII ст. не подвергается сомнению никем (или почти никем)», Владимирский-Буданов, указывает на неясность того, связана ли община Московской эпохи генетически с первобытной (родовой или территориальной)

[1]) Лаппо-Данилевский. Организ. прямого обложения, 77.

[2]) Беляев. «Русская Беседа». (Разбор соч. Чичерина). 1856: Кн: I и II. Крестьяне на Руси. 1860 г.

[3]) Соловьев. Спор о сельской общине. «Русский Вестник» 1856. Т. VI.

общиной и какие стадии прошла древнейшая община прежде, чем превратилась в известную нам по документам волостную общину XVI—XVII ст. [1]) Наконец, и Соколовский полагает, что наблюдаемая в XV ст. община составляет остаток глубокой старины и что вся земля принадлежала общине, роль которой заключалась в наиболее равномерном распределении земли по дворам, пропорционально силам каждого двора [2]). К сожалению, здесь, как и у других авторов, недостаточно разграничивается земельная община от административной и община, располагающая свободными бесхозяйными землями, от общины, производящей частные или общие переделы земли.

Как указано выше, есть основание утверждать, что вервь основывалась на началах родства, быть может, она имела и отношение к земле; некоторые постановления «Русской Правды» указывают на проводимое там различие между движимым имуществом, составлявшим личную собственность, и недвижимостью, которая, повидимому, не являлась таковой, [3]) хотя, конечно, это лишь предположения. Возможно, что из верви выросла община XIV—XV ст. которая, как мы видели, не ограничивалась судебными и податными функциями, а владела также угодиями, распоряжалась выморочными и пустопорожними землями, призывала новых поселенцев, отстаивала свою территорию от захвата другими лицами. Но уравнительных переделов она еще не производила, земли было слишком много; только со времени земельного «утеснения» они могли появиться на свет. Это, повидимому, в настоящее время является уже общепризнанным. От старого учения, что община уже в древнейшие времена заботилась об уравнительном пользовании землей приходится отказаться. Древнейшие известия, касающиеся переделов восходят к началу XVI ст., но и в это время они могли иметь место лишь в сравнительно более заселенной центральной России. Павлов-Сильванский допускает существование уравнительных переделов в XV ст. в Московском княжестве, зачатки их даже в XIV ст., но не раньше — «общинно-уравнительного землепользования, конечно, не было в Киевской верви XIV ст.» [4]).

Передел земли — справедливо указывает Чичерин — может установиться только тогда, когда земли становится мало, а люди не могут уходить с места и искать новых поселений. Но в то время... земли было вдоволь, люди же не только уходили с места, но постоянно переходили с места на место. Как же тут образоваться переделу?» Из этого, казалось бы, следует, что при определенных условиях, с сокращением свободных удобных земель и с ростом населения, переделы должны были необходимо возникнуть, как следующая стадия в эволюции общины. Между тем Чичерин утверждает, что современная ему русская община «не образовалась сама собою из естественного союза

[1]) Владимирский-Буданов. Обзор. 4 изд. 685 сл.

[2]) Соколовский. Очерк истории сельской общины на севере России. 1877, особ. 80 сл. его же. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей. 1878, 123 сл., 133 сл., 155 сл.

[3]) См. т. I, стр. 15 сл.

[4]) Павлов-Сильванский, 125.

людей, а устроена правительством под непосредственным влиянием государственных начал». Он признает правда, что форма общинного быта изменилась, что первоначально существовала патриархальная община, затем владельческая, и, наконец, государственная. Однако, вторая и третья формы были результатом внешнего воздействия, а не последствием предыдущего развития и изменения окружающих условий. Подобно своим противникам, и Чичерин исходит из родовой патриархальной общины, существовавшей в незапамятные времена, но указывает на то, что прежняя родовая связь уже рано исчезла. Новая община, которую мы находим в Московском государстве, «не была уже союзом лиц, соединенных естественным происхождением и общими патриархальными интересами; это был союз лиц, соединенных общими повинностями в пользу землевладельца»; при отсутствии этой финансовой цели община распалась бы на отдельных лиц, ничем не связанных между собою. Впрочем он не может не признать того, что имело место и «участие общин в поземельном владении», в виде раздачи пустопорожних или запустелых участков. Что же касается судебных и административных функций, то они находились в руках княжеских слуг, наместников и волостелей. Только московские государи предоставили выборным от общин участие в суде и управлении. Наконец, «из поземельной и владельческой, община сделалась сословною и государственною, это был уже союз людей, соединенных общими постоянными обязанностями к государству». Она возникает с XVII века и находится в связи главным образом с разложением податей на души. Подушная подать привела к переделу земель по душам, следствием подушной подати явилось и ограничение права распоряжения землей, причем запрещение отчуждать участки проводилось лишь постольку, поскольку этого требовала казенная надобность [1]).

К Чичерину примыкает Сергеевич. Правда он отрицает существование как патриархальной, так и владельческой общины, но в коренном пункте относительно возникновения известной XIX веку общины он признает мнение Чичерина вполне правильным. И в этом вопросе Сергеевич отчасти расходится с Чичериным в том смысле, что зарождение общины он относит не к концу XVI ст. (как Чичерин), а к XV и даже к концу XIV ст. и что он признает наличность общинных земель и угодий и раздачу их крестьянам, борьбу общин за сохранение своих территорий и т. д., т. е. все то, на что указывал еще Беляев и что подтверждается приведенными выше данными. Но только — в этом заключается вся суть — возникло все это впервые в конфискованных волостях и волею московских государей. Исходя из сведений, сообщаемых новгородскими писцовыми книгами, Сергеевич утверждает, что там общины не было и, что московские князья предоставляли конфискованные ими в Новгороде (в 1480 г.) земли в оброчное пользование крестьян и на них возникало владение крестьянских

[1]) Чичерин. Обзор исторического развития сельской общины в России. Опыты. 6, 19, 23 сл., 26, 32, 43 сл., 50, 57. Еще о сельской общине. Опыты. 98 сл., 108, 113.

общин, о котором крестьяне выражались так: «земля царя и великого князя, а нашего владения». [1]) Однако — как указывает Владимирский-Буданов, — если исходить из того, что конфискация земель создала общину, то ведь конфискации имели место и в домосковский период, если же в новгородских писцовых книгах нет следов общины, то это объясняется не отсутствием ее, а тем, что они тогда незаметны были, теперь же с конфискацией земель, выступили наружу. Иначе — прибавляет он — образование общинного землевладения составляло бы решительную загадку; если бы его раньше не было, то отдельные крестьяне, получавшие землю на оброк, продолжали бы владеть ею на частном праве [2]). И Павлов-Сильванский обращает внимание на то, что переход к общинному самоуправлению на землях, взятых у Новгородских монастырей и бояр, был несложен и нетруден потому, что община существовала и раньше на владельческих землях с большей или меньшей самостоятельностью. Община лишь возродилась, она лежала под верхним слоем господской власти, но не могла возникнуть из ничего. «Реформы такого рода в таком крупном масштабе коренного перелома в социальном устройстве» были совершенно не под силу для правительства того времени, «которое в социальном законодательстве было в рабской зависимости от обычных учреждений». [3])

На точке зрения Чичерина стоят и другие авторы. Так П. Н. Милюков усматривает в русской общине «поздний и в разных местностях разновременный продукт владельческого и правительственного влияния», что не мешает ей отражать на себе примитивный характер экономического быта, среди которого она возникла. Община в своей первоначальной форме есть тяглая община, «хозяйственная же община нашего времени впервые появляется в пределах частного, и притом более или менее крупного, хозяйства». На первом плане у правительства стояли фискальные соображения, ибо свободная собственность не могла обеспечить ему исправного платежа податей. Наряду с различными моментами экономического характера, «уравнение повинностей являлось главной целью, а равномерное наделение — испытанным средством, лучше всего приводившим к цели». [4]) По мнению Кейсслера, хотя община, распоряжавшаяся свободными землями, существовала уже раньше, но лишь прикрепление к земле в связи с подушной податью и круговой порукой вызвало к жизни общинные переделы, ибо при низкой ценности земли многоземельному крестьянину во многих случаях было выгодно отказаться от части земли и уступить ее другому, имевшему мало земли, повышая тем самым его платежеспособность и освобождаясь от опасности платить за него подать. Так происходило уравнение владений. Для правительства же было гораздо удобнее, чем иметь дело с отдельными крестьянами, передать землю всей общине

[1]) Сергеевич. III. 25 сл., 30 сл., 362, 411, 423, 488.
[2]) Владимирский-Буданов. 687 сл., 692.
[3]) Павлов-Сильванский. 240.
[4]) Милюков. Ист. русск. культуры, т. I, 6 изд. 255 сл., 276 сл.

и давление правительства сыграло известную роль [1]). Г-жа Ефименко, открывшая северно-русскую долевую деревню, допускает возможность возникновения из последней как подворного, так и общинного землевладения. В центре России земельная община являлась продуктом естественного разложения долевой организации, хотя и тут имело место известное воздействие помещиков и правительства. На окраинах же, северной и южной, община явилась результатом административных распоряжений. Долевая деревня превратилась в подворную, но правительство как бы «декретами конвента» насадило общинное землевладение с уравнительными переделами [2]).

Как можно заметить из изложенного, всех этих последователей Чичерина, в отличие от Сергеевича и некоторых других ранее приведенных авторов (сторонников Беляева), интересует не вопрос о возникновении общины в качестве административно-судебной единицы и органа, распоряжающегося свободными землями, а проблема появления общины, которой принадлежит земля и которая распределяет ее между членами на началах уравнительности. Речь идет, следовательно, не об общине XIV — XV ст., а об общине более позднего времени, когда обнаружился недостаток в земле. В то же время приведенные авторы признают, наряду с правительственным вмешательством, и другие моменты, как создавшие общину с уравнительными переделами, но на первый план все же выдвигают внешнее воздействие, правительственные мероприятия.

Можно ли, однако, согласиться с мнением тех авторов, которые утверждают, что общинные переделы возникли под давлением правительства? Исследователи истории «живой общины», общины, создавшейся на их глазах на окраинах, где также издавались правительственные распоряжения об установлении переделов, отказываются признать за ними сколько-нибудь существенное значение. Они обращают внимание на то, что «воздействие администрации отражается только на темпе эволюции». Циркуляры «лишь вызывают в действие накопившуюся уже совершенно независимо от них энергию, бывшую до того в потенциальном состоянии» [3]). Распоряжения начальства «являются последним толчком к осуществлению давно назревшей потребности в поравнении и тогда, сыграв скромную роль этого толчка, начальственное предписание перестает иметь какое бы то ни было значение: жизнь общины продолжает итти своим путем» [4]). Требование правительства осуществлялось там, где среди достаточно многочисленной и влиятельной группы членов общины выработалось мировоззрение, что

---

[1]) Joh. v. Keussler. Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland. 1876. 1887. B. I. p. 38 sqq. B. IV. p. 33 sqq. Его же «Mir». Handwört. der Staatswiss. 1. Aufl. B. IV. p. 1185 sqq.

[2]) Ефименко. Исслед. нар. жизни. 1884.

[3]) Качоровский. 160. 238 сл.

[4]) Кроль. 178. 188.

вся земля принадлежит миру, что мир имеет право разделить ее, как ему угодно [1]). И всякие приказания оставались мертвой буквой, когда община не доразвилась до известной ступени, так сказать, предусмотренной законами эволюции, когда нужда в земле была еще недостаточно остра [2]).

История сибирской общины свидетельствует о том, что если в одних случаях администрация добивалась своей цели, то бывали явления противоположного свойства, когда волость постановляла приговор о переделе, но он оставался на бумаге и сохранялись прежние формы свободного землепользования или когда, несмотря на все настоянія начальства, вовсе не состоялось приговора о переделе, или когда следы искусственно введенного землепользования очень скоро стирались и на место уравнительного вновь водворялось захватное пользование. Распоряженія иногда вызывали к жизни действительно первые переделы, нередко же под влиянием их происходили вторые, третьи, четвертые переделы, иными словами душевая форма существовала уже десятки, если не сотни лет без всякого внешнего воздействия. Исключение составляют такие факты, когда захватное пользование, под влиянием распоряжений администрации, было разом заменено переделом на души всех угодий. Напротив, по общему правилу процесс эволюции землепользования совершался не резкими скачками, а медленно и постепенно—сначала появлялись ограничения захватного землепользования, а затем отводы и частные поравнения, далее общее поравнение и за ним лишь следовали точные и совершенные формы уравнительного передела земель. «В этом естественном процессе нет такого перерыва, в котором могло бы поместиться административное воздействие, не в качестве случайного помогающего или ускоряющего момента, а в качестве органического творческого фактора, с другой же стороны переход с одной ступени на другую совершается так просто и естественно, что для объяснения его нет и надобности вводить такой искусственный фактор, как административное давление» [3]).

После этого теория искусственного, принудительного насаждения уравнительной общины, очевидно, в сильной степени теряет почву под ногами. В частности (как мы видели), Чичерин и Милюков придают первенствующее значение фискальному моменту—первый введению подушной подати, которая требовала и уравнительной душевой разверстки земли, второй круговой поруке, которая обеспечивала исправность в платежах благодаря уравнению повинностей с платежными

---

[1]) Благовещенский. 137.
[2]) Кауфман. 432.
[3]) Кауфман. 415 сл., 418 сл

средствами каждого члена. При этом оба автора находят, уже в московский период тяглую общину, которая в то время еще не владела землей и деятельность которой была почти исключительно финансовая, сводилась к раскладке и сбору податей. Милюков специально подчеркивает, что «тяглая община еще не есть непременно хозяйственная, какою мы знаем общину нашего времени». Ее цель заключалась не в постоянном приспособлении участков к постоянно меняющимся рабочим силам каждого хозяйства, а просто в уравнение платежа с размером данного участка [1]).

Оказывается, следовательно, что возложение на общины обязанности доставлять государству определенные подати и сборы еще вовсе не вызывало переделов участков. Почему же в дальнейшем оказывалось необходимым уравнительное наделение в целях обеспечения исправной уплаты податей? «Есть ли это—спрашивает В. В.—единственный или, по крайней мере, наиболее легкий способ обеспечения исправного поступления податей? Не представлялось ли более целесообразным производить раскладку государственных податей внутри общины не по числу душ, а по количеству земли, которым владел каждый?» [2]) Утверждая, что, очевидно, обычай делить землю по душам не мог укорениться раньше подушной подати, Чичерин упускает из виду, что обложение по ревизским душам (в общей сумме) совместимо с каким угодно принципом внутренней раскладки лежащих на общине платежей, в том числе и с раскладкой по фактическому пользованию землей. П. Н. Милюков подчеркивает, что с введением подушной подати, лишь с виду совершалась коренная ломка всей податной системы, на самом же деле «взимание податей на месте продолжалось по старому» [3]). Подушная подать исходила из ревизской души «как расчетной, разверсточной окладной единицы. Вложить же жизненный смысл в эту фикцию предоставлялось самим плательщикам и они его вложили, разумея под ревизской душой известную меру сил и средств» [4]). Характерно и то, что «в многоземельных местностях Сибири (совершенно так же, впрочем, как и на севере Европейской России) захватные формы продолжают сохраняться у крестьян, несмотря на вековое существование подушной подати,—и в то же время, мы знаем, душевые нормы, при наличности известного утеснения сделали большие успехи среди инородческого населения, обложение которого построено на совершенно других началах». Пока земли много, обнаруживается не стремле-

---

[1]) Милюков. I. 256.
[2]) В. В. К истории общины в России. 1902. Стр. 5.
[3]) Милюков. 173 сл.
[4]) Кауфман. 429 сл.

ние раздела угодий пропорционально платежам, а раскладки платежей пропорционально посевам. При переходе же к уравнительно-душевому пользованию, совершавшемуся при недостатке земли, «подушное обложение являлось действительно одним из доводов, на которые ссылалась требовавшая передела часть населения».

Если таким образом установить связь переделов с подушной системой обложения весьма трудно, как и вообще доказать, что из существовавшей системы обложения вытекала необходимость уравнительного наделения землей,—то, с другой стороны, нельзя отрицать того, что связь общины с тяглом была, несомненно, весьма велика. Но при этом мы замечаем характерное явление: наряду с борьбой малоземельных за землю, еще другую борьбу—стремление к уменьшению податного бремени. Каждый старается сбросить с себя хоть часть наваливаемой ему земли, чтобы тем самым избавиться от части налагаемого на него непосильного тягла. Крестьяне нередко, жалуясь на свою скудность и одинокость, просят освободить их от вновь наложенных на них доль, чтобы их в конец не разорить, и жалуются на то, что другие «семьянистые от новоприборных доль отбиваются» (челобитные 1680 и 1688 г.г.) [1]. «Умилостивись, государь, князь Яков Никитич—обращается крестьянин Максимко Гордеев к боярину Одоевскому (XVII ст.)—пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, с меня тяглова жеребья сбавить полдесятины; для того, что я скуден и беден и мне тяглый жеребей не в силу, владать им не в могуту, а за мной остается тяглова жеребья десятина». «Мирские люди», на решение которых князь передает эту челобитную, приговаривают снять с него полдесятины и переложить ее на Гуньку Панкратова, потому что он «человек семьянистый и скотом и всяким прожитком исправлен» [2]. Приказчику Обонежских дворцовых волостей Нехорошему в 1612 г. дан следующий приказ: «да и того Нехорошему беречи на крепко, чтобы в тех погостех сильные прожиточные и семьянистые люди воровством и заговором пашен своих участков с себя не сбавливали и на молодчих людей не накладывали» [3].

Таким образом, крестьяне не ищут земли, а бегут от нее. «Свалка» земли с одних и «навалка» на других вызвана тяглом. Вотчинники заботятся не о том, чтобы всех уравнять землей, земли имеется еще достаточно, а о том, чтобы всех уравнять тяглом, чтобы кто либо не ушел от тягловой «запряжки» [4]. В этих случаях связь между тяглом и частичными поравнениями—только частичными—имеется, но эта развер-

[1]) Беляев. Крестьяне. 233—34.
[2]) Ближний боярин Одоевский. №№ 66, 71.
[3]) Д. А. И. I. № 167.
[4]) Павлов-Сильванский 134 сл. Куплеваский. 13 сл.

етка производится еще до появления подушной подати и с уравнительным распределением в смысле прирезывания земли малоземельным еще имеет мало общего. Однако, она знакомит крестьян с принципом разверстки земель, передачи от одних к другим и поэтому облегчает производство уравнений, уже вызванных не тяглом, а недостатком земли, когда такое утеснение наступает.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Города и городское население.

Литература.

Неволин. Общий список русских городов (Собр. соч. VI). *Беляев.* Города на Руси до монголов. Ж. М. Н. П. 1847. *Соловьев.* Русский город в XVII в. (Современник. 1853). *Чечулин.* Города Моск. госуд. в XVI в. 1889. *Платонов.* Очерки по истории смуты в Моск. госуд. 1899. *Самоквасов.* Древние города России. 1873. *Шпилевский.* Старые и новые города и борьба между ними в Ростовско-Суздальской земле. 1892. *Хлебников.* Общество и государство в до-монгольский период. *Пригара.* Опыт истории состояния городских обывателей в восточной России. 1868. *Дитятин.* Устройство и управление городов России. *Смирнов.* Города Моск. госуд. в первой пол. 17 века. I — II. 1917. *Плошинский.* Городское или среднее состояние Российского народа в его истор. развитии. 1852. *Богоявленский.* Некоторые статистич. данные по истории русск. города XVII ст. (Древн. Тр. Археогр. Ком. Моск. Археол. Общ. I). *Веселовский.* Посадская соха перв. пол. XVII ст. Ж. М. Н. П. 1910. V. VI. *Шаховская.* Сыск посадских тяглецов и закладчиков в перв. пол. XVII в. Ж. М. Н. П. 1914. X. *Забелин.* История города Москвы. 2 изд. 1905. *Довнар-Запольский.* Промышленность и торговля Москвы XVI и XVII вв. 1910. *Шиманский.* Рязанский уезд в конце XVI и в начале XVII в. (Труды Рязанск. уч. арх. ком. 1911). *Некрасов.* Рязанский уезд. Ж. М. Н. П. 1914. IV. *Симсон.* История г. Серпухова. 1880. *Мерцалов.* Вологодская старина. 1889. *Харузин.* Псков и его пригороды перед второй польской войной при царе Михаиле (Древн. Тр. Археогр. Ком. Моск. Арх. Общ. I). *Ильинский.* Городское население Новгородской области в XVI в. Ж. М. Н. П. 1876. VI и (продолж.) в Истор. Обозр. 1897. Т. IX. *Поблянин.* Торопецкая старина. 1902. *Щепкина.* Тульский уезд. (Чтен. Общ. Ист. и Др. 1892. IV). *Белоцерковский.* Тула и Тульский уезд в XVI и XVII вв. 1914. *Гневушев.* Экономич. полож. Вел. Новгорода во второй пол. XVI в. (Сборн. Новг. Общ. Любит. Древн. VI. 1912). *Борисов.* Описание города Шуи и его окрестностей. 1851. *Чермянский.* Город Лебедянь и его уезд в XVII в. 1913. *Бережков.* Старый Холопий городок на Мологе и его ярмарка. Труды VII Археолог. Съезда. I. 1890. *М. Смирнов.* Переяславль-Залесский. 1911. *Любомиров.* Очерк истории Нижегор. ополчения 1611 — 13 гг. 1917. *Дахнович.* Нижний-Новгород в первой пол. XVII в. по писцовой книге. 1912. *Виноградов.* Исторический очерк г. Вязьмы. 1890. *Холмогоровы.* Материалы для истории, статистики и археологии г. Темникова и уезда XVII и XVIII ст. 1890 (прил. к Изв. Тамбовск. уч. арх. ком.). *Хлебников.* Астрахань в прошлые годы. *Огородников.* Очерк истории города Архангельска. Морск. Сборн. 1889. VIII и сл.

Города возникали на Руси, как и на Западе, из городищ, из укрепленных мест. Поселки в до-московской Руси в одних случаях образовывались на свободной, принадлежащей поселенцам земле, в других случаях на несвободной владельческой земле (в древнейшую эпоху и в виде «холопьих городков»). Поселки эти нередко между собою соединялись, и создавались различные смешанные типы поселений. Если же такой поселок был укреплен, то он обращался в город [1]). По близости от таких укреплений возникали слободы. Плошинский производил слово «слобода» (т.-е. свобода) как от того, что жители их проживали на свободе, т.-е. на просторе, вне города, так и от того, что здесь беспрепятственно, свободно поселялись выходцы из окрестных мест [2]). Напротив, другие авторы обращали внимание на те свободы, т.-е. льготы, которыми пользовалось население слобод, в особенности свободой от податей и повинностей, которым подлежало прочее население. На это указал еще Сперанский, говоря, что слободы заселялись всякого рода тяглецами и что свобода от общих податей дала им имя слобод, по способу же заселения они назывались посадами [3]). Посад (от посадити—поставить, устроить) действительно обозначал совокупность подгородних поселков [4]), т.-е. поселений, возникших по близости от укреплений. Роль последних особенно резко выступает в образовании городов XVI—XVII ст. в Поволжьи и на «диком поле», где самая колонизация совершалась путем сооружения укрепленных мест, за которыми укрывалось продвигавшееся к югу население.

Подобно удельному, и Московский город XVI—XVII ст. состоял из собственно города, кремля (детинца) или острога, укрепленной части, и посада или открытой части. В городе в тесном смысле население укрывалось от нападений вражеских. «Для воинского времени—говорит автор XVII ст. Котошихин—во всяких городех у монастырей и у дворян устроены осадные дворы и во воинское время на те двора (на тех дворех) со всеми своими животами и с запасами и з детми живут в городех. А крестьян из сел и из деревень велят со всеми их животы посылать для осады в городы же» [5]). Действительно, города играли роль оборонительных пунктов для всей округи. В укрепленной части находился двор воеводы, военные запасы, государевы житницы, а также осадные дворы бояр и детей боярских, где они

---

[1]) Смирнов. Города Моск. госуд. в первой пол. 17 в. (1917), стр. 1 сл.

[2]) Плошинский. Городское или среднее состояние росс. народа в его истор. развитии (1852), стр. 8.

[3]) Сперанский. Обозрение изменений в праве поземельн. собств. (Архив истор. и практ. свед. Калачова. 1859, кн. 2).

[4]) Срезневский. Матер. для слов. древне-русск. яз., т. II, 1228.

[5]) Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича (IV изд., 1906), стр. 128.

укрывались в военное время со своим имуществом, тогда как в мирное время эти дворы стояли пустыми, и в них жили лишь дворники. Прочее население жило на посаде, а кроме посада имелись обыкновенно еще и подгородные слободы, построенные на монастырской или боярской земле. Нередко были специальные слободы пушкарские, стрелецкие, черкасские, кузнечные (казенных кузнецов), где жили эти служилые люди, поселенные для охраны города и его округи. Так, напр., в Туле находим слободы стрелецкую, пушкарскую, казачью, черкасскую и др., в Переяславле Рязанском (Рязани)—стрелецкую и пушкарскую, в Серпухове—слободу пищальную и сокольничью, в Вологде—стрелецкую слободу, в Торопце—стрелецкую и пушкарскую слободу [1]). «На Руси и в Литве—читаем у Крижанича, писавшего в XVII ст.—властели пусту землю обселяют Леготами или Слободами. Нову посаду оснуют или селу место накажут, и обещают леготу на некулико лет новым селянам кои бы захотели тамо дворы ставить и жить». И поясняет, что там, «где кто целу землю из нова добудет и она будет редко обселена, тамо есть треба слобод, да беху пришли чужи люди онамо жить» [2]). Если слободы нередко превращались в посад или сливались с ним, то, с другой стороны, появлялись новые слободы, которые находились вне посадов, и уже губная московская запись конца XV ст. (п.п. 2 и 3) различает посад, который распределяется на округа, на которые падает ответственность, в случае совершения убийства (душегубства), и слободы, расположенные вокруг Москвы [3]). Слободы, впрочем, возникали и при отсутствии посадов, как напр., новые слободки, возникшие в Новгородских пятинах на землях, конфискованных у новгородцев после московского завоевания [4]).

Установить численность городского населения в рассматриваемую эпоху крайне трудно [5]). С. К. Богоявленский определяет,

---

[1]) Белоцерковский. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII в.в. 1914. Стр. 159 сл. Шимапский. Рязанский уезд в конце 16 и в нач. 17 в. Ж. М. Н. П. 1911. 20. Симпсон, Ист. Серпухова. 1880, стр. 148. Мерцалов. Вологодская Стар. (1889), стр. 53. Побойнин, Торопецк. Стар. (1902), стр. 190 сл.

[2]) Крижанич. Русское госуд. в половине XVII в. (Прил. к № 4 «Русск. Беседы» за 1859 г.).

[3]) Владимирский-Буданов, Хрест., II. 69.

[4]) Архивн. Матер. I. Отд. I. Гл. XI.

[5]) Для более раннего времени мы и такими данными относительно численности городского населения не располагаем. Насколько фантастичны все такого рода вычисления, видно, напр., из того, что для Новгорода, на основании данных о смертности, о числе казненных при Иване III и т. д., цифру населения определяли от 8 до 400 тыс. чел. Поссевин считал в Новгороде (в XVI в.) не более 20 тыс. жителей, тогда как Костомаров, на основании летописей, находит 18 тыс. семейств, выведенных Иваном III из Новгорода, и поэтому 72 тыс. жител. Между тем, на указанную летописью цифру выселенных можно столь же

на основании платежных книг, число посадских дворов около 1630 г. приблизительно в 19.000, а считая на двор 1,21 взрослых мужчин и прибавляя, по Чечулину, на взрослого мужчину 2,36 членов семьи, так что приходится на посадский двор около 4 душ (3.95), получает для посадского населения 92.000 человек плюс 200.000 для Москвы. Если принять все население, по Милюкову, в $12^1/_3$ миллионов, то посадское население составит 2,37%. Как мы видели выше, во второй половине XVI ст. в Новгородско-Псковской области и в центре не только сельское население, но—как выяснено было выше—и население многих городов значительно сократилось, а во время Смуты запустение это распространилось и на города, расположенные в других областях. После Смуты, напротив, наблюдается весьма быстрый рост населения городов, поскольку об этом можно судить на основании количества находящихся в них дворов: с половины 20-х до половины 40-х годов XVII ст. из 66 городов только 8 обнаруживают уменьшение дворов, тогда как во всех остальных обнаруживается возрастание, притом в 33 городах, составляющих половину всех городов, о которых имеются сведения, более, чем на 50%; из них 14 дают увеличение на 50—100%, 8 на 100—200%, а 12—более, чем на 200%. Однако, не следует упускать из виду, что это возрастание числа дворов могло итти параллельно и с обнищанием многих из них, так что в результате прироста населения могло в этих случаях и не получаться. В период же 1646—1676 г.г. замечается обратное дви-

---

мало полагаться, как на другие летописные цифры, вроде 4.300 дворов, выгоревших в Новгороде при пожаре 1211 г., или умерших от мора в 1390 г. в течение 6 мес. 80 тыс. чел., а в 1467 г. во всех пятинах 250 тыс. Цифры эти никем не подсчитаны, сообщены на угад, должны были лишь доказывать огромное число умерших людей или пострадавших домов. Гораздо более можно считаться с указанием 5.100 дворов в Новгороде в 1545 г., с которых производится сбор ратных людей и пороха, по случаю Казанского похода, но и из этого нельзя еще выводить цифры в 20 тыс. нас., ибо могли быть и малонаселенные и даже пустые дворы. Во всяком случае, это, повидимому, для пол. XVI ст. максимальная цифра. По данным писцовой книги 1583—84 г.г. численность получается значительно меньшая (см. выше). См. Красов. Разбор мнений о населении Вел. Новгорода. Ж. М. Н. П. 1854. Ч. 81. Костомаров. Истор. моногр. I. 381. Северно-русск. народоправства. I. 234. Чечулин. 51. А. А. Э. I. № 205. Новг. Синод. лет. 194. Иконников. II. 621.

В Пскове также находят нередко многолюдное население, тогда как Поссевин утверждает, что оно было не больше, чем в Новгороде, т.-е. не свыше 20 тыс. В XVI в. жилища здесь почти все были деревянные, окруженные заборами и плетнями, и замощена была одна лишь торговая площадь. Кладбища (ямы, едва прикрытые, куда сваливали трупы) издавали ужасное зловоние, отсюда почти не прекращающийся мор (Иконников. II. 766). В Твери иностранцы (Герберштейн, Поссевин) считали меньше населения. В пол. XVII ст. она была маленьким городком, окруженным деревянными укреплениями, и имела не более 150 домов. (Ключевский. Сказания иностранцев. 211. Иконников. II. 990, а также Борзаковский. История Тверского княжества. 1876).

жение, по крайней мере в отношении числа дворов в городах. Из 55 городов в 32 обнаруживается уменьшение, а в общей сложности число их дворов не изменилось (прирост менее 1%), но это обозначает сильную убыль коренного посадского населения, ибо за это время, на основании Соборного Уложения, было записано в посад свыше 10.000 дворов, которые, занимаясь промыслами и торговлей, тягла с посадскими людьми не тянули. Это приращение едва могло возместить уменьшение посадских дворов. Несколько иная картина получается, если взять среднее подворное (мужское) население за указанные годы (1648—1678); оказывается, что оно поднялось с 2,5 до 3,15 человек на двор, т.-е. получится увеличение посадских людей на 27%, результат скучивания людей во дворах после перехода к подворной подати [1]) [2]). Так что уменьшения коренного населения могло и не произойти, а получалось лишь иное подворное распределение, хотя и тут не следует упускать из виду, что после Уложения было приписано целых 21.000 новых тяглецов к посадам.

При этом, однако, как выяснили Н. Д. Чечулин, С. Ф. Платонов, П. Г. Любомиров, между городами различных областей Московского государства существует значительное различие. В отличие от северных, поморских городов, где мы находим однородность городского населения, не нарушаемую даже «приборными» людьми, ибо, занимаясь промыслами и торговлей, и они несут тягло вместе с посадским населением, и где существует тесная связь города с уездом, закрепляемая и единством самоуправления и об'единением их в одну тяглую общину,—в городах центра обнаруживается гораздо более сложный состав населения. Наряду с посадским населением и стрельцами имеются служилые люди, которые владеют здесь «осадными дворами», но сами в мирное время здесь не живут, а держат своих дворников; рядом с посадом находим и слободы дворцовые, боярские, монастырские, не несущие тягла, вследствие нахождения их на «белой» земле; только с половины XVII ст. они «отписаны на государя» и тянут тягло вместе с посадскими людьми. Если все же в одних из них, где тяглая городская община была многолюдна и экономически сильна, а пришлые элементы слабы, посад по своему характеру был ближе к поморскому, то в других городах

[1]) Опись городов 1678. I. Доп. к А. И. IX, № 106. Богоявленский. (Древн. Тр. Арх.. Ком. Моск. Археол. Общ. I), ст. 387 сл., 390 сл.

[2]) Относительно крестьян наказы писцам уже с нач. XVII ст. требуют сыскивать накрепко, «чтобы крестьяне дву дворов в один не спаливали и из дву дворов в один людей не переводили». «Чтобы старосты, целовальники и волостные люди «дву дворов за один двор не сказывали и дворов двух или трех или больше в один двор не писали и посадских бы людей и волостных крестьян из дву дворов в один двор не переводили». Ак. писц. дела, Веселовского. I. №№ 8, 21, 31 и др. II, 1. № 183, стр. 461 и др.

усиленное водворение в город людей служилых и частновладельческих в связи с уходом посадского населения с конца XVI ст. вело к ослаблению посадской общины и к превращению города в крепость с населением, по преимуществу, военным. Наконец, города южной и юго-восточной окраины еще и к концу XVI ст. и позже имели значение крепостей, почему в них ратные люди составляли, обыкновенно значительную часть всего населения, занимаясь торговлей и промыслами, посадская же тяглая община слабеет, играет второстепенную роль по сравнению с пришлыми элементами. Такие города, как Новгород и Псков, первоначально были сильны своими посадами, но в XVII ст. мы и здесь находим умирание посада; и здесь, как и в городах, лежащих на границе с Литвой, военный элемент выдвигается на первый план. Таким образом, вывод получается тот, что посадская община играла существенную роль лишь в северных городах и в части городов центра, вроде Вологды, Ярославля, Нижнего-Новгорода [1]).

Действительно, в городах XVII ст. мы находим большое количество ратного населения, хотя за период 1631—1677 г.г. оно возрастает в 47 городах (кроме Москвы) всего с 15½ до 17½ тысяч. При этом за означенный промежуток времени число ратных сил значительно увеличилось в южных городах, как, например, в Воронеже, Ельце, Белгороде, Валуйке, Курске, а также в Пскове, тогда как сократилось оно в Туле, Калуге, Рязани, Белеве, Путивле, Кашире, Зарайске, а также Новгороде и Вязьме [2]). Это об'ясняется передвижением границ Московского государства к югу, почему вооруженные силы из севернее лежащих городов, находившихся теперь уже внутри государства, перемещались в южные, расположенные на южной границе [3]).

Можно ли, однако, на основании этого утверждать, что города XVI—XVII ст. носили земледельческий характер, или что они являлись военными поселениями, как полагали Соловьев, Хлебников, Пригара, Дитятин и др. [4]). Прежде всего то обстоятельство, что количество ратных людей было нередко весьма велико (доходя в городах восточной и южной окраин во второй половине XVI в. иногда до $^1/_3$), еще вовсе не свидетельствует о слабом развитии ремесл и торговли в этих городах. Напротив,

---

[1]) Чечулин. Города Московск. госуд., 143 сл. Платонов. История Смуты, 47 сл., 87 сл. 114. Любомиров. Очерк ист. Нижегор. ополчения. 1917, стр. 10 сл., 15 сл.

[2]) Богоявленский. Ст. 385.

[3]) См. выше, стр. 8, 15 сл.

[4]) Соловьев. Т. VII и XIII. Хлебников. О влиянии общества на организ. государства. 69 сл. Дитятин. Устройство и управл. город. России. Т. I. 113, 129. Пригара. Опыт состоян. городск. обыват. Ж. М. Н. П. 135, стр. 674, 678. Ключевский. Сказан. иностр. 183, 215.

ратные люди в значительных размерах занимаются промыслами и торговлей, вторгаясь, тем самым, в круг деятельности посадских и имея перед ними то преимущество, что они не тянут тягла. В очень многих городах они давали в общее число ремесленников и торговцев почти такой же процент, какой процент населения они составляли в том или другом городе [1]). Тяглый посадский мир замосковского города часто не был хозяином своего посада и торга [2]). Его захватили ратные люди, вернее те же ремесленники и торговцы, но записавшиеся в пушкари, стрельцы, затинщики, казаки, чтобы «избыть» тягла. Недаром встречаем каждый раз указания: старинный посацкий человек «от тягла стал в стрельцы» [3]). При установлении пятинного сбора 1634 г. облагали всех промышленных и торговых людей страны, почему в городах пятине подлежали, наравне с посадскими торговыми людьми, казаки, стрельцы, пушкари, затинщики, черкасы, но только если они чем-либо торговали или промышляли. И таких облагаемых с их торгов и промыслов ратных людей мы встречаем в весьма многих городах; например, в Дедилове пятина была взята с казаков, стрельцов, пушкарей, затинщиков, черкасов, дворников, казенного кузнеца, как и с бобылей, ибо все они оказались торговыми и промышленными людьми, в Рыльске—со стрельцов, беломестных и полковых казаков, в Серпухове—с пушкарей, городовых воротников, селитренных мастеров, дворников, в Туле—«с тульских посацких людей, и с пушкарей, и с затинщиков и засечных сторожей, и с воротников и с казенных кузнецов... и с дворников, стрельцов, и с черкас и с непровских казаков с торговых и с промышленных людей». В южных городах, как Козельске, Одоеве, Лихвине, Орле, Ливнах, Севске, занимались промыслами и торговлей исключительно стрельцы, пушкари, казаки, или во всяком случае промышленная и торговая деятельность сосредоточивалась преимущественно в их руках. В Курске, например, было взято пятины с посада всего 3 руб., с служилых людей—149 р., в Рыльске с первых 5, со вторых 145, в Путивле 16 и 158 рублей [4]). Это подтверждается и писцовыми книгами. Из них видно, что, например, в Коломне на посаде в рядах имелись лавки затинщиков, пушкарей, казаков, ямских охотников, казенных кузнецов [5]); по подсчетам Чечулина, здесь треть всех торговых заведений принадлежала ратным людям, в Свияжске четвертой частью их владели стрельцы [6]).

---

[1]) Чечулин. 327.

[2]) Платонов. 48 сл., 50, 89.

[3]) Ак. о посадск. закл. Павлова-Сильванского (1909), стр. 171, 175, 179 и др.

[4]) Сташевский. Пятина. 142. г. (ЖМНП. 1912) IV. 257—58. V. 109.

[5]) Писц. кн. Моск. гос. I. Стр. 311 сл.

[6]) Чечулин. 130 сл., 167, 190.

В Белеве на посаде в торгу упоминаются лавки, полки, харчевни, кузницы стрельцов и пушкарей, воротников[1]), в Дедилове 11 лавок казаков, 3 лавки пушкарей, 6 лавок стрельцов, 4 лавки затинщиков [2]).

В платежной книге Рязани (Переяславля Рязанского) 1595—97 г.г. читаем: «в городе ж Переяславле у Рязанских ворот лавки и прилавки и анбары с разными товары, а в них торгуют пушкари и затинщики и стрельцы и воротники и казенные сторожи и ямщики и дворники и из сел крестьяне и казаки и белодворцы». Из 377 владельцев торговых помещений на торгу было всего 65 посадских людей, тогда как 181 служилый человек (пушкари, стрельцы и т. д.), остальные принадлежали духовенству, крестьянам и т. д. [3]). По писцовой книге 1626 года из 34 кузниц Рязани 5 принадлежало стрельцам, 5 затинщикам, 2 пушкарям, 1 черкасу, 1 казенному кузнецу, 2 крестьянам, 1 дворому человеку архиепископа и только остальные чернослободским [4]).

В Пскове, правда, 80% всех торговых заведений принадлежало (в конце XVI ст.) черным тяглым людям, но все же и здесь находим 48 лавок ратных людей — лавки пушкарей, стрельцов, зелейщиков (изготовляющих порох) и др. [5]). Здесь же стрельцы ведут торговлю с иностранцами; так, в 1631 году «псковской стрелец Богдашко Фомин продал любскому (ж) немчину Пантелейку Иванову восемь лосин, взял 12 рублев», а «псковской стрелец . . . . . Ржевитин продал ему ж Пантелейку Иванову 12 лосин, взял 40 рублев» [6]). В делах Тайного Приказа имеются на каждом шагу записи об артелях стрельцов, выполняющих строительные работы в имениях царя [7]).

Между ратными людьми и посадским населением вообще не было резкого сословного различия. Приказы охотно переводили пушкарей, имевших торговлю и промыслы, в посадские люди, отрывая их от военной службы. Когда белевский пушкарь Иван Белобородов подал челобитную, чтобы быть ему в тягле по кузнечному промыслу, то Галицкий приказ навел справку—«бывали какие образцы из пушкарей по промыслу в тягло и в посад имянованы-ль», и оказалось, что в 1687 — 91 г.г., в Белеве «по Уложению и по торговым промыслам» 9 лиц из пушкарей перечислены в посадские [8]). В Серпухове находим целый ряд торговцев, нередко производивших значительные операции, которые вышли из пушкарей [9]). С другой стороны, пушкари, воротники, стрельцы набирались частью из посадского населения. В писцевой

[1]) Писц. кн. 1624—25 г.г. по Белеву. Матер. 11 сл.
[2]) Писц. кн. Моск. гос. П. 1267.
[3]) Платежн. кн. 1545—97 г.г. по Рязани. Матер. 1 и сл. Писц. кн. Рязанск. края, изд. Сторожевым, I. 8. Некрасов. Рязанский уезд. Ж. М. Н. П. 1914. IV. 291
[4]) Писц. кн. 1626 г., Матер. 21. Ср. для Тулы. Белоцерковский, 64, 96.
[5]) Писц. кн. Пскова. Сб. Моск. Арх. М. Ю. V. 15 сл.
[6]) Псков и его пригороды. Кн. 2. Сб. М. А. М. Ю. VI. № 6, IV.
[7]) См. также ниже, стр. 267.
[8]) Богоявленский. О пушкарском приказе. Сборник статей в честь Любавского. 1917. Стр. 370.
[9]) Симсон. Ист. г. Серпухова, 216, 219.

книге по Великому Новгороду читаем: «двор пуст, Богдановской Иванова да Кириловской ножевников и Богдашко сшел к Москве, а Кирилко в воротниках живет на Рогатице». «Полдвора пуста Омелянка Яблочника... взят в воротники к земляному городу». «Живет в том дворе и воротник Омельян Фомин сын красильник» [1]). В делах Новогородского Стола отмечается: «в Кремле городе . . . пищаль полуторная медяная . . . а пушкари у той пищали Макей Иванов мясник», «от Домантовой стены раскат, а на нем пищаль полуторная вестовая . . . а пушкари у той пищали . . . Баженко . . . портной мастер». Далее упоминаются среди пушкарей кузнец, красильник, ременник, портной, пильник и др., одной пушкой ведают два сапожника [2]). Да и посадское население было вооружено. В описи по Угличу 1665 г. читаем, напр.: «имяна углечанам посацким людем кто с каким боем». Одни имеют карабины, другие бердыши, третьи рогатины, четвертые даже вооружены длинною пищалью [3]).

Что касается посадского торгово-промышленного населения, то после исследования Чечулина, как и издания ряда (городских) писцовых книг (например, по Нижнему-Новгороду, по Пскову, по Новгороду Великому, по Ростову, Туле, Рязани, Устюгу и др.), едва ли представляется надобность доказывать, что эти занятия являлись преобладающими или, во всяком случае, играли важную роль в качестве источников дохода посадского населения [4]). Но в то же время нельзя отрицать и того факта, что резкого различия между городом и деревней в XVI—XVII ст. мы не находим. Во многих случаях город еще не успел отделиться в хозяйственном отношении от деревни. Посад и уезд еще равносильны в области торговли и промыслов, земледелие не отделилось еще от торгово-промышленной деятельности. Об этом свидетельствуют оклады пятинного сбора 1634 г., взимаемого с торговли и промыслов в городах и сельских местностях. Мы находим ряд городов, как Сольвычегодск, Холмогоры, Чердынь, где оклад пятины не больше, чем в их уездах. В таком положении оказывается и Калуга; принадлежащее боярину Романову село Спасское Калужского уезда в торговом отношении ей почти не уступает. Есть и такие местности, где уезд в торгово-промышленном отношении заслоняет собою посад. Это либо небольшие города, имеющие сельскохозяйственный характер, как Боровск, Осташков, Карачев; многие из них недавно возникли на юге в «диком поле», как Курск, Шацк, Темников. Но в то же время в их уездах имеются крупные торгово-промышленные дворцовые села (в Курмышском уезде, Мурап-

[1]) Писц. кн. по Новг. Вел. 174, 11, 89—90.

[2]) Харузин. Псков и его пригороды перед второй польской войной при царе Михаиле (Древн. Труды Археогр. Ком. Москов. Археол. Общ. I. 399 сл.).

[3]) Углич. Матер. 1 сл. См также опись городов в Доп. А. И. IX. Прил. № 106.

[4]) См. ниже, стр. 191 сл.

кинском, Шацком). Но и во многих других случаях мы замечаем, во всяком случае, наличность значительных торгов и промыслов и в уезде, например, Угличском, Ростовском, Брянском, Астраханском, еще более в Костромском, хотя разница здесь между городом и деревней велика. Отсутствуют торги и промыслы в уезде там, где их и на посаде почти нет, хотя наряду с этим встречаются и такие торгово-промышленные города, как Тула, Брянск, Вязьма, которые все сосредоточили в своих посадах; но здесь торги и промыслы оказались в руках пушкарей и стрельцов, а не посадских людей [1]).

По Ильинскому, мы находим в 43 поселках (рядках) Новгородских пятин из 1029 дворов всего 114 дворов пашенных, 469 дворов рыболовов и 446 дворов торговых и мастеровых людей [2]). По подсчетам Лаппо-Данилевского, в селе Клементьевском имелось 125 пашенных дворов и 137 непашенных, в Дунилове первых всего 39, вторых же 117, в слободе Александровской—8 и 156, а в Гавриловской—106 непашенных, а пашенных ни одного [3]). В Устюжском уезде в деревнях живут крестьяне, которые «торгуют от'езжая в Сибирь и к Архангельскому городу, тысячи по 2 и по 3.000 и по 5.000, и по 6.000 и больши» [4]). Торгово-промышленная деятельность в уездах сосредоточивается, главным образом, в дворцовых селах и селах некоторых бояр (напр., И. Н. Романова), в особенности же в селах духовных учреждений, митрополичьих и патриарших, и еще более в монастырских селах и слободках. Таких торговых сел, принадлежащих Соловецкому, Троице-Сергиевскому, Ипатскому и др. монастырям, находим большое количество в самых различных уездах [5]). Точно так же в селах, деревнях и починках Прилуцкого монастыря в Вологодском уезде, по Сотной 1543—44 г.г., пашенных 70 дворов, а непашенных торговых и мастеровых людей 139 дворов [6]). Упоминаются и села Ярославского Спасского монастыря «с крестьяны и с бобыли и с торговыми и ремесленными и пашенными людьми» [7]).

А с другой стороны, города отнюдь еще не стали центрами одной лишь торгово-промышленной деятельности; городские жители занимались сельским хозяйством. По писцовой книге такого торгового центра, как Нижний-Новгород, не трудно проследить, насколько разнообразилась хозяйственная деятельность одного и того же лица: хозяин-дворовладелец нередко косил сено, занимался огородничеством или садоводством, да сверх того «промышлял своею работою» или держал лавку [8]).

[1]) Сташевский. Ж. М. Н. П. 1912. V. 106—08.
[2]) Ильинский. Городск. насел. Новгородск. обл. в XVI в. Журн. Мин. Нар. Просв. 1876. VI, стр. 260.
[3]) Лаппо-Данилевский. Прям. оброк. 166.
[4]) Ак. писц. д. II. 1. № 182.
[5]) Сташевский. V. 108 сл.
[6]) Сотницы, грамоты и записи. I. Стр. 71.
[7]) Ист. акт. Яросл. Спасск. мон. 1. № 114.
[8]) Писц. кн. по Нижн.-Новгороду. Введ. X—XI.

Так, если мы возьмем сенные покосы, то среди владельцев их мы найдем кожевенника, плотника, луковника, торговца рыбного ряда Жолдыбина, другого торговца того же ряда Невзорова, наряду с попами, воротниками, пушкарями [1]). А кроме этих индивидуальных владений имелись еще находившиеся в общем пользовании «за нижегородцы ж, за посадскими за всякими людми их старинные пожни, сенные покосы за рекою за Волгою», которые «изстари были за ними» и которые «приписаны ко всему посаду за всякими посадцкими тяглыми людми для осеннего животинного корму». Наконец, встречаем в писцовой книге и «нижегородцов посадцких людей воды, рыбные ловли» [2]). Точно также и в другом важном торговом городе — Пскове, описаны церковные и монастырские пивы и пожни и прибавлено, что пашут их «псковичи посадцкие люди и волостные крестьяне и дают в монастыри и к церквам из хлеба четвертый сноп» [3]). На окраине Устюга Вел., имевшего также крупное торговое значение, арендовали пахотные земли не только монастырь, священники, подьячий, но и посадские люди [4]).

Жители Торопца владели значительным количеством пахотной, сенокосной и выгонной земли, держали много скота; в XVI ст. большая часть их уделяла часть своего времени на обработку земли [5]). Посадские люди принадлежавшей Горицкому монастырю Большой Соли не только строят на монастырь пивоварню, ловят на него волжскую скатертную рыбу, но и платят монастырю с каждого посадского двора оброк, как деньгами, так и овсом, сеном, солодом, мелкий доход в виде кур и других продуктов. Очевидно, эти посадские люди пахали землю, имели сенокосы, разводили кур, словом, занимались сельским хозяйством [6]).

Вообще,—как указывает Д. Н. Чечулин,—«жители городов занимались как земледелием, так и торгово-промышленной деятельностью». Повидимому, «всего более пахали жители северо-западных городов; в Казани же и Свияжске, судя по огромному количеству сенных покосов . . . нужно предположить большее развитие скотоводства». Сверх того, у них имелись еще огороды и сады [7]). Так в Вятке, по писцовой книге 1628 г., взимается оброк с 8941 копны сена, принадлежащей городским и посадским людям [8]). В Шуе «все шуяне посадские люди» распределили между собой пахотную землю «впредь на десять лет до мирского ж раздела» [9]). В Твери на Загородском посаде, «где бывали амбары и дворы Кирилова монастыря, а ныне те места пашет ломой каменщик

[1]) Писц. кн. по Нижн.-Новг. Столб. 316 сл.
[2]) Писц. кн. по Нижн.-Новг. 289—291.
[3]) Сб. Моск. арх. М. Ю., т. V.
[4]) Мерцалов. Вологод. Стар. 93.
[5]) Побойнин. Торопецк. старина, стр. 267. 281
[6]) Смирнов. 1. 130.
[7]) Чечулин. 115 сл. 286 сл. 334.
[8]) Писц. кн. 1628 г. по Вятке. Матер. 17.
[9]) Борисов. Ист. г. Шуи, 63 сл.

Наумка Капаев». Там же «пашет старый каменщик Пересеки-Собака», и пашут стрельцы. «От Николы Чудотворца место пусто исстари... то место пашет из оброку посадской человек Богдан Полудужин» [1]) В Веневе на посаде находим 42 двора дворцовых крестьян, которые имеют пашню, сенокосы и лес [2]). В переписных книгах Ростова второй пол. XVII ст. имеются записи (в городе): «то место пашет» Тарасов, «пашет пустошью» Шапошников, «пашет лук и чеснок», «пашет огурцы», «косят сено» [3]).

Конечно, были и такие города, где сельское хозяйство отсутствовало, как, напр., Рязань, жители которой заявили в 1626 г., что «за ними пашенные земли и лугов и рыбных ловель нет» [4]). Точно так же по дозору в Белове в 1620 г. оказалось, что «земли пахатной у посацких у черных людей нет ни одной четверти, живут своими промыслы; а выгону у посадских у черных людей там же, где им животина выпускать, около посацких дворов», пашня же имеется лишь «вотчинная и поместная и белевских пушкарей и затинщиков и стрельцов и беломесных казаков». Впрочем, здесь вообще имелось весьма немного дворов и все «молотчие» люди—всего 24 двора живущих, но 88 мест пустых, владельцы которых «побиты от литовских людей» или «обнищали от войны и кормятся христовым именем» [5]). И здесь, следовательно, не обнаруживается резкого различия между посадом и уездом. Не было его, наконец, и в таких городах, как Боровск, где наибольшая часть населения занималась разведением в огородах луку и чесноку и продажей их [6]). Посадские делали и «монастырское зделье», как и владели сообща с крестьянами землей и угодьями [7]).

Крестьяне же усердно занимаются торговлей и промыслами в городах. В писцовых книгах при перечислении лавок на торгу постоянно наряду со стрельцами и пушкарями упоминаются и торгующие в них патриаршие, владычные, монастырские крестьяне, как и крестьяне светских вотчинников [8]). В Москве находим, например, 238 патриарших крестьян, занимающихся всякого рода промыслами [9]).

После всего этого становится понятным стремление правительства включить торгово-промышленное население слобод и сел в посады и заставить и его нести тягло наравне с посадскими людьми. Оно ссылается на то, что жители их «живут не на пашне, промышляют торжишками», что «крестьянские дворы

---

[1]) Выпись из Тверск. писц. кн. 52—53 (изд. Тверск. учен. архивн. ком.).
[2]) Писц. кн. Моск. гос. И. Венева и Веневск. у. 1541.
[3]) Переписн. кн. Ростова Вел. 1—2, 7, 10—11 и др. 15, 20 сл. 41, 56—7.
[4]) Писц. кн. 1624—25 г.г. по Белеву. Матер. 2—3.
[5]) Писц. кн. 1620 г. по Рязани-Переяславской. Матер. 29.
[6]) Писц. кн. 1685 г. по Боровску. Матер. 37 сл., 55 и др.
[7]) Лет. зан. Арх. Ком. Т. XXVI, стр. 21 (Сообщ. В. Д. Грекова). Лаппо-Данилевский. Прям. обл. 167.
[8]) См. ниже.
[9]) Довнар-Запольский. Торг. и пром. Москвы в XVII ст., 84 сл. О торговле крестьян см. ниже, гл. 13, I.

с посадскими сошлись». Согласно Уложению, такие слободы и дворы отписывались в тягло, на основании чего в следующие годы «взято на Москве и в городех... всяких чинов людей и слобод и врознь торговых и промышленных и ремесленных людей в посады и в сотни и в слободы в тягло и в тяглые службы по посацкому житью или близости 10.095 дворов, а людей в них 21.036 человек [1]). «Всяких чинов люди», занимающиеся торговлей и промыслами, обязаны были «в тягле в сотнях и в слободах и в ряд с черными людьми подати давати», крестьянам же велено имеющиеся у них в городах «лавки и погребы и варницы продать государевым тяглым людем», и впредь их не держать (Уложение, гл. XIX, ст. 4 и 5). Так в Серпухове в 1649—52 г.г. были взяты в посад все 62 двора принадлежащего Высоцкому монастырю села, которое так и называлось «Сельцом» и в котором жили «прибылые люди... торговые, ремесленные и мастеровые», торговавшие «всякими разными товары», но тягла не несли; «дворы их сошлися з дворами с старыми посацкими людми». Но этим дело не ограничилось. Та же участь постигла и ряд других пригородных слобод и деревень Серпухова, как и отдельных лиц из дворников на боярских дворах, из пушкарских детей, из отставленных пушкарей, из «гулящих людей», поскольку они занимались промыслами и торговлей [2]).

Отписаны были в Серпухове и закладчики [3]) патриаршие и монастырей. Точно также, напр., в писцовой книге Боровска в 1685 г. встречается «взят из за боярина Н. И. Романова из села Красного по торговому промыслу в посад», «взят из за монастыря (из монастырской слободки) в посад по торговому промыслу» в 1649 г. [4]). В сыскной книге Ростова еще раньше, в 1637 г., перечислен ряд старинных посадских людей, которые «съехал с посаду» жили (жили в бегах) за ростовским митрополитом и за монастырями; они взяты попрежнему в посад. В переписной книге 1678 г. по Ростову читаем: «Да которые по указу блаженные памяти великого государя... в прошлом во 157 г. (1649 г.) приписаны из за преосв. Варлама митрополита Ростовского и Ярославского и из за монастырей к Ростову к посаду по промыслам и по торгом и по близости крестьяне и бобыли». Некоторые «писались в пушкари», и им велено «жить в Ростове на посаде и тягло тянуть с миром в ряд и впредь с посаду не сойтить, ни за кого не заложитца и в пушкари не записыватца» [5]).

---

[1]) Лаппо-Данилевский. 171.
[2]) Симсон. Прил. III.
[3]) См. о закладчиках, т. I, стр. 105 сл.
[4]) Писц. кн. 1685 г. по Боровску. Матер. 65—75.
[5]) Переписн. кн. 1678 г. по Ростову. Матер. 28. Переписн. книги Ростова Вел. второй пол. XVII в. Русск. Ист. Библ. XI. 71 сл. 81 сл. 89 сл.

Борьба с этими закладчиками, однако, была значительно труднее. Закладчики, поступившие под защиту боярина или монастыря и становившиеся на это время зависимыми от него людьми, тем самым освобождались от тягла. Иногда они оставались жить на посаде, жили на тяглых местах и занимались всякими промыслами, но, укрываясь именем сильного человека, избывали тягла: «не хотя тягла и податей платити». Торгует всякими промыслы и живет на посаде на тяглой земле, сидит в лавке, называется закладчиком» Гаврешева. «От тягла называется боярина Шереметева», «боярским именем пробыгается». Ссылаясь на то, что он бил челом для береженья» боярину или архиепископу, закладчик «жил во льготе». Но чаще закладчики, избегая «сильных людей насильства», селились на земле своего господина, на привилегированной владельческой земле. Живут на монастырских и церковных землях, «а торгуют всякими товары и от'езжими торги» [1]).

Борьба с закладничеством начинается уже со времени Судебника 1550 г. и с соборной грамоты 1584 г., но продолжается и в XVII ст. в виде требований возвратить в посады всех заложившихся за бояр, за монастырей и за всяких людей. Соборное Уложение угрожает им кнутом и ссылкой, но большее значение имела приведенная выше отписка их к посадам. Однако, и последняя мера не могла уничтожить закладничества, и еще в конце XVII и в начале XVIII ст. находим указы об отсылке таких беглых людей в города на их старые места [2]).

Третью группу лиц, занимающихся промыслами и торговлей, с которыми также правительству приходилось вести борьбу для привлечения их к тяглу, составляли дворники. Первоначально, повидимому, дворники жили в осадных дворах, обычно пустовавших, в качестве сторожей «для дворового оберегатья» [3]) [4]), «а на дворе, государь, монастырская казна, образы и ризы и книги; для войны татарские и для летнева времени без дворника, государь, монастырскому двору быти невозможно» [5]). Они состояли, главным образом, из людей и крестьян дворовладельца, которых он помещал во дворе и содержал на свой счет. В делах «приказа сыскных дел» упоминается о дворниках, которые «сказались» монастырскими вотчинными

[1]) Шаховская. Сыск посадских тяглецов и закладчиков в перв. пол. XVII ст. Ж. М. Н. П. 1914. X. 294.

[2]) См. Павлов-Сильванский. Акты о посадских людях-закладчиках. 1910. Его-же. Закладничество—патронат. Зап. Имп. Русского Археолог. Об-ва. IX. 1897. Его-же. Сочинения, III. 320 сл. 323 сл. 326 сл. 466 сл. О закладничестве этой эпохи см. Платонов. Ист. Смуты. 77, 588. Дебольский. Гражд. дееспособн. 108. Рожков. Истор. и социол. очерки. 77, 120. Иная точка зрения у Ключевского. Курс III. 184 и Опыты. Сергеевич. Ж. М. Н. П. 1901. X. Лаппо-Данилевский. Прям. облож. 150. См. также выше, т. I, стр. 105 сл.

[3]) Акты о посадских людях-закладчиках. 199.

[4]) О дворниках в гостиных дворах см. ниже, стр. 365.

[5]) Сташевский. Ист. царств. Мих. Фед., 252.

крестьянами или бобылями; из этого исходит и Соборное Уложение (гл. XIX, ст. 14). В одном из упомянутых актов читаем: «а помещики де ево (взяли) в Нижней на свой помещиков двор во дворники и ныне де он живет в Нижнем в их помещикове дворе в дворниках, а поят де и кормят помещики его Онтон да Степан Кеметцкие, для того, что де он их старинной крестьянин» [1]).

Однако, этой простейшей формой дворничества дело не ограничилось. Дворники стали вскоре играть совершенно иную роль.

Многие авторы, касаясь вопроса о дворниках, указывают лишь на эту их первоначальную деятельность в качестве наблюдающих за целостью и исправностью городских дворов и за это пользующихся правом жить на чужих дворах [2]), а Н. Д. Чечулин усматривал в этом держании дворников даже обязанность владельцев осадных дворов, установленную в целях охраны города, придавая дворникам военное значение [3]). Гораздо шире посмотрел на институт дворничества С. Ф. Платонов, указав на многообразие элементов, входивших в состав дворников, и на неодинаковое положение дворников в отношении тягла. «Среди дворников были люди с определенным общественным положением (гарнизонные люди, дьячки, монахи, слобожане, крестьяне, холопы) и люди без определенного общественного положения (приходцы, бывшие черные люди, вышедшие из своей тяглой общины)». «В одних случаях дворники тянули государево тягло вместе с посадскими людьми, в других не тянули, и московские чиновники не всегда знали, как смотреть на дворников, писать ли их в тягло или нет и спрашивали об этом высшую власть: вперед тем людям как государь укажет». Он подчеркивает то обстоятельство, что дворничество было лишь фактическим занятием, но не особым юридическим состоянием, выделявшим его из других групп городского населения [4]).

На другой момент обратил внимание Павлов-Сильванский, указав на то, что дворничество являлось средством избыть тягла, под защитой своего господина занимаясь в городе торговлей или ремеслами, не входя в состав тяглого населения. «Дворниками назывались не только люди, жившие на дворах для их оберегания, но и для самостоятельного занятия промыслами и торговлей». Они являлись теми же закладчиками, выступавшими лишь в ином виде [5]).

Характерную черту дворничества XVI и XVII ст. составляют как пестрый состав его, так и занятие торговлей и про-

---

[1]) Акты о закладч. 196.

[2]) Костомаров. Очерки домашн. быта и прав. великорусск. нар., 19. Побойник. Торопецк. стар., 194. Дахнович. Нижн.-Новг. в перв. пол. XVII в., 29 сл.

[3]) Чечулин. Города Моск. гос. 270 сл.

[4]) Платонов. Ж. М. Н. П. 1890. V. 151 сл. Ист. Смуты. 49 сл.

[5]) Павлов-Сильванский. Люди кабальные и докладные. Ж. М. Н. П. 1895. I. Феодализм. 328. См. также Сташевский. Очерки по истор. царств. Михаила Федоровича. I. 251 сл. Белоцерковский. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII в. 97 сл. 133 сл.

мыслами. Так в Туле, на посаде, по переписной книге 1677 г. в составе дворников имелись посадские люди, ратные люди, вольные гулящие люди, крестьяне, казенные кузнецы. Первые две категории преобладали, составляя из 112 чел. 65, или более половины. Там же в каменном городе среди дворников и дворниц, кроме ратных людей, крестьян и посадских людей и приходцев находим также детей боярских и их жен [1]). В Переяславле Рязанском в конце XVI и в начале XVII ст. дворникам принадлежало 76 торговых и ремесленных предприятий или 20 проц. всех заведений этого рода [2]). В платежной книге 1595—97 г.г. читаем: в мясном ряду полки «княж Иванова дворника Велицкого Федьки Данилова», «Григорьева дворника Сунбулова Ивашка Полприцына» или «лавка Филипова дворника Болшева Офонки Зайцова». Из 38 кузниц 7 принадлежат дворникам [3]).

В Новгороде «двор, что был владычнѣ сына боярского Шумихи Леонтиева, а в нем живет дворник Обакумко Фролов скорняк»; «двор архиепископля дияка казенного.., а во двори живут дворники Горяшко Костеков, да Игнатко Григорьев, барышник» [4]). В «Актах о посадских людях» встречаем дворников, занимающихся самыми разнообразными видами промыслов и торговли. «Живот де он на боярском дворе в дворниках... и сидит де он в Нижнем в наемной лавке за купцами»; два брата Плотниковы, «старинные посадские люди называютца дворники», но «тягла с посадскими людми и казачья не давали»: «живет в Нижнем на Троецком дворе в дворниках» и на «посаде всяким товаром он промышляет»; дает оброк в монастырь, а «тягла с посадскими людми не давывал». Один сидит в лавке, другой «промышляет рогодишами», третий плотничает, четвертый сапожник. Некоторые «ходят на Низ на судах в ярыжных» или торгуют хлебом [5]).

Многие из них старинные посадские люди, платят оброк дворовладельцу, но тягла государева не тянут. Лишь в виде исключения встречаются и дворники, которых положили в тягло. Такие случаи, впрочем, упоминаются в новгородских писцовых книгах уже конца XV и начала XVI в.: «дворники с горожаны тянут» [6]). Но вся суть заключалась именно в освобождении от тягла. Если одни от тягла «стали в стрелцы», а другие для этой цели «назывались» монастырскими или боярскими закладчиками, то многие, пользуясь тем, что они жили на белых дворах в качестве дворников, торгуют и промышляют, но тягла не не-

[1]) Белоцерковский. Тула и Тульский уезд. 124. 132.

[2]) Шимапский. Рязанский уезд в конце XVI и в нач. XVII в.в. по писц. кн. 1911. стр. 19.

[3]) Платежн. кн. 1595—97 г.г. Переяславль-Рязанск. Матер. для ист. гор 2, 4, 5.

[4]) Кн. писц. по Новг. Вел., 96, 99.

[5]) Акты о посадск. людях. 150, 153, 164, 173, 175—6, 191, 193, 195, 199, 201, 208.

[6]) Вулих. Ж. М. Н. П. 1914. VII. 145.

сут. «Да в Калуге ж, государь,—читаем в челобитьи посадских людей 1639 г.—живут в избылых дворники и на монастырских землях и на посадской земле, а торгуют всякими торговыми промыслами сидят в лавках, а иные кабаки и тамгу откупают, а твоих государевых податей не тянут с нами» [1]). Среди них были, следовательно, и откупщики, люди со средствами, уклонявшиеся от тягла. Это было выгодно не только для них самих, но и для бояр и монастырей, на дворах которых они жили, ибо, в отличие от тех дворников, которые действительно посылались для охраны дворов, такие дворники уже не содержались дворовладельцами, а напротив, вносили им оброк за возможность заниматься торговлей и промыслами, не платя тягла. Иногда они, впрочем, платят монастырю не только оброк, но и тамгу, мало того, подобно дворникам старой формации, одновременно со своим промыслом охраняют монастырское имущество и даже сами ставят двор. «Се яз Мелентей Макарьев сын—читаем в порядной 1581 г.—порядился есми... Кирилова монастыря у старца Леонида, поставити мне Мелентию двор на монастырской земле во Твери на Волге на берегу, за онбары монастырскими клети да изба, да около двора городба; и онбаров мне Мелентию беречи монастырских; а оброку мне, Мелентию, давати на год полтина, да своего мне промыслу, чем яз стану промышляти, и мне давати в монастырь томга, да и монастырская служба служити, как моя братия прежния служат» [2]). В одной докладной выписке 1637 г. дворники так характеризуются: «которые дворники живут многие рукодельные и промышленные люди не по одному человеку на дворе... тем людем, чем дворы, монастырские подворья, с их дворовых земель им оброк платят, а торгуют всякими товары на Москве и по городам, а словут их же именем, на чьех дворех живут» [3]).

Характерную черту этих дворников составляют, следовательно, два момента—их живет по несколько человек в одном дворе, и они торговые и промышленные люди и платят оброк владельцу двора. Правительство старается привлечь их в тягло: «а на которых дворех дворники будут промышленные и торговые нарочитые люди, и тех писати в черные тяглые люди». Оно шадило, напротив, тех дворников, которые существовали «для дворового обереганья»: признаком последних являлась наличность только одного дворника во дворе и притом не занимающегося ни торговлей, ни промыслами. Этот принцип проводится уже в XVI ст., как видно, напр., из жалованной грамоты Соловецкому монастырю 1584 г.: «с монастырьского дворника, уже будет который дворник в том монастырском дворе живет не по-

[1]) Акты Моск. Гос. II. № 169.
[2]) А. Ю. № 181 (Арх. Строева. I. № 293).
[3]) Сташевский. Ист. царств. Мих. Фед. 253.

садской не тяглой человек... никаких наших податей по тому ж не имать; а учнут в том их монастырьском дворе жити торговые люди, и с тех людей, с их промыслов во всякие наши подати имати с посадскими людми в ряд» [1]). Впоследствии, в виду жалоб посадских людей, неоднократно издаются распоряжения о включении дворников, которые торгуют разными товарами, в число тяглецов. В писцовых наказах 1622 г. предписывается, напр., «а того им сыскивати накрепко, чтобы на осадных дворех за бояры и за дворяны и за детьми боярскими и за всякими людьми торговых людей и мастеровых не было, а были-б мелкие безпромышленные и безпашенные люди, по одному человеку на дворе» [2]). Однако, дворники все же находили другие способы избывать тягла: когда дворники Переяславля-Рязанского «послышали грамоту» о возвращении посадских людей, живших в избыли, в посадское тягло, они стали становиться в пушкари и воротники [3]). Приведенное постановление в качестве общего правила вносится в Уложение 1649 г. (тл. XIX, ст. 14), но оно вовсе не является, как мы видим, какой-либо новостью.

Наконец, имеется еще одна группа населения. В писцовых и переписных книгах говорится, что переписаны «посадских людей дворы и во дворех людей по имяном со отцы и с прозвищи, их детей и братью и племянников, соседей и подсоседников и захребетников» [4]). Здесь следовательно, названо несколько категорий населения—соседи, подсоседники и захребетники, причем они как бы приравниваются к родственникам. Действительно, среди подсоседников находим родных и двоюродных братьев и зятьев [5]). Есть, наконец, подворники, которых следует отличать от дворников и которые также живут во дворе другого человека: подьячий Заботин «у него на подворье живет посадцкий человек да вольный человек». Встречается подворник зять [6]). Однако, в других случаях соседи, подсуседники и захребетники не находятся на положении родственников, а проживают во дворах у чужих людей (напр. выходец из за рубежа пристал у крестьянина и «жил у него в подсоседстве») [7]); напротив, при них еще живут родственники. Переписная книга Яренской волости (на севере) насчитывает суседей и подсуседников 41 чел. и 71 захребетника, а при тех и других родствен-

[1]) А. А. Э. I. № 323.

[2]) Акты писц. дела, I № 104, а также № 131. Веселовский. Посадская соха в перв. пол. XVII в. Ж. М. Н. П. 1910. V. 18. Сташевский. Цар. Мих. Фед. Прил. № IX.

[3]) Сташевский. 254.

[4]) Переписн. кн. Переяславля-Рязанск. 1677 г. Матер. 27.

[5]) Торопец. Матер. 15. Кунгур. Матер. 3 сл. Лаппо-Данилевский. Прям. облож. 152.

[6]) Перен. кн. Хлынова (Вятка) 1678 г. Матер. 42.

[7]) Дьяконов. Сельск. нас. 106, прим. 5. Ср. Павлов-Сильванский, III. 49.

ников их—56 чел. [1]). Соответственно этому, они сами живут нередко в отдельных дворах. Так, в писцовых книгах новгородских пятин начала XVI в. упомянуто 43 захребетника, не имеющие отдельного двора, и 95 живущих в особом дворе. Среди этих 138 чел. 42 были записаны за несколькими крестьянами и столько же не приписано ни к кому, только остальные 54 чел. записаны за определенным крестьянином [2]).

В последних двух случаях речь идет о сельском населении. Соседи, подсоседники, захребетники и подворники могут, таким образом, занимать весьма различное положение. Они живут либо в городе, либо в деревне, на чужом дворе или в отдельном дворе, являются родственниками хозяина или при них живут родственники, они работают на одного или на нескольких крестьян или пашут и сеют на себя, в городе—как мы увидим ниже—занимаются промыслами или торговлей или наемным трудом.

Большей частью между этими наименованиями разницы не проводят (напр., Беляев, Павлов-Сильванский: «захребетники иначе назывались подворниками, соседями и подсуседниками» [3]). Действительно, напр., в росписи ямских охотников в Московской слободе в Новгороде 1586 г. упоминается группа населения «новгородские посадские нетяглые люди, тягла не давали, жили в подсуседниках», а при перечислении этих же ямских охотников о каждом сказано: «жил у такого-то в суседех» [4]). Из этого вытекает, что соседи и подсуседники представляют собою одно и тоже. Точно так же отожествляют подворников и захребетников [5]). Правда, пытались разграничивать упомянутые категории. Так, Дьяконов утверждал, что соседи и подсоседники всегда являлись жильцами чужих дворов, захребетники же часто проживали и в своих дворах, Лаппо-Данилевский, напротив, полагал, что именно захребетники жили в чужом хозяйстве в качестве родственников, приемышей или наемных рабочих, тогда как соседи нанимали помещение у другого лица, причем иногда платили своей работой [6]). Однако, эти предположения не подтверждаются. И те и другие, как указано, могут занимать разнообразное положение и трудно провести между ними границу. В тех же документах одни и те же лица именуются попеременно то соседями.

---

[1]) Богословский. Земск. самоупр. I. 142.

[2]) Гневушев. Очерки экон. и соц. жизни сельск. нас. Новг. обл. 1. 179—80. Ср. Сергеевич. III, 146 сл.

[3]) Беляев. Лекц. по истор. рус. законод. 493. Павлов-Сильванский. III. 48 сл.

[4]) Гурлянд. Новгородские ямские книги. 206 сл. Дьяконов. Ж. М. Н. П. 1904. VII. 182.

[5]) Сергеевич. III. 147. Соколовский. Эконом. быт. 15.

[6]) Дьяконов. Рец. о Сергеевиче. Ж. М. Н. П. 1904. VII. 182. Лаппо-Данилевский. Прямое оброж. 150. Ср. Введенский. Арх. Ист. Труда. VI—VII. 13.

или подсуседниками, то захребетниками: «да у них же суседи захребетники Стехно да Мартынко» [1]).

Лаппо-Данилевский рассматривает все эти категории населения с точки зрения тягла как лиц, в силу своего положения избегающих тягла [2]). На чем же покоится эта возможность не платить тягла? Довнар-Запольский утверждает, что захребетники—это те же закладчики, сидевшие за хребтом другого и тем самым избывавшие тягла. Из приводимых им по Москве фактов видно, что были захребетники, занимавшиеся торговлей и промыслами и жившие за боярами или посадскими людьми [3]). Действительно, мы находим среди них, как и среди соседей и подсуседников, и в других местах ремесленников и торговцев. В писцовой книге по Великому Новгороду читаем: «двор плотники Гриша до Ромашко, да у них же в суседникех Савка варежник... Двор плотники Федко да Поташко Остафьевы, да у них же в подсусидникех Иванко да Гришко сапожники». «Двор за Юрьем за Ивановым яблошником... да в том же дворе подсусидник Харя Иванов ветошник». «Полдвора Софейского попа Евтифья и в том полудворе ныне живет Тимофей Петров суконник по купчей, а другая половина за Успенским дьячком... да в том же дворе подсусидник Гаврилка суконник [4]). И таких примеров из писцовой книги можно было бы привести еще много. Суседями и подсуседниками являются, следовательно, ремесленники и торговцы, живущие в чужом дворе (даже в полудворе).

В этих случаях правительство и старается привлечь их к тяглу. Так, в вологодском и гороховецком наказах писцам 1627 г. велено переписать тяглых людей «и их детей и братью и племянников и сосед и подсоседников, которые и с ними и живут вместе в одних дворех или в суседех, а торгуют и всякими промыслы и рукодельем промышляют опричь их собою (т.-е. самостоятельно) и про тех людей разспрашивати выборных людей и старожильцев те захребетники с своих торгов и промыслов с тяглыми людьми всякие государевы подати и в мирские разметы дают ли» [5]). Здесь, как и во многих других случаях, соседи и подсоседники сближаются с родственниками хозяина двора, причем все они именуются захребетниками и привлекаются к тяглу, раз они самостоятельно занимаются торговлей или промыслами. Они относятся к категории «избылых», каковыми являются все не тянувшие тягла, но занимающиеся тор-

[1]) См. наказы писцам. Весловский. Посадская соха в перв. пол. XVII ст. Ж. М. Н. П. V. 17.

[2]) Лаппо-Данилевский. 146 сл., 150 сл.

[3]) Довнар-Запольский. Торгов. и пром. Москвы. 33 сл., 90 сл.

[4]) Кн. писц. по Новг. Вел. конца XVI в. (изд. Майковым), 53. 97, 102—03.

[5]) Ак. писц. д. Весловского. Т. I. №№ 104, 115, 151. Ср. Т. II, ч. I. № 28, стр. 65, № 183, стр. 452—454 и друг.

говлей и «рукодельями». Все обязаны в этом случае платить подати, будут ли то слобожане, или дворники, или закладчики, или родственники или, наконец, соседи и подсуседники. «А будет те люди (дяди, братьи, суседи и подсуседники) живут в избылых... а торгуют и всякими промыслы промышляют... в тягло положить... чтоб никакой торговый и рукодельный человек в государевых податях в избылых не был».

Судя по приведенным наказам, соседи, подсуседники и захребетники отличаются от прочих привлекаемых к тяглу групп населения (дворников, закладчиков) тем, что они либо находятся в родстве с владельцем двора, но более отдаленном, чем упомянутые дети, братья и племянники, или же за получаемое от дворохозяина пропитание работают на него, равнозначущи с встречающимися в новгородских писцовых книгах «прикормниками», из чего видно положение этих лиц (крестьянин их прикармливает и за это пользуется их трудом). Или они помогают другим лицам в их промысле или торговле, а не промышляют «опричь их» (как сказано выше), они у тяглых людей «силельцы», «сидят в лавках и торгуют всякими товары у хозяев своих», или, наконец, они кормятся черной работой—«наймиты». Во всех этих случаях они тяглу не подлежат и только если они «опричь их собою» торгуют или промышляют, они, подобно дворникам, вносятся в тягло в качестве «избылых». Такими бедными трудовыми элементами захребетники и подсуседники, повидимому, являлись весьма часто—это были «молодшие людишки, недостаточные», «которые люди приходят на Кострому на время кормиться работою... а в посацкие люди в тягло не пригодятся, молодчие людишки живут в соседстве (являются соседями, т.-е. своих домов не имеют), недостаточные». Им противополагаются посадские люди, которые «живут, убегаючи по иным городам и по слободам и на церковных землях», и иные пришлые люди, которые, укрываясь живут на Костроме, а «промыслом промышляют»; с них можно взять тягло [1]).

Таким образом, из рассмотрения всех этих категорий людей, нередко об'единяемых названием «закладчиков» в широком смысле слова [2]), получается вывод, что население как посадов,

---

[1]) Шаховская. Ж. М. Н. П. 1914. X. 293. 307.

[2]) В то время, как в Яренской писцовой книге 1678 г. упоминаются суседи, подсуседники и захребетники, в другой волости—Тотемской—писцовая книга того же года этих названий не знает, а перечисляет живущих во дворах подворников, подворников-бобылей и работников (Богословский. I. 140). Возможно, что первые и вторые наименования тождественны.

В грамоте 1597 г. велено высылать в г. Корелу тех корелян, которые податей не платят, именно «которые живут в захребетниках и в подсуседниках и которые живут за митрополитом и за монастыри... и за всякими людьми». А в дальнейшем прибавлено, чтобы старцы Кижского погоста велели ехать в Корелу всем живущим за митрополитом и за другими, но о захребетниках и подсусед-

так и лежавших по близости от них слобод, состояло, независимо от того, к каким сословным группам оно принадлежало (посадские, служилые люди, закладчики, дворники, захребетники) из двух групп—из самостоятельных торговцев и ремесленников, с одной стороны, из наемных людей, занимавшихся черной работой или сидевших в лавках посадских людей, с другой; при этом и среди первой категории, наряду с более состоятельными, имевшими собственные дворы, встречались и такие, которые жили—как мы видели—в чужих дворах. Но, подобно тому, как приобретение двора для ремесленника являлось делом вполне возможным, так и превращение «наймита» или «сидельца» в самостоятельного хозяина происходило весьма легко. Мы читаем о том, как крестьяне и бобыли Спасского Ярославского монастыря и их братья и племянники и внучата ходят в Ярославль и там посадские люди их «припимают к себе в домы, сажают в лавки и женят на дочерях, на племянницах и на внуках на девках и на вдовах» [1]). К ним и переходит промысел тестя, они живут в доме его, поят и кормят его «по его живот». Потому то Уложение 1649 г. и их привлекает к тяглу, «для того, что они—как говорится в одном указе—шли в домы и тех девок имали» [2]).

В своем стремлении привлечь в тягло возможно более широкие круги населения, государство идет все дальше и дальше. Так, грамота 1638 г. Суздальскому воеводе Вельяминову касается не только всех вышедших из черных сотен и из слобод и из посада с тягла, но и таких, которые там жили, но «в тягле не бывали, а торговали всякими товары у хозяев своих, а отжив урочные годы, отходили от хозяев своих прочь, а живут ныне у розных чинов людей в закладчиках или в пушкарех или в стрельцех»—их всех указано «имать та посад попрежнему, где хто жил наперед сего». Здесь, следовательно, не только всякие «захребетники», в том числе и не бывшие никогда в тягле, привлекаются к нему (кроме тех, которые кому-либо крепки по крепостям), но даже уход в пушкари и стрельцы уже не избавляет от этого. Под беглыми посадскими людьми понимаются все те, которые живут «за дворяны и за детьми боярскими в закладчиках и во дворниках, и в стрельцах, и в пушкарех, и в затинщиках, и во дворниках (повторяется еще раз), и в казенных плотниках». И на всех этих людей, которые «во всякие службы стали», должны быть поданы именные росписи и поручные записи» [3]). В поручной угличских посадских людей по угличанину Игнатию Максимову о жительстве его в Угличе на посаде

никах уже ничего не сказано: повидимому, под заложившимися людьми и они понимаются. (А. А. Э. II. № 13).

[1]) Ист. ак. Ярослав. Спасск. мон. I. № 111.

[2]) Улож. XIX, ст. 23.

[3]) А. А. Э. III. № 279.

1641 г. поручители отвечают за Максимова в случае, если он «с'едет с Углича с посаду... и за ково заложитца, за князя или за боярина... или за какова сильнова человека... или и мимо сего камещиством, или плотничеством, или рыболовством, или пушкарством, или стрелечеством, или холопством, или какими делы ни есть от государева или мирского тягла учнет отыматца» [1]).

Уход в ратные люди, которыми являлись не только стрельцы, пушкари, затинщики, но и (казенные) плотники и каменщики, строившие укрепления, уже не спасает от тягла. Он не допускается, ибо означает избытие тягла; поэтому не разрешается и занятие рыболовством посадским людям и даже продажа в холопы запрещается, повидимому, и из фискальных соображений.

После многократных попыток сажать «сошлых» посадских людей, как и захребетников и прочих избывавших тягла на их прежние места, попыток, большею частью, неудачных, в 1638 г. был образован специальный сыскной приказ для сыска тяглецов, который и рассылает для этой цели по стране специальных сыщиков, «дворянина добра» с под'ячим; они собирают сведения о закладчиках и вышедших тяглецах, производят «большой повальной обыск». Но результаты, повидимому, были не блестящие. Свозчики были большею частью люди неграмотные, оказывавшиеся беспомощными в порученном им деле. У одного выкрали записи, другой жалуется, что у него в Москве «воры покрали животишка, а в деревне хлебишка мороз побил без остатка», третий сообщает, что его «вотчинко пусто и разорено» и «будучи у твоего государева дела умереть голодной смертью». Они просят отпустить их, один даже глух и слеп—«твоего государева дела не вижу и не слышу» и самовольно отправляется в Москву. Но его сажают в тюрьму, «чтобы ему впредь не повадно было ездить к нам без нашего указу» и возвращают с приставом обратно к сводному делу, тогда как одного под'ячего за беспробудное пьянство увольняют. Дело их было нелегкое—воеводы им всячески препятствовали, не обращали внимания на указы, не позволяли грамоты читать населению, выгоняли из с'езжей избы, отказывались выдать тяглецов. Бывали случаи, когда и люди, которых должны были выдать, «чинились сильны» и не только бранили приставов» всякой неподобной бранью («бранит блядиным сыном»), но и грозили их бить и свозчики даже боялись к ним приступиться: «и мы, холопи твои, без дела пропадемся». Но и свозчики не очень бережно обращались с населением, в частности, с поручителями, которые брали за свозимых тяглецов—«нас на правеже бьет и мучит смертным боем, а на ночь в тюрьму сажает для своей корысти». С населения они берут «посулы и поминки великие»; «чинят насильства многие», а кто посул не дает, тех «бьют батогами на смерть». В результате некоторые воеводы находили весь процесс сыска бесплодным, заявляя, что все равно «беглые всяких чинов люди против росписи посадских людей учнут их

[1]) А. Ю. № 304. Ш. Ср. Ак. писц. д., т. II, № 177.

укрывать.... и теми обыски подлинно о закладчиках сыскать нельзе». Действительно, нередко земский староста закладчиков не выпускал, или приказчик не выдавал крестьян, или выдавал только жен «душою и телом, одних без мужовей и без животов». Будучи же вывезены, они бежали обратно—«брели розно», снова закладывались за тех, за кем жили прежде.

При этой операции возвращали не только тех тяглецов, которые уклонялись от службы, но которые перешли в другие города и там жили в тягле или состояли там «у государевых служб» и это еще более затрудняло задачу. Не удивительно, если после всех огромных затраченных усилий уже через несколько лет на соборе, вырабатывавшем Уложение, были вновь возбуждены те же вопросы. Однако, разница теперь, повидимому, заключалась в том, что вместо возвращения каждой тяглой общине именно ее тяглецов, теперь имеется в виду лишь тяглое состояние, как целое, речь идет о взятии на посад по месту фактического жительства. В этом новом виде проводится принцип прикрепления к посадам, к городскому тяглу. «Тем всем быти в тех городех на посаде, где кто ныне живет»; «тем тяглым посадским людям и вперед жити в тех местах, где они ожилися... а из города в город их, посадских людей не переводити». «А которые развезены в уезды, в села и в деревни с посадов и их всех сыскивая свозити на посады тех городов, где кто сыскан будет». Подобно прикреплению крестьян к земле и посадские люди прикреплены к посаду—в обоих случаях фискальный принцип сыграл важную роль [1]).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Промыслы в городе и деревне.

Литер. см. выше, гл. V (источн., стр. 3).

I.

Как указывает Н. Д. Чечулин, даже в пригородах Новгорода и Пскова, где огромное большинство населения занималось хлебопашеством, в течение XVI века развивается ремесло. К началу XVI ст. ремесленники составляют в таких пригородах, как Ивангород, Ям, Корела, Ладога, Копорье, Орешек, не более 8 проц. населения, но к половине XVI ст. число их здесь значительно возрастает—в последних четырех городах, вместе взятых, их насчитывается около 200, причем находим 44 названия ремесел. И даже, если вычтем из них таких, которые к ремеслам собственно не относятся, как извозчики и лодочники,

[1]) Шаховская. Ж. М. Н. П. 1914. X. 269 сл., 296 сл., 309 сл., 313. А. писц. к. II, ч. I. 1917 г. №№ 141, 143, 145, 149.

скоморохи и гусельники, огородники или толмачи, то все же остается до 30 различных промыслов, причем 48 человек заняты производством с'естных припасов, а 53—выделкой текстильных и кожевенных изделий [1]). В других городах, имеющих самостоятельное значение, находим их гораздо больше, даже в примосковных городах, несмотря на близость Москвы: в Коломне было 159 ремесленников (22 проц. посадского населения), в Можайске—224 (40 проц.), в Серпухове—331. В Казани ремесленниками из посадских людей обозначены 318 чел., что составляет более половины всех посадских людей, в Свияжске—103 или более трети. Около половины посадского населения составляют ремесленники в Устюжне, четвертую часть в Туле, не считая казенных кузнецов, в Новгороде их насчитывается к концу XVI в. свыше 2 тысяч.

Рассматривая промышленное население городов XVI ст. по отдельными группами занятий, мы отмечаем прежде всего большую роль тех промыслов, которые относятся к производству с'естных припасов. Они составляют в Торопце 20 проц. общего числа ремесленников, в подмосковных городах 22 проц., в Устюжне 25 проц., в Пскове 30 проц., в Туле 32 проц., в Казани 41 проц., в Свияжске даже 43 проц. и только в Новгороде опускаются до 17 проц. Среди этой группы главную роль играют повсюду хлебники, калачники и пирожники, мясники и рыбники; эти промыслы представлены везде значительным количеством лиц (в Казани, напр., по 28 хлебников и калачников, 10 пирожников, 29 рыбников, 12 мясников; в Пскове по 5 калачников и пирожников, 3 хлебника, 13 рыбников, 7 мясников; в Серпухове 19 хлебников, 8 калачников, 2 пирожника, 19 мясников; в Новгороде 26 калачников, 21 хлебник и 22 ржаника, 41 мясник, 74 рыбника). К ним присоединяются еще и другие специальности, нередко их весьма много, но каждая отмечена немногими лицами. Больше масленников, крупяников, кисельников, гречишников, овощников, соленикоь. Приготовляющие хлебные продукты нередко делятся не только на хлебников, калачников и пирожников, но еще сверх того, на ситников, пряничников, блинников. Специализация, таким образом, очень большая, но мы находим ее, повидимому, лишь в больших городах, да и там многие из упомянутых промыслов представлены лишь единицами. В Торопце же, Устюжне, Коломне, Серпухове многих из них вовсе нет.

Во всяком случае промыслы по изготовлению с'естных припасов отличались значительным развитием. Одни из них, как рыбный промысел, обусловливались обычаем потреблять рыбу

---

[1]) Чечулин, ук. сч. Писц. кн. по Новг. Гневушев. Экон. полож. Вел. Новгорода во второй полов. XVI в. Сборн. Общ. любит. древн. VI 1912.

во время многочисленных постов. «Обычай свято сохранять посты, установленные церковью, развил у нас повсеместно рыбные промыслы и рыбную торговлю. Не было реки или озерца, где бы не занимались рыболовством; не было базара, где бы рыба не была самым обыкновенным товаром». Другие промыслы, как хлебный и калачный, а также профессии пирожников, ситников, квасников, и т. д. обусловливались, вероятно, тем, что существовало, очевидно, население, вероятно, главным образом, пришлое, не имевшее в городе оседлости, которое не производило—в отличие от прочих хозяйств—этих продуктов у себя на дому, а приобретало их в лавке, на рынке. Быть может, они являлись последствием и того, что хлеб пекли дома только из ржи и ячменя, но не из пшеницы, которая—как мы видели—вообще сеялась мало, почему белый хлеб (это и обозначали калачи) покупался у калачников, ситников, пирожников и т. д.

Вторую группу образуют промыслы, изготовляющие одежду и обувь, т.-е. текстильное и кожевенное производства. Эта группа составляет треть всех занятых промышленной деятельностью лиц в Туле и в подмосковных городах, почти четвертую часть в Казани, Свияжске, Пскове, Устюжне, Торопце. Она, таким образом, везде значительна. В Новгороде она особенно велика—превышает половину всего промышленного населения. При этом, однако, необходимо отметить, что наиболее важная деятельность из этой сферы—шитье и качество почти совершенно отсутствуют и в области приготовления одежды выступают одни лишь портные, т.-е. имеющие в своем распоряжении уже готовые ткани. Лен и шерсть пряли и ткали в каждом хозяйстве, где это составляло женскую работу, почему в большинстве случаев и портной не только выполнял работу на заказ, но и из полученного от потребителя материала. На ряду с портными мы имеем здесь кожевников, сыромятников и сапожников (последних везде много), далее скорняков, шубников и овчинников. К ним присоединяются рукавичники (и варежники), шапошники, холщевники, колпачники. В Новгороде находим 300 кожевников и свыше 200 сапожников, всего 40 портных, но к последним присоединяются 33 сарафанника, 16 кафтанников и ряд других работников, выделывающих одежду; все же их гораздо меньше, чем в кожевенном промысле (в широком смысле). Иногда выделяются еще особые специальности—из сапожников выделяются башмачники, голенищники, подошевники, сандальники, чеботные мастера, опоечники; из шубников—особые бобровники (бобры употребляли, главным образом, на выделку женских шапок), белочники; из портных—кафтанники, армячники, строчники, сарафанники, епанечники. Появляются особые пуговичники, чулочники, сермяжники, седельники, ременники, сумочники, мошенники (выделывающие мошны), лапотники, хотя большинство этих мастеров имеется в единствен-

ном числе (в Новгороде, впрочем, 11 сумочников, 8 армячников, 7 ременников). Существенны далее ветошники, т.-е. старьевщики, производящие починку одежды, а быть может, и просто торгующие старым платьем. В Новгороде и Пскове находим также суконников и шелковников, но весьма возможно, что те и другие являлись торговцами привозным сукном и во всяком случае привезенными из-за границы шелковыми тканями, ибо у нас их до конца XVII ст. не производили. К торговле они могли присоединять и выделку одежды из сукна и шелковой материи.

Третью и наименее развитую группу промыслов представляют те, которых Чечулин об'единяет под названием производства предметов домашнего обихода. В Туле они составляют 20 проц. всех занятых промышленной деятельностью, в Казани и Свияжске 22, в подмосковных городах 27, в Устюжне 25, в Новгороде и Пскове менее 20 проц. Однако в эту группу входят самые разнообразные виды промыслов—обработка металлов, дерева, производство свечей, посуды, дегтя, гребней и т. д. (напр. токари, плотники, свечники, гончары, бочечники и ведерники, дегтярники). Из них наиболее важен промысел обработки металлов, представителями которого являются, однако, только кузнецы, иконники и серебренники. В Туле мы находим также 3 гвоздочников и одного ножевника, в подмосковных городах замочников и гвоздочников, в Пскове медников, замочников, одного оловянишника и одного гвоздочника, но всего одного кузнеца, в Казани по одному замочнику, ножевнику и котельнику и не более 3 кузнецов, в Торопце есть сабельник и игольник. Более разнообразно представлено металлическое производство в Новгороде, хотя и здесь на его долю приходится незначительный процент всех ремесленников. Здесь имеется по несколько ножевников, замочников, крестяников, котельников, есть и отдельные алмазники, булавочники, сережники, гвоздочники, подкованники.

В общем, производство изделий из металлов еще мало специализировалось. Только обработка благородных металлов и специально отделка икон выделились в особые профессии (в Новгороде 21 серебренник), тогда как кузнец по общему правилу изготовлял и оружие (сабельника находим лишь в виде редкого исключения), и гвозди, и ножи, и замки, выделывая не только железные, но и оловянные и медные предметы. Только в Устюжне железный промысел был значительно развит, но там мы имеем, повидимому, в отличие от прочих городов, не только переработку железа в различные предметы потребления — оружие, утварь, но и самую добычу руды и превращение ее в железо. Об этом свидетельствует наличность на ряду с 34 кузнецами 66 молотников и в особенности 12 угольников, добывающих

щих необходимое для производства железа топливо. В Рязани имелось 38 кузниц, в Устюге 68, в Белеве 20 [1]).

Железа употреблялось в домашнем быту, повидимому, весьма мало [2]). Правда, в целях борьбы с пожарами, двери и оконные рамы дворцов, церквей, складов, иногда и самые окна лавок (против воров) делались из железа [3]). Однако, «домашняя утварь у них (у русских)—сообщает Рейтенфельс,—вся деревянная, да и та очень немногочисленная, железного же у них почти что ничего нет». «Несколько ложек, роговых, деревянных или оловянных,—говорит он в другом месте,—нож, глиняные кастрюли и горшки, подойник, солонка, да стол без тарелок и скатерти—вот и весь столовый прибор их... Необходимые для плаванья по морю и по рекам суда они сколачивают без гвоздей так, что нигде не видно, хотя бы малейшего гвоздика, связывая все чрезвычайно искусно, исключительно одними прутьями и лозой» [4]). Крижанич указывает на то, что пил («зубачей») на Руси не существует, так что лес разрубают топорами и из бревна получается едва одна или две доски и из ста бревен половина пропадает даром. Нет и других плотничьих инструментов—«оскордов и скоблев». Двор строят полгода, хотя это можно было бы сделать в два месяца, если бы имелись подходящие «топоры, пилы, оскорды и иное орудие». Кос также нет, а жнут серпами, для сенокоса, впрочем, пользуются косами, но они так малы, что мало чем отличаются от серпов [5]).

В Новгороде находим по 20 свечников и токарей, 53 плотника, 36 гончаров, несколько бочечников, ведерников, оконичников, грабенников. В Пскове показано всего 8 каменщиков; там же встречаем двух плотников, 5 свечников и всего 1 горшечника. И в других городах, кроме горшечников или гончаров, встречаются еще кувшинники, иногда кадники, ведерники, бочарники, колесники, токаря. Иногда имеются смольники, изготовляющие поташ, гробовщики, жарновники (выделывающие жернова для мельниц), веретенники, производящие веретена для пряденья. Но и мастеров всех этих специальностей весьма немного, они встречаются единицами и далеко не во всех из рассмотренных нами городов. Очевидно, эти предметы — домашняя утварь из дерева, мебель, посуда разного рода, принадлежности освещения — свечами пользовались мало, кроме монастырей, которые их сами выделывали—изготовлялись в собственном хозяйстве. Плотники же и каменщики, повидимому, в число ремесленников не входили, так как это были отхожие промыслы, которыми занимались крестьяне [6]).

---

[1]) Платежн. кн. 1595—97 г.г. по Рязани. Матер. 5, Мерцалов. 137. Белев. Матер. 12.
[2]) Курц, 468.
[3]) Берг. Таппер. 49.
[4]) Рейтенфельс. 139. 152.
[5]) Крижанич. Разд. 3. Стр. 52—53. Ср. Штаден. (Зап. немца-опр.). 109.
[6]) См. ниже, стр. 267 сл.

Плотникам было много работы, так как дома были деревянные. На это указывают и Барберини, и Герберштейн (Москва — город деревянный), и Флетчер, и Олеарий. Поэтому Москву называли пылающей— дома, построенные из соснового дерева, горели точно факелы; мох, которым конопатили стены, и смола, заключавшаяся в бревнах, также давали много пищи огню. Пожары происходили и от бересты и дерна, которыми покрывали крышу, так что в Москве не проходило месяца без сильного пожара.

Опустошительные действия огня должны были вызывать каждый раз новые постройки домов, как и стремление заменить деревянные строения каменными. Но—по словам Олеария—только бояре и богатые купцы имели каменные дома, да и эти дома были построены лишь в XVII ст. Мейерберг, Рентенфельс и другие иностранцы также удостоверяют, что еще в пол. XVII ст. каменные дома составляли в Москве редкость, что их было очень мало и только бояре и иностранцы строили такие дома. При этом в домах было мало окон и—по словам Какапа—окна были без стекол, а печи без труб, и даже каменные дома нередко были крыты лыком [1]).

Многие производства вовсе отсутствовали. Так напр., выделка стекла, как и производство бумажных и шелковых материй в XVI ст., как еще и впоследствии, совершенно не были известны на Руси и соответствующие изделия привозились из заграницы.

В общем, однако, обрабатывающая промышленность в городах делала успехи. К сожалению, мы совершенно не в состоянии установить, в какой форме она производилась, какую роль играл потребитель, с одной стороны, производитель, с другой, насколько она была оседла, каковы были отношения мастера к торговцу и мастера к своим помощникам.

Обычно все эти ремесленники имели свои лавки в городе, причем многие владели и землей. В половине случаев (в Устюжне) принадлежит, однако, ремесленнику всего половина лавки, но есть владельцы двух и трех лавок, один имеет даже пять лавок. В последних случаях, очевидно, уже торговая деятельность выступает на первый план, быть может, эти лица и не являлись вообще ремесленниками, а занимались лишь перепродажей произведенных другими изделий. Характерны для рассматриваемой эпохи и такие случаи (в той же Устюжне), когда не только гвоздарь назван в то же время кузнецом или плотник и судовщиком, ибо соединение этих смежных промыслов являлось, вероятно, обычным, но плотник является в то же время сапожником и молотником, т.-е. обрабатывает дерево, кожу и металл одновременно, а кузнец в то же время рыболов. А как часто, надо думать, такое

[1]) Герберштейн. 100. Посольство Кляпка. 524. Флетчер. 18. Мейерберг. 60. Рейтенфельс. 92. Забелин. Матер. для ист. и статист. Москвы. 91. Курц. 480 сл. 492 сл.

соединение совершенно различных промыслов, указывающее на первобытное состояние ремесла, имело место без того, чтобы сделано было соответствующее указание.

Возможно, что в XVII ст. развитие ремесла задерживается, хотя за отсутствием данных, которые позволяли бы сравнение, трудно решить этот вопрос. Быть может, спрос на промышленные изделия вырастал слишком медленно, старались по возможности удовлетворять потребность в пределах (вотчинного) хозяйства. Развитие ремесла задерживалось и той политикой, которую вела Москва, выписывая в большом количестве ремесленных людей из других местностей, отнимая их не только у монастырских и боярских вотчин, но и среди посадского населения провинциальных городов.

Подобно служилым людям, и мастеровые всякого рода переселялись для государевых нужд. Встречаем целую массу местностей, из которых приказано выслать мастеров той или другой специальности в Москву. Они вызываются из вотчин Кириллова монастыря, Пречистенского Переяславля Залесского монастыря, из Антониева Сийского монастыря, из Вологодских монастырских вотчин. Но такое же распоряжение отдается по городам—Новгороду, Переяславлю Залескому, Ярославлю, Костроме, Вологде, Бежецкому Верху, Калуге, Хлмогорам. Из Новгорода требуются иконописцы самого доброго мастерства, через несколько лет приказано выслать оттуда всех замочных мастеров, из Белоозера записных каменщиков и кирпичников вместе с детьми и братьями и племянниками и соседями и захребетниками. В Москве известно, что есть тихвинец заварщик Ивашка Чаплан, да замочник Пронка, которых и велено взять московским мастерам в прибавку в подкрепление. Из Астрахани вытребованы черкесы, искусно выделывающие булатные сабли и панцыри. Особенно часто требуются в Москву портные и скорняки. Последние в особенности необходимы были для отправки крымскому хану подарков — соболей, лисиц, куниц и белки («крымская кладь»). В 1658 г. был даже послан общий приказ по всем городам, посадам и уездам о доставке отовсюду портных мастеров в количестве двух из каждых десяти. Провинция, правда, ведет решительную и упорную борьбу с таким обескровлением в интересах Москвы, с отнятием у нее тяглого посадского населения. Прием применяется обычный в истории нашей—бегство, мастеровые люди скрываются и убегают от московских «рассыльщиков». Против этого принимаются правительством меры—мастеровых ловят, возвращают обратно в Москву, от местных жителей берутся поручные записи в том, что мастеровые не разбегутся. В различных случаях оказывается, что присланные лица не годятся для указанной работы, хотя нам неизвестно, действительно ли произошла ошибка и одни попали вместо других или намеренно послали более слабых тяглецов, чтобы не трогать с места прочих; или, наконец, челобитчики заявляют, что они данного ремесла не знают, чтобы избавиться от отправки в Москву. Так, напр., мастеровые из Бежецкого Верха бьют челом, заявляя, что «скорняпняго дела мы, сироты

твои, делать отнюдь не умеем, а делаем, государь, овчишишко; ведомо, государь, про то всему городу и ныне, государь, мы, сироты твои, живучи на Москве, скитаемся меж двор».

Из Вологды все скорняки разбежались еще до получения грамоты, а взят был какой-то Тараска, которого кто-то «оболгал скорняжным делом напрасно», потому, что он не умеет делать «с младенчества» скорняжного дела. Калужские посадские люди заявляют, что после моровой язвы у них нет портных мастеров. Была составлена роспись двинским скорнякам и портным, но все они показались в беглецах или в стрельцах. Из Саранска вместо скорняков и портных были посланы стрельцы и казаки; когда же их вернули обратно и потребовали настоящих мастеров, то скорняки оказались либо сбежавшими, либо арестованными в воровском деле, либо умершими или, наконец, старыми и слепыми [1]).

В 1638 году в Москве было подсчитано 2367 человек, занятых промышленным трудом. Попадаются, правда, среди них один потешник и один гусельник, один аптекарь, 4 коновала, 12 охотников, один пильщик, 7 пастухов, 14 банщиков, но все это немногие исключения и, в отличие от приведенных выше данных по отдельным городам XVI века, они общую цифру немногим меняют. Исключить необходимо только 308 извозчиков, в общем получится все же 2100 человек, занятых промышленной работой. Цифра, таким образом, оказывается весьма значительной. При этом отмечено лишь посадское население, не включены ни дворцовые мастера, ни стрельцы, занимавшиеся промыслами, ни пришлые рабочие, которые являлись в Москву для сезонных работ нередко артелями в несколько сот человек — костромичи, ярославцы, картопольцы. Наконец, цифры неполны еще и потому, что, как и следовало ожидать, перепись тяглого населения должна была вызвать противодействие со стороны различных элементов, которые «учинились сильны» и не желали давать о себе показаний, как напр., кузнецы и пушечные мастера.

Останавливаясь на отдельных группах промыслов, надо отметить, что названия в сущности почти те же, которые мы находили уже в XVI ст. в провинциальных городах, присоединяются лишь некоторые новые. Только в отдельных промыслах специализация идет несколько дальше, появляются в немногих случаях и новые производства и, наконец, различные виды мастерства представлены здесь, соответственно значительно большему количеству ремесленников вообще, и большим числом лиц.

Изготовление съестных припасов в Москве в XVII ст. составляет всего 1'7 проц. общего числа мастеров, т. е. играет несколько меньшую

---

[1]) Довнар-Запольский. Торговля и промыш. Моск. госуд. XVI и XVII ст., 13 сл.

роль, чем в приведенных выше данных, отчасти потому, что некоторые другие почти отсутствовавшие там группы в Москве отличаются большим развитием, отчасти и по той причине, что здесь речь идет лишь о приготовляющих хлебные продукты мастерах, тогда как мясники и рыбаки в их число не попали, будучи отнесены, очевидно, к торговцам.

Из 397 лиц этой группы большую часть и здесь, как и там, составляют калачники, хлебники, пряничники и пирожники, квасники (всего вместе 224), есть те же сытники, блинники, солодовники, пивовары.

В изготовлении одежды и обуви и здесь мы совершенно не находим ни прядильщиков, ни ткачей—по указанной уже выше причине изготовления пряжи и тканей в пределах собственного городского хозяйства, как и вследствие приобретения их у пригородных крестьян или доставки последними в качестве оброка. Первую роль и в Москве играют портные (119) и сапожники (142), затем идут скорняки и шапочники (64 и 63). Есть сафьянщики, покромщики, рукавишники, кафтанники, холщевники и даже особые подкладники, далее шубники, пушники, бобровники.

Среди мастеров кожевенного дела обращает на себя внимание крайне незначительное число кожевников—всего 9 и один сыромятник, наряду со 142 сапожниками. Если не исходить из возможности пропуска большого числа кожевников, то надо предполагать, что сапожники, очевидно, занимались обычно и выделкой самых кож. В последнем случае получилось бы весьма отсталое состояние этого промысла, отсутствие разделения труда. А в то же время мы находим именно здесь довольно далеко идущую специализацию—не только седельников, но и узников, шлейников, особых подошвенников, одного каблутчика, одного мочильщика (ремешка) и 7 переплетчиков. Появление последних находится в связи с тем, что имеется уже книгопечатание, которое выражено 64 мастерами—наборщиками, печатниками и т. д.

В обработке дерева на первом месте стоят плотники (131 из 211), довольно много имеется клетников (30), затем по несколько человек обручников, тележников, колымажников,—специализация усилилась.

Новым промыслом являются стекольщики и зеркальники, тогда как каменщиков, гончаров, гребенщиков, печников очень мало; есть и два выделывающих бумагу мастера.

Гораздо больший процент, чем в приведенных нами относительно XVI ст. данных составляет обработка металлов—она превышает четвертую часть всех мастеров. Насчитывается много новых специальностей—на ряду с серебренниками выделившиеся из них алмазники, далее сусальники, канительщики, рядом с иконниками особые крестецники и золотописцы, особенно же много мастеров и специальностей по обработке неблагородных металлов, преимущественно железа. Среди последних преобладают кузнецы (113) и еще более пушкари (248 из 497, т. е. половина обрабатывающих неблагородные металлы). Кроме того, имеются пищикадильщики, паяльщики, колокольники, трубники, броневые мастера, замочники.

В металлическом промысле встречается и один из немногих случаев такой формы разделения труда, где мастер не изготовляет, как во всех прочих случаях, всего предмета от начала до конца, а выделывает лишь некоторые части его. Так, если одновременно с серебряниками, которые прежде выполняли всякие работы из золота, серебра, жемчуга, в том числе оклады для икон (хотя были уже и иконники), теперь упоминаются и особые золотых дел мастера, алмазники, крестенники и т. д., если появляются особые просвирницы, особые колокольники или паникадильщики, то во всех этих случаях какой-либо промысел разбивается между рядом мастеров, из которых каждый имеет более ограниченное поле деятельности, чем прежде (специализация). Мастер изготовляет только золотые вещи или даже кресты, производит одни лишь просвирни, паникадила или вместо всевозможных кожевенных предметов одни только уздечки или шлеи, вместо всякого рода возов только телеги или только колымаги. Но все же он выполняет целиком всю работу, нужную для изготовления данного предмета, все процессы, необходимые для того, чтобы получилась годная для потребления вещь, будет ли то крест или уздечка, колокол или телега, или сарафан. Мастер специализируется на определенных предметах, но сохраняет свою полную самостоятельность, не завися от других работников.

Совершенно иначе обстоит дело там, где мастер уже не может изготовить всего продукта, а ограничивается лишь определенными процессами или известными частями годного для потребления предмета. Относительно случаев первого рода, где мастер приобретает у своего предшественника полупродукт и, выполнив те или другие операции, передает его дальнейшему, сбывая его в не вполне готовом для потребления виде, мы имеем данные из области иконописного ремесла. Икона зачастую проходила чрез руки 6—10 мастеров, прежде чем получала свой окончательный вид. «Левкащики» приготовляли грунт на доске для живописца, «золотописцы» золотили фон иконы, после чего начиналась работа собственно живописцев, в которой находим также несколько последовательных процессов, совершаемых различными мастерами: «доличные» писали одежды, здания, «травщики» — пейзажи и иную иконную обстановку, наконец, «лицевщики» писали лики [1]).

Далее в других промыслах мы замечаем такие случаи, когда мастер производит лишь часть предмета, следовательно, создает нечто непригодное в таком виде для потребления, нуждается в помощи других, изготовляющих прочие части, и в человеке, выполняющем сборку самого предмета. Именно са-

[1]) А. Введенский. Заметки по истории труда на Руси 16—17 века. (Арх. Ист. Тр., кн. 3, стр. 64).

мональные мастера разделяются на ствольников, станочников и замочников, из которых каждая группа выделывает лишь часть оружия, но отнюдь не все ружье (самопал) полностью. Равным образом имеются особые пушечные резцы и особые пушечные литцы и, наконец, специальные пушечные кузнецы, так что и выделка пушек разбита на несколько операций и находится в руках различных мастеров.

И в других группах можно было бы иногда предполагать разделение труда такого же рода, читая о специальных мастерах подошвенниках и каблутниках; и тут речь идет о выделке только части предмета, не всего сапога, а лишь подошв или каблуков, но возможно также, что им передавался потребителем материял для определенной операции, остальное же совершалось в пределах хозяйства, это могли быть и починщики, ставившие новые подошвы или каблуки.

В таких казенных (централизованных) предприятиях, как монетный двор или пушечный двор, находим значительное развитие такого рода сотрудничества: на денежном дворе чеканка монеты проходит через руки ряда мастеров—чекалщиков, подмастчиков, резальщиков, тянульщиков, обжигальщиков; на пушечном дворе находим паяльщиков, пильников, накатчиков, плотников, пушечных литцов, пушечных кузнецов и др. [1]).

Но эта форма разделения труда, предполагающая сравнительно значительное развитие промышленности, находится еще в зачаточном состоянии. По общему же правилу мы имеем в эту эпоху лишь то, что именуется специализацией (выделка предмета от начала до конца) и специальностей хотя и насчитывается весьма много, но все же большинство из них представлено всего одним—двумя мастерами. Последнее является доказательством того, что специализация еще не вполне установилась, что в большинстве случаев одни и те же мастера выделывали предметы различного рода и на ряду с ними лишь в виде исключения появились другие, которые занялись только определенной более узкой—составляющей часть промысла первых—специальностью.

Так, если мы находим всего одного собольника или одного золотых дел мастера, то мы имеем основание предполагать, что собольи меха, весьма распространенные в те времена, изготовлялись теми же скорняками, а предметы из золота—серебрениками. Другое дело, если имеется 43 пряшника и пирожника или 30 клетников — очевидно изготовление пряников и пирогов отделилось от производства хлеба и калачей а выделка клетей выделилась из плотничьего промысла в качестве особой специальности. В других случаях, впрочем, вопрос остается открытым, ибо мы не знаем, об'ясняется ли, напр., наличность всего

[1]) Котошихин О России в царств. Алексея Михайл. Изд. 4-ое. 1906. Стр. 98. Богоявленский. О пушкарском приказе. (Сб. в честь Любавского. 1917. Стр. 371).

трех замочников или 4 кафтанников тем, что кузнецы выделывали и замки, а портные шили также кафтаны или тем, что замков и кафтанов изготовлялось вообще мало или, наконец, тем, что кафтаны шились в собственном хозяйстве людьми бояр и иных вотчинных владельцев.

Что и специализация находилась еще в начальной стадии, можно усмотреть из того же промысла по обработке металлов, в области которого мы находим зачатки расчленения работы между несколькими мастерами, изготовляющими отдельные части товара. Именно в переписи московских кузниц, как принадлежащих посадским людям, так и беломестцам, произведенной в 1641 году (три года спустя после общей переписи посадских людей), было зарегистрировано 152 кузнечные мастерские, из которых, однако, 24 стояли впусте. В действующих же 128 кузницах оказалось 172 человека хозяев, арендаторов кузниц и наемных рабочих.

При этом выяснилось, что в огромном большинстве кузниц, именно в 91 из 128, т. е. почти в ¾ всех работавших кузниц производилось всякое мелкое и черное кузнечное дело, т. е. всевозможная работа из железа, подковы, топоры, замки, ножи. Этим, очевидно, и об'ясняется тот факт, что в переписи 1638 г. отмечен всего один подковщик, всего один ножевник и 3 скобельника, один оковщик, один пряжник, один латный мастер, три замочника и т. д. Все эти работы, по общему правилу, выполнялись во всякой кузнице. Только 20 кузниц ограничивались выделкой подков, четыре—производством ножей, две выделывали сабли и две топоры. Три кузницы вырабатывали мельничные спасти, и три сапожные скобы—эти две специальности, требующие особого умения, должны были отделиться от прочей кузнечной работы. В одной кузнице показано было производство и оружия и замков и разного черного дела, т. е. всевозможных предметов, как это было обычным для кузниц в те времена. Таким образом, здесь подтверждается предположение, что делались еще только первые шаги в области более значительной специализации, что процесс выделения из работ по данного рода материалу только определенных и отказ мастера от изготовления прочих, им ранее производимых товаров, находился еще в первых стадиях.

И. В. Довнар-Запольский приводит и распределение московских ремесленников по степени состоятельности, на основании питейного сбора 1634 г., раскладываемого по животам и промыслам [1]). Оказывается, что самыми бедными являлись портные, в среднем уплатившие налога в ⅔ руб., наравне с извозчиками, пильщиками, таскными ярыгами и т. д. Немногим выше стоят сапожники, плотники, хлебники (1—1½ руб.). Состоятельнее их скорняки, кожевники, и особенности же кузнецы, платившие в среднем 6—7 руб. Наибольшими средствами обладают серебряники, из которых каждый был обложен в среднем в 18 руб. Вообще от 5 до 15 руб. внесено 60 мастерами, а с 35 причиталось свыше 15 руб. Отдельные же мастера и в серебряном, и в ко-

[1]) Довнар-Запольский, 84 сл.

жевенном, и в кузнечном промысле уплачивали гораздо больше, свыше 30 и даже 50 руб., т. е. их средства превышали 150—250 руб., что равнялось 3—5 тысячам руб. (золотом) в начале XX ст., один кузнец даже имел 500 руб., т. е. 10 тыс. на совр. деньги.

В писцовых книгах упоминания о ремесленниках, живущих в деревнях, встречаются сравнительно весьма редко. В писцовых книгах центрального района лишь в виде исключения там и сям мелькают дворы промышленные—двор сапожника, кузнеца, котельника, плотника, кожевника, колесника, шваля, иногда упоминаются 2—3 непашенных двора [1]). Редко находим такие указания, как наличность 20 непашенных дворов и в них 22 человека, среди которых имеются 2 кузнеца, или 24 непашенных двора и в них 25 человек, в том числе 2 портных и кузнец [2]). Конечно, эти редкие упоминания о ремесленниках могут об'ясняться и тем, что писцы не имели сведений о них или не считали нужным их отмечать, но все же надо полагать, что там, где человек занимался ремеслом в качестве главной профессии, а тем более, когда у него не было земли, это вносилось в писцовые книги, и потому есть основания думать, что именно таких ремесленников, в особенности «непашенных» (не имевших земли), было по общему правилу весьма мало. Кроме того, не следует упускать из виду, что и там, где говорится о непашенных дворах, в состав последних входят не одни лишь ремесленники, но и торговцы, пастухи, рыболовы, скоморохи и т. д.

С другой стороны, как мы видели выше, имелись целые деревни и слободы, состоявшие, главным образом, из промышленного и торгового элемента. Мы приводили уже выше ряд примеров этого рода. При этом в известных случаях можно подметить распространение определенного промысла в данной местности. Так, напр., в Шелонской пятине находим группу в 18 дворов колесных мастеров: в 1557 г. царь променял Рождественскому монастырю Высокорецкие «деревни бочарные»—всего 14 [3]); в слободке Тверского отроча монастыря проживало 19 сапожников [4]). В такого рода случаях можно предполагать, что промышленные изделия вырабатывались не только для местного сбыта, но и для более отдаленного рынка. В селе Дунилове Нижегородского уезда производилась выделка сукна, пестрядей и холста, и этими изделиями уплачивался оброк в казну. В челобитной дуниловцев 1667 г. на приказного человека Айгустова читаем: «а в тех двоих, великова государя грамотах указано ему, приказному, на нас сиротах, взять оброчные денги холсты да сукна

[1]) Писц. кн. Моск. гос. II. 1, 24, 53, 85, 126, 138, 295, 337.

[2]) Там же. II. 335, 361. См. также Сотницы, грамоты и записи. I. 183 и др.

[3]) Рожков. Народное хозяйство Московской Руси во второй половине XVI в. «Дела и Дни». 1920. I 52. См. также Рожков. Русск. ист., т. IV, ч. I, стр. 29 и ч. II, стр. 29.

[4]) Из акт. Тверск. Отроча монастыря, изд. Шумакова, 1896, № 1.

и выслать.... к Москве» [1]). Для широкого рынка, повидимому, работали и промыслы Семеновского уезда, ибо мы знаем, что в 1624 г., при возобновлении Макарьевской ярмарки, лысковское полотно, корженецкая деревянная посуда, заволжские шляпы и валенки, мурашкинские рукавицы, тулупы и шапки были первыми товарами, привозимыми на это торжище [2]).

Некоторые промышленные изделия имели еще более широкий сбыт, будучи отправляемы заграницу. Хотя вывоз из России состоял в XVII ст. преимущественно в сельско-хозяйственных продуктах, однако, как видно из указаний Кильбургера, Родеса, Рейтенфельса и других иностранцев, посетивших в то время Московское государство, экспортировались и некоторые промышленные изделия. Весьма важным среди них является юфть (выделанная кожа), приготовляемая в Казанской, Нижегородской и Московской областях, но больше всего и наилучшего качества в Ярославской и Костромской. Прекраснейшие и наибольших размеров кожи, по словам Родеса, скупаются повсюду русскими торговцами, весною их подвергают дублению, чтобы они были готовы к тому времени, когда их можно будет еще с высокой водой доставить в Архангельск; эти кожи для вывоза выделываются, главным образом, в Ярославле и в Костроме. По Родесу юфти вывезено было в 1650 и след. г.г. 75.000 свертков или свыше 90.000 пудов на сумму 335 тысяч рублей в год, что составляет почти 30% всего русского экспорта. Кильбургер 20 лет спустя прибавляет: но теперь вывозится еще более [3]). Все остальные вывозимые промышленные изделия играют, как видно из того же списка Родеса, несравненно меньшую, в сущности незначительную роль. Среди них упоминаются полотно из ярославской, вологодской и калужской областей, Северной Двины и Ваги, толстое сукно или ватман из вологодской и ярославской областей, которого в одном году вывезено было 168½ тысяч аршин на 6.7 тысяч рублей, рогожи из вологодской области, войлок из Торжка, Калуги и Козельска [4]) «В городе Козельске—замечает Рейтенфельс—валятся плащи или пинели, непромокаемые и теплые» [5]). Наконец, вывозились рукавицы и мыло; о них упоминается и в Торговой книге [6]). С конца XVI или начала XVII ст. вывозили кожаные рукавицы в Швецию, мыло варилось наилучшее в Костроме, но также

---

[1]) Борисов. Опис. гор. Шуи и его окрестн. (1851), стр. 156.

[2]) Соколовский. К вопросу о сост. промысл. в России в конце XVII и перв. пол. XVIII ст. Учен. зап. Казанск. Унив. 1890. III. 20 сл.

[3]) Состояние России в 1650—55 г.г. по донесениям Родеса. Изд. Курца. 1915. Стр. 165. 167, 169. Курц. Сочинение Кильбургера о русск. торг. в царств. Алексея Мих. (1915), стр. 100.

[4]) Родес. 165, 169. Кильбургер. 101 сл. Коммент. Курца. 274, 279, 284.

[5]) Рейтенфельс. Сказ. светл. герц. Тосканскому. Стр. 208.

[6]) См о ней ниже, стр. 291 сл.

в Вологодской и Борисоглебской областях. «Никакая нация— говорит Кильбургер—не может делать этого товара за лучшую цену, чем русские, потому что они имеют в массе все материалы, как-то: золу, сало, соль и дрова» [1]). В Торговой книге названы в качестве предметов экспорта также гвозди и сошное железо. Кильбургер сообщает о том, что крестьяне выделывают железо и сталь маленькими ручными раздувальными мехами. Поэтому созданные иностранцами Марселисом и Акемой железные заводы решили прекратить производство гвоздей, ибо крестьяне могут их изготовлять дешевле, хотя железо, приготовленное ими, столь ломкое, что при неровном ударе по произведенному из него гвоздю, последний ломается, как стекло [2]). Торговая книга в отделе «Память как продать товар русской в немцех» перечисляет различные сорта железа, новгородское, тихвинское, карельское, которые закупают иностранцы для вывоза. «Гвоздья сапожного 30 тысяч купят Вологде по 3 руб... укладу доброго новгородского на лом, купят за 1000 вершком по 10 руб., уклад тихвинской за тыс. купят в 4 и 4½ руб... уклад карельской купят пуд в 20 алт... сошное железо купят большой руки сотню в 7 руб.» [3]).

Как можно усмотреть из приведенного, на широкий рынок промышленные изделия выделывались не только в деревнях, но и в городах, напр., юфть в Ярославле и Костроме, в Козельске войлоки, в Костроме мыло. Герберштейн рассказывает (в половине XVI ст.), что в Калуге искусно делают разные деревянные чаши и другие вещи из дерева для домашнего обихода; они вывозятся оттуда в Московию, Литву и другие окрестные страны [4]). Сто лет спустя в Калуге насчитывают 432 мастера, занятых обрабатывающей промышленностью, обработкой кож, металлов, дерева, приготовлением одежды [5]). В грамоте г. Шуи 1638 г. упоминается о мыльнях («варити мылишко») и кузницах. По описи 1710 г. в Шуе имелось 16 кожевенных мастерских и 14 сыромятных, 7 скорняжных и 11 мылен; для закупки мыла приезжали в Шую покупатели из разных городов [6]).

Мы не знаем, совершался ли сбыт изделий, предназначенных для широкого рынка, через посредство закупавших их торговцев, или же производители сами развозили их по рынкам и ярмаркам. При отправке заграницу, конечно, фигурировал иностранный торговец, который приобретал их через своих агентов—русских купцов, у производителей или же закупал их

[1]) Торговая книга. Зап. Русск. и слав. Отд. Имп. Русск. Археол. Об-ва 1851. I. Стр. 127, 129 сл. Кильбургер. 103 сл.
[2]) Кильбургер. 169.
[3]) Зап. Археол. Об-ва. I. 136.
[4]) Герберштейн. 105.
[5]) Рожков. Русск. ист. IV. 2. Стр. 29.
[6]) Борисов. 60 сл. Прил. № 20.

у русских торговцев, привозивших эти товары в Архангельск или Москву.

Крупные вотчинные хозяйства обнаруживали сильное стремление собственными средствами удовлетворять свои потребности, старались осуществить старинный римский принцип Катона, «patrem familias vendacem non emacem esse opportet», продавай, но не покупай. Они устанавливали оброк, взимаемый с крестьян не только в виде всевозможных сельско-хозяйственных продуктов, но и в форме разного рода промышленных изделий, как, напр., холста, овчин, епанчей, лопат, дуг, кадок и т. д. Примерами могут послужить хозяйства царя Алексея Михайловича, боярина Морозова и Солотчинского монастыря в Рязанской области [1]). Но этого оказывалось недостаточно. Очень многие потребности в сельско-хозяйственных продуктах, в особенности же в промышленных изделиях, приходилось удовлетворять иным путем. Частью вотчинники обращались к рынку и закупали там разнообразные товары, в этом случае нарушая, следовательно, принцип замкнутого хозяйства, частью же держали для этой цели наемную рабочую силу. В монастырских вотчинах мы находим слуг или служней или детенышей (последние хотя и были взрослыми, но, повидимому, являлись детьми крестьян и отсюда получили это название), как свободных, так и несвободных, поручая им различные сельско-хозяйственные и промышленные работы. Самодовлеющий характер хозяйства в этом случае сохранялся лишь отчасти, лишь в одном направлении. Конечно, потребности удовлетворялись при помощи собственной рабочей силы, проживавшей в пределах хозяйства и работавшей на него. Однако, в отличие от оброка, это был труд оплачиваемый, следовательно, имел место и в пределах хозяйства обмен, хозяйство покоилось на обмене, на платном труде, получавшем повременное или сдельное вознаграждение. Мы находим целые служебные слободки, где жили монастырские служни и детеныши, но также сидевшие за монастырем бобыли, которые заняты были обслуживанием монастыря, существуя на монастырское жалование. Так, Лужецкий монастырь в Можайске имел, согласно писцовой книге конца XVI ст., такую подмонастырскую слободку в количестве 24 дворов, на которых жили 2 повара, квасовар, мельник, кузнец, портной, часовщик, 2 конюха,—все монастырские люди [2]).

«В Выпрягове ж—читаем в Сотной с вологодских писповых книг 1543—44 г.г.—слуги монастырские и конюхи и мастеровые люди монастырские, иконники и пивали, портные мастера и сапожники, и плотники и кузнецы, и кирпичники, и всякие мастеровые люди», всего в этом селе имелось 36 дворов и 31 человек монастырских слуг и мастеровых.

[1]) См. выше, 91 сл.
[2]) Писц. кн. Моск. гос. I. 647 и прим.

в том числе по 2 кузнеца, кирпичника, сапожника, кошоха, 3 ивваля, 3 плотника, 4 месечника (вероятно месильщика), часовник, иконник, оловянничник, овчинник, седельник, квасовар и 6 монастырских слуг [1]).

Шире было поставлено хозяйство таких монастырей, как напр., Спасский Ефимьев в Суздале. По описанию 20-х годов XVII столетия, этот обширный монастырь с 5-ю каменными церквами и каменной колокольней, с братией в количестве 90 человек, с птичьим и конюшенным дворами и пивоварней, имел слободку с 10 дворами служней и детенышей и целым рядом для работных людей для обслуживания потребностей монастыря; таковы 3 двора поваров, 3 двора пивоваров и 1 двор масленика—для снабжения монастырей пищей и питьем, последнее лежало, вероятно, и на обязанности упомянутых служней и детенышей; далее, 9 дворов конюхов, 1 двор седельника и 1 двор коновала—они обслуживают конюшенный двор; об изготовлении платья и обуви заботятся портные мастера и сапожник (5 дворов первых и 1 второго); для поддержания многочисленных монастырских строений имелось 4 двора плотников, 2 двора каменщиков, 2 двора кузнецов; для выделки всякого рода монастырской утвари—3 двора бочарников, 2 котельщиков, 2 токарей, 1 оловянишника и 1 часовщика [2]). В том же Суздале находим Покровский девичий монастырь с 37-ю кельями и 131 старицей. В подмонастырской Никольской слободе имелось 184 двора. И здесь жили работные люди для удовлетворения всевозможных потребностей братии: пекарь, ситник и пивовар; находим 3 двора конюхов и 3 коновалов, 3 двора портных и 1 овчинника; дворы обручника, иеводчика, пильщика, иконника и 2 двора свечников; наконец, имелось большое количество людей для строительных надобностей монастыря—9 дворов монастырских плотников, 7 каменщиков и 7 кузнецов [3]). В Новгородских монастырях было, повидимому, немного ремесленников; в Юрьеве монастыре в писцовой книге конца XVI ст. указано 2 плотника, иконник, кузнец, прочие—рыбники и купчины; в Благовещенском по 2 кузнеца и сапожника (и 3 монастырских слуг); в Аркаде монастыре имеется всего только сапожник и торочечник (ивваль), но среди 12 слуг могли быть также мастера [4]).В Троицкой слободке под Никитским монастырем в Переяславле Залесском жили, согласно писцовой книге 1629—30 г.г., монастырские «слушки», которым дана была «пашня монастырская за годовое хлебное и денежное жалованье», они, следовательно, работали на монастырь. Среди них встречаем 4 бочаров, 3 плотников, 2 волотепов (шерстобитов), 2 хвастников, сыромятника, портного [5]). В Боровске за посадом была монастырская слободка Мякишева, в которой жили, кроме церковного причта (при церкви) «жилецкие молотчие люди» и бобыли, но также монастырские служебники—2 куз-

---

[1]) Сотные грамоты и записи, изд. Шумаковым. I. № X.

[2]) Писц. кн. г. Суздаля. 73 (Труды Владим. Уч. Арх. Ком. VI). Смирнов. Города Моск. гос. I. 128.

[3]) Писц. кн. 86.

[4]) Кн. писц. по Новг. Вел. (изд. Майковым), XXXIII.

[5]) Переяславль-Залесский. Никитский монастырь. Матер. I.

пеца, 2 плотника, портной, сапожник, овчинник, сыромятник, хлебник, масляник, рыболов [1]).

Одно из наиболее широко поставленных вотчинных хозяйств представлял собой Дом св. Софии в Новгороде. В 1548 г. служивших и работавших на него людей насчитывалось 126 человек, из них 71 человек получали жаловашье, в 1593 г. 59 человек. Даже отправляясь в свое путешествие в Соловки, новгородский митрополит Никон берет с собой, кроме духовных лиц, 16 певчих дьяков и подьяков, двух поваров, четырех хлебников, помесу, пять конюхов, водовоза, портного, свечника. Хозяйство было разбито на ряд отделов и во главе каждого стоял старец, под началом у которого находился ряд лиц. Были старцы казначей, житенный, принимавший посопный хлеб от крестьян и ведавший мельницами, сушильный или ключенный, заведывавший запасами пищевых продуктов, необходимых для потребления Софийского Дома; далее, конюшенный, погребной, хлебенный. На конюшем дворе было 8 конюхов, в хлебне работало 3 хлебника, 6 помесов, 1 мукосей, в сушильне—часовик, судомой, кузнец, на погребном дворе, где приготовлялись напитки, были мастера бондари, квоздари. На Софийском дворе помещались и разные мастерские—кузница, мастерская серебренника, по выделке восковых свечей. Выдано «Гришке кузнецу на уголье денег рубль», «кузнецу Даниду Семенову 16 алтын, а он подковал 6 лошадей большими подковы все ноги, которым к Москве идти». Однако наряду с ними находим, напр., иконописцев, которые работали на весь Новгород и на его уезды, причем другим было запрещено приезжать сюда и иконы променивать» (продавать).

С другой стороны, из расходных книг Софийского Дома можно усмотреть, что, удовлетворяя значительную часть своих потребностей в пределах собственного хозяйства, он в то же время вынужден был обращаться и к рынку за приобретением многих необходимых ему предметов. Так, повара часто ездили на Ладожское озеро, где массами закупали для Дома рыбу, для чего приходилось «наимовать судно»; покупалась соль, бочки, рогожки, веревки для приготовления рыбы впрок [2]).

Было бы, однако, ошибочно предполагать, что мастера, жившие в подмонастырских слободах, работали на одни лишь монастыри [3]). Если мы находим в слободке Печерского монастыря

---

[1]) Писц. кн. 1621 г. по Боровску. Матер. 5.

[2]) Греков. Новгородский Дом св. Софии. 1. (1914), стр. 50—53, 76—90. Его-же. Монастырское хозяйство XVI—XVII ст. (Памятн. экон. и соц. ист. Росс. 1924). Стр. 76 сл., 94 сл. Книга писц. по Новгор. Великому конца XVI в. (Майкова, 1911), стр. 98—104 (Летоп. занятий Имп. Археогр. Ком. за 1911 г.).

[3]) Греков. Новг. дом св. Софии. 51, 79, 82—87. Его-же. Монаст. хоз. 76 сл. 98 сл. Майков. Писц. кн. 103.

в Нижнем Новгороде 17 дворов неводчиков и 13 дворов плотников, а кроме того лишь 2 пивоваров, повара, кузнеца, сапожника и портного [1]), то получается такое впечатление, что лишь немногих из них действительно держал монастырь для своих надобностей, тогда как остальные—наибольшая часть плотников и неводчиков—работали для частных лиц. В другом случае, когда речь идет о слободках Благовещенского монастыря, прямо говорится: «да монастырских крестьян и бобылей 50 дворов и дворишков и избенок, а людей в них 52 человека, а промышляют те люди своим рукодельем, а оброк платят в монастырь на монастырское строенье» [2]). Раз люди «промышляют своим рукодельем» и платят оброк в монастырь, а не состоят на жалованьи у него, то, очевидно, они являются в хозяйственном отношении столь же независимыми от него, как те дворовые люди, которые владеют соляными и иными амбарами, расположенными на земле того же монастыря, или как немцы, живущие в другой слободке его.

Любопытный пример в этом отношении представляют собою слободки Боровского монастыря. В четырех слободах его имелось в 1652 г. 140 дворов крестьян и бобылей, при чем упоминается о монастырском «зделье» и «жалованьи». Однако, при ближайшем рассмотрении этих дворов оказалось, что из них только 16 заняты непосредственной службой монастырю, пашут, работают на его мельнице, варят квас, тогда как остальные заняты мелким промыслом и торговлей, выплачивая оброк монастырю. Двое имеют кузницу на торгу, трое других масло бьют и продают на торгу из лавок, при чем один сверх того лук и чеснок продает, ездя по городам, и гречишники на торгу печет, и огород пашет; один имеет лавку в городе, животину, скупая, бьет и из лавки мясо продает и огород разводит, один сети плетет на монастырь и на продажу, вдова с дочерью «сказала: кормится работою наимуючись», еще один «наимуючись животину пасет и черною работой кормитца» [3]).

В таком же положении находятся, повидимому, и бобыли—котельные мастера, самопальные мастера, которые, как видно из порядных записей Новгородскому митрополиту (1633, 1640 г.г.) рядятся только на годовой денежный оброк, тогда как им «службы никакие не служити, изделия никакова не делати» [4]). Когда Андрей Трусов из Курмыша посылает (в 1615 г.) архимандриту этого монастыря «кляпышек серебреный», и просит таких «доспеть двенадца(ть) да и вызолотить» то есть основание предполагать, что они должны были быть изготовлены (и действительно были изготовлены, как видно из следующего

[1]) Писц. кн. по Нижн. Новг., столб. 343—44.
[2]) Там-же, столб. 352.
[3]) Смирнов. I. 131.
[4]) Ак. посадск. закл. № 27 (5, 11).

письма его) монастырскими серебрениками и позолотчиками [1]). Напротив, царская грамота нижегородскому воеводе Ивану Воейкову о высылке нижегородского печерского монастыря каменщиков, кирпичников и горшечников для Вяземского городового дела (1632 г.) еще вовсе не доказывает, что этот монастырь имел большое количество работников для своих надобностей. В этом монастыре оказалось всего 3 человека, которые «печи поделывают ... и очаги починяют» [2]).

Из выписи из тверских писцовых книг Заболоцкого 154—44 г.г. мы узнаем, что в слободке Отроческого монастыря за Волгой проживали 3 плотника, 3 портных, 3 «ковшешника», 3 кузнеца, 3 ножевщика, 6 пищальников, 6 гвоздочников, 7 скорняков и целых 19 сапожников. Выпись воеводы Бедова 1633 г. и другие документы этого времени свидетельствуют о том, что через 100 лет промышленная жизнь в слободке замерла, либо живут каменщики и кирпичники (быть может казенные), либо места пустые, их пашут. Есть все основания предполагать, что ремесленники, прежде жившие здесь, работали не на монастырь (или не только на монастырь), но и на публику. На это указывает и односторонний подбор их — почти все работники по металлу или по коже, и последующее исчезновение, тогда как потребности монастыря едва ли изменились [3]) На погосте Богородицком, Бежецкой пятины, на церковной земле имелось 29 дворов, среди них дворы сапожников, кузнецов, пастухов, скоморохов. На кого они работали, неизвестно, хотя из того, что они платят на монастырь, позем и только позем (оброк), можно вывести, что они производили и для посторонних покупателей. Сомнения, однако, не может быть никакого в тех случаях, где сказано: «Тимошка Семенов портной мастер, да Гриша Пухов, оба торгуют», или «в Проскурницыне дворе живет сын се Ивашко, торгует», «двор Прошко Васильев, торгует». Это во всяком случае люди, занимающиеся не монастырской работой, а торговлей [4]).

Большое количество «рядков» существовало в Новгородских пятинах. Как видно из писцовых книг, это были поселения, главным образом, на церковной и монастырской земле, где преобладало промышленное и торговое население; там имеются торговые места, ставятся лавки. Но встречаем также рядки на земле царя и великого князя с дворами тяглыми пашенными и непашенными и «торговых людей, которые торгуют всяким товаром». В них живут кузнецы, портные, пирожники, а также торговые люди [5]).

II.

Обращаясь к характеру промышленного труда, работающего на монастырь, мы можем заметить, что в одних случаях ма-

[1]) Р. И. Б. II. № 191, (11, 12, 14).
[2]) Там-же. II. Столб. 200.
[3]) Из актов Тверск. Отроча монаст. изд. Шумаковым. 1896. №№ I. V. VI.
[4]) Новгор. писц. кн. VI. Столб. 851.
[5]) Новг. писц. кн. Т. VI. Стр. 914 сл.

стера получают от монастыря материал и присоединяют к нему лишь свою работу, как что они вознаграждаются сдельно—«за дело» или «от дела». В других, напротив, они дают и материал; в последних случаях это специально указывается. Так, напр., «переделывал 5 замков висячих да замок нутряной, дал от дела восм денег». Или «наваривал двои железа плужные, дано от дела пят денег». «Поделывая века повареново железного дано от него мастеру и за железо алтын»; «поделывал котла кашново дал от него за мед и от дела алтын». В одном случае мастеру дано за переплет («от дела») 10 алтын, а в другом, напротив, «переплетал Апостол старый наново, дал мастеру за дело и за кожу от него 5 алтын» [1]).

В расходных книгах Болдина Дорогобужского монастыря второй половины XVI ст. находим обе эти формы ремесла. Преобладают ремесленники, работающие по заказу из материала, полученного от монастыря.

Прежде всего изготовляются по заказу монастыря и из его материала разного рода предметы одежды для братии и детенышей и слуг монастыря. Для этой цели приобретается сукно и дается ремесленникам на выделку различной одежды. «Давал поделывати ряску ветчаную (ветхую), а прикупил к ней сукна на поделку и рукавы у ряски заставить, дано за сукно и за пояски 9 д.». [2]) «Дал в вотчину детенышу Копею на колпак да у сермяги рукава заставить на сукно и за дело гривну ден.» [3]) В других случаях просто сказано: «куплею сукно 10 арш. на монастырской обиход», «куплено сукно тонкое манатейное», «сукно 2½ алт . . . сукно 3 алт., сукно 10 д., сукно 2 алт.». [4]). Иногда оно закупалось сразу в большом количестве: «купили сукон манатейных и рясочных брацких 870 арш., а даны 28 руб.». «Ездил дьякон Феоктист в Можаеск купити сукон на братию манатейных и рясочных и свиточных 50 концов, а мерою 1195 арш., дано денег за сукна 40 руб. и 3 д.». [5]) Из этого сукна изготовлялись, как видно из приведенных примеров, рясы, сермяги и свитки, но также кафтаны, епанчи и другие вещи. Ремесленникам давались разнообразные заказы на выделку одежды из купленного монастырем сукна. «Да Михайлу же поделал кафтан его ветчаной, а прикупили ему кафтану на поделку сукна ветчаново, да за дело дал мастеру 2½ алт.». [6]) Иногда и мастер давал часть своего материала: «переделовал детенышом в вотчину Омельянку да Худячку да Шюбе и их сермяжен в вотчаных кафтанишко к лету, а дали мастеру в 3 кафтанишков за дело и за нити гривну ден.» [7]). Для

[1]) Отрывок из расходн. кн. Костромск. Ипатьевск. монаст. (ок. 1553 г.) изд. Лихачевым (Сборн. Археол. Инст. VI. 1895).

[2]) Приходо-расх. кн. Болдина Дорогобужск. мон. (Р. И. Б. XXXII). 1923. Столб. 83.

[3]) Там-же. 65.

[4]) Там-же. 96. 2. 150.

[5]) Там-же. 93. Русск. Ист. Библ. II. 300.

[6]) Прих.-расх. кн. Болд. мон. 43.

[7]) Там-же. 65.

выделки этих одежд существовали в монастыре швали, которые получали полугодовое жалованье, так что работали, очевидно, постоянно за повременную, а не поштучную плату. В расходных книгах каждый раз читаем: «слугам и швалем и детенышем и конюхам дано им: . . . швалю Позняку дано за полгода полтина... Ивашку швалю Глупогорскому дано ему за полгода 4 гривны». [1]) В этих книгах упоминается не менее 14 различных швалей, некоторые из них по несколько раз.

Кроме сукна закупается и холст. «Холст купил, дал алтын», «куплено холстов посконных 90 аршин», «куплено крашенины ровной синей 20 без полуаршина, дано 10 алт. 5 д., куплено посконины ровной 21 арш., дано 5 алт. 2 д», — крашенный (синий) холст ценился вдвое дороже, чем обыкновенный (посконный) холст [2]). Иногда прибавлено, что холст куплен на рубашки: «купил 2 холстины посконные ребятом на рубашки в вотчину». «Купил холстину посконную детине Худячку на рубашки да на портки». [3]) Повидимому, эти «ребята» сами и выделывали для себя рубашки, ибо о «поделке» их, о заказах на рубашки или на портки не упоминается.

Во всяком случае, приобретается готовое сукно или холст, гораздо реже упоминается об изготовлении пряжи [4]) или тканей из льна, пеньки или шерсти. Часто встречается лишь раздача шерстяной пряжи для тканья: «ткали сукно монастырское, дали 2 гр.» [5]), «дано 10 алт. ото тканья от сукон», «дано казначею платяному Насону полтина, што наймовал сукон ткать». Тогда как о выделке пряжи и тканей из льна или пеньки ничего не узнаем. Между тем пенька закупалась в большом количестве: на 26, на 32 и даже на 35½ руб. сразу, т. е. на 2 и более тыс. руб. на современные деньги [6]). Очевидно, она предназначалась для раздачи монастырским крестьянам, которые ее пряли и ткали для надобностей монастыря.

Различные предметы одеяния изготовлялись кроме швалей также «полстовалами», которые из полученного материала выделывали епанчи, полости, войлоки и шляпы, при чем имелась, повидимому, целая группа (артель) таких мастеров, ибо говорится, что «дано полстовалом Стефану с товарыщи от 22 епанеч да от 7 полстей, да от войлока малого, да от 2 шляп от дела 3 руб. 2 гр.» [7]). «Подкладывали мастеры епанчи монастырские, дано епанечником от 30 епанч от дела 3 руб. 20 алт., от 26 войлоков дано 39 алт., от 2 шляп дано 2 алт. 2 д.». Делали монастырских епанеч 22 да 4 полсти, да 10 войлоков подседельных, дано мастером от дела 2 руб. и 5 алт.». Для этого также покупалось сукно: «куплено сукно под войлоки» [8]). Иногда среди «всякого мелкого расхода»

---

[1]) Прих.-расх. кн. Болд. мон. 97.
[2]) Там-же, 5, 92, 96, 101, 104, 133, 135, 150, 152, 168.
[3]) Там-же. 46, 61.
[4]) Там-же. 1, 6, 9.
[5]) Там-же. 92, 98, 137, 151, 192. Р. И. Б Т II. 302.
[6]) Там же, 78, 104, 105, 110.
[7]) Прих.-расх. кн. Болд. мон. 143, 96, 106, 175.
[8]) Там-же, 134.

произведенного за год, читаем об издержках на «портную поделку» [1]) или, в другом случае, читаем: Меншику Давыдову «поделовали сермягу . . . да шапку поделали» и «за сермяжную и за шапочную поделку всего 6 алт. 3 д.» [2]). Встречается особый «платеный казначей».

Одежда выделывалась еще одной группой ремесленников — овчинниками. «Уплачено Мите овчиннику полтретья алг. от дела», «овчиннику дано 5 алт. от дела», «дано Юре овчиннику», «дано овчиннику Ивану Носу за 47 овчин за дело», ему же «от 10 овчин от дела дано 2 алт.» [3]).

Здесь названы 3 различных мастера. В других случаях просто сказано: «от 20 мерлушек да от 5 овчин дано от дела 10 д.» или «от 10 мерлушек от дела дано 8 д» [4]).

Другую группу составляют ремесленники выделывающие кожи. Встречаются кожевники: «от кож кожевнику 4 алтына без денги» [5]). Упоминаются и сапожные мастера Аркат и Андрей Фролов, получающие полугодовое жалованье [6]). Для поделки закупаются кожи. «Ездил Козьма Радилов в Вязьму, купил на монастырской обиход 5 боранов красных (баральих кож), да 13 опойков, да телятину» (телячью кожу). «Куплена кожа красная телятина», «два боранца, да две телятинки красных», «две кожи белые», «куплено десять юхтей белых на рукавицы да боранец красной, дано полтина» [7]). Кроме юфти, покупаемой на рукавицы, это все были, повидимому, сырые кожи, подлежавшие еще переработке. Об обработке кож часто упоминается. «Даю Юре Кондратьему от трех кож от красных да от телятины от белой, да от 44 опойков 23 алт. 2 д.», «от Благовещенья Лямец делал 17 опойков да 2 кожи большых» [8]).

Из обработанных кож выделывали затем различные предметы. О производстве сапог упоминается лишь в виде исключения: «церковному мастеру Терентью делали сапоги, куплены подошвы, даны 7 д.». [9]). Однако, и в этом случае подошвы покупались. О расходах на покупку подошв неоднократно встречаются записи: «куплены подошвы, даны 9 д.». [10]) Деятельность сапожного мастера и сводилась, повидимому, к подшиванью подошв, но иногда он поставлял и собственные подошвы: «давал под сапоги подшивать подошвы, дано мастеру за подошвы и за дело 3 алт. без 2 д.» [11]). Вероятно для приколачиванья подошв и покупались сапожные гвозди: «куплено 660 гвоздей сапожных». [12]) Возможно,

---

[1]) Прих.-расх. кн. 47.
[2]) Там-же. 59.
[3]) Там-же. 2, 10, 101, 105, 110, 135. Р. И. Б. II. 302.
[4]) Там же. 49, 69, 72, 92, 139, 147, 150, 182.
[5]) Там-же. 6.
[6]) Там-же. 99, 112, 159, 126.
[7]) Там-же. 10, 96, 120, 130, 162, 173. Р. И. Б. II. 302.
[8]) Там-же. 7, 96, 102, 120, 137, 144, 147, 149, 152.
[9]) Там-же. 117.
[10]) Там-же. 1, 96. 101, 152, 159.
[11]) Там-же. 82, 83.
[12]) Там-же. 163, 174.

что и в следующем случае мастер давал не только свой труд, но и свой материал: «Меншику подшил под сапоги подошвы новые, даю за подошвы и за дело от сапогов 2½ алт.». [1]). Из кожи изготовлялись и седла: «даю от дела от седел», «мастеру седелному дано задатку на седла 10 алт.»—были, следовательно, и особые седельники [2]).

Много упоминается о разного рода работах по металлу, производимых по заказу монастыря. Закупается железо и сталь (уклад), медь, свинец. «Купили 4 связи железа прутового на монастырский обиход», «купили 5 связок укладу на монастырь», «железа на 11 алт.», «укладу на Вологде куплено на 40 алт.», «куплено 10 досок белого железа» [3]).

Выделывались из меди в особ. котлы и колокола. «Дано от дела от котла от большого от квасоварного ото дна и за угар 6 руб., да меди прикуплено к тому же котелному дну пуд с четвертью дано 3 руб.»; но работа была сделана плохо, пришлось ее повторить: «даю от дела от котелного дна от квасного, что в другорядь делали, грех стался, испортили, и на угар 5 руб. 10 алт. Куплено меди пуд с четвертью» [4]). Монастырь прикупал в обоих случаях медь для изготовления дна в котле. Но возможно, что в других случаях она принадлежала самому мастеру, ибо напр., записано: «Исаку котелнику за медь 45 алт.» [5]). Упоминается среди «мелких расходов» и «сковородочная поделка». Медник лудил котлы и прочую медную посуду: «даю от котлов и от братцких мер и от сковородок от полуды рубль 13 алт. 2 д.» [6]).

Кузнецу заказываются топоры, косы, сошники или отдаются ему в починку. «Дал слуге Марку к косам колец купить, да и за дело кузнецу ото всех кос 2 алт. и 3 д.». «От кос от больших от дела 6 алт.». Кузнец приобретает и материал: «Климку кузнецу на уклады дано 3½ алт. [7]). В особенности при починках он дает свой материал: «поделовали трое сошники ветчаные в вотчину, дано кузнецу от сошников за дело и за его прибавочное железо 2 алт. 5 д.». «Делал в Николской монастырь 7 топоров старых и науклаживал, даю кузнецу за дело от топоров и за прибавочное железо и за уклад 7½ алт.». «Науклаживал топор ветчапой на домашний обиход, дано кузнецу за дело и за уклад» [8]). Среди слуг и детенышей, получающих полугодовое жалованье, упоминаются и кузнецы: Трех, Ларка Офанасьев, Ларко Вязметин, Филипка. О том, что монастырь имел свои кузницы, свидетельствует и покупка частей раздувальных мехов—сопель: «куплено в кузницу сопель на 2 гр.», «куплено 10 соплей в кузницу». «Платеному казначею Боголепу дано за сопли, что дмут крицы (кричное железо) 4 алт. без деньги». Упоминается «кузнечный двор» в Вязьме, для которого поку-

---

[1]) Прих.-расх. кн. 40.
[2]) Там-же. 139, 172.
[3]) Там-же. 1, 2, 5, 6, 31, 88, 101, 118, 122, 142—3, 162, 125.
[4]) Там-же. 120, 122.
[5]) Там-же. 11.
[6]) Там-же. 82, 127.
[7]) Там-же. 6, 7, 43.
[8]) Там-же. 3, 7, 82, 83, 85.

пается треска [1]). Очевидно, он принадлежал монастырю и треска была предназначена для работавших там кузнецов.

Особые мастера существовали для литья и починки колоколов. Встречается «государев колокольный литец» Иван Офонасьев, который лил «благовестный колокол к Троице». Другому «литцу» Ивану Гладышеву «дано от колокольного чищенья 2 гр.» [2]). Под 2 дек. 1594 г. записано: «выменил колокол благовестной к Николе Чудотворцу в вотчину подмосковную на старой на троецкой колокол Еуфимьевы купли псковские. А меди в нем тянуло на московской вес 3½ пуда, в новом колоколе потянуло меди 4¼ пуда. А дал промену от нового колокола колоколнику и за прибавочную за его медь, что потянуло перед монастырским колоколом меди в новом колоколе лишка, 2 руб. денег» [3]). Колокольный мастер, следовательно, прибавляет и свою медь.

К этим же работникам по металлу можно отнести и «Гришу часовника», которому дана сравнительно очень высокая плата 1½ рубля (до 100 руб. соврем.), «што он делал у часов колоса новые» [4]). Встречаем и такие записи, как расход на починку мельницы по размалыванию перца—«дано от дела от перечной мельницы 2 алт.», или «дано от дела от колес от прудовых», при чем эти водяные колеса чинил (или ставил) особый мастер из Москвы—«Москвитин Максим» [5])

Особую группу составляли серебренники и иконники; возможно, что это были одни и те же мастера, ибо и серебряные мастера обкладывали иконы и кресты. Для тех и для других приобретался материал—сусальное золото, клей, мел, гвозди. «Тысяча гвоздей, что оклад к образам прибивают дано 7 д.». «Куплено 250 листов золота сусалного», «послано к Москве 3 руб. на золото на сусалное», «куплено пуд мелу иконником», «клею куплено на 10 ден.», «обложили крест серебром кость рыбья дано за серебро и за позолоту 12 алт.» [6]). «Серебряные мастеры Омельян да Степан окладывали образ Сергия Чудотворца, дано им за дело 1½ руб.». Те же два серебряных мастера упоминаются и в другом случае—«даю им на дорогу 10 алт.». Один из них продает и сусальное золото: «куплено у серебяново мастера у Степана 2 тятрати золота» [7]). «Дано иконнику Роману от 5 пядниц от Троиц от писма пол полтины да ему же дано на клей 8 д.». В другой раз ему же дано «от пяти Троиц от писма 8 алт. 2 д.». Такая же запись повторяется еще и в третий раз. Кроме Романа встречается и иконник Иосаф, которому «дано 5 алт.» и иконник Степан Михайлов, которому «дано на краски рубль, как поехали в монастырь образов починивать». В другом случае иконник к Николину образу «сделол киот деревяной затворчетой местной да покрыт киот весь красками розными, да написано на киоте образ Троицы Живоначальные на золоте и Деисус поясной,

[1]) Прих.-расх. кн. 112, 113, 165, 168.
[2]) Там-же. 68, 81.
[3]) Там-же. 52.
[4]) Р. И. Б. II. 302.
[5]) Прих.-расх. кн. 173, 175.
[6]) Там-же. 102, 107, 161, 162, 163.
[7]) Там-же. 104—05, 113, 179.

на золоте же, да крест на киоте золочен; дано от киота за дело и за писмо, и за золото и за краски всего 1½ руб. з гривною» [1]). В расходных книгах встречается раз шесть Василий золотарь, состоящий на постоянном жалованьи; возможно, что это позолотчик, занимавшийся позолотой икон и крестов.

Печников, получающих полугодовую плату, не встречается, но сдельно они работают на монастырь. «Поделовал мастер в малой кельи да и обелил тое печь дано плотнику за дело от печи гривну ден.». «Зделоли в кельи в Селивановской печь новую, дано печнику за дело от печи и за очелье и за отбел 5 алт.». Иногда, когда речь шла, повидимому, о крупных работах, добывали печника в Москве: «нанял печника на Москве в вотчину к Николе печь зделати большую для хлебного печенья, дано печнику за дело от печи 8 алт. 2 д.» [2]).

Встречаются свечники, для которых закупается сало и воск: «куплено сала говяжья на свечи 8 пуд.», «куплено 3 гривенки воску». «Дано от дела от четырех свеч поставных от 8 пуд. и за краски 2 руб.» [3]). Поделовали к Николе Чудотворцу большую свечу, при чем «пересыкали ее все изнова»—и пришлось прикупить воску, который свечник доставил, почему «дали мастеру за прибавочной воск и за дело от свечи всего 21 алт. и 5 д.» [4]).

Упоминается и о каменщиках, особенно же много о плотничьих работах и плотниках. Среди лиц, получающих полугодовое жалованье, встречаются 6 плотников, некоторые по два раза. Для плотничьих работ закупалось много досок, драниц, бревен, гвоздей для изготовления лавок и дверей, для крытия крыш, для постройки домов, мельниц, церквей, монастырских житниц, келий. «Бревен куплено на Вологде на 40 алт. на 2 д.». «Купили в вотчину же 9 досок сосновые на двери да на лавки, дано за доски 12 алт. 3 д.», «купили 100 драниц на монастырском дворе хоромы крыть», «купили в вотчину 600 драниц сосновых двусаженных и полуторных», «купили в вотчину 3 доски двусаженные для лавок да 4 доски полуторы сажени для хоромного дела» [5]). К этому прибавлено: «купили гвоздья в вотчину прибойново и тесового». На кровлю для житницы куплено «40 лубков полуторысаженных», гвозди, «доски сосновые добрые на двери да доски на ящик в житницу», «да 4 крюки да 4 поворины долгие, чем кровля на житнице прибита». «Купили гвоздья железново на хоромех кровля прибивать». Плотнику куплено «четверть ведра олифы» [6]). «Дано плотнику Илье от мельницы от дела и от вала полтина». Но обыкновенно одного плотника было недостаточно, работало несколько человек—2, 3 и более. «Нанял дву плотников делати ворота святые к Николе в вотчину», к воротам же «куплены сосновые доски и бревна, гвозди большие тесовые да две скобы луженые, одна с пробои, да щеколда к во-

[1]) Прих.-расх. кн. 10, 104, 120, 130, 154, 177—78.
[2]) Там-же. 52, 81, 83, 92, 98.
[3]) Там-же. 121, 130, 162.
[4]) Там-же. 53, 162, 164.
[5]) Там-же. 5, 33, 34, 49, 76, 78, 150, 154.
[6]) Там-же. 6, 66, 77, 157.

ротам же». В другом случае нанято 3 плотника «житницу большую срубить да и путрь зделати и на месте поставить и покрыти». Встречаем плотника Пропку с товарищи, что крыли церковь» или «плотника Гришу с товарищи в дву избах да в дву клетях монастырских в новых внутри делать во всех». Целая артель плотников нанята житницу строить: «дано от житницы плотником от дела Трофиму Анофриеву да Михайлу Иванову, да Осипу Гулидову, да Семену Федорову 26 алт. 4 д.». «Тесали на церковь тес, Климу да Мите дано им пятерым полтина». Несколько плотников наняты для работ «на поварне и на погребице и в избе» и куплено «желобов и прибойниц и гвоздия»[1]). Из приведенных 6 имен (Пропка, Гриша, Трофим и др.) ни одно не встречается среди плотников, которым выдается полугодовое жалованье. Очевидно, те и другие не совпадают: были постоянные мастера, получавшие жалованье, а сверх того привлекались к работам другие, которые получали сдельную плату.

Как видно из предыдущего, монастырь обращался к целому ряду ремесленников, которые по его заказу чинили те или другие предметы, но также изготовляли новые, получая при этом сырье и вспомогательные материалы, иногда при починке присоединяя и собственные. Для приобретения этих материалов ему приходилось, в свою очередь, пользоваться трудом других ремесленников, покупая, однако, их изделия уже в готовом виде. Как мы видели, из таких промышленных изделий закупались в качестве материала (или частей) холст, сукно, нити и пуговицы, подошвы, юфть, железо и уклады, кольца к косам, сопли для мехов, гвозди (для икон, для салог, для окон, для плотничьих работ), крюки и скобы, иглы, сусальное золото, клей. Но сверх того монастырь предпочитал во многих случаях заказам на выделку тех или других (упомянутых выше) вещей покупку их же в готовом виде, приобретая, напр., сермяги, шубы, епанчи, кафтаны, рубашки, рукавицы, овчины, сапоги, котлы, топоры, колокола, иконы, свечи. Кроме того, он покупал другие вещи, которые, вероятно, трудно было заказать, а можно было получить лишь в таких городах, как Москва, Смоленск, Вязьма и др. Так, он покупал много предметов, нужных для церкви (подсвечники деревянные, скатерти для алтаря, четки, паникадила), для конюшенного двора (сани, телеги, колеса, попоны, хомуты и подхомутники), для кухни (сковороды, чаши, горшки, решета, сечки для капусты, кади, кувшины, чаны сосновые), для домашнего обихода вообще (замки и цепи дверные, ставни, блюда), для сельского хозяйства (плуги, сошники). Назовем еще такие предметы, как «колокольчик позывалной к келы меден», «плеть с товоляным батогом и с костми в казну». На каждом шагу встречается запись: «куплено на росход 40 ло-

[1]) Прих.-расх. кн. 7, 49, 57, 70, 76, 78, 86, 95, 96, 146, 150, 152, 177, 179.

жек обычных», «куплено 20 ложек с костми», 10, 20, 30, 40, 50, 80, даже 250 сразу ложек, ложки белые, щепочные белые, благовещенские. Ложки были деревянные и, вероятно, быстро ломались, приходилось каждый раз заменять их новыми. Часто покупалась бумага: «старцом десть бумаги писцей», бумага «в росход для монастырских дел», покупалось мыло, оконное стекло: «окончины стеколчатые болшие в трапезу», а также «малые окончины», «окончинки стекольчаты в ставни в келью игумену». Наконец, предметом покупки являлись косы лятцкие, косы литовки, бердыши немецкие, ножи угорские (венгерские); впрочем, эти предметы были частью иностранного происхождения; к последним относится и сукно «английское», шолк «на сударь».

Покупки делались в городах. «С Ескою послано в Вологду на бумагу и на свечи 8½ алт.», «колес на 20 алтын купили на Коломне», «на Вологде куплено... два десятка подошев да гвоздей черных 3 тысячи», там же укладу, образа, решета, в Смоленске тетрадь золота, в Костроме обувь, в Можайске сукно, «с Ызосимою послано к Москве на крашенину полтина», в другом случае на сусальное золото 3 руб. [1]).

В огромном большинстве случаев не указано, однако, где куплены те или иные предметы. Неизвестно также, приобретены ли промышленные изделия непосредственно у изготовляющих их мастеров или у торговцев. Лишь в некоторых случаях можно установить первое. Так, уже выше встречалась покупка укладу у кузнеца, сусального золота у серебренника. В других случаях читаем: «Иосафу иконнику дано за иконы полтина», «дано Харе Исакову сыну Пигилову за иконы 3 руб.», «за образы дано Харе иконнику рубль». Здесь не сказано «от дела», так что речь идет о приобретении у этих иконников готовых образов, ими писанных и сделанных из их собственных материалов. Такой же характер имеют и следующие записи: «купил у Михалка у шваля епанчу нову», «куплено у мастеров тетрать золота», «Собаке плотнику дано за топоры 2 алт.» [2]).

Под названием «дано слугам и швалем и детенышем и конюхом» перечисляются те, кто получил полугодовое жалованье. Среди них встречаются конюхи (14), повара (16), квасовары (2), рыболовы (3), мельник, истопник, бортник, но также ремесленники: не менее 14 швалей, среди них Сава шваль 6 раз, Первушка Федоров (он же просто Первушка) и Богдашка Горбунов по 3 раза, Ерка Горбунов и Неждан Москвитин (он же Нежданка) по 2 раза, далее 3 сапожника, 2 каменщика—Мина (он же Минка) 3 раза, Григорий Семенов (он же просто Григо-

---

[1]) Прих.-расх. кн. 1—10, 103, 189.
[2]) Там-же. 2, 4, 7, 103, 113.

рий) 2 раза, 4 кузнеца, 1 золотарь (5 раз), 5 плотников, из них двое по два раза [1]).

Однородные записи находим в расходных книгах казначеев Кирилло-Белозерского монастыря. И здесь встречаем самых разнообразных мастеровых людей, которым выдается материал и «за дело» уплачивается определенная денежная сумма. «Пряли бабы конопляпки 22 кирби лню, дал 4 алт. 2 д.». В другом случае тем же бабам-конопляпкам, которые наняты были «лню прясти, нити шити», дано «на соль 9 д.». Вероятно, они же «пряли... святильно на сальные свечи». «Рыжку от сукон от топтанья (за валяние сукна) 4 алт.». Далее идут работы по шитью сермяг и шуб и по выделке сапог. «Мастером овчинником дал от дела от 600 и от 67 овчин дал 2 р. без пол—3 алт.». «От 30 сермяг отднарядных дал от шития 8 алт.». «От сапогов от шития давал». «Лаптю Федку от дву рясок да от свитки от поделки». Весьма часто повторяются записи о найме плотников и кузнецов. «Плотники кореляне Третняк с товарищи на Маурине срубили овин и поставили и покрыли, от дела дано им 20 алт.». Плотники «покрыли келью и дровянник и нутно в дровяннике делали», они же церковь «разбирали и подрубали и собрали и покрыли», «плотники кореляне... колачной амбар делали». Но они же изготовляли и мебель: «плотник Юра делал дверь да три столы мастеровые». Наряду с ними упоминаются каменьщики и кирпичники. Первые производили каменные постройки, «делали... лестницу и келью служебную каменную», вторые производили кирпичи—«кирпищиком от 37 тыс. кирпичю дано от дела», «зделали две печи кирпичю 47 тыс. кирпичю».

Кузнецы выделывают разнообразные предметы по заказу монастыря: «вологоцкой кузнец Чурило надил 25 топоров, от наду дал полтину», «боровскому кузнецу Семену от 4 буравов новых да от 5 буравов ветчяных судовых дано», «Заозерскому кузнецу Мите Глухому от 50 ножен шадровых от кузла (горна) дал 10 алт.», «Белозерской кузнец Гриша Ушаков сковал 50 ножей репчатых». Как мы видим, везде—в Вологде, на Белозере, в Заозерске, в Боровске, монастырь дает заказы кузнецам. Они же куют для него гвозди тесовые, выделывают буравы, кочерги, ключи к замкам, терпуги. Имеются, однако, и специальные котельники: «Ширяй котельник у котла у поваренного у середнего дно подставливал новое, да и полудил, да сковороду большую с помочю починивал, да кумчанец из нова делал»; тот же котельник Ширяй «поделал котел большой квасной» и он же

[1]) Впрочем, точно установить число лиц невозможно, так как есть сходные имена, которые могут принадлежать и одному и тому же и разным лицам (напр., Гриша и Григорий Федоров, Гриша и Гриша Пузырь, Кузьма и Куземка Яковлев, Гаврилка и Гаврилка Филипов).

«котел новои зделал да ветшанои починил». Зато особого часового мастера, повидимому, не было (хотя и упоминается старец Герасим часовник, но он не выделывает часов, а поручает их другому)—«дал от часов от келеиных от дела»—кому, не известно. Но в другом случае эту работу выполняет кузнец—«кузнецу Завьялу от часов от дела». Встречаются и другие мастера—горшечник, ложечник, крестечник, иконописец, который пишет образа, серебренник, который окладывает их серебром и золотом, «да чашу панахидную делал».

При этом находим, наряду с монастырскими портными деревенских портных, деревенских сапожников, деревенских шубников, подмонастырских крестьян в качестве кузнецов, очевидно, все это крестьяне, работавшие на монастырь, быть может и на других лиц. Неизвестно, работали ли они у себя на дому или в помещеньях монастыря; у последнего во всяком случае была шивальня, когельня, кузничная изба. «На шивальне ставили Щолковское сушило и мшили и кожевны и нутр зделали и чюлан кузнице поставили и покрыли», «на шивальне в новой избе» делали дверь. Но здесь работали и постоянные мастера за годовую плату: «на шивални оброчным мастером за платие годового оброку 33 человеком», годовой оброк выплачивается и котельникам, седельникам и иным мастерам, очевидно, постоянно работающим на монастырь.

Такие же данные находим и в записях расходов вологодского архиепископа Варлаама (за 1627 г.). С одной стороны, «дано пуговишнику Беляю Павлову за пашивку за дело за 70 пугвиц и петель на ряску государю архиепископу» или «за архиепископлю теплую ряску от дела», а с другой стороны, «дано Филипу Иванову сыну, что он положил к архиепископлим сапогом да к ступням своя подошвы и приклад» или «дано за дело от архиепископли свиточки и за торочки и за нити»; в одних случаях весь материал передается ремесленнику, в других он пользуется собственным материалом. Покупается шелк зеленый, золотно тонкое, но также сукно и холст: «дано старцу Трифану за крашенину», «под ряску архиепископлю на подкладку» [1]).

В приходно-расходных книгах Сийского монастыря значатся записи по постройке двух храмов, при чем один сооружен был в течение 6 лет (1638—44 г.г), другой же в течение 18 лет (1589—1606 г.г.). Постройка производилась, главным образом, монастырскими людьми и крестьянами, на оплату которых во втором случае истрачено 1.365 руб. Для постройки закуплены в Москве и в Холмогорах гвозди, кровельное железо, тес, ртуть, колокольная медь, драгоценные камни. И здесь плата сдельная—кузнецу от кузла, от окон, от решеток, от пробоев, плотникам от церковного дела, что храм крыли [2]).

---

[1]) Извест. Археол. Общ. Т. III. 219—20. (Сообщ. Суворова).

[2]) Иванов. Опись Сийского монастыря. Древн. Тр. Арх. Ком. Моск. Арх. Общ. II. 2. 1902. Столб. 379 сл.

Из расходных книг Костромского Ипатьевского монастыря (около 1553 г.) можно усмотреть, что уже в середине XVI ст. оплата ремесленников, работавших на монастырь, производится в деньгах. «Поделывал котел бражной да куб, да две трубы паял, дано от дела полчетверта алт.». «Переделывал 10 кос наново, дал от дела гривну». Подобным же образом, монастырь расплачивается за другие работы. «Варил пива на монастырь на братью и на гости 13 четвертей, дано от него мастеру 2 алт.». «Переплетал Апостол старой на ново, дал мастеру за дело и за кожу от него 5 алт.» [1]). «Поделывал у детей (детенышей) печи в избе, дал от дела алтын».

Некоторые из постоянно работающих в монастырях людей снабжаются и натурой, но все же в этом случае приходится необходимые для них вещи закупать. «Купил ряску да сапоги, дал 6 алт., ряска дана старцу Савастиану поваренному, а сапоги даны поваренному же детенышу Пятку». «Купил 2 рубашки да саноженки дано гривна, рубашка дана хлебенному Ларивону, а другая дана сторожу Олексею, а саноженка даны трапезному малому Добрынке». «Купил свитку, дал 5 алт., дана нарядчику Ефрему старцу, купил сермягу дал 4½ алт., а дана коровнику Гаврилку... купил рубашку, дал алтын, а дана детенышу Олексию» [2]). Но в других случаях выдача одежды или продуктов заменена деньгами. «Детенышу Гаврилку Федорову дано найму 7 алт., да ему же дано на рубашки и на рукавицы и на нагавицы на год 4 алт., на летние коровнику Гаврилку и з женою дано им на год на рубашки 6 алт., да им же дано за пуд соли 3 алт. без 2 д.». «Иванку Першину дано на рубашки и на нагавицы и на рукавицы на летние 4 алт. без 2 д.». Точно также «тиуну и доводчиком и людем его дано им за колачи и за рыбу 3 алт.». [3]).

Вознаграждение как многочисленных ремесленников, состоявших на постоянном (полугодовом) жалованьи у Болдина Дорогобужского монастыря, так и тех, которые получали сдельную плату за каждую работу, делаемую по заказу этой обители, производилось в денежной форме. Лишь «колоколному литцу государеву Ивану Офанасьеву как он лил в Троице в пустыню благовесной колокол», куплено «сукно зелено английское середние земли», но остальное—корм и кафтан ему не выданы натурой, а за них уплочено деньгами: «на кофтан рубль денег», «да ему же на корм дано 8 алт. 2 д.» [4]). Трем плотникам, которые в подмосковной вотчине житницу рубили, на месте ставили,

---

[1]) Отрывок из расх. кн. Костромского Ипатьевского монаст. около 1553 г. (в собр. рукоп. Ундольск. № 1235). Стр. 5, 6, 7, 10, 11, 12, 13, 14, 15
[2]) Там-же. 8, 11, 12, 13, 14, 15.
[3]) Там-же. 7, 9, 15.
[4]) Прих. расх. кн. Болд. мон. Столб. 68, 81.

покрывали и внутри отделывали, дали 2 алт. и 4 д., а кроме того «купили в потешенье боран живой» и «к посным дням пандышев ко штям, да селдей»; их, следовательно, кормит монастырь [1]). В других случаях натурой оплачиваются слуги и детеныши, коровники—им покупаются рубашки, кафтаны, сермяги, портки, шапки, рукавицы, сапоги, сарафаны, костолоны, ножи [2]). Иногда встречается запись: «купил полтора каравая сала ветчинного батраком в вотчину, как оне лес спели на хоромы», «куплено для детенышей и для косцов к сенокосу 2 коровая сала ветчинного», «купили в вотчину пуд соли на росход для прибылных деловых людей в вотчине»; упоминается о «детине», который, «в вотчине живучи», на старцев и на наемных людей в сенокос «ести варил» [3]). Эти наемные, не живущие постоянно в вотчине (прибылные) деловые люди кроме денежного вознаграждения получали, таким образом, и пропитание, тогда как никаких других получений натурою не встречается. Но во многих случаях и о харчах для них не упоминается, а читаем просто: «нанял 5 человек батраков в вотчину в подмосковную ржи молотити на семя... дано батракам от молотбы на месяц... по 4 алтына человеку на неделю». О покупке продуктов для их пропитания в противоположность приведенным выше случаям, ничего не сказано; «чистили двор монастырской да и у 3 келей на дворе же, дали батраком от дворового чищенья 4 алт.», и здесь все сводится к денежной плате, хотя, конечно, во всех этих случаях нельзя поручиться за то, что, несмотря на неупоминание о харчах, они не питались во время работы на монастырском дворе.

Гораздо характернее, однако, другое обстоятельство, тот факт, что даже слуги и детеныши нередко не получали продуктов и одежды натурой, а взамен этого им выдавались денежные суммы на покупку соответствующих предметов. Это обусловливалось, очевидно, тем, что таких вещей в монастырском хозяйстве не производилось, так что и монастырю приходилось бы покупать их. «Володе да Юде, да Мите Засыкину дано им по 10 д. на рубахи», «на рубахи дано Беляю и Конаше», «дано детенышу Тишке Совостьянову на рубашку гривну денег». В другом случае «дал (детенышу) Меншику на холстину гривну денег», «коровнице на сапоги алтын», «келарю Иасафу 10 алт. на ряску», Михайлу Рожнову куплены две овчины бараньи на шубу, но взамен прочей одежды и ему дано деньгами: «на сермягу на шапку да на сапоги рубль денег» [4]).

---

[1]) Прих.-расх. кн. 70.
[2]) Там-же. 12, 36, 37, 38, 40, 46, 47, 49, 50, 54, 57, 59, 63, 66, 83, 84, 107.
[3]) Там-же. 24, 35, 39, 43, 69.
[4]) Там-же. 5, 6, 7, 12, 22, 24, 30, 42, 46, 47.

Наконец, на каждом шагу встречается в записях монастыря следующее: «служил неделю священник Петр (Варлам, Ерман, Игнатей, Дмитрей, Илинарх и другие); дано ему 5 алт.»—5 а т. являются, повидимому, установленной таксой. Нечего говорить, что на поездки в Москву, в Смоленск и другие города каждый раз даются деньги (а не продукты) на харчи, на корм лошадям и на другие расходы.

Кирилло-Белозерский монастырь, как видно из расходных книг конца XVI и половины XVII ст., также заменил вознаграждение натурою денежною платою, хотя это совершилось, повидимому, лишь недавно, ибо еще указывается взамен чего выданы деньги: «за рожествянские рубахи», «за великоденские рубахи», «рубашешные деньги за три празники», «8 человек дано им за шубы», «слугам на жалованье и дворовым людем дано за шубы и за сермяги денег». Обычно идет длинный список «слуг» и «людей», которые получают деньгами вместо рубах и шуб. В 1608 г. названо таких 239 человек, получивших от 8 до 1 алт. Также оплачиваются и постоянные мастера: «роздал оброку годового за платие портным мастером и крестечником, и ложешником, и токарем, и сапожником, и кожевником 31 руб. 30 алт., да малым ребятам ученикам их роздал за рожественские рубахи 20 алт. с деньгою» [1]).

Приведенные данные указывают на то, что в XVI—XVII ст. имелось ремесло как городское, так и деревенское, работавшее как для городских жителей, так и для вотчин, вынужденных приобретать на рынке полуфабрикаты для отдачи их в обработку или же готовые изделия; существовали и промыслы, производившие для более широкого, частью даже для иностранного рынка. В вотчинах лишь часть потребности в промышленных изделиях удовлетворялась безвозмездно, путем оброка, остальная же либо посредством обращения к рынку, либо наймом людей, получавших повременное, в особ. годовое или полугодовое жалованье, или сдельную плату за каждую определенную работу; материал большей частью доставлялся самим вотчинником. Оплата труда производилась обычно деньгами, лишь отчасти к денежному вознаграждению присоединялось и натуральное, но уже к концу XVI ст. обнаруживается стремление даже для постоянных работников, живущих в вотчине, заменять и последнее по возможности денежной платой. Так что развитие менового и денежного хозяйства идет рука об руку.

---

[1]) Никольский. Матер. Расх. кн. XC. CXXX и др.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Солеварение, рыболовство, пушной промысел, поташное производство.

Литература.

Коломинский. Торговля солью на Руси в 16 и 17 век. 1912 (Киев. Унив. Изв.). *Введенский.* Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве. (Сборн. стат., посв. Платонову. 1922). *Снежневский.* Балахонское усолье. (Дейст. Нижегород. Уч. Арх. Ком.). *Хмыров.* Металлы и минералы в древней России. 1875. *Яницкий.* Торговля пушным товаром в XVII в. (Киев. Унив. Изв. 1912). *Савва.* Арзамасские и Барминские будные станы. Приходо-расходн. и сметн. книги 1679—80 гг. 1908. (Чт. Общ. Ист. и др.). *Симсон.* Поташное дело в Моск. госуд. на пороге XVIII в. Ж. М. Н. П. 1913. V. *Ясинский.* Нижегородские будные станы. (Сборн. Ист.-этногр. круж. при Унив. Св. Владимира. VII. 1915), а также ук. ст. *Забелина* и соч. *Заозерского.* Источн. см. стр. 3 сл.

Во многих местностях сохраняли попрежнему свое значение, несмотря на расширение площади земледелия, промыслы по добыванию зоологических богатств Такие области, как север, Новгородско-Псковская, южные степи, Приднепровье, изобиловали лесами. В этих местностях население занималось также, а в различных северных уездах почти исключительно, звероловством и пчеловодством, к которым присоединялись, в виду обилия рек, и рыбные промыслы. Тесно связано было с ними добывание соли. Соль необходима была в особенности для соления рыбы, производиться же могло солеварение лишь в местностях, богатых лесами; много лесу шло на устройство «езов» для рыбной ловли, почему для каждого из них отводился особый участок леса. Так вполне естественно все эти промыслы соединялись вместе. Среди них особенное значение приобрело солеварение в качестве одной из тех отраслей промышленности, где впервые выдвинулся капитал.

Относительно севера, областей—Вологодской, Важской, Устюжской, Белозерской Герберштейн утверждает, что они отличаются непроходимыми болотами, обилием рек и обширными лесами; земледелия там почти нет, жители занимаются охотой, рыболовством, добыванием соли. Как мы видели, эти промыслы производились там уже в предыдущий период. «Хотя эти провинции бесплодны, потому что наполнены реками и болотами, и в них жить неудобно, но тем не менее они получают большую прибыль от мехов диких зверей, меду, воску и множества рыбы» [1]). «В этих северных областях — по словам

[1]) Герберштейн. 113, 116 сл., 121 сл.

А. П. Ефименко—в XVI—XVII ст. почти нельзя натолкнуться ни на одно сколько-нибудь значительное промысловое угодье, тоню, варницу, где бы львиная доля не принадлежала монастырям местным и центральным» [1]). На крайнем севере находим Соловецкий монастырь, для которого рыбная ловля и солеварение являлось главным источником дохода. В царской грамоте 1592 г. монастырь освобождается на 5 лет от платежа оброков и дани с рыбных ловель и за десятую рыбу в волости Варвуге, за десятую рыбу в Кеми, с рыбных ловель в Сумской волостке, на р. Выге, с тони под Поротом под Золотцом, в Двинском уезде с двух цренов (для солеварения) и с варницы в Неноксе. Кроме того, «по городам на Онеге реке и на Устюге на Великом, с их соловецких судов со шти (шести) насадов, да с трех дощаников прохожие пошлины... имать не велел». Монастырь освобожден и в Вологде от пошлин с привозимой им туда из Холмогор соли [2]). «Во всех наших деревнях—дает игумен Соловецкого монастыря распоряжение о солеварении—цреном варить зимой и летом 160 ночей, а дров к црену сечь к зимней и к летней вари на год 600 сажен; запасать дров на один год, а вперед на другие годы не запасать; а кто станет лишние ночи варить и лишние дрова сечь, на того полагать пеню, а лишнюю соль и дрова брать на монастырь». Леса, несмотря на их обилие, приходилось, следовательно, щадить, варницы пожирали их в слишком большом количестве. Жаловался же монастырь в 1590 г. на то, что соляные поморские варницы начинали пустеть, потому что около них леса высечены и соли варить уже нечем [3]).

Жалованная грамота Николаевскому Корельскому монастырю 1578 г. упоминает о том, что имеется: «монастырьской промысл в Уне и в Неноксе, розсоные вытки в варницах и дворы и тем деи они промыслом секут дрова монастырскими людми и наймиты и возят деи к тому промыслу на монастырских лошадех дрова и варят соль и ту соль променивают на хлеб... да у тих же на Двине на Малокурье Кол тоня, да за монастырем Кудмо озеро да Солза речка, рыбные ловли: да у них же деи промысл за морем на Терской стороне, в Варзуге реке луки, рыбные ловли» [4]). Мы располагаем большим количеством грамот (напечатанных в Сборнике грамот Коллегии Экономии по Двинскому уезду), относящихся к соляным промыслам и рыбным ловлям этого монастыря: около 90 купчих,

---

[1]) Ефименко. 267.

[2]) А. А. Э. I. № 355.

[3]) Ключевский. Хозяйств. деятельн. Соловецк. монаст. в Беломорск. крае. Опыты и исследования. 18, 25, 29 сл. Ср. Доспфей. Географ., истор. и статист. описание Соловецкого монастыря. 1853.

[4]) А. А. Э. I. № 299. Сб. Гр. Колл. Эк. I. № 408-а.

меновых, данных, закладных за столетний период с половины XVI до половины XVII ст. рисуют картину деятельности монастыря в этих областях. Не менее 18 грамот 1554—1601 г.г. устанавливают право монастыря на соляные богатства («сугреб рассолу») и на варничные «заводы» в Новой варнице на Великих местах в Неноксе [1]), 8 грамот удостоверяют участие его в варнице Ершихе на Смердьих местах [2]). Монастырь приобретает промыслы по частям; каждый раз то один, то другой совладелец жертвует или продает ему свою долю рассола, варницы, црена и других приспособлений, при чем указываются и другие сябры-совладельцы. Читаем, напр., «продал треть двенадцатого сугреба росолу... а варници, и в црене, и в колодязи росольном, и в дугах, и в кострищех, и во всем варничном угодьи... А в сябрех тот росол с никольскими же старцы да с Порошею с Вепревым и с-ными сябры» [3]). К этим двум соляным промыслам присоединяется еще ряд других, принадлежащих Николаевскому Корельскому монастырю. Он приобретает колодцы и варницы в Солзе, в Уне, части промыслов Яковлева в Великих местах, а также части варницы Рожковской, Глубокой и других варниц в Ненокоцком усолье и иных местах [4]).

Тот же монастырь скупает по частям рыбные ловли и получает в виде вкладов доли в тонях на различных реках, в особ. на реке Солзе, где монастырь обладал, повидимому, обильным количеством рыбных промыслов: но они имелись у него и на Двине и в Мурманском устье. Нередко одновременно приобретались пожни и другие угодья, земли и дворы, а также звериные промыслы [5]). Продали есмя—гласит, напр., одна из купчих—что нам от брата от Якова осталось в делу, полпоезда без трети, красные рыбы ловити и белые, и по тому полупоезду без трети и в заборе рыбные ловли семги и белые, и в жемчюжных добычях, и в бобровых ловищах и во всяких угодьях без вывета по тому полупоезду без трети, как изстарь промышляли» [6]).

Различные варницы приобрел в 1634—45 г.г. в Унском усолье (это видно из 8 грамот) Спасский Прилуцкий монастырь. По частям к нему перешел Шахматниковский промысел в Уне с рассолом, кострищами и прочим варничным «заводом». Он получил в 1589 г. в качестве вклада и пожню и рыбные ловли

[1]) Сб. Гр. Колл. Эк. I. №№ 139, 141, 149, 155, 158, 164, 166, 171, 180, 191, 210, 271, 281, 288, 297, 300, 310, 375.

[2]) Там-же. I. №№ 107, 191, 373, 376, 377, 378, 382, 390.

[3]) Там-же. I. № 375.

[4]) Сб. Гр. Колл. Эк. I. №№ 116, 125, 170, 178, 183, 187, 190, 200, 360, 381, 383, 386, 388, 390, 509, 521.

[5]) Там-же. №№ 117, 167—69, 172, 179, 196, 214, 218—20, 231—34, 240—41, 244—45, 258, 277, 282, 284, 291, 295, 315, 447, 452, 464, 500, 502, 508, 511—12, 519, 526, 538, 550, 552—53, 558, 593.

[6]) Там-же. № 240

по реке Вежме [1]). В том же Двинском уезде занимались солеварением и рыбными промыслами и другие монастыри, как, напр., Архангельский [2]), Козьеручьевский [3]), Корнилиев Комельский [4]).

Валаамский монастырь имел соляные варницы и сбывал соль в Холмогорах, занимался и рыбной ловлей на Ладожском озере [5]). Кандалакский и Кожеозерский монастыри жалуются на то, что польские и литовские люди и русские воры «промыслишка соляные разорили», а «которая солишка осталась не сожжена... и та солишка осталас не продана» [6]). Рыбными ловлями по реке Тулеме, тонями и варницами в Кольской губе владел Кольский Печенский монастырь [7]).

Еще в грамоте Василия III 1524 г. речь идет о том, что во владениях Антониева Сийского монастыря ключи соляные чистят и лес секут. Вскоре после этого (грам. 1546 г.), игумен «сказывает», что «де у них на Двине на Лисострове в их деревни монастырской оброчной на Исаковой горе явился ключ соляной, и нам велети им того ключа опытати, колодезь копати и трубы пущати и варницы ставити и соль варити, да и льготы им дати». Монастырь владел и рыбными ловлями на р. Варзуге и «всякого зверя промышлял», посылал рыбу и соль в Архангельск, позже и ворванье сало и ворваньи кожи. С течением времени хозяйственная деятельность Антониева Сийского монастыря расширяется. В 1604 г. он добивался еще только права на беспошлинный сбыт 16 тыс. пуд. соли на двух дощаниках (судах), в 1630 г. количество это достигает уже 20 тыс. пуд., в 1644 г. 30 тыс. (на трех дощаниках), а в 1667 г. ходят 4 дощаника, которые подымают 56 тыс. пудов [8]).

И Троицко-Сергиев монастырь, находившийся в центральной области, имел и на севере свои соляные варницы и рыбные ловли. В 1641 г., в момент описи монастыря царской комиссией, он владел варницами Солигаличскими, Балахонскими и на реке Луде, рыбные ловли производились на р. Стерже, в Останковском уезде, на Волге близ Тверцы и на севере в Варзуге [9]).

---

[1]) Сб. Гр. Колл. Эк. I. №№ 204, 213, 216—17, 329, 571—72, 589—90, 593-а, 597, 607, 615.

[2]) Там-же. №№ 524, 546, 548.

[3]) Там-же. №№ 562, 617.

[4]) Там-же. № 541-а.

[5]) А. А. Э. I. № 300.

[6]) Веселовский. Семь сборов. Прил. №№ 36, 41.

[7]) Д. А. И. VI. № 131.

[8]) Еп. Макарий. Историч. сведения об Антониевом Сийском монастыре. Чт. Общ. Ист. и Др. 1878. III. Отд. 5. №№ 1—4, 7, 9—11, 13—17, 19—21. Сб. Гр. Кол. Эк. I. №№ 516, 529.

[9]) Сб. Гр. Колл. Эк. I. №№ 255, 394, 407, 483, 530. А. А. Э. I. № 164: Горский. Истор. описание Свято-Троицкие Сергиевы Лавры, 198 сл. (Чт. Общ. Ист. и Др. 1878. IV). Голубинский. Преп. Сергий Радонежский и основанная им Троицкая лавра, стр. 353 сл.

Кирилло-Белозерский монастырь, владевший обширными вотчинами на протяжении от Белого моря вплоть до Москвы, имел большое количество пахотных земель, но обрабатываемые за счет монастыря земли не отличались большой доходностью, сравнительно невелик был и оброк с крестьянских земель, он составил в 1601 г. 300 руб., кроме продуктов. Напротив, в том же году улов рыбы в количестве 16 тыс. штук дал 553 руб., а от сбыта соли получилось 4.445 руб. Рыбные и в особенности соляные промыслы составляли, следовательно, несравненно более важный источник дохода монастыря, чем сельское хозяйство. Монастырю удалось приобрести значительное количество рыбных езов, частью путем купли, частью же и, главным образом, в качестве пожалований. Иногда ему давалось только «полночи» в езу, т.-е. право ловить рыбу в течение половины ночного времени. В озерах и на море рыбу ловили неводами длиною в 150 саж. с тоней и с лодок или карбасов, на реках же, когда вода была свободна от льда, ловля производилась посредством езов. «Высекали засов и вывозили на ез», «забивали на езу кол и кол засовывали засовом», осенью кол и засов вынимали. Езы поглощали значительное количество леса. Еще большее значение имело добывание соли. «Стягивая в свои руки солеварение в нескольких местностях северного края, монастырю в небольшой сравнительно промежуток времени, удалось довести свой соляной промысел до степени весьма крупной и доходной статьи, несмотря на то, что для этого ему необходимо было собрать целый ряд незначительных долевых участков в варницах». Он старался монополизировать солеварение, вытесняя мелких промышленников. Это значительно облегчалось тем, что кирилловская братия, участвуя в сябренных товариществах, которым принадлежали варницы, не платила податей и за них вынуждены были делать взносы «тяглые отсталые людишка» (волость), которые, вследствие этого, «в земских разметех в конец загибли, платячи за тех сильных людей», «охудали» и частью «разбежались от тех их нужи и от голода». Солеварение было выгодно для монастыря и по той причине, что ему предоставлялось право беспошлинной продажи до 40 тысяч пудов соли.

Самый же способ добывания ее был весьма примитивен (рассол из соляных колодезей поступал на варницы, где соль выварилась посредством «црена», большой железной сковородки) и не требовал значительных расходов, если не считать сожигания в большом количестве дров при выварке. Леса уходило на езы и на варницы так много и вырубка его производилась столь беспорядочно, что, несмотря на обилие его, приходилось находящиеся вблизи монастыря леса об'являть заповедными. Так в 1589 г. келарь Пахомий «заповедал для монастырского и мельничного обиходу» лесную дачу за Сиверским озером, «не

велел сечи того лесу никому и приказал того лесу беречи»; для охранения этого леса от порубки были назначены особые лица [1]).

Как мы видим, в области соляной промышленности в эту эпоху уже появляется капитал. Естественные условия в виде добычи соли лишь в определенных местах приводили к тому, что эта отрасль производства раньше, чем другие, стала производить для широкого рынка, для других, нередко весьма отдаленных, местностей [2]). Это, конечно, способствовало приливу капитала именно в эту область. О роли его свидетельствует деятельность упомянутых выше монастырей, как Соловецкий, Антониев-Сийский, Николаевский Корельский, Кирилло-Белозерский и ряд других. Капитал старается сосредоточить в своих руках возможно большее количество варниц путем вытеснения более слабых конкуррентов, вынужденных уступать ему свои доли в соляных колодцах и варницах, он обнаруживает стремление к монополизации производства.

В качестве капиталистов здесь выступают монастыри. Но наряду с ними находим и частных лиц—коммерсантов нового типа, которые помещают свой капитал частью в торговле, частью же в различных промыслах—звероловном, рыболовном, в особ. же в области солеварения. Среди них первое место занимают Строгановы.

Уже в 1515 г. Аника Строганов заводит первый в Соли Вычегодской солеваренный промысел, а два года спустя, три старших брата его получают земли в Устюжском уезде для соляного промысла. Позже они переселяются на Тотьму, где в половине XVI ст. находим сына одного из них в качестве Тотемского волостеля и крупного солепромышленника. Аника Строганов, напротив, остался в Сольвычегодске, где стал скупать промыслы своих соседей-солеваров. Это видно из двух купчих 152[illegible] г. и одной 1540 г. За ним к Соли Вычегодской потянулись и другие—соловецкие монахи, князь Токмаков, привлеченные льготными грамотами московских великих князей, которые стараются развивать соляной промысел. Однако, им не удается пустить здесь корней, ибо Строганов, хотя и не без труда, путем скупки стягивает в своих руках промыслы конкуррентов. Если ему удалось справиться с этими крупными солепромышленниками, то тем легче шло дело скупки варниц и пренов у мелких держателей, которые по несколько человек-складчиков имели в долевом владении солеварни. Так он скупил Ширяевский промысел, Воронцовские путики с варницами, дворы Осиповский, Яшинский, Балакшина, Кожина со всеми необходимыми в хозяйстве строениями, рассольными трубами, коло-

[1]) А. А. Э. Ш. № 283. Сб. Гр. Колл. Эк. I. №№ 221-а, 537. Никольский. I. 2. Стр. 109 сл., 114 сл., 121 сл., 135, 137 сл. Прим.

[2]) См. ниже, 308 сл.

дезями, соляными амбарами. Иногда участки уходили помимо Строганова в другие руки, но и в этих случаях—как видно, напр., из грамоты 1562 г.—он умел все-таки добыть нужные ему варницы, так что в результате все дело соляное сосредоточивалось в одних его руках. Он привлек рано к участию в промыслах и своих сыновей. Из купчей 1585 г. мы узнаем, что один солепромышленник Труфанов продал уже сыну Аники Семену все то, что в свое время «взял Семен у брата моего у Офонасья насильством», так что промыслы переходили, очевидно, к семье Строгановых далеко не всегда путем одних лишь полюбовных сделок [1]).

Из более поздней грамоты 1615 г. мы получаем представление о том, как успели к тому времени разрастись соляные промыслы Строгановых. Оказывается, что кроме Соли Вычегодской, где за ними «вотчины и соляные варницы и всякие промыслы есть», они владеют всем этим в целом ряде других мест. «В Перми... за Никитою Строгановым городок Орел на реке на Каме, а в нем Никитина варница соляная, да к Орлу слобода Новое Усолье, а в нем Никитиных 8 варниц соляных, а за Максимом Строгановым и на Яиве реке острог, а в нем Максимовых 6 варниц соляных, да за Максимом же на Чюсовой реке городок, а в нем 6 варниц соляных, да на Чюсовой же реке Ондрея да Петра Строгановых городок, а в нем Ондреевых да Петровых 4 варницы соляных, а за тем городком и к острогам и к слободам многие-ж слободы и деревни по розным рекам, а в тех реках рыбные ловли и бобровые гоны и всякая звериная ловля, а промыслы от них ходят по Волге и по Оке реке во многих верховых городах соляные». Как мы видим, соляные промыслы семьи Строгановых распространились по Каме, Чусовой, Оке и Волге, а к ним присоединялись рыбные ловли и звериные гоны, при чем они понастроили «городков» и острогов, и оказывается, что они «изо всех городов... крестьян и всяких людей к себе принимают, а из-за себя никово не выпустят, о том у них заповеди и заставы крепкие» [2]).

В хозяйстве Строгановых на первом плане стояло солеварение, только за ним следовали рыбные и звериные промыслы. Если на севере все эти отрасли производства тесно связаны между собой, то в других областях картина уже получается иная. Добычу соли и соляные варницы мы находим вообще лишь в некоторых местностях Московского государства, там, где это позволяли естественные условия, тогда как рыболовство было распространено повсюду по рекам и озерам.

---

[1]) Введенский. Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве. Сборн. ст., посвящ. С. Ф. Платонову. 1922. Стр. 92 сл.

[2]) Веселовский. Семь сборов. Прил. № 31. См. также Введенский. Торговый дом XVI—XVII ст. 1924.

Иностранцы подробно описывают рыбу, которая водится в русских реках и озерах, удивляясь изобилию и разнообразию ее.

По Герберштейну рыбой изобиловали Волга, Вага, Шексна, Белоозеро, в особенности же Ока и Дон. Ока известна множеством рыбы и в ней славятся белуги, стерляди, севрюги, осетры, стурионы, белорыбица [1]). Особую главу («о разного рода рыбах») посвящает этому вопросу Рейтенфельс. Он перечисляет разные виды рыб, водящихся в Северном море, Волге, Днепре, Каспийском море, и прибавляет: «в Москве зимою, на рынке можно видеть целые горы рыб, лежащих на снегу, при чем особенно поразительное зрелище представляют собою, главным образом, длинные ряды астраханских осетров, как бы питающихся пустым воздухом (т.-е. лежащих с раскрытыми ртами), выставленных для замораживания и на продажу» [2]). Рыбы в русских реках описывает и Олеарий. Волга при впадении в Каспийское море,— говорит он,—«доставляет чрезвычайно богатый лов всякого рода рыбы, которая здесь весьма дешева, так что за один грош можно купить 12 больших карпов, а 200 стерлядей или небольших осетров за 15 грошей. Водится здесь и бездна раков, но так как ни татары, ни русские не едят их, то их ни во что не ставят и выбрасывают» [3]).

Соляные промыслы существовали, кроме северной области, в особенности в Галичском уезде, в Нижегородском (Балахне), в Старой Руссе, наконец, около Астрахани. Во всех этих местностях (в том числе в Астрахани, которая тогда еще не принадлежала Московскому государству) оно появляется уже, как мы видели выше, в предыдущий период, в XIV—XV в.в. [4]).

«Да у Соли ж (Солигалицкой) на посаде Живоначальные Троицы Сергиева монастыря 3 чети варницы Костремитиного, а далее вкладу Иван Торопчинин, да он же дал место к той три четверти варницы под дрова...., а четвертой жеребей тое ж варницы купили в монастырь. А против тое варницы анбар, кладут в нем соль из варницы; а цреп в варнице железной, а подельывают его монастырскими казенными деньгами». «Да у Соли же на посаде варница Живоначальные Троицы, а дали под тое варницу место в монастырь вкладу усольские посадские люди Иван да Борис Говоровы, да подле тое-ж варницы друга монастырская варница дачи Ивана ж да Бориса Говоровых, а колодезь к обема варницам их же дачи..., а по государеве жаловалные грамоте те варницы записаны за Троицою лета 7015 (1507) году. Да в том же Троецком колодези осмина осолу Покрова монастыря игумена Родиона с братьею, а дали ту осмину осолу Иван Васильев сын Павлов да Олександра Иванова дочь... Да у Соли же на посаде в Роспопине варница четвертой жеребей пуста, а дал тое четвертой жеребей варницы Иван Петров сын Мичорин... Да у Соли же на посаде у тех

[1]) Герберштейн. 100, 102, 104. См. Замысловский, 299 сл.
[2]) Рейтенфельс, 191 сл.
[3]) Олеарий, 453.
[4]) См. т. I, отд. II, гл. 4, стр. 124 сл.

монастырских варниц место, а кладут на том месте к варницам дрова, а дал то место усольский посадцкий человек Лука Семенов... Да у Соли ж на посаде на болшой улицы по Пречистенской двор монастырской оброчной, а дал тот двор в монастырь... усолской посадцкой человек Пятой Ларивонов... Да у Соли же на посаде в том же Пречистенском приходе двор монастырской, а дал тот двор в монастырь Ильина человек Сухопина, Макар Игнатьев, а даные не положили; а живет в нем бобыль Федка Родионов, а оброку дает в монастырь с того двора на год по 4 алтыи [1]). Картина получается интересная. Варницы и доли их, колодца, места под варницы и дрова, дворы,—все это монастыри получают и здесь в качестве вкладов.

Герберштейн (в начале XVI ст.) рассказывает, что «в двух милях от Нижнего Новгорода находилось множество домов, составлявших род города, где выварилась соль» и что «выжженные татарами, эти дома были восстановлены, по приказанию князя» [2]). Замысловский относит это указание к Балахонским промыслам, находящимся в 33 верстах от Нижнего Новгорода [3]). Здесь насчитывалось в 1618 г. 72 варницы, по писцовой книге 1674 г. число их возросло до 86 и имелось 33 рассолоподъемных трубы [4]). Любопытно, что в данной гостинной сотни торговому человеку Парфению Вешевитову 1650 г. на устройство двух варниц в Старой Руссе, при чем упоминается о «пустых старых варничных местах», ему велено поставить их «по перьмски или по балахонски» [5]). О соляных варницах в Старой Руссе упоминается и в отписке Иверского монастыря патриарху Никону 1666 г. Найдены были соляные ключи и патриарх приказал послать «для мастера соляного промыслу на Балахну», так что Балахна, очевидно, уже тогда славилась своим солеварением. Добытая соль в запечатанном мешечке была послана патриарху на пробу [6]).

Годом раньше тот же монастырь жаловался Никону, что он подряжает своих крестьян «на варничные дрова возку, а от возки дают от сажени по два алтына, и те де крестьяне не ведома, какова ради вымыслу на те варничные дрова у них не подражаютца, а подражаютца де у старорушан посадцких людей, варничных промышленников, и дешевле нашего за сажень емлют по десять денег и твой великого господина варничной соляной промысел хотят остановить». В Старой Руссе, следовательно, имелись соляные промыслы, как монастырские, так и по-

---

[1]) Писц. книги Моск. гос. I. Сольгаличский уезд. 923—24.
[2]) Герберштейн. 31.
[3]) Замысловский. Герберштейн и его нст.-геогр. изв. 315.
[4]) Спежневский. Балахонское усолье. Действ. Нижегород. Уч. Архивн. Ком. Стр. 591 сл.
[5]) Акты Иверск. монаст. (Р. И. Б. V), № 13.
[6]) Там же. № 243.

садских людей, к которым крестьяне возили дрова, нанося этим ущерб монастырю [1]).

В свою очередь, из Старой Руссы посылали мастеров для «соленого заводу» в Псков. В 1665 г. «соленово варенья мастер старорушенин Анисимко Тарасьев показал... опыт соли». В Пскове были соляные варницы, но «по сказке государевых дворцовых крестьян, окольних людей, слышали оне от старых людей, что те соловары болши ста лет, как покинуты по челобитью городовых и уезных людей для оскуденья дров». Тарасьев «на дворцовой пустоши Селище соленике старых соляных промыслов досматривал и соляного варенья прежних заводов обыскал три колодезя» и «для опыти имал воду и варил четверо сутки против руского варенья и с тое де воды учала соль садитца в пятой день так же, как и у них в Русс». «Дровяного оскуденья» теперь уже не было, «леса великие во все стороны на много верст». Так что к солеварению можно было бы приступить, но только «как те солевары покинуты и от тех давних лет наступили болотные ржавцы и грязью наплыло», так что соль получалась «со ржавцой и черна». Но Тарасьев умел только варить соль а «отводить воды пресные и ржавцов... и трубы класти не умел» и в Старой Руссе вообще этого рода мастеров не было, ибо соль варили там «из верхней воды». Необходимо было и тут послать за мастерами в ту же Балахну. Известный А. Л. Ордин-Нащокин, который был воеводой во Пскове, обратился с просьбой о высылке мастера из Балахны. За свое раденье «о государевых всяких делех» и за заведение всяких промыслов и за искание прибыли государю ему была послана царская благодарность: «и мы, великий государь, тебя околничего нашего и воеводу, за то жалуем, милостиво похваляем». «Соляного заводу мастера з Балахны» обещано было выслать [2]).

Наконец, на Волге соляные промыслы имелись в разных местах, но наиболее важными из них были астраханские.

Еще Барбаро и Контарини, посетившие Московское государство в XV ст., упоминают о них. По известиям первого, на берегу Бакинского (Каспийского) моря встречается весьма много солончаков и москвитяне каждый год отправляют суда свои в Цитракань (Астрахань) за солью. А Контарини утверждает, что недалеко от Астрахани находится соляное озеро «столь обширное, что добываемой из него соли достаточно было бы для продовольствия большей части вселенной» [3]). Об этих промыслах сообщают и иностранцы XVI—XVII ст. Так, по словам Флетчера, соль добывается, кроме северной области (Пермь, Вычегда, Тотьма, Непокса, остр. Соловки) и Старой Руссы, в Астрахани, «где соль осаждается сама собой из морской воды» и «скопляется

[1]) Ак. Иверск. мон. № 216.
[2]) Сб. М. А. М. Ю. №№ 29—31.
[3]) Барбаро. 18, 56 сл. Контарини. 88. Замысловский. 312.

большими пластами», которые купцами оттуда развозятся [1]). И Рейтенфельс, упоминая о соляных промыслах в Старой Руссе, Галиче, Нижнем-Новгороде и на остр. Соловках, находит, однако, что «лучшая соль добывается в Астрахани из воды: здесь имеется шесть озер или болот, в которых она из года в год постоянно оседает на подобие льда... всякая вещь, брошенная в эти озера, немедленно покрывается как бы жидким сахаром [2]). На это указывает и Олеарий, говоря, что в этих местах через соленые жилы «рассол поднимается вверх и действием солнечного жара выделяется в чистый, как кристалл, толщиною в палец, слой, подобно льду; он имеет при этом весьма приятный запах фиалки. Всякий, кто только хочет, может добывать там соль, заплативши только великому князю пошлину по одной копейке или по 1 шиллингу за каждые два пуда» [3]).

Грамотами 1584 и 1616 г.г. Свияжскому Богородицкому монастырю дозволено было иметь на Волге судно и ездить в нем в Астрахань по соль и по рыбу беспошлинно [4]). В Астрахань отправляются за солью, рыбой, визигой, икрой и молоками суда Троице-Сергиева монастыря (грам. 1588 и 1625 г.г.)). Вознесенскому монастырю (в 1624 г.) предоставлено право в Астрахани «стребать на соляных озерах по 10 тыс. пуд соли беспошлинно, да в Волге реке рыбу ловить пятью связки безоброчно» [6]).

Уже из приведенных ваше данных о приобретении монастырями соляных разсолов и варниц, как и рыбных ловель, на севере видно, что ими нередко владели «в сябре», «в складстве», т.-е. по идеальным долям, которые могли отчуждаться на сторону, причем замечается сильное дробление их. «У нас црен... в складстве», «в себрех тот росол со старцами». Продается не только пол-места варничного, или треть варницы, или половина тони, но и треть двенадцатого сугреба розолу и даже 55-я доля в црене [7]). Но сябринное владение существовало и в других местностях—в Пермском крае, в Балахне; и там имеется владение варницами на паях, «варничные компании» из нескольких мелких промышленников [8]). В Балахонском усолье последним принадлежало несколько более половины варниц, тогда как остальные находились в руках казны, монастырей и в особенности (около одной четверти всех варниц) купцов гостиной

---

[1]) Флетчер. 14.
[2]) Рейтенфельс. 184 сл.
[3]) Олеарий. 452.
[4]) А. А. Э. I. № 322. III. № 86.
[5]) А. А. Э. I. № 336. Гр. Колл. Эк. I. № 530.
[6]) Р. И. Б. II № 132.
[7]) Акты Дебольского, 418 сл. 426 сл. Ефименко. Сборн. материалов об артелях в России. II. 136 сл. Островская. 33 сл. Гр. Кол. Эк. I. Никольский. Мат.
[8]) А. Ю. № 90, 93. Коломинский. Торговля солью на Руси в 16—17 в.в. Киев. Унив. Изв. 1912. № 12 и Прил. (таблицы).

сотни [1]). Несмотря на стремление нарождающегося капитала вытеснить мелких промышленников, это ему еще пока не везде удается, но все же сила уже находится в его руках. Казна, монастыри и крупное купечество выдвигаются в качестве капиталистов не только на севере, но и в других областях.

У Герберштейна встречается много указаний на обилие лесов в различных областях Московского государства. Однако, сплошными лесами были покрыты, главным образом, те местности, которые относятся в настоящее время к Архангельской, Вологодской, Вятской, Пермской, Нижегородской, Костромской и Владимирской губерниям, т.-е. области, которые еще и к концу XIX ст. принадлежали к наиболее лесистым частям восточно-европейской равнины. Из прочих же он упоминает область, граничащую с Литвой (Опочецкий и Бельский уезды), далее земли Мордвы, наконец, указывает на то, что леса тянулись по обоим берегам Оки. В последнем случае речь идет о местностях, лежавших в то время на южной границе Московского государства и даже составлявших уже «дикое поле». Что же касается Московской области, то Герберштейн сообщает о ней, что «по пням больших деревьев, которые существуют даже и ныне, можно заключить, что вся эта область не так давно была очень лесиста». Следовательно, в первой половине XVI ст. здесь леса уже были вырублены. [2]).

Почти сто лет спустя, Олеарий замечает, что «обширная страна русская там и сям покрыта кустарником, обильна лесом, большею частью еловым, березовым и орешником» [3]). В его описании об обилии лесов упоминается уже гораздо меньше. Мало того, из указа 1659 г. мы узнаем, что даже в Курском крае по Белгородской засечной линии были в большом количестве вырублены леса, так что обнажилась сторожевая от крымских татар линия. В этом указе говорится о том, что леса «к поташному и к смольчужному делу многие повысечены», так что городовым и уездным людям негде стало добывать себе дров. Погибли и бортные деревья: «от сеченья того лесу на поташ и на смольчугу, от дыму пчелы повылетали и от того бортные угодья опустели, а мед стал дорог» [4]).

По словам Дженкинсона (1558 г.), мед и воск добывался по обеим берегам Оки на протяжении от Рязани до Нижнего-Новгорода. Флетчер утверждает, что хотя мед употребляется самим населением для напитков и для иных целей, но вывозится и в довольно большом количестве заграницу, вывоз же воска к концу XVI в. сильно сократился. Из Кильбургера же мы узнаем, что во второй половине XVII ст. вы-

[1]) Действ. Ниж. уч. арх. ком. 595 сл.
[2]) Герберштейн. 95, 99, 104, 119, 122, 125, 127 сл., 151, 208. Замысловский. 227 сл., 237.
[3]) Олеарий. 117 сл.
[4]) П. С. З. I. № 250. См. также выше, стр. 225, 228.

воз как меда, так и воска уже прекратился—хотя этих продуктов было и много, но они целиком потреблялись в стране; в особенности воск шел на нужды богослужения в церквах и при публичных процессиях [1]). В Новгородских писцовых книгах находим бортные ухожья и оброки медом, иногда весь оброк уплачивался медом; в некоторых случаях половина меду идет во дворец, или помещик «из меду смлет у христиан половие» [2]). В Нижегородском уезде поступает оброчный мед с бортников различных местностей, в особенности с мордвы и с черемис [3]). В Вятской области его платят медом татары, остяки и вогулы [4]). В 1576 г. дана береженая грамота Васке Шюмалкину. Воевода должен его «вотчинишку» «бортного ухожея» беречь «накрепко», чтобы «сторонние люди насилством не ходили нихто и бортей не драли». Бортник его платит со своего бортного леса оброку 10 пуд. меду в казну [5]). Оброк взимается медом и кн. Одоевским [6]), и Солотчинским монастырем [7]), и в хозяйстве кн. Голицына, хотя в последнем случае при перечислении всевозможных видов столовых припасов, которые обязательно должны быть доставлены, лишь прибавлено: «меду, у которых крестьян улья есть, по гривенке с улья» [8]), так, что эти улья, очевидно, далеко не были всеобщим явлением. Болдин Дорогобужский монастырь разводил бортничество, именно эту первоначальную форму пчеловодства, которая, как видно и из других приведенных выше данных, существовала еще и в XVII в. [9]). Остатки бортничества сохранились и в государевых имениях, именно в перешедшей к Тайному Приказу от Зюзина селе Гридине: велено было «призвать в Гридинские бортные ухожеи и в звериные ловли всяких охочих людей, чтобы в дельных деревьях завесть пчелы..., а звериные ловли (и они, следовательно, здесь имелись) отдать на оброк» [10]). Однако, главное внимание в имениях Алексея Михайловича было обращено на разведение пасек, или «пасечных дворов». Для этой цели ульи частью собирались с крестьян, как это делалось и при устройстве скотных дворов, частью покупались у них «повольною ценой»; в последнем случае специально подчеркивалось: «безденежно не имать», «сильно не отымать» [11]).

Гораздо большее значение для народного хозяйства имел другой лесной промысел—пушной. В эту эпоху он произво-

---

[1]) Изв. англичан. 36. Флетчер. 12. Кильбургер. 112. 117.
[2]) Новг. писц. кн. V. Ст. 124, 311, 338, 422.
[3]) Действ. Нижегор. губ. учен. Арх. ком. Сб. VIII. 1909. Стр. 338 сл. Ср. Дела Тайн. Прик. I. Ст. 1034.
[4]) Ак. писц. д. II. № 74.
[5]) А. Ю. № 359. I. II.
[6]) Переписка Одоевского. Стр. 32 и Прил. IV. № 11. V. № 33.
[7]) Доброклонский. Стр. 71, 74.
[8]) Розыскн. дела о Шакловитом. Изд. Арх. Ком. Т. IV. 1893. Стр. 548 сл. 635 сл.
[9]) Прих.-расх. кн. Болд. мон. Ст. 228, 250.
[10]) Дела Тайн. Прик. I. Ст. 1127. Заозерский. 129. Миклашевский. К ист. хоз. 130.
[11]) Дела Тайн. Прик. I. Ст. 1138, 1178.

дился лишь в немногих местностях, ибо в других пушные звери уже исчезли. Звероловство имело место на юге и на востоке (Пермская, Вятская, Казанская области), а также на севере [1]), но важнейшим районом являлась Сибирь.

Иностранцы, писавшие о Московской Руси, указывают не только на обилие рыб всевозможных сортов в русских реках, но и на богатства страны пушным зверем и на большое количество добываемых мехов. Герберштейн упоминает о горностаях, белках, куницах, которые водятся в Северской и при-окской областях, как и о мехах, добываемых около Смоленска, но, главным образом, он останавливается на звериных промыслах, производимых на севере и на востоке, в Двинской земле, Пермской и за Уралом. В частности соболей около Устюга и в Двинской области, по его словам, весьма мало, напротив, много и высокого качества около Печоры. Беличьи шкурки привозятся из Перми, Вятки, Устюга и Вологды, в особенности же из Сибири и Казани [2]). Флетчер также называет среди местностей, изобилующих мехами, прежде всего северные и восточные—Пермь, Казань, Мурманск, Печору и Сибирь; кроме них, только Галич, Углич и Новгород [3]).

Из авторов XVII в. одни, как Олеарий или Рейтенфельс, не останавливаются подробнее на этом вопросе, другие же, как Родес и Кильбургер, также подчеркивают, что лучшие меха доставляются из Сибири. Больше всего и наилучшие меха — говорит Родес — добываются в Сибири, как-то: соболи, рыси, белки, горностаи и норки. Преимущественно в Казанской области и вообще по всей стране хотя и добываются всякого рода меха, кроме соболей, но они в общем бывают гораздо хуже и не могут сравняться с приходящими из Сибири, что и заметно отзывается на их цене». Кильбургер также указывает на то, что «меха добываются во всех местах по целому государству, но больше всего и наилучшие в Сибири». На первом плане среди мехов он ставит соболей, которые ценились наиболее высоко, при чем он обращает внимание на то, что и в Сибири, где соболи только и водятся, они в ближе лежащих местностях уже сократились, частой охотой там очень загнаны и уменьшены, а самые лучшие находятся далеко по ту сторону сибирских городов», что обозначает, повидимому, восточные области Сибири [4]).

Первоначально в XVI и XVII веках главною целью заселения и освоения территории Сибири была пушнина. За пушниной с незапамятных времен ходили в Югру новгородцы, за пушниной и в позднейшее время ежегодно пускались толпами в далекую «заморскую» Мангазею поморские мореходы и промышленники. Пушнина была основной целью и правительственной

---

[1]) В Вотской области татары и остяки платили ясак соболями, куницами и иной рухлядью. Ак. писц. д. II. 74 и др.

[2]) Герберштейн. 92, 104, 106, 108, 122, 124, 127, 129—30. Ср. Замысловский. 289 сл., а также о более ранних описаниях, гл. XXVI.

[3]) Флетчер. 12. Ср. Середонин. Соч. Флетчера. 121 сл.

[4]) Родес. 161. Кильбургер, 95, 170.

деятельности за Уралом: ясак, т.-е. сбор мехов, в виде дани с инородцев и десятая пошлина натурой с русских промыслов были в сущности сначала единственным, зато чрезвычайно сильным стимулом, который привлекал Московское государство на Восток... За отсутствием благородных металлов «Соболиная казна» до известной степени играла в финансах XVII века роль современного золотого фонда...; он давал возможность правительству сосредоточивать в своих руках всю внешнюю торговлю мехами и вместе с тем ссужать московских купцов пушным товаром для торговли [1]). «А присылается из Сибири—говорит Котошихин—царская казна ежегодь: соболи, меха собольи, куницы, лисицы черные и белые, горностаи, белка в розни и мехами, бобры, рыси, песцы черные и белые, и зайцы, и волки, барсы. А сколько числом тое казны придет в году, того описати не в память, а чаять тое казны приходу в год болши шести сот тысечь рублев» [2]). Котошихин, как мы видим, за достоверность этой цифры отнюдь не ручается. Из данных же, приводимых П. Н. Милюковым за 1680 г., видно, что поступления по сибирской мягкой рухляди (мехах), определялись в 143 тыс. руб., что составляло свыше 13 процентов всех государственных доходов (окладных) [3]).

Сибирь—говорит Г. В. Вернадский—была для Московского государства XVII в. то же, что в предыдущем столетии Америка для испанцев, то же, что позже для англичан Индия. Недаром Сибирь называли «Малая Индия» [4]). Но—как правильно указывает Кильбургер—соболиные богатства Сибири быстро истощались, и потому то колонизация Сибири подвигалась все дальше, дойдя уже в середине XVII ст. до Тихого океана. Варварские приемы ловли пушного зверя «кулемами» приводили к истреблению наиболее ценных пород. «Торговые де и промышленные люди своими промыслы... секут кулемник, и теми кулемниками... корень соболиный вывели» (1647 г.). Прежде промышленные люди ловили соболя в зиму по 3—6 и более сорок, «ныне де на те реки промышленные люди ходить перестали, потому что «соболя опромышляли», а которые де при них на те реки и ходили и они всего на ужину добывали соболей по 15 и по 20, потому что соболь весь в Якуцком уезде на ближних реках... торговые и промышленные люди своими промыслы кулемами опромышляли» [5]).

---

[1]) Бахрушин. Истор. очерк засел. Сибири. Очерки истории колониз. II. 1922. Стр. 44 сл.

[2]) Котошихин. 93.

[3]) Милюков. Госуд. Хозяйство. 74.

[4]) Вернадский Против солнца. Распространение русского государства к Востоку. Русск. Мысль. 1914. I, 62.

[5]) Д. А. И. III. № 57. Ср. Шапов. Соч. II. 228 сл.

Сибирская «мягкая рухлядь», являвшаяся тем магнитом, который притягивал к себе людей, добывалась в равной мере как частными промышленниками, так и служилыми людьми, причем и те и другие ищут «великого государя прибыли». С одной стороны, служилые люди являлись хозяйственными агентами казны, обязанными прежде всего «проведати где б, на которой реке государю прибыль учинить» и вооружаемыми для ясачного сбора пищалями, пороховым зельем, шлемами и всяким «промышленным заводом», а равно закупавшими у иноземцев пушнину, причем им вместо денег посылали для этой цели меновые товары—сукна, «медь в котлах и в тазех», олово «в блюдех и в тарелех». «А что у иноземцев у ясачных людей сверх государева ясаку, как они государев ясак заплатят весь сполна, их соболиной и всякой мягкой рухляди объявитца, и им те соболи купить у иноземцев на государев товар» (1644). «И они бы служилые и всякие люди его царскими милостивым призрением и жалованьем жили в тишине и в покое безо всякие нужи и промыслы своими всякие промышляли без опасенья» (1651 г.). Наряду с служилыми людьми промышленные люди не только командируются государством для закупок пушнины, но и для сбора ясака, и участвуют в предпринимаемых с этой целью сраженьях с туземцами. Отправляясь промышлять соболя (отсюда их название «промышленники») они объединяются в ватаги, состоящие из покрученников, т.-е. промышляющих не от себя, а от хозяина, во главе которых стоит передовщик.

В северных городах находим «торговых и богатых людей», которые на промыслы в Сибирь «отпущают», отправляют людей для добывания пушнины. Они либо сами зверя бьют, либо выменивают на упомянутую медную или оловянную посуду или на другие вещи. И с этой пушнины «промышленной» (т.-е. самостоятельно добытой) или «покупочной» они также платят десятину натурой в пользу казны. «А что будет они ясачные сборщики, Осипко с товарищи, какого зверя на лесу сами уловят, или будет на досталные свои запасишка и на одежишка и на саблишка, и на топоришка у ясачных тунгусов мягкой рухлядишка, что невеликое купят после государева ясачного сбору: и им тое покупочную и свою промышленую мягкую рухлядь, пришед на Ленской волок, и явитись с той рухлядью в таможенной избе поповщику и с той рухляди в государеву казну в таможие платити государева десятинная пошлина зверем же» (1644 г.). Однако, они не только «промышляли» и обменивали, но и грабили. Обмен превращался в насилие, ибо они сами определяют цену пушнины: «Костентин де Дунай... учал на них иноземцов порозь наметывать железные свои товары сильно, полменика по полуаршина по 15 соболей, а которые пол-

мишка в три чети аршина и те по 20 соболей, а прут железной в три чети по 15 соболей» (1664 г.). Но этим дело не ограничивалось: они «грабят соболи и лисицы и кобылы и коровы... и бьют батоги и увечат напрасно» (1680 г.). После погрома туземцев, делят между собой их «животы» на определенных основаниях: «громленой скот... служилые люди делили... и досталось де казакам на най две скотины» (1676 г.). «Одна девка Чюлкан досталася торговому человеку... а другая девка Налбин досталася промышленному человеку... да тунгуса же Ундимы жена досталася промышленному... да тунгуса Михмы вскорвленница девка Коркун досталась пятидесятнику Даниле Михайлову» (1680 г.). Частью добычи «били челом государю»: «казаки взяли... тех трех робенков тынгуских и однем де робенком Жаняуком для царьского величества ударили челом» (1679 г.) [1]).

Наряду с соляной промышленностью пушной промысел являлся той областью, где впервые появляется капитал, причем первоначальное накопление, соответственно своему характеру и как подтверждают приведенные факты, совершается не только путем мирного обмена или самостоятельного добывания пушнины, но и насильственным способом—цены односторонне, принудительно устанавливаются русскими промышленниками или еще проще обмен заменяется захватом. Такой характер имела «торговля» европейцев с туземным населением за океаном в эту эпоху, такими свойствами отличались сношения русских с сибирскими инородцами.

Важным лесным промыслом являлось и поташное производство. Как мы видели выше, указ 1659 г. говорит о том, что в Курском крае, вследствие добычи поташа и смольчуга, леса «повысечены». Он прибавляет, что работники на поташных заводах—будных станах или будных майданах—подговаривают крестьян и людей детей боярских к грабежам и разорению, разоряют самые будные станы и бегут в черкасские города [2]). Этот указ о «неотводе на будные станы лесов никому, ни по каким указам» свидетельствует как о распространении поташного дела, так и о том пагубном влиянии, которое эти заводы оказывали в смысле истребления лесов. Для поташного производства необходимы были зола и дрова. Прежде всего заготовлялись дрова, а затем дубовые и ольховые пережигали в золу и из золы готовили жидкое тесто, которым обмазывали другие поленья—сосновые или еловые, и складывали их в ко-

---

[1]) Д. А. И. т. II. №№ 68, 73, т. III. №№ 4 (II). 83, т. IV. № 144, т. VII. №№ 3. (V). 61. (IX). т. VIII. №№ 41. (XVII). 69. Вернадский. Госуд. служилые и промышл. люди в Восточн. Сибири XVII в. Ж. М. Н. П. 1915. IV. и Русск. Мысль 1914. I. См. также Янцкий. Торг. пушным товаром в XVII веке. Киев. Универс. Изв. 1912 г.

[2]) П. С. З. I. № 250

стер, покрывая каждый раз поленья новым слоем золы. Потом зажигали костер и пережженая, расплавленная таким способом зола доставляла новый ее вид—поташ [1]).

Кильбургер сообщает, что поташ употребляется на изготовление мыла в стране и, кроме того, в большом количестве вывозится за-границу на Архангельск и Нарву, при чем лучший поташ производится у Морозова. Около 1650 г., когда Морозов приобрел вотчины в Нижегородской области, он завел там выделку этого столь славившегося за границей поташа. «А всех бы в вотчинах моих завесть 12 майдан»—писал Морозов своему Мурашкинскому прикащику. Для них посылались будники и поливочи; последние являлись главными руководителями. Так как от их уменья разводить дровяную золу для поливки в костре вполне зависела доброта поташа, то прикащикам боярин приказывал, чтоб они за поливочами смотрели, чтоб они делали поташ добрый. Прикащики посылали ему на дощечке в Москву опыт поливанья поташа работы того или другого поливоча.

Морозов каждый раз приказывал из крестьян или их детей выбрать столько то человек «добрых и умных и отдать к будному делу в ученье и сильно (насильно) и приказать, чтоб учились неоплошно». Однако, крестьяне всеми силами старались избавиться от этой работы, ибо будное дело было для них настоящей каторгой. Когда он велел в селе Мурашкине отправить на будные майданы бедных крестьян, с которых взять нечего, вместо охочих людей, и зачитать им работу в оброк, то крестьяне тотчас же принесли сказки (свидетельства) за поповыми руками, что оброк платить готовы, так что будное дело оказывалось лучшим средством заставить крестьян вносить оброк без всяких оговорок. Будные майданы являлись для крестьян столь страшными и обременительными—«крестьяне от того гораздо ужаснулись»,—что они нередко спасались бегством с женами и детьми: «и иные—писал прикащик—приходя на сход, похваляются грозно брести, что де майданные дела стало делать не в силу».

Если же прикащик, «чтоб крестьян не изжестать и тем их не изогнать», сокращал работу их на майданах («в дровах и в золе пощада есть»), то ему плохо приходилось от боярина. «Во всех моих вотчинах в майданах,—пишет Морозов грозно арзамасскому прикащику—они запалили в апреле месяце, а у тебя в июне... в иных моих вотчинах сделано на майданах по 100 бочек и слишком, а у тебя и сказать нечего (25 бочек)... И ты дурак... не таися, пьяница, ненадобный бражник; все ходишь за брагою, а не за моим делом и мне не радеешь и прибыли не ищешь, своим ты пьянством и нераденьем многую

[1]) Забелин. Вестн. Евр. 1871. II. 481.

у меня ты казну пропил... Довелся ты за то жестого наказанья и правежу большого. Да и так тебе, дураку, не велю спустить даром».

Изготовленный поташ набивался в бочки и посылался в Нижний-Новгород, а затем в Вологду, где боярин, пользуясь своим привилегированным положением, помещал его в государевы (казенные) амбары. Оттуда поташ отправляли в Архангельск и продавали иностранцам, при чем Морозов, пользуясь расположением государя, всегда выпрашивал себе грамоту, освобождавшую его поташ и вымененный на него товар от всяких пошлин во весь путь из вотчин до Архангельска и обратно, так что, выручая крупные суммы, он ничего не платил в казну [1]).

После смерти боярина Морозова его будные станы, повидимому, перешли к правительству, ибо мы встречаем казенные поташные заводы именно в тех местах, где были прежде морозовские. Уже в 1668 г. «указал в своем государеве новоотписном селе Сергачах (оно принадлежало прежде Морозову) быть на приказе Андрею Кучецкому и ведать ему того ж села будные станы, а на тех станех делать поташь», для чего выдаются ему деньги и хлеб, последний «в ту меру, в которую ему даваю при боярине, при Борисе Ивановиче Морозове, как он Андрей был на тех же будных станех» [2]). Затем казенное производство поташа расширяется—устраиваются будные станы в Барминских лесах, Нижегородского уезда, и в Арзамасском уезде [3]). В самом конце XVII ст. появляется 15 казенных будных майданов в Кадниковском, Шацком и Нижеломовском уездах, так что промысел этот распространился и на нынешние Тамбовскую и Пензенскую губернии [4]). Имелись и частные будные станы, напр., в Арзамасском уезде гостя Семена Сверчкова, который обязан был давать казне восьмую бочку от добытого поташа [5]). Но они отступали на задний план, по сравнению с производством казны, которая в то же время отнесла поташ к числу заповедных товаров и экспортировала его за-границу. В 1672 г. производство поташа на Сергацких будных станах обошлось в 28,4 тыс. руб., а прибыль, выручennая казной, равнялась 8,1 тыс. В других случаях наименьшая цена, по которой казна продавала поташ с Арзамасских и Барминских будных станов, равнялась 16 алт. 4 д. за пуд, тогда

---

[1]) Забелин. II. 482.

[2]) Дела Тайн. Прик. (Р. И. Б. XXI), I, ст. 1382.

[3]) Арзамасские и Барминские будные станы. Прих.-расходн. и смотн. кн. 1679—80 г.г. С пред. Саввы. 1908.

[4]) Симсон. Поташное дело в Моск. гос. на пороге XVIII в. Ж. М. Н. П. 1913 г. V. 123 сл.

[5]) Арзамасск. и Барм. будн. станы. 28, 50.

как наибольшая стоимость производства, включая провоз до Вологды, не превышала 7 алт. 5 д., прибыль даже при таком вычислении получается весьма крупная [1]).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Иностранцы и новая промышленность.

Литература.

Любименко. Труд иноземцев в Моск. госуд. Арх. Ист. Тр. VI — VII 1923. *Лихачев.* Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московск. госуд. Зап. Имп. Археол. Общ., т. V. *Гурлянд.* Иван Гебдон, комиссариус и резидент. 1903. *Курц.* Сочинение Кильбургера. 1915. *Хмыров.* Металлы и минералы в древн. России. 1875. *Белокуров.* О бумажной мельнице в Москве на р. Яузе. Чт. О. И. и Др. 1907. II. *Новицкий.* К истории промышленности и труда во втор. пол. XVII в. Арх. Ист. Тр. XI — XII. 1924. Его-же. Из истории насаждения суконных фабрик в России. „Труд в России". II. 1924. *Лермонтова.* Шелковая фабрика в правленье царевны Софьи Алексеевны. Зап. отд. рус. и слав. арх. Имп. Рус. Археолог. Общ. XI. 1915. *Мулюкин.* Приезд иностранцев в Московское государство. 1909. См. также ук. соч. *Заозерского.* Источн. см. Стр. 3 сл

Развитие промышленности везде и повсюду, в древности и у современных народов, на Западе и на Востоке совершалось под непосредственным влиянием иностранной иммиграции— до XIX ст., благодаря переселению иностранного труда, в XIX ст. при помощи иностранного капитала. В предыдущие столетия только путем переезда иностранцев и происходило ознакомление страны с новыми отраслями производства, еще неизвестными в данной местности, как и с новыми способами и приемами, изобретенными в других странах и дающими возможность производить новые сорта и виды товаров, изготовлять предметы скорее и лучшего качества. Иностранные мастера и приносили с собой новые знания в области техники производства, свои секреты, которые обыкновенно запрещалось сообщать иноземцам и которые только таким путем могли переходить от одного народа к другому, вызывая распространение достигнутых в одной местности успехов по другим областям и странам.

В России уже рано—как мы видели—совершался взаимный обмен техническими сведениями между отдельными областями при помощи отхожих промыслов, появления новгородских и псковских мастеров в других местностях, при чем сами новгородцы нередко получали свое знакомство с техникой

[1]) Савва. Стр. IV.

того или другого производства от приезжавших в Новгород ганзейцев. Но и иноземцы, литовцы, народы Востока, в особенности же византийские мастера—мы на это также указывали—появляются на Руси уже в Киевский период. Из последующей эпохи известен прибывший в 1472 г. Аристотель или Рудольфо Фиораванти, «кои ставит церкви и палаты», строивший в Москве при Иоанне III Успенский собор, но он же чеканил монеты, лил пушки и колокола. При том же Иоанне III пытались набирать и других мастеров заграницей, а при Иоанне Грозном их было навербовано в 1554 г. целых 123 человека, но такая армия специалистов показалась столь опасной недоверчивым соседям России, что они ее не пропустили. Напротив, первому русскому послу, отправленному в Англию, удалось вывезти оттуда, кроме доктора и аптекаря, 2 бочаров, 7 канатных мастеров, скорняка, лесничего и несколько торговых учеников.

Эта политика продолжалась и впоследствии. Всячески старались добывать мастеровых людей, которые «похотят ехати к великому государю своим мастерством послужити». Но особенно усиленная деятельность в этом направлении проявляется при первых Романовых, когда появляется много мастеров как военного дела, так и по изготовлению всякого рода предметов роскоши. При Алексее Михайловиче сознание собственного бессилия и скудости собственных материальных и духовных средств, по сравнению с западно-европейскими, приводит к тому, что «теряют прежнее национальное самодовольство и начинают оглядываться по сторонам, искать указаний и уроков у чужих людей на Западе». Многократно посылались заграницу в особ. переселившиеся на Русь иностранцы, которым приказывалось не только доставить всякого рода птиц, камни, исцеляющие от всевозможных бедствий, и иные заморские диковинки, как и «промыслить трав, которые растут где бывает серебряная руда», но и «наймовать мастеровых всяких людей, как то золотово дела добрых мастеров, рудознатцов серебряных и медных и железных руд, алхимистов самых ученых, точильников, мастеров стекляницных, резцов, которые б умели на дереве и на камени резать всякие фряские рези». В половине XVII столетия иноземцев в Москве было, повидимому, уже довольно много; в 1652 г. их выселили за город в особую новую иноземскую слободу, при чем они были разбиты по трем статьям; во вторую статью вошли аптекари и мастера алмазного, золотого, серебряного, канительного и кружевного дела. Когда в 1665 г. произведена была перепись жителей этой слободы, то в ней оказалось 20 человек придворных мастеров дел—золотого, серебряного, часового, портняжного, седельного, живописного. В 1684 г. «иноземцы Галанцы и Амбурцы в Государственной—Посолской приказ сысканы

и допрашиваны», при чем их оказалось 36 человек в Москве и выяснилось, что они проживают в Москве по 10, 20 и даже 30 лет. Одни «кормятся у города столярною работою», другие «починивают бочки», многие «кормятся рукоделием своим портным мастерством шьют на иноземцев платье» или просто «кормятся работою своею» [1]).

На первом плане стояло добывание и обработка металлов. По словам Иовия, у москвитян не было «ни золотых, ни серебряных рудников, никаких более благородных металлов, кроме железа; в стране их не были находимы следы драгоценных камней. Все это москвитяне получали от чужих народов». Герберштейн и Флетчер также упоминают только о добывании на Руси железной руды [2]). Замысловский находит свидетельство Иовия не достоверным, ссылаясь на то, что уже Иоанн III в 1482 г. просил венгерского короля прислать мастеров, «искусных в добывании руды золотой и серебряной, также в отделении металла от земли». «У нас есть серебро и золото,—велел он сказать королю,—но мы не умеем чистить руды, услужи нам и тебе услужим всем, что находится в нашем государстве» [3]). Однако, это известие ничего не доказывает. Возможно, что утверждение Иоанна III о существовании на Руси золотой и серебряной руды являлось лишь предположением. Во всяком случае ничего неизвестно о том, явились ли мастера для очистки руды и приступили ли они к этой работе. Есть еще и другое известие времен Ивана III (1488 г.) о наказной «памяти» Юрию Траханиту и Ивану Халепе, ехавшим послами к имп. Фридриху III, в которой опять-таки содержится просьба «о присылка рудников», знающих руду серебряную и золотую и умеющих отделять ее от земли [4]). Но и тут результаты неизвестны. В другом случае речь идет уже об отыскании самой руды, именно в 1492 г. были отправлены грек Мануил Иларион, дети боярские Болтин, Коробьев и Петров с иностранными мастерами на Печору и на р. Цильме они нашли серебряную и медную руду. Карамзин указывает на то, что с этого времени мы начали сами добывать и выплавлять металлы и чеканить монету из своего серебра [5]). Однако, он не сообщает, откуда почерпнул эти сведения и никаких данных, подтверждающих это предположение, не имеется. Напротив, есть все основания утверждать, что не только в XVI ст., но и в продолжении

[1]) Любименко. Труд иноземцев в Московск. гос. Арх. Ист. Тр., кн. 6—7. 1923. Мулюкин. Приезд иностранцев в Моск. гос. 105 сл. Гурлянд. Иван Гебдон, коммисарпус и резидент. 1903. Стр 18, прил. 2 и 3. Заозерский. 159 сл.
[2]) Иовий. 40. Герберштейн. 105. Флетчер. 15.
[3]) Замысловский. 313.
[4]) Памятн. диплом. снош. древн. Росс. с держав. иностр. I. 19.
[5]) Карамзин. VI. 140. Прим. 360.

XVII века благородные металлы на Руси еще не добывались, а получались из-за границы в монетах, слитках и изделиях [1]).

Иначе обстояло дело с железной рудой. Герберштейн указывает на то, что около Серпухова даже на ровном месте добывается железная руда, а по словам Флетчера, железо на Руси «несколько ломко, но его весьма много добывается в Корелии, Каргополе и Устюге Железном» (Устюжне Железопольской [2]).

При Алексее Михайловиче всячески поощряется отыскивание серебряной, золотой и иных руд, появляются всякого рода иностранцы «рудознатцы», которые в сопровождении подъячих, стрелецких сотников и стрельцов, иногда и «присыльных мужиков» отправляются для «сыску руды» в самые различные местности—по Двине, в Кевролу и в Мезень, во Владимир, по Оке и Волге «по обе стороны тех рек», в Дмитровский уезд, даже в далекую Сибирь—в Верхотурье, в Тобольск и в Катайский острог, причем они снабжаются и людьми и железными и деревянными снастями [3]). Одному из этих иностранцев, полковнику Густаву фон-Кампену, дается даже задача «сыскивать каменю алавастру», а кроме того «слюды, соляных росолов или где пристойно соль варить в морской воде, рек, на которых мельницы строить... осмотрить леса, ис которых можно рубить корабельному делу» [4]). Путешествия эти не всегда проходили гладко. Так, когда послан был с Москвы в Сибирь «для опыту и плавления серебряные руды, Михайло Селин да с ним рудознатной мастер Крестьян Дробыш с товарищи» и «для переводу языка» капитан Калус, первый из них бил челом царю, что Дробыш и Риман «государеву серебряному делу не радеют», а последний «и толмачит не в правду», «обе ехали они дорогой мешкотно с большим прохладом в городех и дорогою стояли... проводников били и увечили, а на Шуйском яму застрелили из пищали до смерти ямщика, и людем своим табаком торговать велели... у крестьян баранов в деревнях имали и по курам стреляли», он же, Селин, при всем этом «молчал за неволю», чтобы «их, иноземцев, не разсердить» и «делу порухи не учинить». Когда же они «на Верхотурском волоку учали бить и увечить проводников на смерть» и он «стал их от такого дурна унимать», то капитан Риман стал ему «отказывать с большим невежеством» [5]).

Наряду с иностранными рудознатцами появились однако и доморощенные «изветчики», которые ставили себе задачей «изведать рудные места» и добывать себе грамоты на право их

---

[1]) Хмыров. 104, 188.
[2]) Герберштейн. 105. Флетчер 15. Гамель. Англич. в России. 90. 204.
[3]) Заозерский. 138.
[4]) Дела Тайн. Прик. I. Ст. 1218.
[5]) Д. А. И. VI. № 24. III.

«всякими сыски сыскивать невозбранно», чтобы бояре, воеводы и приказные люди «на помещиковых и на вотчинниковых землях и по рекам, руд сыскивати и опыты чинить давали поволно» и их самих и их «мастеровых и работных людей везде оберегали и в обиды не давали и сами задержки и мотчания не чинили никоторого». Такую компанию образовал пензенский соборный поп со своими духовными детьми [1]). Одновременно успенский поп Доментий Федоров с товарищи (всего 8 человек) «по изветчиковым речам» отправился «для сыску золотые руды и серебряные и иных всяких руд и красок и слюды... по всем городам и уездам... и по рекам большим и по малым, и по озерам и по проточинам, и промеж гор и на полях и на лугах... сыскивать» [2]). Разыскивал руду и волотжанин Яков Галкин, владевший дворами и лавками в Вологде и в Москве. Он, его отец и братья ручались за хлебных подрядчиков, которые стояли на правеже, но подряда не выполнили, почему «дворишки и лавченки» поручителей хотели описывать и продавать, но пользуясь тем, что он занимался «рудосыскным делом», он добился отсрочки «в поручных долгах»—«покаместа я, сирота твой, из посылки приволокусь к Москве» [3]).

Каковы же были результаты этой «рудоискательной горячки»? В области благородных металлов она ничего не дала. Так, в 1666 г. руды на Мезени вероятно лишь по незнанию были приняты за серебряные, поиски серебряной руды на Урале Хитровым в 1671 г. оказались безуспешными. В других случаях найдена железная и медная руда, но не серебряная. Только при Петре В. уже грек Александр Левандиан построил на берегу р. Алгачи нерчинский завод и на нем с начала XVIII ст. приступили к выплавке серебра [4]).

Несколько больше было достигнуто «изветчиками» в отношении медной и железной руды. В XVII в. руду добывали, ковали и лили в различных местностях как по близости от Москвы, в особ. около Тулы (см. ниже железные заводы Виниуса, Марселиса, Акемы), так и в Двинской области [5]), а в конце 1660-х годов открыта была медь близ Олонца и Петр Марселис просил о том, чтобы «великий государь пожаловал его и его сына и их наследников и велел им построить заводы» и «буде приищется руда и пойдет в путь и в тех бы уездах иным никому заводить руды поволью не было». Он добивается выдачи ему жалованной грамоты, чтобы им «заводы безопасно построить и завесть мочно потому что приходят такие заводы в совершe-

[1]) Л. А. И. VI. № 24. V. VI. VII.
[2]) Там-же. № 24. XIV. XVI.
[3]) Там-же. № 24. VIII. IX. X. XI. Ср. т. VII. № 10. III.
[4]) П. С. З. I. № 392. Д. А. И. V. № 10. III. А. И. V. № 258. П. С. З. III. № 1561 Хмыров. 176 сл., 181 сл.
[5]) Кильбургер. 165. Рейтенфельс. 158.

ние в 10 и в 20 и в 30 лет и больше, до тех мест, пока станет прибыль выходить» [1]). Действительно, заводы медные были учреждены Христианом Марселисом и Андреем Бутенантом. Тем не менее еще в указе 1677 г. по поводу привоза меди читаем, что она «в Московском государстве не родится приходит из немецких сторон» [2]).

В двух случаях удалось найти руду на Урале и за Уралом и приступить к ее обработке. Именно найдены были месторождения меди близ Пыскорского монастыря, около Соликамска. Как мы узнаем из челобитной соликамских воевод 1671 г., боярин Стрешнев «был у Солкамску для прииску медные руды», руда нашлась и «той руде опыт чинили», а после этого гость Надей Светешников с мастерами немцами добывали и плавили эту руду, «что у них Надеи с товарыщи сделана была плавильна под их Пыскорским монастырем... и плавили из той руды медь». Позже их сменили другие лица, Шунпин, Лодыгин и Телепнев с русскими мастеровыми людьми, но «как в горах медная руда вынялась и признак рудных не стало и от того времени рудного медного дела промысл и плавленье покинуто и промышлять перестали» [3]). Так что производство прекратилось. Дополнением к этому является сообщение «медни руди плавильщика» Тумашева, что после «чемец» и после дворянина Телепнева он с отцом в Усольском уезде на Пискоре промышлял медным промыслом и по договору поставляли в казну медь по 2, позже по 3 руб. за пуд, тогда как продавали «всяким людем пуд по 4¼ руб.» и «своим раденьем промышлишком... учинили казне прибыли болши 1½ тыс.»; но с 1657 г. медного промысла «не стало», потому что «медные руды вынялись» [4]).

Железная руда была найдена в Верхотурском уезде, на р. Нейве, и упомянутый уже Туманев в 1670 г. доносил, что «он обыскал и об'явил» железную руду, и им «завод заведен железному плавленью» и к тому железному делу им кузнецы и работные люди наняты». Он прибавлял, что «от изменников башкирцов опасно» и просил разрешения острог поставить и крестьян «прибирать» [5]). Результаты этих попыток неизвестны. Во всяком случае, и в конце XVII ст. еще для изготовления медных и отчасти железных изделий пользовались в значительной мере привозным металлом.

Кильбургер сообщает, что в России, почти около Москвы, имеются три железных завода. Наибольшим из них владеет датчанин Петр Марселис, завод которого состоит из трех плавильных печей и из 10 молотов с двойными горнилами... Царь подарил заводу в наследственную собственность 400 крестьян... Привилегии его (Марселиса) окончились, но царь их снова продолжил на 20 лет. «Другой железный завод принадлежит тоже

---

[1]) Д. А. И. IX. № 15.
[2]) См. П. С. З. II. № 678.
[3]) Д. А. И. VI. № 24. I.
[4]) Там-же. V № 10.
[5]) Там-же.

немцу (иностранцу), по имени Тильман Акема, и называется по реке, где он построен, Протвой; лежит он в 90 верстах от Москвы... Там по дороге на Калугу, находятся две плавильных печи и 4 молота и тут железо вообще лучше куется, чем у Марселиса, так что Акема всегда получает за пуд своего железа на 1 гривну больше Марселиса... Этот завод также получил от царя 200 крестьян». Наконец, Павловский—третий и собственный царский завод, «лежит в 52 верстах от Москвы по дороге в Клин, имеет одну плавильную печь и два молота, но он плохого качества, потому что руда идет из болот. Мастер там наемный и служил он прежде у Марселиса».

Упоминаемые Кильбургером Тульские заводы были учреждены в 1632 г. голландцем Андреем Виниусом (и Вилькенсом), получившим пособие от казны в 3 тыс. руб. и в 1639 г. взявшим себе в товарищи называемых им Петра Марселиса и Тильмана (Филимона) Акему. Последние, однако, вскоре стали устраивать новые железные заводы и в жалованной грамоте 1644 г. было разрешено «заводить им железные заводы своими дентами на трех местах, на Ваге, на Костроме, на Шексне, или же инде приищут, безоброчно и беспошлинно на 20 лет..., а с тех заводов имать у них в нашу, великого государя, казну железо и ратные запасы по договорным ценам», а что «принять не укажем, и им... поволно вывозить в иные земли и в нашем Российском государстве продавать» [1]). Тульскими же заводами Марселис и Акема продолжали владеть вместе с Виниусом, к ним была приписана дворцовая Соломенская волость и выдано им из казны 3 тыс. руб. Позже между ними и Виниусом произошел спор из-за Тульских заводов и в результате эти заводы были отданы им. Кроме того, они устроили заводы на р. Угодке, Малоярославского уезда, а в 1656 г. «Протовский железный завод взяли они иноземцы... на оброк у боярина. . Милославского... на 15 лет». В 1662 г. «за вину Марселиса», т. е., повидимому, за неисполнение своих обязательств относительно поставок в казну, половина этих заводов, именно, Тульские и Каширские и Соломенская волость были взяты на государя, Поротовские же и Угодские заводы и вышегородская волость оставлены Акеме—Марселис уже умер [2]). Однако, с тульскими и каширскими заводами казна, повидимому, справиться не могла, хотя по ее собственному признанию, они и были лучше оставленных Акеме заводов, и весьма скоро они были отданы вновь Петру Марселису, «за его, Петровы, многие службы и что в 173 (1665 г.) году посылан был в разные государства и промысл к миру с королевством Полским в тайных делех учинил» [3]).

Кильбургер сообщает, что на Протвинском (Поротовском) заводе выделываются только якоря и прутовое железо, причем последнее «прекрасно, мягко и тягуче, так что можно без труда

---

[1]) Кильбургер, 165 сл.
[2]) Д. А. И. V. № 9.
[3]) Д. А. И. V. № 77. IV.

каждый прут согнуть», тогда как на Тульских заводах льют не только прутовое железо, но и пушки, выделывают сабельные клинки, црены для соляных варниц, железные доски, двери и ставни. Таким образом, на первом заводе оружие вовсе не производилось («Акема сказал, что ему... ставить... только сварное и прутовое железо, а иных никаких ратных запасов делать... не мочно, для того, что кроме железного дела, иных никаких заводов у него нету»), а на вторых, наряду с ним, изготовлялись и предметы домашнего обихода—из прутового железа, вследствие частых пожаров, делались наружные двери и оконные отверстия в домах, большие толстые железные доски клались перед дверными порогами, тонкие доски употреблялись на сковороды, котлы и горшки [1]).

На первом плане стояла на Тульских заводах, повидимому, выделка для казны оружия. В справке об «уговорной» цене, по которой Марселис обязался ставить в казну приготовляемое на Тульских и Каширских заводах «деланое всякое доброе железо» 1676 г., перечисляются, прежде всего, литые пушки, ядра и литые плиты, рейтарские латы с шишаками, мушкетные стволы, гранаты, малые ядра, полушки, бердыши, топорики, шпаги с ножнами, сабельные полосы. Но упоминается также связное и прутовое железо, доски кованые к дверям, тонкие кованые доски на кровлю, сохи с палицами, железо на гвозди, на оковы колесные и к телегам, лопаты и заступы, наконец, железные хлебомолотные мельницы [2]). При этом Марселису «за отдачею казенною поволно продавати на сторону поволною ценою», так что он работал и для свободного рынка, сбывал частным лицам железо для кровель и дверей, лопаты и заступы, мельницы и т. д. «Железо, которое остается от мушкетного и всякого царского дела—сообщает Котошихин—продают всяких чинов людем; и то железо в деле ставится жестоко, не таково мяхко, как свейское; а для чего понадобится царю Свейское железо, и то железо покупают у торговых людей. А у промыслу того железного дела бывают иных государств люди; а работники того города торговые люди и нанятые» [3]). Из этого мы видим, что все же производимого в стране железа не хватало, а приходилось, в особенности железо лучшего качества, выписывать из Швеции, на что указывает и Кильбургер [4]). И все-таки первые шаги в смысле выделки его уже были сделаны до Петра, причем пользовались наемным трудом. Но на казенных же заводах прибегали—как сообщает шведский резидент Померенинг—и к столь широко применяемым впоследствии несвободному труду пре-

---

[1]) Кильбургер. 166—68.
[2]) Д. А. И. IX. № 16.
[3]) Котошихин. 105 сл.
[4]) Кильбургер. 120.

ступников и пленных; вместо 4 коп. в день, уплачиваемых немецким мастерам, они получали за ковку всего 1½ коп. [1]). В XVIII ст. большую роль в промышленности играла, однако, и другая форма подневольного труда—труд крепостных или приписанных к заводам крестьян. И в этом направлении мы видим здесь первые шаги — к заводам Марселиса и Акемы приписано две волости с крестьянами, Соломенская и Выше горская. К сожалению, нам неизвестно, ограничивался ли труд крестьян добыванием руды, рубкой и подвозом леса к заводу и т. п. работами или крестьяне также занимались литьем и ковкой железа. Возможно, что в виду необходимости для выделки железа известной подготовки, последняя производилась наемными мастерами-иностранцами и обученными на заводах русскими. Действительно, мы знаем, что Марселис и Акема «в иных государствах мастеровых людей иноземцов дорогою ценою нанимали и из-за моря к Москве вывозили», причем их, мастеров, как русских, так и иностранных не могли к себе переманивать другие заводы: «мастеровых людей русских людей и иноземцев к себе на заводы без письменного отпуску не принимать» [2]). Это постановление повторяется и в других жалованных грамотах этой эпохи.

В ведении Тайного приказа на ряду с Тульскими и Каширскими заводами Марселиса и Акемы, находились три непосредственно эксплоатируемых им Звенигородских завода, для которых воспользовались работавшими у Марселиса мастерами-иноземцами. В приходно-расходной книге по 21 сентября 1668 г. записан указ о выдаче государева жалованья 20 рублей для праздника «железново заводу мастеру и плавильщику иноземцу невокрещену Дементию Иванову сыну Буди с сыном ево, Андрюшкою, которые были на железных заводах на городище у иноземца у Петра Марселиса». Под 1676 г. дано описание инвентаря этих заводов. В «молотовых анбарах» было по два горна и посредством водяных колес приводились в движение молоты, весившие по 14—15 пудов, далее имелся «анбар медной», два анбара кузнечных с горнами, наковальными мехами и один «анбар сверлишной, где просверливают пушки, а в нем колесо водяное, колесо сухое, да 3 колеса вверху под'емные». Так, что здесь изготовлялись, кроме связного и прутового железа и листового железа («досок железных»), лопат, топоров, гвоздей «пробойных», также пушки кованые. По близости «в вотчинной деревне» Архангельского протопопа Федора производилась «за наемные деньги», 50 руб. в год, ломка железной руды. Но количество мастеровых было крайне незначительно. На всех трех заводах имелось всего вместе 28 человек на все «анбары»—молотовые, «медной», «кузнишной», «сверлишной», и остальные, именно: «доменных 2 человека, молотовых 6 чел., угольных 4 чел., подмастерьев 5 чел., под-

[1]) Курц. 455.
[2]) Д. А. И. V. № 9.

датней 6 чел., кузнецов 4 чел. и 1 мельник». Для них были построены избы—8 на одном заводе, 3—на другом и 1—на третьем. Да еще в «росписи солдатам» указано 17 чел., которые, вероятно, выполняли всякую черную работу, не требовавшую подготовки мастера [1]).

В XVII ст. иностранцы стали насаждать у нас и производство стекла.

Уже в 1634 г. разрешено было «пушечного дела мастеру» Коэту «заводить и делать скляничное дело своим заводом». Он вывез для этой цели «5 мастеров скляничных» и завод был «весь сполна заведен, но дело остановилось, когда «по грехом что лучшего скляничного мастера в животе не стало». Пришлось Коэту ехать снова заграницу и привезти нового мастера с женой и детьми. Повидимому, и после смерти его вдова продолжала вести предприятие (она обращается с челобитной по делам завода), а в 1670 г. завод принадлежал другому Коэту—«Оптекарские полаты скляничному мастеру», который доставлял склянки в Аптекарский приказ.

Только об этом (Духанинском) заводе известно Кильбургеру. Правда, в 1666 г. другой иностранец, Фан Сведен, которому были сданы на оброк мельницы бумажная и мукомольная, хотел устроить стеклянный «виницейский» (т. е. на венецианский манер) завод, но умер, не осуществив своего проекта. В 1669 г. имеются записи в книгах Тайного приказа о выдаче государева жалованья стрельцам плотникам, которые строили в селе Измайлове «анбар, где скляницы делать». В том же году завод был пущен в ход, имелось 3 «анбара» и работал Ловис Моэт (по московскому наименованию Иван Мартынов) «с товарищи», всего 7 человек. Кроме этих «мастеров скляничных самых добрых», велено было «вывезти к Москве из Виницеи (Венеции) золы лутчей суды делать на хрусталной цвет. Был и еще один стеклянный завод Чернопоповский. Но работали на них, повидимому, одни только иностранцы. Когда в 1672 г. в Путивле, Севске и Трубчевске разыскивали для этих заводов мастеров (10 человек), «которые стекло варить... и всякие суды (сосуды) делать горазды, то отовсюду получился ответ, что таких «мастеров нет и прежсего не бывало». Выделывались на этих заводах сосуды зеленого и белого стекла различной формы, рюмки, братинки, перстницы, мухоловки, кубки долгие потешные, разнообразных размеров вплоть до «рюмки в сажень»—нечто в роде царь-колокола. Характерно и то, что во время посещения царем завода, сопровождавшие его стольники и стряпчие похитили «золоченые скляничные достаканы» [2]).

Если стеклянное производство, хотя и в небольших размерах (на Измайловском заводе работало всего 7 чел.) удалось насадить, то с сафьяновым делом пошло весьма неудачно.

Созданное предприятие (и здесь работало только 7, позже 6 чел.), состоявшее из 3 изб для мастеров, омшенника (где делаются кожи),

---

[1]) Дела Тайн. Прик. Т. I. Ст. 256 сл. Т. III. Ст. 186 сл. 1105. 1400. Заозерский. 146—7.

[2]) Дела Тайн. Прик. I. 1450. III. 1337. 1601. Заозерский. 146 сл.

колодца и амбара с весьма «незатейливыми» снастями, просуществовало, повидимому, не долго. Ведавшие заводом мастера, сначала армянин, затем русский, позже выехавший с Востока, из «Кизылбашской земли» человек—один за другим портили только кожи; они закупали плохой материал, попытка заменить мастеров стрельцами тоже не привела ни к чему [1]).

Было сделано и несколько попыток создать производство бумаги; для этого строились бумажные мельницы (они так именовались в то время и на Западе), но бумага, которую исписывали в большом количестве в Московских приказах, по-прежнему приобреталась иностранная, в Архангельске; собственные изделия были, повидимому, плохого качества [2]).

Итальянец Барберини сообщает и об устроенной у нас бумажной мельнице, которая изготовляет бумагу, хотя ее еще не могут употреблять, ибо искусство выделки бумаги не доведено до надлежащего совершенства. Действительно, в одной купчей 1576 г. говорится о продаже вотчинки Писемских и сообщается о границах ее: «а с третью сторону в межах, что бывало за Федором за Савиновым в поместье, которой бумажную мельницу держал, а с четвертою сторону в межах половина реки Учи вверх от бумажные мельницы и с луги же Учи по мелницу Романа Михайловича Пивова» [3]). Здесь точно указано местоположение бумажной мельницы; держал ее помещик.

Только около половины XVII ст. вновь появляются сведения о мельнице, устроенной Бурцевым, который призвал из-за границы прусака Фрума, вскоре, однако, уехавшего обратно [4]). После этого возникло новое предприятие: для печатного двора, по желанию патриарха Никона, была построена бумажная мельница на реке Пахре, при государевой Зеленой слободе в 1655 г. и заведование ею было передано сначала тому же Бурцеву, а затем целовальнику бумажного дела из суконной сотни Лукьяну Шпилькину. Декабря 5 дня 1656 г. бумажный мастер Иван Самойлов в первый раз отвез в Москву в печатный книжный приказ 75 стоп бумаги, но, повидимому, плохой—она названа «черной», когда же приступили к производству бумаги белой, то «пошла вода с гор и учала плотину портить»—мельница была разрушена [5]). Повидимому, там же находилась впоследствии упоминаемая Кильбургером бумажная мельница иностранца фон-Шведена, который был выписан для обучения русских бумажному делу: ему были переданы мельницы бумажная и хлебная и велено брать с него оброку по 100 стоп самой доброй писчей бумаги [6]). Шведен вскоре умер, но жена его продолжала вести предприятие. Кильбургер прибавляет, что царь велел двум мастерам бумаж-

---

[1]) Дела Тайн. Прик. III. 1618. 1624. Заозерский. 152 сл.

[2]) Коллинс. Зап. Моск. Археол. Инст. XV. 144. Кильбургер. 117. Родес. 225. Курц. 318.

[3]) Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Моск. гос. Зап. отд. рус. и слав. археол. Русск. Археол. Общ. V. 320.

[4]) Рожков. Происхожд. самодерж. в России. 1906. Стр. 157 сл.

[5]) Лихачев. 319 сл.

[6]) Кильбургер. 116—17.

ной мельницы Шведена, которые неохотно ушли оттуда, выстроить новую мельницу на Яузе около Москвы [1]). Бумажная мельница действительно была построена под их руководством плотниками-стрельцами в числе 16 человек, которые взяли подряд, соорудили две четырехсажепных избы с печами и с деревянными трубами для промывания тряпья, поварню для варенья клея и еще амбар. Вскоре, повидимому, началось и самое производство, хотя Кильбургер еще рассказывает, что там мало работают. Кроме двух упомянутых иноземных мастеров—одного «плотничьего дела», и одного «бумажного дела», там имелось еще два плотника и 5 «трепишников», производивших сортировку и обработку тряпья. Мельница была отдана в откуп голландцу Леефкену (Левкину). Но техника была старинная; ничего удивительного нет в том, что новые голландские аппараты для размалывания тряпья (голландры), которые и там появились только в течение XVII ст., еще не успели проникнуть в Россию. Однако, в виду этого, и по недостатку тонкого тряпья, русская бумага не могла конкурировать с иностранной [1]).

Крижанич жалуется на то, что «не едну сотню, аще не и тысяче рублев на всякий год изнесут немцы за писатную бумагу» и находит, что русские не только могли бы сами производить бумагу из собственного лоскутья, но даже вывозить ее в другие страны—к шведам, Литве, полякам, туркам, персам. Во всем повинны иноземцы, которые «хитростью ослепиша» наших людей, так что это производство, «завод бумажного делания» не развивается на Руси [2]).

Меньше всего было сделано в той отрасли производства, которой впоследствии, при Петре, придавалось едва ли не наибольшее значение, ибо она работала на армию и изготовляла предметы первой необходимости—в суконной промышленности [3]). «Хотя московские немцы—говорит Кильбургер—в прошедшие годы устроили в стране и пустили в ход несколько заводов и мануфактур, как-то: рудники, стекляные заводы, бумажные и пороховые мельницы, селитряные заводы и прочее, но несмотря на это, до сих пор не могли завести и с пользой продолжать суконного производства. Иоганн фон-Шведен, известный в Москве купец (о котором уже неоднократно упоминалось), привез туда суконщиков, но на производстве получился такой убыток, что он должен был отпустить мастеров обратно». Причину неудачи Кильбургер усматривает

---

[1]) Белокуров. О бумажной мельнице в Москве на р. Яузе. Чт. О. И. и Др. 1907. II. Новицкий. «К истории промышленности и труда во второй пол. XVII в. Арх. Ист. Тр. XI—XII. 1924. Кильбургер, 117, Родес, 225. Курц, 318.

[2]) Крижанич. Разд. II. 34.

[3]) О производстве тканей для дворцовых потребностей и о Хамовном дворе и слободах см. Забелин. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. 1869. Стр. 661 сл. и мат. 161 сл. Мартынов. Государев хамовный двор в Моск. Кадашевской слободе. Чт. О. И. и Др. 1895. Базилевич. Кодашевцы дворцовые ткачи полотен в XVII в. «Труд в Росс.». II. 1924

в низком качестве русской шерсти, на что указывают и другие иностранцы [1]).

Действительно, в 1667 г. бил челом «иноземец Иван фан Сведен: вывез де он из-за моря многих суконных мастеров и живут они на Москве без работы, а приискал де он к тому суконному делу пригодную волость Ивашковскую: и великий государь пожаловал бы его, велел ему тое Ивашковскую волость к тем суконным заводам дать на оброк на урочные годы» [2]). Просьба была исполнена, при чем он получил также взаймы 2.225 руб. из казны, но уже в следующем году умер, и производство, повидимому, прекратилось, жена же его в течение ряда лет пользовалась даровым крестьянским трудом, заставляя крестьян на себя пахать, варить пиво, возить дрова в Москву [3]).

Позже возникло другое, созданное иностранцами, предприятие по обработке шерсти, но и оно просуществовало, повидимому, недолго.

В 1684 г. обращался с челобитной другой иностранец голландец Илья Тарбет (Тауберт) о дозволении «ему на Москве завести суконные заводы», при чем «он того суконного дела по мастеров и для снастей, которые надобны к тому суконному делу, посылает за море брата своего родного Матвея» и просит, чтобы брата его и мастеров везде пропускали «без задержания». Его просьба была удовлетворена, выдана проезжая грамота его брату и, кроме того, грамота, обращенная к «великим государем королям и арцыкнязем (т. е. эрцгерцогам) и курфирстрам и уделным князем и графам и волных городов бурмистрам, и ратманам и полатникам» на предмет беспрепятственного призывания суконного дела мастеровых людей. Но, кроме того, он добивался жалованной грамоты на 20 лет, чтобы владеть ему устроенными «заводами» на 20 лет, и в эти годы «мимо его таких суконных заводов никому не заводить», далее «сукна, саржа и стамеды или какие иные шерстные дела... продавать в розницу повольною ценою, также и за море вывозить беспошлинно», чтоб «мастеровых его никому не отзывать», наконец, «шерсть привозить беспошлинно». К этому он прибавляет: «прибыль и слава им великим государем, что в их... государстве станут делать сукна... и всякое шерстяное дело, чего искони в Российском государстве не было..., а в иных государствах за такие славы и чести и прибыли взыскашы бывают те люди, кто заводит, милостию».

Правительство, прежде всего, запросило Приказ Большого Дворца по поводу дела Сведена (Шведена), «велено-ль ему было суконные заводы заводить» и, буде велено, даны ли ему деньги и жалованная грамота, и лишь после удовлетворительного ответа и Тарбет получил последнюю, но только на 10 лет и о вывозе заграницу сукна ничего не упомянуто. Он обязан брать и русских людей и «от тех учеников

---

[1]) Кпльбургер. 171.
[2]) Д. А. И. XI. № 31. Стр. 112.
[3]) Курц. 475.

того мастерства не скрывать» [1]). Тарбет действительно вскоре отправился заграницу и затем было сообщено в Посольский Приказ о возвращении его из-за «Свейского рубежа» с мастеровыми людьми, красками и другими приспособлениями для шерстяного производства— все это он привез на 25 подводах [2]). Мастеров он вывез 6 человек— четырех «бранденбургские земли» и двух из «цесарские земли» (т. е. Австрии), кроме того, одного ученика из Гамбурга. Спустя четыре года, он снова «нанял во Гдайску мастеровых людей немецкой породы двух человек одного красильника, который красит сукна..., а другого, который состригает сукна... да с ними-же двух человек учеников им». Об условиях труда в предприятии Тарбета мы узнаем из договора, заключенного им с одним из вывезенных из Бранденбурга мастеров, Робертом Гальгетом, который обязывался «служить красильником... в красильном его заводе верно и тщательно всею своею силою и лутчшим разумом радети и остерегательно быти, якоже и без ведомости позволения ничто красити; ему ж и прикащиком ево достойное послушание оказать», за что ему причиталось 90 талеров или 45 руб. в год «купно же со привольным жилищем и с дровами на отопление». В течение 4 лет, очевидно, предприятие работало, и Тарбет ездил «с Москвы в великороссийские и малороссийские города» для покупки к суконному заводу красок и шерсти, отправлялся за этими материалами и «за Польский рубеж». Изготовлялись, следовательно, шерстяные материи, которые подвергались стрижке (отделке) особым упомянутым мастером, а другим окрашивались. Однако, работа продолжалась недолго и были ли наняты и русские люди,—неизвестно. Вскоре оба названные специалиста—суконострит и красильщик и еще третий мастер уехали обратно—из 8 мастеров осталось всего 5. С красильщиком Гаульгетом у Тарбета с самого начала были пелады, ибо он учинял ему и другим мастерам «ругание» и «часто ножом к ним приступал», так что Тарбет старался от него избавиться. Продолжал ли последний предприятие и дальше,—неизвестно; с конца 1688 г. в источниках о нем не упоминается.

Царь Алексей Михайлович—наряду с другими уже упомянутыми фантазиями—возымел совершенно фантастическую идею разводить под Москвой тутовое дерево. Из этого, конечно, ничего получиться не могло. Другое дело—насаждение производства шелковых тканей (для которого предназначались эти тутовые деревья), но, конечно, из привозного шелка. Такого рода попытки делались уже раньше.

При царе Федоре Иоанновиче, приглашен был один итальянец для ткания парчей, штофов и бархатов (его заведение находилось около новой колокольни Ивана Великого) [3]). В 1625 г. приезжал в Россию

---

[1]) Д. А. И. XI. № 31.
[2]) Д. А. И. X. № 92.
[3]) Новицкий. Из истории насаждения суконных фабрик в XVII веке. «Труд в Росс.». II. 1924, стр. 28 сл.
[4]) Аделунг. Крит.-литер. обозрение путешественников по России. II. 8

бархатного дела мастер голландец Каспар Лермит для устройства предприятия по выделке шелковых материй, но из этого ничего не вышло: привезти с собой «мастеровых людей и снасти» он не считал возможным, ибо «здеся таких шолков нет» и «надобеть завод велик и мастеровые люди из нашие земли без уговору и без денег не поедут; для царя же получился бы один убыток, так, как за отсутствием шелка, «дело бы стало; а оне бы (мастера) однако хотели бы платеж свой на всякий день имать, хотя бы делали или нет, потому что оне тем живут» [1]). При Алексее Михайловиче был устроен бархатный двор в Москве, но, повидимому, он был очень небольших размеров, ибо когда в 1681 г. явился новый мастер-иностранец для выделки шелковых тканей с несколькими помощниками, то двор оказался слишком мал и пришлось строить новое здание, да и вообще к тому времени работа на Бархатном дворе, очевидно, успела давно прекратиться.

Возродилось производство шелковых и бархатных тканей, однако, лишь после смерти Алексея Михайловича, когда в 1681 г. бархатный мастер Захар Паульсон, которого в Москве именовали Захаром Павловым, выписал из Гамбурга необходимые для промысла инструменты и обратился уже к царю Федору Алексеевичу с просьбой дать ему взаймы 2 тыс. руб. для того, чтобы привезти из-за границы мастеровых и различные «снасти» и делать не только бархат, но и камки (шелковые ткани) на китайский образец и другие ткани из льна, шерсти и шелка.

Кроме того он просил разрешить ему право беспошлинной торговли в Московском государстве и беспошлинный привоз заграничных материалов в течение 10 лет. При этом он указывал на то благодеяние, которое наступит в стране с распространением шелкового производства, ибо материи будут дешевле иностранных, и когда страна перестанет нуждаться в последних, то иноземные купцы будут расплачиваться с русскими не товарами, а золотыми монетами, которых привозят пока очень мало. Он развивал, следовательно, учение меркантилизма о выгодности создания промышленности в смысле привлечения в страну звонкой монеты. Кроме того новый промысел даст работу многим праздным людям и доставит при вывозе материй доход казне.

Почти все желания Захара Павлова, кроме права беспошлинного привоза иностранного сырья, были выполнены — сырье ему предлагалось покупать в Москве у «армянских» и «индейских» (индусских) купцов, но также беспошлинно. Предприятие он устраивал на собственные средства и должен был поставлять материи преимущественно для дворца с уплатой по цене, существующей в московских рядах, а то, что не будет взято для государевых нужд, ему предоставлялось продавать в рядах «повольною ценою». Иностранным мастерам, которых он намеревался выписать, давалось обещание, когда они пожелают, вернуться на родину.

---

[1]) Мулюкин. 98.

Действительно, вскоре он отправился в «Цесарскую землю, в Амбург и в Голланской и в Нидерландской Гишпанского державы земли» и привез оттуда 18 мастеров с женами и детьми, затем построил дом в Новонемецкой слободе, получил для начала дела шелк из Аптекарского приказа и заказ на царские одежды для царя Федора Алексеевича. Когда заказ был выполнен, последнего уже не оказалось в живых, но все же заказанные материи были у него куплены и при новом правительстве. Из представленной им росписи выделанных материй видно, что он уже в течение первого года успел изготовить бархатные материи разных цветов, атласные, расшитые серебром, камку, байберек, об'яр и иные сорта шелковых тканей. Все невзятое во дворец он старался продать, но эта вольная продажа у него плохо шла — он жаловался на то, что купцы ему завидуют и ничего у него не покупают.

Однако из 18 привезенных им мастеров вскоре осталось только 2, да и с ними были нелады — Захар Павлов однажды жаловался в Аптекарский приказ, что один из них, явившись к нему в дом, бил его, вырывал у него волосы и называл его вором. И эти двое, по их просьбе, были отпущены обратно на родину. Позже у него работал еще один иноземец, но и тот сбежал. И сам Захар Павлов уже спустя два года заявлял, что он дела вести дальше не в состоянии и просил либо и ему дать разрешение на от'езд, либо предприятие принять в казну («делать товары для государева обихода на государево жалованье»). Принимая во внимание жалобы его о разорении, правительство выразило согласие взять на себя содержание предприятия, причем он получал теперь шелк-сырец, золото и серебро из казны и ему самому назначалось на корм и на всякие расходы 300 р. Он обязался принять восемь русских учеников и затем каждый год брать еще четырех; ученики должны были жить у него на дворе и для них предполагалось выстроить еще одну избу и велено было обучать учеников полному его мастерству, ничего от них не скрывая.

Созданное Захаром Павловым предприятие работало на нужды дворца, подобно всем описанным выше, мало того, так же, как в тех случаях, оно существовало на казенные средства — мастер получал и сырье и жалованье и поставлял ко двору выделанные ткани. Частное предприятие этого рода даже с полученной и в значительной мере прощенной ссудой, не могло еще существовать, хотя бы имело двор своим главным поставщиком. Задача заключалась теперь в том, чтобы Павлов научил русских людей своему искусству и таким образом можно было бы обойтись в будущем не только без иностранных шелковых материй, но и без иноземных мастеров этого промысла. Это и было вскоре осуществлено.

Действительно мещанским старостой было выбрано 8 человек детей в возрасте от 12 до 14 лет (позже прибавилось еще двое) и посланы Захару Павлову, за обучением их установлен был надзор и если они пропускали рабочие дни, то к ответу привлекались их родители. Когда же он пожаловался в Посольский приказ на одного из учеников,

что он в течение 10 дней не ходил на работу, то велено было не только вычесть ему кормовые деньги, но и бить его батогами. Был и такой случай, когда мастер жаловался на учеников, что они по ночам играют в карты, пьют, ломают на дворе его строения и в хоромах печи и окна, кроме того, они украли у него немецкую перину и медную кастрюлю. Ученики первоначально жили в старой избе мастера, жалуясь на то, что в ней лавок нет, окна ветхи, печь развалилась, позже была выстроена, повидимому, для них новая изба, ибо дрова стали выдаваться уже на отопление двух изб. Впоследствии имелось три избы — одна мастера с тремя светлицами, другая для учеников, третья людская; полы были «дощатые», печи «образчатые», окна стеклянные. Кроме учеников, которые получали жалованье из казны, на Павлова работали еще женщины, которые шелк разматывали и которым он платил 50 р. в год, два работника, получавшие за кручение шелка 20 р., другие двое наматывали шелк на бабинки и пряли за 20 руб.

В виду того, что кроме этих расходов ему приходилось тратить еще на починку снастей, на краски, на добавочный шелк и т. д. 70 р. в год, Захар Павлов, по его заявлению, выдаваемым ему жалованием прокормиться не мог и, поэтому, снова просил отпустить его на родину; ему это было обещано, как только он выучит учеников всему, что сам знает. Был произведен экзамен ученикам в Посольском приказе в присутствии кн. Голицына и оказалось, что три ученика выучились в совершенстве ткать байбереки и уже ткали камки на китайский образец, серебряные обояри, гладкие атласы и камчатые бархаты; но они еще не выучились вязать «подошки», красить шелк и разные узоры накладывать на материи. На экзамене они просили, чтобы их выучили этим работам и чтобы имеющиеся у мастера книги на французском, немецком и голландском языках о крашении шелка и о накладывании узоров были переведены для них на славянский язык. Когда эти три ученика были обучены и остальным операциям (и книги были переведены), Павлов был отпущен из Москвы (в 1689 г.). За время его пребывания было выделано значительное количество бархатных и шелковых материй для царского обихода, в особенности для царевен, брались ткани во дворец и для раздачи в виде наград служилым людям, среди прочих ткани получали Сильвестр Медведев, строитель Заиконоспасского монастыря, и братья Лихуды за их «божественные труды».

После отъезда Павлова, ученики должны были попрежнему продолжать работу в тех же помещениях, но это продолжалось не долго—вскоре, после семилетнего своего существования, предприятие прекратилось. Производство сохранить не сумели и именно тогда, когда цель была достигнута и несколько человек русских ему обучились и готовы были без помощи иностранца продолжать дело и взять с своей стороны учеников, оно заглохло [1]).

[1]) Д. А. И. X. № 51. I—XXIII. Лермонтова. Шелковая фабрика в правленье царевны Софьи Алексеевны. Записки отд. рус. и слав. археологии имп. рус. археологического общества, т. XI. 1915 стр. 43 сл.

При Петре пришлось вновь выписывать иностранцев и начинать дело сначала, притом не только в области шелковой промышленности, но и в промышленности вообще. Все же все эти дворцовые предприятия, как и вообще предприятия, созданные иностранцами в XVII ст., подготовляли почву для деятельности Петра. Хотя все они и были весьма небольших размеров и с очень незначительным числом рабочих, хотя они (кроме железолитейных) и не производили еще для рынка и в большинстве случаев и содержались на казенный счет, хотя, наконец, многие из них были недолговечны,—но все же первый шаг был сделан—Россия стала учиться у Запада, подражать Западу, пользоваться западными мастерами и при их помощи создавать у себя новые отрасли производства—шелковое, стеклянное, бумажное, суконное, железоделательное, пушечное. В эпоху Петра все эти зачатки могли получить дальнейшее развитие.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вольнонаемный труд.

Литература.

(Источн. см. стр. 3 сл.). *Введенский.* Заметки по истории труда на Руси 16—17 вв. Арх. Истор. Тр. III и VI—VII. 1922. 1923. *Довнар-Запольский.* Промышленность и торговля Москвы в 16 и 17 вв. 1910. *Оберучева-Анциферова.* Жилая запись. Ж. М. Н. П. 1917. II. *Беляев.* Договор найма в древне-русском праве. Русс. Ист. Журн. 1918. V. *Дистерло.* О найме на сельско-хозяйственные работы по закону и обычному праву Российск. Журн. Гражд. и Угол. Права. 1886. III. *Орлов.* Пришлые рабочие в Москве в XVII веке. Киевск. Университ. Изв. 1912, а также ук. выше соч. *Островской* (Земельн. быт русск. севера). *Саввы.* (Арзамасск. и Барминск. будн. станы) и соч., названные в гл. 6 и 9.

Из приведенных выше данных о вотчинах Морозова (и Одоевского) и о государевых именьях мы можем усмотреть, что работы выполнялись не одним только принудительным трудом. Прибегали и к свободной рабочей силе, к найму свободных батраков, которыми заменялись крестьяне как на полевых работах, так и при возке различных продуктов и т. д. Это означает дальнейшее развитие менового хозяйства, заключение не только товарных сделок, но и сделок по купле-продаже труда. Но случаи найма встречаются и гораздо раньше — уже в XVI ст. и в первые годы XVII в. Так Кирилло-Белозерский монастырь в 1568 г. нанимает десять казаков (так именовались всякие бездомные люди) для различных работ, посылает на Вологду 20 казаков мельницы делать, ставит их на кирпичную

работу, отправляет их на лодках за мукой, вообще нанимает их на суда; «старец Маркел ставил в Горицком монастыре кельи... покупал берна, и тес и доск, и драницы, и скалы, и наймовал казаков и плотников, издержал денег 12 руб. 28 алт. 5 д.». В 1581 г. монастырь «наймовал казаков сенокосцев, найму дал косцом и копновозом и брусоносом 7 руб. 4 д.». Наемные люди из Вологды везли и монастырские запасы в Вологду—мед, горох, семя конопляное, крупу гречневую; дано извощикам «провозу... с пуда по 3 д. до Вологды». «Купил сено и косцов наймовал на сено» [1]).

Из приходо-расходных книг Дорогобужского Болдина монастыря 80-х и 90-х г.г. XVI ст. видно, что, наряду с монастырскими детенышами, которых монастырь отправляет в вотчину на пашню («отпустили детенышев 8 человек... которые были в пашне на вотчине») и наряду с крестьянами, которых посылают «с вытей посошных дворы делать», однако же за плату (17 человек получают за месяц работы 5 руб. и 10 человек почти за 2 месяца 5 руб.), работают на монастырь и «деловые люди» и казаки. Нанят «к пашне на лето человек», «в вотчину мужик к сохе орати», упоминается о «наемных людях в сенокос», о нанятых в подмосковную 15 косцах, которые получают по 5 алт. в неделю, и кроме того за лишние дни им всем вместе прибавлено 11 алт. «Наняли колодезного мастера, а с ним батраков на монастырском дворе чистить колодезь», батраки «чистили двор монастырской», в другом случае «выгребли из конюшни навоз». Батраки именуются «деловыми» людьми, «прибылными» (т. е. прибывшими) людьми, монастырь их нанимает нередко в Москве («нанял на Москве батраков») [2]). Это были, повидимому, вольные гуляющие люди, неимевшие определенной оседлости, не обладавшие никаким имуществом и переходившие с места на место, продавая вотчинникам свою рабочую силу.

Сохранились от XVII ст. наемные записи Гледенского монастыря на различные работы. Так, напр., одна женщина поряжается (в 1624 г.) «на коровню в коровницы, монастырская служба служить, коровы доити и круг телят и круг овец водитца да скатерьти мыти монастырские» и т. д., рядится на год за две гривны денег и известное количество хлеба, гороху и соли. Имеются порядные мельников (1626 и 1627 г.г.), другие на черную работу: работать топорную и всякую черную работу (в другом случае всякую черную работу и в кузнице молотником), что нарядчики повелят, по вся дни кроме вос-

---

[1]) Никольский. Прпл. Матер. Д. №№ XXIV. XXV. Стр. LXXXIII, LXXXIX, XCI, CI, CIV, CXX.

[2]) Прих.-расх. кн. ст. 20, 22, 36, 38, 43, 44, 46, 63, 64, 68, 69, 73, 85, 96, 106, 148.

кресных и владычных праздников; «а в работные дни ходить на архиерейскую работу в час дни, а с работы сходить за час дни, а обед и полдник два часа». Плата дается деньгами полностью или же частью продуктами: «пить и есть готовое». За прогульные дни устанавливается вычет из заработной платы. Прибавлено: «не пить безобразно и не бражничать» [1]).

Наемные работники встречаются и в хозяйстве князя Василия Голицина: «на мельшовском дворе поставлена изба с готовым нутрем. а наемным плотником дано от ставки той избы 25 алт. . . от большого двора эту же избу на печь привезено 300 кирпичей зженых, привозу дано 8 денег». «Ту избу и конюшню перевозили наемными работники». «В верхние больние палаты иноземцы Матвей Федоров сын Николаевской да мещанской слободы Андрей Федоров делали 38 окончин стеколчетых». В другом случае однородную работу выполняли оброчные крестьяне из собственных вотчин, хотя они делали окна не из стекла, как упомянутые иностранцы, а из слюды. Но и они работали по найму: эти «окошничники уговорились в верхнюю крестовую сделать 24 рамы дуговых с дорожником ик тем же рамам сделать слюденые окончины». За это им уплочено было 8 руб. 13 алт. 2 ден. и «дано им окошничникам наперед денег 4 руб.» [2]).

Другую группу наемных рабочих составляли те, которые нанимались на работу у крестьян или ремесленников. В крестьянском хозяйстве мы находили «кормленников» или захребетников, помогавших в хозяйстве и состоявших нередко за одним или за несколькими крестьянами [3]). Встречаются далее посадские. которые живут в «наемных казаках» у крестьян подгородных деревень [4]). Упоминаются и попросту батраки в деревнях [5]).

Работные люди проживают «переходя у всяких чинов людей по деревням, нанимаючись в годы на работы. живут «в бобылках из найму», кормятся «переходя работою своею в разных местах у всяких чинов крестьян по наймом, живучи по подсоседно» [6]). Они имеются и в разнообразных городских промыслах. Так в Москве на 83 кузнеца владельца кузницы насчитывается 49 наемных рабочих в кузницах, которые, очевидно, не в состоянии были оборудовать мастерскую, приобрести средства производства [7]). Много имелось наемных рабочих в тульском ремесле. Здесь находим всего 10 человек, самостоятельно занимавшихся обработкою железа, тогда как

---

[1]) Островская. 195 сл.
[2]) Розыски. дела о Фед. Шакловитом. Т. IV. Денежн. прих-расх. кн. князя Голицына. Ст. 608—15.
[3]) См. выше, гл. VI, стр. 186.
[4]) Мерцалов. 61.
[5]) Богословский. I. 140.
[6]) Дьяконов. Сельск. нас. 106.
[7]) Довнар-Запольский. Пром. и торг. Москвы. 78.

17 чел. «наимуютца работать в кузнецы» и 24 чел. «делают» и «ярыжничают» в кузнице. Имелись наемные рабочие и в гончарном и плотничьем промыслах. А кроме того в тульских записях упомянуто 44 чел., которые «наимуютца» работать без указания на характер труда, но их отличают от самостоятельных ремесленников.[1]).

Наибольший интерес представляют те наемные рабочие, которые работали в промышленных предприятиях капиталистического характера. К последним относятся будные станы (поташные заводы), казенные и частные (устроенные иностранцами) железные и медные заводы, соляные варницы и рыбные ловли казенные, монастырские и частных предпринимателей, звероловные промыслы и некоторые другие. В этих случаях мы имеем дело не с ремесленными заведениями, где и владелец применяет свой труд, а с лицами, главным образом, вкладывающими свой капитал, хотя они в то же время и руководят как процессом производства, так и сбытом товара. Среди нанимаемых ими рабочих различаются обычно две категории—мастеровые, с одной стороны, и работные люди, с другой[2]). Первые, более квалифицированные рабочие, нередко иностранцы, вторые простые чернорабочие. Материальные условия и тех и других неодинаковы—мастера находятся в гораздо более благоприятном положении, чем работные люди, но и те и другие продают свою рабочую силу предпринимателю и, следовательно, входят в состав нарождающегося вновь, хотя и весьма медленно, рабочего класса. Работные люди иногда принудительно посылаются на заводы—из преступников, из крестьян дворцовых волостей. Но—как мы видели—наряду с этими элементами имелись и такие крестьяне или городские жители, которые добровольно нанимались на работы. Мы их находим напр. в соляных промыслах: «кормятся около усолья варничного черною работою» [3]); на варницы Николаевского корельского монастыря секут лес, возят дрова, быть может, и варят соль наряду с монастырскими людьми и наймиты [4]). Они встречаются далее на винокуренных заводах: «кормится на винокурнях в ярыжных» [5]), на стеклянных заводах: «наемным работником, которые работают у стеклянных заводов, 11 человеком на нынешний июль месяц (1670 г.), по договору по 10 алт. человеку итого 14 руб. 10 алт.» [6]).

На казенных Арзамасских будных станах (поташных заводах), как видно из приходо-расходных и сметных книг

---

[1]) Белоцерковский. 104 сл.
[2]) См. выше, гл. IX, стр. 251.
[3]) Весселовский. Соляное письмо. II. 399.
[4]) А. А. Э. I. № 299.
[5]) Сотная Устюга Вел. 1630 г. Мат. 12, 14.
[6]) Дела Тайн. Прик. III. 1350.

1679—80 г.г., находилось 5 дворян «у дозору поташного дела и у наряду мастеровых и работных людей», далее 4 под'ячих, 9 поливачей (поливавших золой поленья), 8 бочкарей, 7 колесников, 4 кузнеца, 170 будников, 53 воштаря (возчики), 7 казаков и 1 конский мастер. Эти 259 человек получили с декабря 1679 г. по декабрь 1680 г. 1.405 руб. и сверх того 2.142 четв. муки, 254 чет. круп, овес, толокно и соль (622 п.). Но кроме упомянутых 250 мастеровых нанимались работные люди—497 чел., которым было дано найму 1.066 руб., 1.361 четв. муки, 223 четв. круп, толокно, соль (260 пуд.). Эти наемные работники получали таким образом гораздо меньше вознаграждения, чем мастера. Последние были ремесленники, имевшие известную подготовку или специалисты по поташному делу, как будники и в особ. поливачи, тогда как наемные работники выполняли черную работу, вероятно, главным образом по рубке и подвозу леса на будные станы. Впрочем если бочкари, колесники, кузнецы могли обладать собственными орудиями производства, хотя и получали они годовую наемную плату, становясь в данном случае наиболее квалифицированными наемными рабочими, то уж поливачи и будники во всяком случае продавали исключительно свою рабочую силу. Однако эти «мастеровые люди» все же отличались от «наемных людей» или работных людей, повидимому тем, что они постоянно жили при будных майданах и, находясь в сравнительно более благоприятных условиях, не пытались покидать их. Напротив, работные люди нанимались лишь временно «и ис того числа (497 чел.) многие работники в прошлом году... в розных месяцех и числех с Арзамасских будных станов бегали» и много недель и дней прогуляли. Так 82 чел. должны были получить 184 руб. «и ис того числа заработали 142 руб... за прогулные недели довелось на них денег взято» 42 руб.; вычет, следовательно, составлял почти четвертую часть причитающейся им заработной платы. Лишь часть из них работала «до отстою сполна». Очевидно, условия труда их были весьма нелегки. В противоположность «мастеровым людям», для которых работа у будного дела являлась их профессией, это были крестьяне, временно нанимавшиеся к будным станам. Из них 103 чел. «по указу великого государя присланю на Арзамасские будные станы из Терюшевской волости», остальные же 394 чел. работали по вольному найму. В приходо-расходных книгах говорится о них, что они (не присланы, как первые, а «наняты» и притом «по уговорной цене», т.-е. по соглашению. По поводу них читаем: «книги именные наемным работным людем, которые наняты в Арзамасском уезде и в Терюшевской волости помещиковы и вотчинниковы крестьяне и бортники и Мордва» (затем идет перечисление присланных работных людей).

Здесь, на будных станах мы имеем, следовательно, перед собой вольнонаемный труд (по «уговорной цене») в лице как постоянных, более квалифицированных рабочих, так и временно нанимаемых для черной работы крестьян окрестных сел [1]).

В писцовых и переписных книгах часто встречаются работники, не владеющие никаким имуществом и существующие одной продажей своей рабочей силы. Они противополагаются «рукодельным людям» (ремесленникам) и «промышляющим торговым промыслом». Так в переписных и окладных книгах ямских бобылей Новгорода записано много людей неимущих, вынужденных наниматься на (поденную) черную работу: «делает всякое черное дело на люди, а живота у него нет ничево»; «вдова делает и с детми всякое черное дело на люди, а у ней корова одна живота» или «делает и с детми на люди, а живота у нее нет». Далее перечисляются недворовые, т.-е. не имеющие своего двора бобыли, которые живут в «подсуседниках» у ямских охотников и делают черное дело [2]). Вообще среди суседей, подсуседников, подворников—как мы видели—нередко встречались такие бездомные люди, «молотчие людишки, недостаточные», кормившиеся наемным трудом [3]). Про Гришку Малафеева, записанного в бобылях в дер. Обухове выборные люди г. Устюжны Железнопольской сказали, «што он де человек бедной и кормился, ходя, работою, наймуючися к пашенной ко всякой работе» причем подчеркивается, что «своего де дворишка в то время у того Гришки в Устюжне не было» [4]). Поскольку бобыли не имели земли, они, повидимому, главным образом (хотя были среди них и ремесленники) существовали наемной работой в качестве отхожего промысла [5]).

В нижегородской писцовой и переписной книгах встречаются «наемники» и работники», живущие в дворах посадских людей [6]), в особ. же много там ярыжных, которые почти всегда названы вместе с тем и дворниками; мы насчитали их до 90 человек; напр., «двор сына боярского Александра Крашова . . . а живет в нем дворник Куземка Федоров, ярыжной» [7]). Во всех этих случаях речь идет о людях, живущих в чужих пустых дворах и охраняющих их, а кормящихся наемным трудом. О таких ярыжных в делах нижегородского приказа сыскных дел говорится: «жили отец его и он в Нижнем на посаде по наймом у по-

[1]) Арзамасск. и Бармшск. будные станы. Приходо-расх. и сметн. кн., 8—9, 25, 30, 43.
[2]) Новгородск. ямские книги (изд. Гурлянда), 97.
[3]) См. выше, гл. VI, стр. 188.
[4]) Ак. писц. д. II, I. № 47.
[5]) См. выше, гл. IV, стр. 99 сл.
[6]) Писц. и пер. кн. Нижн.-Новг., XXIII, 385, 426 и др.
[7]) Там-же, 56, 59, 65 и др.

садских людей», «снел из государевы дворцовые . . . волости . . . а кормился ходя по городам», «кормитца черною работою» [1]). Такие записи встречаются и в других городах, напр., в Боровске (Писцовая книга 1625 г.) «двор Матвея Синявина, а в нем живет дворник . . . кормитца работою» [2]), в Устюге Вел. (Сотная 1630 г.) «работной человек» [3]), в Ростове «работает в людех» [4]), в Серпухове «работает в наймах» [5]), в Вологде «делает черное дело» [6]). В Вязьме, по переписной книге 1646 г., на посаде, наряду со 154 ремесленниками находим 26 человек, которые «кормятся черной работой» [7]). Крестьянам Ярославского Спасского монастыря дозволено в Ярославе лишь «черной работой кормиться» но не занимаются торговлей [8]).

Среди ярыжных находим в частности судовых ярыжных, нанимавшихся на суда для всякой судовой работы, в частности тянуть бечеву. Так, приказчик самарского судовладельца Красникова Василий Обросимов (в 1692 г.) для транспорта рыбы и соли нанимает нескольких человек гулящих ярыжных «итти с Самарского города на Астраканском судне в тяге вверх Волгою рекою до Лыскова, конат тянути и всяким струговым ходом... и ни в чем Василия не ослушатись, чево на судне работать ни заставит». Далее они обязаны «судно хозяйское с костей и с мелей снимати и в воду с рычаги лазити» и кроме того «не воровати никаким воровством и пократчи с судна не збежати». За них ручаются поручители. При этом выгружать рыбу и соль ярыжные не обязаны и хозяин не вправе удерживать из наемной платы денег за выгрузку и за лыка и канаты—последние приобретаются на его счет, плата установлена исключительно денежная, они были на своем харче [9]).

Много таких судовых рабочих имелось в приволжских городах, где судовой промысел играл большую роль, напр., в Нижнем-Новгороде (здесь находим специального под'ячего патриаршего насадного промысла) [10]). На судах Строгановых, проходивших с солью через Нижний Новгород, насчитывалось огромное количество «лодейных ярыжек», напр., в одном случае 310, в другом 441, в третьем 448 человек [11]). Много бурла-

---

[1]) Ак. о посадск. люд. 170, 195, 196, 199, 200.
[2]) Писц. кн. Боровска 1625 г. Мат., 6 и др.
[3]) Сотная Устюга Вел. 1630 г. Мат. 12, 14 и др.
[4]) Ростовск. перец. кн. (Р. И. Б. XI). 55 и др.
[5]) Симсон. Прил. III.
[6]) Мерцалов. 61.
[7]) Виноградов. Прил. X.
[8]) Ист. ак. Яросл.-Спасск. мон. I. № 111.
[9]) А. Ю. № 311. I.
[10]) Писц. и переписн. кн. по Нижн.-Новг. Ст. 56, 701.
[11]) Введенский. Торговый дом XVI—XVII ст. 1924. (Памятн. экон. и соц. ист. Росс.). Стр. 133.

ков находим и на Северной Двине, где происходило оживленное движение в Архангельск и от него. Ярыжные, которые «на судах ходят», упоминаются в писцовой книге Устюга Вел., но это только постоянные, профессиональные работники, из года в год занимавшиеся тяжелой бурлацкой работой [1]). К ним присоединялись и иные маломочные «самые худые» люди, искавшие временной работы в летнюю навигацию, как и всякие бездомные люди, покидавшие крестьянскую пашню из-за тяжелого тягла (казаки) [2]).

В области строительного промысла распространены были артели каменьщиков и плотников, которые принимают на себя подряды по постройке церквей, дворцов, домов, плотин, мостов и иных сооружений.

Так напр., читаем: «подряжены Кореляне Максимко Миронов да Матюшко Савельев на Ивановской плотине передние тарасы срубить накрепко, конопатить с железными гвоздьми и всякое дело деревянное и плотине отделать на отделку, как подмастерье укажет», т. е. по указанию дворцового мастера своего рода архитектора того времени. Они обязуются закончить работу к определенному сроку и получают за нее «150 руб., 20 четей муки ржаной, 10 четей круп овсяных, 20 пуд. ветчины, 5 четей солоду, 15 пуд. соли, 10 ведр вина, 3 кипдяка, 3 сафьяна, 5 осетров. А наперед им денег 20 руб.» [3]). В другом случае подряжаются 4 стрельца за 250 руб. и за те же продукты (и кроме того масло коровье и конопляное), включая материи: каждому по сукну, по сафьяну и по кипдяку [4]). Иногда артель гораздо более многочисленна — состоит напр., из 20 стрельцов—плотников, которые «поручились друг по друге круговою порукою зделать на Виноградной плотине анбар» за 160 руб. [5]). Но подряжаются также казенной слободы тяглец Микифорка Степанов да Стретенской сотни тяглец Кузка Яковлев с товарищи, каменьщики, на постройку мельничного анбара за 150 руб. с прибавкой ржи, овсяной крупы, солода и вина [6]).

В этих случаях подрядчики, очевидно, являются сами же и работниками, подряжается артель, которая и выполняет работу. Но чаще, повидимому, фигурируют, наряду с артельщиками берущими подряд, еще и нанимаемые ими от себя рабочие. Крестьяне поменичьи, монастырские и другие лица в числе 21 чел. берут подряд на постройку в дворцовом именьи, при чем работу «делать им, каменьщиком, подрятчиком, своими работники, а у дела им каменьщиком быть на всякой день по 30 человек мастеров, кроме работников и рвы

---

[1]) Писц. кн. 1625 г. по Устюгу Вел. Матер. 10 сл.
[2]) Введенский. Заметки по ист. труда на Руси. Арх. Ист. Тр., кн. III. 1922. Стр. 53 сл.
[3]) Дела Тайн. Прик. III. Ст. 776.
[4]) Там-же. 796—97.
[5]) Там-же. 792.
[6]) Там-же. 799.

копать и сваи бить... своими жь работники... как станет указывать подмастерье Дмитрей Костоусов». За это они получают 1.000 руб. и сверх того продукты. При этом «всякие ваменные и деревянные и железные запасы» (кирки, заступы, лопаты, ушаты, ведра, чаны, лес, тес, лыко) «давать им из государевой казны» и «лошади быть государеве с телегою и хомутом... на чом с Москвы возить запас». Выговаривается и неустойка— «подрядные деньги вдвое» и сверх того «неня, что великий государь укажет»—размер не ограничен [1]).

Здесь различаются каменьщики-подрядчики и прочие работники («где каменьщиком и работником стоять»); одних мастеров должно быть 30 человек на работе, подрядчиков же всего 21, значит должно быть еще 9 мастеров, сверх подрядившихся, «кроме работников». В другом случае подряд взяли 25 человек (из них 23 крестьянина) и «рядили они, каменьщики... себе за работу и работником найму 1.000 руб. денег да запасу»—различаются ясно сами артельщики и нанятые ими работники [2]). Часто встречаются записи: «на росплату с подрятчики, которые кормят Танбовцов... и которые ставили работников вольных» [3]). Тамбовцы являлись крестьянами, которые, по распоряжению приказа, посылались в государевы подмосковные села; подрядчики снабжали их с'естными припасами во время работы. А кроме того, имелись вольные работники, которых, как видно из приведенного, нанимали подрядчики.

В 1552 г. два подрядчика порядились ставить каменную церковь Успения, но и у них имеются наемные рабочие; они обязаны работы производить «своими людьми» и «нам с мастером и застепщики есть хлеб свой» [4]). В другом случае (1686 г.) крестьянин Ипатьевского монастыря Борис Иванов и еще 17 крестьян монастырских и владельческих подрядились на основаниях круговой поруки друг за друга построить ряд строений колокольному мастеру Моторину. Они должны сделать два погреба, над ними две жилые палатки, сени, два крыльца, двери, окна, печи за 200 руб., при чем они обязуются делать «то каменное дело самым добрым мастерством... и к иному делу никуды не отойтить и... ничем не остановить»— в противном случае с них берется неустойка в размере суммы подряда. Припасы к каменному делу, т.-е. материалы дает Моторин, а орудия (латки и шайки) «напе подрятчиково и каменьщиково» [5]).

---

[1]) Дела Тайн. Прик. III. 763—66.
[2]) Там-же. 770—73.
[3]) Там-же. 786, 796, 806 и др.
[4]) Ак. Юр. быта. II. № 254. I.
[5]) Ак. Юр. быта. II. № 254. II.

На первый взгляд получается представление, что крестьяне-каменьщики, которые взяли этот подряд у колокольного мастера, обходятся без наемных рабочих. Их целых 18 человек, так что они могли бы и сами выполнить всю работу. Во всяком случае о работниках ничего не упомянуто. Однако из другого договора мы узнаем, что дело обстоит иначе. Именно уже спустя 12 дней после совершения первого подряда два крестьянина дают запись упомянутому выше крестьянину Борису Иванову с товарищи (последние здесь не перечислены) «подрятчиком каменных дел» в том, что они обязуются с ними вместе работать у упомянутого колокольного мастера Моторина [1]).

Таким образом, мы имеем перед собой строительные артели различного типа. С одной стороны, это строительные артели, берущие подряд у потребителя и пользующиеся одной лишь собственной рабочей силой, артели самостоятельных ремесленников, применяющих свои средства производства или получающих их от заказчика. Но наряду с ними существуют и другие артели, эксплоатирующие наемный труд при выполнении принятого на себя подряда, причем либо артельщики также работают наряду с наемными рабочими, либо они выступают лишь в качестве предпринимателей, поставляющих за свой счет рабочую силу и снабжающих ее средствами производства, выполняющих подряд при помощи нанятых ими рабочих.

Как можно усмотреть из предыдущего, подрядчиками-мастерами, как и наемными рабочими являются преимущественно крестьяне и наряду с ними стрельцы, отчасти и посадские люди. Каково было положение тех и других (подрядчиков по отношению к заказчику, рабочих по отношению к подрядчику), из порядных не видно; формально обе стороны были как будто равноправны. Однако, как видно, из приведенных выше данных о наемных работниках в вотчинах Морозова, власть прикащика над последними была весьма велика и при нанесении им увечья они могли обращаться лишь к тому же нанимателю—Морозову [2]). Патриархальный характер отношений между нанимателем и нанимаемым обнаруживается и в других договорах. Так напр., работники Глединского монастыря обязуются до срока никуда не сбежать и во всем слушать казначея, последнему же предоставляется их смирять [3]).

Из жилых записей, совершенных упомянутым выше колокольным мастером Федором Моториным и его сыновьями, также колокольными

---

[1]) Там-же. № 254. III.
[2]) См. стр. 96 сл.
[3]) Островская. 197 сл.

мастерами, Иваном и Дмитрием, узнаем, что с одной стороны, подмастерья, ученики, работники по дому должны «пить и есть и одежа и обувь носить все его хозяйское», а нанимаемую им девицу, когда будет на возрасте, хозяин кроме того обязан выдать замуж «за волного человека или за кого она, Алена, похочет и дать его приданого по силе». А с другой стороны, они обязаны не только его хозяина, но и жену его и детей «во всем слушать и почитать» и хозяин, как и его семья, имеет право их «смирять по делу смотря» [1]). В другом случае работник нанимается к мастеру делать серебряное дело во дворе хозяина. Последний должен его женить, он же обязуется не только повиноваться ему, его жене и двум сыновьям, но и почитать хозяина и жену его вместо отца и матери и вообще без их благословения не уйти [2]).

В последнем случае срок найма не обозначен — уход работника стеснен. Другой серебренник идет к хозяину вместо сына родного и обязуется вечно жить у него; по этому противоречит то, что он обязуется без благословения хозяина и его семьи не отойти. Вольный гулящий человек идет к попу Елеуферию также «за сына мест жити» «в дом во всякой домовой готовой завод». Поп должен его женить и обращаться с ним и с его женой как со своими детьми, а попадью он должен после смерти попа «не покинуть, поить, кормить и иметь вместо матери своей родной». [3]).

Однако, договоры, лишающие нанимаемого возможности ухода от хозяина, могли повести и к лишению его свободы, превращению в холопа. К такому результату легко приводили и жилые записи, напр., бобыля, обязующегося у посадского человека всякую работу работать в течение 25 лет и ни под каким видом даже по уплате неустойки не уходить [4]). Такие наемники, подобно крестьянам-старожильцам, легко могли «застареть» во дворе хозяина и превратиться в его холопа. Самые жилые записи нередко по своему характеру были сходны с кабальным договором—и тут и там обязанность «всякая работа работать», хозяйское право «смирять», не сойти до истечения урочных (условленных) лет, а ко всему прибавка— по истечении их отпустить без задержания [5]). Такую прибавку: «как... сполна отживу, и ему... меня... отпустить на волю... и волно мне жить у кого я похочю» мы находим и в упомянутых договорах найма, заключенных Моториным. Работник опасается, очевидно, как бы хозяин его не задержал по истечении условленного срока, не закрепил за собой. Этого боится и закон: «а будет чьи крестьяне и бобыли учнут

[1]) А. Юр. быта. I. № 113. 1—V.
[2]) Оберучева-Анциферова. Жилая запись. Ж. М. Н. П. 1917. II. 259.
[3]) Там-же. 260.
[4]) Оберучева-Анциферова. 259.
[5]) П. Беляев. Договор найма в древнем русском праве. Рус. Ист. Журн. V. 1918. Стр. 25 сл. Введенский. Заметки по ист. труда. Арх. Ист. Тр. VI—VII. 1923. Стр. 24 сл.

у кого наймоватися в работу, и тем крестьянам и бобылем у всяких чинов людей наймоватися в работу по записям и без записей поволно... и как от них те наймити отработаются, и им отпущать их от себя без всякого задержания» [1]).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Торговля с иностранными государствами.

Литература.

(Источн. см. стр. 3 сл., в особ. сочинения иностранцев о России). *Костомаров.* Очерк торговли Московск. государства XVI—XVII ст. 2 изд. 1889. *Любименко.* История торговых сношений России с Англией. I. 1912. Ее-же. Торговые сношения России с Англией при первых Романовых (Ж. М. Н. П. 1915. XI. XII). Ее-же. Московский рынок как арена борьбы Голландии с Англией (Русское Прошлое. 1923. V). *Гамель.* Англичане в России в XVI и XVII ст. Прил. I к т. VIII Зап. Имп. Акад. Наук. *Юр. Толстой.* Обзор первых сорока лет сношений между Россиею и Англиею. 1875. *Цветаев.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. 1890. *Мулюкин.* Приезд иностранцев в Московское государство. 1909. Его-же. Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве. 1912. *Огородников.* Очерк истории города Архангельска. Морск. сборн. 1889. *Форстен.* Сношения Швеции и России во второй пол. XVII ст. (Ж. М. Н. П. 1898. II). Его-же. Балтийский вопрос в XVI—XVII вв. I. 1893. *Курц.* Сочинение Кильбургера. 1915. Его-же. Донесения Родеса и архангельско-балтийский вопрос в пол. XVII ст. (Ж. М. Н. П. 1912. III.). *Лодыженский.* История русского таможенного тарифа. 1885. *Тищенко.* Его работы, статьи о нем. 1916. *Шпаковский.* Торговля Московской Руси с Персией в XVI—XVII ст. Сборн. студ. ист.-эти. кружка при Унив. св. Владимира. Вып. VII. 1915. *Zweig.* Die Entstehung und Organisation der englisch-russischen Handelsbeziehungen in der 2. Hälfte des 16. Jahrh. (Beitr. zur russ. Gesch. Th. Schiemann dargebr. 1906).

I.

До XVI ст. главным пунктом, где соприкасалась хозяйственная жизнь России с Западом, являлся Новгород. Дополнением к нему были северо-западные города—Полоцк, Смоленск, Витебск, развивался путь по Западной Двине. Теперь выдвинулся север, Белое море, вместо Западной Двины—Северная Двина, путь по ней и дальше до Москвы; впервые установились непосредственные морские сношения между Россией и Европой.

После открытия Америки Христобалем Колоном (Колумбом) во всех европейских государствах обнаруживается страсть к открытию новых стран, снаряжаются экспедиции для оты-

[1]) Улож. XI. 32.

скания новых путей. Из Англии экспедиции направляются на север—ищут новых земель как на западе, так и на востоке. Идя к западу, англичане попадают на крайний север Америки, к Гудсоновой реке; двигаясь к востоку, они не находят, правда, нового пути в Азию, но зато, подобно Колону, открывают если не новую часть света, то во всяком случае новую страну—Московию.

Вновь возникшее «общество купцов-искателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых и доселе морским путем не посещаемых» отправило три корабля, из которых два были затерты полярными льдами, и смелые мореплаватели без теплой одежды и пищи медленно умирали; корелы нашли на Мурманском море корабли, которые «стоят на якорях в становищах, а люди на них все мертвы и товаров на них много». Ричарду же Чанслеру, ехавшему на «Благом предприятии», удалось благополучно добраться до Усть-Двины, где он пристал к монастырю св. Николая: «того же лета — читаем в Двинской летописи под 1553 г. — августа в 24 день прииде корабль с моря на устье Двины реки и обослався: приехали на Холмогоры в малых судех от английского короля Эдварда посол Рыцарт, а с ним гости». Чанслер был вызван в Москву Иоанном Грозным и представил ему грамоту, экземпляры которой были даны каждому кораблю ко всем владетелям стран, в которые они могли бы попасть. «Мы предоставили почтенному и храброму мужу Гугу Вилибею и прочим с ним находящимся—говорится в ней—нашим верным и любезным подданным идти по их усмотрению в страны, им прежде неизвестные, чтобы искать того, чего у нас нет, и привозить из наших стран то, чего в их странах. И таким образом произойдет выгода и для них и для нас и будет постоянная дружба и ненарушимый союз между ними и нами».

Чанслер был милостиво принят Грозным, желавшим установить сношения с Англией, в особенности для получения с Запада вооружения, которого поляки и шведы не хотели пропускать: «государь, царь и великий князь — говорится в той же Двинской летописи—королевского посла Рыцарта и гостей аглинские земли пожаловал, в свое государство российское с тортом из-за моря на кораблях им велел ходить безопасно и дворы им покупать и строить невозбранно». Чанслер во время своего пребывания в Московском государстве собирал сведения о торговле, как это известно из записки его к дяде своему Фронтингэму, а находившийся при нем Иоган Гассе описал для английского купечества русские монеты, меры и весы, указал производимые в России товары и советовал устроить складочное место для английских товаров не только в Москве, но и в Вологде. После этого Чанслер благополучно «отошел в свою землю».

После таких успешных результатов, открывавших для английской торговли новое поприще и подготовивших все для нее необходимое, образовалась уже новая компания, во главе с губернатором, 4 консулами и 24 ассистентами, получившая в 1555 г. у короля Филиппа и королевы Марии хартию на исключительное право торговли с Московским государством, как и с другими странами, которые она откроет на севере, северо-востоке или северо-западе от Антлии; всякая попытка посторонних лиц нарушить монополию компании, торгуя с этими странами, наказывается конфискацией товаров.

Компанией была выработана инструкция для своих агентов, отправляющихся в Россию, которые должны были собираться и советываться о том, что было бы всего приличнее и выгоднее для компании, а в то же время изучать русский народ во всех его сословиях, его нравы, обычаи, подати, монету, вес, меру, счет, товары, которые могут быть с выгодой проданы в России; наконец, они должны были всемерно стараться выведать путь в Китай, морем или сушей. Кроме того, им предписывалось не нарушать никаких законов в Московии, ни религиозных обычаев населения, торговать без нарушения порядка, с населением обращаться вежливо, не насмехаясь над ним, и не трогать женщин. Русского желательно заманить на корабль и напоить его, чтобы выведать у него разные тайны, но не делая ему при этом никакого зла. Далее слугам воспрещается богохульство, игра в карты, непристойные разговоры, всякие интриги и ссоры, предписывается обязательная утренняя и вечерняя молитва и чтение вслух Библии. В то же время компания приказывает соблюдать осторожность по приезде в Архангельск—не уходить далеко от своих судов, не расставаться по возможности с оружием, как и не проявлять жадности к подаркам.

В 1555 году Грозным была выдана компании первая привилегия, в которой установлена беспошлинная торговля англичан, свободный приезд в Россию и обратный выезд, а также было гарантировано, в случае кораблекрушения, возвращение компании всего спасенного имущества. В знак особого благоволения царя, она получила в Москве дом на Варварке. Новая привилегия была дана компании в 1567 году, привилегия крайне важная, ибо помимо подтверждения прежних прав, ей дозволено вести беспошлинную торговлю также в Казани и Астрахани, Нарве и Дерпте, следовательно, ездить не только северным путем, но и чрез Балтийское море. Предоставлено и право торговать с восточными народами, в особенности вести торговлю с Персией, торговать «в Бухарии и Шамахе». Мало того, ни другим иностранцам, ни англичанам, не входящим в состав компании, не дозволено приезжать в Московское государство северным путем—гавани на Ледовитом океане и Белом море открыты для одной лишь компании. В 1569 г. к этому

прибавлено право чеканить английскую монету на русских монетных дворах и привилегия «жить везде в России по своему закону»—право суда и наказания над англичанами принадлежит главному агенту компании, русские власти обязаны оказывать ему содействие. Наконец, за преступления, совершенные агентами компании, будет взыскиваться с них самих, но отнюдь не со всего общества—принцип личной ответственности, отказ от права репрессалий.

Это были чрезвычайно широкие права — исключительное право приезжать северным путем, возможность торговать с Персией, беспошлинная торговля, право торговать и иметь свои дворы во всевозможных городах, наконец, право самоуправления в широких размерах. Это был кульминационный пункт; никогда впоследствии компания не пользовалась столь широкими привилегиями. Правда, уже два года спустя Иоанн Грозный, разгневавшись на английскую королеву Елизавету за ее нежелание заключить с ним политический союз, выместил свою злобу на «торговых мужиках», т.-е. английских купцах, арестовав все их товары и заявив Елизавете, что « без английских гостей Московское государство не скудно было». Но вскоре припадок царя прошел и он вернул и товары и прежние вольности компании. И не без основания дьяк Щелкалов говорил английскому послу Боусу после смерти Грозного: «умер твой английский царь» [1]).

Привилегии Федора Иоанновича и Бориса Годунова, которого англичане именовали «лордом-протектором», при всем доброжелательном отношении их к компании, дают ей уже гораздо меньше. Правда, и здесь говорится: «мы, ради нашей сестры королевы Елизаветы и во внимание к тому, что, согласно их свидетельству, они подвергаются большим потерям и препятствиям при мореплавании, даруем... дозволение свободно приезжать в Москву и во все наши владения со всякого рода товарами и торговать ими, как пожелают. Приказываем не

[1]) Hacluyts Collection of the early voyages etc. II. I. Середонин. Извест. англич. о России втор. пол. XVI ст. Чт. О. И. и Др. 1884. Юрий Толстой. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. Грамоты. 1875. Его же. Обзор первых сорока лет сношений между Россией и Англией. 1875. Гамель. Англичане в России в XVI и XVII ст. Зап. Имп. Акад. Наук. Т. III. Прил. № 1. Любименко. История торг. снош. России с Англией. Вып. I: 1912. Ключевский. Сказания иностранцев о Московском государстве. Гл. XI. Цветаев. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. 1890. Гл. IV. Костомаров. Очерки истории торговли Моск. госуд. в XVI и XVII ст. 1889. Гл. I. Zweig. Die Entstehung und Organisation der englisch-russischen Handelsbeziehungen in der 2. Hälfte des 16. Jahrh. (Beitr. zur russ. Gesch. Th. Schiemann dargebracht. 1907). Scott. The Constitution and Finance of English, Scottish and Irish Joint Stock Companies to 1725. Vol. II. 1915. Gerson. The organisation and early history of the Muscovy Company (Stud. in the hist. of Engl. commerce in Tudor period. Univers. of Pennsylvania. 1912).

взимать никаких пошлин с их товаров, ни других сборов при переезде с места на другое водою или сухим путем, при спуске кораблей, при проезде через какую-нибудь землю, за корабли и суда, как и поголовных денег не брать с них, ни денег за проезд через мосты или за переправу и за свидетельство в местах остановки»[1]).

Таким образом, англичанам даруется попрежнему право повсеместной торговли без уплаты пошлин и сборов. Но, помимо того, что им здесь не дозволена торговля в розницу, они уже не являются более монополистами. Северный путь открыт и другим народам, как открыт всем англичанам, а не одной только компании. Между тем англичане считали, что, открыв впервые северный путь в Россию, они имеют право на исключительную монополию торговли с Россией и не только на Архангельск, но и в Новгороде и Нарве. Англичанин Гаклейт еще в 1598 году писал, что английская нация приобрела себе великую славу навсегда, вследствие открытия моря у Северного мыса, ранее неизвестного, и удобного пути в Русскую империю через залив св. Николая и реку Двину. Он сравнивал это открытие с открытием португальцами моря у мыса Доброй Надежды и морского пути в Индию, а итальянцами и испанцами—неизвестных прежде стран к западу и юго-западу от Гибралтара и от Геркулесовых столбов[2]).

Таким образом, открытие морского пути в Московию приравнивалось к открытию морского пути в Индию, а открытие самой Московии к открытию Америки—англичане хотели доказать, что они в области открытий не уступят португальцам и испанцам.

Дело в том, что наряду с англичанами в устье Двины появились и опасные конкурренты—голландцы.

Голландцы не сразу проникли туда, первоначально они приставали в Лапландии, у датской крепости Вардегуз, но в виду препятствий, которые датчане им ставили, уже с следующего года стали, по совету монахов Печенгского монастыря, которые желали сбывать им рыбу и тресковый жир, посещать Печенгскую губу и в 1565 г. уже образовалось, утвержденное нидерландским правительством, товарищество из нескольких антверпенских и энкгейзенских купцов, для плавания в северные страны до Московии. С тех пор, как голландцы стали ежегодно приезжать в Печенгскую губу, туда начало стекаться много народа с товарами из северных местностей, даже из весьма далеко оттуда находившихся Холмогор и Каргополя.

[1]) Милостивая грамота Федора Ивановича, нового царя, дарующая привилегии английским купцам. Записки о Московии XVI века Сэра Джерома Горсея. Перев. Белозерской. 1909. Прил., стр. 117.

[2]) Гамель. Англичане в России XVI и XVII ст., 32.

Вскоре они стали приезжать и в Колу и в другие гавани Мурманского и Терского побережья и торговля голландцев в этих местах не прекратилась и тогда, когда они уже проникли в Северную Двину [1]). В Колу как голландцы, так и англичане и датчане отправляли мальчиков для изучения русского языка, в целях торговых сношений с русскими; одним из них был и голландец Оливер Брюнель, который и указал дорогу голландцам в устье Северной Двины, а затем, по поручению Строгановых, к которым он поступил на службу, стал совершать путешествия в Сибирь, стараясь осуществить давнишнюю мечту европейцев—открыть северный путь в Китай. Вслед за ним такие же попытки делались и другими голландцами, приезжавшими в устье Северной Двины [2]).

В последнем голландцы появились, таким образом, уже в 1578 г., четверть века спустя после англичан, причем первоначально они приставали не в Корельском или Никольском устье (в гавани св. Николая), как англичане (свои дома последние построили против монастыря св. Николая на Ягорском острове, названном ими Розовым островом), а в Пудожеском устье. Это устье представляло то преимущество, что не было надобности бросать якорь на рейде, как в бухте св. Николая, и перегружать товары на дощаники и насады. Однако, преследования голландских судов датскими катерами заставили их отказаться от этой гавани, находившейся слишком близко от открытого моря и подняться вверх по Двине, обратившись к московскому правительству с ходатайством о перенесении торговли к месту Михаило-Архангельской обители (у Нур-Наволоцкого мыса, на правом берегу Северной Двины). Действительно, царь приказал двинским воеводам в этом месте «город делать», притом, «наспех» (т.-е. спешно), который назывался первоначально Новогородок, а потом (от монастыря) Архангельский, устроенный «для корабельные пристани», для нужд голландцев. Они уже в 1585 г. туда переселились и туда приезжали. Англичане первоначально добились привилегии оставаться в прежнем месте, но в 1591 г. были также переведены туда [3]).

---

[1]) См. Филиппов. Русские в Лапландии в XVI ст. (Литер. Вестн. Т. I, Кн. 3). Его-же. Голландец Салинген в России в XVI ст. Там-же. Т. IV, кн. 6. Фрис. Печенгский монастырь в русской Лапландии (Вестн. Евр. 1885. VII). Тищенко. Из истории Колы в XVI в. (Тищенко. Его работы. Статьи о нем. 1915). Bericht wegen der Landschaft Lappia, wie die anno 62, 63, 64 und 65 auss Niederlandt ist besiegelt worden etc. Салингена 1521 г. Büschings Magazin für die neue Historie und Geographie. T. VII.

[2]) Сб. Р. И. О., т. 116, стр. XVIII—XXXIV. Отчет нидерл. посл. Бурха и фак Фелдтриля о посольстве их в России. Там-же, стр. 116.

[3]) Русск. акты Копенгагенск. гос. арх., извлеч. Щербачевым. №№ 439. 441. А. А. Э. I. № 318. Сб. Р. И. О., т. 116, стр. I сл.

Голландцы, в отличие от англичан, не образовали привилегированной компании для торговли с Россией. Возникавшие проекты этого рода не встречали сочувствия со стороны генеральных штатов. И позже, когда в 1630 г. возник проект учреждения в Нидерландах компании, которой было бы предоставлено исключительное право привоза хлеба из Московского государства, проект, ссылавшийся на успехи нидерландской ост-индской компании, противники его указывали на то, что в Ост-Индии компания нужна была потому, что там нужно было еще утвердиться, а для этого силы частных лиц оказывались недостаточными, в России же торговля уже давно происходит, страна открыта всем и каждому; ссылались и на то, что английская компания, торгующая с Московским государством, доказала свою непригодность [1]). Торговали отдельные голландцы или небольшие товарищества, причем они нередко проявляли сильнейшую ненависть друг к другу, писали доносы на других голландцев, что сильно вредило их торговле. Голландцам удалось получить разрешение торговать не только в Архангельске, но и в Москве и в других городах, хотя англичане и старались всячески преградить им доступ за пределы Архангельска. Многие голландцы пользовались и другими привилегиями, правом иметь свои дворы в Архангельске, в Холмогорах, в Коле, в Москве, иногда освобождались и от половины пошлин, хотя не были совершенно свободны от них, как англичане. К числу добившихся привилегий относятся, напр., компания Марка Фогеляра и Клинка (по имени его даже названа одна из пристаней в Архангельске Клинковой), торговцы Карл де Молин, Симон Бус и еще несколько, в особенности же де Валле. По поводу последнего англичане говорили, что он торгует «к великой их помехе» и его деятельность может отбить всякую охоту продолжать торговлю с Московским государством [2]).

Англичанам конкуренция голландцев была весьма неприятна.

В грамоте, переданной английским послом Елизаром Флетчером в 1587 г. царю Федору от «Елизавет Королевны», говорилось, что торговля предоставлена была английским «торговым людям, которые впервые на Русь дорогу нашли морем с великими убытки и с томленьем», и прибавлено: «ино иным не пригодитна на Русь ездити, которые ся не убытчили и не промышляли тем первым путем». И обращаясь к «любительному брату своему, государю, о том, что которые статьи написаны были в торговой грамоте, которую гостем дал прежний государь

[1]) Кордт. Сб. Р. И. О., т. 116, стр. LXXV, LXXX, CIII сл.

[2]) Толстой 196, 219. Посольство Куврада фан Кленка, стр. X. Р. И. Б. VIII, 109 сл. 202. IX 82. А. А. Э. III. № 17. Любименко. Моск. рынок, как арена борьбы Голландии с Англией. Русское Прошлое. 1923. V. С. Р. И. О. 116, стр. CCXXVIII сл.

Иван Васильевич, а те бы статьи, которые пригодятца, написати велел в нынешнюю грамоту», — Елисавета прежде всего бьет челом Федору Иоанновичу, «чтоб англичанин чикаков и иные иноземцы не ездили торговать въ его государеву землю, по сю сторону Варгава, ни к которму пристанищу, к Двинскому устью, и к Ругодиву (Нарве) и в Новгород без королевнины проезжие грамоты и ослобожденья». Иначе говоря, кроме компании никто торговать не должен, ибо только ее агенты будут получать «королевнины проезжие грамоты».

Флетчер в своей речи прибавил к этому подробное об'яснение и заявление от имени королевы, «чтоб он, государь, вспамятовал, что ее прежреченные торговые люди первое дорогу проискали и торг уставили всее земли, и им стали в то убытки в их товарех, а его, государеве, земле и его, государевым, поддашным людям от них великая прибыль учинилась», а королева надеется, «что государь и его государевы разумные думцы то их страданье вменят им за доброе дело». Она ссылается как на то, что «те, которые дорогу проложат и пристанища находят, в великой чести бывают и их везде берегут, во всех землях», так и на пример («а болши того образца ненадобеть») «великоразумного и мудрого» отца осударя, «как он с великою любовью принял ее торговых людей и дал им свои жаловалные поволные грамоты, что им одним торговати во всем в его государстве, и для его государевы любви гости ее радовалися его государевым жалованьем и того для пребывали в торговлях на Руси и не отвели своее торговли к иным землям». А между тем «здесь торгуючи мало прибытка имеют против того, что им можно взяти в иных государствах, которые государства поближе к ним... толко они все на себя принимают, не хотя отстать от него, от государя».

Заслуги компании, следовательно, велики. Ею впервые найден путь, она торгует с убытком на Руси, а могла бы в других землях иметь большую прибыль, для Руси же большая выгода получается. Отсюда, по примеру Грозного, ей следует даровать исключительное право торговли. Королева Елизавета просит, чтоб государь «от нее выслушал, что ей известно есть про ее гостей, как они от иных терпели и что иноземцы над ними чинили, которые иноземцы вытеснити их из их торговли, а они сперва здесь торг уставили».

В ответ на это велено было об'явить «королевнину посланнику Елизару», какие огромные привилегии англичане получили: им «было жалованье мимо всех иноземцев, а какова им дана была поволная торговля во всех государя нашего государствах, и дворы им подаваны во многих городех государя нашего бездань, и грамота им жаловалная... сперва дана, какова им была люба, и пошлин с них имати не велел в своем государстве, на Москве и по всем городом». «А в те поры — читаем далее — за государем нашим... была государя нашего вотчина, Лифляндская земля и большое пристанище морское было у Ругодива (Нарвы), и всех поморских государств торговые люди с товары приходили к Ругодиву, а не одни аглинские гости приходя в государя нашего государстве торговали. а ты ныне в своих речех говорил, будто одним англинским гостем торговать велено (было) в государя нашего государстве, и то гости аглинские ложно сказывали королевне». «А как Ру-

годивское пристанище от государевы вотчины отошло и отец государев... у морского пристанища, у Колмогор велел поставити город и всяким торговым людем изо всех государств поволил приходить к своему государству к Двинскому городу к пристанищу морскому, английским гостем в своем государстве поволил государь торговати по прежнему всякими товары без вывета и свое государство жалованье к ним держал великое, свыше всех земель гостей». При этом Флетчеру указывается и на то, что англичане на Руси вовсе не «великие убытки терпели», а напротив «торгуючи безпошлинно много лет, многие корысти себе получили». Особые же их преимущества, которые им даровалы «мимо всех иноземцев», заключаются и в том, что им дозволено проезжать «в Бухары, в Шамаху, и в Казбин, в Кизылбашскую землю... и мимо Казани и Астрахани во все в те государства пропущати торговати государь велит и пошлин с них имати не велит»; тогда как «иным иноземцем никому никуды мимо Московское государство, ходити не велено ни одне версты за Москву, не токмо в Казань и за Казань, и за Астрахань, а аглинским гостем, мимо всех иноземцев, через свои государства так поволил ходить в такие далние государства, любя сестру свою любителную Елизавет Королеву» [1]).

Таким образом, сохранить за одной лишь компанией торговлю северным путем не удалось. Еще менее шансов на успех имела, конечно, попытка запретить другим иностранцам торговать в Нарве и других русских городах.

В Нарве (завоеванной Россией в 1558 г.) всегда торговали купцы других национальностей, шведы, ганзейцы, голландцы, что вызывало отчаяние у жителей Ревеля, которые с болью в сердце смотрели на корабли, направлявшиеся в Нарву. Желая подорвать торговлю Нарвы, Ревель стал своими каперами задерживать направляющиеся туда корабли, и в 1565—67 г.г. московские воеводы неоднократно обращались к ревельскому рату, жалуясь на захваченные суда, отправлявшиеся в Нарву, на отнятые и отвезенные туда товары и требуя возвращения их. Они указывают на то, что «нарвские немцы» не решаются из-за этого посылать корабли с товарами голландских и гамбургских немцев. Но торговля эта продолжалась не долго. В 1581 г. Нарва вновь сдавалась шведам и снова единственный путь в Московское государство был северный [2]).

Англичане несомненно впервые открыли путь в устье Северной Двины, хотя отдельные случайные поездки этим путем, как указывает Гамель, совершались еще до них [3]). Из этого, однако, еще нельзя делать вывода, будто без них торговые сношения на Белом море не установились бы. В эту эпоху, когда все народы стали совершать путешествия для открытия

---

[1]) Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера. Временник Имп. Моск. Общества Истор. и Древн. Российск. Кн. VIII. Стр. 5. 7. 12. 15—16.

[2]) Сб. Р. И. О. т. 116. стр. XIV сл. Beitr. zur Kunde Est- Liv-und Kurlands. XIV. 2, p. 162.

новых земель, и этот путь не мог остаться неизвестным; если бы не англичане, то голландцы, которые уже делали попытки в этом направлении, несомненно, попали бы в Белое море и установились бы сношения между Западом и Московским государством. Белое море являлось в то время единственным, открывавшим России свободный выход и непосредственные сношения; путь на Архангельск был вполне естественным, необходимым.

Англичане явились пионерами в морской торговле с Русью; они дали Московскому государству возможность вступить в непосредственные сношения с Западом, получая оттуда и товары, и опытных мастеров, тогда как другие страны—Германия (император) и в особенности Польша относились к этому крайне недоброжелательно, опасаясь, как бы Московия, «враг наследственный всех свободных народов», который до сих пор «был невежествен в художествах и незнаком с политикой», не научился промыслам и искусствам, не приобщился бы к европейской культуре, а в то же время не стал бы выделывать нужные для войны предметы; в этом случае Запад мог опасаться «ужасного нашествия жестоких врагов — московитов». Отсюда нападения поляков, датчан, шведов на английские, французские и иные корабли, направляющиеся в Архангельск.

Но причина захвата этих судов была и другая—попросту конкуренция различных народов, желание ослабить других и захватить в свои руки торговлю с Московским государством. Это было обычное явление в ту эпоху, когда западно-европейские страны—Англия, Голландия, Франция, Швеция, Дания—выступали на арену мировой торговли и в значительной мере посредством насильственных действий старались выбить конкурентов из различных стран. Такая борьба происходила и в Индии, и в Северной и Южной Америке, и в других частях света.

Московское правительство создало такую конкурренцию и у себя и тем самым лишило англичан возможности стать монополистами и распоряжаться на русском рынке по своему усмотрению. Правда, как мы видели, англичане и после Грозного пользовались гораздо большими привилегиями, чем купцы других стран. Беспошлинная торговля, право жить и строить свои дворы во всевозможных городах, ездить в страны Востока—все это было дано одной лишь английской компании. Но некоторые привилегии получили и купцы других наций. Мало того, наряду с компанией торговали и отдельные, не входившие в состав ее, части, английские купцы, об'единявшиеся иногда в товарищества и наносившие крупный ущерб компании.

Так, напр., в 1567 г. в Нарву приезжало до 700 английских кораблей, нагруженных главным образом сукном, металлами и винами, но привезенными не только из Англии, но также из Франции, Италии, Ни-

дерландов. Посланы они были образовавшимся в Англии обществом для торговли с Нарвой, в составе 46 членов, во главе которого стоял один из бывших агентов компании Бенпет и еще несколько человек, также из покинувших службу у компании приказчиков. На такие, происходившие неоднократно попытки бывших агентов компании устраивать конкурирующие с нею общества компания реагировала, добиваясь у королевы Елизаветы писем к царю с просьбой о выдаче «непослушных подданных, неблагодарных граждан своего отечества», но и Грозный и Федор Иванович решительно отказывались выполнить ее волю [1]). Представитель компании Горсей среди своих заслуг указывает на ту пользу, которую он принес компании, не только добившись права ездить чрез Россию в страны Востока и уплаты различных долгов компании, но также того, что «все купцы, которые вели торговлю в этой стране контрабандою, без позволения английской компании, в числе 29, были отданы в его руки для препровождения их в Англию» [2]). Но он ошибался: это была лишь небольшая часть «контрабандистов», остальные продолжали свободно торговать и впоследствии. Привилегия царя Бориса, данная компании в 1598 г., подобно предыдущим, не содержала никакого запрещения для этих лиц торговать в России, как ни добивалась этого компания.

В других частях света, где английские компании открывали новые земли и вступали в торговые сношения, они поступали весьма решительно как с купцами других национальностей, так и с теми англичанами, которые позволяли себе торговать помимо привилегированной компании. Происходили форменные сражения с первыми и изгнание их из данной местности, пускали ко дну суда вторых, и они рассматривались в качестве пиратов. Но там речь шла о завоевании новых стран и покорении туземцев, строились форты, содержалось войско. В России положение было совершенно иное, все зависело от благоволения и согласия правительства. Только на пути туда, на море можно было производить нападения на суда конкурентов, но в пределах страны приходилось, скрепя сердце, мириться со всеми нарушителями монополии, ограничиваясь распространением про них всяких ложных слухов и наветов, называя их шпионами польского короля и т. п. И так поступала не только английская компания, но и иные английские товарищества по отношению к ней, голландцы относительно англичан и т. д.

Особенно сильная борьба велась между англичанами и голландцами, этими двумя крупнейшими торговыми нациями, соперничавшими за преобладание и в других странах и частях света. Уже в 1575 г., когда голландцы приезжали только

---

[1]) Любименко. История торг. снош. России с Англ. в XVI ст. Стр. 52 сл., 106 сл.

[2]) Записки о Московии XVI века сера Джерома Горсея. 1909. Стр. 78

в Колу, англичане обращали внимание на необходимость вытеснить их оттуда, а когда упомянутый выше Брюнель прибыл на Двину, англичане донесли на него, обвиняя его в шпионстве, почему он был заключен в тюрьму, пока его не удалось освободить Строгановым, которым нужен был голландец для их торговых операций с Западом; они и послали его в Нидерланды с мехами и другими товарами. Еще более решительную борьбу английская компания вела с голландцами с тех пор, как последние проникли в устье Северной Двины. Жалобы на соперничество нидерландских купцов появляются с 1582 г. и с этого времени не прекращаются. Англичане прибегали ко всевозможным средствам для вытеснения нидерландских купцов — вскрывали их письма, подкупали русские власти, добивались отмены выданных голландцам грамот на торговлю внутри страны, доносили на голландцев, что они, в противоположность англичанам, торгуют в розницу и посылают свои товары «мелким обычаем» по всему Московскому государству и тем вырывают из рта хлеб у русских. Уже в 1583 г. англичане жалуются на то, что в Московское государство проникли голландцы, которые все более расширяют свою торговлю, в Англии поднимается даже вопрос о необходимости отыскивать в других странах новые рынки, чтобы наверстать утраченное [1]). Впрочем и голландцы платили им той же монетой. Они старались унизить и осмеять англичан—пишет Коллинс: «рисуют каррикатуры, сочиняют пасквили и тем вызывают у русских отрицательное представление о нас. Они изображают нас в виде бесхвостого льва с тремя опрокинутыми коронами и множества больших собак с обрезанными ушами и хвостами... И эти изображения их производят на русских большое впечатление» [2]). Масса и сам признавался, что подсылал шпиона в дом представителя английской компании Меррика. На это жаловался в 1663 г. и английский посол Карлейль [3]).

В начале XVII века сила уже была, повидимому, на стороне голландцев. В 1618 г. нидерландский резидент в России Исаак Масса писал в своем донесении генеральным штатам из Архангельска, что «в настоящее время англичане здесь осрамлены, а наша речь теперь в силе. Наконец то в Москве князья узнают истину относительно всего, что прежде говорилось о торговле с англичанами, от которой, в течение 50 лет, царь не получил никакой выгоды, между тем, как от голландцев ежегодно поступают значительные суммы в таможню; теперь узнают, кто лучше и усерднее служит России во всех

[1]) Hac uvt. Collection etc. I. 465. III. 228. Толстой. 8 сл. 237. Сб. Р. И. О. т. 38, стр. 309, 364 сл., т. 116, стр. XXVI, XXXII, LXIII сл., LXXIII сл.

[2]) Коллинс. Нынешнее состояние России. Чт. О. И и Др. 1894. I. 33.

[3]) Любименко. Моск. рынок. 10.

отношениях... Насколько здесь прежде англичан уважали, настолько их ныне презирают; насколько они прежде держались здесь гордо, настолько они теперь повесили нос и сделались чрезвычайно ласковы к нам; впрочем, иначе они и не могли поступить, и если не представится какого-либо средства, то компания их рушится в этом году, так как в этом году прибыло лишь три английских корабля в Архангельск, а наших было больше тридцати, и они продали весь свой товар и возвращаются в Голландию, нагруженные русскими произведениями». «С нашими купцами—прибавляет Масса—в нынешнем году поступлено чрезвычайно милостиво. Они заплатили с купленных и проданных товаров пошлины в размере не более 2 проц.». Он указывает на то, что англичане всячески стараются возбудить ненависть к генеральным штатам, что они подали царю записку с сообщением о том, что Голландия «желает вмешиваться в дела всех стран и вселить в них раздор», что она была виновницей шведской войны, которая большей частью производилась ее силами и средствами, и что она добилась выступления Польши против России [1]).

Таким образом, обе стороны прибегали к одним и тем же средствам. Голландцы в особенности старались добиться отнятия у англичан тех усиленных привилегий, которыми московская компания пользовалась. Эти привилегии был подтверждены еще в 1614 и в 1628 г.г. Царь Михаил Феодорович, по примеру царя Феодора и царя Бориса, предоставлял «аглинским гостем сер Томасу Смиту Книхту с товарищи ходити к Москве и в нашу отчину в Великий Новгород и во Псков и все наши государства с товаром торговати беспошлинно... для великого государя брата нашего любительного Якуба (Якова) короля любви». Им разрешено попрежнему «товар свой продавати на Колмогорах и на Двине и на Вологде и в Ярославле», причем подробно перечисляются всякие пошлины (замытные, свальные, проезжие, судовые, с голов и с мостовщины, с явки и с перевозов), которых «имати есмя не велели».

Впрочем, в жалованной грамоте 1628 г. все эти права распространяются только на «Сер Джона Мерика Книхта с товарыщи с двадцати трех человек, которым гостем имена подал... его королевского величества агент Фабян Смит». На самом деле не только эти 23 человека, но и целый ряд других лиц, под видом их слуг и факторов, торговали беспошлинно; не говоря уже о том, что англичане нарушали постановление «чужих товаров за свои товары с собою не привозити», а продавали,

---

[1]) Записки о России XVII и XVIII века по донесениям голландских резидентов. Три письма Исаака Массы генеральным штатам. 2-ое и 3-е письмо. «Вестн. Евр.». 1868. VIII. Стр. 802—03. 809—10.

пользуясь освобождением от пошлин, и товары, привозимые из других стран или принадлежащие купцам других национальностей, под видом своих, нанося убыток не только казне, но и русским купцам.

Уже Флетчер рассказывает о том, что «в нынешнем 1589 г. они (русские) рассуждали между собою о переводе всех иностранных купцов на постоянное жительство в пограничные города» [1]), а в 1627 году была подана царю и патриарху Филарету челобитная об изгнании иноземцев, причем характерно, что она подана «на торговых немец, на галанцов и на амбурцов, на иноземцов, опричь англинских гостей и Кизильбашские и Бухарские земли на тезиков». Она касается, следовательно, как западных, так и восточных купцов, за исключением, однако же, англичан, которых еще пока не трогают. В челобитной указывается на то, что в прежнее время, когда торговля с западом совершалась на Нарву (Ругодив), туда «прихаживали... заморские торговые многие немцы на лето по сту и по двести кораблей, а на Руси с товары дале Ругодива не пущивали, и в то время ваши государевы пошлины збирали, а нам холопем и сиротам вашим были торги пространные», так что «ваши государские службы служить было радеючи, а не плачучи». Прежде они «и дворов своих по городам не ставливали, и в лавках и в анбарах не сиживали и промыслов на море и в Сибирь не бывало ж, кроме англинских гостей». Но с тех пор, со времени Смуты, по словам челобитчиков, все изменилось. «Почали те торговые немцы ездить в вашей государеве отчине с ярмонке от города Архангельского по городом: на Колмогоры и до Устюга и до Вологды и до Ярославля и до Москвы. И поставили дворы свои по городом, покупая у посадцких людей тяглую землю. И привозят товары свои и ставят на своих дворех, а не на гостином дворе, а иных товаров и не доявливают, и в том ваши государевы пошлины пропадают, и камни и отласы продают врознь, в портище и в аршин... а вещие товары продают врознь же». Далее, «те заморские немцы у Архангельского города перекупают соль и возят до Вологды на своих дощаникех», а «приехав в Архангельск с русским товары и теми товары торгуют меж себя у города»; «у Студеного моря за немцами рыбные ловли» и приходят их «корабли и хлеб велкой насыпают» и от этого «поморские места помирают голодом и последние людишки оскудели и обдолжали великими долги». Наконец, даже «в Сибирь галанские немцы торговые и тезики своих промышленников посылают». «Вызнав цену» русским товарам, они сообщают «в свою немецкую землю... почему какой товар на Руси купят», а в то же время «меж себя заговором свои немецкие товары

[1]) Флетчер. 56.

продают не торопясь большою ценою». От всего этого—жалуются челобитчики—заморские немцы «у нас, государь, холопей и у сирот ваших торги отняли и стали мы без промыслу» и от них стала «скудость великая». И просят они о том, чтобы «те барабанские и галанские и амбарские немцы, кроме аглинских гостей, по прежнему дале Архангельского города и Коломогор... не ездили» «и тогда нам бы, холопем и сиротам вашим, был торг и промысл и ваша государьская пошлина збиралася многая» [1]).

Здесь перечислены все грехи, которые можно было поставить в вину купцам того времени—и продажа в розницу (врознь), и торговля гостя с гостем (меж себя), и утайка пошлин и повышение цен на свои товары «меж себя заговором». И все же эта первая челобитная еще не оказала никакого влияния, ибо на нее последовала резолюция «быти по прежнему: которым иноземцам велено торговать в Москве, тех и пропущати. а которым велено торговати у города, и тех к Москве не пущати». Одновременно был послан указ на Двину о том, чтобы «к Москве и в иные наши городы... отпускать от Архангельского города аглинских гостей, Фабина Ульянова с товарыщи... и их приказчиков..., да из галанцов Юрья Клинка с товарыщи да Карпа Демулина и иных, у которых наши жаловальные грамоты за нашею красною печатью». А прочих к Москве не пускать; им предоставлено лишь «у Архангельскова города торговати повольною торговлю, как наперед сего было» [2]).

Однако этой первой челобитной дело не ограничилось. Русские купцы упорно преследовали цель удалить иностранных купцов в Архангельск и заявляли об этом и на земском соборе 1642 г. и в челобитных 1646 и 1649 г.г. [3]). Так что шведский резидент Поммернинг был прав, говоря в 1649 г., что. «как бывает обыкновенно каждый год, русские купцы добиваются все еще, чтобы иноземных удалить из Москвы» [4]). Выразителем этих требований являлся и Юрий Крижанич, заявлявший, что «отпод же никаковы иноземски торговцы не мают ся допустить в кралевству держать домов, ни лав, ни складов, ни сводов... нить прихажать на торгование в нутерная места господарства, но токмо на означена торговища на рубежех» [5]).

По содержанию своему челобитни 40-х годов немногим отличаются от первой челобитни 1627 г., развивая лишь про-

[1]) Смирнов. Новое челобитье торговых людей о высылке иноземцев. 1912. Прил.

[2]) Смирнов, там-же.

[3]) С. Г. Г. и Д. Ш. № 113. А. А. Э. IV. № 13. Сборн. Хилкова. № 82. См. Соловьев. Кн. 2. т. X. 1507 сл. Цветаев, 268.

[4]) Якубов. Россия и Швеция в перв. пол. XVII ст. в Чт. О. И. и Др. 1898 I, 435.

[5]) Юрий Крижанич. Отд. I. 23.

странное те же мысли о том, что иноземцы «все Московское государство оголодили», вследствие чего люди «обнищали и разорелись вконець». Но существенная разница заключается в том, что, в отличие от первой челобитни, последующие уже не исключают англичан, а направлены и против них, указывая на то, что жалованные грамоты получили 23 английских купца, но они уже давно умерли, а вместо них приезжают другие купцы человек по 70 и более. «Не дай нам, природным своим государевым холопям и сиротам—заключает челобитня 1646 г.— от иноверцев быть в вечной нищете и в скудости..., вели, государь, аглинским и анбурским и барабанским и галанским и датцким немцом гостем и торговым людем торговать у Корабельной пристани, у Архангельскова города».

Однако результат теперь получился уже совершенно иной. Пострадали именно англичане, которые первоначально—как мы видели—вовсе не имелись в виду. Интересы усиливавшегося и приобретавшего влияние торгового класса требовали отмены привилегий, предоставленных англичанам, и Московское правительство готово было на это идти из фискальных соображений—освобождение компании от уплаты пошлин, с развитием ее операций, стало наносить ему значительный убыток. Правительство, у которого не хватало решимости лишить сразу англичан этой привилегии, воспользовалось удобным случаем и покончило с прежними их льготами.

Когда, после воцарения Алексея Михайловича, возник обычный вопрос о подтверждении жалованной грамоты англичанам, он сослался на то, что англичане учинили «злое дело, государя своего Карлуса до смерти убили». Как писал Кильбургер, «царь сказал, что такие люди, которые своего собственного короля лишили жизни, недостойны его привилегий». «Когда вы своему королю по изменнически дерзнули голову отсечь, чего подлее нигде на свете не слыхано, то я с вами никакого сообщения не хочу»—велел им сказать царь. Английскую революцию и убийство короля Карла искусно эксплоатировали и голландцы, обвиняя англичан в неблагонадежности. Указ 1649 года ссылается на то, что царь Михаил Федорович разрешил англичанам повсюду торговать в России, но теперь, в 1649 г., многие прежде пожалованные англичане умерли,—стало быть, и привилегия потеряла свое значение. Далее приводятся обычные обвинения англичан, что они составили союз, торгуют заповедными товарами и т. д., отчего русские торговцы беднеют, англичане богатеют. И в заключение указывается на то, что прежде торговали они по государевым жалованным грамотам, которые даны им по прошению «английского Карлуса короля», а теперь они убили его и потому грамота потеряла силу. В результате англичане были выселены из Москвы—им в Московском государстве «быть не довелось», а велено «со всем своим имением

ехать за море, а торговать с Московскими торговыми людьми всякими товарами, приезжая из за моря у Архангельского города» и притом с уплатой пошлин [1]). Если когда-то в шутку говорили, что английский двор будет превращен в монастырь, то теперь в нем была устроена «большая тюрьма».

Сношения между Россией и Англией после этого не прекратились. Царь Алексей не признавал Кромвеля и весьма нелюбезно обошелся с его послом, напротив, поддерживал переписку с принцем Карлом, а по восшествии его на престол, возобновился обмен посольствами. Стюарты после реставрации стали вновь поднимать вопрос о возвращении их подданным привилегий в Московском государстве, ссылаясь на то, что, лишенные царем прежнего своего положения в наказание за измену законной династии, они теперь, по возвращении ее, должны получить полное прощение. Но ни обращения в этом смысле к Алексею Михайловичу, ни такие же просьбы, направленные к Федору Алексеевичу, а затем к Иоанну и к Петру, не привели к каким-либо результатам. «Прежним компаниям (соглашениям) быть не годится,—от них более ссоры, чем дружбы,—открылось, что они торгуют подкрадными обидными товарами», т.-е. контрабандой. Решено было раз навсегда покончить с теми особыми, чрезмерными льготами, которыми пользовались на Руси англичане [2]).

Более глубокая причина отмены этих привилегий заключалась как в усилении торгового класса в Московском государстве, не желавшего уже допускать исключительных привилегий для иностранцев, так и в том, что русское население не нуждалось более в посредничестве англичан для сношений с Западом, ибо имелось достаточно купцов других национальностей, которые занимались привозом товаров в Россию и вывозом их оттуда. За полвека до потери английской компанией исключительных привилегий в Московском государстве английское правительство лишило ганзейцев тех особых преимуществ, которыми они пользовались в Англии, и закрыло их двор в Лондоне («суконный двор»). Теперь Россия таким же образом поступила с англичанами. Однако, полного соответствия между этими действиями не было. Англичане освободились в XVI ст. от посредничества ганзейцев и итальянцев, в руках которых находилась прежде торговля между Англией и другими странами. Они сами стали теперь не только приобретать за границей нужные им товары, но и выполнять в других странах ту же роль, какую играли прежде ганзейцы. В XVII ст. Ганза была вытес-

---

[1]) Мартенс. Собрание трактатов и конвенций. Т. IX (X). 1882. Введен. XCIII—XCIV.

[2]) Любименко. Торговые сношения России с Англией при первых Романовых. Ж. М. Н. П. 1915. XI. 15. Соловьев. Ист. Росс. Т. XII. 241.

мена и из Скандинавских государств. Подобно Англии, и последние уже не нуждались в иностранных купцах, а напротив, стали теперь сами посещать другие страны, в том числе Московское государство и производить там торговлю. Русские до такой ступени еще не успели подняться в XVII ст. Они могли отнять прежние жалованные грамоты у англичан, но обойтись без иностранцев вообще они еще не в состоянии были. Хотя они и старались уже сократить привилегии иноземных купцов вообще, по возможности ограничивать их пребывание Архангельском и не пускать вглубь страны, но фактически это далеко не всегда удавалось—приходилось (как мы увидим ниже) делать исключения в пользу многих отдельных купцов и даже целых национальностей. Русские флота не имели и еще не научились ездить за границу и там вести активную торговлю. Эта цель еще и значительно позже достигнута не была. Следовательно, без иностранных купцов обойтись невозможно было.

Пока сделан был лишь первый шаг в этом направлении. Жалобы на иноземцев раздаются и впоследствии, да и англичане продолжали попрежнему торговать, хотя и только в Архангельске и с уплатой пошлин, на общих с прочими иностранцами основаниях. Лишь некоторым из них выдавались специальные грамоты на приезд в Москву и в другие города.

Но потеря привилегий англичанами еще более усилила их конкурентов—голландцев. В 1582 г. в Архангельск прибыло 9 английских кораблей, но всего 6 голландских, в 1600 г.—12 английских и 9 голландских. Напротив, в 1613 г. приехало 30 голландских кораблей, в 1618 г. из общего числа 43 судов имелось 30 голландских, в 1630 г. вошло в гавань даже 100 голландских и всего несколько английских кораблей. В 1658 г. среди 80 судов было всего 4 английских [1]). «В этом году—сообщает Корнилий де Бруин в своем путешествии через Московию 1708 г.—в Архангельск прибыло очень много купеческих кораблей, насчитывали их до 154, а именно 66 английских, в сопровождении 4 военных кораблей, столько же голландских с тремя военными кораблями, 16 гамбургских, 4 датских и 2 бременских. Впрочем, из английских было много небольших судов с незначительным грузом» [2]). «Во всей Европе нет нации, которая производила бы большую торговлю с Архангельском и со

---

[1]) Курц. Число прибывших нидерландских кораблей, по другим сообщениям, составляло: в 1582 и 1600 г. по 9, в 1604 г. уже—29, в 1613 г.—30, в 1614 г.—35, в 1618 г.—30, в 1631 г. не менее 38. Различные авторы того времени, указывают на то, что в Россию отправляются ежегодно от 20 до 30 (30 до 40) больших кораблей. Кордт. Отчет Бурха и фан Фелтдриля. Стр. CCLXXXIII.

[2]) Путешествие Корнилия де Бруина через Московию. Пер. Барсова. Чт. О. И. и Др. 1872. II. 100.

всем Московским государством, чем голландцы,—говорит француз Савари в своем «Совершенном купце» (1674 г.)—ибо они отправляют туда ежегодно от 24 до 30 судов... Гамбуртцы и бременцы тоже посылают туда корабли, но их значение гораздо меньше, ибо первые посылают не более 4—5, а вторые одно или два судна в год. И англичане отправляют туда корабли, но в меньшем числе, чем голландцы» [1]).

Савари указывает на то, что эти 25—30 кораблей, отправляемых голландцами ежегодно в Россию, нагружены главным образом французскими товарами. И вывозимые из России товары они сбывают преимущественно во Францию, за исключением двух-трех судов, которые они нагружают русской икрой и юфтью и отправляют в Геную и Ливорно.

Таким образом, оказывается, что торговля с Московским государством производится в сущности в широких размерах не Голландией, а Францией. Последняя является страной происхождения и страной назначения: привозимые в Россию товары производятся во Франции, вывозимые оттуда—предназначены для французского рынка, для французского потребителя. Голландцы являются лишь посредниками между Россией и Францией.

Чем же об'ясняется такая роль их? Почему французы не могли самостоятельно привозить свои товары в Архангельск и вывозить оттуда нужные им русские продукты? Иначе говоря, чем обусловливалось важное значение Нидерландов в этой торговле?

Савари насчитывает целый ряд причин, вызывающих преобладание голландцев, по сравнению с французами. Голландцы имеют много судов, французы мало. Стоимость судов первых на 25 проц. ниже стоимости последних, ибо лес и рабочие руки им обходятся дешевле. Голландские матросы опытнее французских, и там, где на французском судне необходимо 12 матросов, голландское ограничивается восемью. Голландские матросы довольствуются камбалой и сыром, водой, пивом и небольшим количеством хлебного спирта, тогда как французам нужен свежий хлеб, свежее мясо, а не только солонина, хорошие сухари, вино и разные водки. К этому присоединяются и другие моменты—свойства нидерландских купцов. Они более знакомы с мореплаванием, чем французы, купцы могут заменить моряков, ибо с юных лет они служат на судах дальнего плавания. Голландские купцы богаты и поэтому в состоянии вынести значительные потери. Они давно уже поселились в Москве, Архангельске и других больших городах Московии и знакомы со всеми обычаями страны. Они в состоянии сбывать товары рус-

[1]) Savary des Bruslons. Le Parfait Négociant. 1674. II, p. 198.

ским в кредит на год и даже на два, и закупать товары на наличный расчет, причем они знают хорошо свою клиентуру и умеют различать среди русских купцов добросовестных плательщиков от недобросовестных и, в случае банкротства, могут избежать неприятных последствий. Наконец, торговля Нидерландов сопряжена с меньшим риском, ибо в Амстердаме учреждено общество морского страхования, имеющее 60 военных кораблей, которые сопровождают торговые суда и охраняют их от нападения пиратов.

Однако, Савари находит, что если до недавнего времени голландцы действительно имели такие преимущества, то в настоящее время положение изменилось, и французы могли бы производить с таким же успехом торговлю с Московией.

Недавно — говорит он — образовалась северная компания, которая посылает свои суда в Балтийское море и вывозит французские товары в прилежащие к нему страны, в последних же закупает корабельный лес; так что постройка французских судов стоит теперь не дороже, чем голландских. Если голландцам дешевле обходится содержание экипажа, то эта выгода вполне компенсируется тем, что им приходится закупать экспортируемые в Россию товары во Франции и до отправки их выгружать в Амстердаме, а затем из складов снова нагружать на суда. Вследствие этого, они вынуждены уплачивать дополнительные пошлины в Нидерландах при ввозе и вывозе, от которых французы свободны, не говоря уже об утечке при этом вина, спирта и других жидкостей.

И в Париже недавно образовалось страховое общество, в котором даже голландцы страхуют свои суда. Оно не имеет, правда, конвойных судов, но последние нужны главным образом лишь во время войн.

Но одно соображение, говорящее в пользу нидерландской торговли, Савари во всяком случае признает. Голландцы имеют много опыта в торговле с Московским государством и помещают в ней значительные капиталы, ибо сыновья купцов становятся также купцами, при вступлении в брак детям даются крупные средства, так что они начинают дело с большими суммами, чем имеет самый богатый купец во Франции, который направляет своих детей в другие профессии. В то время, как во Франции они покидают промысел отца, в Нидерландах капитал не уходит из торговли, остается в семье и возрастает, благодаря бракам между купеческими семьями. По этой причине французы в состоянии успешно развивать свою торговлю лишь при помощи крупных компаний. [1]).

Таким образом, голландцы заняли в XVII ст. первое место в торговле с Московским государством по тем же причинам, в силу которых они стали вообще первым торговым народом в эту эпоху, признанными всеми фрахтовщиками, мореплавателями и купцами, посредниками между самыми различными

[1]) Savary. Le Parfait Négociant. II, p. 202 сл.

странами [1]). Это положение Нидерландов создалось прежде всего, благодаря обилию привозимых ими материалов для постройки судов и приспособленности их, как приморских жителей, к мореплаванию. Оба эти момента дали им возможность создать большой торговый флот, флаг которого развевался на всех морях, как и обеспечить дешевизну фрахтов. С другой стороны, наличность значительного, вполне сформировавшегося и опытного торгового класса, в пределах которого предприятия переходили от отца к сыну, составляла характерную особенность голландцев. А знакомство их с обычаями тех стран, с которыми они торговали, в данном случае с купечеством Московского государства, с его привычкой закупать товары в кредит, с кредитоспособностью отдельных лиц, доставляло им преимущество перед купцами других национальностей.

II.

О предметах торговли России с Западной Европой дает представление единственная сохранившаяся от того времени торговая книга, составленная—по словам напечатавшего ее И. И. Сахарова—в 1575 и 1610 г.г. Эту торговую книгу не следует смешивать с теми торговыми книгами различных купцов западноевропейских государств, которые сохранились в иностранных архивах и в последнее время найдены и опубликованы. В то время, как последние представляют собою записи доходов и расходов, различных, совершенных этими купцами, операций, являются бухгалтерскими книгами, упомянутая торговая книга, сообщающая нам сведения о торговле Московского государства, есть ничто иное, как руководство, составленное для русских купцов. Она называется: «книжка описательная, како молодым людем торг вести и знати всему цену, и отчасти в ней описаны всяких земель товары различные, их же привозят на Русь немцы и иных земель люди торговые». В отличие от однородных руководств для торговцев, составленных в эту эпоху в других странах, наша торговая книга однако ограничивается сообщением мер и весов и монет, перечнем привозных и вывозных товаров и указанием цен на них покупных и продажных, причем по поводу отдельных товаров, в особенности экспортируемых, даются некоторые полезные для купцов указания. Но ни торговые пути, ни города, ни пошлины, ни всякие иные приспособления для торговли и не указываются, как и нет ничего об иностранных государствах, с которыми Русь ведет торговлю.

Мы не знаем, — говорит И. И. Сахаров, — ни причин, побудивших автора к составлению этой книги, ни цели, ни имени его. «Без всякого

[1]) См. мои Лекц. по истор. экон. быта Зап. Европы, 6 изд. II, стр. 131 сл.

сомнения: она могла быть составлена только торговым человеком. Из самого состава ее видим, что этим делом занимался человек опытный и сведущий в торговых делах, человек осторожный и знающий хорошо русскую и заграничную торговлю своего времени», в особенности цены русских и иностранных товаров [1]).

Костомаров утверждает, что в XVI и XVII в.в. было в обычае составлять торговые книги или памятные записки о торговле, однако, он тут же вынужден прибавить: как это показывает одна уцелевшая торговая книга. Напечатано три различных списка торговой книги [2]); можно предполагать, что всего списков было пять, но все же все это экземпляры одной и той же торговой книги, хотя отдельные списки в частностях и розняться между собой. Наличность ряда списков свидетельствует о значительном распространении этой торговой книги среди московского купечества, но о других торговых книгах нам ничего не известно. А. В. Тищенко полагает, что эта торговая книга была составлена не позднее 1585 г., так как в ней нигде не упоминается об Архангельске, и что она происхождения не правительственного, а частного, ибо там не использованы ни сведения, полученные от официальных посольств заграницей вообще, ни данные, касающиеся торговых сношений с Англией в частности. В 60-х и 70-х годах XVI в. русские купцы уже побывали в Антверпене, в книге же наибольшей полнотой отличаются сведения относительно цен на товары в «Голантех и в Брабанех» или главном городе Брабандские земли—Антропе (Антверпене) [3]). Она представляет собой «ценник» (прейс-курант) товаров: такие памяти товаров или письма—донесения о ценах сохранились от того времени и могли послужить материалом для составления книги.

Рассмотрев весы и меры («память, по чему знати купить разные всякие рухляди весчее и в аршинех»), автор во второй части трактует о деньгах и о привозимых в Россию товарах: «память товарам немецким (т.-е. иностранным) всяким, и ефимкам, и золотым, и сукнам, и жемчугам, и всякой купеческой рухляди, почему на Москве и на Мурманском и в немцах купят и продают».

Привозные товары распадаются на одиннадцать групп. Прежде всего идут сукна («о сукнах всяких»), причем автор дает совет: «сукна смотрите, чтобы были краскою чисты, лежен бы и чалин и полос не было, гниль выщупывай и не местоваты бы были». Перечисляются всевозможные сорта—«брюкин (от г. Брюгге), полубрюкин, аглинские, свицкие (шведские), лимбарские (лимбургские), сукна, что делают в Брабанех

---

[1]) Торговая книга. Записки отд. Русск. и Славянск. археологии Имп. Археологическ. Общ. I. 1851. Стр. 106.

[2]) Зап. Отд. Росс. и Слав. Арх. Имп. Археолог. Общ. Т. I. 1851. Времен. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1850. Кн. VIII. Сборн. Муханова, изд. 2-е. 1866 г. В дальнейшем излагаем по первому списку, изд. Сахаровым, наиболее полному и наиболее систематично составленному.

[3]) Тищенко. Торговые книги, как исторический источник (В сборн. Его работы. Статьи о нем. 1916). Стр. 35 сл., 38 сл.

(в Брабанте)». О сукне брюкиш говорится: «середняя мера 35 аршин, а мерные приходят и больше; а цвет в брюкишех лучший синь, лазорев, аспиден и голуб». По поводу французских сукон сказано: «по русски шарлат, а иным их суконам имян не знаем и в лавках их нет». Цены против каждого сорта обозначены по стоимости его в Нарве: «в Ругодиве купили». Указано повсюду название их «по немецки», но из этих названий видно, что это не немецкие, а голландские. Очевидно, автор имел дело с голландцами, которые торговали сукном в Нарве.

Другой отдел трактует «о всяких камениях»: яхонт, бирюза, наждак, яшур, вареник, вениса и т. д. «А вы пытайте наждак, чем обрабнивают, а купят фунт наждаку в 3 алтына. А вы у мастера поучитеся, как алмазят камень и обделывают, и режут». Далее читаем: «почали ныне в изумрудный цвет делати достаканы лживые, а говорят свинцом подделывают стекло; и вам изумруд пытати изумрудовою трескою; и будет не имет его треска, ино то прямой изумруд, а имет треска, ино то поддельное стекло; в изумруде дорогом, что в зеркале видится вид человека».

Затем идет небольшой отдел о жемчугах («жемчужные зерны гурмытские смотри, чтобы были окатны, и сходчивы, и водой бы были чисты, а цена по зерну смотря») и отдел «о сахарах, кореньях и семях», в котором перечисляются привозимые в Россию пряности и благовония с указанием, сколько они стоят в Голантех (в Голландии), откуда привозятся: «анису фунт, коли дешев, 8 денег плати, а дорог 3 алтына; в Голанте платят фунт по 10 стоверше́й, а стоверш русские две деньги». Здесь находим и «цытварной корень, что к болезням дюже гожь», и солодковый дубец и ревень, где «корень толст, как лошадиные копыта», и «орехи скатные, лучшие, зеленые», и сахар разных сортов—«головной желтой, головной на бело, коробчатый, на спицах, леденец, на инбире». Привозилась и гвоздика целая, серая без мелочи, и кардамон, «что в питье кладут по зернышку», перец, шафран, тмин, ладан, фимиам, мушкатные свежие орехи, о которых сказано: «а знати мушкат коли свеж, уколи его, ино сок выступит, а в сухом соку нет»; много и других колониальных товаров, привозимых голландцами из Ост-Индии, Зондских и Молукских островов в Амстердам и оттуда в другие страны, в том числе и в Московское государство.

В последних пяти отделах перечислены бакалейные товары («о солях и красках»)—купорос, квасцы, мышьяк, нашатырь, сулема и камфара, мастика, далее металлы, из которых привозилось олово разных сортов из Голанской земли (Голландии), из Антропы (Антверпена), медь и медная проволока, железо и железная проволока, кожи чацкие, свитские, угорские, средние, большие, посольские, вина бочками(ренское, конарское, муш-

катель, романея и т. д.), «золото цевочное» (пряденое) и наконец «разные товары». В этот последний отдел входят всевозможные товары: мыло шпанское (испанское) бруски (его) велики, пестры, бумага хлопчатая, нитки немецкие, гарус, кружева, бархат, камки и тафты разные; но сюда же попали лимоны, чернослив, грецкие орехи [1]).

Всего указано в торговой книге 170 видов привозимых иностранцами товаров. Как мы видим, наибольшая часть их состоит из предметов роскоши. Таковы и стоящие на первом плане иностранные сукна, и камни, и жемчуг, и пряности, и благовония, и пряденое золото, и, наконец, «разные товары»—кружева, камка, бархат, гарус. Предметом роскоши являлось в те времена и мыло, как и писчая бумага. Остаются лишь две группы, товары коих не входят в состав предметов роскоши: соли и краски (купорос, нашатырь, мышьяк и т. д.) и металлы («о свинце, олове, о меди и о железе»)—последние, вероятно, главным образом применялись для выделки оружия.

Главным предметом английского привоза являлось сукно, на которое спрос усилился с тех пор, как овчинные тулупы стали заменяться кафтанами, при чем излюбленным цветом считался голубой. Вообще русские, по словам иностранцев, предпочитали цвета яркие и линючие. В XVII ст. голландцы удачно вытесняли своим более дешевым камлотом английские сукна: правда, он был непрочен и оседался в поске, русские же видели в этом доказательство новизны. Но это, повидимому, имело место только после того, как англичане в 1649 г. потеряли свои привилегии, ибо в 1621 г. Московская компания еще утверждала, что она экспортирует в Россию больше сукна, чем англичане вывозят его в другие страны, а при Карле I она сделала попытку, впрочем неудачную, заключить с царем контракт на ежегодный привоз из Англии 100 тысяч штук сукна; по расчету англичан, бояре и дворяне должны были покупать ежегодно до 25 тыс. штук тонкого сукна, средние классы—25 тыс. штук второсортного, а потребителем остального более грубого явился бы простой народ и крымские татары.

Далее англичане привозили олово, свинец и медь, неоднократно обязывались также доставлять «200 мушкетов добрых и иную ратную сбрую», порох, серу и другие предметы военного снаряжения, чем приобрели в особенности расположение Грозного [2]).

Савари перечисляет следующие товары, вывозимые из Франции в Московию (главным образом, через посредство голландцев). Соль, вина из Бордо и Анжу, при чем среди последних должно быть на ¾ красных и только на ¼ белых, спирт и уксус. Много вывозилось, по его словам, из Франции писчей бумаги, всякого рода пряностей, сухих фруктов, домашней утвари и ремесленных инструментов. Но наибольшее значение имеет вывоз в Московию канадского бобра, сбыт кото-

[1]) Торговая книга. Записки Археолог. I. 118 сл.
[2]) Любименко. 1916. XII. 153 сл.

рого там особенно выгоден по той причине, что это единственный товар, который можно продать за наличные деньги, тогда как в отношении прочих товаров это почти немыслимо. При этом бобровый мех должен быть новый, т. е. еще не ношенный туземцами, шкура должна быть тонкая, а волосы длинные и густые. Русские—рассказывает Савари—вычесывают шерсть и продают ее снова голландцам и англичанам, которые везут ее обратно во Францию, мехами же они отделывают платье, как мужское, так и женское [1]).

Для московских царей, наряду с приобретением «узорочных товаров» за границу, представлял наибольший интерес привоз оттуда оружия и пороха. Оружие доставлялось иностранными купцами, но для закупки его отправляли и специальных лиц, напр., в 1618 г. с этой целью ездил в Гаагу Иван Баклановский, в 1628 г. золотых дел мастер Эксель; в 1630, 1631, 1637, 1655, 1657 г.г. велись переговоры о покупке мушкетов в Нидерландах, заказывались там пушки и ядра, заключались договоры на поставку их с различными голландскими купцами. В 1653 г. были посланы в Голландию для закупки пороху, карабинов, мушкетов, пистолетов, свинцу иностранцы Андрей Виниус, Роман Болдвинов, Говен, а также под'ячий Герасим Головин и толмач Дрябин [2]). В 1660 г. также отправлялись за покупкой оружия два голландца, а после них гость Петр Микляев. В 50-х годах неоднократно ездил в Нидерланды, по поручению царя, переселившийся в Россию англичанин Иван Гебдон, который, подобно Виниусу и Сведену, получил титул комиссариуса. Он привозил оттуда мушкеты, порох «списы» (шпаги), а также разного рода сукна, «платья солдатское, в чем шпанские салдаты ходят»; но ему приказывалось также привезти кружева, «в каких ходит шпанский король», а царь приписал «и французской и цесарь», «зеркал больших, хороших», «снастей подкопных», «птиц певчих и непевчих и всяких заморских диковинок»; он обязан был и нанять разного рода мастеров. Гебдон завел в различных городах, Любеке, Амстердаме, Митаве агентов из местных купцов, которым давались поручения и которые получали из Москвы подарки и даже жалованье «гостинным имянем» [3]).

В 54 статьях торговая книга перечисляет, под названием «память как продать товар русской в немцех», вывозимые из Руси товары, причем даются пространные советы относительно того, как следует поступать с отдельными товарами, на какое количество брать заказ, как условливаться с иностранцами на счет поставляемых товаров, как их приготовлять, сообщается, какие цены на них существуют в Голандской земле, в Брабанех (в Брабанте), в Шпанех (в Испании), в Цесарской земле (в Австрии).

---

1) Savary des Bruslons. II. 188. 196 сл.

2) Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России. Т. I. 1894 г. Стр. 175 сл.

3) Гурлянд. Иван Гебдон. 10 сл., 14 сл. 19—33 Прил. №№ 2, 5, 6.

Так прежде всего идет сало говяжье: «в Брабанех купят пуд по 1 рублю, в Шпанех купят пуд 2 рубля... а делают из сала сальные свечи, а с теми свечами делают в погребах бархаты и камки... И ты по заказу имайся (бери подряд) за 200 берковец поставити... А учнут немцы про товары заказывати, приготовити к их приходу: к новому лету, на Иваново Рождество или на Петров день... А сказывают в Брабане всякое морское сало в бочках продают, по 4 рубля и дороже бочку, делают из того сала мыло». Дается подробное описание приготовления заказанного сала «на немецкий обычай». Воск—«с кем будешь сговариваться имайся продать за 100 берковец, да наперед спросити: по сколько пуд в круге делают в Голанской земле воску? Ныне на посмех дешев, нет провоза». Телятники белые и малые, «опушают ими платье за место горностаев»; кожи яловичьи сырые—«на Мурманском брабанец Давыд покупает, не по один год»; рукавицы. Затем следуют разнообразные меха (песцы, куницы, выдры, белки, бобры, норки, горностаи, лисицы, соболи—«немецкие жены на вороту их носят»). Мед; лен чесаный, конопля; пряжи канатные и готовые канаты—«и ты держи стовор на 100 берковец, а в то число распроси: сколько ему в какую толщину и в длину делати?»

Далее идет масло коровье, мясо, смола, деготь, слюда «окоиичная», пшеница, клей-карлук (рыбий), зола—«а делают золою кожи, мыла и сукна красят». Семги кольские и треска сухая, коя сушена на вешалах. «Солят немцы семгу: порят с хребта, очи, щеки и нарост вырезают». Относительно трески: «с сколькими ценою сговоришь, имайся за 200 тыс. рыб., а не осмотряся, больше того не имайся. И в приговоре с ним примолвишь: а пошлет Бог будет и коли добудешь больше того, взяти по той же цене приговорной» (т.-е. покупатель, в случае большего улова, обязан взять и сверх условленного по той же цене). Наконец, вывозятся гвозди сапожные, сошное железо, мыло вологодской вари и борисоглебское. Кроме этих двух-трех товаров, вывоз, как мы видим, состоит целиком из сырья, именно из предметов животноводства (кожи, масло, мясо, сало), рыболовства, звероловства (меха, воск, мед).

В заключение автор советует «расспрашивати у англинцов и у иных немцов», не нужен ли им персидский (шемахинский) шелк: «почему вам сырой и некрашеной шелк в толстой и средней нити дадут за фунт?.. И распрося, что скажут, вели у себя подлинные их речи написати, чтобы нам вперед про шелк вестно было и надобе ли привозити его». Уславливаться надо заранее и с корабельщиками («с корабельными ходаки») «лет на 10: почему ему на год имати и по скольку пудов ему клади привозити» [1].

[1]) Торговая книга. I, 129 сл.

Для того, чтобы определить, какую роль играли в нашем вывозе отдельные товары, необходимо ознакомиться с таблицей архангельского отпуска, которая извлечена де Родесом из архангельских таможенных книг и содержится в его «Донесении» [1]). Ценность вывоза по отдельным группам товаров следующая (в тысячах рублей).

Меха	98,0
Кожи	370,9
Шпик и мясо	33,0
Сало	126,6
Свиная щетина	25,6
Поташ	120,0
Икра	30,0
Воск	15,7
Москательный товар . . .	14,8
Ткани	23,0
Прочие товары	30,0
Итого .	887,6
К этому присоединяется персидский шелк, вывозимый раз в три года, третья часть составляет	13,5
Хлеб и льняное семя (но хлеб вывозится не ежегодно, а лишь при высокой цене)	264,4
Всего вместе	1165,5

На первом плане стоят кожи, экспорт которых равняется почти трети всего вывоза, весьма важны сало, поташ и меха Вывоз этих четырех товаров составляет 715 тыс. руб. или 61 проц., т.-е. почти две трети всего русского экспорта. Однако, в состав кож входила и юфть, которая являлась единственным экспортируемым предметом промышленности [2]). Остальные изделия, напр., холст, играли минимальную роль.

И Савари среди вывозимых из России во Францию товаров называет прежде всего меха—соболь и горностай, из которых делаются муфты и воротники, шерсть канадского бобра (который—как мы видели—в Россию вывозится), сбываемая во Франции шапочникам, далее кожи козлиные, медвежьи, волчьи, щетину свиную, которою пользуются сапожники, седельники, шорники и другие ремесленники, наконец, лен и

[1]) Донесение де Родеса, 163 сл.
[2]) См. выше, стр. 204.

пеньку, рыбу, рыбий жир, сало, деготь, воск и поташ для выделки мыла и других товаров [1]).

Англичане придавали наибольшее значение вывозу из России товаров, необходимых для снабжения обширного создаваемого ими флота. Московская компания закупала в России пеньку, смолу, готовые снасти и крупные канаты, и все это продавала в Англии казне для флота. Когда в 1604 г. в парламенте раздавались нападки на компанию, в заслугу ей была поставлена доставка из России оснащения для кораблей. Канаты компания производила и сама в России из русской пеньки, и остиндская компания не раз заявляла, что русские канаты самые лучшие. Но она покупала и сырую русскую пеньку для переработки—после 1649 г., повидимому, закрылись английские канатные дворы в России и вывозились уже не канаты, а пенька. Вывоз смолы, необходимой для осмоления канатов, составлял первоначально привилегию английской компании, но позже монополия этой торговли перешла в руки голландцев, и англичане безуспешно старались отбить ее у них или, по крайней мере, добиться разрешения вывоза смолы. Зато сильно развился моржевый и китовый промысел англичан и добывание из китов ворвани, на которую пред'являлся большой спрос мыловаренными заводами. Хотя эта деятельность англичан сопровождалась кровавыми столкновениями на море с голландцами, компания все же ежегодно ввозила в Англию значительное количество ворвани и китового уса.

Много хлопотала компания о разрешении ей вывоза зерна, который в XVI в. являлся заповедным товаром, позже мог уже свободно экспортироваться, но только с уплатой пошлины; но это-то англичанам и не улыбалось. Помимо компании, неоднократно обращался английский король Карл I с просьбами о дозволении вывоза хлеба отдельным англичанам и даже не-англичанам. Такие рекомендательные грамоты к царю и патриарху король выдавал за деньги, и голландцы уверяли, что этот хлеб предназначается не для устранения голода в Англии, а для обогащения частных лиц. Это обстоятельство, как и заявление агента компании, что она к этим ходатайствам не причастна, вызывало отказ царя. Вообще на русский хлеб был большой спрос: шведская королева Христина и Нидерландские Штаты даже готовы были платить царю за зерно оружием и посылали ему в подарок пушки, мушкеты и снаряды—излюбленные предметы русских царей [2]).

Действительно, не только англичанам, но и другим народам—шведам, датчанам неоднократно давалось разрешение вывоза хлеба из России [3]), но только каждый раз особо и всегда с ограничением вывоза определенным количеством. Больше всего же хлопотали о вывозе хлеба голландцы, которые даже проектировали создать для этого специальную компанию и добивались монополии экспорта хлеба из Московского государства, а равно разрешения устроить в России нидерландские земледельческие колонии для распашки земель и производ-

[1]) Savary des Bruslons. II. 190 сл.
[2]) Любименко. Ж. М. Н. П. 1916. XII. 157—75.
[3]) О вывозе хлеба датчанами см. напр., Р. И. Б. XVI. № 121. (1629 г.).

ства необходимого Нидерландам количества хлеба. С этой целью и было отправлено посольство Бурха и Фелтдриля в 1630 г., которое, однако, не достигло никаких результатов. Было дано лишь попрежнему разрешение вывезти определенное количество хлеба и только [1]). Впоследствии же Нидерландские Штаты ходатайствовали лишь о дозволении вывезти то или другое число ласт зерна, и обычно получали такое разрешение, хотя дозволенное количество и было нередко значительно ниже просимого. Так мы знаем, напр., что в 1675 г. нидерландскому послу фан-Кленку было разрешено купить и за море вывезть 20.000 четв., а по челобитью амстердамских бурмистров и ратманов Фредерику Блуму 10 тыс. четв., да в то же время по челобитью «голландские земли торгового иноземца московского жителя Вагромея Меллера, чтоб амстердамских жителей не допустить до конечной в хлебе скудости, и чтоб то дело заранее упредить», велено было «на хлебную ж покупку дать ему из... казны денег 15 тыс. руб. и велено ему на те деньги сверх того вышеупомянутого числа 30 тыс. четв. в поморских городах купить хлеба и за море везть безо всякого задержания» [2]).

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Переход к денежному и товарному хозяйству, торговые города и расширение внутреннего рынка.

Литература.

(Источн. см. стр. 3 сл.). *Костомаров.* Очерк торговли Московского государства XVI — XVII ст. 2 изд. 1889. *Богачов.* Наша торговля и промышленность в старину и теперь. 1891. *Коломинский.* Торговля солью на Руси в XVI — XVII в. 1912 (Киев. Унив. Изв.). *Яницкий.* Торговля пушным товаром в XVII ст. (Там-же). *Богородицкий.* Очерк торговли Нижнего-Новгорода за XVI и XVII в. (Там-же. 1914). *Веселовский.* Семь сборов запросных и пятинных денег. 1909. *Вулих.* Из мира торговых отн. в Москве в XVII в. („Россия и Запад". 1923). *Довнар-Запольский.* Торговля и промышленность Москвы 16 — 17 вв. 1910. *Сташевский.* Пятина 142 г. (Ж. М. Н. П. 1912. IV. V) *Загоскин.* Русские водные пути в до-петр. Руси. 1909, а также лит., указ. в гл. VI, в особ. соч. *Смирнова, Шиманского, Некрасова, Симсона, Мерцалова, Ильинского, Побойнина, Белоцерковского, Гневушева, Любомирова, Виноградова, Огородникова, Хлебникова,* особ. же *Платонов* (Смутное время), *Чечулин* (Города XVI ст.) и соч. по истории монастырского хозяйства (*арх. Досифея, арх. Макария, Н. К. Никольского, Грекова, Голубинского* и др.).

I.

Эпоха XVI—XVII ст. представляет собой—как указано выше—период постепенного перехода к денежному и товарному

[1]) С. Р. И. О. 116, стр. CLXXXIII, сл. CCXXV, сл. CCXL, сл. CCLVII. 123 сл.

[2]) Посольство Куприда фан-Кленка, LXXIX.

хозяйству. Развитие в том и другом направлении идет рука об руку. Мы уже могли установить выше замену натуральных платежей денежными в двух важнейших областях хозяйства— в крестьянском хозяйстве, вследствие перевода натуральных оброков (как и иных крестьянских платежей) в денежные, и в вотчинном хозяйстве в виде оплаты промышленного труда, как и иных работ и услуг в денежной форме вместо прежде выдаваемой одежды, предметов продовольствия и т. д. В дальнейшем положение об установлении денежного хозяйства подтвердится и данными относительно превращения натуральных повинностей, отбываемых в пользу государства, денежными податями, как и взимания всякого рода торговых сборов деньгами.

Среди указанных явлений, знаменующих переход к денежному хозяйству, наиболее существенно широкое распространение денежных оброков и податей, так как они затрагивали массы населения—крестьянство и тем самым производили переворот в их хозяйстве, заставляли переходить к расчетам на деньги с одной стороны, выбрасывать свои произведения на рынок, с другой стороны, для приобретения нужных для уплаты податей и оброков денежных сумм. Таким образом, денежное хозяйство по необходимости влекло за собой товарное хозяйство, обращение крестьянина к рынку, создание рынка для сельскохозяйственных продуктов.

Иностранец Даниель Принц (XVI ст.) рассказывает, что производимые в крестьянском хозяйстве продукты скотоводства и плодоводства не потребляются крестьянами, так как им приходится эти произведения продавать на стороне [1]). Но это относится и к хлебу. Так в житии Даниила Переяславского рассказывается о том, как в начале XVI ст. соседние крестьяне отправлялись в Переяславль, «во град на куплю несущи от своих трудов земленых плодов и прочево мена и от животных; они ходили до светения утру еще тме сущи, дабы на торговище ранее успети» [2]). Крестьяне Звенигородского уезда отправляются «к Москве с своим хлебом на продажу» [3]). С Ваги крестьяне ездят к Холмогорам с хлебом, с сермяжными сукнами, с овчинами и с маслом [4]). В г. Торопец окрестные крестьяне везут на продажу не только кожи, но и хлеб, сено, солому [5]). Котошихин рассказывает, что после выпуска медных денег крестьяне «не почали в городы возить сена и дров и с'естных запасов» и произошла «дороговь великая» [6]). Очевидно, подвоз кре-

[1]) Даниель Принц. Начало и возвышение Московии. (Чт. О. И. и Др 1876. IV).
[2]) Цит. у Рожкова, Сельск. хоз. XVI ст. 283.
[3]) А. А. Э. I. № 201.
[4]) Там же. III. № 112.
[5]) Побойнин. Торопецк. Стар. 279.
[6]) Котошихин. О России и царств. Алексея Михайлов., 99.

стьянами сельско-хозяйственных продуктов в города составлял явление обычное. Крестьяне одной из вотчин боярина Морозова (в 1650 г.) жалуются: «и нам сиротам вскоре твоего оброку платить нечем... хлеба еще не молачивали... хлеба продать на твой оброк до зимнего пути отвезть нельзя». И боярин, понимая, что до продажи своего хлеба крестьяне не в состоянии внести оброк деньгами, разрешает «им дать сроку до зимнего пути» [1]). Такое же значение имел для крестьян и платеж податей. «А что, государь, возмем на Колмогорах за хлеб или на Вологде за сол»—заявляют важские крестьяне в 1615 г.—и теми денгами платим тебе государю... в твою государеву казну твои государевы подати» [2]). И при взимании пятинного сбора 1634 г. упоминается о крестьянах, которые «на плотах к Колмогорам с своим хлебом плавают», как и о крестьянах на Устюге, которые «для податей продавали хлеба ржи или ячменя или овса и хмелю четверть или десят или двадцет и сукно и скотину... и теми денгами платят твои государевы подати» [3]). Названный Устюг Великий, который был весьма важным хлебным рынком для севера, торговал по преимуществу крестьянским хлебом—оживление с крестьянским хлебом начиналось уже весною, в особенности он шел «о Прокопьеве дни» [4]). Серпуховскому купцу Сокольникову двое крестьян подмонастырской слободы (в 1700 г.) подрядились поставить «чистой пеньки, какова нынешнего года будет, 200 пудов». В другом случае читаем: «монастырские крестьяне и бобыли для своих нуж, сплетчи лапти и свезав чюлки и рукавицы, выпяся в торг в город (Серпухов) продают для покупки соли и иного домачнего харчю» [5]).

Таким образом и необходимость приобретения таких предметов первой необходимости, как соль, заставляла крестьянина обращаться к рынку, как в качестве покупателя, так и в роли продавца. Для рассматриваемой эпохи у нас имеются сведения о том, что крестьяне производили и торговые операции, т.-е. занимались перепродажей закупаемых ими товаров [6]). Есть основания предполагать, что такая торговля возникла и развилась в тесной связи со сбытом произведений собственного хозяйства, в особенности продуктов земледелия и скотоводства. Отсюда дело пошло уже дальше и крестьяне стали прикупать и продукты других крестьян для сбыта и их на различных рынках. Не следует, конечно, преувеличивать значения обмена для крестьянского хозяйства того времени, так

[1]) Забелин. I. 30.
[2]) Всеволовский. Семь сборов. Прил. № 22.
[3]) Сташевский. Пятина. 142 г. Ж. М. Н. П. 1912. IV. 260—61.
[4]) Там же. V. 103. См. ниже, стр. 314 сл.
[5]) Симсон. 217, 237.
[6]) См. ниже. стр. 344 сл.

как—как мы видели—оброк часто вносился еще в форме доли урожая или в виде посопного хлеба и точно также различные повинности отбывались отчасти натурой, лишь постепенно заменяясь денежными платежами. Самый переворот в крестьянском хозяйстве мог совершаться лишь мало-по-малу. Но во всяком случае переход к денежному оброку и к денежным податям, как и частичная замена барщины денежными платежами должна была оказать свое влияние и вызвать оживление обмена и расширение рынка, вовлекая в него и крестьянское хозяйство.

Но точно также и вотчины, даже самые крупные, отнюдь не являлись уже замкнутыми хозяйствами.

Как духовные, так и светские землевладельцы не могли обойтись без рынка, без закупки всевозможных сельскохозяйственных продуктов и промышленных изделий, нередко обращаясь для этого в города, расположенные в весьма отдаленных друг от друга местностях. Получая денежные оброки, они могли приобретать на последние нужные им предметы. Но и оброк в натуре давал им возможность, сбывая получаемые в качестве последнего произведения, приобретать на вырученные деньги другие, ибо далеко не все, что доставлялось крестьянами, могло быть потреблено в собственном хозяйстве. А с другой стороны, и при наличности натуральных оброков было недостаточно тех или других продуктов, нередко даже хлеба, и приходилось их прикупать. Излишки в произведениях сельского хозяйства оказывались и благодаря барщинной запашке, поскольку она существовала. Наконец, в монастырях средства для закупки товаров доставляли и многочисленные денежные вклады, вклады же в вещественных ценностях нередко реализовали путем продажи. Так, напр., в приходных книгах Болдина Дорогобужского монастыря записано: «продана шапка Федоровская Потемкина, отлас червчат», «продан опашень червчат Стефановы жены Корочарова», «продано полукафтанейцо золотное мезиновское Лызлова»,—все это, очевидно, вещи, полученные по вкладам. В некоторых случаях это прямо указано: «проданы ошвы, шиты серебром да золотом... дачи Елизарья Бортенева», «продан конь коур, что дан по иноке Варсунофье» [1]). Но главное значение среди продаваемых этим монастырем предметов имели, конечно, не эти предметы роскоши, как и не такие случайные вещи, как серебряные позолоченные пуговицы с жемчугом, которые купила княгиня Анна Ростовская, или как евангелие, проданное княгине Домне Ноготковой [2]), а сельскохозяйственные продукты, получаемые частью в виде оброка, в особ. пенька, конопля, крупа гречневая, далее скот—лошади, коровы, козлы,

[1]) Прих.-Расх. кн. Столб. 188, 192, 199, 210, 219, 229.
[2]) Там же. 208, 220, 241.

овцы. В одном случае продано, напр., пеньки на 99 руб., сумма очень большая по тому времени, в другом 17 коров и быков, в иных—7 коров или же 9 баранов и т. д. [1]).

Но в то же время этот монастырь закупал самые разнообразные предметы, как сельскохозяйственные, так и промышленные. Среди первых находим рыбу, сено, икру, масло, дрова, соль, овес, сыр, арбузы и дыни, семена овощные и многое другое, иногда и рожь. Вторые заключаются во всевозможных предметах, относящихся к одежде, посуде разного рода, утвари, как деревянной, так и железной и т. д. [2]).

Кирилло-Белозерский монастырь имел для прокормления братии и монастырских служней собственную рожь, овсяную и ячневую крупу, толокно и соль. Прочие же с'естные припасы ему приходилось покупать, именно гречневую крупу, горох, семя и масло конопляное, мед, лук и чеснок, перец, рыбу, вязигу, икру, отчасти и масло коровье. В 1601 г. за все это было заплачено 591 руб. Кроме того назначено было 506 руб. в год на приобретение платья для братии и 300 руб. на платье прислужникам. Наконец, на поддержание строений монастыря и вообще на хозяйство было ассигновано 233 руб. 20 алт., на что следовало купить предметы церковного обихода—ладан, темьян, масло деревянное, вино церковное, сало на свечи; далее для хозяйства—железо, твозди, лодки, лапти, рукавицы, хомуты, седла, смолу, деготь и т. д. [3]). С другой стороны, монастырь сбывал продукты своих промыслов—рыбу и в особ. соль. Избытков хлеба у него не было, рыбы в XV и в XVI ст. также не хватало на братию и приходилось прикупать ее, но с начала XVII ст., с приобретением новых ловель, оставался уже излишек, который шел в продажу, хотя в то же время известное количество рыбы приобреталось, так как монахи желали иметь свежую или особенного качества рыбу. Особенное же значение имел для монастыря соляной промысел, который давал возможность монастырю продавать соль в широких размерах, выручая крупные суммы. В 1638 г. ему предоставлено сбывать 40 тыс. пуд. беспошлинно [4]).

Таким образом, Кирилло-Белозерский монастырь нуждался в рынке, выступая на последнем в равной мере как в качестве продавца своих произведений, так и в качестве покупателя сельско-хозяйственных и промышленных изделий. Точно также, как видно из приходо-расходных книг Нижегородского Благовещенского монастыря, он закупал разнообразные запасы—рожь,

---

[1]) Прих.-расх. кн. 204, 219, 225, 228, 242, 243, 249.

[2]) Там же 1—10, 189 и др. См. выше, стр. 217.

[3]) А. А. Э. II. № 204. Арх. Строева. II. № 473. Никольский. 248 сл. 120, 125, 138. Прил.

[4]) А. А. Э. III. № 283. См. также выше, стр. 228 сл.

рыбу и икру, масло и яйца, мед, хмель, сальные свечи, лошадей [1]).

О связи других монастырей с рынком мы узнаем из жалованных грамот, предоставляющих им право беспошлинно сбывать свои продукты и закупать нужные им предметы, которые и перечисляются в грамотах. Из них мы можем усмотреть, что северные монастыри продают продукты своих рыбных ловель и соляных варниц в обмен на хлеб, одежду для братии и служников, нужные для церковных треб и для монастырского хозяйства предметы. Так поступал и Антониев-Сийский монастырь, и Соловецкий, и Волоколамский, и Кирилиев-Комельский [2]). В грамоте Кольскому Печенгскому монастырю (1675 г.) находим перечень самых разнообразных предметов покупки, из чего видно, насколько монастырь нуждался в рынке для удовлетворения своих потребностей, в том числе и для обслуживания своих соляных варниц. Покупаются «хлебные запасы и на монастырьской обиход и к соляным варницам, рожь, и ячмень, и овес, и солод, и крупы, и толокна, и семя конопляное, и масло, и мясо, и пшеница, и горох, и мед на кутью и воск на свечи». А затем идут промышленные изделия «на платья холсты, и точила, и сукна всякии, и обувь, и на обувь всякие кожи дубленые, и юфти белые и красные, и конопля, и пряденое всякое на неводы, и на сети, и на подольники, и на судовую снасть, и на лодейные шреймы, и на заводы (повидимому, рыбные), и смолу, чем суды смолить» [3]).

Ярославский Спасский монастырь имел собственные рыбные ловли и все-же закупал осетров, белугу, севрюгу, семгу, визигу, потрохи, икру, не говоря уже о целой массе других продуктов, в том числе и хлебе [4]). Напротив, Солотчинский монастырь, получая в виде оброков огромное количество сельскохозяйственных продуктов, отчасти и промышленных изделий (из дерева, шерсти), а также, имея собственную запашку, свои скотные дворы, свои огороды, не только не нуждался в закупке предметов сельского хозяйства, но мог еще продавать излишки хлеба, как и скот разного рода. Но и ему приходилось покупать некоторые предметы, не только принадлежности церковного богослужения—вино, свечи и т. д., но и для хозяйства, железо, топоры, горшки, решета, неводы, бумагу, «конюшенные припасы» в виде телег, сашей, седел и многое другое [5]).

Еще более любопытным примером стремления производить все необходимое в собственном хозяйстве, собирать все нужное с крестьян, а сверх того, содержать свои скотные и птичьи дворы, пруды с рыбой, пасеки и многое другое может служить хозяйство Морозова. Отдельные села и здесь специализировались на различных продуктах и изделиях, но они должны

---

[1]) Отрыв. из расх. кн. Новгор. Благов. мон. Р. И. Б., т. II. № 51.

[2]) Еп. Макарий, Сийск. мон., грам. № 1 и сл. Л. А. Э. III. № 110. I. № 300. Сб. Гр. Кол. Эк. I. № 541-а.

[3]) Д. А. И. VI. № 131.

[4]) Ист. Акты Ярослав. Спасск. мон. I. №№ 23, 71, 78—80, 85.

[5]) Доброклонский. 89, сл. 93. Ср. Греков. Монаст. хоз. 96 сл., 107 сл.

были взаимно пополнять друг друга: «что есть в которой моей вотчине»—как писал каждый раз боярин своим приказчикам.

Но существенное значение имел для морозовского хозяйства сбыт его произведений. Не желая ничего покупать, вотчинник, однако, намерен был продавать и это ему удавалось. Хлеб частью предназначался для сбыта, как видно из следующего распоряжения приказчику: «да будет в Нижнем рожь покупают московскую четверть алтын в 10 и тебе продать ржи из моих житниц, сколько доведетца; а больше 10 алт. и тебе и гораздо ржи продать, а будет дешевле не продавать меньше 10 алт.» [1]). Особенно же широко было поставлено производство поташа, который сбывался за-границу, при чем и тут применялся крепостной труд, а пошлин всесильный боярин ухитрялся не платить, наживая на этом огромную сумму [2]).

Однако, и в отношении удовлетворения потребностей боярского хозяйства собственными продуктами следует заметить, что это могло иметь место, само собою разумеется, лишь постольку, поскольку соответствующие произведения вообще могли либо доставляться крестьянами, либо получаться на помещичьем дворе. Но помимо них, имелось и много таких, которыми можно было располагать, лишь обращаясь к ремесленникам или торговцам [3]).

В хозяйстве княгини Воротынской, как выясняется из описи, произведенной после смерти ее, имелось огромное количество привозных материй: бархатов, атласов, об'ярей и драгоценностей—алмазов, жемчуга, зерен бурмицких, но также одежд, хотя и выделанных из иностранных материалов, но изготовленных несомненно в России, ибо русского образца, как, напр., шуб об'яринных горностаевых, телогрей и летников, камчатных или рудожелтых, шитых золотом и серебром по чревчатому бархату или холодников «травы алой шолк с желтым, круживо серебреное плетеное». Но приобретались и сельскохозяйственные продукты, несмотря на то, что из многочисленных вотчин княгини посылались ей в Москву оброчные продукты в виде хлеба, мяса, свиней, кур и гусей, масла, крупы, а сверх того имелась барская запашка и скотный двор. На содержание обширного боярского двора (дворовых людей насчитывалось свыше 100 чел., и они получали содержание и деньгами и натурой), очевидно, не хватало того, что давала крепостная деревня и приходилось еще прикупать. Главнейшую статью «росписей издержанным деньгам» составляет покупка с'естных припасов. Наряду с привозными лимонами или яго-

[1]) Забелин. 26 сл. 29, 32, 34, 39 сл.
[2]) См. выше, стр. 241 сл.
[3]) См. Розыски. дела о Шакловитом. Т. IV. Отд. XV. №№ 19, 25, 34, 36. 44 и др.

дами винными и изюмными и с такими продуктами, которых деревня давать не могла, как рыба или икра, встречаем, и притом гораздо чаще, также произведения, которые получались и из вотчин, но которые приходилось и приобретать на рынках и притом «не в каких-нибудь исключительных случаях, которые можно было бы об'яснить задержками в поступлениях, а почти изо дня в день, через все месяцы года», как-то: лук, чеснок, хрен, огурцы, горох, мясо, гусей, кур, масло конопляное, грибы, мед и многое другое [1]). Так что боярский дом без рынка обойтись не мог.

Что касается, наконец, государевых вотчин, то и для них рынок играл существенную роль. Несмотря на то, что здесь число всяких чинов людей, на содержание которых шли запасы, было еще больше, чем на боярском дворе, все же имелись значительные излишки, которые поступали в продажу. Сюда относится, прежде всего, хлеб зерном или, еще чаще, превращенный в спирт, для чего устраивались собственные винокурни; далее масло конопляное, продукты огородничества («продажные государевы всякие садовые и огородные овощи»). Продавался и лен или местным покупщикам из посадских людей и даже из крестьян, или через крестьянских целовальников, которые сбывали его «на запасном дворе всяких чинов людям порознь»; тот, который «на немецкую руку не годица», продавался внутри страны, лучший же предназначался для продажи за-границу. Целиком шел на рынок вырабатываемый в государевых имениях поташ, продавались и «государские стеклянные суды» с государевых стеклянных заводов. Соль также добывалась на государевых промыслах, но так как она являлась средством расплаты, то ее не хватало и приходилось еще прикупать в Астрахани [2]).

Само собой разумеется, сырье и орудия производства, необходимые для устроенных казной промышленных предприятий, закупались на рынке, или заказывались ремесленникам. как, напр., «снасти» для «скляничных» заводов—сковороды, щипцы, ножницы, клещи и другие приспособления для выделки стекла. Относительно поташных заводов нам точно известно, что и где закупалось и сколько было заплачено. Так, на Арзамасских будных станах «куплено 34 котла тазовой меди весом 3 пуда, дано за пуд по 4 руб. по 16 алт. по 4 д.», куплено 5 точил, две наковальни, «двои мехи», 26.500 клинцов (гвоздей), 141 пуд «свицкого железа», 2 безмена, 4 тыс. кирпичей. «Куплено на Макаревской ярманке 23 стопы пищей

---

[1]) Заозерский. Боярский двор. Русск. Ист. Журн. 1922. Кн. VIII, стр. 93 сл., 101 сл., 105.

[2]) Д. А. И. VI. № 18. VIII. Дела Тайн. Прик. I. Ст. 820, 1122, 1500. III, ст. 529, 1371. Заозерский. Царь Алекс. Мих. 243 сл.

бумаги, даны 17 руб. 5 алт.». Кроме того, закупалось сало и соль работным людям и сено на корм лошадям. Хлебные же запасы для мастеровых и рабочих доставлялись в качестве оброков крестьянами. О них говорится, что они «приняты» по указу великого государя в определенном количестве и цена не указана [1]).

На поташных заводах, находившихся в нынешних Тамбовской и Пензенской губ., приобретались железные снасти и медные предметы (котлы, точила, буравы, гвозди, долота, топоры, трубы, наковальни, меха кузнечные); они закупались также на Макарьевской ярмарке. Но и хлеба и сена собственного для содержания будных станов не хватало, так что приходилось покупать и то и другое в большом количестве. Так, своей ржи в год собиралось только 565 четв., а покупалось 4869 четв. [2]).

О роли рынка в экономической жизни того времени дают представление и данные относительно г. Торопца. Жители этого города, как и многих других городов того времени, владели пахотными, сенокосными и выгонными землями, не имели недостатка в рыбных и лесных угодьях, а при каждом посадском дворе находился огород. Казалось бы, при таких условиях они могли бы вести замкнутое хозяйство, не нуждаясь в продуктах земледелия, скотоводства, рыболовства, огородничества. И все же они производили закупку товаров этого рода. В хлебном ряду всегда продавался хлеб, в особ. печеный хлеб, называвшийся калачами. Хотя рыбы добывалось больше, чем нужно было жителям города и часть ее шла на продажу в соседние уезды, тем не менее многие из торопчан покупали рыбу у своих же торопецких рыбных ловцов. Приобреталась и привозная соленая, сушеная и мороженая рыба. Пригонялось в город также довольно большое количество убойного скота крупного и мелкого, хотя часть мяса и сбывалась в Новгороде и в других местах. Не взирая на изобилие овощей, городские жители покупали лук и чеснок и семена их, как и огуречное семя. Коровьего масла, в виду наличности у жителей коров, приобреталось мало, больше конопляного масла. Покупались орехи и яблоки. Крестьяне привозили в город зерно, сено, солому, кожи. Из других местностей доставлялась соль (из Старой Руссы и Новгорода), вино (из Литвы), деревянные изделия, москательный товар, в особ. мыло, далее сукно, много железа (шведского, олонецкого) и изделий из него—сох, цепей, топоров, сковород, гвоздей, наконец, галантерейный товар—наперстки, иглы, пуговицы и т. д. Многих из этих товаров Торопец вовсе не производил. Приобретались, следовательно, как сельско-хозяйственные, так и промышленные изделия. Наконец, находим иностранную парчу, шелк, сахар и т. п. Взамен этих закупаемых товаров торопчане вывозили продукты своего сельского хозяйства и промышленности, следовательно, и в качестве производителей нуждались в рынке. Так, они

[1]) Арзамасск. и Барм. будн. станы, 9, 11. О других покупках см. Дела Тайн. Прик. I. Ст. 1222. III. Ст. 691, 955, 1161, 1291 и др.
[2]) Симсон. Ж. М. Н. П. 1913. V. 131—32. 149.

отправляли свою рыбу в русские и литовские города, мед в Ярославль и другие места, дрова в Ригу, Новгород и Старую Руссу. Торопецкие торговцы скупали у местных крестьян меха, просушивали их и затем продавали в необработанном виде. Лен закупался на торгу у крестьян и перерабатывался в крашенину, грубое полотно, полотняные утиральники, но также в епанчи, крашенинные кафтаны, певоды—для сбыта за рубеж. У крестьян на площади покупались и кожи кожевенными мастерами, производившими сермяги, тулупы, рукавицы, подхомутники для сбыта на месте и для вывоза в польско-литовские области. Так что и крестьяне имели рынок в Торопце для своих произведений—хлеба, льна, сена, кож, мехов и т. д. [1]).

Рынок не только стал необходимостью как для помещичьего, так и для крестьянского хозяйства, но он расширился и в другом смысле—географическом. Ограниченный, узкий рынок уступил место значительно более широкому, охватывающему целые районы. Естественные условия вызвали необходимость в обмене между различными областями—каждая должна была снабжать другие недостающими ей продуктами.

Мы можем наблюдать, прежде всего, как северные монастыри сбывают свои излишки соли и рыбы в другие местности, приобретая взамен этого отсутствующий у них хлеб, а наряду с ним и одежду и предметы церковного обихода. Особо подчеркивается потребность в покупке привозимого из других областей хлеба. «А что Николаевского Корельского монастыря игумен з братьею кормятся сами своими труды рыбною ловлею, а пашенных мест к их монастырю не пришло, около монастыря обошли с три стороны мхи да болота, а с четвертую сторону море» [2]). «Мы сироты твои Важского уезда крестьяня»—читаем в грамоте 1615 г.—«на Колмогоры приезжаем с хлебом, а променяваем хлеб поморским всяким людям на сол, у них, государь, в поморье сол варят, а хлеба не пашут» [3]).

Из Соловецкого монастыря на Северной Двине ежегодно ходили насады (суда), возившие в Вологду и другие города десятки пудов соли из монастырских варниц и возвращавшиеся с огромными хлебными и разными другими запасами [4]). «Возили они к Вологде»—читаем в грамоте 1620 г.—«для своего монастырьского годового обиходу по 100 тыс. пуд. соли на год и на Вологде тое соль продавали и на те деньги на Вологде и на Устюге покупали всякие хлебные запасы и платье и обувь про монастырский обиход, на братью, и на служек, и на ратных людей... и на соляных промышленников» [5]).

---

[1]) Побойнин 269 сл. 278 сл. 283 сл.
[2]) Сб. Гр. Колл. Эк. I. № 408-а.
[3]) Веселовский. Семь сборов. Прил. № 22.
[4]) Ключевский. Опыты. 26. Арх. Досифей, ук. соч.
[5]) А. А. Э. III. № 110.

И Кольский Печенский монастырь (грам. 1673 г.), повидимому, посылал свои продукты очень далеко. Соль с его варниц и рыба с рыбных промыслов и «немецкой и лопьской всякой сухой товар» (т.-е. приобретаемый у шведов и лопарей) везется на ладьях в Архангельск и Холмогоры, а затем перекладывается «в дощеники и в малые судки», чтобы его «Двиною вверх провадили на Устюг Великий и на Тотьму и на Вологду и по всем городом, и по пригородкам, и по торжком». Таким образом, и здесь рынок сбыта охватывает широкий район от Кольского полуострова вплоть до Устюга и Вологды. Но это не только рынок сбыта, но и закупки нужных монастырю товаров, которые, как мы видели выше, отличались большим разнообразием [1]).

Антониев-Сийский монастырь сбывает рыбу, соль и ворванье сало, продукты севера, и с своей стороны, закупает для надобностей богослужения воск, ладан, фимиам и церковное вино, и для монахов одежду и обувь, в особ. же хлеб («покупные хлебные запасы»), ибо «у них на пашнях хлеб не родится». Рынком сбыта его произведений, как и местом закупки продуктов, являются северные города — Архангельск, Холмогоры, Устюг Великий, Тотьма, Вологда, но наряду с ними фигурирует и Москва, Ярославль, Переяславль Залесский, куда, очевидно, направляются рыба и соль для обмена на хлеб [2]).

Точно также Кирилиев-Комельский монастырь (грам. 1629 г.) везет свою соль на продажу не только в Холмогоры, Тотьму, Вологду и Устюг, но и в Москву и в Тверь [3]), а «старцы и люди и крестьяне» Валаамского монастыря ездят в Новгород Вел. и в Москву «с монастырским запасом»—солью, как и для закупок «для монастырьского обиходу» [4]).

Таким образом, устанавливается связь между севером, даже самым отдаленным, и городами, лежащими на пути от Архангельска в Москву—Холмогорами, Устюгом Великим, Тотьмой, Вологдой, Ярославлем вплоть до конечного пункта этого пути—самой Москвы, как и до Новгорода и Замосковных городов. Получалось сближение между различными местностями севера, как и между севером и центральным районом. Кирилло-Белозерский монастырь вез свою соль на Вологду, далее по Шексне и оттуда в Тверь, Торжок, Углич, Кимру, Ростов, Кинешму, Дмитров. Специально в Дмитрове—это была ближайшая к Москве речная станция—монастырю дозволено было продавать раз в год по 10 тыс. пудов соли беспошлинно [5]). И в тот же

---

1) Д. А. И. VI. № 131. См. выше, стр. 227.
2) Ен. Макарий. Грам. №№ 1—4, 7, 9—11, 13—17, 19—21.
3) Сб. Гр. Кол. Эк. I. № 541-а. См. выше, стр. 227.
4) А. А. Э. I. № 300.
5) Там же. I. № 97. 271.

Дмитров Троице-Сергиев монастырь посылал за рыбой, но нередко его суда отправлялись дальше «водяным ходом» до Волги и далее на север по Шексне; они везли туда из центральной области хлеб для севера [1]). Так что не только север, но и центр проявлял активную деятельность, не только ожидая приезда за его хлебом, но и самостоятельно отправляя его на север и закупая там соль и рыбу. Из других грамот того же Троице-Сергиева монастыря мы узнаем, что он возил хлеб, мед и хмель на Вологду и далее по Двине до моря и продавал их в Каргополе, Устюге, Тотьме, Холмогорах, закупая там соль и рыбу, которые везлись обратно в монастырь и в Москву [2]). Точно также из Бежецкого верха монастырские крестьяне везут хлеб в Вологду, и из Вологды обратно везут соль в Бежецкий уезд, но им случается «повоз везти и на Белоозеро и к Москве» [3]).

Из центральных уездов хлеб вывозится не только на север, но и в Новгородскую область, в Прикамье (Казанский и Свияжский уезды), на юг по Волге в Астрахань. И этим местностям не хватало собственного хлеба, но им нередко приходилось прикупать и другие необходимые продукты, рыбу и соль. Свияжский Богородицкий монастырь, согласно грамоте 1616 г., «нагребает» в Астраханских озерах и вывозит 30 тыс. пудов соли в год беспошлинно, «а продав соль в Казани или в Свияжском и в Нижнем и в иных наших городех и на Москве, купят на монастырской обиход хлебные всякие запасы... и товары всякие, и всякую животину» [4]). Троице-Сергиев монастырь отправлял не только хлеб на север, но и в Астрахань на свои соляные промыслы муку: «на реке на Клязьме монастырская мельница, а против тое мельницы на другой стороне реки Клязьмы за одним болотом другая мельница, а в обоих амбарех по трои жерновы, а на тех мельницах мелят запасы про монастырский обиход и на понизовые запасы для ради Астраханского промыслу» [5]).

И в других случаях мы можем подметить, на сколь обширные районы распространялась область закупки и сбыта товаров монастырями. Троицкий Астраханский монастырь отправлял соль, рыбу и другие товары вверх по Волге до Ярославля и по Оке до Калуги [6]), Ярославский Спасский монастырь покупал и продавал продукты не только в Казани и Нижнем-Новгороде, но и в Новгороде Вел., Вологде, в Сибирских и в «Сиверских» городах [7]). Болдин Дорогобужский монастырь

---

[1]) А. А. Э. I. № 272.
[2]) Сб. Гр. Колл. Эк. I. №№ 137-а. 228, 254, 316, 440, 491.
[3]) А. А. Э. I. № 258.
[4]) А. А. Э. I. 322. III. № 86.
[5]) См. Готье, 537.
[6]) А. И. I. № 193.
[7]) Ист. Акты Яросл. Спасск. мон. №№ 23, 71, 78—80, 85.

посылал за покупкой обуви в Кострому, за бумагой и свечами в Вологду, за разными товарами в Москву [1]). Мы видели также выше, какие многообразные товары приобретались Кирилло-Белозерским монастырем в Москве. Но монастырь производил закупку всевозможных предметов и в других отдаленных от него местностях, как напр., колеса в Угличе, творог и сыр в Дмитрове, мерлушки, блюда и перец в Твери, лук в Ростове, рыбу не только в Кеме, на Кубанском озере, на Вожеозере, в Каргополе, но и в Ярославле. В Новгород послан был человек для найма мастера по выделке медных изделий [2]).

II.

В приведенных выше данных относительно развития товарного хозяйства в XVI—XVII ст. встречается ряд городов в качестве мест закупки и сбыта сельскохозяйственных продуктов и промышленных изделий. Существование значительного количества торговых городов подтверждается и другими данными, причем многие из них играли существенную роль не только во внутренней, но и во внешней торговле. Центром последней являлся Архангельск. «История Архангельска—справедливо замечает Б. Г. Курц — есть не что иное, как история русской внешней торговли с Западной Европой со времени Иоанна Грозного до преобладания петроградской торговли». Значение его было столь велико, что—как указывает тот же автор в другом месте—во время архангельской ярмарки торговая жизнь самой Москвы ослабевала, вследствие выезда купцов в Архангельск [3]). Не только частные купцы, но и сам царь отправлял в Архангельск—по словам англичанина Коллинса—огромное количество мехов, мыла, пеньки, льна, которые там обменивались на шелковые ткани, меха, бархаты, парчи, атласы, сукна и другие товары [4]).

Шведский комиссар Родес в своем донесении о русской торговле производит подсчет расходов по перевозке товаров из-за границы в Москву или из Москвы за границу на Архангельск и сопоставляет их с расходами по перевозке через Балтийское море на Новгород, Нион, Нарву, Ревель. Оказывается, что в последнем случае, вследствие уплаты пошлин в Лифляндии и при проходе судов через Зунд, издержки выше, чем при провозе на Архангельск. Но помимо этого купцы придавали—по словам Родеса — значение еще и другому моменту, говорившему

[1]) Прих.-Расх. кн. 1—10, 189 и др. См. выше, стр. 217.
[2]) Никольский. Матер. Кн. казенн. прих.-расх. денежн.
[3]) Курц. Сочин. Кильбургера, 420. Его же. Донесения Родеса и архангельско-балтийский вопрос в пол. XVII ст. Ж. М. Н. П. 1912. III. 93.
[4]) «Русск. Вестн.». 1841. IX. 568.

в пользу Архангельска, тому, что не приходилось «проезжать земель какого-нибудь другого государя, хотя бы они должны были из-за этого плыть кругом 50 или гораздо больше миль» [1]). При проезде же по Балтийскому морю приходилось провозить товары через владения Швеции, которой принадлежала до Петра Ингерманландия. Автор другого шведского сочинения, относящегося к тому же времени, сообщает, что действительно с появлением архангельской торговли балтийская торговля пала, тогда как до этого времени в балтийские порты приходило 200—300 судов. Шведы пытались бороться с этим, но безрезультатно [2]).

Кильбургер рассказывает, что «к половине июля все купцы уезжают из Москвы на Архангельскую ярмарку и находятся в дороге на почтовых лошадях 14 дней... В июле приходят корабли и тогда ярмарка продолжается до сентября месяца, так что корабли идут опять отсюда иногда только в октябре, из чего можно заключить, что купцы из Сибири и Перми привозят сюда свой товар к этому времени» [3]).

Из Архангельска прямой путь вел в Москву—центр торговли всего Московского государства. В Москве—говорит Костомаров—жили знатные и богатые, следовательно, большая часть товаров сбывалась в столице. «Но в Москве—продолжает он—жили и богатейшие оптовые торговцы—гости и гостиные люди и потому значительнейшая часть вывозных товаров собиралась здесь для следования к Архангельскому порту». Кроме того, «иностранные торговцы—греки, персы, армяне, шведы, поляки, англичане, посещали столицу» [4]). Все они старались добиться разрешения приезжать в Москву и устраивать там свои подворья.

В то же время Москва являлась и центральным пунктом товарообмена внутри страны. Хлеб, рыба, соль, продукты скотоводства, предназначенные для внутреннего рынка, направлялись в первую очередь в Москву. Как мы видели, даже монастыри, лежавшие на далеком севере, так же, как и расположенные по Волге, везли в Москву на продажу свои продукты и там же закупали нужные им предметы для церковных потребностей, как и для своего хозяйственного обихода. Из Москвы шло шесть торговых путей — вологодский, новгородский, поволжский, сибирский, смоленский и украинский; они направлялись, следовательно, во все стороны из центра—Москвы.

В Москве было три гостиных двора, ряд рынков, два раза в неделю происходили базары, продажа товаров совершалась в многочисленных рядах, состоявших из большого количества лавок, амбаров, ла-

---

[1]) Родес. 175 сл. 187.

[2]) Форстен. Сношения Швеции и России во втор. пол. XVII в. Ж. М. Н. П. 1898. II. 238.

[3]) Кильбургер. 163—64. Огородников. Очерк ист. г. Архангельска. Морск. Сборн. 1889. X. 128. Harperger Moskowitischer. Kauffmann. 1723. p. 162 сл.

[4]) Костомаров, 94. Ср. Забелин, ук. соч. Довнар-Запольский, ук. соч.

рей и других торговых помещений [1]). Здесь мы находим хлебные амбары, куда свозилось зерно из разных местностей. Так, напр., Троице-Сергиев монастырь держал в Москве свои хлебные запасы [2]). Англичанка Чанселор рассказывает, что хлеб туда свозился в большом количестве; по утрам можно встретить 700—800 саней, нагруженных хлебом, частью же рыбой, направляющихся к столице. Он же указывает на то, что жители севера здесь запасались хлебом, отвозя последний на расстоянии тысячи верст; ибо из-за сильного холода там хлеб не растет [3]).

Из Архангельска путь в Москву шел по Двине до Устюга Вел., а оттуда реками Сухоной и Вологдою до г. Вологды, от которого уже начиналось сухопутье. Так как единственный путь с севера в Москву шел на Холмогоры и они были узлом всех или почти всех торговых путей северной окраины, то их торговое значение не могло не быть велико. Оно было таковым еще до появления англичан и голландцев в устье Двины, ибо туда сходились как товары, которыми промышлял русский север, так и те, в которых нуждались северные области, в особ. хлеб. Но и возникновение Архангельска не лишило Холмогоры их прежнего положения, ибо установление торговых сношений с Западом на Белое море не могло не вызвать сильного оживления торговли в крае и усиления торговых сношений тем путем, на котором лежал город, Архангельск же вообще стягивал к себе население лишь на летнее время, на время торга с иностранцами [4]).

«Холмогоры, — сообщает англичанин Томас Рандольф в 1568—69 г.г.,—большой город, весь построенный из дерева, не обнесенный стеной... Население по манерам грубое, одевается крайне просто... Жители, находя выгодным торговлю с англичанами, очень внимательны к ним, но они много предаются пьянству и другим отвратительным порокам. В этом городе англичане имеют собственную землю, пожалованную царем, и много хороших домов с конторами для собственного удобства» [5]). О роли Холмогор в торговле свидетельствует царская грамота Двинским таможенным целовальникам 1588 г., в которой говорится: «кто приедет к Колмогорам, на Двину, с Вологды, с Устюга, из Каргополя», или «пойдут мимо Колмогоры к Вологде», или «двинянин поедет... из Колмогор, с солью и с рыбой, к Устюгу, или к Вологде». Упоминается о находящихся там торговых людях «немец английских, барабанских, шпанских и иных немец». Там же узнаем о тех товарах, торг которыми производился в Холмогорах. Здесь и хлеб, крупа, конопля, и соль, рыба, икра, масло, сало и металлы (медь, олово, свинец) и «мягкий товар»

---

[1]) О рядах, рынках, количестве лавок и других вопросах, касающихся торговли г. Москвы, см. ниже, стр. 332 сл., 338 сл.

[2]) Голубинский, 125.

[3]) Hacluyt. ук. соч. Извест. англ. 2. Ср. выше, стр. 308.

[4]) Платонов. Смутное время, 11.

[5]) Изв. англичан о России во второй пол. XVI в., 92.

(соболи, куницы, песцы, бобры, белка, заячины, лисицы), и, наконец, заморские товары—камки, бархаты, атлас, шолк, сукна, платье, хлопок, перец и др.[1]). В начале XVII ст. Важские крестьяне везут в Холмогоры свой хлеб, сермяжные сукна, овчины и масло для обмена их на соль[2]); последняя доставлялась сюда северными монастырями—Валаамским, Коришьевым Комельским и др.[3]).

Об Устюге Великом Герберштейн сообщает лишь, что название его происходит от того, что он был прежде расположен в устье р. Юга, и что в этой области соболей немного, но зато имеется много других мехов, в особ. черных лисиц[4]). И Джекинсон рассказывает (в 1557 г.) только, что по дороге из Холмогор в Вологду он проезжал через старинный город Устюг[5]). Напротив, в отчете Бурха и Фелтдриля 1630 г. Устюг назван древним и знаменитым торговым городом, «где в сентябре и октябре бойко торгуют мехами, так как русские купцы из Сибири и Перми привозят сюда свой товар к этому времени»[6]).

Устюг находился в узле двух важнейших торговых путей, одного, шедшего из центра страны в ее единственный порт, а другого, направлявшегося в Сибирское царство, в Пермскую землю, в Кайгород, Соликамск и Чердынь. Он связывал Печору с рынками среднего Поволожья и с Архангельском[7]). На значение для Устюга нового торгового пути к Архангельску указывает местный летописец, говоря, что когда англичане и голландцы начали производить торговлю с Россией, то некоторые из них, живя в Устюге, селились на горе близ Иоанно-Предтеченского монастыря, почему это место и получило название «Немчинова ручья»[8]). С другой стороны в Сотной книге 1630 г. упоминаются купцы-устюжане, которые торгуют «от'езжими товары в Сибирь», «ходят на низ судами и отпускают в сибирские города на промыслы[9]).

Там находим много богатых торговых людей (напр., Босые, Ревякины, Грутцыны, Усовы)[10]), но в то же время в записях встречается и не мало бедного люда, о котором говорится: «ходит по миру», «бродит меж двор». В Сотной книге 1630 г. указано, что, по сравнению с Приправочными книгами 1620 г., государевы доходы с Устюга сократились с 466 до 435 руб., потому что «посадские многие люди охудали и одолжали, а иные от податей разбрелись розно, а иных лутчих посадских людей по государеву указу велено взяти к Москве на житье»[11]).

[1]) А. А. Э. I. № 338.
[2]) А. А. Э. III. № 112 (грам. 1620 г.). Весловский. Семь сборов. № 22 (грам. 1615 г.).
[3]) А. А. Э. I. № 300. Сб. Гр. Колл. Эк. I. № 541-а.
[4]) Герберштейн. 121 сл.
[5]) Изв. англ. 30.
[6]) Отчет Бурха и Фелтдриля. Сб. Р. И. О., т. 116, стр. 23.
[7]) Платонов. 12. Бахрушин. Ист. оч. засел. Сибири, 20. Костомаров. 9.
[8]) Мерцалов. Вологодская Стар. 1889. Стр. 97.
[9]) Сотн. кн. 1630 г. по Устюгу Вел. Матер. 2, 10, 19.
[10]) Ак. писц. д. II, 1. Стр. 481 и др.
[11]) Сотн. кн. 19 сл., 38.

Напротив, в последующие полвека Устюг, повидимому, «пополнился» населением, ибо, согласно переписной книге 1677—78 г.г., в нем находим 1039 дворов и в них 3563 чел. [1]). Устюг был как складочным местом для товаров, идущих в Сибирь и из Сибири, и центром местной торговли мехами, так и важным хлебным рынком. Для приобретения пушного товара сюда приезжали купцы из Вологды и Москвы, а также Вятки, Ярославля, Холмогор. А с другой стороны, здесь закупался хлеб для всего севера. Соловецкий, Сийский монастыри, Кольский, Печенский, Кирилиев-Комельский,—все они являлись здесь закупщиками хлеба. В Устюге приобретался хлеб для Сибири, а также производилась закупка его иностранцами—англичанами, шотландцами, датчанами, шведами [2]). И уездные крестьяне торговали не только в городе в рядах, но и отъезжали тоже в Сибирь и к Архангельскому городу на весьма крупные по тому времени суммы [3]).

На пути из Устюга в Вологду лежали Сольвычегодск и Тотьма, где важным промыслом и важным об'ектом торговли являлась соль; соль и рыбу везли сюда северные монастыри. «А в прошлых, государь, годех—писал таможенный голова Тотьмы в 1622 г.—из Галича и з галицких пригородов на Тотму и в тотемский уезд... с хлебом приезжали и на Тотме сол покупали, тем твоя государева таможенная пошлина и збиралась, а иных, государь, торгов на Тотме никаких нет, город не великой». Соль эта обменивалась на хлеб, привозимый в Тотьму из Галича, а в Сольвычегодск из Вятки [4]).

Конечным пунктом речного пути из Архангельска в Москву являлась Вологда, которая была «по своему положению неизбежной станцией для всякого товара, шедшего с Поволжья на север и с севера в центр государства, и притом такою станциею, где товар должен был перегружаться с телег и саней на суда, или обратно и иногда выжидать полой воды или зимнего пути».

Уже англичанин Рандольф в 1568 г. сообщает о Вологде, что «в городе большая торговля и здесь живет много богатых купцов», а в отчете Бурха и Фелтдриля она названа «одним из самых замечательных торговых центров России». Голландец Кленк (в 1675 г.) рассказывает о том, что «в городе находятся большие прекрасные дворцы, как немецких, так и русских купцов»; в городе имеется, помимо «большого рынка, на котором продаются всевозможные товары... и прекрасный рыбный рынок». Де-Бруин характеризует Вологду, как «место, через которое проходят все товары, идущие из Архангельска», а по словам

[1]) Перепис. кн. 1677—78 г.г. Матер., 164.
[2]) А. А. Э. III. № 110. Д. А. И. VI. № 131. I. Сб. Гр. Колл. Эк. I. № 541-а. Еп. Макарий, в Чт. О. И. и Др. Гр. №№ 1—4, 7, 9—11, 19—21. Сташевский. Пятина 142 г. Ж. М. Н. П. 1912. V. 102. Платонов. 15. Загоскин Русские водные пути в до-Петр. России. 1909. Стр. 258.
[3]) Ак. писц. д. II, 1. № 182, стр. 442 и др.
[4]) Посольство Бурха и Фельтдриля. 24. Сташевский. Пятина. 103—104.

Исаака Массы, англичане построили там свой дом обширный, как замок [1]).

Англичане придавали большое значение Вологде. Они устроили здесь свои дворы и закупали товары, как лен, который произрастал в этой области, так и другие, привозимые сюда русскими товары, в особ. хлеб для вывоза за-границу. Там имелись дворы и голландцев и существовала целая иностранная «фрязиновая» заречная слобода. Писцовая книга 1627 г. насчитывает 11 дворов «немецких» торговых людей [2]). Но Вологда была не только складочным пунктом, где скоплялись вывозимые заграницу товары до вскрытия рек и куда свозились иностранные товары для отправки их во внутренние области, но и рынком для северной области; в приведенных выше грамотах северным монастырям, наряду с Холмогорами, Устюгом, Тотьмой, всегда названа и Вологда в качестве места сбыта соли и рыбы и закупки хлеба и различных идущих из центра товаров [3]).

В Смутное время Вологда сильно пострадала от набега поляков, много людей было убито, еще больше «сошло безвестно», встречалось большое количество захудалых дворов. В 1627 г. в Вологде имелось 1110 жилых дворов и 159 пустых, однако, значительная часть населения состояла из бедноты, «не пригодившейся в тягло», и из нищих. Но позже город оправился: переписная книга 1678 г. насчитывает уже 1420 дворов, из них 975 (прежде всего 518) на посаде,—число крупное по тому времени [4]).

Как видно из приведенных данных о важнейших торговых центрах севера, они обязаны были своим ростом не только возникновению «корабельной пристани», т.-е. Архангельску, и торговой дороге от него в Москву, по которой совершались сношения с Западом, но и образованию более широкого внутреннего рынка. Они являлись посредниками между северными областями, вывозившими соль, рыбу, пушнину, и центром, снабжавшим их хлебом и иными товарами, как продуктами сырья, так и промышленными изделиями; они же торговали и с Сибирью, являясь центрами обмена сибирской пушнины на привозимый из южнее лежащих областей хлеб.

Из Вологды путь в Москву шел на Ярославль, Ростов и Переяславль (и знаменитый Троице-Сергиев монастырь). Этот путь описывает Герберштейн в нач. XVI ст., этим путем ездило и посольство фан-Кленка в конце XVII ст. [5]). Из названных

---

[1]) Платонов, 26. Изв. англ. 93. Отчет Бурха и Фелтдриля. 24. Посольство Кленка. 357. Сказания Массы и Геркмана о Смути. вр. в России. 256. Загоскин. 258.

[2]) Сказ. Массы. 254 сл. Кордт в Сб. Р. И. О., 116 стр. LXXX.

[3]) См. выше, стр. 308—09.

[4]) Ак. писц. д. I. № 56. Мерцалов. 35. 38 сл. Д. А. И. VIII. 134. Платонов. 27. Соловьев, т. XIII. 933 сл.

[5]) Герберштейн. 119 сл. Посольство Кленка. Стр. 368.

трех городов, однако, последние два торгового значения не имели.

Правда, и Флетчер и Рейтенфельс называют и Переяславль в числе важнейших русских городов, а шведы по Кардисскому миру выговорили себе право содержать там подворье [1]). Из Дозорной книги Ростова 1619 г. видно, что он сильно пострадал и обнищал в Смутное время и едва ли ему удалось оправиться впоследствии [2]). Не менее пострадал во время Смуты Переяславль-Залесский, возрождение же его в последующие десятилетия было остановлено моровой язвой 1654 г. Хотя к утверждению, что она вызвала сокращение населения на 80%, нельзя не отнестись весьма скептически, но все же есть основание предполагать, что оно сильно уменьшилось; в 1677 г. насчитывалось не более 134й чел., фан-Клеик в 1675 г. называет Переяславль «захолустным городом, в котором мало приятного» [3]).

В противоположность этим городам, Ярославль имел важное торговое значение. «Если Вологда была конечным узлом северных путей, шедших в центр государства, узлом в котором они соединялись в один общий путь, то Ярославль был перекрестком, в котором пересекались пути, соединявшие восток и запад, север и юг Московского государства». Из Ярославля дороги шли к северу как в Вологду, так и на Белоозерск и в Новгородский край, на восток в Галич, на юго-восток в Нижний Новгород, наконец, в Москву и далее на юг; таким скрещением путей могла похвалиться только Москва. Город принимал деятельное участие как в торге с иноземцами, так и во внутреннем товарообороте, в особ. в торговом движеньи Поволжья.

О Ярославле говорили: «строением церковным весьма украшен и посадами велик». В нем насчитывался по описи 1678 г. в городе и в слободах 2861 двор, а в них людей «с боем» (вооруженных) 3720 челов. [4]) Город имел существенное торговое значение. Это «очень большой город»—говорит Чепслер,—«здесь находятся кожи, сало, хлеб в очень большом количестве». Англичане имели свои дворы в Ярославле [5]).

Шведский резидент Родес считал нужным устроить и здесь шведский двор, указывая на то, что Ярославль «один из важнейших торговых городов, который имеет после Москвы наибольший привоз как сушей, так и водой, вверх по Волге» [6]).

---

[1]) Флетчер. 16. Рейтенфельс. 130. П. С. З. I. № 391, ст. 11. № 395, ст. 4.

[2]) Дозорн. кн. по Ростову. 1619 г. Мат., 1 сл., 5 сл., 19 сл. Р. И. Б., т. XI. Прил. (Переписн. кн. Ростова Вел., втор. пол. XVII в.). Д. А. И. IX. № 106, стр. 223.

[3]) Переяславль-Залесский. Никитский монастырь. Мат. для его ист. XVII и XVIII ст. 1888. Стр. 1, сл. 8 сл. М. Смирнов. Переяславль Залесский. 1911. Стр. 119 сл. 122 сл. Посольст. Кленка. 370.

[4]) Д. А. И., т. IX, № 106. Стр. 223.

[5]) Изв. англич. 2.

[6]) Родес, 202—03.

На Волге выделялась далее Кострома, где англичане рано уже завели свое подворье и куда везли продукты из Галича, и еще более Нижний-Новгород и Казань. Нижний-Новгород, о котором Рейтенфельс пишет: «город столь же богатый, сколь и заселенный», обязан был своим торговым значением счастливому положению посредине продольного волжского пути при слиянии «двух судоходных рек» Волги и Оки. Сюда привозятся и произведения севера, и товары европейские, и азиатские из Астрахани, и сибирские из Казани, и русские, предназначенные для отправки на Восток. Летом прибывали в большом количестве досчаники сверху и снизу по Волге и Оке, зимой длинные ряды обозов тащились во все стороны [1]).

Большое значение имела здесь торговля рыбой, солью, хлебом. В 1636 г. из Астрахани вышли в Нижний в одном осеннем караване 7 стругов астраханской рыбы, в них было 39 тыс. рыб и соли астраханской и пермской 807 тыс. пуд., в 1635 г. в осеннем и вешнем караване в 15 стругах 100 тыс. рыб и 1 милл. пудов соли. В Нижний-Новгород и приказчики Строгановых везли в большом количестве соль из Перми [2]). Здесь находились, повидимому, главные склады соли у Строгановых, как это видно из грамоты 1615 г., где упоминается о количестве проданной их приказчиками соли в различных городах. Одним приказчиком Кайбышом Карамышевым было продано соли на 10.765 руб., другим на 5.260 руб. и здесь было доправлено на них пошлин на 13.810 рублей. В 50-х г.г. XVII ст. ими продавалось здесь по 100 тыс. и более пуд. соли [3]). Но Нижний-Новгород был и крупным центром хлебной торговли, где находились житницы боярина Морозова, куда крестьяне летним путем в деловую пору и зимним путем по последнему пути хлеб возили. Вообще сюда везли хлеб жители не только ближайших к нему уездов, но даже более отдаленных, как алатырского и темниковского. В «большие торги» ставилось по 1000—1500 возов с хлебом и другими товарами—мясом, маслом, льном, кожами, сукнами, холстом, пушниной [4]). Хотя и Нижний-Новгород несколько пострадал во время Смуты, что выразилось в значительном количестве «худых дворов», насчитывающихся в писцовой книге 1621 г., и не могло не отразиться и на его торговых оборотах, все же таможенные пошлины даже в 1612 г. давали 6½ тыс. руб., три года спустя уже превышали 12 тыс., а в 1620—21 г.г. достигали 17—19 тыс., тогда как, напр., в Вологде таможенная пошлина со включением кабацкого, сусляного и других сборов доставляла всего 4 тыс.

---

[1]) Рейтенфельс. 204. Костомаров. 114. Платонов. 35. Загоскин. 283. Богородицк. Очерк торг. Нижн.-Новг. в XVI и XVII в. (Киевск. Унив. Изв. 1912 г. № 7). Коломинский. Торг. солью на Руси в XVI и XVII в. (Там же. № 12). Любомиров. Очерк ист. Нижегор. ополч., стр. 8.

[2]) Действ. Нижег. Губ. Учен. Арх. Ком. Сборн. VIII, стр. 319. Сташевский. Пятина. 101. Ср. грам. 1616 г. А. А. Э. III. № 86.

[3]) А. А. Э. III. № 68. Введенский. Торг. дом. XVI—XVII ст., стр. 128 сл.

[4]) Забелин. 29. Сташевский. 101.

руб.[1]). Писцовая книга насчитывает 48 «лутчих людей» (в 30 дворах), которые торгуют «большими свалными товары, и на низ и вверх ходят судами», а количество лавок и торговых помещений доходило до 600, из них четвертую часть составляли хлебные амбары и лавки; раньше их было, повидимому, однако, значительно больше, ибо во время пожара выгорело 725 лавок и амбаров[2]).

С Нижним-Новгородом соперничала Казань в отношении Астраханской торговли, а в то же время она являлась складочным и передаточным пунктом для торговли с Сибирью и Северо-Востоком. «Которые торговые люди приезжают в Казань—читаем в грамоте Иланговскому монастырю 1585 г.—из всех верховских городов с товары, и из Астороxани с солью и с рыбою со всякими товары и монастырские суда с товары и с солью, и вятчене и пермичи, а приставают под Иланговским монастырем»—обязаны платить пошлину последнему за то, что они клади свои кладут на монастырской земле [3]). Насколько широко распространялся товарообмен Казани в разные стороны, можно усмотреть из таможенной росписи 1615 г., где показаны приезжие торговые люди и количество привезенных ими товаров. Их 70 человек и ценность их товаров превышает 10 тыс. руб. Первое место среди них занимают ярославцы (24 торговца с товарами на 4.200 руб.), затем идут костромичи, вятичи и «москвитины». Кроме того, упоминаются торговые люди из Мурома, Нижнего Новгорода, Астрахани, Ростова, Твери, Галича. Встречаются и татары, армяне, чуваши, черемисы[4]).

Как видно из приведенной грамоты 1585 г., важное значение имела торговля в Казани солью и рыбой; об этом свидетельствует и предоставленное жалованной грамотой 1616 г. Свияжскому Богородицкому монастырю право закупленную в Астрахани соль вывозить либо в Нижний-Новгород, либо в Казань или Свияжск, как и упоминание о низовых караванах, «идущих из Казани на Ярославль и далее на Москву с рыбой и икрою» [5]). Но в Казань шли и другие товары, привозимые с севера, в особенности произведения Запада, которые здесь обменивались на продукты Востока. Бухарским купцам дана в 1686 г. жалованная грамота на торговлю с Казанью[6]).

Если многие из восточных торговых людей доходили до Казани и других верховых городов, то все же главным пунктом, где русские встречались с ними, была Астрахань [7]). Здесь сосредоточивалась торговля Руси с Востоком и сюда приезжали—

[1]) Писц. и перепис. кн. XVII в. по Нижн. Новг. Ст. 187. (Р. И. Б. XVII). Приходо-расх. кн. Моск. приказов, 120, 129. Действ. Нижегор. уч. Арх. Ком. Сб. VIII. 318.
[2]) Писц. и переписн. кн. ст. 189. Богородицкий. 42. Любомиров, стр. 8.
[3]) А. А. Э. I. № 328.
[4]) Веселовский. Семь соборов. Прил. №№ 42, 43.
[5]) А. А. Э. III. № 86. Доп. А. И. III. № 119. Загоскин, 283 сл.
[6]) Сташевский. 101. П. С. З. II. № 1209.
[7]) Курц. Соч. Кильбургера. 344. Загоскин. 281 сл. Костомаров 12.

как видно из Новоторгового Устава 1667 г.—кизильбаши, индейцы, бухарцы, армяне, кумыки, черкасы [1]).

Торговля русских с Астраханью производилась еще до завоевания ее Грозным и, по словам голландца Массы, при покорении ее она была большим и многолюдным торговым городом [2]). Позже ее торговля, повидимому, сократилась; Дженкинсон в 1557 г. утверждал, что она производится «в таких малых и ничтожных размерах», что не стоит и упоминать о ней, хотя и указывал на то, что сюда съезжаются купцы из разных местностей [3]). К концу XVI ст. это, однако, изменилось, и Маржерет говорил о том, что Астрахань «производит очень деятельную торговлю» [4]), а Клепк (в 1675 г.) сообщает, что в «Астрахани большое судоходство и торговля», и «сюда приезжают торговать не только тогайские, крымские, калмыцкие и бухарские татары, но и персы и армяне и даже индийцы на своих судах, которые очень велики, и торгуют шелком» [5]). Описывая свое путешествие по Волге, бар. Майерберг заключает его словами: «после 3000 верст течения Волга соединяет принесенные ею воды вечным союзом с неизменным ее господином, Каспийским морем, да еще наделив его приданым. Потому что для отправки армянам, мидянам, парфам, персам и индусам она привозит вверенные ей русскими драгоценные меха соболи, куньи, горностаевые и рысьи. А берет за то у них разные ткани льняные, хлопчатобумажные и шелковые, золотые и серебряные парчи, ковры, сырой шелк, окрашенный в разные цвета, рубины, бирюзу и жемчуг, ревень, закаленные в Бактрианском Низапуре (в Персии) клинки и на обратных судах отвозит все это по бегущим ей навстречу рекам Оке и Москве, даже в самую столицу Московской России» [6]).

Среди городов Московского района, как и расположенных к югу от Москвы, мы не найдем сколько-нибудь значительных торговых центров, подобных рассмотренным выше северным и приволжским городам. Торговое значение таких городов, как Тверь или Углич, было невелико, бо́льшую роль играли Коломна и Серпухов, являвшиеся посредниками между Москвой и верховьями Оки, через них лежал водный путь из Москвы в Оку и Волгу [7]).

Согласно писцовой книге Коломны 1577 г., здесь находим на посаде «во всех рядех 379 лавок, да 4 прилавки, да онбар, да место полковое, да 95 скамей», но в то же время пустых 33 лавки, 139 мест лавочных и 38 мест полковых [8]). В Серпухове насчитывалось по Сот-

---

[1]) П. С. З. I. № 408, ст. 15 сл.
[2]) Сказ. Массы. 18.
[3]) Изв. англ. 40.
[4]) Сказ. совр. о Дмитр. Самозв. I. 250.
[5]) Путеш. Клепка. 451.
[6]) Путеш. Майерберга, 54.
[7]) Углич. Мат. для ист. гор. 1887. Дозорная кн. Твери 1616 г., изд. Сторожевым. Выпись из Тверск. писц. кн., изд. Тверск. уч. арх. ком. Платонов. 39 сл.
[8]) Писц. кн. Моск. гос. I. 318.

ной книге 1552 г., на посаде «лавок и анбаров и с полулавками 250 лавок с третью да 21 место лавочное, опроч тех трех мест лавочных пустых, про которые места городцкие люди сказали: того они не ведают, чьи были». А в описи Серпухова 1646 г. упоминается 39 человек, занимавшихся отпускной торговлей, при чем товары (хлеб, рыба) преимущественно возили к Москве. Одни муку «в отвоз возили», другие торговали «ссыпным хлебом и в отвоз с мукой ездили», третьи ездили «с судном в украйные городы по хлеб», или «торговали от'езжим большим тергом всякими товары» [1]).

Из Заоцких украинных городов можно назвать Рязань (Переяславль Рязанский), через которую шел хлеб к столице с Оки и Волги, и Тулу, мимо которой шла дорога от Москвы в Киев и в Курск и проходил т. наз. Муравский шлях, направлявшийся на юг до рек Быстрой Сосны, Оскола и Северного Донца.

В Рязани по писцовой книге 1626 г. «внутре города и за городом за Рязанскими вороты» имелось 70 лавок, 4 места лавочных «живущих», 147 амбаров, 27 мест амбарных и полковых «живущих», 129 полков, итого 377 торговых помещений «живущих», по всего 9 мест амбарных и полковых пустых, причем, по сравнению с более старыми приправочными книгами, доход казны повысился в полтора раза, с 64 до 98 руб. [2]).

В Туле насчитывалось, по писцовой книге 1587 г., 262 тяглых лавок и клетей, 32 амбара и 118 скамей и 17 мест лавочных и скамейных; пустых указано всего 2 лавки и 1 скамья. [3]).

Наконец, торговое значение имела Калуга, которая лежала на Окской торговой дороге; она вела и торговлю с Литвой, отправляя туда соль [4]).

Видные торговые центры имелись среди городов «от Немецкой Украины» и «от Литовской Украины». Под первой разумелась Новгородско-Псковская область, где выделялись, наряду с Новгородом и Псковом, также Старая Русса, Тихвинский посад и Торжок. Старая Русса была известна своим солеварением [5]); по Флетчеру она уплачивала наиболее крупную сумму таможенных пошлин—18 тыс. рублей, т.-е. больше, чем Москва, с которой поступало (как и с Пскова) 12 тыс. [6]). Тихвинский посад и Торжок являлись крупными ярмарками [7]). Новгородская торговля в XVI ст. изменила свой характер. Упадок Ганзы, насильственное переселение наиболее состоятельного и принимавшего участие в торговле населения в лице новго-

---

[1]) Сотная кн. Фуникова. 1552. Симсон. Ист. Серпухова, 201. Прил. II, 1, стр. 334.
[2]) Писц. кн. 1626 г. по Рязани. Матер., 21.
[3]) Писц. кн. Моск. гос. II. 1077—78.
[4]) Платонов. 73. 88. Сташевский, Пятина. 105.
[5]) См. выше, стр. 232.
[6]) Флетчер. 45
[7]) См. ниже, стр. 332.

родских бояр, как и значительной части купцов [1]), позже и появление нового торгового пути на Запад не могло не отразиться на положении Новгорода. Тем не менее и теперь еще и англичане и голландцы устраивали свои дворы в Новгороде и производили закупку товаров в его области. Из Новгорода пути шли и на Северную Двину, и на Волгу, и на Тверь и, наконец, на Нарву и Ревель.

Рядки или торгово-промышленные поселки в Новгородской области, которых насчитывается 42 и где торговали «мелкими товарами», но и «всяким мягким товаром» (пушниной), были расположены на главных торговых путях из Западной Европы и из средней России в Новгород. Большое значение имел торговый путь, пролегавший через Обонежскую пятину (р. Свирь и Онежское озеро), на Северную Двину. В Обонежской пятине новгородцы запасались мехами, которые даже получили название «Поугородское» («держат товар всякой мягкой поугородской тутошние люди»), меновая торговля с туземцами происходила на Онежском озере, где было расположено 6 рынков со свыше 100 торговыми помещениями. Это озеро было центром торгового движения и с Северной Двины и с Ладожского озера. Особенно оживилось оно после открытия торговли Белым морем; северный путь проходил чрез Ладожское озеро и Обонежье и число торговых и мастеровых людей в населении рядков по Ладожскому озеру стало увеличиваться, тогда как прежде преобладало рыболовческое население. Не меньшее значение имел путь по реке Мсте до Вышнего Волочка и далее, соединявший Новгород с восточной и средней Россией и устанавливавший торговые сношения между этими русскими областями и Западом, прибрежьями Балтийского и Северного морей. На этом пути по р. Мсте находилось 13 рядков с 537 торговыми местами, причем на каждый двор приходилось почти 2½ торговых помещения, на каждые 20 верст пути по Мсте имелся рынок с 42 — 48 торговыми местами, так что эта река являлась как-бы сплошным обширным рынком. Это свидетельствует об оживленности торгового движения между Новгородом и другими областями страны. Впрочем к концу XVI ст. обнаруживается упадок этих рядков [2]).

Как мы видели выше, в торговле Ганзы с Новгородом уже раньше успели выдвинуться и занять первое место лифляндские города Ревель, Рига и Дерпт, причем и новгородцы проявляли активную деятельность в товарообмене с ними, ездили и сами в эти города. Теперь торговля с лифляндскими городами окончательно занимает место торговли с заморскими торговыми центрами и в ней заключается сила Новгорода. Разного рода насилия, чинимые в этой торговле с обеих сторон однородные с теми, которые прежде имели место, не могли все же помешать ее

---

[1]) В 1478—1489 г.г. были неоднократно выведены «большие бояре новгородские», при чем Великий князь велел «казны их и села все отписати на себя». Точно также Никоновская летопись под 1487 г. сообщает, что «князь великий перевел из Новагорода во Владимирь лучших гостей новогородских 50 семей». П. С. Р. Л. XII. 182, 185, 213, 215—16, 219.

[2]) Ильинский. Ж. М. Н. П. 1876. VI, 245 сл., 262 сл., 268, 270 сл. 276 сл. См. также выше, стр. 10.

дальнейшему развитию. Но, конечно, это был уже не тот Новгород, каким его знали прежде. При сравнении данных, относящихся к пол. XVI ст., с писцовой книгой 1583 г. обнаруживается сильное сокращение торгово-промышленного населения города (на 80% и более) и если и можно предполагать, что впоследствии Новгород снова оправился (на это указывает, напр., тот факт, что во время пожара 1605 г. выгорело 700 лавок, притом только в рядах и на одной лишь торговой стороне), то все-же он уже не являлся более главным торговым центром страны. [1]).

Гораздо меньше изменилось, повидимому, положение Пскова. К концу XVI ст. сюда перешла торговля из Нарвы, после перехода Нарвы к шведам русские товары находят себе выход в Балтийское море через Псков. Мы встречаем здесь (в 1630—32 г.г.) торговых людей «Любской земли», Ростуга (Ростока)-городка», «галанских немчин», «рижских немчин», «колыванских немчин», «юрьевских немчин», следовательно, как торговцев из лифляндских городов, так и нидерландских и любекских [2]), а равно шведов [3]).

«Любской немчин» Пантелейко Иванов «в привозе явил 1000 ефимков» да «бочурку меди в шкилях» и закупал он во Пскове соль, лен, сало, лосины и кожи и хотел ехать со своими товарами в «Свейскую землю» [4]). В 1604 г. приехал на гостиный немецкий двор «Фрянцовской земли торговой человек немчин Бартрам Декаус», направлявшийся в Москву, «не пригодитце (ли) будет тот товар государю». Вез он с собой «селонку невелику, с покрышечкою золоту, а в ней вделаны жемчюжки и камешки яхонтики, и достоканцы, и изумрудцы, и лалики и бюризы», и еще много других серебряных и золотых вещей с жемчугом, изумрудами, сафирами и другими камнями [5]). Из Пскова вывозилась тайно соль и другие заповедные товары. Псковские «торговые посадцкие и жилетцкие и уездные всякие люди» «для своей корысти» за рубеж возили и тайно проносили их «меж лесов проселочными дорогами стежками» [6]).

По писцовой книге конца XVI ст., в Пскове насчитывалось свыше 1200 лавок, клетей, амбаров и прочих торговых помещений, число огромное—вдвое больше, напр., чем в Нижнем Новгороде, хотя в Пскове и было много пустующих лавок [7]). Напротив, в начале XVII ст. население Пскова сокращается; в то время, как при завоевании его число дво-

---

[1]) Книга писц. по Новг. Вел. конца XVI в., изд. Майковым. (Лет. зап. Арх. Ком. XXIV). Опись торгов. стор. в писц. кн. по Новгороду Вел., изд. Грековым (там же). Гневушев. Экономич. полож. Вел. Новгорода во второй пол. XVI в., 8—15, 20 сл., 24 сл. Сборн. Новг. Общ. любит. древностей. Т. VI. 1912 г. Форстен. Балтийский вопрос в XVI—XVII в.в. (1544—1648). Т. I. Борьба из-за Ливонии. 1893 г. Любомиров, 17.

[2]) Сб. М. А. М. Ю. VI. № 5. II.

[3]) А. А. Э. III. № 200.

[4]) Сб. М. А. М. Ю. VI. № 5. II. VII.

[5]) Там же. № 2.

[6]) А. И. III. № 128. А. А. Э. III. № 195.

[7]) Писц. кн. по Пскову 1585—87 г.г. Сб. М. А. М. Ю. Т. V. Чечулин, 130.

ров только в застенье доходило до 6500, по сообщению воевод 1630 г., в нем «торговых посадцких теглых людей, и их дед и братьи и племянников и детей и захребетников и всяких жилецких людей 1057 чел.» [1]). Если даже прибавим женщин и малолетних, то все же получится уменьшение населения. По Росписному списку 1633 г., посадцких людей оказывается всего 997 чел., но столько же (1000 чел.) стрельцов, а сверх того дворян и детей боярских, пушкарей, казаков и прочего населения свыше 500 человек. Впрочем, как мы уже указывали выше, и ратные люди занимались много торгами и именно для Пскова мы находим ряд подтверждений в смысле сбыта ими товаров даже иностранцам для вывоза. [2]).

Во всяком случае и в XVII веке как в Новгороде, так и в Пскове имели свои подворья голландцы, шведы и датчане и когда они отправлялись зимой сушей, то ездили на Новгород и на Псков.

Так едет, напр., в 1643 г. «для своего торгового промысла» иноземец Григорий Ракс со своим человеком Петрушкой. [3]). В том же году «галанские земли торговой человек Онанья Радионов» указывает на то, что «отпустил он от Архангельсково города многие русские товары на кораблях, и те де карабли на море воровские люди разбили и товары ево поимали, и он де, для прямово ведома и сыску товару своего едет в Галанскую землю горами» и просит из Москвы его «отпустить на Великий Новгород и на Псков», на что ему действительно выдана проезжая грамота. [4]).

Городами от «Литовской Украины» именовались города, расположенные в верховьях рек Великой, Ловати, Западной Двины и Днепра, за которые в XVI ст. шел спор между Москвой и Литвой. Среди них по своему торговому значению выделялся Смоленск, через который шли сухопутьем товары из Литвы в Москву и где был особый «гостин литовский двор» [5]). К сожалению, документы эпохи обороны Смоленска в Смутное время дают возможность лишь определить более или менее размеры посадского населения, которое, судя по данным о распределении посадских людей по башням, о находящемся у каждого оружии, как и о снабжении неимущих хлебом, было значительно, но о количестве торгового элемента сведений нет—указаны лишь различные ремесла, к которым они принадлежали [6]).

---

[1]) Харузин. Псков и его пригороды перед 2-ой польск. войной при царе Михаиле. (Древн. Тр. Арх. Ком. Моск. Арх. Общ. I, вып. 3, стр. 398).

[2]) Сб. М. А. М. Ю. VI. № 9, стр. 52.

[3]) Арх. Строева. II. № 518. Ср. А. А. Э. III. № 318.

[4]) Арх. Строева. II. № 521.

[5]) Платонов. 67. Любомиров. 15.

[6]) Памятн. обороны Смоленска 1609—1611 г.г., изд. под ред. Готье. 1912. №№ 232 (роспись Смоленск. гарниз. по башням), 234 («Список посадцких людей Воскресенской сотни, которым быти для осадного времени с самопалы и с копьи, и с бердыши, и с топорки, и со всякими ратными бои»), 248 (списк. посадск. людей, не имеющих хлеба), 250 («имена посацким бедным людем голодным»).

Повидимому, стратегическая роль Смоленска выдвигалась на первый план. Напротив, в Вязьме торговля и в XVII ст. имела значительные размеры. Вязьма не только была передаточным пунктом между Литвой и Россией, но через нее шел путь и на Оку и на верхнюю Волгу, в Тверь и в Калугу. Из таможенных записей 1653 г. и 1655 г. видно, что с Вязьмой или через Вязьму вели торговлю купцы 44 городов.

В гостином дворе насчитывалось 237, позже (по писцовым книгам 1646 г.) 269 лавок, но тем же данным таможни торговля производилась главным образом скотом, солью, медом, кожами, льном и пенькою, рыбой, хмелем, лесом [1]). Другим порубежным с Литвой городом являлся Торопец, который, вследствие своего географического положения, приобрел значение в торговле в качестве посредника между Литвой и внутренними областями Московского государства. Сюда приезжали московские купцы для приобретения из первых рук у литовцев привозимых ими товаров, ибо последним запрещалось ездить далее порубежных городов. Приезд литовцев и поляков из Белого, Велижа, Витебска, Могилева имел для Торопца огромное значение: «если-б не пускать в Торопец для торгового промысла литовских евреев и Литвы разных вер, то государевой таможенной казны и трети не собрать», — говорили торговые люди в 1653 г. Вместе с тем торопчане ездили как за рубеж в Литву и Польшу («волочились с торжишком в литовскую землю») и в Ригу, так и во всевозможные русские города. В Торопец приезжали купцы из Бельского уезда с хлебом, из Осташкова привезили мыло, железные изделия и т. п., из Борисоглебской слободы сукно. Происходил торговый обмен с Новгородом и Старой Руссой; в оба эти города вывозили лес для соляных варниц. [2]).

Значительную роль играли города, лежавшие по Сибирскому пути или около него—уже упомянутая Соль Вычегодская, далее Яренск, Чердынь, Соликамск, где важными промыслами являлись соляные и где совершалась оживленная торговля пушным товаром. Путь из Москвы был до самого Соликамска водный, везли товары волоком до Верхотурья, где находилась таможня и где брались проезжие грамоты для путешествия в Сибирь. В Верхотурском уезде была слобода Ирбит, в которой с половины XVII ст. происходила ярмарка и приобретались бухарские и китайские товары для вывоза в Россию. Из Верхотурья плыли мимо Тюмени в Тобольск, важнейший торговый город Сибирского края в XVII в., центр сибирской меховой торговли, куда приезжали также бухарцы и калмыки. Но торговцы и промышленники в поисках за пушным зверем пускались и дальше внутрь Сибири по Енисею и Лене, в особ. их привлекали слухи о богатстве «великой» реки Лены. Посадских людей находим в сибирских городах

---

[1]) Виноградов. Ист. очерк г. Вязьмы. 80—87, 90 и прил.
[2]) Побойнин. Торопецк. Стар. 285 сл., 291 сл., 309 сл., 347 сл.

весьма мало, даже в таких, как Томск или Якутск; большинство из этих городов служило лишь крепостью и временной стоянкой пришлых людей. Но все же во многих из них устроены были гостиные дворы, амбары и лавки и производились значительные обороты. Установились торговые сношения с калмыками, бухарцами и через посредство последних и с Китаем, к концу XVII ст. стали ходить караваны и в самый Китай [1]).

О крупном значении Енисейска в торговле того времени можно усмотреть из ценовых росписей товарам русским, китайским и бухарским 1649 и 1684 г.г., продававшимся в Енисейске и оцененных в таможней Таможенной избе для взимания пошлин. Здесь мы находим не только хлебные запасы, мясо, жир, воск и мед, многообразные виды мехов, медь, железо и всякие изделия из них (ножницы, косы, серпы, замки, сковороды, гвозди, иглы, крюки и т. д.), которые предназначались для обмена с туземцами, но и китайские, персидские, бухарские и иные восточные товары, в особ. шелк и ткани разного рода (китайку, камку, атлас и бархат, тафту и выбойку бухарскую, выбойку кизилбашскую) и жемчуг. Но там продавались и «сукна всякие немецкие и литовские» и русские, книги богослужебные, кожи и изделия из них, слюда, мыло, посуда и многое другое [2]).

Кильбургер рассказывает, что между русскими и китайцами в Тобольске установился товарообмен, который с каждым годом растет. Туда китайские купцы привозят всякого рода пестрые татарские и китайские шелковые материи или штофы, плис разных цветов и крепкую выбойку, которая «называется русскими китайской». «Они также привозят драгоценные камни, как то: рубины, топазы и один вид, называемый «лалами», который цветом несколько бледнее рубинов, также простой фарфор, мускус, бобровую струю, ревень, чай, бадьян... и многие другие товары, попадающиеся в государстве Хиве и в Великой Татарии. Они особенно начинают теперь также возить в Сибирь шелк, который несравненно нежнее персидского» [3]).

Роль указанных городов в русской торговле XVII ст. подтверждается и данными относительно пятинного сбора 142 г., который взимался с торгово-промышленного населения и распределение поступлений которого по отдельным городам дает представление о торгово-промышленном, главным образом торговом значении последних. На первом месте, конечно, стоит Москва, которая дала почти третью часть всех поступлений и которая развивалась насчет остальной России. Затем идут наиболее крупные центры по средней Волге (10 городов в среднем по 6.110 руб. пятинного оклада), среди них наиболее мощные Ярославль (17 тыс.) и еще более Казань (26 тыс.). Наряду с ними Нижний-Новгород, Кострома, Свияжск, Балахна — их питала Волга, как и торговля с Востоком. Вторую по своему значению группу составляли упомяну-

[1]) Сташевский. Пятина. 1912. V. 104. Костомаров. 126 сл. Бахрушин. 18 сл., 66 сл.

[2]) Из Актов Моск. Арх. М. Ю. 63 сл., 98 сл. (Чт. О. И. и Др. 1900. II).

[3]) Кильбургер. 152—53.

тые нами выше северные города—Великий Устюг, Тотьма, Вологда, Архангельск (в среднем 4200 руб.), сюда-же относятся Вага и Белоозеро и дальше сибирские города: Соль-Вычегодск, Яренск, Чердынск, Соликамск, торговавшие хлебом, солью, рыбой, в особ. же сибирской пушниной. Из прочих значительную роль играют Новгород с его пригородами (8.865 руб.), Псков (3.430 руб.), Шацк с его уездом (4.301 руб.), Хлынов или Вятка (3.130 руб.), Калуга (4.315 руб.). Все остальные местности обнаруживают слабое торгово-промышленное развитие. Такова вся Волга, кроме указанного выше среднего течения. По нижнему течению находим 3 города с окладом в 1.100 руб. в среднем (только Астрахань 4.668 руб.), по верхней Волге 6 городов, на которые приходится в среднем еще меньше — 700 рублей, только Углич уплатил 2.905 руб. Вятские и Пермские города дают в среднем всего 617 руб., больше понизовые (1.800 руб.), в которые входят кроме упомянутого Шацка—Арзамас, Темников, Алатырь. Невелика роль и западных и южных городов: Торжок и Тверь дают минимальные оклады (836 и 863 р.), больше Вязьма и Брянск (1.060 р. и 1.882 р.) и постепенно растущие Тула (1.732 р.) и Воронеж (1.300 руб.), наибольшее же значение имела упомянутая выше Калуга, лежавшая на окской торговой дороге; но вообще оклады находившихся здесь 11 городов составлял в среднем всего 1.050 руб. [1]).

III.

О расширении рынка в XVI—XVII ст. свидетельствует и значительное количество вновь возникших торговых мест, встречаемых в памятниках. Н. А. Рожков справедливо обратил внимание на многочисленность торжков, где производилась торговля [2]). Е. Д. Сташевский возражает против этого, указывая на то, что правительство вело борьбу с мелкими торжками [3]). Однако, не следует упускать из виду, что преследуя свои фискальные интересы, оно было по общему правилу заинтересовано в их размножении, ибо с торгом было связано взимание пошлин, которые либо собирались наместниками, либо сдавались на откуп, большей частью церквам и монастырям [4]). Монастыри, в свою очередь, извлекали выгоду из рынков и соединенных с ними сборов и нередко сами хлопотали об учреждении новых торжков. Борьба с последними велась только в том случае, если новые торжки нарушали интересы уже ранее устроенных и сокращали поступления торговых сбо-

[1]) Сташевский. Пятина. 142 г. Ж. М. Н. П. 1912. V. 99 сл.
[2]) Рожков. Сельское хоз. Стр. 270 сл.
[3]) Сташевский. Московский уезд, стр. 37.
[4]) Кроме торговых сборов, они доставляли и полавочный сбор. Об этом упоминается уже в духовной Ивана III 1504 г. (Сб. Г. Г. и Д., т. I. № 144, стр. 389, 397).

ров с последних или если это были самовольно созданные торги, не доставлявшие казне дохода. Однако, повидимому, и борьба с такими незаконно возникшими торгами была далеко не всегда успешна.

В грамоте 1569 г. перечисляется, напр., ряд торговых пунктов, находящихся в уездах Городецком, Углицком и Ярославском в царских подклетных селах, в боярских вотчинах, в особ. же у различных церквей и монастырей—в трех местах «у Пречистые», далее «у Здвиженья Честного Креста», у церкви Бориса и Глеба, у церкви Леонтья Святого. Против них ведет усиленную борьбу Симонов монастырь, взявший на откуп таможенные пошлины в Веси-Егонской. Он жалуется на то, что от этих многочисленных расплодившихся в разных местах торжков монастырю в сборе их «убыток и недобор великой», и добивается того, чтобы «никому ничем торговати не велели, причь села Веси Егонской». Действительно, велено «кликати не по один день, чтобы торговые люди на все на те торжки не с'езжалися и на тех торжках однолично не торговали никаким товаром» [1]). Неизвестно, удалось ли монастырю добиться для себя монополии и упразднить все эти торги, в которых, очевидно, ощущалась потребность у населения.

И в других местах находим еженедельные торжки, где взимается тамга и куда с'езжаются волостные крестьяне со «всяким деревенским товаром».

В Тверском уезде имелись в различных селах торги с лавками. Так напр. в селе Лотошине Микулинского стана был торг, «а торгуют в нем еженедельно по средам всяким деревенским товаром, а с приезжих людей и с товаров пошлины емлют откупные таможники, а лавок в торгу 17», и кроме того еще 15, а на местах «порожних» меж лавок ставятся горшечники» [2]). Там же торг в селе Городище: «а торгуют в нем еженедель по четвергом», живущих лавок 21, а пустых вымерочных 8 [3]). В селе Кушалище. Шезского стана того же уезда также было на торгу 29 лавок, где торговали по пятницам «волостные крестьяне всяким деревенским товаром» [4]). В одном митрополичьем селе Вятцком. Костромского уезда (ок. 1560 г.) еженедельно торговали «хлебом, солью и всяким мелким товаром», «а тамги собирают в год на митрополита до 1½ рубли, а иногды болши, а иногды менши» [5]). Точно также в Пошехонском уезде устроен был торг в селе Спасском, принадлежащем Новинскому монастырю. По ходатайству последнего, «торговать велено в неделю один день в среду во весь год и собирать пошлину по указу на монастырь» (грам. 1676 г.) [6]). В Угличском уезде

[1]) А. А. Э. I. № 269. О такой же борьбе г. Торжка с 5 соседними торгами см. грам. 1539 г. (А. А. Э. I. № 188).
[2]) Писц. кн. Моск. гос П. 340.
[3]) Там же. 343.
[4]) Там же. 361.
[5]) Сотницы, грамоты и записи, изд. Шумаковым. Вып. 2, стр. 4.
[6]) Д. А. И. IX. № 8.

торжок существовал в селе Прилуках и там взимали «в торговые дни по вторникам пятно и явку» [1]). В Каширском уезде торговля производилась за городом даже после того, «как лавки пожгли крымские люди»: «торгуют на торгу на неделе два дня из сел с хлебом и всяким мелким товаром», но сверх того там-же «по торжком у Пречистые, у Гостоновские, да у Оптошья Св., да на берегу Оки реки у Спаса в Тешилове» имелись откупные таможники [2]).

Нам известно и об учреждении, по царским грамотам (вернее об утверждении), и новых торжков. Так, по челобитию Кирилло-Белозерского монастыря, ссылавшегося на то, что «монастырским крестьянам хлеба и иного товару купити и продать негде, а на Белоозеро и на Вологду ездить и ходить далече», было разрешено в 1602 г. производить торги на Волочке Словинском и хотя, вследствие этого, торговые люди стали съезжаться на Волочке в таком количестве, что на Белоозере «таможных пошлин сбирати» стало «не на ком», все же рынок на Волочке и впоследствии не был отменен [3]). На учреждении новых рынков, ссылаясь на недостаток и отдаленность существующих, настаивают и другие монастыри.

Так Ярославский Спасский монастырь на этом основании устроил у себя несколько рынков и добился их утверждения. Он бил челом царю Федору Ивановичу в 1595 г., что в монастырском селце Федоровском «торгу нет и от городов де и от торгов то село поудалело, от Ярославля 50 верст, а от Костромы 50 же верст, и от Любима 45 верст и крестьянам де их летом» в эти города «торговать ездети не можно, грязи и болота великие». Ссылаясь на то, что к Ярославской тамге это селцо, тамгою не приписано и потому от устройства торга в нем «недобору не будет», монастырь добивался того, чтобы «в селе Федоровском торг учинити ново в первые и тамгу б дати в откуп того же села крестьянину Савке Антонову». Ему и была выдана грамота «о торговании по пятницам» в этом селе [4]). За несколько лет до того (в 1589 г.) монастырь получил такое же разрешение на устройство торга в другом своем селе Еремейцеве, ссылаясь также на то, что это село «от городов и от торгов далече верст по 20 и по 30 и по 40» [5]). Наконец, в 1615 г. был учрежден торжок и в монастырском селе Левашеве и там тоже велено «было имать с того торгу» по уставной грамоте [6]). Исходной точкой является таким образом предположение, что на каждые 20—50 верст должен быть торжок.

В 1642 г. монастырь жалуется царю Михаилу Федоровичу на то, что крестьяне Степана и Григория Непоставова, которым отдана на откуп таможенная пошлина с торжков в этих трех селах, монастыр-

---

[1]) Писц. кн. I. 35.
[2]) Писц. кн. II. 1305.
[3]) А. А. Э. II. № 21.
[4]) Ист. Ак. Ярос. Спасск. мон. Т. I. № 67.
[5]) Там же. № 65.
[6]) Там же. № 74.

ским крестьянам «обиды и продажи и всякое насильство» чинят и в этих селах «в торговые дни монастырскую вотчину пустошат, огороды в полях и во гуменниках ломают», хлеб и сено «травят» и крестьян «побивают» и пошлины с них «емлют не в меру за правежом» и, «оттого де их великого насильства и продажи монастырские крестьяне ни с каким товаром, ни хлебом, ни с животиною, на торг ездить не смеют». Вследствие этого, по челобитью архимандрита, таможенные пошлины были отданы на откуп самому монастырю [1]). В 1660 г. кроме тех же трех торжков, опять упоминаемых, появляется еще четвертый «вновь в селе Фефилове», утвержденный грамотой царя Алексея [2]).

Много торжков или рядков, как они там именовались, мы находим в Новгородской области в XVI ст. Эти рядки представляли собой торговую площадь с построенными торговыми помещениями для временного рыночного торга. Были постоянные лавки, амбары, прилавки, шалаши, где во время рынка торговали, было «гостиное дворишко торговых людей на приезд», наконец, окрестные крестьяне ставились и просто на площади, продавая товары с возов. Так, напр., во Млеве на р. Мсте на погосте в ряду 225 лавок, «а ставят те лавки помещикове крестьяне . . ., а дают в тех лавках приезжим гостем торговати до Петрова дни и по Петрове дни всего две недели». В погосте Никольском на р. Шуе, по описи 1566 г. «торгуют приезжая новгородцы и тутошние жилцы всяким мягким товаром». В Осеченской волости на погосте «у Воскресенья торг, а торгуют по воскресеньям одиново в неделю мелкими товары» — «хлебы и калачи и солью и мылом, а приезжают торговые люди из Торжку». [3]).

Эти рынки посещались, однако, не одними крестьянами, но и посадскими людьми, которые наряду с торговлей в лавках и шалашах, на скамьях и полках на торгу в городе, производили и кочевую торговлю, разъезжая по деревням и торжкам, причем сбывали произведения и своего труда; городской ремесленник (нередко в то же время и торговец) работал и для деревни. Так, в писцовой книге Боровска читаем: «торгует луком и чесноком, отъезжая по деревням», «делают кожевной товар и отвозят и продают по городам и по ярмаркам», «скупает по деревням кожи и мед и всякой товар», «скупает по деревням скотину, да бьет на продажу» [4]). В деревнях закупается, следовательно, скот для городского потребления и кожи для городских ремесленников, а изделия из этих кож развозятся по деревням и ярмаркам. О такой же кочевой торговле встречаются записи в писцовой книге г. Ростова: «Ездит по базаришкам с иглы и с булавки», «ездит по торишком с луком и с чесноком». Торговлю в отъезд находим и в Торопце, Туле, Серпухове.

[1]) Ист. Ак. Ярослав. Спасск. мон. I. № 86.
[2]) Там же. № 92. См. также №№ 98, 99.
[3]) Ильинский. Ж. М. Н. П. 1876. VI. 216, 218, 252, 254.
[4]) Писц. кн. 1685 г. Матер. 43—47, 54 сл. 81.

Вязьме: «торгует отъезжая щепетинным товаром», «торгует отъезжая мягким товаром» (пушниной), «торгует от'езжая всяким товаром» [1]). В писцовой книге по Вел. Новгороду встречаются «купчины корыстные», «купчины сельские», «купчины отъезжие красолы» [2]).

На монастырской земле в дни годовых храмовых праздников происходили ярмарки, отличавшиеся, повидимому, от обыкновенных торгов тем, что они привлекали население не только из окрестностей, но и из более значительного района. В Кирилло-Белозерском подмонастырье имели место ярмарки два раза в год, в день памяти преп. Кирилла, основателя монастыря, и в храмовой праздник монастыря. Позже они совершались 3 раза в год и продолжались по 3—4 дня после каждого праздника, причем место торгов находилось, повидимому, подле стен самого монастыря. Ярмарка происходила далее и на самом Белоозере, в волости Углы (ее мы встречаем еще в XV ст.), привлекая торговцев из различных местностей—из московских, тверских и новгородских земель. Торговали самыми разнообразными товарами—скотом, птицей и дичью, мясом, сыром и яйцами, рыбой и солью, льном, лошадьми, луком и чесноком, яблоками и т. д., наконец, продавали и людей. Однако, сверх этих об'ектов торговли, перечисляемых уже в грамоте 1497 г., грамота 1550 г. упоминает и ряд других — хлеб, меха, сукно, перец, торговля, следовательно, расширилась [3]).

На севере, к востоку от Архангельска находим два раза в год ярмарку в Лампожне, на Мезени, где совершалась мена товаров с самоедами, кочевавшими за Мезенью и Печорою. Они здесь «свои ухожаи ведали, рыбные ловли и зверя всякого били», хотя печеряне и пермяки пытались отнять у них эти земли; самоеды приезжали на Лампожню «торговати с русаки», привозя туда пушной товар и «рыбий зуб» [4]).

В Весь-Егонскую отправлялись торговать «всякими товары» угличане и ярославцы и костромичи и торг происходил «еженедель по вся дни». Приезжали и из иных городов «и Тверяне, и Новагорода Великого и Псковитин» и привозили «воск, хмель, мед, соль, рыбу, икру и мягкой товар: бобры, куницы, белки и сукна». Однако делались попытки перевести торг в «Старой Холопей, к Борису и Глебу, а там лавки ставили и кабаки держали, торг был великий и гостей в то время в Весь-Егонскую не пропускали» [5]). Здесь, в устье Мологи, близ прежнего Холопьего городка, существовала некогда оживленная ярмарка, которая еще происходила при Герберштейне, тогда как писавший о ней

[1]) Ростовск. перепис. кн. втор. пол. XVII. ст. (Р. И. Б. XI). 14, 18—19, 21. Побойнин. 276. Виноградов. Прил. X. Симсон, ук. соч. Белоцерковский, ук. соч.
[2]) Писц. кн. по Новгор. Вел., изд. Майковым. XXI, XXVI сл.
[3]) А. А. Э. I. №№ 134, 230.
[4]) Там же. I. № 204. О торговле с самоедами см. Штаден, 64, 75, 117.
[5]) Там же. I. № 262, 263, 269.

в конце XVII ст. диакон Каменевич-Рвовский уже не видел ее; он пишет, что «бывшие тогда в память свою нам поведаша, яже от отец своих слышаша». [1]).

О роли ярмарки, имевшей место в Тихвинском посаде на земле большого Тихвинского монастыря, можно усмотреть из книг, которые вел монастырь: «отводные местам приезжим торговцам», «лавочные и онбарные на гостинном дворе». Книги же, заведенные в Таможенной избе для торговцев из городов каждого района, свидетельствуют о том, из каких отдаленных районов торговцы приезжали в Тихвин. Упоминаются не только новгородцы, псковичи, ладожане, олончане, но и торговые люди заонежских, московских, Поволожских, Заокских и Понизовских городов. Сюда же приезжали и «Свитцкие земли» торговые люди. Привозилась рыба и соль, юфть, пригонялся скот, но доставлялись и «английские» и «амбурские» сукна, бумага писчая, металлы. [2]).

В Брянском уезде в конце XVII века славилась свинская ярмарка: «из разных торговых городов посадские лучшие люди съезжают к городу Архангельску и на Макарьевскую и на Свинскую и на иные ярмарки для торговых своих промыслов и в домы свои не приезжают многое время» [3]). Свинская ярмарка поставлена здесь в числе первоклассных ярмарок, наряду с Архангельской—средоточием обмена Руси с Западом, и Макарьевской, происходившей около Нижнего Новгорода (впоследствии Нижегородской). Последняя совершалась ежегодно в июле под монастырем св. Макария Желтоводского и уже в то время находим здесь оживленный товарообмен между Европейской Россией и Сибирью. Ярмарка составляла важную статью дохода для монастыря, так как пошлины Михаил Федорович подарил ему «на свечи и ладан и на церковное служение и брати на пропитание» и этот доход сохранялся за монастырем и впоследствии [4]).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Характер и формы торговли.

Литер. см. гл. XI и XII (источн. см. стр. 3 сл., в особ. соч. иностранцев о России).

I.

«В городе Москве»—говорит Кильбургер в своем «Кратком известии о русской торговле, как она производилась в 1674 г. вывозными и привозными товарами по всей России»—«больше

---

[1]) Сб. Г. Г. и Д. I. № 144, стр. 396. Герберштейн. 42. Карамзин. IV. Прим. 323. Штаден. 66.

[2]) Лет. зан. Арх. Ком. за 1913 г., т. 26, стр. 25 сл. (отчет Б. Д. Грекова).

[3]) П. С. З. II. 340. Костомаров. 138.

[4]) А. И. V. 155.

торговых лавок, чем в Амстердаме или в ином целом княжестве». «Но—прибавляет он тут же—лавки эти маленькие и иногда плохого качества; сравнивать же их с амстердамскими совсем нельзя, ибо пришлось бы признать, что из одной амстердамской лавки можно выкроить десять и более московских». В Москве—указывает он в другом месте—«так же много лавок, как во многих европейских городах, хотя большинство их так малы и узки, что купец едва в состоянии повернуться между товарами» [1]). На это характерное обстоятельство, весьма поразившее иностранцев, указывал за 100 лет до того (в 1581 г.) иезуит Антоний Поссевин, посетивший Россию при Самозванце; и он видел много новых лавок, расположенных улицами (рядами), по роду товаров, в Китай-городе, но эти лавки были так малы, что, по словам его, в одном венецианском магазине найдется больше товаров, нежели в целом ряду московских лавок [2]). «Так как народу в Москве великое множество—писал в своем путешествии через Москву Корнилий де Бруин, приезжавший при Петре Вел.—то для лавочек они должны довольствоваться небольшими помещениями, которые вечером они и запирают, уходя домой» [3]).

Итак, многочисленность лавок и мелкие размеры каждой из них, куча крохотных лавочек обратили на себя внимание иностранцев. И это не изменялось—эпоха самозванцев и эпоха Петра дают одну и ту же картину.

Это наблюдение подтверждается и другими данными. Торговых мест всякого рода было огромное количество. В Москве на рынках и площадях, во всевозможных рядах, в Белом-городе и в Китай-городе, и за Москвой-рекой толпилась масса народа и продавались самые разнообразные товары. Здесь имелись не только лавки и амбары, но и шалаши, скамьи, бочки, кади и кувшины, торговля оседлая и разносный торг. На каждые 2—3 посадских двора приходилось место торговли (посадских дворов в 1701 г. было 6894, торговых мест 2664) [4]). Но и в других городах находим много торговых помещений всякого рода—лавок, амбаров, полок, клетей и т. д. Согласно писцовым книгам таких торговых мест (кроме пустующих) насчитывалось в Пскове около 1.200, в Нижнем-Новгороде свыше 600, в Туле 426, в Рязани 377, в Вязьме 269, даже в подмосковных городах Коломне и Серпухове, несмотря на близость Москвы, по 270 [5]).

---

[1]) Кильбургер. 88, 174.
[2]) Possevini Moscovia. 1583, p. 14. Ключевский. Сказ. иностр. 217—18.
[3]) Путеш. Корнилия де Бруина. Чт. О. И. и Др. 1872. II. 85.
[4]) Довнар-Запольский. Торг. и пром. Москвы. 55—56.
[5]) Писц. кн. Моск. гос. I. 318. II. 1077—78. Писц. кн. по Переяславлю-Рязанск. 1626 г. Матер. 21. Рязанск. писц. кн. I, 8. Писц. кн. по Нижн.-Новг.

Точно так же подтверждается и указание на крайне мелкие размеры этих лавок. Типичной лавкой являлось помещение в 2 сажени в ширину, 2½ в глубину. И это была полная ловка [1]). А наряду с ними имелись полу-лавки, четверти лавки и даже восьмые части лавок.

В 1626 г. в Московском Китай-городе из 827 всех торговых владений было всего 307 владельцев полных лавок, тогда как в 76 случаях они занимали менее целой лавки, именно от ⅞ до ¾ лавки, а в 328 случаях торговое место составляло всего пол-лавки, в 27 — от ½ до ¼ лавки. Напротив, соединение нескольких лавок в одних руках (или, быть может, одной лавки, но по своим размерам равной нескольким установленной величинь!) было явлением весьма редким: насчитывается всего 32 случая владения по 1½ лавки и 15 случаев свыше 2½ лавки, из них только один, когда торговец занимал 3¾ лавки. Даже в тех случаях, когда купец владел несколькими лавками, на самом деле получалось всего 2 — 2½ лавки, ибо в каждом отдельном месте он имел по пол-лавки, по четверти и даже по одной восьмой. В 1701 г. 189 чел. владело по одной лавке, тогда как 242 занимали всего пол-лавки, а 77 человек ¾ лавки. А к этому присоединялось еще великое множество торговых мест, которые вообще не имели характера лавки, а представляли собою лишь временные, переносимые помещения. Таких мест насчитывалось в Китай-городе в 1626 году 680, из них 47 палаток, 267 скамей и мест скамейных, причем и тут нередко торговец занимал пол-палатка, часть скамейного места [2]).

И в других городах между отдельными владельцами лавки распределялись обычно довольно равномерно; «редко, кто владел более чем 3 лавками, за исключением впрочем таких торговых городов, как Казань и Псков, где иные имели лавок 10 и более, и платили раз в 10 — 15 больше, чем в среднем каждый из участвовавших в торговле людей». Но таких людей и тут было весьма немного [3]).

В Туле из 100 случаев владения торговыми помещениями 93 (352 случая) приходится на владение одной лавкой или скамьей; всего 3 проц. (11 случаев) владели двумя помещениями, большего числа вообще не встречалось [4]). В Нижнем-Новгороде из 423 владельцев торговых помещений, 12 имели 5 — 10 лавок, 75 проц. всех помещений принадлежат лицам, владевшим не более, чем одной лавкой [5]).

Зомбарт утверждает, что западно-европейские города в XIV—XV ст. кишели массой мелких и мельчайших торгов-

---

Ст. 489. Чечулин. 130. Симсон. 334. Белоцерковский. 63. 73. Довнар-Запольский. 56. См. также выше, стр. 319 сл.

[1]) Костомаров. 147. Довнар-Запольский. 29, 43. Чечулин. 250, 336. Белоцерковский. 64 сл.

[2]) Довнар-Запольский, 29, 43, 50, 53.

[3]) Чечулин, 132, 180, 246, 336.

[4]) Белоцерковский, 65.

[5]) Писц. и перец. кн. по Нижн.-Новг. Богородицкий. 21. Ср. Устюг. Вел. Матер.

цев, производивших крайне незначительные обороты [1]). Это утверждение оказалось преувеличенным; установлены факты довольно больших оборотов, совершаемых в средневековую эпоху [2]). В отношении Московского государства у нас нет данных об оборотах (см. впрочем грам. 1622 г. о лавках, где «товару меньше двух рублев»), но, судя по большему количеству маленьких лавочек, полулавок и четвертей лавок, в которых сосредоточивалась торговля в русских городах того времени, мы можем это положение Зомбарта с гораздо большим правом применить именно к Московской Руси XVI—XVII ст. Никто не станет отрицать, конечно, наличности крупных торговцев, в особенности среди московских гостей, но, повидимому, преобладающей являлась торговля весьма мелких размеров. Приведенные сравнения, проводимые Поссевином и Кильбургером между Москвой с одной стороны, и Венецией или Амстердамом с другой, свидетельствуют о том, насколько велико было расстояние между нашей и западно-европейской торговлей.

Кильбургер приводит факт обилия лавок в Москве в доказательство того, что в Московском государстве население «от самого знатного до самого простого любит купечество», что «русские любят торговлю» [3]). На это указывает и Родес в своих «Размышлениях о русской торговле 1653 г.». Все постановления этой страны—говорит он по поводу Московии—направлены на коммерцию и торги, как это достаточно показывает ежедневный опыт, потому что всякий, даже от самого высшего до самого низшего, занимается и думает только о том, как бы он мог то тут, то там выискать и получить некоторую прибыль» [4]). На склонность как городского населения, так и землевладельцев к торгашеству указывают и современники русские. «Елицыи во градех купующеи, продающеи, и прикупы богатеющe». Митр. Даниил при Василии III обличает: «всяк ленится учитися художеству, вси бегают рукоделия, вси щапят торгованиии». «Аще ж комуждо на потребу удобь будет сребро имать—читаем в другом месте... продает градцким жителем, елицы хлебы купуют и сим на потребу свою сребро притяжит» [5]).

Из этой любви русских людей к торговле, как и из многочисленности лавок, сделали вывод о широком развитии торговли

[1]) Sombart. Der moderne Kapitalismus, 4. Aufl. 1921. B. 1. T. 1. 309 сл.
[2]) См. мои Лекции по истор. экон. быта Зап. Европы. 6-ое изд. I. 182 сл.
[3]) Кильбургер. 88.
[4]) Допес. Родеса, 149.
[5]) См. Жмакин. Митр. Даниил и его сочинения. 1881. Стр. 543. Там же. Прил. XXII. Стр. 11. Милюков. Спорн. вопросы финанс. Прил. II. Богоявленский. Древн. Изв. арх. ком. Моск. Археолог. Общ. I. 8. Ср. Гильдебранд. Отчеты о розыскан. пропав. в Рижск. и Ревельск. арх. Зап. Акад. Наук, т. 29. Прил. 3. 1877. Стр. 93.

Московского государства [1]). Против этого возражают М. Н. Покровский [2]) и Г. В. Плеханов. Как указывает последний, эти сообщаемые иностранцами свойства русских еще ровно ничего не доказывают: многочисленностью торговцев и сильно развитым интересом к торговле отличаются и китайцы, но едва ли кто-нибудь станет утверждать, что их торговля обнаруживает крупные успехи [3]). Действительно, у различных нецивилизованных народов мы находим большую склонность к торговле: негры, напр., страшно любят торговать. Благодаря торговым сношениям с европейцами, первобытные народы быстро научаются торговать, и европейцы удивляются тому, с какой скоростью они усваивают всевозможные приемы и уловки, свойственные опытному европейскому торговцу, в том числе и способность обвешивать, уверять в высоком качестве малоценных товаров и вообще совершать всевозможные обманы. Те самые народы Океании, которые еще в конце XVIII ст. при появлении Кука во многих случаях не имели никакого представления об обмене, сорок лет спустя уже оказались умелыми торговцами. Когда в 1814 г. явились испанские миссионеры в Новую Зеландию, они были поражены тем умением и той расчетливостью, с которой туземцы производили обмен товаров, как они расхваливали свои продукты и старались извлечь как можно больше выгоды из каждой операции. Стэнли с удивлением рассказывает о том, что туземцы в Маниема (в Центральной Африке) имеют столь же преувеличенное представление о ценности своих товаров, как и лавочники Лондона, Парижа и Нью-Йорка [4]).

Повидимому, подобная эволюция совершилась и в хозяйственной психике населения Московского государства, главным образом, под влиянием сношений с иностранцами. И здесь появилась сильная любовь к торговле, жажда продавать и покупать. При этом обнаружились те же качества, которыми характеризуются современные не-европейские народы—«хитрости и лукавства», запрашиванья, обманы. Русским приходилось, впрочем, противопоставлять это столь же бесцеремонным действиям иностранцев, презиравших восточных варваров и смотревших на Россию, как на наиболее выгодное для скорой наживы место.

---

[1]) См. напр. Туган-Барановский. Русск. фабрика. Лященко. Аграрн. эвол. 129.

[2]) Покровский. Русс. Ист. I. 221.

[3]) Плеханов. История русск. обществ. мысли. I. 1919. Стр. 257.

[4]) См. Sartorius von Waltershausen. Die Entstehung des Tauschhandels in Polynesien. Zeitschr für Social. und Wirtschaftsgesch 1895. B. VI. p. 65. Waitz. Anthropologie der Naturvölker. B. VI. p. 76. 611—12. Ratzel. Völkerkunde. I. p. 193—94.

«Их смышленность и хитрость—рассказывает Олеарий—наряду с другими поступками особенно выделяется в куплях и продажах, так как они выдумывают всякие хитрости и лукавства, чтобы обмануть своего ближнего» [1]). «Купцы—читаем у Майерберга—подкрепляют свои обманы ложной божбой и клятвой при торговых сделках; эти люди такой шаткой честности, что если торг не тотчас же окончен отдачею вещи и уплатой цены за нее, то они легкомысленно разрывают его, если представится откуда-нибудь барыш позначительнее» [2]). Корб, секретарь посольства имп. Леопольда I в 1698—99 г.г. заявляет, что «так как москвитяне лишены всяких хороших правил, то, по их мнению, обман служит доказательством большого ума. Лжи, обнаруженного плутовства они вовсе не стыдятся. До такой степени чужды этой стране семена истинной добродетели, что самый даже порок славится у них как достоинство». Впрочем—прибавляет Корб—он не желает распространять этой характеристики на всех: «между толиким количеством негодной травы растут также и полезные растения и между этим излишеством вонючего луку алеют розы с прекрасным запахом» [3]).

Такую характеристику русского купечества мы находим и у других иностранцев. «Торгуют они с большими обманами и хитростями» [4]) «народ по природе склонен к обману», «обман и всякого рода пороки свойственны русским», «обман в торговле слывет у них хитрой штукой и делом умным», «в делах торговых хитры и оборотливы», «им ничего не стоит нарушить договор, если это им выгодно» [5]) — этот рефрен повторяется у всех, за исключением таких, как Кампензе, который утверждает по поводу русских, что «обмануть друг друга почитается у них ужасным, гнусным преступлением» [6]), хотя и он имеет в виду отношения русских между собою, но не их поведение в делах с иностранцами.

Но тот же Герберштейн, который жалуется на русских, что они «продают каждую вещь очень дорого и просят пять, восемь, десять иногда двадцать червонцев за то, что можно купить за один червонец», считает нужным прибавить, что и сами «они покупают у иностранцев редкую вещь за десять или пятнадцать флоринов, тогда как она едва стоит один или два» [7]). иначе говоря, обе стороны применяют те же приемы, платят друг другу равной монетой. В этом отношении русские тор-

[1]) Олеарий. 181.
[2]) Майерберг. 90.
[3]) Корб. 279.
[4]) Герберштейн. 90—91.
[5]) Чт. О. И. и Д. 1884. IV. 10. 1896. II. 13. Курп. Соч. Кильбургера. 248, 250—51, 256.
[6]) Письмо Альберто Кампензе к папе Клименту VII о делах Московии. Стр. 34. (Библиот. иностр. писат. о России. В. Семенова. Отд. 1. Т. I. 1836).
[7]) Герберштейн, 91.

говцы могли многому поучиться у торговавших с ними иностранцев, и поэтому рассказ Олеария о том, что московские купцы упрашивали обманувшего их в торговле на большую сумму голландца, чтобы он вступил с ними в компанию [1]), весьма ярко освещает картину нравов того времени. В особенности англичане приписывали своим конкурентам—голландцам все пороки, которые у них и заимствовали русские купцы. «Русские хитры и алчны, как волки»—писал в 1667 г. англичанин Коллинс, который девять лет прожил при дворе «великого царя русского»—«и с тех пор, как начали вести торговлю с голландцами, еще более усовершенствовались в коварстве и обманах» [2]).

Во всяком случае, этот характер торговли русских с иностранцами свидетельствует о том, что она производилась еще в мало развитых формах, торговец имел в виду заработать не на расширении сбыта, не на закупке товара там, где он дешев, и т. д., а при помощи разного рода хитростей и обманов. Она напоминала торговлю тех же англичан и голландцев в заокеанских странах, с той только разницей, что там они сплошь и рядом прибегали не только к обману, но и к насилию, от чего в Московском государстве приходилось отказаться.

Иностранцы обращали внимание на своеобразный характер торговли в Московском государстве и в том отношении, что она ведется в рядах, из которых каждый сосредоточивает товары определенного рода, напоминая в этом отношении восточные базары. В западно-европейских городах они ничего подобного не находили.

Самое замечательное и вместе с тем похвальное в Москве—говорит Кильбургер—это что каждый сорт товара, от самого высокого до самого низкого (простого), имеет свои определенные улицы и рынки [3]). «У входа в крепость—читаем у Койэта (1675 г.)—находится самая большая и самая лучшая площадь всего города, на которой с утра до ночи толпится народ. Возле площади и на соседних улицах находится много лавок, причем каждому роду товаров соответствует особая улица или место на площади; таким образом, представители одинаковых занятий или промыслов помещаются тесно друг возле друга» [4]). «Площадь так обширна—рассказывает Таннер в своем описании польского посольства в Москву в 1678 г..—что достаточна для торговых помещений всего города. Там виноторговцы продают разного рода вина... За ними торгуют шелковыми материями, тканями турецкими и т. п. Потом золотых дел мастера,

[1]) Олеарий, 181
[2]) Чт. О. И. и Др. 1846. I. 38.
[3]) Кильбургер, 174.
[4]) Посольство Кунрада фан Кленка. 523.

и таким образом во всяком ряду свое производство... Любо в особенности посмотреть на товары или торговлю стекающихся туда москвитянок: нанесут ли они полотна, ниток, рубах или колец на продажу, столпятся ли так, позевать от нечего делать, они поднимают такие крики, что новичек, пожалуй, подумает, не горит ли город, не случилось ли внезапно большой беды... Некоторые во рту держали колечко с бирюзой. Я в недоумении спросил, что это значит. Москвитяне ответили, что это знак продажности бабенок... Есть еще улица, куда ходит простой народ вычесывать грязь из головы, почему она получила прозвище Вшивого рынка. Там набросано столько волос, что шагу не сделаешь без того, чтобы не ступить, точно на подушку, на грязную их кучу» [1]). Рейтенфельс весьма одобряет такой порядок, ибо, благодаря этому, каждый «из множества однородных вещей, вместе расположенных, может весьма легко выбрать самую лучшую» [2]). Корб перечисляет всего 13 рядов [3]), но он соединяет по несколько рядов вместе в целые группы, ибо на самом деле их было гораздо больше. По описи 1695 г., в Китай-городе насчитывалось 72 ряда, в том числе одних рядов, торговавших материями, было до двадцати. Были ряды кушачный, рукавичный, чулочный, башмачный, голенищный, подошвенный, пушной, бобровый, соболиный и т. д.—деления, как видно, очень дробные [4]). Находим ряд для книг, другой для икон, ряд для торговли ладаном, особый ряд для продажи облачений священников, особый монашеский ряд; специальный ряд для торговли колоколами и церковными сосудами [5]).

Этот рассказ о том, что для всякого товара имеется особый ряд, повторяется постоянно в описаниях иностранцев — и у Дженкинсона в половине XVI ст., и у Петрея в 1608 г., и у Москевича в 1611 г., и у Олеария в 1636 г., и у Зани в 1672 г. [6]) [7]).

Иноземцы постоянно упоминают о рынке, где «цырульники обрезают простому народу волосы на голове теми же ножами, которыми разрезают хлеб и прочую пищу» и который «так устлан волосами, что по нем ходишь, как по мягкой обивке». Но там же продавалось и много прекрасных и дорогих вещей, почему Вшивый ряд, по мнению Кильбургера, мог бы справедливо претендовать на другое название [8]). О мяс-

[1]) Бернгард Таннер. Описание путешествия польского посольства в Москву. Пер. Ивакина. Чт. О. И. и Др. 1891. III. 61—62.

[2]) Рейтенфельс, 22.

[3]) Корб, 263—64.

[4]) Зерцалов. Московский Китай-город в XVII ст. Чт. О. И. и Др. II. 30. Курц, 487—88.

[5]) Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в пол. XVII ст. Чт. О. И и Др. 1898. IV. 3 сл.

[6]) Чт. О. И. и Др. 1865. IV. 2 сл. Устрялов. Сказания современ. о Дмитрии Самозванце. II. 56 сл. Олеарий. 105 сл. См. Ивакин. Бернгард Таннер. О. И. и Др. 1891. III. 138, 147, 151, 156. Штаден. О Москве Ивана Грозн. 105.

[7]) На это указывает и Marperger. Moskowitischer Kauffmann. 1723. p. 153.

[8]) Кильбургер. 174.

ном и рыбном рынке иностранцы говорят, что «приближение к ним можно узнать по запаху раньше, чем увидишь,—смрад здесь так велик, что все иностранцы затыкают нос, тогда как русские его не замечают и чувствуют себя отлично» [1]).

Различные авторы указывают на то, что такое распределение торговцев по рядам, в зависимости от вида продаваемых ими товаров, было установлено правительством: «купцам по роду их торговли назначены особые места, рынки и местности; в прочих местах торговать им не дозволяется» [2]). Этого не следует, однако, понимать в том смысле, что самые ряды созданы распоряжением властей. Они возникли, надо думать, самопроизвольно, и мы находим рядки или ряды уже в отдаленные времена, находим их не только в Москве, но и во всех других городах, как необходимые места торговли [3]), где сидели местные купцы (для приезжих были гостиные дворы). Однако, с течением времени обнаруживается стремление торговцев производить свои операции и в других местах, и поэтому, для сохранения прежнего, постепенно переживающего себя, порядка правительству приходится выдерживать сильную борьбу с торговцами. В 1626 г. было приказано, чтобы «в рядах торговые всякие люди сидели с товары своими; которыми товары в котором ряду торгуют, где кому указано, а порознь бы никто никаков человек с разными товары в иных рядах не торговали».

К этому прибавлено, чтобы торговцы «по крестцом ни с какими мелкими товары и в воротах и в окнах и на скамьях ни с каким товаром не сидели и не торговали, а торговали в рядах и сидели на скамьях с товары своими, где кому даны места». Этих бродячих торговцев, стоявших в воротах и сидевших на окнах или расхаживавших, старались «усадить»: «по рядам с белой рыбицей не ходить», по рядам на бреках с «сельдми не ходить», « с сдобными калачами не ходить», «сидети с пирогами в лукошках». Однако, едва ли эта борьба с ходячими торговцами, которых «переводили» и «ссылали» в другие места, приводила к лучшим результатам, чем стремление рассадить всех и каждого, «которыми товары в котором ряду торгуют». Нам известно, что запрещение торговать в неуказанных рядах повторяется неоднократно, напр., в 1676 г. о неторговании на Красной площади, по перекресткам и в иных неуказанных местах разными мелочными товарами, кроме рядов, в 1683 г. о торговании всякими товарами в указанных рядах по учиненному росписанию, в 1685 г., в 1698 г., в 1704 г. [4]).

И все же в лаптном ряду можно было купить веревки и кадки, в конопенном—беличий мех, в овощном—сургуч или слоновую кость, в скобяном—ремни и многое другое [5]).

[1]) Кильбургер. 111.
[2]) Корб, 263.
[3]) См. Ильинский. Ж. М. Н. П. 1876. VI. 214. 221.
[4]) П. С. З. Н. №№ 660, 771, 1038, 1040, 1054, 1139, III. № 1649. IV. № 1971.
[5]) Курц. 487.

В Коломне в сермяжном ряду находим лавку калачника, в железном ряду—рогожника и овощника, в хлебном—гончара, в сапожном—лаптника. Лавки кирпичников и плотников встречаются в самых различных рядах: в рогожном, соляном, масляном, льняном, калачном, овощном. «Рядок скомейной, а на них сидят с луком и с чесноком», но там же скамья кирпичника, в большом (суконном) ряду лавки, «торгуют в них сукны и шолки», но имеются и 3 лавки замочников [1]). В Нижнем-Новгороде в сапожном ряду торгует маслечик, в житном ряду «шелашишко», а в нем сидит за рогожами Савка Микитин», в иконном ряду стоят шалаши прядильщика и горшечника, в соляном ряду встречаются лавки портного, скорняка, пушников, в масленом ряду лавка сапожника [2]). В Пскове на большом торгу в Сурожском ряду в одних клетях кладут «товар всякой», «сукна и тафты, и камки, и шолк и золото», в лавках торгуют «сукны и тафты», а на скамьях «тарочки и пугвицами». Но в том же ряду находим амбары хлебные и лавки, торгующие солодом. В Гречневом ряду встречаются лавки пирожника, кисельника, шапочника. В «Иконном ряду, а ныне в нем торгуют медом и воском» [3]).

Однако, не только принцип сосредоточения каждого вида торговли в особом ряду постепенно теряет свое значение, но и в одной и той же лавке торгуют разнообразными товарами. Это соединение торговли различными, ничего общего между собою не имеющими товарами, сохранившееся в деревенских лавочках и до нашего времени, составляет характерную черту всей торговли того времени, свидетельствующую о малом развитии ее. Так в том же Пскове в сапожном ряду Овдейка Леонтьев торгует «сапоги да самопалы», в мясном ряду Оксенка Микитин кладет в амбаре «лен и посконь и седди и всякой товар», в ветошном ряду лавка Гриши Кирилова ветошника, продает в ней хлеб и всякий товар. На Петровской улице Михалко Кузьмин торгует «хлебами и колачи и железьем ветошью». В одной лавке торгуют «хлебами и колачи и сеном», в другой «хлебами и колачи и свечами», некоторые присоединяют к этому еще и лапти: «торгуют в ней хлебами, и колачи, и солью и лаптеми», или «хлебами, сеном, солью и лаптями», или даже в одной и той же лавке хлебом, солью, лаптями и мылом [4]). В Белеве торгуют в одной и той же лавке «солью и сапоги», «солью и железом», «колачи и дехтем», «москотильем и сапоги» [5]). В описи по Серпухову 1649—52 г.г. читаем: «торгует железом и медом, и животиною и в отъезд ездит», «торгует в своей лавке кожами и сапоги и калачи», «делает горшки

---

[1]) Писц. кн. Московск. гос. I. 314—18.

[2]) Писц. и перец. кн. по Нижн.-Новг., ст. 210, 215, 219, 226—27, 235.

[3]) Писц. кн. по Пскову 1585—87 г.г. Сб. М. А. М. Ю., т. V, стр. 16, сл. 5, 39 сл. 52.

[4]) Псковск. писц. кн. Сб. Моск. Арх. М. Ю. V. 20, 28, 31, 60, 62—63.

[5]) Писц. кн. по Белеву. Матер. 11—12.

и свежею рыбою торгует и кожи скупает», «торгует укладом и железом и хлеб в отвоз возит», «на низ ходит стругами и торгует в своей лавке в соленом ряду, солью и рыбою, в другой лавке хлеб ссыпает, да в горшечном ряду лавка» [1]).

Но здесь же находим и соединение торговли и ремесла, напр., «в отвоз рыбу возят и кузнешное дело делают», «делает горшки и свежею рыбою торгует и кожи скупает», «тортуют в калачном и масленом ряду, и портное шьют». Или же имеем соединение торговли и извоза: извозчик, он же «походя торгует», «торгует солью и сельдями и извозничает». Иногда торговля или ремесло соединяется с рыболовством: «работают в кузницах и рыбу свежую на продажу ловят и торгуют», «рыбник и горшки делает». Наконец, одно и то же лицо производит различные ремесла: «делает кузнечное дело и плотничает» [2]).

Точно также в Боровске встречаем людей, которые не только занимаются ремеслом или торговлей и одновременно развозят лук и чеснок на продажу, но и таких, которые соединяют торговлю и ремесло или даже несколько видов занятий, напр., посадский человек выделывает крашенину (ткань) и кожи, торгует в то же время рыбою, солью, медом, скотом; другой скупает скот, рыбу и соль и бьет конопляное масло; третий печет калачи и сучит свечи; четвертый делает кожевной товар, торгует в лавках москотинным товаром и скупает мед и скот [3]).

Еще более характерно то обстоятельство, что даже оптовая торговля производилась одновременно самыми разнообразными товарами, а к этому присоединяли еще и другие операции. «Торгует отъездом всякими товары», «торгует отъезжим большим торгом всякими товары». Нет разделения труда в оптовой торговле и точно так же оптовая торговля еще не обособилась от розничной.

Так, напр., собранные в 1648 г. выписи из таможенных книг о привезенных гостем Василием Шориным товарах свидетельствует о том, что в 1645 г. он провез через Архангельскую таможню 7½ половинок сукна, 200 аршин атласу, 25 аршин красного бархата, золото пряденое в мишуру, но также тонкую медь, красную досчатую медь и 100 тысяч иголок, а на другом досчанике находилось 16 медных колоколов весом в 256 пудов и 860 стоп писчей бумаги. В другом году им провезены были бакалейные товары. Из предметов вывоза приказчики Шорина везли сало топленое, клей, масло, рыбу, икру, но также юфть и весла. Так что один и тот же купец торгует сукном и бархатом, медью, иголками, бумагой, маслом, рыбой и, наконец, юфтью. Кроме того, ему же принадлежало в Соли Камской четыре варницы с семью рассольными трубами. «В том же акте есть выписи из тамо-

[1]) Симсон. Прил. III.
[2]) Симсон, прил. III.
[3]) Писц. кн. 1685 г. по Боровску. Матер. 44, 54, 80, 81.

женных книг о провезенных товарах гостиной сотни Семена Задорина и ярославца Федора Кислово. Их товары отличались таким же разнообразием» [1]).

И московский торговый немчин Бориско Федоров торговал самыми разнообразными товарами: мехами, сукнами, льном, рогожами, конопляным маслом, салом, иголками и т. п. [2]). Никита Калмыков в Нижнем-Новгороде имеет амбар, а в нем рыба и соль бузун, а в то же время сложено его же нижегородской покупки железо Олонское в количестве 600 пудов [3]). Московскому гостю Воронину принадлежит до 30 лавок на Москве в суконном, сурожском, овощном и иных рядах и он же участвует в доставке рыбы для казны [4]), он соединяет, следовательно, оптовую и розничную торговлю различными товарами. Это мы наблюдаем и в других случаях. Так, Яким Патокин владеет лавками в Нижнем-Новгороде в соляном, рыбном, холстяном и корельском рядах, а вместе с тем торгует большими свальными товарами на судах по Волге и в Москве [5]). Относительно «неслуживого торгового немчина Ивана Барнаря», читаем: «лавки у него в рядах есть и в Нижнем всяким промыслом и откупом промышляет многим» [6]).

В Нижнем-Новгороде, по писцовой книге 1620 г., насчитывается «48 лутчих людей, которые торгуют большими свальными товары, и на низ и вверх ходят судами и которые торгуют всякими товары» [7]). В то же время известно, что из них 15 человек имеют на местном рынке лавки [8]). Это установлено, но из этого вовсе еще не следует, что и другие там же или в других местах (мы часто находим у крупных торговых людей того времени лавки, откупа и т. д. и в других городах) не занимались одновременно оптовой и розничной торговлей. Такие же данные имеются относительно Устюга Великого, который вел оживленную торговлю с Сибирью. Здесь встречаем «торговых людей», которые «отпущают со всякими товары в Сибирь», «торгуют отходя в Сибири», «торгуют отъезжая большими товары», «отпускают в сибирские городы, на промыслы». Таковы Ревякины, Басовы, Ременников, Усовы, Кокорин, Подошевниковы и др. Но все они владеют и лавками в рядах, сапожном, хмелевом, мясном, серебряном и других (обычно имеют по 2—3 лавки), следовательно, занимаются и розничной торговлей [9]). И Стро-

---

[1]) Довнар-Запольский, 26—27.

[2]) Смирнов. Посадские люди. Моск. гос. Русск. Ист. под ред. Довнар-Запольского, т. III. 108.

[3]) Вулих. Из мира торг. отнош. в Москве XVII в., стр. 88.

[4]) Там же. 85.

[5]) Писц. и переписн. кн. по Нижн.-Новг. Дейст. Ниж. Уч. Арх. Ком. Сб. VIII, стр. 318.

[6]) Писц. кн., ст. 173.

[7]) Там же. Ст. 189.

[8]) Богородицкий. 30.

[9]) Сотная кн. 1630 г. Матер. 10 — 11, 19, 24, 30 — 34 и др. Ср. выше, стр. 314 и ниже, стр. 431.

гановы, являвшиеся едва ли не наиболее крупными коммерсантами того времени, «имели оптовую и розничную торговлю всеми товарами как своего производства, так и скупного характера» [1]).

Однако, этим не ограничивались операции капиталистов того времени. Они соединяли с этим—как мы увидим ниже—рыбные и солянные промыслы, всякого рода казенные откупа и т. д. [2]). Впрочем, такое многообразие видов коммерческой деятельности, соединяемых в одних руках, как можно усмотреть на примере Западной Европы той же эпохи, свойственно эпохе раннего капитализма и поэтому, в противоположность другим указанным выше свойствам русской торговли, отнюдь не обозначает отсталости Московской Руси в хозяйственном отношении. Правда, на Западе рыбные и пушные промыслы и откупа заменяются операциями вексельными, комиссионными, экспедиторскими. Но с ними соединена и товарная торговля за собственный счет, обычно как оптовая, так и розничная, нередко разнообразными товарами и лишь постепенно происходит отделение банковских операций от торговли, оптовой от розничной [3]).

Различие по сравнению с Западом оказывается, напротив, в других направлениях, в частности в области торговли (не говоря уже об отсутствии вексельных и биржевых операций) в том, что на Западе мы можем установить к этому времени и сложившийся торговый класс. То время, когда торговлей занимались венецианские и генуэзские дожи и нобили, церкви и монастыри, папы и патриархи, короли и герцоги,—словом, все, кто угодно, ушло уже в область предания. В Московском государстве находим, напротив, именно эту картину: торгуют все «от самого знатного, до самого простого» (Кильбургер), «от самого высшего до самого низшего» (де Родес) [4]). Торгуют бояре, торгуют крестьяне, торгуют и все другие сословия. «Все бояре без исключения, даже и сами великокняжеские послы у иностранных государей везде открыто занимаются торговлей; продают, покупают, променивают без личины и прикрытия» [5]).

Мы уже указывали выше на ту важную роль, которую играли в области торговли и промыслов ратные люди—стрельцы, пушкари, затинщики и т. д., конкурируя с посадскими тяглыми людьми [6]). Не менее значительно было и участие крестьян в торговле. Мы имеем при этом в виду не таких крестьян, которые

---

[1]) Введенский, 96.
[2]) См. ниже, стр. 425 сл.
[3]) См. мои Лекц. по истор. экон. быта Зап. Европы, 6 изд., II, 172 сл.
[4]) Кильбургер, 88. Де Родес, 149.
[5]) Путешествие Майерберга, 92.
[6]) См. выше, стр. 173—77.

попросту продавали произведения своего сельского хозяйства на местных торжках или отвозили их в города, а крестьян, занимавшихся закупкой товаров для перепродажи. О них, очевидно, речь идет в документах XVII в. Пашенному крестьянину противополагается не только торговый посадский человек, но и торговый крестьянин, который и пашет землю, и в то же время занимается торговлей. Устанавливая в 1616 г. сбор в размере пятой деньги, собор приговорил взять ее с торговых со всяких без исключения людей... «которые сверх своих пашен торгуют». В силу этого, пятинный сбор брали с строгановских людей и крестьян, «которые товары торгуют и промыслы своими промышляют, опричь пашенных крестьян, которые живут на одних пашнех» [1]). Точно так же в 1635 г. установлено: «торговых крестьян, чем кто ни торгует, окладывали б пятою деньгою вправду», облагаются крестьяне «чей кто ни есть», которые торгуют всякими товары и торговыми промыслы промышляют» [2]). При этом во многих случаях возникал вопрос, кого следует считать «торговыми» крестьянами, в каких случаях речь идет не о сбыте своих произведений крестьянами, а о торговле. Так при взимании пятины 1615 г. пятинщики на Ваге указывают на то, что выборные люди «лутчие и середние и молодчие», сказывают «про важан, про посадцких и про уездных про всяких людей пашенными людми; а многие, государь, у них люди ходят в судех на Колмогоры с хлебом и с хмелем, а с Колмогор, государь, они приходят на Вагу в тех же судех Ватою рекою, а иные Двиною рекою мимо Ваги Шенкурского острогу на Вологду с солью». На это важские крестьяне отвечают: «на Колмогоры приезжаем с хлебом, а променяваем хлеб поморским всяким людем на сол... и ту сол, мы сироты твои, возим к Вологде и в таможню к записке... А что, государь, возмем на Колмогорах за хлеб, или на Вологде за сол и теми деньгами платим тебе... в твою государеву казну... твои государевы подати». Здесь крестьяне, в сущности, признают, что занимаются торговлей, ибо соль они приобретают в Холмогорах не для собственного потребления, а для перепродажи в Вологде [3]).

И «устюжские посацкие люди и уездные крестьяне объявились в торговли по кораблеиой росписи» (1615 г.), но они не отрицали этого, а только представляли кабалы, ссылаясь на то, что они «запмовали», «торговали чюжыми животы», т.-е. на занятый, а не на собственный капитал.

«А которые тяглые люди живут в деревнях, и те люди торгуют большими товары, а тягла с тех торгов и с животов не платят, только с деревень, с пашенные земли со крестьяны ровно», читаем в наказе

[1]) Весловский. Семь соборов. 31, 61, 73.
[2]) Сташевский. Пятина. 142 г. Ж. М. Н. П. 1912. IV. 258, 260—61.
[3]) Весловский. Семь соборов. Прил. №№ 15, 22.

писцам 1645 г. В Устюге оказалось много таких крестьян, которые «з промыслов и з больших своих торгов» тягла не несли [1]).

Уже эти данные относительно Устюга, где находим крестьян, производящих весьма крупные по тому времени обороты, свидетельствуют о роли крестьян в коммерческих операциях. На это указывает и участие их, напр., в товариществе, принявшем на себя доставку дворцовой рыбы из Астрахани в Москву в 1682 г. Наряду с гостями и с торговыми людьми суконной сотни в него входят и несколько крестьян нижегородского патриаршего домового Благовещенского монастыря, при чем последние, именно крестьяне Калмыковы, являются душою всего дела. Они производят погрузку рыбы в Астрахани, они нанимают рабочих на насады в Нижнем-Новгороде и закупают в низовых городах хлеб для их продовольствия, они посылают распоряжения другим участникам в Москву, когда обнаруживаются затруднения при выполнении подряда [2]).

К оптовой торговле крестьян присоединяется и розничная в городах из лавок и амбаров. Так во Пскове на торгу находим лавки и клети дворцового крестьянина «с Красного городка», другого дворцового крестьянина, который живет в деревне Муравицкого села в Поречье, третьего дворцового крестьянина, живущего в Бельской засаде, крестьянина Печерского монастыря и др. [3]). Очевидно, они приезжают из деревень и пригородов в Псков для торговли.

В писцовой книге по г. Коломне встречается на посаде в рядах лавка крестьянина в железном ряду, лавки двух крестьян, владычного и черного, в большом шестинном ряду, 4 торговых помещения крестьян в калачном ряду [4]). «Да в Можайску ж на посаде на площади торг, а в торгу лавки да анбары и скамьи и полоки, а торгуют в них можаичи посадцкие люди и государевых, царевых и великого князя Бориса Федоровича всея Русси дворцовых сел крестьяне». Однако, кроме 21 лавки дворцовых крестьян здесь перечислено и 6 лавок и амбар крестьян иных категорий, торгуют крестьяне и в сапожном и в овчинном, и в солоденом, и в пирожном, и в иконном, и в трушном ряду [5]).

Лавки крестьян на торгу встречаются часто в писцовых книгах Рязани [6]), Твери [7]), Тулы [8]), Боровска [9]), Пронска и других городов. При этом и Твери торгуют главным образом крестьяне боярина Ивана Никитича Романова, в вотчинах которого население вообще много занималось торговлей и промыслами [10]). В Пронске 99 человек боярских

[1]) Ак. Писц. д. II. 1. №№ 182, 183. Стр. 444, 460.
[2]) Вулих, 59 сл.
[3]) Писцов. кн. Сб. Моск. Арх. М. Ю. V. 23, 45—6, 54 и др.
[4]) Писц. кн. Моск. гос. 315, 317.
[5]) Там же. I. 631—32.
[6]) Платежн. кн. 1595—97 г.г. Матер. 1 сл.
[7]) Дозорн. кн. г. Твери, 7 сл.
[8]) Писц. кн. Моск. гос. II. 1073 сл.
[9]) Писц. кн. 1625 г. Матер. 11 сл.
[10]) Выпись из Тверск. писц. кн. 1626 г., 32, 42, 44—46, 48—49.

крестьян из Скопина «живут в тех дворех на посаде для своих торговых промыслов» [1]). В Туле, напротив, среди крестьян, занимающихся торговлей, обращают на себя внимание крестьяне монастырские и духовных лиц [2]). Точно также в Переяславле и в Вологде занимаются торговлей крестьяне Троице-Сергиева и других монастырей, в Казани— «архиепископли крестьяне» [3]).

Крестьяне бояр Романовых раз'езжают по различным местностям, имеют там дворы для временного пребывания и занимаются кочевой торговлей — кроме Пронска, Твери, они ездят также в Орел, Лебедянь, Воронеж «для хлебные покупки и вообще для своих торговых промыслов» [4]).

Но правительство вело борьбу с торговлей крестьян. Против нее был направлен ряд указов. И отдельные вотчинники, повидимому, относились к торговой деятельности своих крестьян отрицательно. По крайней мере, в отношении крестьян и бобылей Спаса Ярославского монастыря в 1685 г. установлено запрещение в г. Ярославле в лавках и погребах сидеть; им велено «быть за Спасовым монастырем неподвижно» [5]). Из указа предыдущего года мы узнаем и причину такой борьбы монастыря с торговлей своих крестьян в Ярославле. В нем говорится о том, что ярославские посадские люди «монастырских крестьян к себе в домы принимают и на дочерях и на племянницах и на внуках, на девках и на вдовах женят» [6]).

Как мы видели выше, монастыри в большом количестве продавали всевозможные продукты: соль со своих варниц, рыбу из своих езов, хлеб с своих полей. Это, конечно, еще не была торговля, и обычно им предоставляется в жалованных грамотах право безпошлинно возить определенное количество своих продуктов на рынки и на проданные деньги закупать другие предметы для монастырского обихода. Но из такого сбыта собственных произведений легко возникала торговля—приобретение товаров для перепродажи при помощи собственных людей, купчин, крестьян. Однако, в этом случае полагалась уплата пошлины наравне с прочими торговыми людьми. Так, Троице-Сергиеву монастырю (грам. 1588 г.) дозволяется приобретать в Астрахани беспошлинно соль и рыбу для надобностей братии, напротив, «хоти на тех судех учнут их купчины товары своими торговати, и с тех товаров пошлины имати по указу, только с соли, с требные пошлин никаких не имати, что на них обиход на монастырской возят соль и рыбу» [7]). Так что «куп-

[1]) Смирнов. Города. I 132.
[2]) Писц. кн. Моск. гос. II. 1073—79.
[3]) А. И. I. № 143. Сторожев. Монастырск. землевлад. на Вологде по данным 1627—30 г.г. 363 сл.
[4]) Смирнов. I. 132—33.
[5]) Ист. Ак. Яросл. Спасск. мон. № 114.
[6]) Там же. № 111.
[7]) А. А. Э. I. № 336.

чины» монастыря, очевидно, приобретают в Астрахани и другие товары и везут их не в монастырь, а на продажу в Понизовских городах, о которых упоминается в грамоте. Однако, следует иметь в виду, что и эта беспошлинная закупка соли и рыбы в действительности едва ли могла совершаться на обиход монастыря, как последний заявлял, выпрашивая себе льготы, и как говорилось в тарханной грамоте. Троицко-Сергиев монастырь владел соляными варницами в столь большом количестве, что он всегда сбывал свою соль, а в покупной совершенно не нуждался. Точно так же, несмотря на потребление рыбы монастырской братией в большом количестве, он всегда располагал, в виду многочисленных, принадлежавших монастырю рыбных ловель, крупными излишками рыбы. Небольшая часть приобретаемой свежей рыбы могла итти на собственное потребление, вся же остальная закупаемая рыба предназначалась, несомненно, для перепродажи.

В других случаях монастырям даже открыто дозволяется производить беспошлинно торговлю, закупать товары для перепродажи с барышом. Так, в тарханной грамоте Свияжскому Богородицкому монастырю 1584 г. (повторяется и в грамоте 1616 г.) читаем: «В Астрахань приехав, того монастыря старец или слуга монастырской в то судно в астраханских озерах нагребут собою 10 тысяч пуд соли, или против того числа рыбы купив положат... а в Казани или в Свияжском рыбу продают беспошлинно, а везут ту соль или рыбу до Нижнего Новагорода, и в Нижнем соль или рыбу продают беспошлинно же» [1]. Таким образом, монастырь посылает за покупкой рыбы и соли в Астрахань и продает ее в Казани или Свияжске или Нижнем-Новгороде, притом беспошлинно.

Точно также Вологодский Спасо-Прилуцкий монастырь открыто занимается торговлей. Он не приобретает непосредственно нужный ему хлеб, ладан, воск и прочее, а посылает свои насады в Холмогоры за закупкой соли (14 тыс. пуд. он вправе закупать беспошлинно) и только продав эту соль на Вологде, люди его на вырученные деньги покупают нужные монастырю предметы. Если же люди его купленную соль на Вологде не «изпродадут», то везут ее дальше в Москву и Коломну и продавши там, на те деньги покупают, запасы на монастырский обиход. И тут все покупается и продается беспошлинно [2].

Кирилло-Белозерскому монастырю уже в 1471—1473 г.г. было предоставлено право беспошлинной продажи монастырского жита и соли, однако же, «не перекупного товара». Возможно, что монастырь уже тогда с уплатой пошлин или обходя их, торговал и «перекупным» товаром. Во всяком случае Василий III разрешил ему беспошлинно

---

[1] А. А. Э. I. № 322. Т. III. № 86.
[2] А. И. III. № 179.

производить и торговлю: покупать ежегодно 10 тыс. пуд. соли в Кargополе и возить ее на продажу в Москву. При Иоанне IV это количество было увеличено до 20 тыс. «и у тое деи соли доходило их прибытка в год до шти сот рублев», как видно из грамоты 1556 г. Этой грамотой монастырю велено «тое соляную торговлю оставити» и взамен этого дозволено купить вотчин на 2 тыс. руб. Однако, торговля солью продолжалась и впоследствии. В 1592 г. монастырю предоставлено сбывать 40 тыс. пуд. соли, но не больше. Но перестал ли монастырь после этого закупать и в других местах соль для перепродажи? В этом можно сомневаться, имея в виду выгодность этой торговли и широко поставленные операции монастыря [1]).

На торговую деятельность монастырей и духовенства указывают и иностранцы. По словам Флетчера, монахи «самые оборотливые купцы во всем государстве и торгуют всякого рода товарами» [2]). Монахи—читаем в другом источнике—не уступают никому в торговле, занимаются столько же, сколько и другие покупкой и продажей, держат суда, плавающие с товарами [3]) [4]).

В писцовых книгах городов постоянно встречаются упоминания о лавках, принадлежащих монастырям, церквам и духовным лицам всякого чина. «Вдовой поп Яков живет в Козлове на посаде своим двором, а торгует всяким товаром в лавке» [5]). В Можайске на посаде находим в большом ряду 6 лавок различных попов, 1 протопопа, 1 черного попа, 2 троицкого игумена, 2 соборного сторожа, 1 просвирни, в Старом Пушном ряду 1½ лавки попов и одну лавку протопопа, в сапожном ряду поллавки попа, в подошвенном лавку попа, в иконном ряду имеется одна лавка соборного протопопа, 3½ попов, 1½ дьяконов, в старом иконном ряду 4½ лавки попов и лавка никитского дьяка, в рыбном ряду лавка соборного попа, в мясном ряду также лавка попа [6]). В общей сложности духовенству принадлежало здесь свыше 40 лавок, именно 10% всех лавок, духовные же лица составляли 20% населения.

В еще большем количестве представлены лавки духовенства в Пскове. Какой бы мы ряд на большом торгу ни взяли, везде найдем лавки, клети, амбары, скамьи старцев и старниц, троицких и пречистенских попов и дьячков, Ивайского пономаря, дьячка Печерского

---

[1]) А. А. Э. I. №№ 97, 246, 271. Никольский, 236 сл.

[2]) Флетчер. 100.

[3]) Чт. О. И. и Др. 1881. IV. 24.

[4]) На торговые операции Антониева Сийского монастыря указывает, повидимому, такая запись во вкладной книге (за 1664 г.): «старец торговал Гермоген салом и клал своих 600 руб. в 4 годы, а на те деньги послал бог 500 руб. в монастырскую казну отдавал». (Вкладн. кн. Антониева Сийск. мон., изд. Изюмов. 1917. Стр. 58, 60).

[5]) Изв. Тамбовск. Уч. Арх. Ком., вып. 32, стр. 29.

[6]) Писц. кн. Моск. Гос. I. 631—32.

монастыря, пятницкого попа, егорьевского дьякона и попомаря, богоявленского попомаря, никитского дьячка и т. д. [1]). В Переяславле Рязанском упоминаются лавки 4 попов, диакона, попомаря [2]). Едва ли духовенство само сидело в лавках—хотя и это мыслимо—скорее оно сажало туда других лиц, торговавших за его счет. Но нельзя сомневаться в том, что торговлей оно в этих случаях занималось, ибо тогда, когда духовные лица являлись только собственниками лавок, но сдавали их в оброк, обычно имеются специальные указания на это. Такие ссылки сделаны, напр., в Нижегородской писцовой книге—«в лавках сидят торговые люди, а платят оброк покольскому попу» [3]).

Но там-же в других случаях указаны лавки монахов, которые, очевидно, сами производили торговлю, ибо такой прибавки нет. Так, мы находим в Соляном ряду лавку Духова монастыря старца Пахратия Переяславца, две лавки старца того-же монастыря Боголепа, в тупике за Ивановским мостом лавку старицы Матрены, а кроме того, в других местах встречаются лавки Пятницкого попа, Спасского протопопа и др. [4]). Лавки сооружаются даже в самых церквах: «за алтарем в церковной паперти, под кровом Пресвятой Богородицы». Согласно писцовой книге Вятки (Хлынова) 1628 г., «под храмом жив. Троицы 3 лавок и торгуют в тех лавках приезжие люди, а оброк платят к Троице на вино церковное и на свечи... Под храмом под холодным Вознесения Хр. 3 лавки, да анбар, да под теплым храмом Воздвижения же Хр. 8 лавок» [5]). Здесь также специально отмечено, что в устроенных церковью за алтарем лавках торгуют не духовенство, а посторонние лица («хлыновские посадцкие и всякие приезжие люди») и что они платят оброк церкви.

О торговой деятельности духовенства сообщается и в других источниках.

Так пятинный сбор 1634 г., которому подлежали все занимавшиеся торговлей и промыслами, был взят, напр., в г. Ливнах, и с «торговых попов» [6]). В одном житии упоминается о священнике Пошехонского уезда, который в пол. XVI ст. имел обыкновение «от далних стран скот приводити и отводити ся от человек ко иным человеком» [7]). Сам наставник Грозного известный Сильвестр рассказывает о том, что он «у кого что купливал» и производил «без волокиты платеж», так что те люди исправно поставляли ему товары, «ино всегда мимо меня не продаст». А «кому что продавывал, ино в любовь, а не в обман», так что ему «добрые люди во всем верили и здешние

---

[1]) Псковск. писц. кн. Сборн. Моск. Арх. М. Ю. V. 15 сл.
[2]) Платежн. кн. 1595—97 г.г. Матер. 1 сл. Некрасов. 294.
[3]) Писц. и переписн. кн. по Нижнему Новгороду, столб. 218—19.
[4]) Писц. и перепис. кн. по Нижн.-Новгороду, столб. 209, 211—12, 224, 231, 238—9, 242, 247, 258, 268.
[5]) Писц. кн. 1628 г. по Вятке. Матер. 13.
[6]) Сташевский. Пятина, 142 г. Ж. М. Н. П. Н. 1912. IV. 257.
[7]) Рожков. Сельск. хоз. 283.

и иноземцы»—он участвовал, следовательно, и в заграничной торговле [1]).

Но больше всего, повидимому, торговал сам царь. «Если кто-нибудь привезет в Московию какие бы то ни было товары—рассказывает Герберштейн,—то он должен немедленно заявить и показать их сборщикам пошлин или начальникам таможни. В назначенный час они осматривают и оценивают их; даже и когда они оценены, все еще никто не смеет ни продавать их, ни показывать их прежде, нежели они будут показаны царю. Если царь захочет купить что-нибудь, то в ожидании этого не позволяется, чтобы купец показывал свои вещи, или чтобы кто-нибудь надбавлял цену» [2]). Это писал Герберштейн в 1549 г., а сто лет спустя Майерберг также повторяет, что, привезя товары, никто не может предлагать их на продажу, пока царь не об'явит о том, намерен ли он купить их [3]).

На это указывает и Родес. Когда греки привозят в Москву свои товары—богатые золотые ткани, ковры, бархат, «им не позволяется показывать ни малейшей части товаров никому, кто бы он ни был, прежде, чем гости их царского величества, которые для этого специально отряжены, не осмотрят их. Затем эти товары раскладывают и показывают их царскому величеству: он тогда выбирает, что ему самому нравится, а под видом этого берут также гости из того, что им кажется хорошим, остальные же они (греки) могут потом продавать кому хотят» [4]).

Но освобождены были от этой обязанности и англичане даже в ту эпоху, когда они находились в привилегированном положении. Из привозимых ими узорочных тканей и драгоценных камней лучшее отбиралось в казну на царскую потребу. Так, по росписи 1613 г., англичане доставили в казну 29 зерен жемчуга, 29 камешков яхонта лазоревого, 144 зерна жемчуга, низанного по белому атласу, 6 поставов сукна багрецу, 7 поставов сукна лундышну (лондонского) разных цветов и 125 аршин шелковых тканей, при чем эти товары были оценены англичанами в 875 руб. [5]). Они обязаны были доставлять товары казне по закупочной цене, и поэтому привозили их, повидимому, в недостаточном количестве, как жаловалось русское правительство.

При этом купленные товары вовсе не поступали только в царский обиход, а в широких размерах перепродавались. Об этом подробно сообщает Флетчер (писавший в самом конце XVI ст.) в главе с характерным названием: «о мерах к обогащению царской казны имуществом подданных». Так, для обогащения казны отправляются нарочные в местности, где име-

[1]) М. Покровский. Русс. Ист. I, 288.
[2]) Герберштейн, 89. Ср. Штаден, 98.
[3]) Майерберг, 174.
[4]) Де Родес, 161.
[5]) Любименко. Журн. Мин. Нар. Просв. 1916. XII. 153.

ются меха, воск, мед, и там забираются целиком один или несколько из этих товаров по той цене, которая казной же назначена, а затем эти товары перепродаются по высокой цене как своим, так и иностранным купцам; если же они отказываются от покупки, то их принуждают к тому силой. Подобным же образом казна присваивает себе иностранные товары, как-то: шелковые материи, сукно, свинец, жемчуг, привозимые купцами турецкими, армянскими, бухарскими, польскими, английскими и другими, и потом заставляет своих купцов покупать эти произведения у царских чиновников по цене, ими же назначенной. Наконец,—прибавляет Флетчер—на некоторое время обращаются в монополию произведения, доставляемые в виде податей, как-то: меха, хлеб, лес, и в продолжение этого времени никто не может продать этот товар до тех пор, пока не будет распродан товар царский [1]).

Так напр. под 1667 г. (1 авг.) записано: «по указу вел. государя... от продажи персидских товаров, которые... ис покупки под'ячего Кирила Демидова, отданы гостю Ивану Попкратьеву, и велено ему те товары продавать на Гостине дворе указною ценою всяких чинов людем»—выручено 900 руб. [2]).

На этих «заповедных» товарах, составляющих монополию казны, останавливается подробно Родес. Так, казна выручает большую прибыль на персидском сыром шелке, «который его царское величество через своего «купчину» выменивает от персидского государя на сукна, красную медь, соболей и золото, а чтобы получить на этом еще большие прибыли, всем и всяким купцам запрещено торговать в Персии подобными товарами». Пуд шелка, доставленный в Россию, обходится не более 30 рублей или 50 рейхстал., а продается за 45 руб., при чем «русские гости», которые избираются из значительных купцов и состоят как бы факторами царя, обыкновенно продающими шелк, раз получив высокую цену, все время ее требуют, забывая о том, что покупатель должен считаться с рынком; а из-за этого часто шелк лежит несколько лет и происходит большая потеря на процентах. Родес обращался к тестю царя боярину Милославскому с предложением от «некоторых значительных купцов, ведущих большой мировой торг», нельзя ли устроить, чтобы весь шелк, получаемый из Персии, поступал в казну: в этом случае они желали бы законтрактовать на известное количество лет весь шелк частью в обмен на товары, имеющие сбыт в Персии, частью за наличные деньги. К этому он прибавил, что операция с шелком «притянет к себе и привлечет не только еще и другие товары, которые добываются в Персии, но и значительную часть индийской, особенно китайской торговли, и что вышеназванные купцы будут стремиться все получать из казны» [3]). Кильбургер 20 лет спустя (в 1674 г.) повторяет многое из сообщаемого де-Родесом о шел-

[1]) Флетчер. О государстве русском, 51.
[2]) Дела Тайн. Прик. III, ст. 825.
[3]) Де Родес. Донесения. 151—53.

ках, но обращает внимание на то, что теперь торговля шелком уже может производиться свободно всеми подданными [1]).

Ревень также—как указывает де-Родес—доставляется в казну и никакому частному лицу не дозволяется им торговать [2]). Это было и во времена Кильбургера, который считает нужным, однако, присовокупить, что «зимой много тайно провозится и продается» и много совершается обманов при продаже ревеня; последний хорошо известен в аптеках и ценится в качестве слабительного [3]).

«Те товары, которые русские в свою очередь везут в Персию,— продолжает Родес, — заключаются большею частью в красной меди, сукнах, соболях и других мехах... Этих товаров простые люди также не могут открыто доставлять персам, потому что это также запрещено и их царское величество вывозит их туда посредством своих гостей» [4]).

И «кавиар» или икра «принадлежит их царскому величеству» и его «обыкновенно законтрактовывают англичане и везут в Италию, но теперь он законтрактован на несколько лет голландцами и итальянцами, состоящими вместе в компании»; на этом «царь ежегодно имеет не менее значительную прибыль». Позже, во время путешествия Корба (в 1698 г.) икра была отдана на откуп одному голландцу [5]).

Никому не дозволяется, по словам Родеса, торговать и хлебом. Напротив, вести торговлю мехами может каждый, но с получаемых из Сибири мехов в казну поступает десятина. Этими мехами царь платит грекам за покупаемые у них ковры, шелковые и золотом тканые материи; если же остается излишек мехов, то они раздаются для сбыта гостям, которые на этом выручают прибыль, но иногда вынуждены и приплачивать [6]).

Кроме этих товаров, были еще и другие, составлявшие монополию казны и сдаваемые на откуп. Так, в 1653 г. голландские купцы Фохелаар (Фоглер) и Клепк взяли на откуп вывоз юфти и конопли, в другие годы казна производила торговлю пенькой [7]). Смола в 1649 г. была отдана беспошлинно иноземцу гостю Виниусу, позже ее получил Гебдон, когда же она не была на откупу, то двинские таможенные головы сами должны были покупать смолу у русских и продавать ее иностранцам [8]).

Как мы видим, казна весьма затрудняла торговлю частных лиц, с своей стороны торгуя с ними, или же запрещая им торговать теми же товарами, эксплоатируя самостоятельно монополии или сдавая их на откуп.

---

[1]) Кильбургер, 150—151.
[2]) Де Родес, 153.
[3]) Кильбургер, 106.
[4]) Де Родес, 159—163.
[5]) Родес. 15—58. Корб. 251. См. Изюмов в Чт. О. И. и Др. 1913.
[6]) Де Родес, 157.
[7]) Посольство Клепка, стр. XI. Гурлянд. Ив. Гебдон, 65 сл.
[8]) Гурлянд, 56 сл. Курц, 277 сл.

Орудием царя при этих разнообразных его коммерческих операциях являлись—как можно усмотреть из приведенных цитат из де Родеса—гости, привилегированная группа среди купцов, члены которой (среди них попадались в виде исключения и иностранцы) имели личные жалованные грамоты, доставлявшие им различные преимущества—из'ятие от путевых поборов, от всякого тягла и постоев, право держать без'явочно всякое питье, покупать вотчины, свободно ездить в пограничные государства. Гости ведали таможенными доходами, рыбными и соляными промыслами, они же закупали для царя товары и производили от его имени и на его счет торговые операции, заключали подряды с иностранцами [1]).

Торговцы, как и народ, относились к ним весьма враждебно за их взяточничество, за притеснения, чинимые ими более слабым, за их корыстолюбие—пользуясь своим привилегированным положением, они могли производить более выгодные операции, чем рядовые купцы, и подрывали торговлю последних.

Очень резко отзывается о гостях Кильбургер, называющий их царскими коммерции-советниками и факторами, неограниченно управляющими торговлей во всем государстве. «Это корыстолюбивая и вредная коллегия, довольно многочисленная», проживающая в разных местах и имеющая, благодаря своему званию, право повсеместной первой купли. Не имея возможности везде лично осуществлять свои права, они в больших городах назначают живущих там знатнейших купцов, которые пользуются привилегиями гостей, и ради своей частной выгоды препятствуют развитию торговли. Гости «оценивают товары в Москве в царской казне, распоряжаются в Сибири соболиной ловлей и соболиной десятиной, как и архангельским рейсом, и дают советы царю и проекты к учреждению царских монополий». Гости препятствуют всякой свободе торговли, чтобы «они могли тем лучше разыгрывать хозяина и набивать свои собственные карманы». Простые купцы питают к ним вражду и «если когда-нибудь—прибавляет Кильбургер—произойдет бунт, то чернь им всем свернет шею» [2]).

II.

Торговля русских купцов XVI—XVII ст. была стеснена во всевозможных направлениях. Стеснял ее царь своей первой куплей, своими монополиями, своей широкой торговой деятельностью. Стесняли ее коммерции-советники царя (по выра-

[1]) Костомаров. 155.
[2]) Кильбургер. 164.

жению Кильбургера)—царские гости своими привилегиями и притеснениями рядовых купцов. Стеснял ее, наконец, иностранцы, продававшие и покупавшие товары, перебивая торговлю у русских купцов. Бороться с первым торговцем—царем, как и с его факторами—гостями, купцы были бессильны. Гораздо легче им было вступить в борьбу с иностранцами, которые являлись в то же время иноверцами. Здесь на их стороне было и общее недоверие к иноплеменникам, и сочувствие со стороны церкви, а если им удавалось убедить и правительство в том, что образ действия иностранцев наносит ущерб казне, сокращая ее доходы, то им была обеспечена и его помощь. Правительству нужны были, правда, иностранцы, слишком решительно поступать с ними было опасно. Необходимо было считаться с тем, не будет ли «оттого с немецкими государствы у московского государства нелюбья», приходилось избегать крутых мер, «чтоб тем иноземцев заморских не отогнать» [1]). Даже лишив англичан права беспошлинной торговли в 1649 г., московское правительство считает необходимым успокоить англичан тем, что «в тех пошлинах им убытку не будет, потому что они все те пошлины наложат на свои товары и продадут те свои товары русским торговым людем, и пошлины их будут на русских торговых людях, а не на них, англичанех» [2]). Но, с другой стороны, правительству ясно было, что и при значительных ограничениях иноземцы все же извлекают слишком большую прибыль из торговли с Россией, слишком заинтересованы в ней, чтобы могли отказаться от этой торговли. На стороне правительства было и старинное гостинное право, осуществления которого требовали русские купцы.

Результатом всего этого и был ряд постановлений, ограничивавших иностранцев в угоду русским купцам, но постановлений, которые далеко не полностью осуществлялись. Иностранцы нередко «учинялись сильны» и решительно отказывались выполнять неудобные им указы, правительство же смотрело на это сквозь пальцы, или же делало исключения из только-что изданных им же распоряжений, нарушало свои же предписания. Все это дает любопытную картину, характеризующую условия торговли того времени и дополняющую приведенную выше характеристику русского купечества иностранцами.

Прежде всего, русские купцы настаивали на недозволении иностранцам торговать в розницу, требуя осуществления этого основного принципа гостинного права. Это запрещение мы находили уже в Полоцке в 1406 и 1498 г.г.; повидимому, оно

[1]) Сборн. кн. Хилкова, № 82.
[2]) Д. А. И. III. № 55.

существовало в известной мере и в Новгороде [1]). Как мы указывали выше, запрещение розничной торговлей в Полоцке и Риге распространялось не только на продажу товаров, но и на закупку их по мелочам, не дозволена была и непосредственная торговля в деревнях.

Такой же порядок, согласно обычаю, сохраняется и в Московском государстве, хотя общего закона относительно запрещения розничной торговли иностранцам, предшествующего Новоторговому уставу 1667 г., не было или, по крайней мере, не сохранилось. Даже англичане, пользовавшиеся особенно большими привилегиями, эти льготы получили только в грамоте 1567 г., тогда как грамота 1584 г. (а быть может, и грамота 1572 г., известная нам лишь в кратком изложении) им уже не дает такого права. В привилегии 1584 г. говорится, что они «нарозно своих товаров и врозвес и варшин на своем дворе не продают, ни меняют, а продают и меняют свои товары местным делом (т.-е. оптом), сукна кипами и поставы, а камки и бархаты поставцы, а не варшин, а всякой весчей товар врозвес, взолотники не продают, а продают местным делом, а вино фряское продают куфами, а в ведра и встопы и в чарки врознь не продают». То же повторяется почти дословно в английских привилегиях как 1586, так и 1614 и 1628 годов, где говорится об обязанности продавать товары косяками и поставцами, но не аршинами, весчий товар берковцами, вина иностранные бочками большими беременными и полубеременными [2]).

На самом деле англичане, повидимому, нарушали это запрещение, ибо уже в 1586 г. английской королеве Елисавете в письме к царю Федору приходилось оправдывать своих подданных от обвинений в розничной торговле: они, напротив, по ее словам, запрещали продажу товаров в розницу через своих агентов, и Роберт Пикок был специально командирован в Россию, чтобы прекратить это злоупотребление [3]). Из последнего видно, что такие злоупотребления имели место, и жалобы русских купцов, недовольных тем, что иностранцы торгуют в розницу, имели основания. Жалобы идут со всех концов земли русской на всевозможных иностранцев, ибо эти «торговые немцы», под собирательным названием которых разумелись купцы всевозможных национальностей, продают товары не оптом—не «местным делом», а портищами, аршинами, полупудами и гривенками. В указе 1627 г. читаем, что «били челом московские и казанские и ярославские и ниже-

[1]) См. т. I, стр. 170, 207.

[2]) Гамель. Англичане в России, 253 сл. Любименко. Истор. торг. снош. I. 43, 51. Мулюкин. Приезд иностранц. в Моск. госуд. 1909. Прил. № 6. Его же. Очерки по ист. юридич. полож. иностр. купц. в Моск. госуд. 1912. Стр. 15—16 и Прил. № 1.

[3]) Толстой. Россия и Англия. № 58.

городцы и костромичи и вологжане и всяких городов гости и торговые люди на галанцев (голландцев) и на амбурцов (гамбургцев) и на барабанцов (брабантцев) и на иных торговых немец» [1]). Жаловались и на «англинских немцев»: один из них, Давид Рутц, самовольно, без разрешения продает на своем московском дворе всякие товары в розницу [2]).

Но иностранцы не унимаются. В 1652 г. новгородский гость Василий Стоянов и «все новгородцы торговые люди» просят, чтобы государь их пожаловал, «велел им дать свою государеву грамоту, чтоб неметцким свейским (шведским) и любским (любекским) и иных земель иноземцом торговым людем в великом Новегороде и в пригородех и в уездех по селам и по погостам и по деревням и по всяким уездным ярманкам врознь товаров своих русским людем продавати и у русских людей товаров всяких врознь покупать не велеть, а велеть бы им всякие товары продавать и покупать в Великом Новгороде у посадцких торговых людей свалом, а не врознь» [3]). Здесь преступление шведских и любекских и иных «немецких» городов «торговых немцев» усугублялось тем, что, продавая и покупая не свалом, а порознь аршинами и фунтами мягкую рухлядь (меха), и сало, и кожи, они это делали к тому же не в самом Великом Новгороде, а в селах и погостах и на ярмарках, т.-е. нарушали еще и другое запрещение—торговли вне городов непосредственно с крестьянским населением.

Одновременно челобитная была подана и вологодскими купцами. Они били челом царю на голландцев, которые не столько продают, сколько покупают товары мелкими статьями, притом не у местных посадских людей, а на площади у приезжих крестьян с возов—скупают и мягкую рухлядь, и мясо говяжье и свиное, и окорока, и языки, и сало, и пеньку, и рогожи, и кули и многое другое. Но, чувствуя как будто, что одного этого факта еще недостаточно для борьбы с иностранцами, челобитчики подкрепляют свое прошение ссылкой на то, что они сами отбывают службы и подати, которые от такой конкуренции иноземцев могут пострадать, тогда как «иноземцы градских государевых никаких податей не платят и тяглых служеб не служат». Мало того—и тут они особенно играют на всегда чувствительной фискальной струнке,—«твоя государева вещая (весчая) перекупная пошлина от той их розничной покупки тебе государю не збирается». В заключение они, ссылаясь на грамоту 1584 г., просят допускать закупку товаров иностранцами лишь «большими статьями», чтобы казне «порухи не было», а «нам бы сиротам твоим промыслишков

---

[1]) Мулюкин. Очерки по истор. юридич. полож., 23. Цветаев. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. 1890. Стр. 250.

[2]) Цветаев. Протестантство, 269.

[3]) Мулюкин. Истор. юридич. полож. Прил. № 2.

своих не отстать и твоих бы государевых служеб и податей впредь не отбыть и в конец не погибнуть» [1]).

Закрепил и придал форму общего закона этому запрещению Новоторговый устав 1667 г., ст. 42 которого гласит: «на Москве и в городех всем иноземцом никаких товаров врознь не продавать; а будет учнуть врознь продавать, и те товары имать на великого государя». А ст. 82 сверх того прибавляет: «и по ярмонкам им ни в которые городы с товары своими и с деньгами не ездить и прикащиков не посылать» [2]). Последнее сделано, очевидно, для предупреждения закупки товаров в розницу, ибо, как мы видели, и она вызывала много неудовольствия [3]).

Характерно, однако, то, что челобитные купцов не ограничиваются борьбой с иностранцами. Архангельские посадские люди в 1670 г. приносят жалобу уже на волостных крестьян, которые, по их словам, приезжают к Архангельску и продают товары и лес порознь, а не оптом, а иные приезжают с рыбою и мясом и продают врознь, а сами ни податей городских ни служб не несут. «Вели, государь,—заключает челобитная,—продавать им оптом нашим посадским тяглым людем, чтоб нам сиротам твоим достальным людишкам без промыслов в конец не погибнуть и врознь не разбрестись» [4]).

Таким образом, посадские люди возмущаются уже не только розничной торговлей иностранцев, но даже намерены воспретить ее своим же, приезжим крестьянам, доставляющим продукты из подгородных сел.

Но крестьян, как и иногородних русских купцов, затрогивают и самые меры, принимаемые против иностранцев. В самом деле, ограничения по об'екту были—как мы видели—тесно связаны с ограничениями по суб'екту: не только нельзя продавать и покупать в розницу, но нельзя вообще закупать товары вне городов, в деревнях и погостах, на ярмарках, наконец, с возов у приезжающих в город крестьян. Монополия торговли предоставляется горожанам, местным торговым лю-

[1]) Мулюкин. Там же.

[2]) Полн. Собр. Зак. I. № 408, ст. 42, 82, 83.

[3]) После этого шведы стали жаловаться на то, что в «торговле с стороны царского величества после мирного договору противно чинится», ибо им велено продавать товар оптом и «вольность вся отнята». Однако, ни мирный договор в Тявзине 1595 г., ни Столбовский мир 1649 г., на который они ссылаются, им такой вольности не дал, говорится лишь о «вольной и беспоместной торговле меж обоих государств», и ничего более. А к тому же с русскими, в силу тех же договоров, поступали в Стокгольме не иначе: «в Стекольне (Стокгольме) повольного торгу нет, врознь ничего продавать не дают»—жаловались в свою очередь русские купцы, поселившиеся в Швеции (Тявзинский договор в Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1862. II. Столбовский мир—Полн. Собр. Зак. I. № 19. См. Курц, 389, 391).

[4]) Огородников. Очерк истории города Архангельска. Морск Сборн. 1889. IX. 134—35.

дям—только у них иностранцы могут закупать товары для сбыта их за границу, только им они могут продавать привезенные из других стран товары. Непосредственные сношения с кем бы то ни было, будь то потребители или производители, сношения, минующие местных посадских людей, им строго заказаны. Но по той же причине они не могут торговать между собой; торговля гостя с гостем не терпима, как это было уже в Новгороде, Полоцке, Витебске, Риге в прежние столетия. Но не терпима и торговля иноземцев с приезжими русскими купцами; англичане, голландцы, шведы не могут в Москве продавать своих товаров приезжающим туда новгородцам или ярославцам, в Костроме—казанцам или вологжанам, как не могут покупать привозимых последними товаров. Ибо и это противоречило бы интересам местных посадских людей, означало бы обход их, своих, в угоду чужим, гостям, приезжим. В упомянутых выше челобитных нижегородских и вологодских купцов, наряду с покупкой товаров иностранцами на уездных ярмарках у приезжих крестьян, фигурирует в качестве обвинительного пункта и покупка товаров у «иных городов приезжих русских торговых людей», как и продажа им товаров.

Но вследствие этого, получалось ограничение не только иноземцев, но и русских людей, притом не только пригородных крестьян, но и купцов,—действовал старый принцип удельно-вечевого периода, когда каждое княжество смотрело на себя, как на самостоятельное государство, а жителей другого княжества считало чужими, как бы иностранными подданными. Тогда было вполне понятно, если Полоцк не дозволял купцам, приезжавшим из других городов, торговать с приезжими москвичами,—«промежи има ходити нашему полочанину». Но с единством Московского государства, об'единившего под своим скипетром многочисленные русские княжества и устранившего удельных князей, весьма плохо мирилось требование, чтобы «торговые немцы» торговали с московскими посадскими людьми, но не с новгородскими или вологодскими, как будто всякий, кто не отбывал податей и служб в Москве,—в этом ведь заключалась вся суть—являлся для Москвы иностранцем.

Дозволялось ли полякам и литовцам в Москве торговать с иностранцами—в отличие от правил, господствовавших в Новгороде и Полоцке (см. выше гл. 4 и 6)—трудно сказать. В договорах об этом ничего не говорится, а из слов—торговать «волно безо всяких запенок», «гостити без рубежа и без всякие пакости», этого еще вовсе не следует. Все эти обещания вместе с целованием креста мы находили и в Новгороде, и в Полоцке, и все же торговля гостя с гостем там не дозволялась. Англичанам, правда, первоначально и в этом отношении

была дарована свобода, но ведь они находились тогда в совершенно исключительном положении. При Борисе Годунове в 1589 г. Флетчер обращается с ходатайством, чтобы и «всем иноземцом ослобожено было торговать с теми английскими гостми в Ругодиве (Нарве), в Новегороде и в иных лифляндских городех, как преж сего торговали». И на это получает в ответ, что хотя «Ругодив и Лифляндские городы государя нашего искони вечная вотчина, да случаем ныне не за государем нашим», в своем же государстве он им дарует эту свободу, именно «аглинским гостем и всяким иноземным торговать», т. е. очевидно, право торговать с другими иноземцами, как просит Флетчер [1]). Позже об этом в привилегиях,выданных англичанам, ничего не говорится, но торговать с иностранцами они продолжали. Посадские люди плакались, что «английские немцы всякие товары продают иных земель немцом», тайно продают их у Архангельска голландцам, брабантцам и гамбургцам, а английский посол Карлейль вынужден был оправдываться, заявляя, что бояре и приказные не могут указать ни одного случая торговли англичан ни с голландцами, ни с гамбургцами [2]).

В 1627 г. был наказан пенею англичанин, торговавший с персами. «Как были на Москве кизылбашские купчины, пришед ко нему на гостин двор, купили у него в полате, где он с товаром своим сидит олова прутового тридцать пуд». Между тем, «по государеву указу англичанам и иным иноземцом торговым немцом с кизылбашскими купчины заморскими никакими товарами и оловом торговать не велено». Англичанин же ссылался на то, что он такого государева указа «ни у кого не слыхал» [3]).

Во всяком случае, А. С. Мулюкин справедливо указывает на то, что Новоторговый устав 1667 г. не создал впервые такого ограничения, а лишь узаконил и подтвердил то, что и раньше практиковалось. Помимо приведенных фактов, об этом свидетельствует и заявление московских купцов 1667 г., что до сих пор «шаховы персидские области купецкие люди кизылбаши и армяне и кумычане и индейцы приезжали с шелком сырцом и со всякие товары царского величества в Московское государство и торговали теми товары на Москве и в Астрахани и по иным городам всегда с русскими купецкими людьми, а с немцами и с гречаны и ни с которыми иноземцы те кизылбаши никакими персидскими товары, по указу великого государя, нигде не торговали» [4]).

В Новоторговом уставе прежде всего говорится: «учинить заказ крепкой, чтоб иноземец с иноземцем никакими товары

---

[1]) Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера. Временник Имп. Общ. Ист. и Древн. Российск. Т. VIII. 1850. Стр. 13, 31—32.

[2]) Цветаев. Протестантство, 268. Мулюкин, 11—12.

[3]) Мулюкин, 8.

[4]) С. Г. Г. и Д. IV. № 81. Мулюкин. 9—10.

не торговали и не продавали и не меняли, понеже великому государю в таможнях в сборех его великого государя казне чинятся большие недоборы, а русским людем в торгах их помешка и изнищение чинится; и будет иноземцы меж себя учнуть торговать, а сыщется про то допряма: и те товары взять на великого государя» (ст. 63). Но уже более ранняя статья распространяет это правило и на торговлю с русскими купцами: «а чтоб иноземцы приезжим торговым людем товаров своих не продавали и у них ничего не покупали»; причем прибавлено ясно: «а продавали б в тех городех купецким людем того города, в коих они станут торговать, а у них також товары всякие покушали, а не у приезжих». Мало того, установлено, чтобы «и подрядов и записей иноземцы с приезжими людьми никаких не чинили и тем у тех московских и городовых купецких людей промыслов не отымали» (ст. 60).

Но в ст. 61 прибавлено: «а московским купецким людем в порубежных во всех городех и на ярмонках торговать с иноземцы всякими товары вольно». Следовательно, для москвичей сделано исключение—они не подводятся под категорию чужих и на них гостиное право не распространяется. В противоположность купцам прочих городов они и в других городах являются равноправными местным жителям, хотя тягла посадского там не несут[1]). Конечно, речь идет только о порубежных городах. Но не надо забывать, что вся торговая деятельность иностранцев сосредоточивалась, с одной стороны, в Архангельске и прочих (польско-литовских) порубежных городах (к которым в отношении восточных народов приравнивалась Астрахань), а с другой стороны, в Москве; разрешения приезжать в Москву и иметь там свои дворы они особенно добивались. Так что москвичи, имея возможность торговать с ними и тут и там, в сущности ни в чем ограничены не были. Вся тяжесть запрета торговли с иностранцами падала на купцов других городов, которые не могли торговать с ними ни в Москве, ни в порубежных городах, а только в том случае, если иностранцы приезжали к ним и там закупали товары или сбывали свои продукты и изделия. Получалась особая привилегия для москвичей, в ущерб купцам всех прочих городов—иностранная торговля отдавалась в руки первых, становилась монополией московских гостей и торговцев, как и купцов порубежных городов.

Но иноземцы нарушали все эти запрещения, и делали это не только открыто, как мы видели выше. Они боролись с этими стеснениями и иным способом. В привилегиях, дарованных англичанам в 1614 г., говорится: «а русским торговым людем

[1]) Полн. Собр. Зак. I. № 408. Ст. 40—41, 60—63.

от них не торговати». В привилегии 1628 г. это выражено еще яснее: «закупней русских людей у себя не держати». Для того, чтобы иметь возможность приобретать товары вне городов, непосредственно у производителей и по мелким статьям, иноземцы нанимают русских людей, которые, по их поручению, «от них» торгуют, являются «закупнями». Этим в корне подрывалось монопольное положение русских купцов. Не совершая сами запрещенных сделок, иностранцы через посредство «маломочных» русских людей достигают своих целей— последние как бы на собственный счет покупают у производителей товар как оптом, так и мелкими статьями, покупают его и у других иностранцев. «Сами иностранцы — говорит А. С. Мулюкин—не могли пробраться в те места, куда имели доступ русские, а кроме того русские, хорошо знакомые с местными условиями, приобретали товар дешевле». И эти жалобы на посредничество русских, на то, что последние с виду являются самостоятельными купцами, фактически же выполняют поручения иностранцев, не прекращаются. Русские указывают на то, что иностранцы приобретают товары помимо русских купцов «своим заговором» и рассылают покупать по городам и в уезды, «закабаля и задолжа многих бедных и должных русских людей». Они добиваются указа, чтобы «маломочные люди у свеян (шведов) и у иных чюжеземцов денег тайно в подряд не имали и товаров на неметцкие деньги не покупали»; ибо торговля русских на деньги, занимаемые ими у иностранцев, и комиссионерство разоряет русских купцов, которые «в долгех побиты на провезех» [1]).

Но, повидимому, жалобы эти и челобитни мало помогали: эти операции были выгодны для обеих сторон—и для иноземцев, обходивших установленные для них ограничения, и для русских людей, находивших себе заработок, фигурируя в качестве посредников, пользуясь кредитом у иностранцев.

Другую группу постановлений, регулирующих торговлю иностранцев, составляли правила относительно того, куда они могли приезжать и на какой срок, где могли селиться и торговать. Основным принципом, издавна существовавшим, являлось то, что иностранные купцы, хотя и могут свободно приезжать в Московское государство ради торговых целей, как это было установлено многочисленными договорами, но имеют право приезжать только временно, пока не распродадут своих товаров (как это было в Новгороде); далее, они могут приезжать лишь в пограничные города: Архангельск, Новгород, Псков, Нарву, Астрахань, но отнюдь не в Москву и не в другие внутренние города. Передвижение по стране вообще для

[1]) Костомаров, 85. Мулюкин, 99—100.

них не допускалось и могло иметь место лишь на основании специальных жалованных грамот. Наконец, они обязаны были проживать и производить торговлю в особо предназначенных для них гостиных дворах, но не в рядах, не в собственных домах или нанимаемых ими у местных жителей.

Такова была теория (вытекавшая из гостиного права), но соответствовала ли этому практика? Право торговли в Москве и вообще во внутренних городах России в качестве членов определенных политических союзов—говорит А. С. Мулюкин—имели «поляки, датчане, итальянцы, шведы, римские купцы, ганзейские, греки и, наконец, восточные народы, такие, как бухарцы, хивинцы, персияне, индусы». Правда, он полагает, что все же обнаруживается стремление правительства «ограничить торговлю иностранцев одними порубежными городами» [1]). Однако, это противоречит только что приведенному перечислению народов, пользовавшихся правом ездить во внутренние города: многочисленность их (к ним надо прибавить еще англичан до 1649 г.) отнюдь не свидетельствует о желании допускать иностранцев в одни лишь порубежные города и во всяком случае доказывает, что даже, поскольку такие меры принимались, они не достигали своей цели.

Ограничение заключалось только в том, что в Москву иностранцам разрешалось приезжать лишь с большими запасами товаров и одновременно в небольшом числе. Так, в жалованной грамоте жителям г. Любека 1652 г., говорится: «велели из них с большими товары пропускать и к Москве человек пяти или шести» [2]); когда в 1641 г датчане ходатайствовали о предоставлении им права торговли по всему государству, бояре отвечали: пусть датчане приезжают по 5 и по 6 человек [3]); флорентинцам (в 1658—60 г.г.) царь разрешил торговать в Архангельске, «так же и в иные городы и к Москве для торговли пропущать повелил же человека по два и по три» [4]). Для купцов других национальностей и такого ограничения в смысле количества приезжающих лиц не находим.

И полякам первоначально предоставлено было право торговать во всех городах, позже было им запрещено «в царствующий град Москву» ездить; правда, воеводы пытались их не пропускать и в другие города, но они «учиняются сильны» и продолжают торговать. В Андрусовском мире это право торговли повсюду, кроме Москвы, ясно выражено, а вскоре они были допущены и в Москву.

Указом 29 ноября 1672 г. установлено: «буде впредь из-за литовского рубежа купецкие люди с товары, для своих торговых промыслов, учнут приезжать к Москве, и им торговать до его великого государя

[1]) Мулюкин. Приезд иностр. в Моск. гос., 198—99.
[2]) Полн. Собр. Зак. I. № 80.
[3]) Соловьев. Ист. Росс. IX. 317 сл.
[4]) Памятн. дипом. сношн. X. 578.733.

указу, повольною торговлею, кроме заповедных товаров, табаку и вина» [1]).

Точно также шведам Тявзинским договором 1595 г. дозволено «торговать во всех пристанях и городах Русской земли восточной, западной, северной и полуденной, как бы они ни назывались, и в странах, которые Господь может даровать государю из татарских или иных областей»[2]) [3]).

Голландские купцы, правда, не имели общего разрешения ездить в Москву и во внутренние города, но пользовались ими в силу полученных многими из них жалованных грамот. Англичане вели с этим решительную борьбу и Ричарду Ли, специально посланному в Москву для устранения нидерландской конкуренции, удалось достигнуть того, что в 1601 г. была послана царская грамота в Архангельск с приказанием впредь не пускать к Москве и другим городам брабантских, голландских и нидерландских торговых гостей ни с товарами, ни без товаров без царского указа, «хотя у кого государевы жалованные грамоты». Однако, указ этот практического значения не имел, так как исключения делались и впоследствии, жалованные грамоты голландцам выдавались и они беспрепятственно торговали по городам. А кроме того, «иные галанцы торговые люди торговали, приезжая к Москве, по проезжим грамотам, а государевых жалованных грамот у них нет». В 1631 г. посольство Бурха и Фелтдриля снова обращалось к царю с просьбой о разрешении всем голландцам торговать во внутренних городах и добилось того, что, в силу представленного ими списка купцов, было даровано это право 23 лицам, ибо грамота, даруюшая вольности английской компании, также давала их только 23 купцам [4]).

Нечего говорить, что англичанам вплоть до 1649 г. никаких препятствий не ставилось, и только в этом году им пришлось покинуть Москву и переселиться в Архангельск.

Восточные купцы приезжали в Астрахань, но ездили и дальше вверх по Волге и добирались до Москвы, и в огромном числе приезжали в Москву вместе с послами: в 1552 г., напр., приехало 100 ногайских послов, 1500 человек гостей и их людей с 10 тыс. лошадей, в следующем году—28 послов и 2260 купцов с 11 тыс. лошадей, два года спустя гонцов и гостей 1000 чел. и еще 1500 купцов с 40 тыс. лошадей и 24 тыс. овец [5]).

В Новоторговом уставе 1667 г. говорится: «от города Архангельского и из Великого Новгорода и Пскова пропущать к Москве и в иные городы тех иноземцев, у которых будут

---

[1]) П. С. З. I. № 536.

[2]) Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1868. II. Стр. 3.

[3]) Это постановление повторяется в Столбовском мире 1649 г. «торговати... на Москве, в Новгороде, во Пскове, в Ладоге, и в иных Российских городех»), как и в мирном договоре 1658 г. («в царствующем граде Москве... и в иных царского величества в землях и в городех»). П. С. З. I. №№ 19, 240.

[4]) Сб. Р. И. О., т. 38, стр. 387, 423, т. 116, стр. LXXIV, сл. 78 (отчет Бурха и Фельтдриля). Сборн. Хилкова, 247 сл.

[5]) Прод. Древн. Росс. Вивл. IX. Мулюкин. Приезд иностр. 207—08.

великого государя жалованные грамоты о торгах за красною печатью» (ст. 86), прочих же «иноземцев к Москве и в иные городы не пропущать, торговать им у города Архангельского и во Пскове» (ст. 86) [1]). Однако, из приведенных данных видно, что в силу договоров эти постановления отменялись, бездействовали, и только купцам некоторых национальностей, как напр., англичанам, приходилось в это время брать специальные жалованные грамоты для проезда в Москву, другие же национальности обычно в них не нуждались.

Это подтверждается и тем, что иностранцы владели торговыми подворьями не в одних лишь порубежных городах. Принцип и тут был тот, что иноземные купцы обязаны останавливаться в специально устроенных для того казенных гостиных дворах, правило, действовавшее и в отношении иногородних торговцев, к которым его, повидимому, стали применять еще раньше. В таможенной Белозерской грамоте 1497 г. о гостиных двора еще ничего не упоминается [2]), напротив в той же грамоте, повторенной в 1551 г., уже имеется прибавка, согласно которой всякий «приезжей человек», являющийся «с каким товаром ни буди» должен «ставиться на гостином дворе у дворников», в противном случае он подлежит штрафу. Лишь при незначительном количестве товаров он может ставиться на торгу и ночевать сам на торгу «на своих санях на торговых» или заезжать к кому-либо во двор [3]). В таможенной грамоте 1577 г., касающейся Новгорода, это правило распространяется на торговцев из Московской или Тверской земли и на приезжающих из новгородских пригородов и волостей — им запрещается «ставиться у торговых людей», как и складывать товар «под церквами». Но точно так же и «иноземец всякой» обязан «ставиться с товаром на гостиных дворех» [4]). Гостиные дворы имелись везде и повсюду, о них постоянно упоминается в писцовых книгах. Для жилья на гостином дворе всегда были избы, где приезжие гости, за определенную плату с человека в неделю, пользовались ночлегом и столом; размер платы, а иногда также и обязательные для дворника кушанья, определялись особыми уставными грамотами [5]). В Пскове был, напр., «двор гостин приезжих гостей московских» с 24 амбарами и кроме того специальный «двор

---

[1]) П. С. З. I. № 408, ст. 85—86.

[2]) А. А. Э. I. № 134. Впрочем, уже раньше (напр., в грам. 1465 г.) говорится о «гостинницах», людях которые, очевидно, взимают гостинные пошлины. (А. А. Э. I. № 77), а в духовной Ивана III, 1504, сказано: «а ставятся гости с товаром иноземци и из Московские земли и из (их) уделов на гостиных дворех, как было при мне», так что это правило применялось уже и раньше. (С. Г. Г. и Д. I. № 144).

[3]) Там же. I. № 230.

[4]) Там же. I. № 298.

[5]) Чечулин, 337. См. там же 134—35, 193, 251—52.

гостин льняной». При этом, однако, «как гости в котором амбаре товаров ни держат, и они тогда неделного с амбаров не дают» [1]). Специально относительно Архангельска издается распоряжение «беречь накрепко, чтоб однолично приезжие люди мимо гостиных дворов нигде не ставились и особных дворов и амбаров, опричь аглинских гостей и галанцев, которым по имянным государевым грамотам велено держать свои дворы и амбары, ни у кого не было» [2]). Но распоряжение это плохо выполнялось, ибо 20 лет спустя правительство само жалуется, что «приезжие иноземцы... в нынешних годех явные неправды в привозе худых товаров и в покраже пошлин и в своевольных продажах и покупках, мимо гостиных дворов у себя на дворех втайне товары держали, також и в порубежных городех мимо гостиных дворов от себя врозь всяким людем продавали... от чего русские люди в разоренье пришли» [3]).

Но, повидимому, и приезжие купцы из русских городов не лучше подчинялись требованию «ставиться» в гостиных дворах. По крайней мере из Соборного Уложения царя Алексея Михайловича 1649 г. узнаем о «приезжих городовых всяких торговых и тяглых людях», у которых «на Москве дворов своих нет». Они—вопреки приказам—«в лавках торгуют в наемных и своих». Уложение определяет: «и тем людем впредь с товары своими приезжати на гостин двор и торговати на гостине дворе, а в рядех лавок не наймовати» [4]).

Как мы видели выше, для «аглинских» гостей делалось исключение—им «велено было держать свои дворы и амбары». Это право было предоставлено англичанам с самого начала, и они все время удерживали его за собой. «Аглинские ж земли гостей и купцов — читаем в грамоте 1614 г.—пожаловали есмя прежним их аглинским двором на Москве у Максима святого за торгом и оне на нем живут по старине, а держат на том дворе одного дворника русского человека или своего немчина, а иных русских людей не держат никого, да у них же аглинских гостей дворы по городом двор в Ярославле, двор на Вологде, двор на Колмогорах, двор у пристанища морского в Архангельском городе, и те им дворы за собою держати по нашему царскому жалованью по прежнему, а с тех дворов податей и оброков и всяких пошлин имати есмя не велели».

Когда Флетчер в 1589 г. добивался исключительной монополии торговли для английских купцов, то он получил в ответ, что царь и так уже «жалованье к ним держал великое свыше всех земель гостей и торговых людей, которые ходят в Московское государство». В частности «дворы им подаваны во многих

---

[1]) Сб. М. А. М. Ю. V. 14—15.
[2]) Дополн. Акты Истор. III. № 55.
[3]) П. С. З. I. № 408, ст. 7.
[4]) П. С. З. I. № 1. Гл XIX, ст. 30.

местех»; «а иных земель гостем великих государств, турского салтана, папы римского, и цесаря, и короля испанского, и короля францовского, и короля литовского» этого права держать собственные дворы не предоставлено [1]).

Однако, как ни многочисленны перечисленные здесь национальности, все же купцы всех этих шести государств, за исключением разве одних литовских, для русской торговли почти никакого значения не имели и являлись на Русь редко и в весьма ограниченном количестве. В отличие от приведенного выше списка купцов, которым дозволено было ездить во внутренние города, здесь не названы ни датчане, ни шведы, ни ганзейцы, ни греки, ни восточные народы. Что же касается купцов тех национальностей, которые держали в своих руках товарообмен между Россией и Западом, то московское правительство вынуждено было разрешать им иметь собственные торговые дворы, освобождая их от обязанности останавливаться на казенных гостиных дворах. В таком положении находились, кроме англичан, также и голландцы, и ганзейцы, и датчане, и шведы.

Голландцы уже со времени Иоанна Грозного имели свои дворы в Архангельске, Москве, Вологде, Холмогорах, Усть-Коле, и эти права их были подтверждены грамотой Михаила Федоровича [2]). Ганзейцам московское правительство разрешило в 1548 г. пользоваться «двором немецким» в Новгороде, «по старине», в 1603 г. Борис Годунов подтвердил право их на дворы в Новгороде и Пскове, и только в Москве им не было дозволено при Михаиле Федоровиче завести собственный двор [3]). Датчане пользовались этим правом с конца XVI ст. (1597 г.) и сохранили за собой и в XVII ст. [4]).

Наконец, и шведы, в силу договора 1526 г., имели право на особый двор в Новгороде; по Тявзинскому миру им возвращены те дворы, «которыми дворами они прежде владели со всеми угодьями и вольностями»; мало того, и в тех городах, где «прежде дворов не было, должно беспрекословно отводить оные для того, чтобы они могли складывать свое имущество».

Но, повидимому, они этим правом не воспользовались и новых дворов не строили, сохранив двор только в Новгороде [5]).

---

[1]) Статейн. список. Временник. VIII, стр. 16—17.

[2]) Дополн. Акты Истор. III. 194. Костомаров, 36.

[3]) Грамота 1603 г. напечатана у Scherer. Histoire raisonnée du commerce de la Russie. 1788. II. 101 сл. (Pièces justific. № 1). См. Цветаев, 155.

[4]) «Мы, великий князь, по прошению брата нашего Крестьяна короля Датского, пожаловали его земли Датские торговых людей и дали им место в нашей отчине в Великом Новгороде у Волхвы реки, против Любениц, длиною 60 сажен, а поперешнику 30 сажен, а в Иване-городе такожь указали им место дать на посаде за весчею избою под горою против стрелницы».

[5]) На это указывается и в Стокгольмском договоре 1649 г.: «наперед сего веледревнего государя, короля Густава Адольфа Свейского, его королевского величества, подданные торговые люди имели вольный двор в Новегороде, тако ж и ныне по Тявзинскому и Выборгскому договору очищену и дану быть доброму

Родес еще спустя 4 года доносит королеве, что «псковский двор до сих пор еще не устроен» и что нужен двор и в Ярославле, при чем эти здания должны быть из камня, «в виду того, что всякий остерегается доверять свое имущество деревянным постройкам, да и много это даже удерживает везти туда какой-нибудь товар» [1]).

Таким образом, в то время, как приезжие русские купцы обязаны были «ставиться» на общих гостиных дворах, иностранцы пользовались особыми привилегиями, освобождавшими их от этого требования. Существование таких «вольных» гостиных дворов, пожалованных иностранцам, в которых они останавливаются и складывают свои товары, означало, конечно, изолирование их от туземного населения на старинный средневековый лад. Это изолирование, как и отделение их друг от друга, от иностранцев других наций, было свойственно средневековой эпохе. В странах Востока, напр., в Османской империи, это явление сохранилось и в рассматриваемый период [2]). На Руси такое изолирование иноземцев проявляется во многом—и в стремлении ограничить пользование услугами русских людей со стороны иностранцев, и в запрещении им носить русское платье, и в особенности в поселении их в особых слободах, как это было, напр., в Архангельске, Вологде, Москве [3]).

В Архангельске они проживали в Немецкой слободе, в Вологде—в восточной стороне города, в Новинках, в Москве они первоначально жили в Иноземной слободе, но затем стали селиться по городу свободно, где им было угодно. В 1649 г. вышло распоряжение: «а у кого всяких чинов у русских людей дворы на Москве в Китае и в Белом Земляном городе в загородских слободах: и тех дворов и дворовых мест у русских

двору и месту к тому в Новгороде». Но сверх того теперь прибавлено «и на Москве и во Пскове такие ж торговые дворы дати и тамо им божественная служба по своей вере, по своим дворам в хоромах вольно имети, а церквей по своей вере не ставити». (П. С. З. I. № 19).

Прежние постановления подтверждаются последующими договорами — Валиссаровским 1658 г. («имети свои вольные торговые дворы в царствующем граде Москве, в Великом Новегороде и во Пскове, где они преж сего были»), Кардисским 1661 г., где прибавлены еще дворы в Переяславле; Плюсским 1666 г., в котором делается ссылка на постановления Кардисского договора и прибавлено «торговых людей не принуждать в иных дворех стояти, и постоялое платить, понеже быти им на гостиных и торговых дворех». Однако, эти привилегии взаимные («с обоих сторон»): по Тявзинскому и Выборгскому договорам, «русским купцам предоставляется иметь вольный торговый двор в Колывани (Ревеле), в Стокгольме и Выборге, в Колывани кроме того и церковь». Позже, в 1658 г. к ним присоединяется Рига и Нарва. (П. С. З. I. №№ 19, 240, ст. 7. № 301, ст. 11, № 395, ст. 4, п. 3).

[1]) Родес. 202—03.

[2]) См. мои Лекции по истор. экон. быта Зап. Европы, 6 изд., ч. II. 137.

[3]) Цветаев. 253, 262 сл. Мулюкин. Ист. юрид. пол. 231, 245.

людей немцам и немкам вдовам не покупати и в заклад не имати... А буде кто русские люди учнут немцам... дворовые места продавати: и им за то от государя быти в опале». И сверх того велено немецкие церкви «сломати и впередь в Китае и в Белом и в Земляном городе на немецких дворех киркам не быти; а быти им за городом за Земляным от церквей Божиих (т.-е. православных) в дальних местех» [1]). Вскоре, в 1652 г., по царскому указу «Афанасий Иванов сын Нестеров, да дьяки Федор Иванов да Богдан Арефьев отроили новую иноземную слободу за Покровскими воротами, за Земляным городом, подле Яузы реки, где были наперед сего немецкие дворы, при прежних великих государех до Московского разорения и раздали в той немецкой слободе под дворы земли, размеря против наказу», сообразно их социальному положению, «по чинам и по статьям», в частности «торговым немцам и вдовам примериваяся к прежним их московским дворам» [2]) В эту новую Иноземскую слободу и были выселены иностранцы.

Впрочем, вскоре они стали снова селиться в черте города, в самой Москве, а в правление царевны Софьи это обратное движение иностранцев в самую Москву выразилось и в появившихся там снова домах купцов, и в том, что иностранцы владели в городе лавками [3]).

И в Архангельске жители в 1664 г. жалуются на «торговых иноземцев, которые живут не в своей иноземческой слободе в ряд с посадскими людьми на тяглых местах», хотя никакого тягла они не несут. «И теми своими дворами—читаем в челобитие—они иноземцы тех земель (голландцы, тамбургцы, бременцы) нашу исконя вечную мирскую дорогу заперли... и проходу скотинку нашему нет и прохожий мост они разломали и разбросали». «Да с нами ж—продолжают посадские—сироты твоими поставился в ряд иноземец Яков Романов Спиш возле наши мясные лавки двумя амбары, да иноземец Вахрамей Иванов поставил за мясными нашими лавками поварню в речную сторону... и тем они... наши мясные лавки заперли». «И мы, государь, сироты твои бедные людишки—заключают они—от тех выставочных дворов и амбаров и погребов и поварен в конец погибли, обнищали и обдолжали великими долги» [4]).

Так что иноземцы не только обзавелись привилегиями на постройку собственных гостиных дворов и частных домов, но не желали жить изолированно, а селились повсюду вместе с туземным населением.

Те же характерные явления, которые мы наблюдали выше,

---

[1]) П. С. З. I. № 1. Гл. XIX, ст. 40.
[2]) П. С. З. I. № 85.
[3]) Цветаев. Протестантство в правленье Софьи, 41.
[4]) Огородников. IX. 135—36.

можно установить и в отношении таможенных пошлин [1]), т. е. тех проездных и торговых сборов, которые, как мы видели выше, взимались еще в предыдущий период и сохранились и в рассматриваемую эпоху [2]). К проездным пошлинам относятся попрежнему мыт, перевоз (а также посажение, привальное и грузовое с судов и телег), головщина (с головы человека), к торговым—весчее (пуд), померное, гостиное (дворовое), амбарное (амбарщина), явка, в особ. же тамга. При этом проводится различие (оно существовало и раньше) [3]) между местными жителями, иногородними и иностранными; иногда еще среди первых различаются жители данного города и жители уезда (волостей) или пригородные (окологородцы).

В Белозерской уставной грамоте 1488 г. встречается лишь явка с гостей, т.-е. с иногородних торговцев, «как гости приходят из Московские земли, из Тверские, из Новгородские... с ватамана гривна, а людей ино на судне сколко ни будет, ино с головы по денге»—(поголовный сбор [4]). Относительно же пошлин с местных жителей ничего не сказано; надо думать, они не облагались. Напротив, в последующих таможенных грамотах также для Белоозера (1498 и 1551 г.г.), в которых упоминается тамга и пятно (в первой), «тамга и пуд и померное, на дву гостиных дворех дворовая пошлина» (во второй), и они подлежат торговым пошлинам. Однако с «городского человека белозерца и окологородца, и изо всех белозерских волостей» берется тамги с рубля всего по полполуденге (½ проц.), тогда как с иногородних «по старине с рубля по алтыну» (3 проц.) [5]). В весьегонской грамоте 1563 г. установлена тамга для местных людей Городецкого уезда городских и тутошних посадских, становых и волостных в 1½ денги, а для иногородних («а не Городецкого уезда») в 4 ден. с рубля, да с воза товарного по 2 ден., а для рязанцев, казанцев и «всяких инозем цев» в 7 ден. [6]). А по новгородской грамоте 1571 г. различаются три категории—с новгородского городского человека полагается тамги ¾ проц., с пригородных и сельских людей и с иногородних по 2 проц., а с литвин и других инозем цев по 7 проц. [7]). Двинская грамота 1588 г. устанавливает «явки с верховного человека» по 4 ден., а «с пешеходцов» по 2 ден., но местные жители изъяты от этой поголовной пошлины: «а с колмо-

---

[1]) См. Гагемейстер. Разыскания о финансах древней России. 1831. Толстой. История финансовых учреждений России. 1848. Осокин. Внутренние таможенные пошлины России. 1850. Лодыженский. Ист. русск. таможенн. тарифа. 1886. Мамонтов Тамга. Моск. Унив. Изв. 1871.

[2]) См. т. I, стр. 138 сл.

[3]) В уставной грамоте новгородского князя Всеволода Мстиславича пол. XII ст., читаем: «А у гостя им имати: у Низовского от дву берковска вощаных полгривне серебра да гривенка перцю, у Полоцкого и у Смоленского по две гривны кун, у Новоторжанина полторы гривны, у Новгородца шесть мордок». (Д. А. И. I. № 3).

[4]) А. А. Э. I. № 123.

[5]) А. А. Э. I. № 134, 230.

[6]) Там же. I. № 263.

[7]) Там же. I. № 282.

горцов, с унии и с пекокшан и с емчал явки не имати» [1]). В селах Чарецце и Коротком (грам. 1592 г.) с приезжих или проезжавших мимо брали мыт, а при обратном проезде «задние колачи», сверх того пошлину с судна, местные же жители от всего этого были изъяты. Даже при продаже товара, последние платили тамги 3 денги, за церковную пошлину и за возничье по денге, и с рыбы по 5 ден с рубля. Все же прочие платили тамги вдвое более и сверх того (они одни) замыт, свальное, амбарное и гостиное [2]).

В 1653 г. (в силу Торгового устава) совершена значительная перемена. «Великий государь, слушав выписки и челобитья и сказок гостей и гостиной и суконной и черных сотен и слобод и городовых всяких чинов торговых людей, указал и бояре приговорили: впредь свою государеву таможепную пошлину имати с весчих и невесчих со всяких товаров и с хлеба на Москве и в городех с тутошних жилецких и с приезжих, со всяких чинов людей, рублевую пошлину, с продавцов по 10 денег с рубля, почему которой товар ценою на деньги в продаже будет. А которые напредь сего сбирывались на Москве и в городех с весчих и невесчих товаров проезжие, рублевые и всякие мелкие пошлины и те проезжие и мелкие всякие сборы отставить, и перекупные пошлины с весчих товаров быть по прежнему» [3]). С установлением рублевой пошлины таким образом отменяется лишь часть прежних сборов; перекупное сохраняется, как и ряд других, напр., мыты, мостовое, перевоз. Последний «имать на больших реках на Волге и на Оке в полую воду... с товарные телеги по 10 денег, а с тутошних уездных людей с товарной же телеги... по 6 денег», следовательно, с местных жителей перевоз взимается в пониженном размере. Рублевая пошлина уплачивается с цены, почему велено «цены с товаров не убавливать»... и продажную цену «сказывать прямо в правду без всякие хитрости»; в противном случае «товары имати на себя государя бесповоротно», а тех, кто «об'явятся с утаенными товары и с убавочною ценою в другой ряд, бить кнутом не надно». С иноземцев же устанавливается рублевая пошлина в повышенном размере и сверх того от'явочная.

«А с иноземцов, с торговых немец, с весчих и не с весчих, со всяких заморских товаров, которые начнут торговать на Москве и в городех опричь Архангельского города (значит, если они не останутся в Архангельске, а отправляются вглубь страны), имать по 2 алтына (12 денег) с рубля... да с них же имать проезжие отъявочные пошлины за Великий Новгород, на Москве и у г. Архангельского, которые товары повезут к Москве и в иные городы, и которые русские товары повезут за море (следовательно, при ввозе в страну и при вы-

[1]) А. А. Э. I. № 338.
[2]) Там же. I. № 356. Ср. II. № 21. III. № 117. Ср. Побойнин. 258.
[3]) П. С. З. I. № 107.

возе за границу), по четыре деньги с рубля». Однако же «опричь тех торговых немец, которые приезжают из-за моря и торгуют у Архангельского города, т. е. оставаясь здесь и не отправляясь в другие города: тогда с них взимается особая, пониженная пошлина [1]).

Эти постановления лишь отчасти изменены Новоторговым уставом 1667 г. Здесь определен сбор с весчих товаров—в 5 проц. (десять денег), с невесчих—4 проц., как с привозных, так и с вывозных товаров, и кроме того сбор в 5 проц. «с продажные цены», «как он тот товар продаст на городе» (п. 29). Иноземцы же платят 5 проц. в пограничных городах; но «буде которые иноземцы похотят товары свои от города (пограничного) возить к Москве и в иные городы, и им платить с тех заморских товаров у Архангельского города проезжих пошлин по гривне с рубля» (10 проц.), т.-е. в этом случае вдвое. Это повышенное обложение мотивируется тем, что «русские люди и московские иноземцы пятину и десятину и всякие подати платят и службы служат, а иноземцы ничего не платят» (п. 56). А к этому присоединяется еще «с продажи по 2 алтына с рубля» (6 проц.) «по прежнему» (п. 59) [2]).

Но иностранец вынужден был сверх того вносить пошлину не рублями, а ефимками (дукатами). Между тем рубль составляет—как указывает Кильбургер—100 коп., дукат же поднимается до 125 и в Новгороде дукат часто невозможно достать [3]). Поэтому иностранцы просили «новой торговой вредной устав отставить, который по се время малой образ в пошлинах царского величества казне» доставил, но привел лишь «ко отогнанию всяких чюжеземцов точию корысти некоторого числа самолюбивых человек» [4]).

Проездных и торговых сборов в Московском государстве имелось великое множество и даже после издания Торгового устава 1653 г. они остались в достаточном количестве, тормозя товарообмен, задерживая торговцев, удорожая товары. Но еще хуже было то обстоятельство, что таможники вымогали их в повышенном размере, требовали себе всевозможные взятки и посулы. И вотчинники устанавливали в свою пользу заставы, на которых брали мостовщину, перевоз и другие сборы. А к тому еще воеводы всячески грабили проезжих купцов. Они брали большие подарки, а кто не давал, тех задерживали на гостином дворе и чинили им «убытки и простои великие»», подвергая их товары осмотру, причем «мяли и перебивали их» или «за малую цену забирали». Неоднократно находим жалобы посадских гостей на насилия воевод, на то, что «всякие людишки, которые ездят по городам для своего торгового промыслишка, от их же воеводского задержания и насильства в проездех торгов отбыли». Если так обстояло дело

---

[1]) П. С. З. I. № 107.
[2]) П. С. З. I. № 408 пп. 12, 29, 48, 56, 59. См. Кильбургер, 157.
[3]) Кильбургер, 157.
[4]) Посольство Кунрада фан-Кленка. LXXV.

в пределах Европейской России, то еще больше должен был быть произвол в Сибири; в 1646 г. ряд крупных торговых и промышленных людей, ездивших в Сибирь, обращаются к царю с челобитной о том, чтобы велено было их и их приказчиков «мимо Енисейского острога к Руси отпускать таможенным и заставочным головам, чтоб им от воеводского задержанья и грабежу и насильства в конец не погибнуть» [1]).

Препятствием для торговли являлись и плохие дороги, мосты же были редки и — по словам Герберштейна — не стояли, а плавали, почему им предпочитали перевозы. Летом можно было ездить лишь водным путем и это сообщение облегчалось благодаря существованию не только многочисленных больших рек, но и целого ряда мелких речек, ныне большей частью высохших, но в то время судоходных; они соединяли большие реки и доставляли возможность непрерывного передвижения водой.

Имелось, напр., водное сообщение между Доном и Окой по притоку (верхнего) Дона—Шату; последний и озеро Иван, питающее его, теперь обмелели, но тогда были многоводны, так что получалось непрерывное сообщение Москвы не только с Волгой (ибо Москва имеет свободный выход в Оку), но и с Доном.

В других случаях на небольших расстояниях, отделявших водные бассейны, перетаскивали суда и товары (волоки) с одной реки до другой [2]).

Зимние сухопутные дороги были несравненно удобнее летних (на суше) и хотя и они страдали различными недостатками (напр. ухабами), но все же иностранцы были ими довольны и находили, что передвижение совершается весьма быстро—при пассажирском сообщении проезжали по 50—60 верст в день; путь от Москвы до Вологды совершали в 5, иногда даже при хорошем санном пути в 3 суток, из Вологды в Вел. Устюг ехали 6 дней, из Вологды до Архангельска—8 суток. Олеарий хвалит «хороший порядок» на дорогах, а Рейтенфельс рассказывает, что купцы совершали быстрые поездки за небольшую плату [3]). Почты до 60-х годов XVII ст. не было, а иностранные купцы пользовались для пересылки корреспонденции своими нарочными. Родес в 1653 г. предлагал шведской королеве установить тайную почту, вследствие неудобства посылать письма с ямщиками, которые сядут в неопределенное время и медленно, и на которых невозможно полагаться. И Крижанич советовал завести почтовых гонцов, как в других странах, ибо этим «поспешается торгование и торговеческо

---

[1]) Сб. М. А. М. Ю. VI. № 18. С. Г. Г. и Д. II. № 113. А. И. III. № 9. Побойнин. 203. Костомаров. 115. Бахрушин. Московский мятеж 1648 г. (Сборн. ст. в честь Любавского. 1917, стр. 742). Штаден. 119, 143.

[2]) Герберштейн. Ук. соч. Костомаров. 142 сл. Загоскин. Русск. водные пути и судовое дело в до-Петр. России. 1909. Стр. 220. См. и друг. примеры там же.

[3]) Олеарий. 58, 230. Рейтенфельс. 134. Посольство Кленка. 346 сл. Курц. 406 сл. Гурлянд. Ямская гоньба в Моск. госуд. 1900. Милюков. Ист. культ. I. 108.

взаемное пораэумение». В 1665 г. неоднократно упомянутый уже выше голландец фан Шведен предложил через каждые две недели привозить своими людьми и лошадьми ведомости через Ригу, за что он получал 1.200 руб. в год. После почта перешла к другому (также встречавшемуся уже нам) иностранцу Петру Марселису, но он обязан был ее производить на ямских, а не на своих лошадях. Почта ходила в определенные дни, хотя бы и не было корреспонденции, ездила днем и ночью. Она отправлялась из Москвы и шла двумя путями—через Смоленск в Вильно и на Новгород и Псков в Ригу; к концу XVII ст. была учреждена почта и на Архангельск и в Сибирь до Верхнего. Все обязаны были пользоваться почтой, но некоторые иностранные купцы отправляли тайно собственных нарочных заграницу, что вызывало неудовольствие Марселиса. Купцы же в свою очередь жаловались на то, что Марселис вскрывает почту, а гонцы крадут пересылаемые деньги. Кильбургер рассказывает, что между Москвой и Ригой почта идет 9—11 дней и еженедельно получаются так же правильно, как в Швеции, все голландские, гамбургские и кенигсбергские печатные и писаные известия. Он прибавляет, что все пакеты отвозятся в Посольский приказ и там вскрываются, чтобы частные лица не узнали ранние двора того, что делается вне и внутри страны, в особенности же для того, чтобы никто не вел неположительной и вредной для государства корреспонденции [1]).

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Денежное обращение и кредит.

Литература.

Кауфман. Серебряный рубль в России 1910. Зап. Нумизм. Отд. Рус. Археолог. Общ. т. II. *Брикнер.* Медные деньги в России. 1656 — 63. 1864. *Гуттен-Чапский.* Удельные, великокняжеские и царские деньги древней Руси 1875. *Шоуэр.* Обозрение русских денег и иностранных монет царских. ч. I — III. 1837 — 41. *Прозоровский.* Монета и вес в России до XVIII ст. 1865. *Забелин.* О ценностях древней Руси. *Суворин.* О финансовом кризисе в России 1659—1663 г.г. (Арх. Ист. и практ. свед. 1863 г.) *Костомаров.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII ст. 1889. *Милюков.* Государственное хозяйство России в перв. четв. XVIII ст. 1906. *Рождественский.* Служилое землевладение в XVI веке. 1897. *Никольский.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство т. I. вып. 2. 1910. *Богословский.* Земское самоуправление на севере в XVII веке. т. II. 1912. *Удинцев.* Исто ия займа 1910. *Бахрушин.* Княжеское хозяйство в XV и перв. пол. XVI ст. (Сб. ст. посвящ. Ключевскому). Источн. см. стр. 3 сл.

---

[1]) Родес. 201 сл. Крижанич. № 1, стр. 20. С. Г. Г. и Д. IV. № 64. Кильбургер. 160 сл Форстен. Ж. М. Н. П. 1899. VI. 283. Курц. 407 сл. См. также Козловский. Первые почты и первые почтмейстеры в Моск. гос. 1913. Хрущов. К истории русск. почт. 1884. Гурлянд. Ямская гоньба. 1900. Там же литер.

I.

В завещании Иоанна III говорится: «а сын мой Юрий з братьею ю своим уделом в московской земле и в тверской денег делати не велят, а денги делать велит сын мой Василий на Москве и во Твери, как было при мне». Это значит, что при Иоанне III прекращается чеканка монет удельными князьями и вводится монета общая для всего государства, на ней и имеется надпись: «Государь всея Руси». Это был тот же старинный денежный счет по 216 денег на рубль, который успел установиться в течение предыдущего столетия, но только несколько упрощенный, таким образом, что рубль равнялся теперь 200 деньгам. Существенная разница заключалась однако в том, что этот рубль в 200 денег содержал уже не 48, а всего 18½ золотников серебра, т. е. составлял уже менее половины своего первоначального содержания. Если, однако, прежде, несмотря на отсутствие общей монеты, все-же существовал один и тот же рубль во всех русских землях, чеканенный удельными князьями, то теперь наряду с московской монетой имелась еще новгородская, отличавшаяся от нее, ибо новгородский рубль потерял только 16% своего первоначального веса. Новгородская система не только не была упразднена в Новгороде, но, наоборот, введена в состав московской денежной системы путем приравнения новгородской деньги к двум московским. Таким образом, существовало два различных счета—наряду с рублем, состоявшим из 200 московских денег, гривной в 20 денег и алтыном (алтын по-татарски означает 6) в 6 денег, имелся и другой счет рубля из 100 новгородских денег, полтины в 50, гривны в 10 и алтына в 3 новгородских деньги. Не трудно заметить, что эта вторая система господствовала до наших дней.

Уже раньше на монетах (деньге) встречается рисунок двоякого рода—на одних всадник (великий князь) с мечем, на других с копьем, но их прежде употребляли без различия, и только с половины XVI ст. рисунки были приспособлены к достоинству монет. Монеты малого веса, московки имели изображение всадника с мечем в руке и получили название мечевых, монеты же крупного веса, новгородки—получили рисунок всадника с копьем и именовались копьевыми деньгами, впоследствии и копейками. Однако, в населении еще долго, в течение всего до-Петровского времени сохранился старинный счет на мечевую, а не копейную деньгу, т. е. на рубль в 200 денег московских, а не в 100 новгородских. Герберштейну только этот счет и был известен.

Если уже при Иоанне III рубль весил всего 18½ золотн. серебра, то в дальнейшем он—как это было и с западно-евро-

нейскими монетами—все более и более теряет свое содержание. При Иоанне Грозном он весит всего 16 золотн., в XVII ст. 11 зол., а в последние 2 десятилетия содержит не более 9 и даже $6^2/_3$ золотников, так что к началу XVIII ст. он сохранил не более седьмой части своего первоначального содержания. Монетная регалия является, таким образом, выгодным источником дохода, доставляемого порчей монеты. Последняя однако производилась исключительно путем уменьшения в весе, но не посредством усиленной примеси неблагородных металлов, проба монеты почти не изменилась. При этом чеканилась лишь мелкая монета, главным образом денга, рубль же являлся только счетной единицей; монет таких не существовало.

В истории монеты XVI-XVII ст. нужно различать несколько периодов. В первый период, охватывающий XVI век, вместе с ухудшениями в монете, произведенными Иоанном III и Иоанном Грозным имеет место однако же и мера иного порядка—учреждение в Москве «денежного двора», т. е. изъятие чеканки из рук денежников, в виду совершаемых ими злоупотреблений. Относительно порядков, установленных на монетном дворе и надзора за тем, «чтобы во дворе было безо всякие хитрости» у нас нет сведений. Сохранилось лишь описание Котошихина, писавшего в XVII веке, но сообщающего данные, которые, вероятно, характеризуют уже и предыдущий период. «А денежных мастеров для того дела берут из вольных и из торговых людей, кто похочет с поруками и за верою и крестным целованием, что им, будучи у царского дела, не воровать серебра и денег не красть и в серебро меди и олова и иного ничего не примешивать и в домех своих воровских денег не делати никаких, и чеканов не красть и воровски под чеканы не подрезыватися. А будет их денежных мастеров... с 200 человек. А как они для денежного дела ходят на двор или з двора, а их осматривают донага, чтоб они не приносили меди и олова и свинцу или з двора чего не снесли. А будет сыщется, что они делали на царском дворе или у себя в домех воровством денги или под чеканы подделывались... и таким по сыску бывают пытки и... чинят наказание, заливают оловом горло, а иным, смотря по вине, отсекают руки и отрезывают уши и бьют кнутьем, и отнимаются домы и животы, и ссылаются в ссылку в Сибирь». Частным лицам предоставлялось право приносить на монетный двор серебро для чеканки из него монеты. Сведения об этом сохранились также лишь с начала XVII ст., когда за это уплачивалась золотничная пошлина, так именуемая, ибо она равнялась золотнику с гривенки серебра или 2% [1]).

---

[1]) Котошихин. 98.

Вновь установленный порядок сохранился в течение продолжительного времени. Даже в смутное время, когда все бурлило и кипело, дела на монетном дворе, как видно из книг московского денежного двора, шли своим чередом, торговые люди приносили и теперь значительные количества серебра для перечеканки в монету, уплачивая золотничную пошлину натурой. В конце XVI ст. впервые появляется и указание на монетах года их чеканки, хотя вплоть до Петра Вел. это и не делается еще систематически.

Повидимому, вплоть до начала XVII ст. никаких новых понижений в весе монеты не производилось, придерживались попрежнему трехрублевой монетной стопы, т. е. из одной трети гривенки (16 зол.) чеканили серебра на рубль. Но, конечно, о точном соответствии монет этому весу не могло быть речи до тех пор, пока невозможна была техническая выверка каждой из них, а выверка производилась лишь огульная; 200 московских денег в совокупности должны были соответствовать 16 зол., но каждая из них могла весить—как это было и на Западе — и гораздо меньше или, напротив, больше положенного размера.

Когда начались дальнейшие злоупотребления в области монетной регалии, трудно сказать с точностью. Монеты 1613 г. весят уже гораздо меньше—трехрублевая стопа заменяется четырехрублевой. Есть указания на то, что такая перемена совершилась уже в Смутное время, при Василии Шуйском, хотя возможно, конечно, что впоследствии, произведя эту операцию, стали в свое оправдание ссылаться на Смуту [1]). Во всяком случае уже в первые годы царствования Михаила Федоровича представитель английской компании Джон Меррик жаловался на то, что «ныне в Московском государстве делают деньги перед прежними легче, недовесу в четвертую долю». Рубль стоил прежде 14 нил., теперь же всего 10. Бояре на это отвечали ему, что причиной этому является Смута, так что «поневоле для многого разорения и для служилых людей деньги почали делать легче, чем бы государство построити и служилых людей пожаловать» [2]). Так как при этом, однако, старые деньги лишь постепенно перечеканивали в новые, то получилась монета двоякого рода, более полновесная и менее полновесная, и неудивительно, что предприимчивые люди, в особ. иностранцы, стали скупать и отсылать за рубеж, где перечеканивали их по новой монетной стопе, чтобы затем их снова привезти в страну уже в виде новых денег. Об этом

---

[1]) См. докл. С. Б. Веселовского и С. И. Чижова в Нумизм. Сборн. Моск. Нумизм. Общ. Т. II. 1912. Веселовский. Семь сборов. 15 сл. Сошное письмо. I. 27 сл. и Прил. II.

[2]) См. Соловьев. II. 1178. Заблоцкий. 89 сл. Прозоровский. 109. Милюков. Гос. хоз. 46.

говорится в указе 1620 г., запрещающем вывоз старых денег, «что б всякие люди немецким людем и всяким иноземцам денег старово дела на товары их и на новые деньги и на ефимки не меняли и не продавали. А у кого будут старые деньги, и те б люди привозили их к Москве к денежному делу», причем «за те старые деньги указали мы давать на Москве из нашие казны новые деньги с наддачею» [1]). Но многократно повторяемое запрещение, которое велено было «по торжкам бирячем кликать по многие дни», не помогло. Старые деньги все таки попадали не на Денежный двор, а за границу, вследствие чего прибыль из перечеканки монет извлекала не казна, а частные лица.

До 1630 г. совершилось вновь некоторое понижение веса монеты и к этому времени из гривенки чеканилось уже 432 копейки, серебряный рубль содержал лишь немногим более 11 золотников серебра, т.-е. составлял всего ¾ рубля 1535—1612 г.г. и менее четвертой части первоначального рубля XIV века. Однако, в течение последующего полустолетия 1630—1680 г.г. монетная стопа, как она выражается в весе копейки, снова не изменяется. Характерную черту этого периода составляет появление, наряду со счетным серебряным рублем, нового серебряного рубля уже в виде реальной монеты с определенным рисунком и надписями. Чеканили его впрочем, очень мало, употребляли же, главным образом, иноземные ефимки, немецкие, голландские, на которые лишь накладывался штемпель, почему они и именовались «ефимками с признаками» (т.-е. со штемпелем), в отличие от нештемпелеванных. Смысл штемпелевания заключался в том, что разница между $6^2/_3$ золотн., которые содержались в иностранном ефимке, и $11^1/_9$ золотн., которым равнялся счетный серебряный рубль в 100 копейных денег, должна была итти в пользу казны. Но и этот опыт не мог быть удачен, ибо немыслимо было обращение двух серебряных рублей одновременно, из которых один (счетный или 100 копейных денег) был на одну треть больше другого (ефимка). Только когда при Петре рубль в 100 копеек опять сильно понизился, дойдя до $6^2/_3$ золотн., мог появиться в обращении и серебряный рубль такого веса—одно соответствовало другому.

Чеканка золотых монет производилась уже при Иване Грозном, но это были не столько монеты, сколько медали, которые раздавали за военные заслуги. Для этого пользовались, главным образом, иностранными червонцами, которые прикреплялись к шапке или к рукаву; чеканили и у себя в подражание им для наград соответственные червонцы и получервонцы, но в качестве монет они не обращались.

---

[1]) Бессловский. Семь сборов. Прил. № 74.

Зато при Алексее Михайловиче сделана была попытка ввести в обращение медную монету. В этом случае преследовалась фискальная цель, но она была еще менее достигнута, чем при предыдущих монетных операциях. Медная монета была известна населению уже с XIII ст., благодаря татарам, в XV—XVI ст. великие и удельные князья чеканили ее, хотя в письменных источниках о ней не упоминается. Однако, лишь с начала XVII ст. стали ею интересоваться и смотреть на нее, как на источник значительного обогащения казны. История денежного обращения знает много странных и бессмысленных попыток наполнить пустующую казну, но едва ли дело доходило когда-либо до того абсурдного требования, которое при Алексее Михайловиче было пред'явлено населению [1]). Последнее должно было забыть о разнице между серебром и медью и признать их равноценными. Из дошедших до нас медных копеек того времени видно, что они стали чеканиться того же веса, какой имели серебряные деньги равного наименования. Так что за серебряную копейку каждый должен был брать медную, разница же между ценою серебра и меди на рынке должна была итти в казенный сундук. В результате получилось бы увеличение цены меди во 100 раз, медная монета принималась бы в 100 раз выше своей действительной ценности. Хотя новая монета проникала очень медленно в обращение, так как при ручном способе чеканки и при наличности всего трех монетных дворов (в Москве, в Новгороде и в Пскове) ежегодно их можно было выпускать лишь в сравнительно небольшом количестве, тем не менее последствия нового опыта не преминули весьма скоро обнаружиться. Прежде всего, медленность казенной чеканки восполнялась эпидемическим распространением чеканки их частными лицами, т.-е. чеканки фальшивых монет, либо операция эта сулила слишком большую прибыль. Все классы населения принимали в этом участие, но больше всего, по словам иностранцев, бояре. Котошихин рассказывает, что когда об'явились такие «воровские» деньги, то людей стали хватать и пытать, причем подозревали особенно денежных мастеров, серебряников, котельников, оловянишников, которые, судя по народной молве, делали «деньги в погребах, тайным обычаем, ночью». Они прежде жили небогато, а теперь «поставили себе дворы каменные и деревянные и платье себе и женам поделали в боярского обычая» и «в рядех всякие товары и сосуды серебряные и с'естные запасы почали покупать дорогою ценою». Преследования эти об'яснялись тем, что медные деньги «настоящие» и «воровские» стали давать себя чувствовать, вызывая рост цен, недостаток в продуктах, ибо крестьяне не желали их продавать

[1]) См. Brückner. Finanzgeschichtliche Studien. Kupfergeldkrisen. 1867.

на ничего не стоившую медь, получилась «дороговь великая». Дело кончилось мятежом, при котором потоплено было в Москве реке—по Котошихину—100 человек, пересечено и переловлено больше 7 тыс. и затем еще повешено 150. Других пытали и жгли, отсекали им руки и ноги, били кнутом и ставили на лице каленым железом знак «буки», т.-е. бунтовщик, а затем рассылали по дальним городам [1]). Медная монета настолько упала в цене, что в 1663 г. была отставлена и даже запрещена и выкуплена по рыночной цене меди. Приказано было «медные денги сливать, а не слив денгами никому у себя не держать, а похочет кто принести (их) в государеву казну», и «давать за медные денги за рубль серебряных по две денги» [2]), т.-е. за рубль медных денег давали 1 коп. серебром, в сто раз меньше. Так плачевно кончилось дело.

II.

Кредит существовал на Руси—как мы видели в т. I—еще в предыдущую эпоху. О торговом кредите упоминает «Русская Правда», о нем трактуется в договорах Новгорода и Смоленска с немцами, как и в статутах немецкого двора в Новгороде и Полоцке. Несмотря на все попытки устранить кредит из русско-немецкой торговли ганзейцам добиться этого не удалось, без взаимного кредитования обойтись невозможно было. Но гораздо большее значение кредит имел в сельском хозяйстве—лишенные земли крестьяне селились на землях вотчинников и получали в кредит средства производства. На этих задолжавших крестьянах—закупах «Русской Правды» мы подробно останавливались выше. Преемниками этих закабаленных крестьян являлись кабальные холопы XV и следующих веков, с одной стороны, крестьяне этого времени, с другой, не имевшие возможности обрабатывать землю без ссуды или подмоги вотчинника или помещика и в результате очутившиеся в крепостной зависимости. Кредит, таким образом, сыграл первостепенную роль в истории крестьянства.

Но не одни только крестьяне нуждались в ссуде. И землевладельцы не могли обойтись без кредита, и они были не менее задолжены, чем крестьяне. Об этом дают ясное представление духовные завещания. Из них видны долги, которыми каждый вотчинник, бедный и богатый, простой и знатный, связан был с обширным кругом лиц. Лишь в виде исключения, находим свободу от долговых обязательств. Редко встречается оговорка: «а не виноват никому ничем, разве Богу

[1]) Котошихин. 99—100.
[2]) Там же. 103. П. С. З. I. № 343.

душою», указание завещателя, что ни он никому не должен, ни ему никто. Обычно же таких обязательств оказывается весьма много, он связан обязательством и с многочисленными родичами и чужеродцами и предметом их являются денежные суммы, оружие, платье, лошади, хлеб. В особенности приходилось вотчинникам и помещикам заключать займы для снаряжения на военную службу—занимать меринов, доспехи, панцыри. Даже богатые землевладельцы вынуждены были прибегать постоянно к займам, нередко очень мелким, служба их совершенно разоряла: «А что есмя давали зятю своему приданого и в ссуду, денги и платья и кони, и то зять наш прослужил на царской службе». Едва ли не наиболее яркий пример представляет собою следующее событие. В 1547 г. царь Иван IV, сосватав дочь известного воеводы князя Александра Горбатого за князя Мстиславского, извещает об этом мать невесты, прибавляя: «да сказывал нам брат твой Фома, что князь Александр, идучи на нашу службу, заложил платье твое все, и мы были (бы) велели платье твое выкупити; и брат твой Фома не ведает, у кого князь Александр то платье заложил; и мы тебя пожаловали, послали тебе от себя платье, в чем тебе ехати; а даст Бог приедеш к Москве и скажеш у кого платье твое заложено, мы велим выкупити». «Боярин, богатый землевладелец—прибавляет С. В. Рождественский—владевший вотчинами и поместьями в нескольких уездах, принужден закладывать платье жены, чтобы снарядиться на службу» [1]).

Любопытно и то обстоятельство, что один из крупнейших вотчинников князь Одоевский, требуя от прикащика оброчные деньги «собрав все сполна без недобору, прислать к Москве», прибавляет: «сам ты Афонасей видел, какая у меня денежная нужа». В другом случае на одной крестьянской челобитне об освобождении от уплаты оброка он пишет: «не статное то дело, что с вас оброку не взять, на сыне, князь Якове, долгу больши дву тысяч рублев, чем платить?». Действительно материальные затруднения князья Одоевские испытывали, как это видно из накопившейся на них недоимке выкупных денег за полоняников: «4000 рублей за разорением своим и за службою и за посольскими с'ездами—вот причина разорения—я не платил». Когда умер сын Н. И. Одоевского, царю пришлось взять на себя все расходы по погребению его [2]).

Но в столь же затруднительном положении находились и князья великие и удельные. Князья закладывали свое серебро, собольи шубы и все же не могли выйти из неоплатных

---

[1]) А. И. I. № 146. П. Рождественский. Служ. земл. 78 сл., 82 сл.
[2]) Арсеньев. 28 сл. Прил. III. № 11. Прил. IV. № 58.

долгов. Из духовных князей Верейских и Волоцких видно, с каким трудом сколачивали они деньги для расплаты с кредиторами. Волоцкий князь Иван Борисович, заложив все, что мог из своего имущества, стал закладывать монисто и обручи своей племянницы, потерял все ее приданое, ее платья, ее посуду. По некоторым долгам он не платил процентов в течение 5 лет. Одни князья просили уплатить их долги за упокой их души, другие упоминали в духовных даже о долгах своих родителей, все еще не уплаченных: «маткин долг». В результате брат Ивана III Юрий Васильевич был должен перед смертью 717 руб. (свыше 70 тыс. на наши деньги), Верейские князья Иван Борисович и Федор Борисович 600 и 840 руб., а другой брат Ивана III—Юрий даже огромную сумму в 31 тыс. рублей (более 3 милл.) [1]).

Они скупали в большом количестве яхонты дорогие и жемчуг добрый, гурмысский, сабли гирейские булатные, ковры, колпаки ордынские, а также поставы ипского сукна, платья из камки бурской или атласа венедицкого (венецианского), но платить было нечем и приходилось брать в долг. Забирали товары в долг у торговцев, оружье и лошадей у оружейных мастеров, у приближенных, у кого угодно [2]). При этом нередко делали займы под залог драгоценностей: «а заложено у него в тех деньгах, чепь золота, да пояс золот, да ковш» (Духовная брата Ивана III) [3]).

Не иначе обстояло дело, однако, и впоследствии; еще Василий Шуйский мог получить у гостей займы лишь под заклад драгоценностей: «а в прошлых, государь, годех—заявляют Строгановы—в 1672 г. при царе Василие Ивановиче всея Руси у московских гостей деньги имаша и в тех деньгах даваша им из вашей государские казны заклады жемчюгом, и золотом, и судами серебряными по дешевой цене.» А первые Романовы прибегали к принудительным займам—к запросным деньгам, ибо добровольно получить их невозможно было [4]).

Форму кредита, к которой прибегали торговые люди, составляла, прежде всего, закупка товаров в долг. По словам иностранцев, русские купцы обычно приобретали товары в кредит и до наступления срока уплаты старались не только сбыть приобретенный товар, но и обернуться несколько раз полученными за него деньгами. «Они берут одну или несколько штук сукна за условленную цену, с уплатою всего количества через полгода или даже через год и затем тотчас распродают это сукно мелким торговцам в розницу по аршинам на чистые деньги и на эти вырученные чистые деньги они

---

[1]) С. Г. Г. и Д. I. №№ 96, 112, 132, 151. Бахрушин. Кн. хоз. 603.
[2]) Бахрушин. 601 сл. Ср. Д. А. И. VI. № 18. VIII. XIII.
[3]) С. Г. Г. и Д. I. № 112.
[4]) Д. А. И. VI. № 67. Весловский. Семь соборов 9 сл.

закупают другие товары, которые опять тотчас же продают, и, таким образом, в продолжение всего времени, которое имеют они до срока уплаты за купленное ими на веру сукно, они делают денежные обороты три и даже более раз и от того получают, наконец, себе чистую прибыль». Кредитом пользовались русские купцы и в торговле с Ригой и Литвой, причем им отпускались товары «на кабалы» с обязательством к определенному сроку уплатить не деньгами, а русскими товарами—пенькой ,салом, лесом. С своей стороны, однако, и русские купцы, напр., из Торопца, лежавшего по близости от литовской границы, отпускали литовцам в долг товары и ездили за литовский рубеж за получением денег. Но при этом мы находим такие случаи, когда, напр., литовский купец, закупив меха не только дает на себя заемные кабалы, но и оставляет сына «в тех деньгах в закладе». И казна продавала товары в кредит иностранцам. Когда Иван Гебдон отправлен был по поручениям царя за границу, то ему велено было «взять за морем на иноземце на Мартыне Бихлявке 8.800 руб., что довелось взять на нем за пеньку в приказ Большого Дворца» [1]).

Наряду с этим встречаем, однако, торговый кредит и в другой форме. При взимании пятинного сбора 1615 г. сборщики сообщают, что «многие люди» клали перед нас кабалы, что они торговали чужими животы, займовали в кабалы у немец и иных городов у торговых людей». Точно также при уплате пятины 1634 г. заявляли: «езжу де я торговати в Сибирские городы, займуя деньги в людех, и приехав де из Сибири и по тем кабалам и по записем и долг плачю». В этих случаях облагались не торговцы и промышленники, пользовавшиеся соответствующими ссудами, а займодавцы, которые «по росту деньги дают». «С посадцких и со всяких торговых людей... с тех заемных денег на тех людех пятина не имали, а имали пятина на тех людей, которые люди давали им взаймы» [2]). Для упомянутой выше торговли с Сибирью, однако, не только занимали деньги с целью приобретения на них таких товаров, как медь, олово, сукна, на которые выменивалась пушнина, но нередко брались в долг самые товары, нужные для обмена. Так, в 1663 г. Елейка Буза показал, что «те товары, на которые соболя покупал, имал у торговых людей, у Надеина прикащика Светешникова... взял на 120 руб., да Устюженина у Василия Дрягина на 300 руб., у Василия Бухрякова на 50 руб., у Михаила Березовского на 500 руб., у енисейского атамана... на 400 руб., да своего живота было у него на 550 руб.». И уплата долга совершалась товарами, но только не взятыми в долг,

[1]) Олеарий. 199. Побойнин. Торопецк. Стар. 300 сл. Гурлянд. Иван Гебдон. Прил. № 3.

[2]) Веселовский. Семь сборов. № 16. Сташевский. Пятина. 142 г. Ж. М. Н. П. 1912. IV. 269 сл.

а вымененной на них пушниной, так что снабжавшие торгового человека товарами производили, в сущности, через его посредство обмен этих товаров на сибирские меха. «И из тех де своих соболей отдал за долг торговым людем, у кого имал товары... А к Москве он тех соболей привез только 9 сороков..., а явя те соболи (в таможне) продал же, а деньги издержал, платил долги, которые едучи к Москве займывал, а иные проел» [1]). Однако, получить кредит было, повидимому, не всегда легко. Калмыковы, взявшие подряд на перевозку дворцовой рыбы из Астрахани в Москву (1682 г.) и нуждавшиеся в средствах на наем рабочих в Нижнем Новгороде, жалуются на то, что там денег: «и с великим ростом не добудешь» [2]).

К кредиту прибегали, наконец, и волости и слободы и посады, которым на содержание старост и судей, дьячков и целовальников, изб и тюрем, на многочисленные подарки в московских приказах и присылаемым оттуда воеводам и сыщикам не хватало обычных средств—поступлений от самообложения. Займы заключались на «мирской расход и на всякую земскую издержку», на «волостное дело», причем выборные власти могли производить их не иначе, как по поручению мира [3]).

Обращаясь от заемщиков к займодавцам, мы находим среди них самые разнообразные группы. Бояре кредитуются нередко у других же бояр. Напр., крупный вотчинник Плещеев в своей духовной упоминает о том, что он должен 15 руб. своему шурину князю Ромодановскому, двух коней занял у своих родственников Дмитрия Плещеева и Овчины Плещеева, у Басманова двух коней и «шапку горлатну-черну», у брата своего мерина и т. д. А в то же время ему должен тот же Басманов панцырь «моделянский», Шестунов «гачник шелков», серебром окован и кафтан стеганный и т. д. Таким образом, вотчинники взаимно отдалживают друг другу деньги, оружие, одежду и т. д. Здесь нет капиталистов-профессионалов, это скорее приятельские долги и, повидимому, безпроцентные. Так Пешков-Сабуров в завещании 1560 г. перечисляет свои денежные долги кабальные и безкабальные в 1, 5, 12, 100 руб., у разных лиц взял много коней и меринов ценой от 2 до 20 руб. С другой стороны, ему должен быть возвращен длинный ряд мелких сумм от полтины до 35 руб. и натурой—шубы, лошади и т. д. Денежные долги князя Кемского равняются одному и десяти рублям, а им самим розданы в долг суммы по 3, 5, 9, 10, 50 руб. Князь Сербский также давал в долг, но и сам брал взаймы. В духовной грамоте князя Кривоборского 1513 г. упомянуто 50 кабал на сумму около

---

[1]) Вернадский. Госуд. промышл. и служил. люди в Вост. Сибири. XVII в. Ж. М. Н. П. 1915. IV. 343.

[2]) Вулих, 69. («Россия и Запад»).

[3]) Богословский. II. 154 сл.

200 руб., да еще несколько долгов безкабальных. Среди должников его фигурируют князья (Ромодановские, Меньшой, Лыков, Долгорукий, Оболенский, Телепнев), но встречается и дьяк, и кузнец, и мельник, и даже холоп. Кабалы выданы обычно на имя нескольких лиц. Они равняются 2—10 руб., но в двух случаях доходят до 15 и 20 руб.

Но землевладельцы давали, повидимому, деньги и под проценты и производили крупные операции. Так, некий Протопопов называет в завещании своими должниками 10 князей, которые были должны ему в сумме более 730 руб. (свыше 73 тыс. совр. ден.). Нам известно, что национальный герой князь Пожарский давал деньги в рост и Устюжский земский мир в 1634 г. занял у него 400 руб.; когда же деньги не были возвращены, Пожарский отправил в Устюг своих людей для взыскания долга. В Уфимском уезде дворяне и дети боярские, как и башкирцы давали деньги в рост, как выяснилось при взимании пятинного сбора в 1634 г. [1]).

В качестве кредиторов выступали далее торговые люди. Великий князь Василий Васильевич брал крупные суммы взаймы у московских гостей и торговцев суконной сотни. Торговые люди гостиной сотни Шорин и Патокин снабжали крупными суммами Строгановых. Торопецкий гость Чирьев давал москвичам деньги под заклад соболей. Волоцкие князья обращались к некоему Вепрю, у которого брали в долг товары—сукно, камку, бурскую еланчу, но он же ссужал их и деньгами на значительные суммы; повидимому, он занимался торговлей и кредитными операциями одновременно, как это делали и другие гости и торговые люди гостиной и суконной сотни и как это мы находим и на Западе в средние века и в XVI—XVII ст. Таковы были Василий, Алексей и Кирилл Босых, Исаак Ревякин, Василий Федотов, у которых делали займы земские миры; у гостиной сотни Федотова заем достигал 2275 руб. слишком, сумма огромная по тому времени (ок. 40 тыс. на совр. ден.). Брали ссуды у иностранных торговцев. В 1615 г. «московской торговой немчин» Андрей Бук жаловался царю на то, что «в прошлом де во 122 году имали в Ярославле Григорей Окишфов да дьяк Лука Владиславлев у аглинских и у галанских и у московских у торговых немец деньги взаймы ратным людем на жалованье и у него де в те поры взяли денег 100 руб. и отпись ему дали и аглинским де и галанским и московским торговым немцам все деньги отданы, а ему де по сю места те деньги не отданы». Он просит, чтобы государь его «пожаловал», велел ему выдать

---

[1]) Ак. Лихачева. I. №№ XI, XIV. Духовн. грам. кн. Кривоборгского (напеч. В. Г. Рейманом в Сборн., посв. Платонову. Стр. 43 сл.). Рождественский. 79—81. Богословский. II. 157. Сташевский. Ж. М. Н. II. 1912. V. 111.

долг из таможенных и кабацких денег в Ярославле. Просьба его была удовлетворена [1]).

Однако, все эти были лишь заимодавцы более или менее случайного характера. Крупными же капиталистами, постоянно и в широких размерах занимавшимися ссудными операциями, являлись монастыри. Обширные капиталы, которыми они обладали, ставили их в совершенно исключительное положение. В то время, как прочие вотчинники беднели, хозяйство их оскудевало, служба подрывала их благосостояние, монастыри скопляли в своих руках огромные богатства, при помощи которых они либо прибирали землю других групп населения к своим рукам, либо приводили их в зависимость от себя, опутывая их ссудами. Отличие монастырей от всех прочих вотчинников заключалось в том, что монастыри, наряду с доходами от своих крестьян, от соляных варниц, рыбных ловель, т.-е. с доходами производственного характера, обладали и доходами иного рода в виде вкладов, жертвуемых, чтобы «устроить свою душу», на вечное поминовение. Уже в XV веке к церковному «синодику», куда записывались имена усопших вкладчиков для поминовения души, присоединено было весьма поучительное предисловие, предназначенное для еженедельного чтения в церквах и доказывавшее необходимость и полезность щедрых пожертвований на церкви и монастыри «по душах». Жертвователи добьются «душам своим спасения и помощи в страшный и великий день грозного суда Христова» и избавятся от вечных мук и причислятся «к лику избранных»; тому же, кто не желал обнаружить религиозную ревность, грозили тем, что «души их во аде мучимы суть».

И притекали даяния и за пострижение, и за поминовение как заздравное, при жизни, так и в особ. заупокойное, на поминовение вечное, и на поминовение повседневное, даже по нескольку раз в день, тайно или вполголоса, наконец, и на «поминание кормовое», т.-е. на угощение братии, во время которого совершалось поминовение. За все полагалась плата, даром ничто не совершалось, даже пострижение «без милостыни» не допускалось. За спасительные молитвы иноков устанавливалась особая такса по нескольким разрядам. Кто давал села и деньги великие, того записывали на веки и кормы кормили по нем, «доколе монастырь стоит», т.-е. совершали обильные трапезы ежегодно; при менее значительной сумме поминали реже в течение определенного числа лет. Если службу совершал простой монах, платили меньше, если священник, а тем более несколько священников, плата была выше. Но са-

---

[1]) Бахрушин. 600. Богословский. II. 161. Сташевский. V. 111. Побойнин. 300. Веселовский. Семь сборов. Прил. № 13.

мым, щедрым жертвователям служил сам игумен собором, т.-е. со всеми иноками, по менее щедрым служили собором, но уже без игумена. Словом, все было направлено к тому, чтобы всячески усилить приток вкладов на вечный поминок души, увеличить число христолюбцев—рука дающего да не оскудеет. И монастыри достигали своей цели, получали «великую и довольную милостыню» и могли благодарить жертвователей за то, что они их не забывают «в пустом сем месте» и обещать им за это «исцеление души и телу».

Наиболее щедрыми жертвователями были цари, среди них в особ. Иван Грозный. По мнению Н. К. Никольского, «если бы историк задумал отыскивать причины финансовых затруднений московского правительства в царствование Грозного, то наряду с военными затратами, вызвавшими усиление податей, он должен был бы обратить внимание и на царские милостыни по разным монастырям. По его подсчету, вклады Ивана IV в несколько монастырей составляли свыше 25 тыс. руб., (т.-е. свыше 2,5 милл. на совр. ден.), из них половина приходится на Троице-Сергиеву лавру, но эта цифра охватывает далеко не все монастыри, получившие пожертвования от царя. В Кирилло-Белозерский монастырь он дал деньгами (помимо вещей) 29 тыс. руб. Усердными вкладчиками были и князья, жертвовавшие деньгами и хлебом, жемчугом и драгоценными камнями, золотыми и серебряными сосудами. Еще более, однако, обогатились такие монастыри, как, напр., Кирилло-Белозерский, от пожертвований того же разорявшегося служилого сословия, которому приходилось обращаться к монастырям же за ссудами, в частности и от боярских опальных родов, которые, повидимому, рассчитывали найти убежище в монастыре. Вообще, казни Грозного увеличивали приток заупокойных поминаний по богатым людям, следовательно, обогащали монастыри, а в то же время, в виду возможности опалы, для бояр выгоднее было передать имущество в монастырь, чем ждать конфискации его, тем более, что они могли выговорить себе благоприятные условия в отношении своего образа жизни в случае будущего пострижения. Общая сумма всех вкладов в Кирилло-Белозерский монастырь за 75-летие 1550—1625 г.г. равнялась 80 тыс. руб. (3 милл. нынешн.). Если же примем во внимание, что ежегодный доход монастыря от его хозяйственных операций не превышал тысячи рублей в год, то окажется, что поступления нехозяйственного характера ему равнялись. Но и эта цифра не выражала итога всех пожертвований, ибо сюда не включены самые мелкие пожертвования, в общей сложности, дававшие значительную сумму. Брал же монастырь вклады чем угодно, всякими вещами, мало имевшими отношения к благочестивым целям, не гнушался

принимать у бедняков, работавших на монастырь, их заработок в качестве пожертвования [1]).

В результате монастыри оказывались обладателями огромных денежных сумм, земель, всякого рода ценных вещей, полученных от искавших спасения души вкладчиков. В Троицко-Сергиевом монастыре в момент производства описи его имущества было налицо 14 тыс. руб. и кроме того весьма большая сумма была в раздаче по долгам. По словам иностранцев, все путешественники, проезжавшие мимо монастыря, богатые или же бедные, заходили туда и вносили подаяния св. Сергию, чтобы предохранить себя от несчастия в пути. Хлеба в монастырских житницах было 19 тыс. четв. и кроме того большое количество в сельских монастырских житницах и опять таки в раздаче по долгам, обнаружилось больше 3 тыс. пудов меду, много рыбы, более 1100 голов скота [2]). Но кроме того, по словам Майерберга, у монастыря была зарыта огромная сумма серебряных рублей, говорили будто бы до 40 милл. Во всяком случае, при описи имущества многое могло быть скрыто [3]).

В Переяславский Шаровкин Успенский монастырь царем Иваном IV были сделаны вклады в 539 руб., что составляет 2¼ пуда серебра. Частных вкладчиков насчитывается до 200, причем некоторые из них постригались в монастыре или похоронены в нем. Встречаются целые семьи, делавшие вклады, в лице многочисленных представителей (напр., 33 Чичериных, 16 Юшковых, 9 Щербачевых, 8 Кошелевых, 5 Власьевых), многие из них жертвуют многократно; вклады относятся преимущественно ко второй половине XVI и к XVII ст.ст., лишь немногие к XVIII в. Среди вкладов имеются сосуды золотые и серебряные, чаши и кубки, ковши, ожерелья, блюда, богатые церковные облачения, хлеб, много лошадей с седлами, уздами, попонами и даже со всеми воинскими доспехами того времени, т. е. с саблями, самопалами, сайдаками, шеломами и панцырями [4]).

В окладных книгах Антониева-Сийского монастыря среди вкладчиков встречаем всякого рода ремесленников—портных, токарей, шапочников, сапожников, кузнецов. Они дают вклады деньгами, но также и изделиями своими. «У церковного кузнеца у Никифора Карпова золотичанина взята церковная снасть (для солеварения) и всякой завод кузнецкой за 10 руб.»—пожертвование крупное [5]). После смерти кожевника Никиты взяты в качестве вклада «по душе» не только изгото-

[1]) Никольский. 158 сл., 167 сл., 171 сл., 177 сл., 186 сл. См. также Кормовую книгу Кирилло-Белозерского монастыря. Зап. отд. русс. и слав. Имп. Археологич. Общ. I. 1851. Стр. 46 сл.

[2]) Голубинский. 124 сл. 354.

[3]) Рущинский. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей. 140 сл. Ср. (Рославлев). Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. 1876. Стр. 29 и сл.

[4]) Иером. Леонид. Церковно-историч. опис. упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии. Чт. О. И. и Др. 1863. I. 22—60.

[5]) Вклади. книги Антониева-Сийского монаст. 1574 — 1694 (7084—7202) г.г. Изд. Изюмовым. 1917. Стр. 11, 25, 27, 39.

вленные им кожи дубленные, деланные, или сырье, еще не обработанное им (овчины неделанные), но и оставшаяся после него «рухлядь» в виде приспособлений для дубления кож—чан, ушат, таз медный, клещи железные, ковш, лес и т. д., очевидно, все его имущество для поминовения души его перешло к монастырю [1]). Но и тут нередко ремесленники предоставляют монастырю не изготовленные ими предметы, а свою рабочую силу, которую монастырь использует на свои надобности и засчитывает им в качестве вклада. Так в одном случае: «тружался за вклад мельничной мастер... за 6 руб., вставил в монастыре новую мельницу»; в другом за вклад в 12 руб. «тружались дети его, делали лодейные якори»; в третьем вкладчик «на мельницы солод растил 6 лет» [2]). Любопытно, что и приказному подъячему зачисляется 5 руб.: «за его приказную в монастырь работу» [3]). Находим и такой случай, когда Прохор Суботка «дал на себя кабалу в казну 10 руб., служили ему за вклад 10 лет и как-де те лета отживают, и та ему кабала отдати», кабала служит обеспечением того, что он будет безвозмездно работать на монастырь в течение 10 лет [4]).

В Великоустюжский Михаило-Архангельский монастырь за 1585—1617 г.г. сделаны в большом количестве вклады людьми трудящимися—кузнецами, ведерниками, рыбниками, мясниками, плотниками, монастырскими половниками. Другие выполняют сельско-хозяйственную и промышленную работу: «за 4 руб. тружался с детеныши вместе», «жил за вклад 3 годы за 3 руб.». Годовой труд оценивается по общему правилу в 1 руб., иногда впрочем ниже: «дожил за вклад 4 годы за 3 руб. и прежь того дал 2 руб., всего вкладу за 5 руб.». Обычная такса Михаило-Архангельского монастыря составляла, повидимому, 5 руб., вероятно за поминовение души после смерти вкладчика. Огромное большинство записей состоит в 5-рублевых вкладах или же сказано: «придал к старому вкладу к 3 руб. 2 руб.», или еще иначе: «дал вкладу Григорей Елизарьев сын плотник 3 руб., а достал ему додати 2 руб.»; он обязан, следовательно, в будущем еще прибавить 2 руб. Наконец, бывает, как в приведенном выше случае—за недостающую до 5 руб. часть он «тружался», или «дожил» в монастыре: дал вкладу 3 руб., да за 2 руб. «тружатись шити в казну, что казначей повелит 2 годы» [5]) [6]).

---

[1]) Вклади. кн. Антон.-Сийск. мон. 15.

[2]) Там же, 23, 27, 39, 73.

[3]) Там же, 73.

[4]) Там же, 11. Впрочем, не следует упускать из виду, что за эти вклады монастыри нередко принимали жертвователей на старости, давая им кров и пищу. О роли северных монастырей в качестве богаделен см. у Богословского. Земск. самоупр. на Сев. в XVII ст., т. II. 1912.

[5]) Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря, изд. Шляпин. 1913. Ч. II. Б. №№ 121, 135, 171, 184, 212, 227, 267, 268, 270.

[6]) Доход монастыря по вкладам составил за 6 лет с марта 1585 г. до лета 1591 г. 53 руб., менее, чем за год с октября 1591 г. до лета 1592 г.

Во вкладных книгах Нижегородского Печерского монастыря наряду с вкладами во всевозможных продуктах записан ряд любопытных случаев, когда беглые крестьяне проживают на землях монастыря, если же прежний владелец открывает их местопребывание, то его уговаривают не требовать их обратно, а отказать в качестве вклада монастырю. «Поступившись» своим крестьянином, владелец заявлял, что «ему впредь о том крестьянине не бити челом и не искать», а зато ему выдавали на соответствующую сумму вкладную с обещанием молиться за него или постричь, если он пожелает [1]). Так у князя Козловского бежала крестьянка и вышла замуж за монастырского крестьянина. «А за ту было женку взяти ему выводу 100 руб. ...и он тех денег поступился в монастырь вкладу... об нем и о жене его и о детях молити бога» [2]). Андрею Кузьмину за подобную же «поступку» двух крестьянок дали вкладную в 50 руб. и «буде он, Андрей, похочет, и за ту ево поступку постричи ево, как ево бог приведет» [3]). Иногда, однако, владелец беглого крестьянина не желал пожертвовать своего крестьянина и тогда монастырь вынужден был прибавить к молитвам еще и иной эквивалент в виде части ценности беглого: «дана вкладная костромитину... Глебову в 50 руб., что он поступился зажилых денег деревни Орлова за Тишку Денисова... ему же денег дано 35 руб.» [4]).

О том, как церкви и монастыри выпрашивали себе «милостыню» дает представление, напр., тот факт, что после смерти княгини Воротынской появились причты церквей и братия монастырей со всех концов государства—из 17 городов, не считая Москвы, в том числе даже от расположенного у Белого моря Красногорского монастыря, причем лишь к некоторым из них княгиня при жизни имела отношение, делая вклады, большинство же никакого касательства к роду Воротынских не имело и только теперь, узнав о смерти ее, явилось с предложением молитв об «упокоении души боярыни» [5]).

Кн. Кривоборский в своей духовной распоряжается выдать на поминовение его души (кроме 100 руб. Живоначальной Троице, где его должны похоронить—«они по мне тем кормят, да и милостыню раздадут») 50 церквам и монастырям в общей сложности свыше 100 руб. (10 тыс. на совр. ден.) [6]).

Монастыри были слишком хорошими хозяевами, чтобы они могли оставлять втуне лежать притекавшие к ним огромные

---

48 руб., за 2½ года с июня 1593 г. до января 1596 г. 185 р. (т.-е. ок. 20 тыс.). (Ак. Вел.-Устюж. Мих.-Арх. мон. II. Стр. 163, 165, 173).

[1]) Вкладная книга Нижегородского Печерского монастыря, изд. Титовым (Чт. О. И. и Др. 1897) Стр. VI.

[2]) Там же, стр. 41—42.

[3]) Там же. 44, см. также 12—13. 40. 44. 49. 50. 52.

[4]) Вклади. кн. Нижегор.-Печерск. мон. 56. См. также 44.

[5]) Заозерский. Боярский двор. 109—10.

[6]) Дух. грам. кн. Кривоборского (напеч. В. Г. Гейманом в Сборн., посв. Платонову. 1922, стр. 43 сл.).

богатства. Деньги и всякого рода драгоценности, которые они немедленно оценивали, нередко ниже их стоимости, они обращали охотнее всего в землю, наиболее верный и наиболее выгодный способ помещения в те времена. «Поземельные акты больших монастырей XVI века—говорит Ключевский—открывают нам, какие широкие землевладельческие операции совершали иноки посредством вкладов, закладов, покупок, льгот, своза крестьян у других землевладельцев и т. п. Они завели или деятельно поддерживали на тогдашнем земельном рынке настоящую игру в крестьян и в землю, благодаря которой населенные имения переходили из рук в руки чуть не с быстротой ценных бумаг на нынешней бирже» [1]). Были различные способы заполучить в свои руки земли разорившихся землевладельцев—и непосредственно путем вкладов по душе, и косвенно скупкой земель на те же вклады, полученные в денежной форме, и, наконец, посредством залога, обычно уже не выходившего из рук заимодавца. Ко всем этим средствам и прибегали монастыри, не говоря уже о переманивании крестьян, которых они привлекали к себе опять-таки теми же ссудами, и тем самым разоряли вотчинника и вскоре приводили и его в зависимость от себя, ибо он вынужден был стать их должником, нередко неоплатным, терявшим в результате свою землю.

К какой бы группе заимодавцев мы ни обратились, всегда главными кредиторами, извлекающими барыши из отдачи денег под проценты, оказываются монастыри.

Уже в конце XVI века монастыри являлись банками, снабжавшими князей. Таковы были монастыри: Высоцкий, Серпуховский, Левкиев, Возьмицкий, Селижаров, Покровский, Юрьевский. Один князь Михаил Андреевич Верейский был должником Кирилло-Белозерского монастыря, Мартемьянова и Пафнутьева монастырей. Крупные кредитные операции делал в то время и известный Иосиф Волоцкий, глава «любостяжателей», защищавший право церквей и духовенства обогащаться и действовавший соответственно этому. Но и среди кредиторов-вотчинников мы находим, напр., в духовной Плещеева Угрешский монастырь, которому он поручает уплатить долг с ростом по кабале, Пречистый Осифов монастырь, в духовном завещании Кутузова—Александровский монастырь, Угрежский монастырь, Стефана, протопопа Вознесенского, старца Васьяна Попова, дьяков Александровского монастыря. Князь Гундоров занял у Спасо-Ефимьева монастыря 74 руб. и 8 лошадей, 4 доспеха и прочее на 54 руб. Боярин Хабаров взял в том же монастыре в долг 150 руб. деньгами, 3 кафтана, 16 лошадей, оружие, все вместе на 147 руб., да кроме того 200 четв. ржи. И торговых людей ссужало духовенство: «на престоле 26 руб., а рост емлет на те деньги игумен да священник» [2]).

[2]) См. Ключевский. II. 346 сл. 359 сл. 367 сл.

[1]) С. Г. Г. и Д. I. № 122. Акты Лихачева. I. № XI. XIV. Бахрушин. 600. Рождественский. 80 сл. Побойнин. 300.

Широко раздавали монастыри ссуды крестьянам. Из них, главным образом, извлекал свою прибыль Троице-Сергиев монастырь; так же поступал и Кирилло-Белозерский монастырь, который преимущественно давал в рост небольшие суммы, начиная от полтины и до 20-ти руб. Но преобладали, повидимому, самые мелкие ссуды. В 1601 г. в казне монастыря оказалось 154 кабалы, по которым следовало получить 692 рубля и 6 кабал хлебных, в общей сложности на 21 четверть. Так что на денежную кабалу приходилось в среднем 4½ рубля. Среди кабальных записей Антониева Сийского монастыря находим наиболее крупные в размере 5 руб., но имеются и кабалы в 4, 7, 8 гривен, 6, 7, 20 алтын, т.-е. самых мелких размеров, есть и кабалы в 2 или 3 меры, или 3, 5, 8 пудов ржи или жита (ячменя).Архангельский монастырь на Устюге совершил за 1624—48гг. 50 беспошлинных земельных приобретений, притом почти исключительно залоговые сделки (47 залогов, всего 2 вклада и 1 куплю) на 7008 руб. Ссуды выдавались устюжским крестьянам и посадским людям, владевшим деревнями в уезде, но только в трех случаях в качестве залогов было принято по целой деревне, тогда как обычно залоги составляли ½, ⅓, ¼ и более мелкие дроби деревни. За то же время другой монастырь Троицкий Гледенский совершил 42 сделки, преимущественно залоги, на 4114 руб., Никольский Прилуцкий на 1076 руб., Ивановский на 995 руб., другие (Телегов, Введенский, Николо-Корягжемский) на меньшие суммы [1]).

К должникам применяется обычный в то время правеж; их выводили ежедневно на площадь перед приказом и били прутьями. Это производилось при взыскании податей: «а правят на нас тех денег через вес день с утра до вечера, а ночь в тюрьму сажают». Но то же имело место и в случае неуплаты по долгам. В частности, встречаются жалобы на то, что многие русские торговцы оказываются в долгах у шведов и англичан и от этого они «изгублены, в долгех побиты на правежех и померли в прошлых годех от великого правежу» [2]). «Русская Правда»— как мы видели—предоставляла кредиторам неоплатного должника (кроме случаев несчастной несостоятельности) продать в рабство. Еще в Судебнике 1497 г. говорится о выдаче его «в гибели» «головою на продажу» (ст. 55) [3]), а в Судебнике

[1]) Голубинский. 124. Никольский. 242—45. Еп. Макарий. 11. Богословский. I. 86—87.

[2]) Доп. А. И. V. №№ 1, 12. Веселовский. Семь сборов. Прил. № 22.

[3]) «А кто у кого взявши что в торговлю, да шед пропьет, или иным каким безумием погубит товар свой без напрасьства, и того истцю в гибели выдати головою на продажу» (ст. 55). Несчастная несостоятельность и здесь предусматривается: «а который купец идучи в торговлю, возмет у кого деньги или товар, да на пути у него утеряется товар безхитростно, и стопет или сторит, или рать возьмет (в Судеб. 1550 г. прибавлено: «или розбой возмет), и боярин обыскав да велит дати тому дьяку великого князя полетную грамоту с вел. князя

1550 г. (ст. 90) и в Судебнике Федора Иоанновича (ст. 182) «выдати истцу головою до искупа». Напротив, по указной книге ведомства казначеев 1555 г. они стоят на правеже в течение месяца, «а больши бы месяца ответчики в истцовых исках на правеже не стояли», а затем выдаются истцам головой; «а на которых людех и в месяц истцова иску доправити не мочно, и вы бы тех людей, в истцовых исках, выдавали истцом головою до искупа» [1]). Следовательно, теперь уже выдача головой кредитору происходит не сразу, а лишь при недействительности правежа, если должник, стоя на правеже, все-таки не уплатил долга, причем, как видно напр. из жалоб Архангельского монастыря, постановление о том, что правеж должен продолжаться не более месяца, не выполнялось: стояли и год и дольше. Между тем и Уложение 1649 года говорит об этом «указном» месяце. Там-же объясняется, в чем состоит выдача головою: «а работати им, мужескому полу за пять рублев по году, а женскому полу за полтретья (2½) рубли по году». Но с кредиторов берется порука с записью, что «их не убити, ни изувечити». А когда они «у истцов своих иски их заработают сполна, и их от тех истцов отпустить на волю» [2]).

Указная книга земского приказа (память 1627 г.) знает кроме такой личной ответственности истца и ответственность имуществом: истцы или ответчики стоят на правеже месяц, а «откупиться им будет есть чем, и у тех истцов или ответчиков велено ценить дворы и животы, и отдавать в истцов иск» [3]). И только если «оплатиться им нечем», выдавать их головою. Однако речь идет пока лишь о движимом имуществе и о дворах, только Уложение 1649 г. присоединило к последним и другие недвижимости—вотчины, но опять таки только пустые, т.-е. не населенные (без крестьян), с 1656 г. взыскание распространяется и на пустые поместья, лишь с 1685 г. на всякие имущества [4]). Таким образом, лишь медленно и постепенно допускается привлечение ко взысканию не только личности ответчика, но и его имущества.

Ясно, что до тех пор, пока ответственность на имущество не распространялась, кредитор не имел никакой уверенности в уплате долга, даже если должник обладал недвижимостью. Как бы велика ни была ценность последней, он не мог рассчитывать на удовлетворение иска, если бы должник этого не пожелал. Однако—как мы видели—уже в предшествующую эпоху

печатию платити псцеву истину без росту». (Судебн. 1497 г. Владимирский-Буданов. Хрестом. II.).

[1]) Указн. кн. вед. Казнач. Владимирский-Буданов, Хрест. вып. 3.

[2]) Уложение. X. 26 в. XX. 40. См. Богословский. I. 84 сл. Ср. Штаден, 150.

[3]) Указн. кн. Земск. Прик. X. 7. (Владимирский-Буданов. Хрест. III).

[4]) Улож. X. Ст. 261, 262, 264. Владимирский-Буданов. Хрест. III, прим. 11, 34. Обзор. Стр. 537 сл. (изд. 2-ое).

у кредитора был другой исход, гарантировавший ему уплату долга—залог, именно залог в виде личности самого должника, который немедленно же закладывал себя, поступал в его распоряжение (закуп), либо в виде земли, которая притом немедленно же отдавалась в распоряжение кредитора. Как мы видели выше, кабальные холопы (как и крестьяне) обязаны были за проценты служить во дворе господина или работать на пашне. В таком положении оказывались неимущие люди, что же касается тех, кто имел землю, то они закладывали ее. Таким образом, недопускаемое законом наложение взыскания на землю, в случае неуплаты долга, заменялось немедленной передачей ее в руки кредитора, хотя в этом случае она еще и не поступала сразу в собственность последнего. Пользование заложенным имением предоставлялось ему иногда лишь в случае просрочки. «А полягут деньги по сроце (т.-е. когда наступит срок платежа), ино то село князю Дмитрию, да князю Данилу (кредиторам) за рост пахать и крестьяны владеть» (1563) [1]; «А полягут деньги по сроце и владыке... сею моею вотчиною владети... и пашня пахати и сено косити и крестьяны владети и со крестьян всякие пошлины имати» (1569) [2]. Но чаще кредитор пользовался залогом немедленно. В грамоте Чеботова Троице-Сергиева монастыря слуге Жуку Лодыгину 1552 г. читаем: «а те Жуку деревни и починки за рост пахати и лес сечи и сено косити и всякие угодья ведати; а полягут денги по сроце, и Жуку те деревни и починки потому ж за рост пахати» [3]). Права, как мы видим, предоставляются широкие, не только «пашня пахать и всякими угодья владеть» (1584 г.), «пахати и ведати по тому ж». (в другом случае «за рост ему бити» рыбу), но и «крестьяны держать» и «пошлины с крестьяны имать» и мне «в ту вотчину не вступатся» [4]). В другой закладной Воронцова на имя того же монастырского слуги 1542 г. к этому прибавлено еще: «а будет мне та деревня продати и мне Михаилу мимо Жука деревни не продати ни в закуп не заложити ни по душе в монастырь не дати, ни в приданые не дати же никоторою хитростью от Жука не ухитрити» [5]).

Уже в этом случае возможность для должника вернуть себе землю сплошь и рядом являлась весьма призрачной. Кредитор с самого начала владел ею и пользовался, жил на земле, пахал и косил ее, бил рыбу, получал пошлины с крестьян и раз деньги не были уплочены в срок, то продолжал

[1]) А. Ю. № 244.
[2]) Обз. Гр. Колл. Эк. Шумакова. III. № 137.
[3]) Там же. № 134.
[4]) См. Акты Юшкова. №№ 51, 130. А. Ю. №№ 240, 241. А. Ю. быта № 126. IV. Д. А. И. I. № 157. Акты Федотова-Чеховского. I. № 91. Обз. Гр. III. №№ 133, 135.
[5]) Обз. Гр. Колл. Эк. III. № 132. См. также III. № 626.

бессрочно владеть ею. Эта практика как бы узаконяется указом 1558 г., который предусматривает еще неизвестный царскому Судебнику способ уплаты роста в виде отдачи вотчины в пользование кредитора[1]). Формально должник мог вернуть ее себе в любое время, но обычно средств для этого не имел и земля в результате окончательно оставалась за кредитором. Но во многих случаях последний шел и дальше и невыкупленную землю закреплял и формально за собой, уже при самом заключении договора займа добивался того, что в случае неуплаты долга в срок, земля тем самым превращалась в его, кредитора, собственность. Земля тогда уже принадлежала ему «ввек», никакой выкуп не допускался («без выкупа ввек»), долговая грамота являлась в то же время и купчей: «ино ся кабала и купчая грамота ввек». Такова была, напр., обычная практика Кирилло-Белозерского монастыря, к которому залог переходил в собственность без выкупа. Но то же мы находим в закладных другим монастырям. Так в грамоте княгини Ростовской-Приимковой Ярославскому Спасскому монастырю (1633 г.): «а не заплачю яз княгиня Наталья тех денег... на тот срок и монастырю... ся моя закладная кабала... и купчая». В грамоте Лабутина Троице-Сергиеву монастырю 1634 г. прибавлено также: «ся кабала и купчая», в грамоте Воскресенскому монастырю 1501 г.: «а поляжет серебро по сроце, ино ему ся кабала и купчая». Но так поступали, конечно, не одни монастыри, но и другие кредиторы. В Нижегородской писцовой книге 1621 г. читаем: «Зубин ту свою лавку у Нижегородцкого у сотника стрелецковского, у Степана Макарова в 30 рублех заложил до сроку до Рождества Христова 128 году, а не выкупит на тот срок, и та кабала и в купчие место Степану Макарову». «А не заплачу яз Иван Титу денег на срок, ино ся кабала на ту мою пожню и в купчие место грамоты без выкупа века и дела мне Ивану после срока до тое пожни нет» (1542 г.)[2]).

Таким образом, залог как-бы автоматически переходил в собственность кредитора (и должнику никакого дела до него больше нет), волью ему эту землю «и продать и заложить». Залог сильно приближался к купле, переносил на кредитора широкие права, оставляя за должником лишь весьма ограниченное, обычно довольно призрачное, право вернуть себе землю до истечения срока платежа, а после срока и оно совершенно исчезало. Насколько закладная приближалась к купчей, видно из того, что в некоторых случаях Кирилло-Бело-

---

[1]) Указн. кн. Поместн. Прик. 15. Опис. док. М. А. М. Ю. VI. Отд. 3:

[2]) Обз. Гр. Колл. Эк. III. №№ 138. 139. Ак. Федотова-Чеховского. I. № 75. Писц. и перен. кн. по Нижн.-Новг. Ст. 210. А. Ю. быта. III. №№ 92, 126. IV. VI. Акты Юшкова. № 130. А. Ю. № 236. Удинцев. Ист. займа. 103 сл. Прил. № 8, № 11. П. Беляев Заем и заклад. 68 сл. (Русск. Ист. Журн.).

зерский монастырь выплачивал не меньшую сумму, чем действительно стоило заложенное имущество, и принимал на себя даже обязанность платить с него подати, оставляя за должником лишь право выкупить его в течение известного срока [1]) Уложение 1649 г. узаконило эту практику превращения закладных в купчие [2]).

Как мы видели выше, для монастырей получение земель по душам и покупка их со второй пол. XVI ст. сильно затруднялась, хотя на практике эти ограничительные постановления и нарушались в значительной мере, в особ. наиболее крупными и влиятельными монастырями. Приобретение их посредством залога, превращавшегося в ту же куплю, и являлось весьма удобным средством обхода этих ограничительных мер. С одной стороны, в виду прямого указания делать вклады не землей, а деньгами, доля последних в пожертвованиях, притекавших в монастыри, должна была возрастать, а с другой стэроны, поместить эти денежные вклады нужно было. Между тем, как было это сделать, раз покупка земли затруднялась и даже прямо запрещалась? Исход и заключался в залогах, превращавшихся в собственность монастыря. Примером могут послужить приведенные выше северные монастыри, прибегавшие в XVII ст. почти исключительно к залоговым операциям. Но и Кирилло-Белозерский монастырь (как мы видели) и другие поступали подобным же образом. Кирилло-Белозерский монастырь таким же путем расширял и свои соляные варницы, ссужая деньгами промыслы, принадлежавшие товариществам сябров, он набрасывал им петлю на шею, которая быстро затягивалась. В 1584 г. у монастырского старца в Неноксе имелось свыше 40 кабал, заключенных в течение краткого промежутка 1578—84 или даже 1581—84 гг. Подобным образом и Троице-Сергиев монастырь приобретал за долги варницы, напр., в 1630 г. к нему поступили на этом основании варницы у Соли Камской [3]).

Среди грамот Коллегии Экономии по Двинскому уезду находим 16 закладных кабал, выданных разными лицами монастырям Николаевскому Корельскому, Чухченемскому, Моржегорскому, Спасскому, Прилуцкому, в одном случае Черногорскому и в одном Троице-Сергиеву. Заем заключен до сроку без росту, но под залог деревень, сенокосов, соляных варниц, рыбных ловель; в случае же просрочки, «ся кабала

---

[1]) Беляев. 69 сл. Никольский, 242.

[2]) Улож. X., ст. 196. «А будет кто к кому в долгу в деньгах или в ином в чем-нибудь заложит что до сроку, и кабалу закладную на тот свой заклад даст, а в кабале напишет, будет он того своего закладу на срок не выкупит, и на тот его заклад та закладная и купчая; а дав он такую кабалу, того своего закладу не выкупит: и ему впредь до того своего закладу дела нет».

[3]) Никольский. 123. Горский. 198.

и купчая в век без выкупа» и «братье пахати на собя», «соль варити им на собя» [1]).

В приходных книгах Болдина Дорогобужского монастыря имеется огромное количество записей о платежах по полученным от монастыря займам: «взято по заемным книгам», «уплочено по кабале», при чем должниками являются главным образом крестьяне: «деревни такой-то». За один только год мы насчитали 25 записей этого рода. На каких условиях делались эти займы, нам неизвестно. Но в Расходной книге отмечено следующее: «дано священнику Селивану, что жил на Похре, по владычню Онтопиеву приказу в заем три рубля денег. А взята на Селивана в тех деньгах для веры кабала в пяти рублех за его рукою»; «дано Семену Парфенову в заем 2½ руб. денег, а взято на Семена в тех деньгах для веры пазять до сроку за свою руку в 5 руб.». Таким образом, выдается 2½—3 руб., а кабала составлена на 5 руб. [2]).

В 1694 г. Михаил Коропов под видом мены («промотил я») отдает свое имущество за долг казанскому митрополиту. Он отдает свою поместную землю с двором своим и 9 крестьянскими дворами, а сверх того полбу, пшеницу, рожь, 8 лошадей, 3 коров, 2 быков, 2 телят, 17 овец, 8 свиней, 12 поросят, 5 плугов железных, чан большой. Сначала говорится, что все это отдано в промен на архиерейскую вотчинную землю, но сколько получено последней, об этом ничего не сказано, а дальше уже говорится, что все это отдано в дом митрополиту за долг, «и впредь мне Михаилу и жене моей, и детям, и внучатам, и родственникам до того дворового строения, и до лошадей, и до коров, и до всякие скотины, и до хлеба дела нет и не вступатца» [3]).

При этом, наряду с правом «за рост наши пахати, сено косити и лес сечи и всяким угодьем владети» рост взимается и в другой форме: «а рост нам ему давати по рассчету, как идет на людех на пять шестой», т.-е. в 20%. Это условие встречается в многочисленных грамотах, такой рост являлся обычным—«идет в людех», как всегда прибавляется. Отсюда и получаются широко распространенные двойные кабалы, столь часто встречающиеся в те времена: они исходят из того, что долг удваивается в течение пяти лет, считая рост в 20% ежегодно. Такой указный рост имеется в Судебнике 1589 г., который определяет: «а рост правити за пять лет, а дале пяти лет росту не правити; а кабалы писати на крестьян вдвое, а рост правити на пять шестой. Он установлен и указом 1625 г.: «как истина с ростом сравняется в пять лет, и рост имать на пять лет, а затем сверх пяти лет росту не имать» [4] [5]). Поэтому-

---

[1]) Сб. Грам. Колл. Эк. I. №№ 10, 118, 296, 531, 571—72, 581, 589, 598, 607, 609, 614, 620—21.

[2]) Прих.-Расх. кн. Болдина Дорогобужского мон. Столб. 71.

[3]) И. Покровский. Казан. арх. дом. Прил. XXVI сл.

[4]) Судебн. Федора Иоанн., ст. 23. А. И. III. № 92. XIV.

[5]) Бывали и беспроцентные займы, при которых рост взимался лишь в случае просрочки, и только с этого времени, хотя, вероятно, в этих случаях—как это мы наблюдаем на Западе в средние века—долг писался намеренно на

то по мнению М. М. Богословского, сумма действительно взятого займа (капитала) именовалась «истиной» сравнительно с той вздутой ложной цифрой, которая писалась в кабале.

На самом деле, однако, кабалы были гораздо тяжелее. Устюжскими промышленниками взимались, напр., «двойные и тройные росты»; и в других случаях кабалы часто были не вдвое, а в 2½ и даже в 3 раза больше занятой суммы, да и двойная кабала выдается далеко не всегда на пятилетний срок, следовательно, при меньшем сроке, процент оказывается выше законного. В одном случае при краткосрочном займе процент составлял 48 годовых, в другом 112, в третьем 156, доходя даже до 1% в день, т.-е. до 366% в год. Очевидно, условие о росте на пять шестой вносилось на случай просрочки долга и взыскания его по суду, который не допускал более высокого роста [1]). Герберштейн и Флетчер приводят в качестве общепринятого роста 20%, но из расчета, имеющегося у Олеария, получается, что купец брал в кредит из 33⅓ проц. [2]), а если столь высок был процент в торговом кредите, то в займах на потребительные цели он должен был быть еще выше. Герберштейн утверждает, что церкви брали меньше обычного процента, именно 10%, хотя он передает это с их собственных слов, и в отношении, по крайней мере, Кирилло-Белозерского монастыря нам известно, что он исходил из нормы на пять шестой, причем иногда заставлял должника выплачивать такой процент еще до срока, а с бедняков, не имевших средств уплатить, брал попросту их «рухлядь», т.-е. самые необходимые для жизни предметы, что вызывало нередко возмущение населения. Приказчик Соловецкого монастыря брал даже за выданный крестьянам в ссуду хлеб «на две третью» (50 проц.). и сверх того «поминки» [3]).

Духовные учреждения, следовательно, не только нарушали канонические правила, запрещавшие им взимать рост, но и действительно, как утверждал Вассиан Косой, «отдают церковные деньги в рост бедным и богатым», «волнуемые сребролюбием и ненасытимостью», всевозможными способами угнетают население, «налагая проценты на проценты». «И если должники не имеют сил отдать нам лихвы, то мы без жалости лишаем их имущества, отнимаем у них коровку или лошадку, а самих с женами и детьми, как поганых иноверцев, далеко прогоняем от своих пределов, а иных, предав княжеской власти, доводим до конечного разорения». Иноки — продолжает он — «толкаются в мирских судилищах, то тягаясь с убогими людьми о своих многолихвенных заимодеяниях, то судясь с своими соседями о границах

краткий срок, для того, чтобы в результате рост все-таки получался, с виду однако же принимая форму пени за просрочку.

[1]) А. писц. д. II, 1. №№ 182, 184 и др. Богословский. II. 161 сл.

[2]) Герберштейн. 93. Флетчер. 60. Олеарий. 199. Ср. Штаден, 146.

[3]) Герберштейн. 93. Никольский. 242. А. А. Э. I. № 258.

земель и сел». Вассиан Косой обвиняет монастыри в том, что они избытки от годовых доходов, вместо того, чтобы тратить на нищих и странников, «или обращают в деньги, чтобы давать в рост, или хранят в кладовых, чтобы после, во время голода, продавать за дорогую цену». Наши святители, — прибавляет он, — «кто не в силах отдать лихву, тех в конец разоряют». В божьих церквах и монастырях «поселились сребролюбие, лихоимство, лютость и бесчеловечие» [1]). То же повторяет и другой представитель «нестяжателей» Максим Грек. Он грозит страшным судом монахам «лихоимцам и бесчеловечным, собирающим себе сокровища на земле, питающимся ежегодными истязаниями ростов с нищих и убогих» [2]). Вопрос 16-й Грозного Стоглавому собору касается отдачи в рост церковной и монастырской казны. «Угодно ли Богови, и что о сем Божественное писание глаголет? И мирянам лихоимство возбраняет, нежели церквам божиим деньги в росты давати, где то писано в святых правилах? [2]).

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Финансы.

Литература.

Незабитовский. О податной системе в Московском Госуд. со времени установления единодержавия до введения подушного оклада при Петре Вел. (Соб. соч. 1884). *Толстой.* История финансовых учреждений России. 1848. *Гагемейстер.* Разыскания о финансах древней России. 1834. *Милюков.* Государственное хозяйство России в первой четв. XVIII ст. и реформа Петра Вел. 2 изд. 1905. Его-же. Спорные вопросы финансовой истории Моск. госуд. 1892. (Отчет о 33 присужд. наград графа Уварова. прил. к III т. Зап. Акад. Наук). *Бахрушин.* Княжеское хозяйство в XV и перв. пол. XVI ст. (Сб. ст. посвящ. Ключевскому. 1909). *Лаппо-Данилевский.* Организация прямого обложения в Московском госуд. со времен смуты. до эпохи преобразований. 1890. *Кури.* О прямых налогах в древней Руси. (Юридич. сборн. Мейера. 1855). *Веселовский.* Семь сборов запросных и пятинных денег. 1909. Его-же. Посадская соха в перв. пол. XVII ст. Ж. М. Н. П. 1910. V. VI. Его-же. Сошное письмо. т. I и II. 1915. 1916. Его-же. Заметки по истории бюджета Моск. гос. XVII в. (Сб. стат. в честь Любавского 1917). Его-же. Кабацкая реформа 1650 г. (Ежемес. журн. науки, литер. и обществ. жизни. 1914. IV). Его-же. К вопросу о составе и источниках XXV главы Улож. царя Алексея Мих. Рус. Ист. Журн. I — II. 1917. *Богословский.* Земское самоуправление на севере в XVII в. т. II. 1912. *Сергеевич.* Древности русского права. Т. III. 1903. *Миклашевский.* Древне-русские поземельные кадастры. *Владиславлев.* Обжа. Ж. М. Н. П. 1892. VIII. *Сташевский.* Пятина 142 г. Ж. М. Н. П. 1912. IV. V. *Дьяконов.* Живущая четь. Рус. Ист. Журн., т. V. Его-же. Очерки по ист. сельск. населения. Его же. Рецензия на книгу Лаппо-Данилевского. Ж. М. Н. П. 1893. VII. *Прыжов.* История кабаков в России. 1868. *Дитятин.* Царский кабак в Московск. гос. (Стат. по ист. рус. права. 1889). Источ. см. выше, стр. 3 сл. О таможенных пошлинах см. стр. 370 сл.

---

[1]) Слово об иноческом житии и устроении церковном. Павлов. 67, 71, 77.
[2]) Соч. Максима Грека. III. 205.

Первоначально хозяйство князя по своему характеру не отличается от хозяйств боярских или монастырских. Князь прежде всего хозяин, пользующийся, как и частные владельцы, трудом несвободной челяди; не только в XIV, но и в XV ст. встречаются в княжеских хозяйствах купленные бортники, холопы в качестве псарей, бобровников, сокольников [1]). Хозяйство имеет целью снабжать княжеский двор всем необходимым, всевозможными продуктами земледелия, скотоводства, рыболовства, бортничества, охоты. Этот характер княжеского хозяйства не изменяется и в XV-XVI ст. Попрежнему оно служит лишь для нужд двора, в нем скопляется огромное количество всевозможных сельско-хозяйственных продуктов. Мы видели уже, как сильно увеличилось число великокняжеских сел при Калите и его преемниках; «оброчное жито», «посошный хлеб» и «мелкие доходы», как и барщинный труд должны были доставлять великому князю обширные запасы продуктов. При этом эксплоатация угодий производится уже не столько холопами, которых князья в XV ст. (обычно перед смертью) освобождают [2]), (оставляя себе лишь небольшое количество хлебников, поваров, сокольников), сколько свободными оброчниками, которым поручаются для разработки бобровые гоны, рыбные ловли, борти и которые за эту княжескую службу получают, подобно помещикам, в качестве вознаграждения землю, причем они пользуются помощью местных крестьян [3]). Последние обязаны были—как мы видели—«бить езы» на великого князя, ходить на охоту, как и кормить княжеского коня, косить сено на его лугах, кормить его слуг и оброчников; «бобровники мои где станут, и они корм емлют». Обязанности населения и заключаются, главным образом, в этих и других натуральных повинностях, как-то городовое дело, подводная повинность, наместничий корм.

Наряду с ними появляются весьма рано и подати-дани. Первоначально дань взималась с покоренных племен—«а се суть инии языци, иже дань дают Руси», «поча Олег воевати деревляны и примучив и, имаше на них дан по черне куне», Ольга, победив древлян, «возложи на ня дань тяжку». Со своего населения князья получают добровольные приношения—«дары» и «поклоны», они подносятся князю, принимающему власть. В 1065 г. «Изяславу же идущу к граду изидоша людье противу с поклоном, и приняша князь свой Кыяне, и седе Изяслав на столе своем». «В 1176 г. Михалко же еха... Ростому... утвердився крестным целованьем с ними и честь возма у них и дары многы у Ростовець». Но эти добровольные при-

[1]) С. Г. Г. и Д. I. №№ 21, 22, 25, 40, 106.
[2]) Там же. №№ 24, 26.
[3]) Бахрушин. Княжеское хозяйство, 598 и др.

ношения превращаются вскоре в обязательные, периодически доставляемые. В новгородской договорной грамоте читаем: «а крюк (право об'езда и взимания даров) по старине на третей год, а от волостей дар имати по старине». Дар уже здесь превращается в подать, в дань, собираемую князем с населения. Это право князя оговорено во всех договорах новгородцев с князьями, начиная с 1265 г.: «что волостий всех новгородьских, того ти, княже, не держати своими мужи, но дьржати мужи новгородьскими, а дар имати тобе от тех волостий» [1]). Со времени татарского нашествия под данью разумелась, главным образом, подать, которая шла в пользу татар. Последние переписали население (киевское в 1245 г., других областей в 1257 г. и 1259 г.), но взимание самой дани производилось русскими князьями, которые обязаны были отвозить ее в орду; постепенно оно сосредоточивалось в руках московского великого князя, хотя последний, повидимому, часть ее удерживал в свою пользу. Уже в договоре Василия I с Владимиром Андреевичем 1389 г. предусмотрена, однако, возможность, что не придется дань отправлять в орду, в этом случае князья ее сохраняют за собою: «а ци переменить Бог Орду, а не иму давати в Орду... и с твоее отчины и с удела что возмешь, то тобе» [2]). В начале XV ст. прежняя татарская дань стала действительно поступать в княжескую казну [3]). Наряду с данью уже рано взимались и иные сборы, напр., продажи (от суда), о которых упоминается уже в грамоте Ростислава 1150 г. и Мстислава 1130 г. [4]). Позже дань получила, повидимому, наряду с названием упомянутой специальной подати и смысл родового понятия подати вообще; в льготных грамотах с начала XIV ст. (см. напр. грамоту 1328-40 гг.) говорится «не надобе ни которая дань» [5]).

С течением времени роль податей среди доходов великого князя растет, они становятся разнообразнее, натуральные повинности, как наместничий корм, ям и др. превращаются в денежные сборы. Однако, подати все же еще долго считаются чрезвычайными поступлениями, тогда как обычными нормальными доходами являются оброки от разного рода статей (звериных и рыбных ловель и др.) и доставляемые княжескими имениями продукты. Многие из податей, которые впоследствии приобрели постоянный характер и взимались ежегодно, первоначально рассматривались в качестве временных, как это было, напр., со стрелецкими деньгами (деньгами и хлебными запасами ратным людям на жалованье). Они вклю-

[1]) С. Г. Г. и Д. I. №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8 и др.
[2]) Там же. I. № 35.
[3]) Там же. II. № 15.
[4]) Д. А. И. I. № 4. Древн. пам. русск. письма, 177.
[5]) А. А. Э. I. № 3.

чались поэтому в категорию неокладных доходов, куда относились иноода и полоняничные деньги, как и другие сборы, которые взимались не «ежелет» или давали небольшой, колеблющийся доход [1]). Вместе с тем и упомянутые стрелецкие и полоняничные деньги, и пищальные и емчужные, и ямские и всякие иные подати отличались, как это видно уже из их названий, целевым характером; они шли еще не на общие нужды государства, а на определенные точно установленные потребности.

Когда же они потеряли свое специальное назначение, как и обратились в постоянные (окладные) доходы, рядом с ними появились новые чрезвычайные подати, в особ. пятинные на военные расходы, на уплату жалованья служилым людям. Наконец, характерную черту рассматриваемого периода составляет и разнообразие в обложении различных частей государства и хотя постепенно оно сменяется большим однообразием, но и в XVII ст. приходится еще различать отдельные местности, в зависимости от характера обложения, и во всяком случае отличать налоги, распространявшиеся повсюду, от таких, которые взимались только в определенных областях и городах.

Во второй половине XVI ст. (и в начале XVII) поместные, вотчинные и монастырские земли (т.-е. огромное большинство земель государства) платили прежде всего ямские деньги (ямским охотникам на подмогу) в 10 руб. с сохи—самая тяжелая подать—далее полоняничные в 2 руб. и на местный корм в 42 алтына 4 деньги, итого несколько более 13 руб. с сохи, не считая различных местных и чрезвычайных сборов. В посадах основными податями являлись данные, или данные, ямские и приметные деньги в размере 20 руб. с сохи, ямщикам или ямским охотникам на прогоны или на подмогу 10 руб., полоняничные 2 руб. и кормовые или за наместнич корм обычно в размере 42 алт., некоторые посады платили и пищальные деньги. Посады были обложены тяжелее уездов—крупные платили от 30 до 58 руб. с сохи, тогда как мелкие посады тянули тягло наравне с уездом [2]).

На первом плане по своему значению для населения стоят, следовательно, деньги ямским охотникам на прогоны и на подмогу, к которым в городах присоединяются нередко еще более тяжелые данные деньги. Если данные деньги или

---

[1]) Веселовский. Сошное письмо. Т. I. 1915. Стр. 137 сл. 141 сл. 146 и честь Любавского. 1917), 181 и сл. Иное определение окладных и неокладных доходов у Лаппо-Даниловского. Прям. облож. 30 сл., Милюкова. Госуд. хоз. России в перв. четв. XVIII ст., стр. 10, и Богословского. Земск. самоуправл. II. 126.

[2]) Веселовский. Сошное письмо. Т. I. 1915. Стр. 137 сл. 141 сл. 146 сл. 152 сл.

дани возникали—как мы видели—уже в весьма отдаленные времена, то о яме, как повинности повоза, поставки подвод населением упоминается уже в ярлыке Менгу Тимура 1266 г., на основании которого русский митрополит, наряду с другими сборами, освобождается и от яма. Из этого некоторые исследователи делают вывод, что ямская повинность первоначально отбывалась в пользу хана и его гонцов (тем более, что и самое слово «ям» татарское, обозначает почтовую станцию), хотя наряду с ним существовал и другой княжеский ям [1]). Действительно, в договоре Василия II с Юрием Дмитриевичем Галицким 1428 г., говорится: «а дань и ям давати ти мне с своее отчины из Галича с волостьми по давному, как еси давали отцу моему, великому князю» и прибавлено: «а переменит Бог орду, не иму давати татаром, а тебе имати дань и ям с своее отчины собе, а князю Константину Дмитриевичу с тех своих волостей имати дань и ям собе, а тобе у него не имати» [2]). Из этого видно, что дань и ям находятся в одинаковом положении, поступают через московского князя в орду, с прекращением же последней должны итти в добавочный доход каждого князя. А в тарханной грамоте Троице-Сергиеву монастырю 1462—67 гг. сказано: «не надобе им ям, ни подвода, ни мыт»... «опричь татарского яму» [3]), так что (это повторяется и в других грамотах) различается ям княжеский и ям татарский. Вместе с тем из приведенной выше обязанности доставки яма московскому князю, повидимому, вытекает, что уже в начале XV ст. он имел характер не повинности, а заменяющего ее денежного сбора. Однако ясно выражено последнее только в льготной грамоте 1500 г. Волоколамскому монастырю: «не надобе моя дань, ни ямские денги» [4]).

Подобно дани и яму, и полоняничные деньги вызваны были татарским нашествием и предназначались для выкупа пленных. Будучи, повидимому, первоначально добровольными пожертвованиями, в особ. монастырей, они в XVI ст. превратились в обязательную для населения подать, как это видно из решения Стоглава 1551 г., «сколько годом того пленного окупу из царевой казны разойдется и то раскинути на сохи по всей земли». Определяется, следовательно, ежегодный расход именно на эту цель, и затем (целевая) подать разверстывается среди населения по сохам. По Котошихину полоняничн-

[1]) Лапо-Данилевский. 14 сл. Сергеевич. Ш. 189 сл. Против этого Милюков. Спорные вопросы. Отчет о 33 присуждении нагр. графа Уварова. (Прил к т. 70. Зап. Ак. Наук), стр. 41.
[2]) С. Г. Г. и Д. I. №№ 43, 44.
[3]) А. И. I. № 74.
[4]) А. А. Э. I. № 136.

ные деньги составляют 150 тыс. руб. в год и «окроме выкупу тех денег не дают ни в какие расходы» [1]).

Иной характер имеет наместнич корм, первоначально взимавшийся в натуральной форме с населения на содержание наместников и волостелей; в льготной грамоте печерским сокольникам 1328—40 г.г., наряду с данью и подводой, упоминается о «корме»—сокольники изъяты и от него [2]). Неизвестно, когда он превратился в денежный сбор, но во всяком случае, когда в 1556 г. в связи с образованием губных и земских органов, исчезли кормления и корм превратился в подать, поступающую в пользу князя, он имел, повидимому, уже денежный характер. Уже в грамоте вел. князя Симеона 1353 г. часть корма идет в пользу князя (княгини): «а хто моих бояр имет служити у мосе княгини, а волости имуть ведати, дають княгине моей прибытка половину» [3]). Но лишь значительно позже он был обращен в казну окончательно и полностью, «чтобы тем нашим доходом истери не было» [4]).

Наконец, и некоторые повинности, вызванные потребностью государственной защиты, не позже второй половины XVI века были превращены в денежные сборы; так появляются «пищальные» деньги, «емчужные» (взамен поставки селитры для пороха). Напротив, городовое и острожное дело, одна из самых тяжелых повинностей, еще и в течение XVII ст. лишь в виде исключения заменялась податью. Это делалось только тогда, когда о том просили помещики, говоря, что им «те денги на городовое дело заплатить не в тягость», если же государь на это «велит имать людей и крестьяном де их быт без пашни» [5]). Однако эта повинность имела своеобразный характер в том смысле, что население вместе с поставкой строительного материала обязано было выбирать работников из своей среды или нанимать их на стороне и снабжать их необходимыми орудиями; и в том и в другом случае оно выдавало им наемную плату, так что для большинства жителей эта повинность все же в результате обращалась в денежный платеж [6]).

Однородный характер имела и другая повинность, также вызываемая охраной государства—ратная повинность или сбор даточных людей. И даточный человек поставлялся с определенного количества сох или дворов, причем корм для него собирался с населения натурой, разлагаясь на всю общину избирателей, но кроме того община должна была дать средства на вооружение его и сверх того выдавала ему и де-

[1]) Котошихин, 87.
[2]) А. А. Э. I. № 3.
[3]) С. Г. Г. и Д. I № 24.
[4]) Д. А. И. I. №№ 86, 109. Милюков. Отч. 32.
[5]) А. Ю. № 224.
[6]) Лаппо-Данилевский, 384 сл.

нежное жалованье. Такую форму она имела еще и в XVII ст., в некоторых же случаях переводилась прямо на денежные платежи, причем за пешего даточного человека обыкновенно взималось по 20 руб. денег. Иногда же правительство предоставляло давать деньги за даточных людей тому, «кто похочет», в особ. же оно нередко взимало даточных людей лишь с крестьян пашенных, тогда как дворы посадского населения, как и промышленных и торговых людей облагало равномерной податью, большею частью в 2 руб. со двора [1]).

Таким образом, уже в XVI веке установилась система денежных податей и сборов. Прежние повинности либо были заменены денежными платежами, либо поскольку они сохраняли натуральный характер, все же выражались в поставке лишь определенного числа выборных или наемных лиц, для всего прочего населения, выбиравшего из своей среды или нанимавшего этих людей, принимая (по крайней мере отчасти), денежный характер. И в этом, как и в денежных оброках, денежном вознаграждении за труд, выражался переход к денежному хозяйству [2]) [3]).

Как мы видим, все эти подати тесно связаны с военными нуждами. Как указывает П. Н. Милюков, в начале XVI в. крестьянин платил деньгами (не считая натуральных повинностей) ок. 80 коп. с каждой четверти пашни на наши деньги, в пол. XVI ст. платежи достигают 1 р. 30 к., а к концу века снова возрастают, притом в 3½ раза, доходя до 4 р. 50 к. Однако—прибавляет он—в XVII ст. содержание войска становится еще дороже, чем в предыдущем веке. В XVI ст. появляется лишь небольшой отряд «пищальников» (переименованных позже в стрельцы), наемной пехоты (в противоположность старой дворянской коннице), вооруженной последней европейской новинкой—огнестрельным оружием (отсюда пищальные деньги и емчужные на изготовление пороха), которой приходилось платить деньгами постоянное жалованье. В XVII ст. иностранные офицеры и солдаты нанимаются целыми полками и начинается обучение и русской пехоты и конницы иноземному строю—«драгунской и рейтарской» службе, к концу века стрельцов постепенно вытесняют «солдатские полки». А эти реформы обозначали сильное увеличение расходов на армию; в течение XVII ст. они повысились в 3 раза, и около 1680 г. они поглощали половину всех расходов госу-

[1]) А. И. V. №№ 29, 33. Р. И. Б. X. Столб. 272. А. А. Э. III. № 222. А. Ю. № 215, 300. П. С. З. I. №№ 186, 327. Лаппо-Данилевский. 392 сл., 399 сл.

[2]) См. Рожков. Русск. Ист. IV. I. Стр. 34, а также ук. соч. Веселовского, Милюкова, Лаппо-Данилевского.

[3]) Кроме того, уплачивались дьячьи и подьячьи пошлины, сборы при вступлении в брак—новожены убрус и выводная куница, но в конце XVI ст. и они взимались уже в деньгах. См., напр., А. А. Э. I. № 356.

дарства [1]). Это не могло не вызвать крупной перемены в податной области.

После Смуты появляются новые подати. Таковы прежде всего (с 1616 г.) новые и большие ямские деньги, именуемые так в отличие от прежде существовавших малых ямских денег, которые наряду с ними продолжают существовать в прежнем размере 10 руб. с сохи вплоть до отмены их в 1679 г. Большая ямщина составляла в 1618—20 г.г. 800 руб с сохи, затем до 1630 г. была постепенно понижена вдвое, но вскоре оклад ее стал снова расти и уже в 1641 г. почти вернулся к первоначальному уровню, достигая 724 руб., а в 1644 г. 784 руб. и на этом уровне продержался вплоть до 1680 г., так что в течение 35 лет оклад больших ямских денег не меняется [2]).

Одновременно появилась и другая подать, не менее важная—хлебные запасы или деньги ратным людям на жалованье; так как сбор их сосредоточивался в Стрелецком приказе, то за ними утвердилось название стрелецких хлебных запасов или денег, или казацких или стрелецких запасов или денег [3]). Подать уплачивалась то хлебом, то деньгами. Население усматривало облегчение в возможности переводить хлеб на деньги, и во многих случаях достигало этого. Поморские города Новгородской и Устюжской четей и Важская область с самого начала получили право платить за хлеб деньгами «для дальнего провоза и крестьянские легости». Позже приобрели это право и прочие города и уже в 1624 г. денежный платеж в посадах становится общим правилом, а указом 1672 г. подать была окончательно установлена для посадов в денежной форме: «а которой хлеб имали наперед сего с посадов, а ныне того хлеба не имать, а имать с них деньгами... для того, что они люди торговые не пашенные». Однако, он ссылается на прежний обычай: «никогда воеводы в городех хлеба с посадских людей не собирают, а сбирают деньгами». Поскольку же городам приходится платить хлебом, жители, не имея собственного хлеба, посылают с деньгами своих выборных для покупки хлеба. Выборные отправляют подрядчиков, воруют вместе с ними и для посадов получаются большие убытки. Подрядчики же «хлеб покупают на Москве ж с возов и с судов, а не в украйных городах, и от тех подрядчиков в закупке хлеба на Москве цена на хлеб прибывает и всего государства людем оттого утеснение и убытки» [4]). Из этого

---

[1]) Милюков. Ист. русс. культ. I. 150 сл.

[2]) Веселовский. Ак. писц. д. II. № 228. Его же. Сошное письмо. I. 160 сл. Гурлянд. Ямская гоньба в Моск. госуд. до конца XVII в. 1900. Стр. 329 сл. Милюков. Отчет о присужд. 110 сл. А. А. Э. III. № 116.

[3]) Котошихин. 89. Милюков. 114.

[4]) А. А. Э IV. № 189. См. также Д. А. И. IV. № 107.

видно, что к концу XVII в. города потеряли прежний частью земледельческий характер и денежное хозяйство у них вполне утвердилось.

Однако, и для уездов доставка хлебных запасов обходилась весьма дорого; это видно из одной грамоты на Вагу: «будет они того хлеба к Москве везти не захотят, и вместо московской возки велено им тот хлеб привозить на Вологду и платить против того оклада вдвое»,—так что правительство приравнивает издержки провоза от Вологды до Москвы стоимости самого хлеба [1]). Очевидно, и для уездов возможность платить на выбор хлебом или деньгами имела существенное значение. Но в некоторые периоды устанавливалась уплата хлебом и с 1662 г. поместные, вотчинные и монастырские земли доставляли постоянно хлебные запасы, внося их до 1680 г. с сохи, а с этого года—как и прочие подати—подворно [2]).

Самый размер окладов хлебных запасов и денег значительно колебался по отдельным годам, а иногда, как напр., в 1661 г., их и вообще: «имать не велели». Неодинаковы были и оклады для различных земель—для черных и дворцовых земель ниже, чем для прочих и для посадов, позже он был повышен для поместных и вотчинных земель больше, чем для церковных и монастырских, для посадов же сбор был облегчен. Однако, в общем и целом оклады за полвека для всех земель и городов увеличиваются чрезвычайно сильно, в 35—40 и более раз, со 100 до 5000 и более четей с сохи [3]).

В половине XVII ст. в посадах уже по общему правилу все государственные повинности обращены в деньги. Так, в Двинском уезде положено государевых денежных доходов «за белку и за горностаи и за морской оброк и с оброку полтин и за городовое и за засечное и за емчюжное дело, вытных, ямских и приметных, и загубсково оброку и за наместнич доход и за присуд оброку и полтин по 3 руб. 16 алт. с выти». В других (северных) областях также взимаются в денежной форме в виде единой подати «данные, ямские, приметные, пищальные деньги, за городовое и за засечное дело, за емчюжную варю, за обежную дань, за посошной хлеб, за белы, за горностаи и за всякие мелкие доходы, а также с рыбных ловель и бобровых гонов» [4]).

Как можно уже усмотреть из предыдущего, в XVI и XVII ст. окладной единицей являлась соха или сошное письмо.

---

[1]) Ак. писц. д. II. № 184, стр. 475.

[2]) Для поморских городов существовала после Смуты до 1685 г. повинность под названием сибирских хлебных запасов, которая заключалась в доставке хлеба в сибирские города (и отправке туда плотников). Население и тут добивалось замены этой крайне тяжелой повинности деньгами, но это удавалось ему не всегда (Весловский. Там же. I. 126 сл., 133).

[3]) Весловский. Там же. I. 167 сл., 170 сл., 177 сл., 188 сл.

[4]) Ак. писц. д. II, ч. I. № 183, стр. 465 сл.

Однако, еще и в XVI ст. сохранились от прежнего времени в различных местностях и другие, более мелкие единицы, как, напр., обжи, выти, луки, местные сошки различных размеров. С середины XVI ст. они начинают приравниваться к тому или иному количеству четвертей пашни, в зависимости от качества земли. С этого времени идет и другой процесс постепенного вытеснения их большой, московской сохой, которая определялась в 800 четей доброй земли, 1000 средней и 1200 худой для всех земель, кроме некоторых монастырских, где она уменьшалась до 600 четей, так что при равном окладе с сохи обложение в последнем случае являлось более тяжелым, чем для прочих земель.

В 1478 г. новгородцы на вопрос Ивана III; «что их соха?» ответили: «3 обжи—соха, а обжа—1 человек на 1 лошади орет; а кто на 3 лошадях и сам третей орет, ино то соха». В грамоте новгородского веча относительно черного бора пол. XV ст. та же характеристика сохи: «а в соху два коня да третье припряжь». П. Н. Милюков из этого сделал вывод, что соха измерялась количеством рабочей силы (в древней сохе три конных работника), Сергеевич полагал, что обжа представляет собою одноконное хозяйство, так что окладная единица определяется количеством лошадей в хозяйстве. Ни с тем ни с другим объяснением нельзя согласиться—они слишком искусственны и не соответствуют представлениям того времени. Дело гораздо проще: размеры сохи «определялись количеством труда, нужного для обработки известного участка земли в определенный промежуток времени при помощи обычных хозяйственных средств» [1]). Иначе говоря, это участок земли, который человек на одной лошади может распахать—соответствует западно-европейскому „Morgen“ (то, что можно обработать в течение утра) или jugerum (jurnalis) — участок, обрабатываемый в течение дня. Конечно, точностью такое определение не отличается, но в то время большего не требовалось. Такой характер имели и другие измерения, напр., определение количества облагаемых товаров по числу транспортных средств—с воза, лодьи, хотя они могли быть нагружены и большим и меньшим грузом. В приведенной грамоте Новгорода к сохе приравнивается невод, лавка, лодья, чан кожевенный, чан для солеварения—окладные единицы столь же неопределенные, как и обжа или соха, ибо лавка, напр., может быть различных размеров, делать большие или меньшие обороты, чан кожевенный мог быть так же различной величины и наполняться мог и большее и меньшее количество раз. Но к точности и не стремились, в общем же и це-

[1]) П. С. Р. Л. VI, 217. А. А. Э. I. № 32. Милюков. Отчет. 55. Сергеевич. III. 269 сл. Лаппо-Данилевский. 221.

лом для населения того времени это были столь же ясные понятия (напр., сколько обычная лавка выручает в день—размеры ее были определенны) [1]), как и то, сколько человек на одной лошади может вспахать в течение дня. Создавалось известное типичное представление для данной местности и в данное время, в разных местах и в разное время оно, конечно, могло меняться. Этому не противоречит указание различных авторов, что обжа или соха были условной величиной и что при положении в оклад, наряду с основным фактором—землей принимались в соображение и другие признаки зажиточности, так что получалось обложение «по силе» [2]). Для этой эпохи установление чисто-об'ективной поземельной подати еще трудно себе представить, скорее обложение должно было иметь характер подати по «животам», по общей тяглоспособности, хотя возможно, что с течением времени вырабатывалась чисто-земельная подать, считавшаяся при установлении окладов лишь с количеством земли и с качеством ее, в зависимости от того, была ли она добрая, средняя или худая [3]). Но даже поскольку последнее могло иметь место, субъективный элемент в обложении не исчезал, ибо посошный оклад устанавливается не индивидуально, а для известной местности, для группы населения, которая была списана сошным письмом «в одну кость», несла тяглую сообща. Эта группа лиц производила раскладку податей между собой и была связана круговой порукой. Государственный податной аппарат ранних эпох не настолько развит и усовершенствован, чтобы государство могло иметь дело непосредственно с плательщиком. Оно ограничивается установлением суммы налога, причитающейся с определенной местности, с того или иного сословия или группы лиц и предоставляет им уже производить разверстку между собой, отвечая друг за друга и считаясь с индивидуальными условиями каждого. Нередко списывались в одну «кость» посад и уезд, или несколько городов и затем они уже должны были производить между собой разрубы или разметы. Но в XVII веке утвердился такой порядок, что каждый посад, каждая монастырская или светская вотчина, каждое поместное владение были положены в особый сошный оклад, платили только за себя, не неся никакой ответственности за других. Так что мирская раскладка происходила только в этих, впрочем нередко весьма широких, пределах. В целях разверстки выбирались особые окладчики, обыкновенно из

[1]) См. выше, стр. 334.

[2]) См. Веселовский. Сошн. письмо. II. 345. Миклашевский. Древне-русские поземельные кадастры. 13. Владиславлев. Обжа. Ж. М. Н. П. 1892. VIII. Литер. об обже см. у Яницкого. Кризис в Новг. области, прим.

[3]) См. об однородных явлениях в Зап. Европе в средние века мое Коммунальное обложение в Германии в его истор. развитии. 1914.

каждого разряда—из лучших, средних и молодших людей отдельно, причем всякий тяглец обязан был явиться на мирской сход и под присягой дать показание о своих животах и промыслах. И все же обложение не обращалось в добровольные пожертвования, как это мы находим во многих случаях на Западе, ибо показания облагаемого давались в присутствии как окладчиков, так и мира, который, в силу круговой поруки, был заинтересован в том, чтобы каждый облагался по силе и никто в «избылых» не был. Заочный оклад считался нежелательным: «а верстаться крестьянам самим меж себя в правду перед образом Спасовым, а за очи никого не верстать». При этом не могли не происходить столкновения и тяглецы жалуются на то, что верх одерживают сильные люди, горланы, что прожиточные, семьянистые люди «воровством и заговором сбавливают с себя участки своих пашен и на молодчих людей накладывают» [1]). Или указывают на крестьян другой деревни, что они «при нас платят вполы, а земли за ними при нашем в той деревне больше, скотом и хлебом и животом нас богатее». Как видно из последнего, при мирских разрубах принимались в соображение различные обстоятельства: наряду с землей также скот и прочие «животы». «А у кого в дому или в дороге в животе стали прибыли, и на того человека... дани прибавить, а у кого убыли, и с того человека убавить». В других случаях «дань годовую рубить велено полюбовно» «с торгов и с промыслов и с хлеба и с коней, и со всяких животов своих, кроме Божья милосердия образов и кроме платных припасов» (носильного платья) [2]).

С. Б. Веселовский справедливо указывает на субъективность мирского оклада, если же он говорит одновременно и о поимущественном характере его, то этим лишь подчеркивает свою мысль, что с доходом во всяком случае не считались. В рассматриваемую эпоху действительно могли исходить только из имущества, а не из дохода, но и имущество и не думали так или иначе оценивать, а действовали весьма приблизительно, на глазомер, причем—как это было и на Западе—даже не определяли сколько-нибудь точно те об'екты, которые должны входить в состав облагаемого имущества. Во всем этом и не было надобности, ибо обычно в те времена (так это было и в Зап. Европе) не стремились к пропорциональному обложению, а вполне довольствовались тем, что более прожиточный человек платит больше, чем человек молодший, но во сколько ли раз больше, как это соответствовало его имуществу, это уже значения не могло иметь. Но и имущественный принцип не выдержан. Привлекаются к тяглу не только бес-

[1]) Ак. писц. д. II, 1. Стр. 389. 457 и др.
[2]) Веселовский. Сош. пис. I. 384, 389 сл., 396 сл.

пашенные бобыли, у которых свои дворы имеются, но у которых живота одна корова или даже вовсе нет ничего, делают же они «всякое черное дело на люди», но и такие «недостаточные людишки» и «захребетные бобылишки, у коих дворенков своих нет, скитаются по чужим подворьям» и «кормятся около усолья варничного черною работою» или ходят «с государевою казною и за колодниками к Устюгу» [1] [2]). Из этого видно, что и люди, которые «скитаются меж двор» и своего живота не имеют, следовательно, бедняки несут тягло—ни о каком изъятии неимущих в те времена не могло быть речи, разве что из милосердия нищих освобождали. А в то же время здесь речь идет о бедняках, живущих черной работой, следовательно, их труд, а не имущество является объектом обложения. Такого рода случаи мы находим и на Западе, когда также обложение устанавливается по имуществу, но для тех, у кого его нет и кто живет поденной работой, берется подать в размере, напр., 10-ти дневного заработка. Это, конечно, еще ничего общего с подоходным обложением не имеет, устанавливаются лишь различные признаки налогоспособности, в зависимости от занятия. Но у нас даже указания на то, как должен расцениваться облагаемый труд людей, живущих черной работой, не имеется. Все предоставляется усмотрению мира.

Иначе, повидимому, обстояло дело в посадах. Здесь, в отличие от тянущих тягло в виде сошного письма посадских людей, «молодчие», «недостаточные» люди платили более легкий оброк. Так в Вятке с тяглых дворов взимается сошное письмо, «а верстатитись городцким и посадцким людем в государевых и во всяких податех меж собою по животом и по промыслом»: с 80 же бобыльских дворов взимается оброк по 6 алт. 4 ден. с двора и пошлина с бобыльского оброку. В Нижнем-Новгороде находим «обхудалых людей», которые посадские люди обхудали и обнищали, а в сошном письме с посадскими людми быть им не мочно, и которые посадские люди за бедность и за худобу написаны на оброке». Точно также в Галиче в 1628 г. среди 361 жилого двора 38 «молодчих» дворов и 172 двора «бобыльских и худых», которые «в сошное письмо с тяглыми людьми не погодятся, а имать с них оброк». В Вологде насчитывалось 89 дворов и 145 человек, платившие вместо податей и мирских разметов оброк, самые же бедные, жившие «в наймах» и не «пригодившиеся в тягло и в оброк», не платили ничего, так их было 59 дворов и 14 дворовых мест и 95 человек [3]).

Немногим отличались от этих, приобревших с течением времени постоянный характер податей те, которые в виде ля-

---

[1]) Веселовский. Сош. пис. I. 387 сл. 399. Богословский. II. Ук. соч., т. II. Гурляид. Новгор. Ямск. книги, 94 сл.

[2]) Об однородных явлениях на Западе в средние века см. мое Коммунальное обложение в Германии в его истор. развитии. 1914. Гл. I.

[3]) Писц кн. по г. Хлынову. Вятка. Матер. 17. Писц. кн. по Нижн.-Новгороду. 1621—29 г.г. Столб. 193. Платонов. Ист. Смуты. 33. Мерцалов, 57—58.

той, десятой, пятнадцатой и двадцатой деньги взимались более десяти раз в течение XVII века. Вызывались они первоначально разорением страны после Смуты и расхищением за это время казны, позже войнами и невозможностью иным путем добыть деньги на жалованье ратным людям. Ратные люди от многих служеб стали «конечно бедны» и «безкопны», без жалованья служить не могут, «а которые были под Смоленском в острожках в осаде, с голода ели кобылятину и собак и стали бедны же без службы и без всех животов». И так как их пожаловать нечем, то на соборе приговорили «со всех городов Московского государства со всяких людей с животов собирати, служивым людем на жалованье, денги, пятая доля» [1]).

Ключевский дал весьма любопытное об'яснение того, почему была взята именно пятая, а не шестая или иная деньга. Причину он усматривает в том, что высший законный процент тогда составлял 20 («на гость шестой»), этот доход за один год и должен был итти в казну, капитал должен был уступить нуждающейся казне один год своего прироста [2]). Однако, как мы видели выше, взималась не только пятая доля, но и 10-я, 20-я и т. д., и такие же долевые налоги (vingtième, quinzième) мы находим и на Западе, где такого ссудного процента (таких размеров указного роста) не было. Поэтому гораздо более правдоподобно предположение С. Б. Веселовского, что размер подати просто объясняется привычкой к денежному счету на 5 (по пальцам) и на 10, как это было в денежной системе, и неспособностью в те времена обращаться с долями. Это видно и из соборного приговора: с тех, у кого 100 рублей взять пятую долю—20 руб., у кого больше или меньше, с тех по тому же расчету, у кого 10 руб.—2 руб.; здесь все имеются цифры кратные пяти [3]). С указным ссудным процентом едва ли когда-либо считались при установлении податей, всегда брались случайные, наиболее удобные цифры.

Но с объяснением Ключевского нельзя согласиться и по той причине, что пятинные сборы не устанавливались в виде 20% с дохода, объектом их являлось имущество—«животы и промыслы». Правда, последнее предположение приводило многих исследователей в недоумение, так как они не могли себе представить, как можно было брать у населения 20 проц. его имущества, да еще два года подряд, т.-е. 40 проц. [4]). Однако, весьма высокие поимущественные подати мы находим в те времена и на Западе; исходили из того, что это только пожелание правительства, на самом же деле будут платить гораздо меньше. Так было несомненно и у нас.

Однако, поимущественными эти чрезвычайные подати не были в том смысле, как мы это понимаем в настоящее время,

[1]) А. А. Э. III. № 68.
[2]) Ключевский. Курс. т. III. 301.
[3]) Веселовский. Семь соборов. 54.
[4]) Веселовский. Семь соборов. 52. Сташевский. Пятина 142 года, Ж. М. Н. П. II. 1912. IV. 273. Львов, Промысловый налог. 159.

а имели тот же характер, как и упомянутые выше разводы постоянных податей по сошному письму. В самом деле, как берут пятинщики пятину по городам? «Сийского монастыря в привозе (на торг) 2000 пуд. соли, пятины довелося взяти 400 пуд.». На Двине пятинщики выручают «за китовые за выдельные усы по продаже 16 руб. с полтиною», т.-е. они выделили у промышленника пятую часть его добычи и продали, вырученное и составило сбор. «Они берут пятину с наличной движимости, которую им удается констатировать» [1]). Однако, и в тех случаях, когда делаются выписи из таможенных книг для определения торгов, берется пятая часть товаров, т.-е вовсе не всего имущества торговых людей. Правда, при установлении пятины 1634 г. приказано производить оценку различных видов имущества, «лавки велели оценити, которая лавка чево стоит», в оклад должны ценится мельницы, соляные промыслы и «заводы всякие» «и иные большие и малые промыслы». Таковы были распоряжения, на практике же и в этом случае действовали гораздо проще. Ни в Москве, ни в других городах непосредственной оценки животов, торгов и промыслов не производилось, а пользовались оброчными тяглыми книгами, сведениями по мирской раскладке, имевшимися в отношении других податей. В лучшем случае могло получиться такое же общее субъективное представление о«мочности» плательщиков, которое было весьма далеко от поимущественного обложения [2]).

Но нередко и на этом не останавливались, а самую основу обложения—квотитативный, долевой ее характер изменяли, превращая и чрезвычайный сбор в привычную раскладочную подать. С Тотьмы с посада и с уезда с торговых людей велено взять 1000 руб., с Соли Вычегодской 5000 руб., двинским пятинщикам приказано взять по меньшей мере тысяч 8 или 7 [3]). Очевидно, производится просто раскладка установленной заранее суммы о том, что собор приговорил установить подать в размере пятой доли, совсем забыли. Несоответствие между приговором и действительностью получалось и вследствие того, что хотя имелось в виду облагать этими чрезвычайными сборами только торговое и промышленное население, но не крестьян пашенных, на самом же деле и последние обычно привлекались к нему. Для уездного же неторгового населения сбор превращается в обычную посошную подать (это имело место уже отчасти при первой пятине 1614 г.), в «сошные деньги», устанавливаемые на основании столь привычных

---

[1]) Весселовский. Семь сборов. 55. Прил. №№ 34, 39.
[2]) Сташевский. Ж. М. Н. П. 1912. IV. 268 сл., 300 сл., 303.
[3]) Весселовский. Семь сборов. 61. №№ 34, 76.

и близких населению мирских разрубов, нередко они даже сливались попросту с другими посошными податями [1]).

Таким образом, о каких бы податях в Московском государстве ни шла речь, о постоянных или чрезвычайных, о стрелецких, ямских, полоняничных или иных деньгах, о пятинах и т. д., повсюду господствует одна и та же система установления окладов по сошному письму с разверсткою миром «по силе», «по мочности» тяглеца.

Пятинные сборы давали меньше, чем от них ожидали, и в качестве поступлений они не стояли на первом месте, а потонули в массе других жертв населения. В челобитных о тяжести налогов они нигде не выдвигаются на первый план. Мало того, значение их еще более умаляется, вследствие того, что по их вине сократились другие податные доходы, именно от косвенных податей, которые играли важную роль в поступлениях Московского государства. В челобитных указывается на то, что из-за них торговые посадские и уездные люди торговали мало—«для пятины торговые люди торговать не бывали». Пятинщик «крестьян с хлебом в Шенкурском городке не пропущает, хватает и правит на них пятые деньги». «Иногородные люди для тех пятинных денег не смеют к Устюгу ехать... а крестьяне для того не смеют на торг ездить с хлебом и с сукнами и с холстами и со всякими мелкими товары, что их, крестьян, на торгу стрельцы имают на правеж». Из-за этого получилось сильное сокращение таможенных доходов. Не менее пострадал и питейный или кабацкий доход, ибо из-за податей литухам было не до кабака, они стояли на правеже: «всякие торговые и жилецкие люди пили на кабаке мало», крестьяне обнищали и врозь разбрелись, «а на кабаке пить было некому». В виду того, что из-за пятой деньги крестьяне не везут хлеба, последний вздорожал и потому «кабаки стали», нет вина. В результате пошлин и кабацкой прибыли «собрати не мочно» [2]).

Однако, прежняя окладная единица—сошное письмо постепенно теряет свое значение. Первоначально перемена заключалась лишь в том, что вместо счета по сохам стали определять оклады в более мелких единицах, в виде четей, известное количество которых содержалось в сохе. Это объяснялось прежде всего сильным разорением населения в конце XVI и в начале XVII века, запустением вотчин, поместий, как и городов, вследствие чего оклады уездов и посадов настолько измельчали, что их уже невозможно было выражать в сохах или дробях их, а приходилось брать более мелкую единицу—четь; стали определять чети и доли четей. Мы и находим постоянные указания на число живущих четей (четвер-

[1]) Весловский, 60 сл., 69 сл.
[2]) Весловский. Там же. 82 сл. Сташевский. 315 сл.

тей), под которыми разумелось принципиально количество распаханной, возделываемой земли; только она, «живущая» пашня, и подлежала тяглу, в противоположность пустоте, хотя фактически нередко живущее в действительности и в фискальном смысле не совпадали, так как опустевшие после описания земли до нового дозора продолжали платить и за пустоту. Наряду с живущей четвертью мы встречаем, однако, вскоре и живущий двор, как внешний признак самостоятельного хозяйства. Двор в качестве счетной единицы и об'екта обложения должен был ранее всего появиться в посадах, где сошное письмо, хотя и имевшее лишь условное значение и покоившееся, по крайней мере, первоначально, не на одной только земле, все же, в силу своей тесной связи с земледелием, не могло не обнаруживать значительных неудобств. Подворное обложение здесь гораздо более соответствовало условиям хозяйства. Переход совершается постепенно, в соху кладется определенное количество дворов—40 дворов лучших людей, 50—60 средних, 80 младших, 100 и больше самых худых людей. С 20-х и 30-х годов XVII ст. приравнение дворовых сох, вытей или четей к тому или иному количеству дворов, чтобы определить оклад живущего, с которого должно было идти тягло, распространяется на служилые земли, в значительной мере и на монастырские. Первоначально мы находим еще сочетание дворового оклада со старым сошным письмом, но постепенно подворный принцип становится господствующим и в особ. применяется к взиманию чрезвычайных податей. «Двор считался дробным, хотя и определенным делением более значительной единицы, называемым живущей четвертью и состоявшим из определенного количества крестьянских и бобыльских дворов» [1]). Живущая четь является переходным этапом между старой системой обложения по сошному письму и новым принципом подворного обложения. Находясь в связи с тем и с другим, она облегчила замену первой второю, избегая резкого перелома в обложении, даже сохраняя прежнее название и формы, под которыми скрывалось, однако, уже нечто новое. Это новое, в виде подворного числа, имело значение в смысле расширения запашек, позволяло захудалым крестьянам вновь приняться за пашню, хотя и привело к скучиванию населения во дворах, способствуя повышению населенности среднего тяглого двора, чего правительство не предвидело [2]). А в то же время, включение дворов бобыльских, (ибо—как мы видели—землевладельцы, «избывалочи податей», переводили крестьян в бобыли), с которыми были сравнены дворы мастеровых и торговых людей,

[1]) Дьяконов. Живущая четь. Русск. Ист. Жур., т. V.
[2]) См. выше, стр. 172.

должно было повысить государственные доходы. Однако, и дворовое число было лишь новой счетной (окладной) единицей. Попрежнему устанавливался только оклад, который подлежал мировой раскладке.

Вопрос о характере «живущей чети» и о переходе к подворному обложению является весьма спорным в исторической литературе. В то время, как у Лаппо-Данилевского живущая четь противополагается сошному письму и связана с дворовым числом и подворной податью, П. Н. Милюков утверждает, наоборот, что живущая четверть произошла из сошного письма и была одним из способов его применения, но ничего общего не имела с подворной податью, и с введением последней уничтожилась так же, как и сошное письмо. Вместе с тем Милюков находит, что обложение по сохам и по живущим четвертям представляет лишь формальное тождество, но по существу заключает в себе значительное различие. С приравнением живущей чети определенному числу дворов получилась новая окладная единица, весьма мало похожая на прежнюю. С. Б. Веселовский отрицает вообще живущую (или дворовую) четь в качестве особой окладной единицы. Хотя он и признает тесную связь живущей чети со старым сошным письмом, но подчеркивает то обстоятельство, что живущая четь явилась лишь исправлением или починкой старого сошного письма и, вводя ее, правительство вовсе не ставило себе целью чрез ее посредство перейти к дворовому обложению, обновление же старого сошного письма указами о дворовой чети было компромиссом между старым сошным письмом и новым принципом обложения—дворовым числом [1]).

«Великие и богатые прибыли» доставляли казне кабаки (по-татарски постоялые дворы), корчемные или кружечные дворы, в которых продавалось «питье»: «держати наместнику кабак, а на кабаке мед, вино и пиво». Они либо находились в заведывании выборных людей—верных голов (они приводились к вере) и целовальников (присягая, целовали крест), которые должны были «сбирать кабацкую прибыль с великим раденьем, в правду», либо сдавались на откуп, в зависимости от того, «как пригоже» и как «государевой казне прибыльнее». В первом случае предписывалось выбирать «к таможенному и кабацкому сбору» «людей добрых и прожиточных, которые бы были верны, а не воров и брязников», притом таких, которым это дело «было за обычай». Те же головы и целовальники при кабаке курили вино и заготовляли мед и пиво сами в погребах и поварнях или сдавали на выкурку особым подрядчикам. Вино продавалось в 3-4 раза дороже, чем стоило кружечному двору—стоило 9-10 алт., а продавалось из погреба

---

[1]) См. Ключевский. Опыты. 269. 406. Лаппо-Данилевский. Прямое облож. 243 сл. Милюков. Госуд. хоз. 17 сл. Отчет о присужд. 116 сл., 132 сл. Веселовский. Сошное письмо. I. 14. 235 сл. 240. II. 420. Дьяконов. Ж. М. Н. П. 1893. VII. и 1904. Его же. Сельск. нас. 226 сл. Его же. Живущая четь. Русск. Ист. Журн. V. Сергеевич. Древн. III. 335 сл. 345. Миклашевский. К ист. хоз. быта. 40 сл. Готье. Замоск. край. 142 сл. Рожков. Ук. соч.

по 30 алт. за ведро, а в розницу по 1 руб. 3 алт. Пиво обходилось в 8 ден. ведро, продавалось по 18 ден.; за мед платили 6 алт. ведро, тогда как «ставился» он немногим более 3 алт. [1]). Для ведения книг всем доходам от кабака «имянно, порознь, помесячно» имелись (в виду неграмотности голов), выборные «из мирских людей по очереде добрых», дьяки и подьячие. «В Переяславле же (Рязанском) 4 дворы кабацких, а на них держат питье вино, пиво и мед на продажу целовальники, а считает их в приходе и в расходе приказной человек» [2]). Кабацкие деньги и «тем деньгам книги» кабацкие головы должны были «приносить воеводе в съезжую избу, за их руками, по четверти года» и «воевода должен был смотреть накрепко, что б они ни в чем не воровали, кабацкими деньгами не корыстовались и хитрости ни которые не чинили, во всем бы государю искали прибыли». Но кроме того воевода должен был голове «чинить всякое вспоможенье», состоявшее, главным образом, в том, чтобы «на ослушников и для выемки корчемных питей и иных кабацких дел давать стрельцов и пушкарей и разсыльщиков»; в особ., они нужны были для взыскания с «питухов» «напойных денег», т.-е. долгов за выпитое в кабаке.

При сдаче кабаков на откуп по улицам и базарам в торговые дни прокликали через бирючей, нет ли желающих; иногда кабак вместе с тортом, бывало и с мельницей, брала на откуп целая община—«старосты и посадские во всех посадских людей место» или крестьяне целой волости («на откупу тое ж волости за всеми крестьяны»), причем иногда это делалось чтоб от грабежей откупщиков «в конец не погибнуть» [3]).

Наряду с этими кабаками были и кабаки частных лиц, пожалованные для кормления вместе с доходами от суда и таможенными, кабаки боярские, как и монастырские. В большом количестве выкуривалось вино, как для собственного потребления, так и на продажу в государевых имениях: в 1668 г. отдан приказ «впредь вино курить беспрестанно, чтоб в куренье вина было много». Для «винного сиденья» пользовались не только собственным, но и покупным хлебом—царь брал на себя крупные подряды по поставке вина: «поставить 10 тыс. ведр вина, а денег взять ныне 5 тыс. руб. в приказ Тайных Дел»; за вино, которое, по государеву указу, велено было высидеть в понизовых городех... взять за ведро по полтине» [4]). Для винного завода

[1]) Побойнин, 263.

[2]) Платежн. кн. 1595—97 г.г. по Переясл. Ряз. Матер., 5.

[3]) Прыжов. История кабаков в России. 1868. Дитятин. Царский кабак Моск. государства. Рус. Мысль. 1883. Кн. IX (Стат. по ист. русск. права. 1889). Весселовский. Кабацкая реформа 1650 г. (Ежемес. журн. литер., науки и общ. жизни. 1914. IV).

[4]) Дела Тайн. Прик. I. Ст. 1070, 1379, 1691. III. Ст. 1399.

из Тамбова и уезда берется с пашенных людей по полуосмине ржи и овса и населению велено было возить лес «на всякое винокуренное строение»—«как бы нашей казне учинить прибыль».

Из этой казенной монополии делались исключения: «лутчим людем» (но не «середним и молодчим людем») дозволялось пиво варить и мед ставить, иногда и «вино горячее» курить, но только «про себя», т.-е. для собственных нужд, в особ. в церковные и семейные праздники, притом «не от велика» и с обязательством заявлять об этом воеводе и платить установленную пошлину.

Так, в царской грамоте в Устюжну Железопольскую воеводе Колычеву сказано: «а кому будет лучитца, которому празднику и к родинам и к свадьбам, и к родительским памятем пиво или браги пьяные сварити или мед поставити, и ты б тем людям то питье велел являти и явку платити. А пити тем людем то докладное питье в три дни, а больше трех дней того явленного питья держати не велел; а будет у кого явленого питья после урочных дней останетца, а ты б то питье велел кабацкому голове печатати к иным праздником; а будет кто учнет то питье сверх урочных дней пити или сторонним людем продавати, и ты б то питье и суды велел выимати и заповеди (штраф) на них имал» [1]). В грамоте же псковским воеводам прибавлено, чтобы питье давали «держати про себя» на урочные дни «поневелику» и «смотря по людем», «будет преж того даваю; а будет кому преж того не даваю, и вы б и ныне не давали» [2]). Именно — как поясняется в другом месте—разрешается «питье давати на урочные дни с явкою (пошлиной), дни по два и по три, лутчим и середнем людем, а худым людем давать не велели потому, чтоб от того кабацкому сбору порухи и меж их убийства не было» [3]). Что же касается дворян и детей боярских, и приказных людей, то им дозволено безъявочно держать питье, но с тем, чтобы и они сами пили сто, но не продавали: «да и у тех бы по тому же в поместьях и вотчинах и на посаде по подворьям и дворников, и у людей их продажново никакого питья украдом не было» [4]).

Однако, это разрешение домашнего курения вело к корчемству. Служилые люди, приезжая в Москву, брали с собою вино для своих надобностей. Им дозволялась раздача вина «по дружбе или за какую работу» «мастеровым и работным людем сверх могорцу в почесть», но только «небольшое место», т.-е. в небольшом количестве. Однако, под этим легко скрывалась продажа вина и оплата вином наемного труда, в частности, высокие цены на вино в Москве служили соблазном к сбыту «подвозных», т.-е. привезенных с собою вин. Крестьяне продавали вино «украдчи у бояр своих», «небреженьем» своих господ, обнаруживались тайные корчмы с продажей распивочно и на вынос. Для борьбы с этим злом существовала

[1]) А. А. Э. III. № 146.
[2]) Там же. III. № 143.
[3]) Там же. III. № 134.
[4]) Там же. III. № 146. Ср. Штаден, 119.

«корчемная и табачная выимка», т.-е. корчемная полиция, дворяне и дети боярские назначались в «об'езды», производился сыск и пытка «приводных людей»—покупателей и продавцов. Воевода должен был «учинить заказ крепкой» и кликать биричем в торговые дни «почасту», чтобы никто не держал «продажного и неявленного» питья. Нарушителям, помимо конфискации «судов винных», кубов, котлов, труб, чанов, горшков, грозило «битье кнутом по торгам», «отписывание животов на государя» (причем вотчины и поместья раздавались челобитчикам, т.-е. доносчикам) и ссылка в дальние города.

Но все это мало помогало. В Устюжском уезде (в 1639 г.) крестьяне почти открыто торговали вином в больших размерах, когда же воеводой были посланы стрельцы для прекращения этой торговли, то они были встречены «неведомыми» людьми («человек с 50»), копьями, луками и рогатинами и вернулись в Устюг ни с чем. Широкое распространение корчемства однако обусловливалось и тем, что сами же головы и целовальники, которым было поручено следить за ним, продавали вино помимо царского кабака, которым они заведывали, и точно также воеводы не только покровительствовали корчемству, но и сами торговали вином, их родственники устраивали открыто кабаки, а стрельцы и солдаты, с вооруженною помощью которых должны были производиться выимки, не только нередко этим выимкам не содействовали, но прямо противодействовали им; защищая корчемников, они и сами обращались в них, причем, «те стрельцы чинятца сильны, вынимать у себя того продажного питья не дают». Происходили целые бои при таких попытках делать выимки, существовали правильные артели для торговли вином, а «начальные люди про то их воровство право ведают, да покрывают, потому что они с ними во всем делятца». Корчемством усердно занимались и иностранцы [1]).

Москва выбивалась из сил в борьбе с корчемством, а в то же время пьянство на кабаках было безобразное: «крестьяне ся, господине, пропивают, а души гибнут... в домех, и на путех и на торжищех убийства и граблении великие, прохода и проезда нет». Служилые люди пропились и от государевой службы «отбыли», крестьяне от кабаков «одолжали и обнищали», «в конец попибли», «в розпь разбрелися»—такие жалобы раздаются со всех концов Московского государства. У «питухов брани и бои великие от того кабака».

Когда кабацкий голова «учнет» солдат, которые «по вся дни» собираются в кабаке, отгуда «разбивать», они его «бранять и хотят бить и чинятся сильны». В кабаках и на кружечных дворах население пропивает все — зипуны, шапки, сапоги, рубахи. В Устюге упоминается о человеке, который даже землю свою пропил на кабаке. Во

[1]) А. И. III. № 44. Прыжов. Ук. соч. Дитятин. Ук. соч. Штаден, 131 сл. 136 сл.

время церковных празднеств целовальники «ставились с тем питьем близко к церкви», и «многие пьяные люди приходят в церковь с шумом и с криком, и в том их крику пенье божие не слышать». Но и духовенство на кабаках пьет и иноческое платье с себя пропивает; новгородский архиепископ приказывает ловить «на кружечных дворах священников, и дьяконов, и иеромонахов, и монахов, и старец». Велено «сделать заказ крепкий, чтоб игумены, черные и белые попы и дьяконы, и старцы и черницы на кабак пить не ходили, и в мире до великого пьянства не упивались и пьяные по улицам не валялись бы». О монахах находим такого рода записи: «хмельна питья держится не в мале», «житие преходит пьянственное и непотребное», «мало и с кабака сходит», «житье живет к пьянству желательное и на кабак для напитку бывает нередко и на ту потребу чинит из монастырских избытков похищение» [1]).

О непробудном пьянстве русских повествуют много иностранцы. «Порок пьянства, — читаем у Олеария, — распространен в русском народе одинаково во всех состояниях, между духовными и светскими, высшими и низшими сословиями, между мужчинами и женщинами, старыми и малыми, до такой степени, что если видишь по улице там и сям пьяных, валяющихся в грязи, то не обращаешь на них и внимания, как на явление самое обычное». Он рассказывает далее, что во время пребывания его в Москве, «простой народ все, что заработывал, приносил в кабак, и так крепко засиживался там, что, пропивши заработок, снимал с себя платье, даже рубашку, и оставлял ее продавцу за водку, а затем нагой, как родился, возвращался домой». «Женщины также не считают за стыд напиваться до-пьяна и валяться пьяными на дороге», попы и черницы часто «так напиваются, что только и можно по одежде отличить их от пьяных мирян» [2]).

И Рейтенфельс сообщает, что русские «водкою постоянно напиваются», и можно видеть, как пьяные «валяются на улицах, замерзнув от холода, или разнозятся, навалившись друг на друга, в повозках и санях по домам. Об этот камень часто спотыкается и слабый пол, а также непорочность священников и монахов» [3]). Почти то же повторяют и другие иностранцы—Майерберг, Таннер, Карлейль [4]). Но наиболее решительно высказывается Крижанич: «Об пьянству нашем что треба говорить. Да бы ты... весь широкий свет кругом обшел, нище не бы нашел тако мерзкого, гнусного и странного пьянства, яко здесь, на Руси... Пьянство пак межу злопаравными сказами (пороками) и прехотьми есть напачюснее... и из человеков чинит нас скотинами» [5]).

Безобразия в кабаках и связанные с кабаками были столь велики, что монастыри нередко просили убрать от них эти кружечные дворы подальше. Так в начале XVII ст. игумен Белозерского монастыря жало-

[1]) А. А. Э. IV. № 188. Ак. г. Шуп. № 95. Соловьев. XIII. 739 сл. Богословский. Северн. монастырь в XVII веке. Вестн. Евр. 1908. XI. 292—93.

[2]) Олеарий. 181—83.

[3]) Рейтенфельс. 141, 145 сл.

[4]) Майерберг. 79. Таннер. 70. Карлейль. 13. Ср. Курц. Соч. Кильбургера, об'ясн. к гл. XV.

[5]) Русск. Госуд., прил. к № 2, разд. 11, стр. 36.

вался на то, что во время торгов, происходивших у монастыря, кабацкие целовальники привозят вино и пиво, и торгуют «сильно», и получается такое безчинье, что иных людей до смерти побивают; «как дей ся напьются пьяни, и они дей меж себя бьются и манастырских людей бьют» [1]). В другом случае читаем, что от «продажного питья торговым людем будут многие обиды и бои, и торгам их порука и поплинных денег сбирать будет не с кого» (1684 г.) [2]). Последний артумент являлся самым важным, должен был повлиять на правительство, однако, оно все же нередко ценило свой кабак гораздо выше, чем таможню, и не склонно было итти на уступки. Игумен и братья Новгородского Воскресенского монастыря бьют челом (в 1651 г.): «в той де их монастырской вотчине стоит кабак близ церкви, и того кабака бывает безчинство великое, и на тот же погост Грузино ездят стрелцы, и казаки, и иноземцы, и торговые люди, и ставятся на дворех у их монастырских крестьян, а на кабаке пьют и жен и детей их бесчестят». Они добились, правда, перевода кабака в другое местое, «где кабаку быть угодно», но с прибавлением — «чтоб кабацкому сбору истери не было» [3]).

О последнем так заботились, что переход частных владений в состав государевых земель прежде всего знаменовался устройством в них кабаков. В то время, как в селах Мурашкине и Лыскове при боярине Морозове имелись лишь откупа меда и кваса, а вино «продавати покупая отъезжая на иных кабаках» и «винокурни и никаких заводов» не было, с поступлением этих сел в ведение Тайного Приказа, там «всякие кабацкие питноварепные заводы учали строить вновь», и продавать вино при помощи верных голов [4]).

Были впрочем попытки бороться с пьянством. В 1652 г. было даже запрещено на кружечных дворах, сменивших кабаки, продавать вино больше чарки одному человеку; указано на самом кабаке пить не позволять, запретить продажу вина во время постов и на Светлой неделе, как и по средам, пятницам и воскресеньям, наконец, не отпускать вина духовенству. В результате происходили лишь, однако, такие факты, как разгром солдатами кабаков в праздники, когда они были заперты: солдаты «учали ломать подставы и питье кабацкое пить и целовальников, волоча из избы, бить колем и дубиною до смерти»; при таких столкновениях были убитые, которым «пробили головы до мозгу и руки и ноги переломали». Для казны же всякое сокращение пьянства означало недобор в кабацких доходах, почему, в случае недостаточных поступлений с кабака, недоборы «доправляли» на головах и целовальниках, а если нечего было с них взять, то на «мирских людях», чтобы «на то смотря, иным не повадно было таких воров к таким государевым делам выбирать»; а «порастрясши мирские животишки», им грозили еще «учинить наказание безо всякой пощады» [5]).

[1]) Д. А. И. I. № 229. Р. И. Б. II. № 29.

[2]) Угличск. ак. № XVI.

[3]) Летопись й акты новгор. Воскрес. деревяницк. монаст., изд. Кадыкиным и Шляпкиным. 1911. Стр. 45. Ср. Д. А. И. IX. № 33.

[4]) Дела Тайн. Прик. I, ст. 1101.

[5]) А. И. IV. № 74. Дитятин. 54.

Говорится, «учинить заказ крепкий, чтоб на кабаке не пропивался», но тут же прибавлено, «чтоб кабацких денежных доходов перед прежними годы собрати с прибылью». А когда кабацкие головы сообщают, что «питухов не стало, многие люди оскудели и в напойных деньгах (за выпитое) стоят на правеже», то им отвечали: «лишень воровски, хочешь воровать, велим доправить вдвое», и тут же указывали средство «чинить прибыль государевым доходам» — «действовать безстрашно», «питухов от кабаков не отгонять», мало того, отпускать им в долг вино. О борьбе с пьянством совсем забывали. Неудивительно, что кабацкие головы усердствовали—не пропускали ни одного людного места, ни одного сборища без того, чтобы не являться с «продажными питьями», старались еще усилить и без того достаточную, притягательную силу кабаков, соединяя продажу питей с зернью, картами, скоморохами, медведями и всяческими «сатанинскими играми» и с «непотребными женками», отпускали вино в долг и под заклад, а затем на должниках «правили доходы нещадно, побивая на смерть». «Написывали многие лишние деньги» даже на тех, «кто в кабаках мало и бывали», а кто приходит «прошовую чарку выпить и того с кабака не спущают», пока он все свои «животы» не пропил. В результате люди «от кабацких великих наклепов одолкали и осиротали, головы свои в кабалишках поработили, и женишка и детишка скитаютца промеж дворы, а промыслишка у нас, сирот твоих, не стало; день стоишь на правеже, а к почи в тюрьму сажают, а искупитися там сиротам твоим нечем». А воеводы и подьячие пишут в Москву: «которые остались еще немногие люди, и те стоят в твоих в государевых в хлебных деньгах и за кабацкие дворы и в кабацких недоборных деньгах, по твоим государевым грамотам, у нас, холопей твоих, на правеже» [1]).

Устюжане сообщают (в 1645 г.), что у них на реках Сухоне и Юге было много кабаков и таможен (кроме устюженских и двинских кабаков), от которых они «погибли» и волости запустели, когда же государь их «пожаловал» и кабаки и таможни с Сухоны и с Юга велел свесть, они этому весьма обрадовались. Но радость их оказалась преждевременной, ибо не только в Устюжском уезде на Двине осталось 13 кабаков и 13 «тамог», но сюда перешли еще ярыжные с закрытых на Сухоне и на Юге кабаков, «и воровство от них учало быть большое, татьбы и разбои и пожоги многие». Дело доходит до того, что когда крестьяне, «что перетерпя многого правежу, зберут денег на государевы подати», кабацкие ярыжные эти деньги у них отнимают («вымучивают») и «до Устюга з деньгами не допущают» [2]).

Каково было соотношение между прямым и косвенным обложением в рассматриваемую эпоху, значение того и другого среди государственных поступлений? Дать на это ответ весьма не легко—слишком мало имеется данных. П. Н. Милюков получил для начала XVII в., что в Нижнем-Новгороде и уезде и в Вологде косвенные налоги (кабацкие и таможенные

[1]) А. А. Э. III. №№ 97, 100.
[2]) Ак. испс. д. II. 1. № 184, стр. 474 сл.

сборы) давали $^{9}/_{10}$ всех доходов, в Великом Новгороде $^{2}/_{3}$. Из этого видно, какую важную роль они играли в районах крупных городов, причем не следует упускать из виду, что таможни этих городов имели значение для всей округи, так что таможенные сборы должны были быть здесь значительны. Кроме того, в качестве прямых податей взяты не все, а только данные и оброчные деньги; с присоединением стоимости сбора хлебом на жалованье ратным людям, получаем по Новгороду меньшую долю косвенных налогов—58—59 проц. С. Б. Веселовский произвел также подсчет поступлений по поморским городам Новгородской и Устюжской чети (во второй четв. XVII в.), приняв во внимание уже все прямое обложение, причем у него оказалось, что таможенные и кабацкие сборы давали более половины дохода этих городов, если не считать чрезвычайных и местных налогов и повинностей. Из обоих подсчетов во всяком случае видно, какое важное место занимали косвенные налоги— эти два сбора, таможенный и кабацкий, доставляли больше, чем все прямые налоги вместе взятые [1]) [2]).

Плеханов обращает внимание на тесную связь между экономическим и финансовым моментом в истории Московского государства, в частности, на царские торговые монополии, которые служили средством удовлетворения финансовых потребностей, порождаемых в свою очередь военными нуждами [3]). В самом деле финансовая необходимость, нужда казны в изыскании каждый раз новых источников доходов, сыграла несомненно важную роль. Мы могли уже отметить значение этого момента—наряду с другими, чисто-экономическими—в прикреплении как крестьян, так и посадских людей. Нельзя отрицать, конечно, того, что в виде насаждения новой промышленности, как и в области внешней торговли и у нас обнаруживались в эту эпоху идеи меркантилизма, их высказывал, напр., известный Ордин-Нащокин [4]). Но они—как и на Западе—мирно уживались с фискализмом. В частности, борьба с привилегиями иностранцев—как мы видели выше—обусловливалась в значительной мере фискальными соображениями, потерей в таможенных пошлинах; мало того, поскольку эти льготы противоречили интересам торгового класса, более всего должен был страдать от них сам царь—первый купец в стране. Финансовый момент даже приводил к сосредоточению в руках казны не только важнейших отраслей торговли, но и всевозможных промыслов и занятий—торговые бани, право писать бумаги («писчая площадка»), право устройства мельниц, воскобоен, перевозов, все

[1]) Милюков. Госуд. хоз. 18 сл. Веселовский. Сошн. письмо. I. 39 сл.
[2]) О таможенных сборах см. выше, стр. 370 сл.
[3]) Плеханов. I. 258.
[4]) О нем см. ст. Икоцникова в Русск. Стар. 1883. X—XI и литер. в статье Заозерского о нем в Энцикл. Слов.

это, не говоря уже о кабаках и таможнях, составляло монополию казны и сдавалось на откуп. На откупу была даже продажа кваса, сусла, масла конопляного, право торговли в развес мылом (мыльного резанья), сеном (сенной трухи), дегтем, хмелем, продажа золы, ворваньего сала, свеч сальных, угля, смолы, рогож, с'естных припасов (харчей), лаптей, хомутов. Ужас берет при перечислении этих статей, при мысли о том, как велика должна была быть при таких условиях эксплоатация населения казной и откупщиками [1]).

Но и этого не хватало. В экстренных случаях прибегали к отчуждению, которое «граничило с расхищением», дворцовых и черных земель и угодий, к беспорядочным займам у частных лиц и монастырей (напр., у Строгановых или Соловецкого монастыря), которые им большей частью не возвращались, в особ. же к принудительным займам. При Михаиле Федоровиче появляется ряд запросных ден г, хотя только часть из них составляли принудительные займы деньгами и натурой, тогда как в других случаях это были попросту (рассмотренные выше) подати.

Правительство иногда обещает вернуть эти займы обратно: «в кою пору в государстве казне деньгами и хлебом скудно, и вам бы в те поры государю послужити взаймы деньгами и хлебом и всякими запасы государя ссудити и тем ратных людей пополнити... А как в государеве казне денежные доходы и хлебные всякие запасы в сборе будут и царское величество вас пожалует то деньги и за хлеб и за соль, и за всякие товары, что вы с себя ныне дадите, велит заплатити из своей царские казны тотчас без всякого перевода». (Грам. 1613 г.). Деньги и товары предписывается дать взаймы, «как кому мочь сыщет, обложась по своим прожиткам и по промыслом», т.-е. на тех же основаниях, на каких взимались подати. Калужанам в 1614 г. было действительно возвращено из государевых кабацких доходов «в тех денег место, что у них взяли в запрос». Взятые у Строгановых 3 тыс. руб. были им зачтены при уплате пятины в 1615 г. Это было сделано и в отношении некоторых монастырей (Ипатского, Николаевского, Корельского) в том же году. Иной характер имели, напр., запросные деньги 1634 г. О возвращении или зачете их и не думали, получился принудительный безвозвратный заем, который от подати отличался только тем, что не было указано определенной суммы, подлежащей уплате, а велено было давать «на вспоможение ратным людям по оскуду и не умаля». Однако, и эта грань легко стиралась, ибо там, где дача была «не против наших грамот», приказывалось «доправлять» запросные деньги, требовать прибавки, иногда даже устанавливалась определенная сумма, которую правительство взыскивало [2]).

---

[1]) Смирнов. Экономич. полит. Моск. гос. в XVII в. (Русск. ист. под ред. Довнар-Запольского, III, 394 сл.).

[2]) А. А. Э. III. №№ 68, 242, 245. Веселовский. Семь сборов, 9, 28. Прил. №№ 10, 28, 30, 41, 56 и 60. Сташевский. IV. 251 сл.

О результатах этого фискализма, приведшего к разорению страны, ибо население «мучило живот свой» и стояло на правеже в «доимочных деньгах», мы уже упоминали. В дополнение к этому приведем еще один документ. Белозерский воевода в 1618 г. царю сообщает, что «посадские тяглые люди многие разбрелись... от многих правеж, а достальные «стоят на правеже в хлебных деньгах и за кабатцкие дворы, и в кабатцких недоборных деньгах в 970 рублех»; «да те ж, государь, посадские люди, по твоему государеву указу, стоят на другом правеже Ямского приказу у недельщика, у Микиты Стогова в ямских деньгах в 683 руб.; да те ж, государь, посадские люди стоят на третьем правеже у сына боярского... у Григория Малгина в твоих государевых в запросных деньгах в 200 руб. и с правежков, государь, и достальные посадские люди разбродятся и бегают з женами и з детьми». Воевода весьма опасается царского гнева за то, что не заботится о том, «как бы казне было прибыльнее», и потому прибавляет, что он и так «побивал на смерть нещадно» недоимщиков: «а пишу к тебе, государь, не мужиком норовя ни для своей бездельной корысти... но всю правду», «а в том волен ты, государь, со мною, холопом своим» [1]).

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Начала капитализма.

В XVI-XVII ст. мы можем наблюдать в Московском государстве явления, которые, хотя и не свойственны одному лишь периоду раннего капитализма, а встречаются и в предыдущую эпоху, но все же в виду слабой дифференциации хозяйственной деятельности, имеют место и в этот период, в соединении с другими моментами, ярко выражающими характерные черты эпохи первоначального накопления.

К первым принадлежит, прежде всего, указанное выше отсутствие резкого различия между городом и деревней, существование торговли и промышленности не только в городах, но и в селах, слободках и вотчинах, а в то же время принадлежность городским жителям пахотей и покосов. Мы видели далее, что в городских поселениях—а тем боле в сельских—одни и те же лица занимаются торгово-промышленной деятельностью и в то же время пашут и сено косят, далее мы могли установить и отсутствие достаточного разграничения между промыслами и торговлей — одно переходит незаметно

[1]) А. А. Э. III. №№ 98, 100. Ср. Ак. писц. д. II. 1. № 145, 183 и др.

в другое, тесно сливается с ним. Но это относится и к взаимоотношениям между отдельными видами и отраслями торговли; одними и теми же торговцами производится оптовая и розничная торговля, торговля большими свальными товарами и, в то же время из лавок и полок, как из амбаров, торговля самыми разнообразными товарами, сукном и рыбой, бархатом и в то же время медью, бумагой, юфтью и многими другими, шапками и яблоками, солью и железом, холстом и рыбой. И тот же торговец, сбывая всевозможные товары оптом и в розницу, дает деньги в рост из пятого на шестой и выше, берет откупа, занимается рыбными, соляными и иными промыслами. Так поступают и частные лица, но такой характер имеет и деятельность монастырей. И у них находим торговлю оптовую и розничную разнообразными товарами в соединении с обширными кредитными операциями, с рыбными и соляными промыслами, с таможенными откупами.

Все эти явления, свидетельствующие о слабой дифференциации хозяйственной деятельности, но—как уже указано—мы можем их наблюдать в средневековую эпоху на Западе не только во французских и южно-германских, но и в итальянских городах, где в то время уже обнаруживаются зачатки капитализма, и, что еще важнее, и в период XVI-XVII ст., притом даже во Франции и Англии. Лишь постепенно в этих передовых (вместе с Голландией) в хозяйственном отношении странах того времени и, в сущности, не ранее XVIII века обнаруживается отделение оптовой торговли от розничной, товарной от кредитных операций, отдельных отраслей торговли друг от друга, откупов от прочих видов деятельности, промыслов от торговых операций, несколько раньше города от деревни.

А в то же время мы в эту эпоху наблюдаем на Западе капитализм в его ранней форме, в виде торгового и кредитного капитала, как и в виде первоначальных капиталистических промышленных форм, можем установить, как совершается образование капиталов путем накопления ссудного роста, торговых прибылей, доходов от откупов и привилегированных предприятий, отчасти и земельных рент, наряду с нехозяйственными способами наживы—грабежом и пиратством, завоеванием колоний, взяточничеством и казнокрадством. И у нас замечаются те же явления. Занимаясь одновременно многообразными видами хозяйственной деятельности, различные лица в сумме проявляют последнюю в значительных размерах, оказываются обладателями больших для того времени капиталов, помещаемых одновременно в разнообразной форме. Самые условия жизни того времени заставляют капиталиста поступать подобным образом, действовать в самых различных направлениях, не дают ему возможности сосредоточиться на

чем-нибудь одном, определенном. Слишком рисковано было помещать свое состояние в одной какой-нибудь отрасли торговли, в одном и том же виде ее, даже в одной лишь торговле или только в солеварении, откупах или рыбных промыслах. Всякое случайное событие, столь часто встречающееся в те времена, пожар, уничтожавший сотни лавок, целые части города, нашествие татар, не оставлявшее камня на камне, ограбление торгового каравана на Волге, война, сокращающая спрос на те или другие виды товаров, отсутствие подвоза, неурожай сырья,—все эти свойственные эпохе раннего капитализма причины кризисов, как и индивидуальные моменты, в виде, напр., несостоятельности должника, гнева и немилости царя, насилия со стороны местного воеводы и невозможности добиться правосудия, тоже характерные этому времени явления, все это могло бы разорить человека совершенно, если бы капитал его не был распределен между различными областями хозяйства, способами помещения, как и местностями страны, если бы риск не разделялся на части. А нередко в одной области для него вообще не было достаточного применения, рынка—в различных промыслах и отраслях торговли, в мало развитых кредитных операциях. С другой стороны, одни операции с необходимостью влекли за собой другие—поставка предметов роскоши великим князьям заставляла в то же время и давать им займы для сохранения этих выгодных клиентов, то и другое вместе давало возможность, пользуясь их милостью, получать откупа. Благоприятные естественные условия, в смысле возможности эксплоатации рыбных, соляных и звероловных промыслов, побуждали присоединять и эти отрасли деятельности, выгодные условия для сбыта этих произведений иностранцам завязывали сношения и с последними. А владение домом и двором, пахотями и покосами составляло необходимую принадлежность всякого хозяйства—хотя и в различных размерах—гостя и посадского человека, так же, как и боярина, крестьянина, монастыря.

Так, коммерсант того времени бросался то в ту, то в другую сторону, старался нажить на одном, на другом и на третьем, в одном случае терял, в другом зато наживал крупные барыши. Иначе это и быть не могло. Исходную точку составляло отнюдь не разделение труда, а соединение самых различных работ и видов деятельности в руках одного и того же человека. Если можно говорить о естественных условиях, то это наиболее соответствует им. Нужно изменение всего хозяйственного строя, чтобы обнаружилось стремление к специализации. Только необходимость в экономном расходовании сил могла заставить человека пойти в этом направлении, сосредоточивать все свое внимание и свой капитал на определенной деятельности, той, которая наиболее соответствовала

принципу хозяйственного расчета, его силам и средствам, опыту, наклонностям, подготовке. А сверх того, нужен был широкий рынок, дававший возможность специализации, появление крупной промышленности с ее стремлением к расширению предприятий для того, чтобы заставить капиталистов поместить весь свой капитал в одном месте, специализироваться на определенной области.

Если, однако, в рассматриваемую эпоху капитал распылялся между недвижимостями, различными видами торговли, кредитом, казенными подрядами и откупами, промыслами разного рода, то все же за теми, нередко небольшими, частями его, которые в том или другом случае выступают наружу, нельзя упускать из виду того значительного целого, в состав которого они часто входят. Они могли, конечно, накопляться лишь на почве того денежного хозяйства, производившего для рынка, которое создалось в эту эпоху. Не следует, правда, преувеличивать роли рынка, как нельзя еще говорить о полном вытеснении натуральных податей и оброков денежными платежами. Но все же мы могли установить, что и крестьянское, и, тем более, вотчинное, хозяйство частью уже работало для сбыта, что вотчиннику, в свою очередь, при всем его желании покрывать потребности хозяйства собственным производством, приходилось во многих случаях обращаться к рынку, что население монастырских слобод состояло лишь частью из работавших на монастырь людей, тогда как остальные дворы были заняты торговлей и ремеслами. Мы видели также, что оброки, подати, таможенные пошлины либо прямо взимались деньгами, либо, наряду с установлением их в натуре, переводились и на деньги, и плательщикам давалась возможность уплачивать их в последней форме.

Много крупных капиталов в XVII веке было бы напрасно искать. Но, во всяком случае, существенно и тут то обстоятельство, что почва была подготовлена, что стремление к накоплению замечалось. И не в большом количестве (мелких) лавок, имеющихся в Москве, Нижнем Новгороде, Пскове и других городах, не в желании всех и всякого торговать, не в хитрости и обманах русских торговцев выражаются эти первые шаги капитализма, напротив, эти моменты скорее свидетельствуют об обратном, об отсталости и неподготовленности хозяйственного строя. Лишь наличность значительных капиталов, помещенных различными лицами, и размеры производимых ими оборотов свидетельствуют о той перемене, которая происходила во всем хозяйственном укладе Московского государства.

По вычислениям Е. Д. Сташевского, сумма пятинного сбора 1634 г., который взимался с торгово-промышленного населения «по животам и промыслам», равнялась для всей страны

300 тысячам руб.; из них на долю Москвы пришлось 90 тыс., а из этой цифры половину (46 тыс.) составило обложение гостей и торговых людей гостиной и суконной сотни. Так что сбор, полученный с небольшого количества торговцев, принадлежавших к этим трем группам, достигал половины поступившей по Москве и шестой части общей суммы сбора по всему государству. Это, несомненно, свидетельствует об экономической силе этих привилегированных групп торговых людей, о том, какую значительную часть капиталов того времени они сосредоточивали в своих руках. При этом, однако, как видно из примеров, приводимых тем же автором, можно заметить, что пятинные оклады этих верхов торгового класса совершенно не соответствовали степени их состоятельности, усматриваемой из различных их операций. Они показывали свое состояние во много раз преуменьшенном размере и именно их экономическая и политическая сила давала им возможность уклоняться от правильного обложения. Так что есть основание предполагать, что им принадлежало значительно более половины всех капиталов Москвы, в которой, в свою очередь, сосредоточивалась третья часть капиталов всей страны.

Для характеристики степени экономической мощи этих верхов торгового класса, капиталистов того времени, приведем в виде примера операции, весьма многообразные, и обороты, производимые некоторыми из них. Так, наиболее крупным лицом среди гостей является без сомнения Григорий Никитников. Он торгует камкой, сукном, доротами, миткалями, но также рыбой и солью и находится в постоянных торговых сношениях как с Москвой, так и с Поволжьем. В частности, в караванах, отправлявшихся из Астрахани в Нижний-Новгород, имелось всегда значительное количество принадлежавших ему стругов с этими товарами. О его торговых операциях в Нижнем-Новгороде позволяют судить росписи нижегородской большой таможни, где за 1621 г. сумма пошлин, причитающаяся с названного гостя, доходила до 1.807 руб., да с государевых «запасных судов» и с людей его же головщины 57 руб. Принимая во внимание, что общая сумма таможенного сбора равнялась за этот год 17 (19) тыс. руб., мы можем заключить, какую роль он играл в поволжской торговле, уплатив десятую часть всех пошлин. Этот же Никитников намеревался купить вотчину у Ивана Строганова и давал за нее 90 тыс. руб., что составит свыше миллиона руб. для конца XIX ст. [1]).

Об имуществе другого гостя, Владимира Воронина, известно (в 1695 г.) следующее: «двор-де у него за Москвою-рекою в Кадашеве, а лавок (в Москве) в рядах в суконном, в суроязском и в овощном и в иных с 30... За ним двои заводы желез-

[1]) Нижнего-Новгорода смета приходу и расходу 1621 г. Дейст. Нижегор. уч. арх. ком. VIII. 318—19. Сташевский. 101. 111.

ные... а с тех заводов и с пустошей платит он в тот приказ (Большого Дворца) по 120 руб. в год и работают-де на тех заводах из найму русские люди и иноземцы и всякие прихожие люди и на тех заводах у него для приезду построено два двора со всяким дворовым строением, да мастеровым и работным людем дворов с 50. Да ему ж отдано из того же приказу на Самаре и из Сызране сбирать рыбу белуги и осетры и всякие рыбные припасы с Яицких казаков и со всяких чинов и торговых людей, которые приезжают с Яику десятую долю на 5 лет, а с того промыслу платит он откупных денег в приказ Большого Дворца по 2.200 руб. в год и для того промыслу в тех городах построены дворы и амбары и живут прикащики ево и люди для збору». Воронин же поставляет провиант для войск в 1695 г., участвует в товариществе, берущем на откуп поставку дворцовой рыбы из Астрахани в Москву [1]). И здесь перед нами крупный коммерсант, занимающийся прежде всего торговлей разнообразными товарами, но, повидимому, в больших размерах (в сумме), ибо у него имеется целых 30 лавок, которые, очевидно, должны были давать значительные для того времени обороты. Но кроме того, он берет откупа по сборам и поставкам всякого рода, для чего ему приходится нанимать суда и людей, строить дворы и амбары. Наконец, он принадлежит к тем немногим русским людям, которые уже занимаются и заводской деятельностью, два завода его с 50 дворами для рабочих должны были требовать помещения большого по тому времени капитала.

К капиталистам принадлежит, несомненно, и торговый человек гостинной сотни Василий Шорин, который,—как мы видели, — торговал привозимыми в Архангельск иностранными товарами самых разнообразных видов, и приказчики которого везли оттуда в Москву (как видно из таможенных книг) большие партии товаров (в 1646 г. через вологодскую таможню проехало 8 приказчиков); но они везли их и в других направлениях, напр., в одном случае проехал через нижегородскую таможню приказчик Шорина на низ на 9 санях, в другой раз проплыли струги и лодка его, при которых было 14 человек, а в то же время ему принадлежало в Соли-Камской 4 варницы с 7 разсольными трубами.

Можно было бы привести и другие крупные в XVII веке имена, как Надея Светешникова, известного, между прочим, своими соляными промыслами, отправлявшего далее свои суда с товарами по Волге, посылавшего людей за закупкою пушнины в Сибирь (мы встречаем там его приказчика) и устроившего завод для выплавки меди близ Соликамска (в 1640 г.) [2]). Или, наприм., торгового человека гостинной

---

[1]) Вулих, 85.

[2]) Действ. Нижегор. арх. учен. ком. VIII. 319. Д. А. И. VI. № 24. I. Довнар-Запольский, 26—27. Вернадский. Ж. М. Н. П. 1915. IV 343. Хмыров. 173, 219.

сотни Якима Грудцына, или гостя Василия Грудцына, который приобрел в Устюжском уезде 29 деревень, а в Сольвычегодском 12 деревень, с целью развития рыбных и соляных промыслов в Поморье, и, кроме того, имел 15 лавок и лавочных мест в Устюге-Великом [1]); гостя Ивана Юрьева, который, помимо прочей своей деятельности, имел в Нижнем-Новгороде больше 5 дворов и амбар солодяной, амбар хлебный и амбар соляной, при чем последний был «вдоль 13 сажень, а поперек 5 саж.» — размер крупный, если иметь в виду, что большие амбары в Нижнем-Новгороде имели не более 3 саж. в длину и ширину [2]). Нельзя не упомянуть и о гостиной сотни Босых, Ревякиных, Усовых, именуемых «богатыми и сильными» людьми, которые «всякими промыслами промышляют» на Устюге (очевидно, соляными, рыбными, звериными), посадских и уездных людей с «большими товарами» «в прикащиках торговать отпущают», но имеют и лавки (для розничной торговли) и занимаются кредитными операциями и «держат в покупке и в закладке черных волостей деревни и угодья лутчие многие». Они привели в зависимость от себя всю округу, закабаливая население [3]).

Но и за пределами этих трех корпораций (гостей, гостиной сотни и суконной сотни) мы находим капиталистов. К числу наиболее крупных из них относятся Строгановы, о деятельности которых в самых различных отраслях хозяйства мы уже упоминали. Уже Аника Строганов посылал людей для приобретения пушнины в Сибири и—как мы видели—самый поход Ермака, совершенный по инициативе Строгановых, был связан с добыванием ясака у туземцев в соболях [4]). И впоследствии их люди ездили туда с «немецкими» безделушками для обменивания их на меха; но последние захватывались и насильственным путем. Меха отвозились в Холмогоры для сбыта заграницу. В 1675 г. Никита Строганов сообщает, что «нынечи у Соли Камской отнюдь никаких соболей не добыти, нетокмо добрых и худых, и у которых у торговых людей было соболей с весны, и те все к Колмогорам и те все заменяли на немедские товары». Он ожидает, однако, новой партии соболей, которая должна прибыть зимой из Сибирских городов. Не только мехами, но и другими русскими произведениями вели Строгановы торговлю заграницу, а в то же время закупали у иностранцев привозимые ими товары для сбыта их внутри страны. Так, в 1671 г. Дмитрий Строганов «у Архангельского города, на ярмонке заморских иноземцев купил заморские товары» на 30.000 руб., а продал он там же иноземцам воск, говяжьи кожи, шелк, меха, соболей ленских,

---

[1]) Писц. кн. по Устюгу Вел 1676—83 г.г. Матер. 132—35. Довнар-Запольский. 28.

[2]) Писц. и перен. кн. по Нижн.-Новг. Ст. 133, 136, 146, 200, 202, 204 сл. 207, 278, 349.

[3]) Ак. писц. д. II. 1. №№ 182, 184.

[4]) См. выше, стр. 26.

песцов, лисиц, всего на 1862 руб.» [1]). Но Строгановы не ограничивались торговлей с иностранцами, приезжавшими в Россию, а посылали и товары на собственный счет со своими людьми заграницу (см. выше о поездке служившего у них Брюнеля заграницу [2]) — едва ли не единственный случай активной деятельности русских в области иностранной торговли уже в XVI ст. Далее Строгановы устраивают железные заводы, занимаются кредитными операциями (в 1662 г., напр., кадашевцы Ангунов и Волков заняли у Данила Строганова 5.017 руб.), скупают земли [3]). А к этому всему присоединялось широко поставленное солеварение, которое играло в их деятельности не меньшую (а, быть может, еще большую) роль, чем пушные промыслы.

Об оборотах Строгановых солью дают представление следующие данные, извлеченные из таможенных записей. В 1663 г. приказчиком Дмитрия Строганова было продано в Ярославле соли на 37 тыс. руб., в Рязани в 1663 г. человеком Данила Строганова соли на 80 тыс. руб. Пошлин у человека Данила Строганова взято в Рязани в 1662 г. с продажной соли 1.600 руб. и перекупной пошлины 400 руб., в 1663 г. с соли пошлин 8.053 руб., в 1664 г. 350 руб., в 1668 г. 2.798 руб., а человеком Федора Строганова уплочено там же пошлин с соли в 1665 г. 2.004 руб. Особенно крупные обороты совершались в Нижнем-Новгороде, или же оттуда отправлялись товары в другие места. Так, в одном лишь 1649 г. крестьянин Андрея Строганова продал в Нижнем-Новгороде 3.976 пуд. соли, человек Федора Строганова отправил в Нижний-Новгород в двух лодьях 76 тыс. пуд. соли пермской, и людей на лодьях было 255 человек. У человека Андрея Строганова вышло с низу в Нижний две лодьи с пермской солью в 73 тыс. пуд. Ярыжных Андрея, Федора и Данила Строгановых (наемных людей на судах) прибыло в этом году в Нижний-Новгород или проехало через него 818 человек. В 1651 г. Строгановыми было частью провезено через Нижний-Новгород, частью отправлено туда из Перми или продано там около 190.000 пуд. соли, в 1653 г. около 425.000 пуд., в 1656 г. около 200.000 пуд., в 1657 г. около 400.000 пуд. [4]).

К капиталистам того времени принадлежал, несомненно, и нижегородский посадский человек из «лутчих», Яким Патокин, который на местном рынке имел 9 торговых помещений, раскинутых по разным рядам, соляному, рыбному, холщевому и корельскому, отправлял товар и в низовые города, и в Москву, держал в Нижнем-Новгороде винокурню, как для своей «нужи», так и для «низового промыслу»; за

---

[1]) Введенский. Торговый дом XVI—XVII ст. 1924. Стр. 92 сл., 110, 126, 151, 160 сл. См. его же. Аника Строганов в Сборн., посв. Платонову. 1922. Штаден, 63.

[2]) См. Hacluyt. I, p. 575 сл. и выше, стр. 282.

[3]) Введенский. 97 сл. 141 сл.

[4]) Из отписок различных приказов о соляном таможенном сборе со Строгановской торговли по разным городам 1650—73 г.г. Введенский в Памятн. соц.-экон. ист., 125 сл. См. также выше, стр. 229.

1621 г. с него значилось в нижегородской таможне пошлин с его товаров 15 руб., да с «запастных» судов его же вместе с другим посадским человеком из «лучших» (Федор Козлов) 95 руб. Этот же Яким Патокин, вместе с упомянутым выше Василием Шориным, одолжил известному солепромышленнику Ивану Строганову 3 тыс. руб., купил у него 100 тыс. пудов соли и торговал часть его вотчины, давая ему 30 тыс. руб. Ивал Ушаков владел, кроме двух дворов в Москве, вотчиной в 22 двора с винным заводом, усадьбами в Иркутском и Енисейском уездах, 10 лавками в рядах в Енисейске и 6 лавками в Иркутске, следовательно, распространял свою деятельность далеко за пределы Москвы. Еще шире она была поставлена у кадашевца Фролки Меркурьева Реброва. Последний имел в Москве в различных рядах 4 лавки и каменный погреб, но, главным образом, капитал его был помещен в откупах кабацких и таможенных. Так, на откупу он держал в Переяславле-Рязанском кабак (откупу 1919 руб.), в Торопце кабак (679 р.), в Можайске и Вязьме тамгу, кабак, сусло, квас, гостиный двор и печатные пошлины (в Можайске 1.374 р., в Вязьме 2.000 руб.), в Валуйке таможенные и кабацкие деньги, в Туле мельницу. Таким образом, по одним откупам ему приходилось внести 85.000 руб. на деньги конца XIX века. Но и это было, повидимому, далеко не все. При обложении его выяснилось, что он ручался по таможенным откупам в Солигалицке и Чухломе, т.-е. был, повидимому, участником в других откупах, но выяснить это не удалось, потому что «откупщики товарыщей своих в откупех с собой не пишут, а крепятца откупщики с товарищи меж собою складными записми».

Московские купцы вообще старались захватить в свои руки доходные статьи в провинциальных городах, расширяя свои операции далеко за пределами Москвы. Так, в течение целой четверти века (1651—1676), за которую можно проследить по г. Саратову доходные статьи, именно откупа и рыбные ловли, они почти исключительно находятся в руках московских кадашевцев или торговых людей гостинной и суконной сотен, которым здесь принадлежат рыбные ловли, кабацкое питье, торговые бани, квас, уксус, сусло, морс, проруби и портомойни, перевозы. Из росписи доходных статей 1701 г., ведавшихся в Приказе Большого Прихода, также оказывается, что эти дворцовые статьи, главным образом, рыбные промыслы в Поволжьи, опять таки сданы почти исключительно на откуп торговым людям. В эти вновь колонизуемые местности на Волге, как и на север, направлялся московский торговый капитал, захватывая в свои руки рыбные и соляные промыслы, откупа, производя и кредитные операции, в особ. на севере [1]).

---

[1]) Писц. кн. по Нижн.-Новг. Ст. 212, 243, 250, 263, 270. 277, 294, 295, 324. Действ. Нижегор. уч. арх. ком. VIII. 318 сл. Сташевский. VI. 270 — 71. V. 111. Его же. Очерки по ист. Михаила Феодоров. Прил. I. Вехоцерковский. 115. Вулих. 85. Довнар-Запольский. 28. См. Богословский. II. 160—61. О многочисленности откупов см. также выше, стр. 423.

Таким образом, торговля оптовая и розничная, внутренняя и внешняя (частью связанная с насилием, как приобретение пушнины в Сибири), займы, соляные и рыбные промыслы (многочисленные) откупа, в особ., таможен и кабаков, поставки в казну — вот те главные источники, которые создают капитал в XVI—XVII ст., не считая, конечно, различных видов нелегальной наживы, в особ. со стороны воевод, дьяков и других лиц администрации. К этому лишь отчасти присоединяются в эпоху первоначального накопления немногие промышленные предприятия, учреждаемые преимущественно иностранцами, а также земельная рента (капиталисты того времени были в то же время и землевладельцами, в частности приобретали путем кредитных операций отдаваемые в залог земли), извлекаемая, в особ., монастырями из своих многолюдных слободок, где дворы и лавки сдавались в оброк торговцам и ремесленникам. Накопление происходило в руках как русских, так и иностранных купцов, казны, монастырей. Однако, из этих четырех групп капиталистов только первая имела реальное значение для дальнейшего развития русского народного хозяйства. Иностранцы, поскольку они не оседали прочно и не национализировались, отвозили или отсылали нажитое ими заграницу, доходы государства от промыслов и торговых операций, в особ., заповедными товарами, тратились на военные нужды и иные непроизводительные цели, монастыри, накопляя крупные суммы от торговли хлебом, солью и рыбой, от соляных варниц и рыбных промыслов, от ссудного роста, широко практикуемого, обращали их в земли или в предметы церковной утвари и благолепия (поскольку эти предметы не получались в виде вкладов), много монастырских сумм расхищалось (напр., у Троицко-Сергиевской лавры патриархом Никоном), цари делали оттуда позаимствования, никогда не возвращаемые ими, наконец, в XVIII в. последовала секуляризация их имуществ.

Только прибыли, которые наживались русскими торговыми людьми в откупах и подрядах, в пушных и солеваренных промыслах, в торговле хлебом и иными произведениями внутри страны, юфтью, мехами и т. д. заграницу, иностранными предметами роскоши, персидским шелком, действительно, явились тем фондом, на котором в значительной мере строилась торговля и новая промышленность XVIII века.

Нельзя отрицать, конечно, того, что и у нас, как видно из приведенных данных, капитал и в области торговли играл в XVII ст. известную роль. Расширение рынка и переход к денежному хозяйству подготовили для него некоторое поле деятельности. Но все же нам думается, что указанные выше факты, как и другие, встречающиеся в книге, свидетельствуют о том, что наибольшее значение он приобрел в других

областях, в тех, которые в то время именовались «промыслами». Это не были ни ремесла, ни предприятия мануфактурного типа, это были отрасли хозяйства, относившиеся не к обрабатывающей, а к добывающей промышленности. Мы имеем в виду, прежде всего, соляной, рыболовный и звероловный промыслы, которые более всего привлекали капитал, а к ним присоединяются откупа кабацкие, таможенные, как и многочисленных других казенных статей.

В этом отношении мы, следовательно, находим различие между Западом и Россией в рассматриваемую эпоху, хотя и различие не принципиальное, а обусловливающееся более медленным темпом развития у нас и наличностью таких отраслей хозяйства, которые в эту эпоху на Западе не имели сколько-нибудь существенного значения. Первые шаги в области капитализма, правда, как мы видим, сделаны были уже и у нас, но у нас не имелось еще тех институтов, которые мы в эту эпоху наблюдаем в Западной Европе и притом не только в передовых в хозяйственном отношении странах того времени, но и в таких, сравнительно отсталых в то время в экономическом отношении, государствах, как Австрия, Пруссия и прочие германские государства. И в последних уже существовал вексель и вексельные операции, имелись банкиры, хотя они и соединяли с этим промыслом нередко и товарную торговлю, заключались государственные займы, существовали зачатки биржи. Неудивительно, что торговля там была проникнута более капиталистическим духом, чем в Московском государстве в том же XVII веке.

Не менее велико было значение в этих странах,—мы не говорим уже об Англии или Нидерландах,—кустарной промышленности, т.-е. той ранней формы капиталистической промышленности, при которой предприниматель выполняет еще только коммерческие, но не промышленные функции, но где все же имеет место зависимость кустаря от торговца, труда от капитала. Предположение о том, что и у нас в деревнях появляется уже в это время кустарничество, трудно было бы подтвердить фактами. Единственной областью, где это, вероятно, имело место, было производство юфти, которая вывозилась заграницу и доставлялась иностранцам, по всей вероятности, скупщиками, приобретавшими ее у производителей; другие промышленные изделия—как мы видели—вывозились в весьма ограниченном количестве. Что же касается сбыта внутри страны, то здесь производители могли прекрасно обойтись без скупщиков, непосредственно доставляя свои изделия в города, на местные рынки, на ярмарки. Читаем же мы в писцовых книгах и в других источниках о мастерах, которые свои изделия в отвоз возят («делает уклад и железо в своих кузницах и в отвоз посылает со своими детми»), подобно тому, как

сельскохозяйственные продукты доставлялись нередко самими же крестьянами или монастырями, которые их везли нередко—как мы видели—на большие расстояния. При таких условиях, ни в каком скупщике-капиталисте надобности не было и не могло быть. Товарообмен происходил в этих случаях без посредника.

На рост торгового капитала, отчасти проникающего и в промышленность, указывает в особ. Н. А. Рожков. Осторожнее высказываются другие авторы—В. Г. Плеханов, П. И. Ляпченко, М. Н. Покровский. Последний обращает внимание на то, что «внутренняя, а отчасти даже и заграничная торговля носила еще ремесленный характер, почти такой, какой она носила в Руси Киевской», а в другом месте прибавляет, что «от такой чисто ремесленной и типично средневековой формы торговли еще очень далеко до торгового капитализма». Однако постепенное появление капитализма и М. Н. Покровский признает—«были капиталы, хотя отчасти и иностранные, был внутренний рынок, были свободные рабочие руки». Все это потверждается приведенными выше данными относительно капиталов, рынка, наемного труда [1]).

---

[1]) Рожков. IV. 1. Стр. 25, 29, 32, 39. Покровский. Рус. Ист. II. 221—22, 224—25, 266. См. выше, стр. 6.

437

ГУК КПК
"Московская Правда"
Фонд-1999 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Период третий. Московское государство (XVI—XVII ст.)

Источники . . . . . 3—5

Общий характер эпохи. Различные взгляды . . . . . 5—7

Глава первая. Территория, население, колонизация . . . . . 7—27

Литература 7

Расширение территории. Попытки определить численность населения. Запустение Новгородской области и Вел. Новгорода. Запустение центрального района. Колонизация севера, востока, Сибири. Продвижение населения на юг и заселение «дикого поля». Смута и произведенные ею опустошения. Уезды и города. Центр, север и юг. Разорения после смуты. Постепенное возрождение хозяйства. Продолжение колонизации севера и «дикого поля».

Глава вторая. Сельское хозяйство . . . . . 28—44

Литература 28

Система земледелия. Наезжая пашня; различные взгляды. Изменения в системе хозяйства XVI—XVII ст. Удобрение полей. Разводимые хлеба. Садоводство и огородничество. Земледельческие орудия. Скотоводство. Влияние Запада. Урожайность.

Глава третья. Землевладение . . . . . 45—84

Литература . . . . . 45—46

Исчезновение черных земель во многих районах. Черные земли на севере.—Дворцовые земли и их распределение между служилыми людьми.—Расширение земель духовенства. Борьба с ним. Нестяжатели. Указы 1551, 1562, 1573, 1580 г.г. и результаты их; обходы и нарушения их. Политика XVII ст. Захват крестьянских земель монастырями. Замедление в росте монастырских земель. Борьба с тарханами и результаты ее. — Поместное землевладение, рост его в различных районах. Поместье и бенефиций. Испомещение. Оклады и дачи. Сближение поместья с вотчиной. Запустение Новгородской области и центра и связь его с распространением поместий. Причины отсталости хозяйства в последних. Различные взгляды. Анализ фактов и выводы. Положение мелкопоместных дворян.—Своеземцы. Различные взгляды. Характерные черты своеземцев.

стр.

Глава четвертая. Крестьяне и прикрепление их. Бобыли. Холопы. . . . . 84—147

Литература, ... 84—85

I. Крестьянские повинности и платежи. Порядные. Оброки и изделье по писцовым книгам, порядным и другим источникам. Замена натуральных оброков денежными. Альтернативный характер оброка и барщины и одновременное существование их. Вольнонаемный труд в вотчинах. Расширение барской запашки. Сокращение крестьянской пашни . . . . . 85—99

II. Бобыли. Различные взгляды. Фактические данные. 99—103

III. Прикрепление крестьян. Несвободное состояние крестьян до прикрепления. Ограничения перехода. Институт старожильства. Задолженность крестьян; различные взгляды. Перевод крестьян. Заповедные лета. Указ 1597 г. и различные мнения по поводу него. Существовал ли акт о прикреплении крестья? Указы царя Бориса. Подвижность населения. Борьба из за крестьян. Боярщина и поместное дворянство. Урочные лета. Экономические причины прикрепления; различные объяснения . . . . . 104—139

IV. Холопы. Холопство полное. Холопство докладное; различные мнения. Холопство кабальное и изменения в нем. Холопы как рабочая сила. Сближение крестьян и холопов. Задворные и деловые люди; различные объяснения. . . . . 139—147

Глава пятая. Крестьянская община . . . . . 147—168

Литература . . . . . 147—148

Вольный захват при заселении Евр. России и в Сибири при первоначальной колонизации ее. Можно ли говорить о частной собственности в эту эпоху? В каком смысле существует община в это время? Роль ее в качестве земельной единицы. Аналогия между Сибирью XIX ст. и Евр. Россией XV—XVI ст. Ограничения захвата земель в Сибири, отводы, частные переделы, общие периодические переделы. Переделы в Евр. России в XVI—XVII ст.—Спор о существовании крестьянской общины; как появились переделы? Два направления. Роль государства в насаждении уравнительной общины. Значение фискального момента.

Глава шестая. Города и городское население. 168—191

Литература 168

Возникновение городов. Численность городского населения. Торговля и промыслы в городах, участие в них служивых людей. Сельскохозяйственная деятельность посадских людей. Торговля и промыслы в деревнях. Слободы и их включение в посады. Борьба с закладчиками. Кто были дворники? Различные мнения. Соседи, подсуседники, захребетники, подворники. Их деятельность. Привлечение к тяглу всех занимающихся торговлей и промыслами и сыск посадских тяглецов.

Глава седьмая. Промыслы в городе и деревне. 191—223

I. Городские ремесла. Распределение их в XVI ст. по группам и специальностям. — Распределение ремесленников в Москве в XVII ст.—Разделение труда. Промыслы в деревнях. Производство для широкого рынка, вывоз заграницу.— Промыслы в вотчинах. Монастырские слободки; население, работающее для монастыря и для рынка . . . . . 191—210

стр.

II. Формы ремесла, работающего на монастырь. Различные отрасли производства. Закупка сырья и готовых изделий. Данные приходо-расходных книг Дорогобужского Болдина монастыря. Записи других монастырей. Оплата ремесленников в денежной форме . . . . . 210—223

Глава восьмая. Солеварение, рыболовство, пушное и поташное производство . . . . . 224—243

Литература 224

Солеварение и рыболовство на севере. Деятельность промысел, монастырей; капиталистический характер ее. Вытеснение мелких промышленников. — Соляные промыслы Строгановых. Соляные варницы в других местностях. Долевое владение и концентрация промыслов. — Леса. Мед и воск. — Меха. Пушные промыслы в Сибири, их характер и значение.—Производство поташа.

Глава девятая. Иностранцы и новая промышленность . . . . . 2[illegible]—260

Литература . . . . . 24[illegible]

Вызов иностранцев в Россию. Отыскивание серебряной, железной и медной руд. Результаты. Участие русских «изветчиков». — Железные заводы иностранцев и казны. Рабочая сила.--Производство стекла, бумаги, сукна, шелковых тканей.

Глава десятая. Вольнонаемный труд . . . . . 260—271

Литература 260

Наемный труд в сельском хозяйстве, в ремесле, в крупном производстве. Люди, лишенные средств производства, делающие «черное дело». Строительные артели; подрядчики и работники. Патриархальные взаимоотношения и стремление прикрепить наемников.

Глава одиннадцатая. Торговля с иностранными государствами . . . . . 271—299

Литература 271

I. Английская компания в России и ее привилегии. Появление голландцев. Борьба англичан за монополию. Борьба русского купечества с привилегиями англичан и отмена их. Усиление голландцев. Причины этого. . . . 271—291

II. Об'екты привоза и вывоза. Торговая книга. Савари. Привоз товаров для царя. Хлеб . . . . . 291—299

Глава двенадцатая. Переход к денежному и товарному хозяйству, торговые города и расширение внутреннего рынка . . . . . 299—332

Литература 299

I. Связь денежных оброков и податей со сбытом крестьянских продуктов. — Вотчинное хозяйство и рынок. Закупка товаров и сбыт своих произведений монастырями и светскими вотчинниками. Роль рынка. — Связь между отдельными районами, между севером и центром. Торговля солью рыбой, хлебом между различными областями . . . . . 299—311

II. Торговые города. Архангельск, Москва и города на пути между ними (Холмогоры, Устюг, Сольвычегодск, Тотьма, Вологда, Ярославль). Верховые города (Кострома, Нижний Новгород, Казань) и Астрахань. Замосковные

СТР.

города. Города Новгородско-Псковской области. Города от Литовской украины (Смоленск, Вязьма, Торопец). Города по Сибирскому пути и в Сибири. . . . . 311—327
III. Торжки.—Ярмарки. . . . . 327—332

Глава тринадцатая. Характер и формы торговли. 332—374

I. Обилие лавок в Москве и других городах. Мелкие размеры лавок. Любовь русских к торговле; обманы. Торговые ряды. Отсутствие разделения труда в торговле. Участие в торговле всех сословий. Торговля крестьян. Торговля духовенства. Торговля царя. Царские гости. . . . . 332—354
II. Розничная торговля иностранцев. Торговля их между собою и с иногородними. Торговля иностранцев внутри страны. Гостиные дворы для иностранцев и иногородних. Торговые подворья иностранцев. Иноземские слободы. — Таможенные пошлины.—Стеснения торговли.—Путн.—Почта. 354—374

Глава четырнадцатая. Денежное обращение и кредит. . . . . 374—399
Литература 374
I. Введение единой монеты. Московский и новгородский счет. Денежный двор. Понижение веса деньги. Медная монета . . . . . 374—380
II. Кредит потребительный и кредит торговый. Монастыри в роли банков. Вклады, их виды. Работа на монастырь взамен вклада. Кредитные операции. Правеж. Залог земель. Формы кабал. Рост. . . . . 380—399

Глава пятнадцатая. Финансы. . . . . 399—425
Литература 399
Первоначальное хозяйство князя. Дани. Чрезвычайный и целевой характер податей. Превращение натуральных повинностей в денежные сборы. Новые подати в XVII ст., их денежный характер. Обжа. Соха. Разруб податей. Характер тягла. Сошное письмо, живущая четь, подворный оклад. — Чрезвычайные пятинные и иные сборы.—Царский кабак. Корчемство. Пьянство.—Прямые и косвенные налоги. Откупа. — Фискальный момент в истории Моск. госуд.

Глава шестнадцатая. Начала капитализма. . . 425—436
Слабая дифференциация хозяйственной деятельности. Денежное и товарное хозяйство. Капиталисты. Характер первоначального накопления. В каких отраслях появляется капитал?

ЦУНБ
им. Н.А. Некрасова
2 000006 550910